

Фонд «Историческая память»

Владимир Макарчук

Государственно-территориальный  
статус западно-украинских земель  
в период Второй мировой войны

Историко-правовое исследование

Москва  
2010

УДК 94 (477.8)“1939/45”

ББК 63.3(4 Укр)62

М 15

М 15 **Макарчук В. С.** Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны: Историко-правовое исследование / Пер. с укр. Образец В. С. Фонд «Историческая память». – М., 2010. – 520 с.

Современная граница Украины, Белоруссии и Литвы с Республикой Польша складывалась в непростых исторических условиях Второй мировой войны. До сих пор трактовка событий 1939–1945 гг. является предметом ожесточенных споров историков и правоведов, создает почву для политических спекуляций.

В книге, которую вы держите в руках на основе системного анализа международно-правовых документов, архивных источников, историко-правовой и исторической литературы определен государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны, а также правомерность его изменения с точки зрения норм международного права того времени.

УДК 94 (477.8)“1939/45”

ББК 63.3(4 Укр)62

ISBN 978-5-9990-0009-5

© Макарчук В. С., текст, 2010

© Фонд «Историческая память», 2010

# СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ .....	6
РАЗДЕЛ 1	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ПРАВОВОГО СТАТУСА ЗАПАДНО-УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ...	11
1.1. Аргументы советской и украинской постсоветской историко-правовых школ в отношении права украинского народа на воссоединение, закономерность воссоединения .....	13
1.2. Правовые вопросы государственной независимости западно-украинских земель в оценках польских ученых. Современная официальная позиция Правительства РП и польских органов юстиции .....	46
1.3. Англо-американская историография о политике Великих Держав в западно-украинском вопросе 1939-1945 гг. ....	72
1.4. Методологические основы определения государственно- территориального статуса западно-украинских земель (период Второй мировой войны 1939-1945 гг.) .....	90
Выводы к разделу 1 .....	116
РАЗДЕЛ 2	
ПРАВОВОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ ВХОЖДЕНИЯ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ В СССР И ЕГО ОЦЕНКА ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ГОСУДАРСТВ (АВГУСТ 1939 – ИЮНЬ 1941 гг.) .....	121
2.1. Проблема границ Второй Речи Посполитой (1918-1939 гг.): аспекты международного права и европейской безопасности. Легальные возможности и допустимые средства ревизии межгосударственных границ в межвоенной Европе .....	121

2.2. Советско-германский «сговор» 23 августа 1939 г. и Освободительный поход Красной Армии 17 сентября 1939 г. в свете доктрины интерtempорального права и обычного права на «самопомощь» .....	151
2.3. К вопросу о легитимности Народного Собрания Западной Украины. Попытки эмигрантского правительства Польши отрицать международно- правовое значение западно-украинского и западно- белорусского плебисцитов. ....	186
Выводы к разделу 2 .....	228
<b>РАЗДЕЛ 3</b>	
ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В ВОПРОСЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ (ИЮНЬ 1941 – ДЕКАБРЬ 1943 гг.) .....	233
3.1. Советско-польские соглашения 1941-1943 гг. о военно- политическом сотрудничестве и влияние западно- украинского вопроса на ход переговоров между государствами .....	235
3.2. Смена военно-политической ситуации после нападения фашистской Германии на СССР и влияние данных изменений на международно-правовые подходы к вопросу о государственно-территориальном статусе Западной Украины. ....	266
3.3. Международные соглашения Союза ССР с государствами-участниками Атлантической хартии в контексте вопроса послевоенных советских границ.....	286
Выводы к разделу 3 .....	322

## РАЗДЕЛ 4

ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ СОБОРНОСТИ УКРАИНСКОЙ ССР НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ .....	331
4.1. Влияние западных участников антигитлеровской коалиции на советско-польские международно- правовые отношения и соглашения .....	331
4.2. Политика де-факто в международно-правовой практике Советского Союза на заключительном этапе войны и западно-украинский вопрос .....	356
4.3. Правовое закрепление воссоединения Западной Украины с УССР в документах ООН, международных конференций государств-победителей и двусторонних советско-польских соглашениях .....	373
4.4. Расширение статуса союзных республик, вхождение Украинской ССР в состав государств- основателей ООН и проблемы западной границы СССР ..	409
Выводы к разделу 4 .....	441
ВЫВОДЫ .....	439
ПРИЛОЖЕНИЕ .....	449

## ВВЕДЕНИЕ

Правовое закрепление границ Союза ССР с Польшей стало составляющим элементом установления границ современного украинского государства. Граница Украины на ее отрезке с Республикой Польша (РП) складывалась в непростых исторических условиях Второй мировой войны. Это обстоятельство ощутимо повлияло на польско-украинские отношения, чем и пытаются пользоваться определенные политические силы обеих стран. Так весной 2005 г. депутаты Европарламента от польской Партии права и справедливости предложили резолюцию, которая фактически отменяет установленную в 1945 г. восточную границу Польши. Они настаивали на том, что решение Ялтинской конференции не отвечает современным реалиям. В работах отдельных украинских авторов, наоборот, звучат укоры в адрес советской внешней политики за ее, якобы, пренебрежение интересами украинцев и «оставление польской стороне» этнически украинских земель. Так, актуальность данной монографии обусловлена необходимостью дать ретроспективу правомерности установления существующих границ Украины, и тем самым положить конец околонаучным спекуляциям на эту тему.

Укажем также на то, что борьба за международно-правовое признание новой западной границы СССР в 1939–1945 гг. служит примером дипломатии государства, решившего широкий круг непростых задач, несмотря на международную изоляцию, в которой оно оказалось после социалистической революции. Тщательный анализ этого опыта видится не лишним для молодой украинской дипломатии – как ввиду его общеприкладного значения, так и для понимания принципов и методов деятельности внешнеполитического ведомства Российской Федерации, а также реальных возможностей этой великой державы в современном мире.

Долгое время научная школа Украинской ССР настойчиво изучала и предлагала те преимущества, которые получал украинский народ от сотрудничества с «братьским российским народом» и от сделанного в 1917–1920 гг. «социалистического выбора». Сегодня же мы видим усилия дискредитировать, как «достижения социализма», так и итоги совместного исторического пути украинцев и россиян до 1991 г. включительно. Автор придерживается той мысли, что постижение соборности современного украинского государства

в исторических условиях XX в. является задачей, невозможной для осуществления силами самого только украинского народа. Вместе с тем необходимо осознавать, что современные границы Украины – это не прихоть истории, а результат тех роли и места, которые Украинская ССР играла в Союзе СССР, а также тех жертв, которые украинский народ принес на алтарь совместной победы над нацизмом.

Новейшие отношения независимой Украины с Республикой Польша отмечаются добрососедством и сотрудничеством. Сегодня не существует сколько-нибудь реальной опасности выдвижения территориальных претензий со стороны западного соседа. Однако отсутствие территориального спора между двумя странами не означает, что историко-правовая оценка событий 1939–1945 гг. потеряла свою актуальность. Вполне возможным видится сценарий, при котором бывшие польские граждане и их потомки начнут выдвигать иски о возвращении и компенсации собственности, потерянной после сентября 1939 г., а также о возмещении морального ущерба от арестов и депортаций.

В конце концов, 22 июня 2004 г. уже случилось событие, которое, по нашему мнению, может иметь негативное влияние на современные украинско-польские отношения. Европейский суд по правам человека удовлетворил иск 60-тилетнего гражданина Польши Ежи Броневского правительству РП о компенсации потерянного во Львове имущества, оцененного истцом в 85 тыс. евро. Польское правительство было буквально шокировано таким решением, поскольку, по его оценкам, этот прецедент даст возможности выставить похожие претензии приблизительно 80 тыс. поляков.

В силу подобных рефлексий важно установить, насколько мотивированным было вступление Красной Армии на территорию Польши в сентябре 1939 г., можно ли считать легитимными (с точки зрения требований международного права) Народные Собрания Западной Украины и принятые ими решения, а если так, то к гражданам какой страны в период с конца 1939 по 1945 гг. следует относить пострадавших лиц польской и еврейской национальности. (30 ноября 1939 г. все население Западной Украины и Западной Белоруссии де-юре получило советское гражданство, т.е. тема не является чисто теоретической и может перейти в практическую плоскость.) Эти и многие другие вопросы теоретического и практико-прикладного характера актуализируют проблему.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе системного анализа международно-правовых документов, архивных источников, историко-правовой и исторической литературы определить государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны, правомерность его изменения с точки зрения норм международного права того времени.

## РАЗДЕЛ 1

### Методологические проблемы анализа правового статуса западно-украинских земель



## РАЗДЕЛ 1

### Методологические проблемы анализа правового статуса западно-украинских земель

Вопросы методологии научных исследований в сфере международных отношений и международного права достаточно рассмотрены в специальной литературе.

Принято считать, что в отличие от естественных дисциплин, в сфере дисциплин общественных результаты научных исследований и выводы представителей разных научных или даже одной научной школы могут существенно расходиться. Наука международного права не является исключением.

*«Все государства мира признают международное право, – писал известный знаток международных отношений и международного права, профессор Венского университета А. Фердресс. – Но его принципы истолковываются весьма различно, когда это явствует из различных интерпретаций таких слов, как “демократия”, “самоопределение” “права человека”, “война агрессивная”, “война оборонительная”».<sup>1</sup>*

Если на уровне взаимоотношений субъектов международного права наблюдаются существенные разногласия в подходах и оценках, то само собой разумеется, что и специалисты в области науки международного права (как и каждой естественной или общественной дисциплины) не могут раз и навсегда прийти к единому мнению по всем вопросам.

Многое зависит от личности исследователя, его политических взглядов и национальной принадлежности.

*«В процессе наблюдения, – пишет польский знаток международного права Ю. Кукулка, – большую роль игра-*

---

<sup>1</sup> Фердресс А. Международное право / Пер. с нем. М.: Иностранный язык, 1959. С. 65.

ют субъективные факторы. К ним относим прежде всего активность наблюдателя, целенаправленность наблюдения, селективность наблюдения, способности наблюдателя и его убеждения, сложившиеся до начала наблюдения, приверженность наблюдателя к определенным идеям или научным школам и т.д. Все они приводят к тому, что одни и те же международные события и явления поразному представляются различным наблюдателям. На это необходимо обратить внимание, тем более что в международных отношениях исследователь зачастую является вторичным наблюдателем и использует средства наблюдения, уже деформированные субъективными элементами первичных наблюдателей (дипломатов, штабных работников, статистов и других). Так что, возникает опасность двойной или тройной субъективной деформации».<sup>2</sup>

Понятно, что историко-правовая канва объединения западно-украинских земель с точки зрения различных по своим политическим, национальным и другим убеждениям научных наблюдателей существенно отличается.

Не считая отдельных случаев, можно выделить четыре основных методологических подхода, четыре так называемые школы в более широком понимании этого слова: украинские националисты-государственники, польские националисты-государственники, представители научных школ западных демократических стран и – какrudимент на сегодня – советская и постсоветская научная школа.

Разница между этими школами заключается не только в противоречивых политических оценках событий, но и в отношении представителей одной школы к достоверности научных источников, использованных представителями другой школы, а также к результатам труда своих научных оппонентов.

<sup>2</sup> Кукулка Ю. Проблемы теории международных отношений / Пер. с польск. М.: Прогресс, 1980. С. 58.

## 1.1. Аргументы советской и украинской постсоветской историко-правовых школ в отношении права украинского народа на воссоединение, закономерность воссоединения

Обоснование справедливости и «исторического значения» воссоединения в советской литературе началось еще в первые недели и месяцы после так называемого Освободительного похода.<sup>3</sup>

В этой, пропагандистской по своей сути, литературе подчас находим важную информацию. Так, в брошюре «Как это было: эпизоды героического освобождения Западной Украины» участники событий вспоминали, что комиссар их объединения, тов. Крайнюков, ночью «с радостной улыбкой сообщил о решении Советского правительства перейти границу и освободить» братьев-украинцев Западной Украины. Весь следующий день бойцы митинговали.

*«В 22 часа был дан отбой, но никто не мог уснуть. (...) Ровно в 7 часов утра отважные кавалеристы (...) во взаимодействии с танковыми частями перешли границу».*<sup>4</sup>

Как известно, немецкого посла Шуленбурга вызвали в Кремль, чтобы сообщить о начале Освободительного похода в 2 часа ночи 17 сентября, польского посла – в 3 часа. Оказывается, предутренний цейтнот был вполне продуманным ходом советской дипломатии, поскольку Красная Армия уже сутки как готовилась к выступлению.

После 1945 г. научная база стала более серьезной. Этому в полной мере способствовали первые публикации подобранных документов.<sup>5</sup> Образ поляка-угнетателя украинцев, присущий пропаганде

<sup>3</sup> См., напр.: **Марочкин С. Ю.** Применение в СССР норм международных договоров (к разработке проблемы) // Проблемы реализации норм международного права: Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Свердловский юридический институт им. Р. А. Руденко, 1989. С. 4–11; **Дашкевич Ю.** Наши единокровные братья. М.: Молодая гвардия, 1939. 31 с.; **Миронович М.** Нове життя. Київ: Держполітвидав при РНК УРСР, 1940. 64 с.; **Бриль М.** Освобождennia Западна Україна. М.: Політиздат при ЦК ВКП(б), 1940. 31 с.; Ялтинская конференция 1945. Уроки истории: Материалы симпозиума (Ялта, 6–7 февр. 1985 г.). М.: Наука, 1985. 192 с. и др.

<sup>4</sup> Ялтинская конференция 1945. Уроки истории: Материалы симпозиума (Ялта, 6–7 февр. 1985 г.). М.: Наука, 1985. С. 10.

<sup>5</sup> См., напр.: Воз'єднання українського народу в єдиній Українській Радянській державі. 1939–1949 pp.: 36. документів та матеріалів. Київ: Держполітвидав, 1949. 212 с.; Воссоединение украинского народа в едином Украинском Советском государстве (1939–1949 гг.): Сб.

1939–1941 гг., отошел в прошлое, зато подверглись острой критике правительственные круги и буржуазные политические партии межвоенной Польши, а также лондонское правительство в эмиграции. Это объяснялось потребностью создания так называемого социалистического лагеря, в который входила и Польская Народная Республика. Далее оставались неизменными оценки событий как «торжества исторической справедливости», также утверждалось, что в 1939–1945 гг. процесс воссоединения всех украинских земель в составе единого советского социалистического государства был «окончательно завершен».

Советская наука также пыталась обосновать весьма сомнительный тезис, что народы, особенно «трудящиеся», соседних стран<sup>6</sup> радостно приветствовали украинское воссоединение. Примером подобных подходов могут служить труды С. Белоусова, Г. Деборина, Л. Зубка, И. Ивашина, В. Стефаника, В. Фомина<sup>7</sup> и ряда других авторов.

Следующий этап в историографии воссоединения и его международно-правовой оценки начался с XX съезда КПСС (1956 г.) и продолжался до середины 80-х. Во второй половине 60-х гг. расширился поиск сюжетов, а также источниковая база исследований.

документов и материалов. Київ: Госполитиздат України, 1949. 221 с. + 2 портр.; Боротьба за возз'єднання Західної України з Українською РСР. 1917–1939: 36. документів та матеріалів / Ін-т історії партій при ЦК Компартії України – філіал ін-ту м.-л. при ЦК КПРС: Ред. кол. Д. А. Яремчук (відп. ред.) та ін. Київ: Наукова думка, 1979. 558 с.; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943. М.: Госполитиздат, 1946. 803 с.; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 2. 1 января 1944 – 31 декабря 1944. М.: Госполитиздат, 1946. 687 с.; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 3. 1 января 1945 – 3 сентября 1945. М.: Госполитиздат, 1947. 791 с.; Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Т. IV (1935 – июнь 1941 гг.) / Отв. ред. С. А. Лозовский. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1946. 647 с.; Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Т. V (июнь 1941 – сент. 1945 гг.) / Отв. ред. С. А. Лозовский. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1947. 836 с., и др.

<sup>6</sup> То есть Польши, Чехословакии и Венгрии.

<sup>7</sup> **Белоусов С. М.** Возз'єднання українського народу в єдиній Українській Радянській державі. Київ: АН УРСР, 1951. 166 с.; **Деборин Г. А.** Международные отношения и внешняя политика СССР (сент. 1939 – май 1941 гг.). М.: Типография ВПШ при ЦК ВКП(б), 1947. 75 с.; **Зубок Л. М.** Политический кризис в Европе (январь–август 1939). Первый этап мировой войны (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.). М.: Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б), 1945. 159 с.; **Ивашин И. Ф.** Начало Второй мировой войны и внешняя политика СССР (сентябрь 1939 г. июнь 1941 г.). М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1951. 40 с.; **Стефаник С.** Возз'єднання всіх українських земель в єдиній Українській Радянській державі. Київ: Держполітвидав УРСР, 1954. 64 с.; **Фомин В. Т.** Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М.: Госполитиздат, 1952. 180 с.

Политическим ориентиром для советских ученых служила официальная позиция, изложенная в многотомной «Истории СССР»,<sup>8</sup> «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза»,<sup>9</sup> «Истории Украинской ССР»,<sup>10</sup> «Истории международных отношений и внешней политики СССР».<sup>11</sup>

Лейтмотивом публикаций служила «нависшая угроза фашистского порабощения» Западной Украины и Западной Белоруссии, невозможность для СССР «оставаться равнодушными к судьбе братских народов». Вступление Красной Армии якобы сопровождалось «восстаниями крестьян» и «рабочих», которые подавлялись «польскими офицерскими частями». Навстречу воинам-освободителям «выходили жители городов и сел, празднично одетые, с букетами живых цветов, с красными флагами». Одним словом:

*«День 17 сентября, когда начался освободительный поход Красной Армии, вошел в историю Западной Украины и Западной Белоруссии как всенародный праздник. Одновременно был освобожден от гитлеровских захватчиков и Вильнюсский край, переданный позже Советским правительством Литовской республике. (...) Трудящимся освобожденных земель была предоставлена возможность самостоятельно решать вопросы о характере государственной власти».<sup>12</sup>*

Привычным местом советской историографии стал миф о якобы полностью самостоятельном характере решения вопроса о вхожде-

<sup>8</sup> История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2-х сериях, 12 т. / Глав. ред. совет: Б. Н. Пономарев и др. Серия вторая. Т. IX. Построение социализма в СССР. 1933–1941 гг. М.: Наука, 1971. 552 с.

<sup>9</sup> История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 / Ред. комиссия: П. Н. Поспелов (предс.) и др.: В 6-ти т. М.: Воениздат, 1960–1965.

<sup>10</sup> Історія Української РСР: У вісім тт., десяти книгах. Т. 6. Українська РСР в період побудови і зміцнення соціалістичного суспільства (1921–1941). Київ: Наукова думка, 1977. 543 с.; Т. 7. Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу (1941–1945). Київ: Наукова думка, 1977. 535 с.; Каламкарян Р. А. Концепция господства права и требование о соблюдении государствами международных обязательств (вне зависимости от их возникновения) на основе принципа добросовестности // Государство и право. 1995. № 9. С. 80–89.

<sup>11</sup> История международных отношений и внешней политики СССР: В 3-х т. / Под общ. ред. В. Г. Трухановского. Т. 1: 1917–1939 гг. М.: Международные отношения, 1967. 440 с.; Т. 2: 1939–1945 гг. М.: Международные отношения, 1967. 375 с.; Т. 3: 1945–1967 гг. М.: Международные отношения, 1967. 511 с.

<sup>12</sup> История СССР с древнейших времен до наших дней... С. 446–449.

нии «освобожденных территорий» в СССР их населением. Этот тезис даже не ставился под сомнение.

Советская наука восхваляла сталинско-малотовскую внешнюю политику периода Второй мировой войны, даже привычная облегченная критика «культы личности» практически не прослеживалась в отношении данного конкретного промежутка времени.

Активные периоды работы ученых приходились на юбилейные даты – 30-, 40- и 50-летие воссоединения, т.е. в 1969, 1979 и 1989 гг. В качестве примера назовем работу 1968 г. «Торжество исторической справедливости».<sup>13</sup> С достаточно серьезной базой источников соседствовали обычные штампы советской научной школы: «Женщины, которые в панской Польше не избирались в высшие органы власти, были представлены в Народном собрании 251 депутатом».<sup>14</sup> Кем же тогда была известная деятель украинского женского движения межвоенного времени М. Рудницкая?

*«Нередко в красную гвардию и ревкомы пытались прорваться украинские и другие буржуазно-националистические элементы, пробовали создать свои органы. Такие попытки имели место в г. Луцке, в с. Цумани на Волине. Но эти вражеские происки были пресечены».*<sup>15</sup>

Упомянутая информация свидетельствует не столько о «происках» украинских националистов, сколько о том, что все «народные волеизъявления» с самого начала находились под плотной «опекой» Красной Армии и органов государственной безопасности СССР. Подсчитаем – Освободительный поход начался 17 сентября, Львов Красная Армия заняла 22-го, а 24-го «Правда» уже написала о раскрытии «заговорах». Комментируя отдельные статьи из еще одного юбилейного сборника «Навстречу воле»,<sup>16</sup> современный львовский историк О. Сухий с сарказмом отмечал:

<sup>13</sup> Торжество історичної справедливості. Закономірність возз'єднання західноукраїнських земель в єдиній Українській Радянській державі. Львів: Видавництво Львівського державного університету, 1968. 803 с.

<sup>14</sup> Там же. С. 583.

<sup>15</sup> Газ. «Правда», 24 січня 1939 р.; Торжество історичної справедливості... С. 574.

<sup>16</sup> Назустріч волі: До 40 річчя возз'єднання українських земель в єдиній Радянській соціалістичній державі: 36. наук.-іст. нарисів / Упор. М. К. Івасюта, А. П. Калиновський. Львів: Каменяр, 1979. 126 с.

*«Создается впечатление, что не Красная Армия привнесла новый порядок в Западную Украину, а какие-то революционные комитеты, которые были тут до ее прихода».<sup>17</sup>*

Среди интереснейших (в плане фактологического материала) работ советского периода назовем работы российских ученых Л. Иванова,<sup>18</sup> В. Исаэляна,<sup>19</sup> В. Парсадановой,<sup>20</sup> П. Севастьянова,<sup>21</sup> В. Сиполса,<sup>22</sup> В. Трухановского,<sup>23</sup> украинских авторов В. Ковала,<sup>24</sup>

<sup>17</sup> Сухий О. 1939 рік у висвітленні радянської історіографії // 1939 рік в історичній долі України і українців: Матеріали Міжнародної наукової конференції 23–24 вересня 1999 р. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2001. С. 32.

<sup>18</sup> Иванов Л. Н. Мюнхенская политика западных держав и роль СССР как действительного фактора мира (1937–1940 годы). М.: Знание, 1947. 24 с.; **Он же.** Очерки международных отношений в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.). М.: Издательство АН СССР, 1958. 275 с.

<sup>19</sup> Исаэльян В. Л. Антигитлеровская коалиция (1941–1945). Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1964. 608 с.; **Он же.** Дипломатическая история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Издательство Ин-та международных отношений, 1959. 367 с.; **Он же.** Дипломатия в годы войны (1941–1945). М.: Международные отношения, 1985. 477 с.

<sup>20</sup> Парсаданова В. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Наука, 1982. 280 с.

<sup>21</sup> Севастьянов П. П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны, сент. 1939 г. июнь 1941 г. М.: Политиздат, 1981. 367 с.

<sup>22</sup> Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1979. 320 с.; **Он же.** Защита Советским Союзом интересов Польши на Крымской конференции // Ялтинская конференция 1945. Уроки истории. М.: Наука, 1985. С. 84–92; **Он же.** СССР и проблемы мира и безопасности в Восточной Европе // СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933–1945 гг. М.: Наука, 1975. 328 с.; Сиполс В. Я., Чельщев И. А. Крымская конференция, 1945 год. М.: Международные отношения, 1984. 93 с.

<sup>23</sup> Трухановский В. Г. Антони Иден. Страницы английской дипломатии, 30–50-е гг. М.: Международные отношения, 1974. 422 с.; **Он же.** Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939–1945). М.: Наука, 1965. 638 с.; **Он же.** Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939). М.: Издательство ИМО, 1962. 411 с.; **Он же.** Уинстон Черчилль. М.: Международные отношения, 1982. 462 с.

<sup>24</sup> Коваль В. С. В роки фашистської навали (Україна в міжнародних відносинах у період Великої Вітчизняної війни). Київ: Держполітвидав України, 1963. 70 с.; **Он же.** Возз'єднання західноукраїнських земель і міжнародні відносини. 1939–1941. Київ: Наукова думка, 1979. 110 с.; **Он же.** Міжнародний імперіалізм і Україна. 1941–1945. Київ: Наукова думка, 1966. 268 с.; **Он же.** Они хотели украсть у нас победу. Очерк внешней политики США во Второй мировой войне (1939 – VI.1943). Київ: Наукова думка, 1964. 404 с.; **Он же.** США во Второй мировой войне: некоторые проблемы внешней политики 1939–1941. Київ: Наукова думка, 1975. 419 с.; Коваль М. В. Крымская конференция и участие Украинской ССР в решении вопросов послевоенного устройства мира // Ялтинская конференция 1945. Уроки истории. М.: Наука, 1985. С. 152–154.

И. Компанийца,<sup>25</sup> Е. Күц,<sup>26</sup> Ю. Сливки,<sup>27</sup> М. Швагуляка,<sup>28</sup> коллективную работу В. Сокуренка, В. Кульчицкого и др.<sup>29</sup>

Отличительной стороной советской науки был так называемый принцип «партийности». Аргументы противоположной стороны в лучшем случае во внимание не принимались, в худшем – их просто замалчивали.

В 1989 г. под эгидой АН УССР вышло издание, которое может считаться вершиной советских исследований в данной отрасли.<sup>30</sup> Авторы работы «Воссоединение западно-украинских земель с Советской Украиной» высказали ряд положений, которые на сегодня являются достаточно спорными. Например, утверждается, что «до 27.IX.1939 г. Красная Армия при активной поддержке местного населения завершила освобождение Западной Украины»,<sup>31</sup> «советское государство дало трудящимся западно-украинских земель право и возможность самостоятельно решать вопросы о характере государственной власти»,<sup>32</sup> а «демократический этап» продолжался с 17 сентября 1939 г. до 17 января 1940 г.»<sup>33</sup> и т.д. Вместе с тем ученые убедительно отстаивали тезис, что только Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии определяли вопрос государственной принадлежности западных украинских и западных белорусских земель.

Помимо работ академических авторов, существовал и пропагандистский ширпотреб, предназначенный не столько для полемики с западным миром, сколько для идеологической обработки собственного населения. Показательным в этом плане может считаться «находка» И. Коблякова:

<sup>25</sup> Компанієць І. І. Возз'єднання всіх українських земель в єдиній Українській Радянській державі. Київ: Знання, 1967. 48 с.

<sup>26</sup> Күц Е. Р. Борьба СССР за демократическое решение польского вопроса, 1941–1945. Київ: Наукова думка, 1984. 151 с.

<sup>27</sup> Сливка Ю. Ю. Західна Україна в реакційній політиці польської та української буржуазії (1920–1939). Київ: Наукова думка. 1985. 269 с.

<sup>28</sup> Швагуляк М. Н. Украина в экспансионистских планах германского фашизма (1933–1939 гг.). Київ: Наукова думка, 1982. 246 с.

<sup>29</sup> Социально-политическая закономерность и правовые основы воссоединения западно-украинских земель с Украинской ССР / В. Г. Сокуренко, Е. М. Орач, В. С. Кульчицкий и др.; Отв. ред. В. Г. Сокуренко. Львов: Издательство Львовского университета, 1963. 381 с.

<sup>30</sup> Возз'єднання західноукраїнських земель з Радянською Україною / Ю. Ю. Сливка, В. І. Масловський, М. М. Швагуляк та ін.; Відп. ред. Ю. Ю. Сливка; АН УРСР, Ін-т супр. наук. Київ: Наукова думка, 1989. 488 с.

<sup>31</sup> Возз'єднання західноукраїнських земель з Радянською Україною... С. 302.

<sup>32</sup> Там же. С. 303.

<sup>33</sup> Там же. С. 315.

«Приближение гитлеровской армии к западным границам СССР создавало угрозу жизненно важным центрам Советской страны. Правительство СССР не могло допустить и того, чтобы Западная Украина и Западная Белоруссия, искони веков являвшиеся территорией России (sic! – В.М.) и заселенные почти целиком украинцами и белорусами, попали в руки гитлеровцев и были бы использованы последними в качестве плацдарма для нападения на СССР, а их 13-миллионное население превратилось бы в рабов Третьего рейха. Чтобы не допустить этого, советское правительство отдало войскам приказ перейти границу и взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Попытки гитлеровцев захватить некоторую часть Западной Украины и Западной Белоруссии были сорваны быстрым продвижением Красной Армии. 1 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР принял закон об удовлетворении просьбы Народного Собрания Западной Украины о ее включении в состав Союза Советских Социалистических Республик».<sup>34</sup>

Как известно, Галиция, как часть Западной Украины в состав России не входила никогда, даже временно. Однако для массовой пропаганды в СССР в 70-х гг. годились и не такие натяжки.

Интересно, что в подобных научно-популярных публикациях авторы допускали трактовку и вольности, невозможные в серьезной научной литературе. Московский международник И. Максымчев, комментируя пакт Риббентропа-Молотова, в 1981 г. утверждал, что:

«Для Советского Союза вопрос стоял так: либо война сейчас – в максимально невыгодной военно-стратегической обстановке, без реальной помощи со стороны ненадежных союзников (а то и вовсе без них), с границ, навязанных в свое время Республике Советов международным империализмом, либо временное соглашение с Германией (с мая

<sup>34</sup> Кобляков И. К. Борьба СССР за коллективную безопасность (1938–1941 гг.). М.: Знание, 1975. 64 с.

1939 г. немцы все более настойчиво предлагали пакт о ненападении) – соглашение, которое отодвигало бы нацистское нападение на СССР на некоторый срок и позволяло бы создать зону безопасности для Советского Союза, вступление германских войск в которую было бы заказано на все времена полученной передышки».<sup>35</sup>

Тиражом свыше 50 тыс. экземпляров советская пропаганда, по сути, признала факт согласованности взаимных сфер влияния, в которые введение войск другой стороны было бы «предостережено». Вместо привычной концепции «права нации на самоопределение» – констатация создания «зоны безопасности» для СССР, согласованной с Гитлером задолго до созыва Народных Собраний Западной Украины и Западной Белоруссии.

В серьезной научной литературе подобные ограхи были исключены. Советская историография стояла на позициях отрицания факта секретных договоренностей с Германией о разделе «сфер влияния» (секретного протокола); Освободительный поход 17 сентября 1939 г. трактовался под углом «рука братской помощи единокровному украинскому и белорусскому населению»; Народные Собрания Западной Украины и Западной Белоруссии – как проявление собственной политической воли «освобожденного» населения.

Большое внимание уделялось обоснованию легитимности Народного Собрания Западной Украины, которому отводилась роль плебисцита, как международно-правовой основы вхождения бывших польских земель в состав Союза ССР.

«Право избирать и быть избранным, – указали авторы академической “Истории национально-государственного строительства в СССР, 1917–1978”, – было предоставлено всем гражданам – мужчинам и женщинам, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образования, социального происхождения, материального положения и прошлой деятельности. Таких демократических выборов еще не знала история Западной Украины. (...) В голосовании приняли участие 92,83 % всех избирателей.

<sup>35</sup> Максимычев И. Ф. Как была развязана Вторая мировая война. М.: Знание, 1981. С. 59.

*Никогда во времена иностранного господства здесь не было такой высокой активности».<sup>36</sup>*

Что касается достижений советской правовой мысли в освещении вопросов соблюдения требований международного права при инкорпорации западно-украинских земель в состав УРСР и СССР в 1939–1945 гг., то здесь многое оставалось не рассмотренным.

Конечно, и в советскую эпоху появлялись интересные работы Б. Бабия, В. Василенко, Л. Валовой, Р. Каламкаряна, Б. Клименко, Д. Левина, М. Миронова, Г. Старушенко, а также коллективные труды.<sup>37</sup>

В общетеоретических работах советских специалистов по международному праву события 1939–1945 гг. как возможный иллюстрационный материал, как правило, замалчивались. Авторы работ начинали непосредственно от Ленина как создателя основ междуна-

<sup>36</sup> История национально-государственного строительства в СССР, 1917–1978: В 2-х т. Т. 2. Национально-государственное строительство в СССР в период социализма и строительства коммунизма (1937–1978 гг.) / АН СССР, Ин-т истории; Редкол.: В. П. Шерстобитов (отв. ред.) и др. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Мысль, 1979. С. 24.

<sup>37</sup> См., напр.: **Бабій Б. М.** Воз'єднання Західної України з Українською РСР. Київ: АН УРСР, 1954. 196 с.; **Василенко В. А.** Основи теорії міжнародного права. Київ: Вища школа, 1988. 287 с.; **Он же.** Ответственность государства за международно-правовое нарушение. Київ: Вища школа, 1976. 267 с.; **Он же.** Правові аспекти участі Української РСР у міжнародних відносинах. Київ: Політвидав України, 1984. 207 с.; **Валова Л. И.** Плебисцит в международном праве. М.: Междунар. отношения, 1972. 152 с.; **Макарчук В. С.** Звичай як джерело міжнародного права (на матеріалах радянської зовнішньої політики, серпень-листопад 1939 р.) // Життя і право. Львівський правничий часопис. 2004. № 7 (7). С. 17–26; **Каламкарян Р. А.** Концепция господства права и требование о соблюдении государствами международных обязательств...; **Он же.** Фактор времени в праве международных договоров. М.: Наука, 1989. 173 с.; **Он же.** Юридические последствия правомерного поведения государств. М.: Наука, 1987. 126 с.; **Клименко Б. М.** Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М.: Международные отношения, 1974. 168 с.; **Он же.** Государственные границы – проблема мира. М.: Международные отношения, 1964. 138 с.; **Он же.** Мирное решение территориальных споров. М.: Международные отношения, 1982. 183 с.; **Он же.** Нерушимость границ – условие международного мира. М.: Наука, 1975. 168 с.; **Левин Д. Б.** Актуальные проблемы теории международного права. М.: Наука, 1974. 264 с.; **Он же.** История международного права. М.: Издательство ИМО, 1962. 136 с.; **Он же.** Международное право, внешняя политика и дипломатия. М.: Международные отношения, 1981. 143 с.; **Он же.** О современных буржуазных теориях международного права. М.: ВІОЗІ, 1959. 64 с.; **Он же.** Ответственность государств в современном международном праве. М.: Международные отношения, 1966. 152 с.; **Миронов Н. В.** Советское законодательство и международное право. М.: Международные отношения, 1968. 197 с.; **Старушенко Г. Б.** Мировой революционный процесс и современное международное право. М.: Международные отношения, 1978. 328 с.; **Он же.** Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства (Іст.-правовой очерк). М.: Издательство ИМО, 1960. 191 с.; **Шуршалов В. М.** Право международных договоров: Учебное пособие. М.: Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1979. 81 с., и др.

родной политики «первого в мире социалистического государства», дальше переходили к борьбе СССР за создание системы коллективной безопасности в Европе конца 20-х – сер. 30-х гг. XX в., а затем совершали прыжок сразу к 1945 г. и в следующие десятилетия. При этом имели место попытки выдать принципы ООН, в частности такие, как признание императива неприменения силы в международных отношениях, нерушимости существующих границ, невмешательства во внутренние дела суверенных государств и т.п. за победу советской внешнеполитической доктрины.

Даже в тех случаях, когда тема международно-правового исследования требовала непосредственного обращения к событиям 1939–1945 гг., советские научные светила предпочитали умолчание.

Так, московский юрист-международник Ю. Барсегов, описывая внешнюю политику СССР в межвоенные годы, «напомнил» о возвращении Вильнюса Литве, которое СССР якобы всегда поддерживал и которое стало возможным «в 1939 г., когда Советский Союз добровольно уступил ей освобожденные от ига польских господ литовские земли», тут же сделал «прыжок» сразу к Атлантической Хартии, обойдя молчанием вхождение украинских, белорусских, молдавских и прибалтийских территорий в состав Союза ССР.<sup>38</sup>

Его коллега Л. Сперанская, избрав тему, связанную с действиями принципа самоопределения в международном праве, дала основательную картину отношений РСФСР и СССР с государствами-соседями и Лигой Наций в межвоенный период, а дальше совершила аналогичный «прыжок» – от ноты протеста 18 марта 1939 г. против немецкой оккупации Чехословакии сразу же к советской Декларации, провозглашенной на межсоюзной конференции в Лондоне 24 сентября 1941 г.<sup>39</sup> Декларация Народного Собрания Западной Украины, решения сеймов Прибалтийских республик и т.д. как бы и не существовали как правовые и международно-правовые акты.

Тем же путем пошел Г. Старушенко. Скачок от Конституции 1936 г. сразу в 1944 г. – при том, что тема исследования просто обя-

<sup>38</sup> Барсегов Ю. Г. Территория в международном праве. Юридическая природа территориального верховенства и правовые основания распоряжения территорией. М.: Госюриздан, 1958. С. 72–73.

<sup>39</sup> Сперанская Л. В. Принцип самоопределения наций в международном праве. М.: Госюриздан, 1961. С. 29–31.

зывала обратиться и к Народным собраниям, и к решению вопроса о Бессарабии, и к судьбе Латвии, Эстонии и Литвы.<sup>40</sup>

Напрашивается вывод, что советская академическая историко-правовая школа не находила достаточных правовых аргументов для защиты сталинской внешней политики 1939 – первой половины 1941 гг., а скатываться на позиции голой политической риторики избегала.

В специальной юридической литературе советского периода можно отыскать всего два-три обращения к событиям, связанным с воссоединением. Так, В. Шуршалов, приводя случаи применения оговорки *rebus sic stantibus* в практике международного права, в примере 12 мимоходом упомянул, что «после Первой мировой войны отношения между Польшей и Советской Россией определялись польско-советским договором, заключенным в Риге 18 марта 1921 г. В 1939 г. в связи с распадом Польского государства и возникновением новой обстановки Советское правительство аннулировало Рижский договор и все соглашения, заключенные с Польским реакционным (*sic!*) правительством».<sup>41</sup>

Еще более спорная трактовка событий осени 1939 г. дана В. Родионовой:

«Переход территорий одного государства к другому является законным и соответствует основным принципам международного права, если он совершается в соответствии с договором, основанном:

1) на народном волеизъявлении (например, вхождение в состав СССР Тувинской республики),

2) на исторических правах народа (например, вхождение Курильских островов и Южного Сахалина),

3) на интересах обеспечения безопасности демократического государства от агрессии и укрепления мира во всем мире (например, вхождение в состав СССР Карельского перешейка с г. Выборг).

Первые два условия приобретения территории в ряде случаев переплетаются и выступают в единстве. Напри-

<sup>40</sup> Старушенко Г. Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике Советского государства... С. 81–82.

<sup>41</sup> Шуршалов В. М. Основания действительности международных договоров. М.: АН СССР, 1957. С. 108–109.

мер, Западная Белоруссия и Западная Украина вошли в состав СССР в соответствии с народным волеизъявлением, выраженным в плебисците, проведенном в 1939 г. на демократических началах, а также в соответствии с историческими правами СССР на эти территории».<sup>42</sup>

Иногда советские знатоки международного права делали неожиданные открытия.

«Польский президент Мосцицкий (*sic!*, правильно Мосцицкий), – писала Л. Моджорян, – после разгрома армии нацистскими войсками 17 сентября 1939 г. назначил не в Варшаве, как это предписывалось в Конституции, а в г. Кутые (*sic!*, правильно – г. Куты) в качестве своего приемника Ращевича (*sic!*, правильно – Рачкевича), образовавшего в эмиграции правительство Сикорского».<sup>43</sup>

Тем самым создается впечатление о неконституционном характере польского эмигрантского правительства, откуда исходит и сомнительность его претензий на право представлять страну в международных отношениях.

Этот же автор оптимистически утверждала, что:

«Политика социалистических государств убедительно свидетельствует о том, что споры о границах могут быть легко разрешены при наличии доброй воли и взаимном учете интересов друг друга».<sup>44</sup>

Замалчивание неудобных фактов, выдавание желаемого за действительное объясняется не столько слабостью советской научной школы, сколько коньюктурой, желанием не оказать невольного пагубного воздействия на отношения в СЭВ и в Варшавском договоре.

Ситуация оставалась той же и в относительно либеральные 70-80-е гг.

<sup>42</sup> Родионова В. Территория в международном праве. М.: ВЮЗИ, 1955. С. 8.

<sup>43</sup> Моджорян Л. Основные права и обязанности государств. М.: Юридическая литература, 1965. С. 106.

<sup>44</sup> Там же. С. 128.

В 1974 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР допустило как учебник для студентов юридических институтов и факультетов коллективный труд «Международное право».<sup>45</sup> К написанию этой работы были привлечены светила советской юридической мысли: Г. Тункин, Р. Бобров (ЛенГУ), И. Лукашук (КГУ), А. Талалаев (МГУ) и др. Раздел I указанного труда был посвящен возникновению и развитию международного права. Международно-правовые идеи Октябрьской революции (параграф 5 указанного раздела) провозглашались высшим достижением правовой мысли XX в., а демократизация международного права изображалась как результат борьбы за нее Советского Союза и других социалистических государств (параграф 6 раздела I). Углубленно рассматривались усилия СССР по налаживанию международных отношений с Персией (Ираном), Афганистаном и Турцией, борьба за мир в 20-х – первой пол. 30-х гг. и т.д. А дальше следовал характерный прыжок: «западные державы не только отказывались выступить единым фронтом с Советским Союзом против агрессивных действий фашистской Германии, но даже помогали Гитлеру в его военных приготовлениях. После Второй мировой войны Советский Союз, теперь уже вместе с другими социалистическими государствами, продолжает борьбу за создание эффективной системы европейской безопасности».<sup>46</sup> Привычные обвинения в адрес западных государств еще нашли место, а события 1939–1945 гг. не были упомянуты ни единственным словом.

В 1986 г. вышел из печати научный сборник «Исполнение международных договоров СССР: Вопросы теории и практики».<sup>47</sup> В этой работе д.ю.н. Г. Курдюмов опубликовал статью «О целях и интересах при исполнении норм международных договоров». Автор утверждал:

*«Опасную тенденцию осуществления реакционных интересов представляет собой оправдание нарушений международной законности при одновременном внедрении в практику терроризма. Любые неправомерные действия*

<sup>45</sup> Международное право / Отв. ред. Г. И. Тункин. М.: Юридическая литература, 1974. 592 с.

<sup>46</sup> Там же. С. 39.

<sup>47</sup> Исполнение международных договоров СССР: Вопросы теории и практики. Свердловск: Свердловский юрид. институт, 1986. 117 с.

*в последующем могут быть признаны “эффективными”, нормой обычного права, а, значит, законными. Кроме того, отрицается правило, что должны восстанавливаться отношения, существовавшие до нарушения договорных норм, и что государства имеют право требовать этого. Мерилом законности становится сила, вмешательство во внутренние дела других государств».<sup>48</sup>*

Все перечисленное буквально до мельчайших подробностей совпадает с обвинениями польской эмигрантской литературы в адрес СССР в отношении действий Москвы при решении вопроса о польско-советской границе в 1939–1945 гг.; этот теоретико-правовой пассаж можно было бы встретить в работе любого антикоммунистического автора. Г. Курдюмов, по традиции советской научной школы, перевел стрелки на «американских империалистов» и даже усилил свой теоретический тезис цитатой из выступления члена Политбюро А. Громыко:

*«В последнее время мир все чаще сталкивается с такими опасными проявлениями в политике США, как культивированные в ней претензии на безнаказанность и вседозволенность. Они беззастенчиво готовы объявить законными любые преступные средства и методы, если с их помощью можно достичь желаемой цели».<sup>49</sup>*

В тех случаях, когда советские специалисты в сфере международных отношений брались за описание и трактовку событий периода Второй мировой войны, все сводилось к освещению и комментированию Атлантической хартии, документов межсоюзнических конференций в Тегеране, Ялте, Потсдаме, двухсторонних договоров и заключительных актов. Полемика с представителями западного лагеря сводилась к навешиванию ярлыков, среди которых «фальсификаторы» звучало едва ли не самым мягким обвинением. Серьезной международно-правовой оценки, например, Освободительного похода 17 сентября 1939 г. не было, да и не могло быть уже потому,

<sup>48</sup> Исполнение международных договоров СССР... С. 31.

<sup>49</sup> Громыко А. А. Защитить устои всеобщего мира. Выступление на XXXIX Сессии Генеральной Ассамблеи ООН 27 сентября 1984 г. М.: Политиздат, 1984. С. 19.

что секретный протокол к пакту Риббентропа-Молотова априори провозглашался антисоветской «фальшивкой».

Но было бы ошибкой нигилистически списывать со счетов труды советских юристов-международников. Эти работы содержат много интересного материала по истории становления тех или иных международно-правовых норм (например, правил осуществления плембисцитов), освещают принципы деятельности и саму деятельность таких влиятельных международных организаций, как Лига Наций или ООН, показывают диалектическую связь между двумя основными источниками международного права – международными договорами и обычаями, а также то, как отмирают старые международно-правовые нормы и возникают новые.

Особенно важными для рассмотрения нашей темы являются теоретические труды советского исследователя Г. Тункина,<sup>50</sup> а именно концепция противопоставления «старого» и «современного» международного права.

*«Международное право до Великой Октябрьской социалистической революции, – писал Г. Тункин, – было, по сути, правом сильного, оно признавало и юридически закрепляло господство силы в международных отношениях. Ярко это проявлялось в таких, например, принципах, как “право государства на войну”, “право победителя” и др. Если государство было достаточно сильным и могло рассчитывать на победу, оно всегда имело юридическую возможность воспользоваться “правом на войну” и прибегнуть к войне для удовлетворения своих действительных или надуманных претензий к другому государству. Более того, победа в войне позволяла победителю выйти за рамки претензий, которые были выдвинуты перед этим.*

*Современное международное право запрещает прибегать к войне, запрещает применение силы и угрозы силой против территориальной и политической независимости любого государства».*<sup>51</sup>

<sup>50</sup> Тункин Г. И. Вопросы теории международного права. М.: Госюризат, 1962. 330 с.; Он же. Право и сила в международной системе. М.: Международные отношения, 1983. 199 с.; Он же. Теория международного права. М.: Международные отношения, 1969. 512 с.

<sup>51</sup> Он же. Теория международного права... С. 279.

Г. Тункин последовательно развивал и конкретизировал концепцию противопоставления «старого» и «современного» международного права практически в каждом разделе своего исследования. Своеобразным разделяльным пунктом между двумя типами международного права, по Тункину, должно считаться закрепление многих «новых» международно-правовых норм в Уставе Организации Объединенных Наций, принятом в 1945 г.

Разделяя в целом указанный поход, автор предлагаемой читателю работы вместе с тем считает, что отдельные внешнеполитические шаги Союза ССР, осуществленные в 1939–1945 гг., целиком укладывались в далеко не прокрустово ложе «старого» международного права.

\* \* \*

Знакомство с собственно украинской (в понимании – некоммунистической, а также посткоммунистической) историографией следует начать с трудов эмигрантских ученых периода 1945–1991 гг.

Представителями этой школы отрицалась завершенность процесса воссоединения украинских земель, подчеркивался утилитарный подход Москвы к украинскому вопросу. В изданной за Западе в 1985 г. *“Encyclopedia of Ukraine”* утверждалось:

«Практически все украинские земли лежат в границах СССР. Западные рубежи украинской этнической территории, однако, усечены на 19.500 кв. км сразу же после войны как прямой результат депортации и переселения местного населения с территорий, которые стали частью Польской Народной Республики».<sup>52</sup>

Эти цифры выглядят еще «скромными». В 1949 г. украинские националисты претендовали на куда большие площади:

«20000 кв. км. с более чем миллионным населением, принадлежащие Польше, 5000 кв. км с 100 000 населением – Словакии, и небольшие меньшинства остаются у Румынии».<sup>53</sup>

<sup>52</sup> Encyclopedia of Ukraine. Map and Gazetteer. Edited by Volodymyr Kubijovyc. Toronto – Buffalo – London: University of Toronto Press, 1985. P. 4.

<sup>53</sup> Ukraine and Its People. A Handbook with Maps, Statistical Tables and Diagrams. / Edited by I.

Напротив, отдельные территории, вошедшие в состав Украинской ССР в 1939–1945 гг., объявлялись этнически неукраинскими (г. Берегово и Чоп – венгерскими, г. Герца – румынским и т.д.).<sup>54</sup> Отсюда недалеко и до некорректных выводов – в 1939–1945 гг. произошло не воссоединение, а присоединение украинских (и неукраинских) территорий к Советской империи под удобным предлогом права наций на самоопределение.

Отрицая окончательность воссоединения, отдельные националистические авторы продолжали «воевать» даже в 60–70-х гг. прошлого столетия.

*«Как в прошлом, так и в будущем, – утверждал еще в 1964 г. И. Красивский, – украинцы Лемквишины всегда будут маршировать в борьбе за освобождение вместе с целым украинским народом так долго, пока эта борьба не увенчается успехом. И пока не будет построено Украинское Самостоятельное Соборное государство, в состав которого войдет также наша прекрасная, зеленая Лемковщина».*<sup>55</sup>

Разгромные оценки националистических ученых касались не только советской доктрины «воссоединения», но и взвешенных голосов из собственного окружения.

*«Энциклопедия Українознання, – писал на страницах альманаха “Гомін України” Е. Чировский, – глубоко ошибается вместе с господами Кубиевичем, Галайчуком и Маркусем, пытаясь поставить знак равенства между УНР и Украинской ССР (...) только сумасшедшие или предатели могут считать московскую административную власть в УССР, которая выполняет поручения Москвы, суворенной украинской властью. Поэтому, с международно-правовой точки зрения, у Украинской ССР не достает одной из ос-*

54 Mircuk. Munich: Ukrainian Free University Press, 1949. P. 6.

55 Encyclopedia of Ukraine. Vol. I. A-F. Edited by Volodymyr Kubijovyc. Toronto-Buffalo-London: University of Toronto Press, 1985. P. 320, map.

55 Красовский И. Лемківщина в боротьбі за об'єднання з Україною. Нью-Йорк: Йонкерс, 1964. С. 30.

новных составляющих суверенного государства, а именно, суверенной власти, тогда как правительство УНР было суверенным».<sup>56</sup>

На наш взгляд, это серьезная методологическая ошибка Е. Чирковского и его единомышленников. Границы Украинской ССР при таких подходах перестают быть явлением закономерным, становятся просто условными разделительными линиями. Более того, за эти разделительные линии Украина еще и должна благодарить Сталина, поскольку он мог бы провести их намного восточнее.

Еще один принципиальный момент.

«Принятые на себя субъектами международного права обязательства, – отмечают юристы-международники, – влекут за собой полную ответственность последних.

В случаях, когда происходят международно-правовые преступления, эти действия принято называть деликтами. За такие деликты могут нести ответственность, во-первых, государства (политическую, экономическую и моральную), и, во-вторых, физические лица (кriminalную)».<sup>57</sup>

Если признать, что Украина осуществила увеличение своей территории в результате «преступной политики Сталина», а значит международно-правового деликта (а ученых, придерживающихся такой точки зрения, как видим, в украинских научных кругах хватает), то следует быть готовыми и к международно-правовой ответственности.

Обратим внимание на отсутствие в работах ученых-эмигрантов серьезной базы источников, за исключением воспоминаний непосредственных участников событий. Вынужденные пользоваться источниками, прошедшими иностранную цензуру (американскую, английскую, польскую, даже советскую), эти авторы не всегда выдерживали необходимый научный уровень.

<sup>56</sup> Чирковський М. Міжнародноправове значення акту 30 червня // Альманах «Гомону України». 1991. Торонто: Гомін України, б. р. С. 79–80.

<sup>57</sup> Шуршалов В. М. Международные правоотношения. М.: Международные отношения, 1971. С. 204.

Прогрессивный и закономерный акт воссоединения украинских земель в едином украинском государстве подавался в разрезе сталинского насилия над народами Восточной Европы и, в первую очередь, над украинским народом. Например, некий М. Бойко в 1972 г. утверждал:

*«Аннексия Западной Украины в состав четырех символов “СССР” или “УССР” произошла против воли населения под предлогом так называемог “воссоединения” или “освобождения” и с использованием украинской фамилии Тимошенко, как командира западного фронта».*<sup>58</sup>

С другой стороны, украинская эмигрантская научная мысль имела более широкие возможности для ведения дискуссии с польской эмиграцией по вопросам восточных и западных границ Польши – советские ученые должны были считаться с необходимостью «усиления единства содружества социалистических стран» и, следовательно, щадить национальные чувства поляков и восточных немцев. Украинская эмиграция подобных ограничений не знала в принципе. Это давало лучшие позиции для научной полемики.

*«Отбрасывая принципиальные решения ялтинской конференции в деле восточных границ, – отмечал в 1975 г. Б. Цимбалистый, – польские (эмигрантские) руководители замалчивают вопросы границ на западе Польши. Тем временем западные границы Польши были передвинуты с целью компенсировать потери Польши на Востоке. Какие-либо попытки вернуться к границам на Збруче, зашатают прохождение границы с Германией. (...) Некоторые поляки считают, что Силезия и Поморье принадлежат Польше, как компенсация за военные разрушения. В XX веке военные приобретения в форме присоединения территорий не признаются. Франции, Бельгия, Голландия и СССР имели право требовать такой же компенсации. Если принимать соображения компенсации военных разрушений, тогда ре-*

<sup>58</sup> Бойко М. Документи окупації Західної України 1939 р. // Альманах Українського Народного Союзу на рік 1972. Джерзі Сіті – Нью Йорк: Свобода, б. р. С. 171.

иения Ялты в пользу СССР были не насилием, а всего лишь компенсацией. (Чтобы сделать возможной такую компенсацию, поляки должны были передвинуть свои границы на запад)».<sup>59</sup>

Если у Советского Союза в его претензиях на западно-украинские земли в 1945 г. наряду с аргументом «исторических прав» был еще и аргумент «плебисцита», то Польша на свои «земе одзисканные» (буквально – возвращенные земли, т.е. территории, отобранные у Германии) имела лишь голые «исторические права» и поддержку СССР. Позволить себе такие циничные выкладки советская научная школа не могла в принципе.

Опасность умаления роли Украинской ССР как субъекта международного права, необходимость поиска правовых аргументов обоснования государственной территории послевоенной Украины, ее места в системе международных отношений в среде эмигрантов понимали единицы, в основном специалисты в сфере международного права. Среди таких назовем, в первую очередь, В. Голуба, чья работа «Украина в Объединенных Нациях»<sup>60</sup> и сегодня, в условиях обретения государственной независимости Украины, может служить образцом достаточно профессионального подхода.

В отличии от своих коллег-историков, В. Голуб высоко оценивал факт вхождения Украинской ССР в число государств-учредителей Организации Объединенных Наций. Начиная с 1944–1945 гг. Украина выступает как суверенное государство в международно-правовом понимании:

«В рамках этой, господствующей сегодня на западе теории, целиком укладывается и Украинская ССР, как суверенное государство, связанное с СССР договором Конституции.

Поэтому не удивительно, что не было на Западе и нет до сих пор<sup>61</sup> ни одного авторитетного голоса, который поставил бы под сомнение государственность Украины или ее

<sup>59</sup> Цимбалістий Б. В полоні минулого. До питання українсько-польських взаємин // Сучасність. 1975, січень. Ч. 1 (169). С. 94.

<sup>60</sup> Голуб В. Україна в Об'єднаних Націях. Мюнхен: Сучасна Україна, 1953. 83 с.

<sup>61</sup> Робота написана в 1953 г.

*право на членство в ООН с пункта видения международного права. Но очень важным является то, что и не может быть такого голоса сомнения, ибо он совершенно не отвечает существующей сегодня действительности международно-правовых отношений. Такой голос может исходить или от реакционера, который будет ссылаться на ушедшие понятия государственного и международного права, или от революционера, который выставит аргументы будущего права, которые являются только идеалом, еще требующим своей реализации. Оба голоса для правоведов, которые сидят в современных институтах международного права, будут голосами взывающих в пустыне».<sup>62</sup>*

В пику этому мнению В. Савчак отрицал правосубъектность Украинской ССР после подписания Союзного договора 30 декабря 1922 г., а факт членства УССР в ООН пробовал всячески преуменьшить:

*«...Вопрос о так называемом коллективном признании путем допуска государства к участию в международных договорах или организациях<sup>63</sup> также является контрверсионным в науке. На практике, государства постоянно отбрасывают принцип коллективного признания, как это было между другими вопросами разъяснено в меморандуме Генерального секретариата ООН 5 марта 1950 г. и чего мы собираемся придерживаться далее».<sup>64</sup>*

Выскажем предположение, что целью такого подхода В. Савчака к вопросу международной правосубъектности Украинской ССР было отмежевание от внешнеполитических действий Москвы.

На переломе 80–90-х гг. ХХ в. научная мысль в УССР была застигнута перестройкой, начатой в Москве. После обнародования советско-германских соглашений лета-осени 1939 г. началось раз-

<sup>62</sup> Голуб В. Указ. соч. С. 40.

<sup>63</sup> Здесь имеется в виду якобы неправомочная в качестве субъекта международного права Украинская ССР.

<sup>64</sup> Sawchak W. The Status of Ukrainian SSR in View of State and International Law. London: Ukrainian Information Service, 1971. P. 3.

венчание мифов предыдущей эпохи. Западные публикации документов и материалов, западные концепции и интерпретации событий некритично одобрялись отечественными учеными.

Вехой на пути преодоления новомодных иллюзий стал труд эмигрантского украинского историка А. Корчак-Городыского,<sup>65</sup> вышедший из печати в 1994 г. На основе первоисточников и открытых публикаций ученый пришел к известным еще советской науке выводам: позиция западных демократий в украинском вопросе была недружественной по отношению к украинскому народу; западные дипломаты знали о возможном германо-советском сближении и не сделали ничего, чтобы его предотвратить; польская сторона (эмигрантское правительство) в 1939–1945 гг. не желала никаких урегулирований в вопросах границ, кроме возвращения к линии Рижской границы 1921 г., и т.д.

Вопреки этим очевидным истинам, после 1991 г. отдельные отечественные украинские ученые резко сменили свою политическую ориентацию, а вместе с ней и правовые оценки событий 1939–1945 гг. Примером такой мимикрии может служить известный в научных кругах бывшей УССР и СССР В. С. Коваль, автор трудов с претенциозными названиями типа «Они хотели украсть у нас победу. Очерк внешней политики США во Второй мировой войне» (1964 г.), «Междунраодный империализм и Украина. 1941–1945» (1966 г.) и др. Сегодняшние пассажи когда-то интереснейшего историка в УССР поражают своей непосредственностью:

«Что же касается воссоединения украинских земель, то без вмешательства России оно произошло бы раньше и более выгодно для Украины.

Во-первых, ленинская агрессия против Украины сорвала воссоединение, которое могло осуществиться автоматически – в соответствии с 14-ю пунктами президента В. Вильсона – путем присоединения к УНР всех западно-украинских земель после поражения и раз渲ала Австро-Венгрии в 1918. Большевики своим вмешательством сделали невозможным воссоединение в 1918–1919 гг., а в 1920 г.

<sup>65</sup> Корчак-Городицький О. Замість вигадок: Українська проблематика в західних політико-дипломатичних джерелах. Документи, рецензії, спогади. Івано-Франківськ: Перевал, 1994. 200 с.

умудрились отдать Польше и другие украинские земли – Западную Волынь и Западное Полесье, – вследствие бездарно завершенной войны с Пилсудским.

Во-вторых, даже в 1939 г. не все украинские земли были присоединены к СССР вследствие раздела Польши между Гитлером и Сталиным. (...) Сталинский сговор с Гитлером имел фатальные последствия для этих украинских земель. Они *навсегда* оказались утраченными для Украины. Этническая украинская территория в рамках СССР была “обгрызена” московским центром практически по всему периметру еще до 1939 г. После этого, вследствие сталинских geopolитических махинаций, украинский народ постигли дополнительные потери на западе».<sup>66</sup>

Этот же автор несколько лет назад безапелляционно заявил:

«Присоединение большей части западно-украинских земель к УССР в 1939–1940 гг. не было выражением заботы Москвы о национальных интересах украинского народа. Как и в Прибалтике, красная империя просто расширяла свои владения. (...) Внешне это бесспорно историческое приобретение – объединение украинских земель – в рамках Российской империи стало вместе с тем и тяжелым негативным фактором для украинства, предпосылкой полной русификации всей массы украинского этноса, оказавшегося под полной властью Москвы».

Перекраивая с Гитлером Польшу, Стalin отдал Германии украинские земли за Бугом – Подляшье, Холмишину, а также Лемковщину.

После изгнания немецких оккупантов все земли были оставлены Польше с приложением Пoles'я, Перемышля, в котором за 100 лет до крещения в Киеве был основан первый на украинской земле епископат (880 г.).

Коммунистическая власть в Польше довела до конца политику ликвидации украинства между Вислой и Бугом.

<sup>66</sup> Коваль В. Злочини комуністичної партії проти українського народу в другій світовій війні // Розбудова держави. 1995. № 4. С. 5–12; 1996. № 4. С. 10.

(...) Эти местности (общей площадью 19,5 тыс. кв. км) перестали быть украинской этнической территорией).<sup>67</sup>

Маститого (без малейшего преувеличения или иронии) специалиста в области международных отношений, кажется, ничуть не интересует отношение всего мира и, в первую очередь, западных союзников по антигитлеровской коалиции к проблеме расширения советских границ.

Фантастические оценки 14 пунктов Вильсона хорошо вписываются в картину обвинений «Российской империи», которая «бездарно проиграла войну» с Пилсудским и не сумела начать «руссификацию» еще нескольких сотен тысяч украинцев. Остается без объяснений одна «мелочь»: какими силами могла бы Украина вырвать свои «оккупированные» земли одновременно у четырех-пяти соседних государств?

В этом плане представители эмигрантской школы показали себя большими реалистами.

«Дело в том, – пишет Р. Рахманний, – что тоталитарные экспансионисты (Германия, Италия, Япония и СССР) и либерально-демократические государства (Англия, Франция и их союзники) имели одну общую черту: все они были империалистами. (...) Судьба и желание подневольных народов никогда не входили в военные помыслы даже глубоко демократических государств. (...) Когда Англия и Франция в начале 1938 года гарантировали границы Польши<sup>68</sup> против какой-либо агрессии, то этим самым они еще раз одобрили незаконный захват украинских, белорусских и литовских земель, завершенный в 1919–1920 гг.».<sup>69</sup>

Это же касается и вопроса о достаточности украинских сил для достижения соборности украинских земель.

<sup>67</sup> Коваль В. Друга світова війна і доля України: причини і наслідки (Фрагменти історичного досвіду) // Сучасність. 1999. С. 74–75.

<sup>68</sup> Здесь – ошибка Р. Рахманного, соответствующие гарантии были предоставлены 31 марта 1939 г.

<sup>69</sup> Рахманний Р. Чин української національної гідності // Державність. 1992, квітень–червень. № 2 (5). С. 29.

«Тяжело с полной уверенностью сказать, – признал еще в 1981 г. М. Прокоп, – насколько мы были готовы к строительству собственного государства, хотя бесспорным является то, что (...) в те годы украинцы выявили готовность к борьбе за свободу, самопожертвование. (...) Но здесь на пути выявления полных наших возможностей стала оккупационная политика Берлина и Москвы, целиком международная деконьюктура. Даже лучшие организованная нация не смогла бы тогда переломить угрожающие обстоятельства. В тех условиях большую часть самостоятельности утратили народы, гордившиеся ею перед войной. Польша, а еще раньше балтийские народы».<sup>70</sup>

Наряду с радикализацией части отечественных ученых существуют и свидетельства того, что новые политические реалии никоим образом не отразились на позиции консерваторов, часть из которых и далее пребывает в плена привычных советских схем и моделей.

Так, член-корреспондент НАН Украины В. Клоков в статье, посвященной пакту Риббентропа-Молотова, не только всячески оправдывает поведение Кремля в сентябре 1939 г., но и полностью замалчивает факт подписания секретного протокола.<sup>71</sup> Указанная работа без каких-либо купюр могла бы выйти из печати и 30–40 лет назад, настолько сохранены в ней «традиционные» подходы.

Наличие в украинской научной мысли диаметрально-противоположных подходов к проблеме воссоединения – в общем закономерно. На это указывают и сами украинские ученые. «По нашему мнению, – пишут члены авторского коллектива института государства и права им. В. М. Ко-рецкого НАН Украины (И. Б. Усенко, О. М. Мироненко и др.), – процесс, благодаря которому западно-украинские земли оказались в составе УССР, – многоплановый. При его рассмотрении и анализе необходимо иметь ввиду тот факт, что хотя и было осуществлено этничес-

<sup>70</sup> Прокоп М. З перспективи сорокаріччя // Сучасність. 1981. Ч. 7–8 (247–248). С. 131.

<sup>71</sup> Клоков В. И. О неизбежности заключения советско-германского договора о ненападении // Сторінки воєнної історії України: Зб. наукових статей / НАН України, Ін-т історії України. Київ., 2001. Вип. 5. С. 60–71.

кое воссоединение, и западно-украинские земли формально вошли в состав УССР, фактически на практике произошла инкорпорация, т.е. “вхождение в состав” СССР. Предиествоование решения Верховного Совета Советского Союза об объединении аналогичному решению Верховного Совета Украины красноречиво подтверждает это мнение. Таким образом, расхождения в терминологии и оценках, очевидно, обусловлены разными подходами к решению принципиально важной проблемы: в составе какого государства – Украины или Советского Союза – фактически оказались западно-украинские земли».<sup>72</sup>

В отечественной исторической и историко-правовой науке сегодня не существует некой официальной точки зрения на события 1939 г. и последующих годов, отмеченных вхождением в состав УССР новых западных территорий.

Первые робкие попытки были осуществлены Институтом государственного управления и местного самоуправления при Кабинете Министров Украины в 1994 г.,<sup>73</sup> но событием в историко-правовой науке и международном праве публикация труда «Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение» не стала. Параграф 4 Раздела 2 этой работы «Проблема границы с Польшей в военные и послевоенные годы» поместился вместе с библиографией на неполных 8 страницах текста,<sup>74</sup> скучной была и база первоисточников. Отдельные тезисы авторов вызывают удивление. Так, комментируя пункт советско-польского договора от 30 июля 1941 г. об отказе СССР от всех территориальных договоров, подписанных им с фашистской Германией, авторы работы утверждают, что «это было равнозначно признанию советской стороной того, что после победы над Германией Польше должны быть возвращены все восточные территории, которые она получила по Рижскому миру»;<sup>75</sup> далее авторы пишут, что «в отношении украинских земель

<sup>72</sup> Правова ідеологія і право України на етапі становлення тоталітарного режиму (1929–1941). Київ: Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2001. С. 52.

<sup>73</sup> Боечко В., Ганжа О., Захарук Б. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ: Основи, Інститут державного управління та місцевого самоврядування при Кабінеті міністрів України, 1994. 168 с.

<sup>74</sup> Там же. С. 79–87.

<sup>75</sup> Боечко В., Ганжа О., Захарук Б. Указ. соч. С. 79–80.

эти споры возникали главным образом по Галиции, которая была более развита в экономическом плане, и практически не касались Волыни. Вынужденное под давлением военных неудач в начале войны пойти на подписание такого неопределенного договора с правительством Польши, советское правительство пришло в себя и после первых побед заняло твердую позицию по вопросу о будущей польско-советской границе относительно Украины».<sup>76</sup>

Тем не менее, хорошо известно, что вплоть до октября 1944 г., а потом вновь с ноября 1944 г. польское эмигрантское правительство стояло на позициях «не только плащ, но и пуговицу не отдадим», а СССР, наоборот, постоянно высказывал готовность идти на уступки, правда, много меньшие, чем допускали даже наиболее взвешенные политики польского круга.

Особое внимание хотелось бы обратить на освещение темы в учебниках и пособиях, предназначенных для юридических и исторических факультетов, а также других учебных заведений системы высшего образования Украины, поскольку эта литература формирует взгляды и убеждения будущей украинской элиты.

Наипопулярнейшим, по нашему мнению, учебным пособием для высшей школы на сегодня является «История Украины» под ред. В. А. Смоля.<sup>77</sup> В целом взвешенные оценки и подходы к событиям 1939–1945 гг. ослабляются тем фактом, что авторы соответствующих разделов инкорпорацию Западной Украины в состав УССР и СССР заканчивают 1939 годом – так, будто и не было продолжительной дипломатической борьбы 1941–1945 гг., международно-правовых договоров и соглашений с союзниками по антигитлеровской коалиции и правительствами Польши. Безусловно, пособие по истории Украины – не учебник по истории международных отношений. Но нежелательно, чтобы у молодежи складывалось представление об исключительно силовом решении вопроса «многовекового и закономерного процесса формирования соборной Украины».<sup>78</sup>

Усилиями преимущественно западно-украинских историков создано пособие под руководством Ю. Зайцева.<sup>79</sup> В отличие от сво-

<sup>76</sup> Боечко В., Ганжа О., Захарук Б. Указ. соч. С. 80.

<sup>77</sup> Історія України / В. Ф. Верстюк, О. В. Гарань, О. І. Гуржій та ін.; Під ред. В. А. Смоля. Київ: Альтернативи, 1997. 424 с.

<sup>78</sup> Там же. С. 325.

<sup>79</sup> Історія України / Керівник авт. кол. Ю. Зайцев. Львів: Світ, 1996. 488 с.

их киевских коллег, львовские историки скрупулезно рассмотрели не только события 1939 г., но и международные отношения 1941–1945 гг. В частности, соответствующую главу пособия включили в подразделы «Проблема границ» и «Расширение прав Советской Украины».

Отдельные тезисы и выводы авторов видятся спорными. Так, на с. 286 читаем: «Оба эти документа – договор о ненападении и тайный протокол как единое целое – очевидно, противоречили принципам международного права, игнорировали общепринятые нормы международных отношений, по сути, были противоправными, поскольку основывались на насилии по отношению к третьей стране».

С этим утверждением можно было бы частично согласиться, но сразу же оговорить некоторые вопросы. Во-первых, разговор должен идти о современном международном праве, в том виде, в котором оно существует с 1945 г. В межвоенный период были несколько иные представления о «нормах» государственного поведения. Во-вторых, формально ни протокол, ни тем более пакт о ненападении никаким международно-правовым нарушением не являлись. Если отталкиваться от текстов этих документов, то они допускали далеко не однозначные варианты трактовки, о чем речь пойдет далее.

На с. 316 читаем: «По указанию Москвы 9 сентября 1944 г. во временной столице Польши Люблине между правительством УССР и Комитетом<sup>80</sup> было подписано соглашение об украинско-польской границе и взаимном переселении украинского населения из Польши в Украину, а польского – из Украины в Польшу. Так, решением Сталина и Хрущева исконные украинские земли 17 поветов (т.е. уездов) Подляшья, Холмщины, Надсянья и Лемковщины, в которых проживало около 800 тыс. украинцев, навсегда отдавались Польше как подарок за социалистический выбор. Соглашение 9 сентября 1944 г. противоречило всем международно-правовым актам, цинично пренебрегала правами человека».

О каких «всех международно-правовых актах» собственно идет речь? Напомним также, что переселения, а точнее депортации населения, были обычной практикой той исторической эпохи. Перемещались по разным причинам (но практически всегда против собственной воли) в 1938–1946 гг. многомиллионные массы венгерского,

<sup>80</sup> Польский Комитет Национальной Обороны.

румынского, немецкого, польского населения. В частности, руководители государств Большой Тройки в Ялте и Потсдаме санкционировали принудительную депортацию немецкого населения с территорий, которые после Второй мировой войны отошли к Польше и Чехословакии. Кроме того, следовало бы четче определиться с оценками сталинской дипломатии: «отобрать» у Польши западно-украинские земли – циничное нарушение международного права, а вот «оставить» ей закерзонский край – преступление против украинского народа. Удивительная логика.

Не будем забывать и о том, что кроме Советского Союза в 1944–1945 гг. в мире существовали и другие субъекты международного права, а представитель СССРставил подпись не только под пактом Риббентропа–Молотова, но и под Атлантической хартией, согласно которой союзникам формально запрещалось стремиться к территориальным приобретениям в ходе продолжающейся войны.

Автор еще одной популярной «Истории Украины» – американский профессор М. Фреишин-Чировский, по совместительству – секретарь Научного Общества им. Шевченко и научный редактор более чем 15 томов Записок НТШ, чрезвычайно резок в своих оценках событий 1939–1945 гг.: Украинское Народное Собрание получило штамп «фальшивого голосования, которое узаконило их (т.е. Советов. – В. М.) действия»; территориальные изменения 1939–1940 гг. – оценку «захвата». Профессор также утверждал, что «Советский Союз занял эти земли, мотивируя это тем, что они входили когда-то в состав Московской империи, доказывая этим, что еще живет традиция московского империализма и Советы от него не отрекаются». <sup>81</sup> Беспрощадной оценке подверг М. Фреишин-Чировский и вхождение Украинской ССР в состав ООН.<sup>82</sup>

То, что хорошо для политического памфлета, не годится для научной и учебной литературы. Независимая Украина выступает проповедницей Украинской ССР, и не украинским ученым изображать ее в неприглядных красках.

В отличие от историков, отечественные специалисты в области права, особенно международного, более выдержаны в оценках и – особенно – в определениях (деконструкциях). Обратим внимание

<sup>81</sup> Фреїшин-Чировський М. Нарис політичної історії України. Львів: Братство святого Володимира, 1997. С. 212–213.

<sup>82</sup> Там же. С. 225–226.

также на то, что отдельные «эмоциональные» оценки историков вызывают закономерное удивление у правоведов, особенно в тех случаях, когда историки пытаются пользоваться юридической терминологией. Так, М. Коваль в свое время сделал удивительное открытие в области права: «Украина как субъект государственно-права перестала существовать с момента захвата ее территории фашистскими завоевателями».<sup>83</sup> Специалисты по международному праву мыслят другими категориями: аннексия не уничтожает международно-правовую основу государства, но временно ее приостанавливает. Определенная разница, согласитесь, есть.

Труды украинских специалистов в области международного права и истории права советского периода отмечались описательным характером, отсутствием собственных концептуальных подходов, которые шли бы в разрез с официальной линией. Национальный момент проявлялся в том, что украинские правоведы освещали личное участие тех или иных представителей Украинской ССР в работе общесоюзных дипломатических органов. Например, В. Василенко и И. Лукащук обратили внимание на то, что в подписании советско-польского Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве 21 апреля 1945 г. «принимал участие председатель СНК УССР».<sup>84</sup> Вместе с тем отсутствие украинских представителей и экспертов при подготовке и подписании более важного, как для Республики, Договора о границах между СССР и Польшей от 16 августа 1945 г. осталось без внимания и комментариев уважаемых авторов.

После обретения Украиной независимости подходы, понятно, изменились. Наработки украинских правоведов служат интересам Украины, формированию собственной украинской концепции событий, связанных с воссоединением.

Украинские ученые в своей массе отрицают международно-правовое значение инкорпорации западно-украинских земель в состав межвоенной Польши, давая ему резкую оценку осуществленной в противовес права наций на самоопределение «оккупации» и «аннексии».

<sup>83</sup> Коваль М. Україна – воєнний і стратегічний фактор Другої світової війни в Європі // Історія України. 2000. № 17 (177), травень. С. 1.

<sup>84</sup> Василенко В. А., Лукащук І. І. Українська РСР в сучасних міжнародних відносинах (Правові аспекти). Київ: Політвидав України, 1974. С. 81.

*«Весь украинский народ, в том числе население Западной Украины, – пишут авторы пособия по истории государства и права Украины В. Кульчицкий и Б. Тышчик, – решительно протестовал против насильственной аннексии западно-украинских земель. (...) Оккупационная власть установила в Западной Украине режим террора и насилия, пытаясь запугать коренное украинское население, заставить его быть покорным, прекратить национально-освободительную борьбу».<sup>85</sup>*

Эти же авторы, не отрицая «советско-нацистского сговора», вместе с тем резонно подмечают:

*«Освобождение Западной Украины отвечало коренным интересам населения края, которое на протяжении столетий упорно боролось против национального и социального гнета (...) тогда факт воссоединения Западной Украины с УССР был воспринят как огромное политическое событие».<sup>86</sup>*

В упомянутой работе есть и определенные недостатки. Несмотря на название параграфа 2 Раздела XII «Объединение украинского народа в едином государстве и юридическое оформление этого факта», авторы пособия ограничились решениями Народного Собрания Западной Украины и односторонними государственно-правовыми актами СССР и УССР 1939–1940 гг., не затрагивая событий международной жизни 1941–1945 гг.

В 2000 г. независимая Украина получила первое украинское пособие по международному публичному праву.<sup>87</sup> О высоком уровне работы свидетельствуют отказ авторов от заидеологизированных подходов, большой иллюстративный материал, многочисленные приложения, живой язык изложения. Главы 2 и 3 посвящены истории международного права и становлению современного междуна-

<sup>85</sup> Кульчицький В. С., Тищик Б. Й. Історія держави і права України: Навчальний посібник. Київ: Атіка, 2001. С. 222.

<sup>86</sup> Там же. С. 241.

<sup>87</sup> Дмитрів А. І., Муравйов В. І. Міжнародне публічне право: Навчальний посібник / Відп. редактори Ю. С. Шемшученко, Л. В. Губерський. Київ: Юрінком Інтер, 2000. 640 с.

родного права. Вместе с тем, подобно советским аналогам 60–70-х годов, период Второй мировой войны освещен весьма скромно:

«23 августа был подписан мирный договор и секретные аморальные и противоправные протоколы к нему между Германией и СССР. Так вызревала, а потом и началась 1 сентября 1939 г. Вторая мировая война».<sup>88</sup>

Относительно же смены государственно-правового статуса западно-украинских земель авторы ограничились цитированием текста Декларации Народного Собрания Западной Украины о вхождении Западной Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики, принятой 27 октября 1939 г., и Закона «О включении Западной Украины в состав СССР с воссоединением ее с Украинской ССР» от 1 ноября 1939 г.

Проблема даже не в том, что авторы ни единим словом не упомянули дипломатическую борьбу за послевоенные западные границы Украинской ССР, которая шла на протяжении всей Второй мировой войны вплоть до августа 1945 г. включительно, – нельзя объять необъятное. Вместе с тем, у студента, тем более у студента-правоведа, не должно создаваться впечатление, что новый международно-правовой статус западно-украинских земель создан исключительно односторонними актами советского государства, что неверно в принципе.

Конечно, анализируя учебники и пособия по истории, истории государства и права, истории международного права, нельзя забывать о специфике учебной литературы, ее принципиальном отличии от литературы научной. Если в мире науки ценится прежде всего оригинальность мысли, новизна концепций, созданных автором, и умение их обосновать, то литература учебная (и справочная) предполагает цель ознакомить своего потребителя с истинами общепринятыми, бесспорными.

Нужно признать, что, к сожалению, уровень научных публикаций и особенно редактирования научной литературы в независимой Украине существенно упал по сравнению с советским временем. Пытаясь привлечь внимание читателя, отдельные авторы

<sup>88</sup> Дмитриев А. И., Муравиев В. И. Указ. соч. С. 87.

некритично используют непроверенные факты, а также заимствуют антиукраинские подходы зарубежных, особенно польских, ученых. Достаточно и явных ляпов, невозможных в публикациях советского периода.

Иногда в двух – трех предложениях автор допускает полдесятка ошибок.

*«После нескольких столкновений немецких и советских войск под Львовом, – пишет в академическом (!) сборнике М. Олейник, заведующий кафедрой истории и краеведения одного из хмельницких вузов, – стороны провели демаркацию границы в соответствии с секретными протоколами пакта Молотова – Риббентропа по линии Тиса, Нарев, Буг, Висла, Сейм. При этом Варшава отходила к Германии, а ее предместье – Прага – к СССР. А уже 23 сентября Германия предложила подписать договор о границах».*<sup>89</sup>

Восточно-прусская Нисса стала закарпатской Тисой, польский Сан – украинским Сеймом. Кстати, «демаркация границы», по которой варшавское предместье Прага якобы отходило к СССР, никогда не проводилась – это процесс длительный.

Понятно, что есть и другие примеры серьезной научной деятельности, не ограниченной затхлыми рамками «партийной» или же карикатурно преувеличеною «национально-свидомой» науки. Л. Гайдуков, С. Кульчицкий, В. Сергийчук, Р. Симоненко, Ю. Сливка и другие авторы обращают внимание на малоизученные вопросы, связанные с реакцией западных государств на советское вторжение в Польшу и включение западно-украинских земель в состав СССР, на легитимность интеграционных процессов осени 1939 г., на внешнеполитическую деятельность правительства УССР и т.д. Их наработки автор использует в своем исследовании.

С. Кульчицкий, Р. Симоненко не обошли вниманием и вопросы напряженной дипломатической борьбы, поиски обоснования легитимности Освободительного похода и Народного Собрания Западной Украины.

<sup>89</sup> Оліник М. П. Дипломатія СРСР в початковий період Другої світової війни // Сторінки воєнної історії України. Київ, 2002. Вип. 6.

## **1.2. Правовые вопросы государственной независимости западно-украинских земель в оценках польских ученых. Современная официальная позиция Правительства РП и польских органов юстиции**

Как известно, Польская Народная Республика после 1945 г. декларировала социалистическую ориентацию и курс на усиление дружеских отношений с СССР, на протяжении многих десятилетий входила в состав СЭВ и в число стран-участников Организации Варшавского Договора.

Вплоть до подписания правительствами ПНР и ЧССР договоров с ФРГ в начале 1970-х гг. и ратификации всеми государствами-участниками документов Хельсинского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе (1975 г.) вызывали определенные сомнения правовой статус и нерушимость западных границ Польши, установленных Потсдамскими договоренностями 1945 г.

В этой международной обстановке польские ученые, специалисты в области новейшей истории и международного права, имели не столь уж большой выбор. С одной стороны, польская общественная мысль категорично не восприняла бы перепевы советского тезиса о «торжестве исторической справедливости» и демократической реализации права наций на самоопределение, с другой – поляки должны были считаться с тем, что их «исторические права» на Вроцлав-Бреслау или Гданск-Данциг были столь же сомнительными, как и украинские «исторические права» на Львов-Львув. Ученым, понятно, приходилось учитывать официальную позицию ПОРП и коммунистических органов безопасности.

Уже в июле 1945 г. лидер ППР В. Гомулка заявил, что за новой восточной границей остались лишь этнические украинские и белорусские земли. Такое перераспределение территорий – реализация ленинской доктрины права наций на самоопределение. Указанная оценка событий, по словам современного польского историка А. Фришке, означала обоснование отторжения от Польши ее бывших восточных воеводств не как последствие диктата Большой Тройки, а как польское суверенное решение.

*«Читатель таких речей, – иронизирует А. Фришке, – не мог себе даже представить, что СССР ока-*

*зыывывал давление на Польшу в вопросах ее восточных земель».<sup>90</sup>*

Сразу же после подписания советско-польского Договора о границах 16 августа 1945 г. премьер Польского Временного Правительства Национального Единства Е. Осубка-Моравский сделал заявление для ТАСС, в котором впервые на официальном уровне выдвинул концепцию, позже известную как *концепция двух Польши*:

*«Ягеллонская Польша, выдвинутая на передовые позиции немецкого натиска на Восток и неспособная собственными силами сдержать этот натиск, пошла по неверному пути поиска компенсации на востоке, вместо того чтобы на примере Грюнвальда организовать сильный отпор всех славянских народов немецкой агрессии.*

*Эта большая политическая ошибка принесла славянским народам много вреда и жестоко отомстила, в первую очередь, самой Польше, которая не только утратила свое прежнее положение великой державы в Европе и свои богатые территории на Западе, колыбель польской государственности, но заковала в оковы немецкого плена и обрекла на уничтожение миллионы поляков на этих землях, а также утратила за короткое время свою национальную независимость».<sup>91</sup>*

При таком подходе установление этнографической границы на дружественном славянском Востоке и восстановление исторических рубежей на недружественном германском Западе изображалось коммунистическими властями как благо для возрожденной Польши.

С. Грабский (известный довоенный и послевоенный политик, экономист и историк) еще в 1944 г. так изложил свое видение будущего Польши:

*«Нам необходимо будет избавиться раз и навсегда от бравадных фраз о наших великодержавных потугах и на-*

<sup>90</sup> Friszke A. Jalta I Poczdam w polskich koncepcjach politycznych (1945–1947) // Jalta, Poczdam. Procesz podejmowania decyzji. Warszawa, 1996. S. 100.

<sup>91</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 3... С. 392.

ищем великоледственном престиже (ибо сейчас на самом деле Великими Державами являются лишь государства не менее чем со стомиллионным населением) и от нереалистической политики».<sup>92</sup>

Войдя в состав коалиционного правительства, будучи членом польской делегации на конференции в Потсдаме, присутствуя при подписании советско-польского Договора о границах от 16 августа 1945 г., С. Грабский в изданной в 1946 г. книге «На новом историческом пути» развел мысль, что все несчастья страны состояли в отказе от идеи «пьястовской Польши», которая стремилась сберечь свои земли от экспансии Германии, и восприятии идеи «ягеллонской Польши», которая сама осуществляла экспансию на восток и встретилась с противодействием России. При этом «пьястовская» Польша несколько неожиданно отождествлялась с «народной», а «ягеллонская» – с «королевской».<sup>93</sup>

Концепция С. Грабского оказалась весьма уместной и своевременной для идеологических потребностей возрожденной страны. Эксплуатация идеи вечной борьбы славянского социума с германским позволяла польской исторической науке обслуживать потребности новой коммунистической власти, оправдывая ее в глазах рядового поляка.

С подачи властей были созданы научные институты – Западный в Познани и Балтийский в Гданьске, чьим едва ли не главным заданием стало обоснование послевоенной линии польско-немецкой границы, поскольку эта граница в начале существования ПНР выглядела в глазах каждого поляка достаточно весомым приобретением проводимой прокоммунистическим польским правительством политики дружбы и сотрудничества с СССР.

Первично польская историко-юридическая наука разрабатывала «теорию рекомпенсации», в соответствии с которой западные Великие Державы увязывали в одно целое проблемы западной и восточной границ Польши: территориальную «утрату», которую понесла страна вследствие принятия «линии Керзона» как основы послевоенной польско-советской границы, как бы компенсировали на западе

<sup>92</sup> Grabski S. Mysli o dziejowej drodze Polski. Glasgow: Ksiaznica Polska, 1944. S. 39.

<sup>93</sup> Idem. Na nowej drodze dziejowej. Warszawa, 1946. S. 5–19.

путем передачи определенных немецких территорий. В частности в 1945–1947 гг. этих взглядов придерживался авторитетный исследователь проблем международного права А. Кляфковский<sup>94</sup> и ряд других ученых. С появлением «первого на немецкой земле социалистического государства» ученые-международники ГДР осторожно, но настойчиво указали польским товарищам, что теория рекомпенсации – «опасная попытка отравления империалистами общей атмосферы».

В научную полемику польских историков и специалистов по вопросам международного права активно вмешалась ПОРП. Труд одного из ее руководителей Ф. Юзьвяка<sup>95</sup> если и не расставил все точки над «и», то существенно ограничил возможности для научной дискуссии.

Создание в 1952 г. Польской академии наук (ПАН) дало возможность усилить централизованное руководство научными исследованиями. Термин «прогрессивность» определялся не учеными, а партийными идеологами, которые стремились переключить внимание специалистов на исследование именно «прогрессивных» тем.<sup>96</sup>

В польской научной – как исторической, так и международно-правовой – литературе этого времени активно разрабатывалась концепция, согласно которой Великие Державы в годы Второй мировой войны якобы пришли к совместному выводу о необходимости установления таких европейских границ, которые исключили бы угрозу повторения войны.

*«Главными целями антифашистской коалиции, определенными еще во время войны, – писал в 1957 г. Б. Вевюра, – являлись обеспечение прочного мира и международной безопасности. Средствами для осуществления этих целей должны были стать: 1) новое политическое устройство Европы, 2) система коллективной безопасности. Новое политическое устройство Европы предусматривало территориальные изменения, решение проблемы национальных*

<sup>94</sup> Klałkowski A. Podstawy prawne granicy Odry-Nisa na tle umów: Jaltanskiej i Poczdamskiej. Poznań: Instytut Zachodni, 1947. S. 34–39.

<sup>95</sup> Юзьвяк Ф. Польская рабочая партия в борьбе за национальное и социальное освобождение / Авт. пер. с польск. Я. А. Ломко; под ред. И. А. Хренова. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. 255 с.

<sup>96</sup> Зашкільняк Л. О. Польська історіографія після Другої світової війни: Проблеми національної історії (40–60-ті роки). Київ: Навчально-методичний кабінет з вищої освіти МО України, 1992. С. 14–15, 25–26.

меньшинств (с учетом опыта решения проблемы немецких меньшинств, которые были использованы в качестве предлога для начала агрессии) и демократизация фашистских государств».<sup>97</sup>

Одно время тема до- и послевоенной советско-польской границы в польской литературе по международному праву была закрыта. В лучшем случае о ней говорили скороговоркой, уходя от оценок.

Авторы «Международного публичного права» (Варшава, 1962) в параграфе «Формирование польской территории» указывали:

«Экспансия на Восток со стороны польской буржуазной республики не остановилась на “линии Керзона”. В вооруженном столкновении с советским государством Польша выступала как оккупант и сейчас добровольно отреклась в пользу советского государства от своих прав на районы, полученные согласно условиям прелиминарного мира и (межгосударственного) размежевания, подписанных в Риге 12 ноября 1920 г.»<sup>98</sup>

Судя по некоторым признакам (построчная схожесть текстов), указанный раздел принадлежит перу В. Горальчика. В 1977 г. в своем курсе «Международного публичного права» данный исследователь почти дословно пересказал сюжеты с плебисцитами 1920 г. в Верхней Силезии, Вармии, Мазурах и Повислье, но ни единственным словом не обмолвился о «добровольных отказах» в пользу советского государства. Наоборот, в параграфе, посвященном правонаследованию в международном праве, ученый утверждал, что государство продолжает свое существование, даже если происходит:

- 1) временная оккупация всей территории,
- 2) революционная смена правительства,
- 3) существенное изменение государственных границ.

<sup>97</sup> Вевюра Б. Польско-германская граница и международное право / Пер. с польск. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 20.

<sup>98</sup> Berezowski C., Libera K., Goralczyk W. Prawo międzynarodowe publiczne / Pod red. Ceserego Berezowskiego. Warszawa: Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego, 1962. S. 165.

«Как пример, – продолжает В. Горальчик, – на протяжении 1939–1944 гг. вся территория Польши находилась в оккупации, одновременно произошла смена общественного строя, а **после войны** (выделено мной. – В. М.) – существенные изменения государственных границ. Военная оккупация не прервала государственного существования Польши, поскольку во время оккупации не прекращалась борьба против оккупантов. Части польской армии воевали на всех фронтах, а в Крае действовало движение сопротивления».<sup>99</sup>

Далее, на с. 174–175, автор перечисляет цессии, осуществленные в послевоенных мирных договорах. *Восточные крессы* в список не попали, несмотря на то что В. Горальчик постоянно пытался любой сюжет проиллюстрировать примерами из польской истории.

В польской правовой литературе этого периода практически отсутствуют упоминания о решениях Народных Собраний Западной Украины и Западной Белоруссии. В то время как советская и особенно украинская советская научные школы сосредоточивали внимание на этих событиях как главных международно-правовых основаниях вхождения западно-украинских и западно-белорусских земель в состав Союза ССР, их польские коллеги игнорировали сам факт. Ни одного упоминания о Народных Собраниях в Львове и Белостоке в польской («коммунистической»!) юридической литературе 50–70-х гг. отыскать не удалось.

Следует отметить и тот факт, что польская международно-правовая школа всегда сознательно преуменьшала (и теперь преуменьшает) значение права наций на самоопределение и плебисцита в современных международных условиях. Для сравнения, серьезные западные специалисты в области международного права (Хакворс, Бишоп, Уильям и др.) относятся к институту плебисцита с присущим уважением и выражают уверенность, что он является нормой при осуществлении цессии: «цессия территории очень часто является проявлением воли народа (в том виде), как она высказана в плебисците».<sup>100</sup>

<sup>99</sup> Goralczyk W. Prawo międzynarodowe publiczne w zarysie. Warszawa: PWN, 1977. S. 138.

<sup>100</sup> Bishop J., William W. International Law. Cases and Materials. 3-d ed. Boston-Toronto: Little, Brown & Co, 1971. P. 418.

Польские правоведы, исходя, вероятно, из собственного исторического прошлого, наставали на том, что право народов на самоопределение не означает, что все территориальные изменения должны происходить в результате свободного волеизъявления населения определенного региона, т.е. в случае плебисцита. Лучшим доказательством этого могут быть мирные трактаты и другие решения, принятые после Второй мировой войны, в результате которых произошли значительные территориальные изменения без плебисцита. Уместно писал Симонидис (еще один польский юрист-международник. – B. M.), что проведение плебисцита не является условием легальности цессии:

*«Много цессий остались без проведения опроса населения, и не было это признано нарушением международного права».*<sup>101</sup>

Думается, положить конец расхождениям могло бы одно из разъяснений Международного Суда ООН:

*«Действие принципа самоопределения, суть которого состоит в необходимости принимать во внимание свободное волеизъявление народов, – указывал его председатель Э. Аречага, – не подлежит сомнению из-за того, что имели место случаи, когда Генеральная Ассамблея ООН не выполняла требование проведения консультаций с населением соответствующих территорий. Это было вызвано или соображениями того, что данное население не представляет собой “народ”, владеющий правом на самоопределение или что в подобных консультациях не было необходимости в связи с существующими специфическими обстоятельствами».*<sup>102</sup>

К важнейшим трудам, созданным польскими эмигрантскими политиками и учеными в годы Второй мировой войны и первые десятилетия после ее окончания, отнесем сочинения Я. Цеханов-

<sup>101</sup> Goralczyk W. Cit. op. S. 178.

<sup>102</sup> Аречага Э. Х. Современное международное право / Пер. с исп. М.: Прогресс, 1983. С. 163.

ского, С. Кота, С. Миколайчика, Э. Рачинского, М. Сейды, а также Т. Бур-Комаровского, И. Матушевски, Л. Миткевича, С. Мора и П. Зверняка, Т. Рудницкого, З. Шишко-Богуша и др. Общей для этих работ была оценка инкорпорации западно-украинских, западно-белорусских и литовских земель в состав соответствующих советских республик как результата применения грубой силы при попрании норм международного права. Западные союзники СССР якобы соглашались на уступки Сталину исключительно из pragматических соображений: вначале с целью не допущения сепаратного мира между СССР и фашистской Германией,<sup>103</sup> а затем – устранили угрозы военного столкновения со своим окрепшим союзником.

Польские эмигрантские авторы в своей массе игнорировали волю и стремление населения территорий, вошедших в состав СССР в 1939–1945 гг., рассматривая его как объект, а не субъект международного права. Характерной чертой было гипертрофированное чувство польского патриотизма и собственного (то есть эмиграции и ее политических ценностей) значения. «Немцы перестали угрожать миру, – писал в 1949 г. А. Кжезински, – вопреки этому, Польша, которая спасла Англию и целый мир от неволи, еще не свободна».<sup>104</sup>

Характеристику положения дел в лагере польской эмиграции перед Хельсинским Совещанием в 1975 г. дал Б. Цимбалистый:

«Кроме предубеждений, гордыни и ресантиментов, существуют реальные препятствия для налаживания какого-либо сотрудничества между украинцами и поляками. Таким реальным препятствием является разница взглядов украинцев и поляков на сегодняшние границы между двумя народами. Большая часть поляков<sup>105</sup> отбрасывает решения конференции в Ялте о границах вдоль Сяна и требует возвращения к границам 1939 г. В своих политических мнениях и декларациях поляки мало руководствуются требованиями действительности, которая ставит определенные пределы нашим представлениям, мечтам, желаниям. Чтобы доказать, что западно-украинские земли должны

<sup>103</sup> Ulam A. Expansion and Coexistence. Soviet Foreign Policy 1917–1973. 2-d edition – New York: Praeger Publishers, 1974. P. 24.

<sup>104</sup> Ulam A. Cit. op.. P. 5–6.

<sup>105</sup> Разговор идет об эмиграции.

быть возвращены Польше, приводятся заявления, высказывания различных польских политиков о принципах польской зарубежной политики, среди которых требования возвращения к границам 1939 г. на востоке (не на западе!). Поляки подходят к этим заявлениям, высказанным 20 или 30 лет назад, как к абсолютным догмам, которые не имеют права меняться, чтобы ни произошло в мире».<sup>106</sup>

И далее:

«Сама постановка вопроса о правах Польши на “восточную Малопольшу” ранит чувства большинство поляков, в частности выходцев из Львова. Такие личные чувства обобщаются, и считается, что сама мысль о ревизии Рижского договора означает “капитуляцию”, “искажение национальной и личной идентичности”, неисполнение “морального долга”, “приказа сердец” и тому подобное».<sup>107</sup>

Процессы десталинизации, начатые в Восточной Европе XX съездом КПСС, в скором времени отразились на ПНР и ее научной школе.

В декабре 1959 г. собралась научная сессия ПАН в честь 15 годовщины народной Польши. После нее значительно активизировались исследовательские работы по изучению новейшей истории, особенно периода Второй мировой войны и послевоенных преобразований. В Институте истории партии и Институте истории ПАН были созданы специальные группы, начавшие разработку периода 1944–1948 гг. Дискуссия по щекотливым вопросам была продолжена на научном симпозиуме по новейшей истории Польши, организованном Министерством высшего образования в г. Сопоте в июне 1962 г. Восемь дней продолжалось обсуждение наиболее острых вопросов, особенно «белых пятен», о которых до недавнего времени умалчивала официальная историография. Критике подверглись формы и способы описания в литературе соотношения сил между левым и эмигрантским лагерями в годы оккупации, искажение действитель-

<sup>106</sup> Цимбалістий Б. Указ. соч. С. 93.

<sup>107</sup> Там же. С. 95.

ных программ и требований демократический партий и группировок, замалчивание преступлений режима сталинизма против поляков в годы войны и т.д.<sup>108</sup>

В 1963 г. состоялась вторая научная сессия ПАН по проблемам освободительной войны польского народа 1939–1945 гг. Осенью 1964 г. Военно-исторический институт провел симпозиум по проблемам оборонной войны 1939 г. Участники симпозиума сместили акценты властных структур Второй Речи Посполитой и допущенных ими «ошибок». Так, были сняты обвинения в адрес довоенных правительств в якобы немотивированном антисоветизме, вместо этого скрупулезно проанализированы причины взаимного недоверия в предвоенных советско-польских отношениях.

Следующим шагом стал пересмотр политических оценок деятельности Армии Крайовой, и польского правительства в изгнании, международных аспектов польского вопроса и др., осуществленный в монографических исследованиях 60-70-х гг.

Что касается международно-правового статуса советско-польской границы, то этот вопрос в трудах ученых ПНР этого периода сомнению пока не подвергался.

Показательным является подход С. Забелло, который в 1970 г. писал:

«Позицию эту<sup>109</sup> составляли два довода. Во-первых, понимание окончательного завершения динамичного процесса (вос)соединения Украины и Белоруссии. Можно было этот процесс с учетом политических потребностей на какое-то время откладывать во времени, но в тот момент, когда он нашел свой финал в актах воссоединения 1 и 2 ноября 1939 г., нельзя было уже и помыслить повернуть колесо истории назад. К этому необходимо добавить, что происходило это на фоне советского патриотизма, для которого реализация народных вековых стремлений, проигнорированных Рижским трактатом, была еще и проблемой эмоциональной. Во-вторых, на почве объединения Украины и Белоруссии Советский Союз хотел перечеркнуть все бы-

<sup>108</sup> Зашкільняк Л. О. Польська історіографія після Другої світової війни... С. 53–55.

<sup>109</sup> Т.е., отказа от восточных земель.

лье взаимные претензии, равно как и (создать) будущие дружественные отношения с Польшей на новой основе. С историей нужно считаться». <sup>110</sup>

Среди важнейших трудов этого периода упомянем также работы В. Ковальского<sup>111</sup> и Ф. Збиневича.<sup>112</sup>

Отметим также, что фактическими материалами из трудов польских авторов этого периода активно оперировали российская и украинская советские научные школы. Труды польских ученых, перекликавшиеся с официальной советской интерпретацией событий 1939–1945 гг., переводились на русский язык,<sup>113</sup> их аргументы пополняли арсенал советской пропаганды.

Характерным явлением этого периода стало сотрудничество польского Института Рабочего движения при ЦК ПОРП и советского Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Результатом этой деятельности ожидалось устранение разбежностей в подходах к событиям Второй мировой войны. Как пример, возьмем 2-й том коллективного труда «Польша-СССР»,<sup>114</sup> посвященного обзору советско-польского сотрудничества в предвоенные и последующие годы. Коллектив авторов представлял как советскую (Г. Лекомцев, Н. Бучко, М. Замлинский и др.), так и польскую (М. Малиновски, Р. Гаплаба, Е. Сероцки, Б. Сидек и др.) научные школы. Со стороны это выглядело так, будто между польской и советской историографией событий Второй мировой войны противоречий и даже просто разногласий уже не осталось.

<sup>110</sup> Zabiello S. O rzad i granice. Walka dyplomatyczna o sprawę polską w II wojnie światowej. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1970. S. 64.

<sup>111</sup> Kowalski W. T. Polityka zagraniczna RP: 1944–1947. Warszawa: Księska i Wiedza, 1971. XIII, 422 s.; **Idem.** Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945). Warszawa: Księska i Wiedza, 1979. 746, kart.; **Idem.** Wielka koalicja 1941–1945. T. 1: 1941–1943. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1973. 832 s.; **Idem.** Wielka koalicja 1941–1945. T. 2: 1944. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1975. 728 s.; **Idem.** Wielka koalicja 1941–1945. T. 3: 1945. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1978. 896 s.

<sup>112</sup> Zbiniewicz F. Armia Polska w ZSSR: Studia nad problematyką pracy politycznej. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1963. 370 s.

<sup>113</sup> Боратинский С. Дипломатия периода Второй мировой войны. Международные конференции 1941–1945 гг. / Пер. с польск. М.: Иностранный литература, 1959. 356 с.; Османчик Э. Я. Был год 1945 / Пер. с польск. Я. О. Немчинова. М.: Международные отношения, 1975. 198 с.; Станевич М. Сентябрьская катастрофа / Пер. с польск. П. Зяблова и В. Павловича. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. 242 с.

<sup>114</sup> Polska-ZSSR. Internacjonalistyczna współpraca – historia i współczesność. T. II. Warszawa: Księzka i Wiedza, 1978. 385 s.

О самостоятельности научной мысли в ПНР, ее отличии от доминирующих в Советском Союзе взглядов и концепций можно с уверенностью говорить лишь со второй половины 70-х гг. Появление на политической арене «Солидарности» и неподконтрольных правительственный структурам прессы и издательской деятельности благоприятствовали тому, что польские специалисты в области новейшей истории и международного права начали интерпретировать события 1939–1945 гг. в новом свете.

От эмигрантской литературы 40–50-х гг. их труды отличались принципиально новыми моментами: в частности, критиковались как отдельные действия, так и общая негибкая позиция эмигрантского правительства; высказывались сожаления по поводу того, что не удалось «спасти» Львов и уезды, населенные в этническом плане в основном польским элементом; мнение, что Польша вполне могла бы рассчитывать на обещанную ей союзниками Восточную Пруссию, если бы события развивались иначе, и т.п.

Показательной в этом плане может считаться работа Е. Лоека.<sup>115</sup> Первое ее издание вышло из печати в 1979 г., второе – в 1982 г., уже без указания издательства. Можно допустить, что последнее обстоятельство диктовалось особенностями политической обстановки в Польше того времени, а также политическими концепциями самого автора. В предисловии ко 2-му изданию сам Е. Лоек жаловался на то, что долго не мог найти издателя, даже польские эмигрантские издательства отказывались печатать работу.

Причина, на наш взгляд, состояла в том, что Е. Лоек слишком резко критиковал польское правительство Складовского и эмигрантское правительство Сикорского за их действия в сентябре 1939 г. Наибольшее возмущение вызывал тот факт, что ни одно польское правительство не пошло на объявление войны Советскому Союзу уже осенью 1939 г. Е. Лоек высказывал мнение, что объявление войны имело бы исключительно позитивное значение как для определения послевоенных границ (мол, Финляндия, активно сопротивлявшаяся Сталину, потеряла много меньше того, что требовал Кремль), так и для судьбы польских офицеров и подстаршин, интернированных советскими властями, а позже уничтоженных. Поскольку со-

<sup>115</sup> Lojek J. (Leopold Jerzewski). Agresja 17 września 1939. Studium aspektów politycznych. Wyd. 3. Warszawa: Instytut wydawniczy Pax, 1990. 204 s.

стояния войны не было, настаивает Е. Лоек, интернированные не имели статуса военнопленных. Это были как бы обычные граждане Союза ССР, которые пострадали за свое классовое происхождение. В обращении с ними Сталин руководствовался теми же критериями, что и с другими гражданами СССР, чего, вероятно, не произошло бы, имей эти люди статус военнопленных.

Здесь целесообразно напомнить, что отец Е. Лоека был польским офицером, интернированным советскими властями, а в 1940 г. уничтоженным. Сыновий долг историка подтолкнул его к обвинениям в адрес тогдашних союзников Польши, особенно Великобритании. Работа Е. Лоека приятно удивляет интересным фактическим материалом, но политические подходы – как, например, взгляд на послехельсинскую Европу – выглядят просто шокирующими.

В частности Е. Лоек отстаивал следующую идею:

«С точки зрения исторической перспективы очевидно, что лучше было бы тогда напасть на СССР в союзе с немцами, чем дождаться в конце концов (...) общего удара по Польше немцев и СССР. Очень похоже на то, что в ситуации 1939 или 1940 года удар немецко-польский (а с другой стороны – японский) на Советский Союз до основания уничтожил бы империю Иосифа Сталина. (...) Польша могла избежать катастрофы лишь при разбивке этой войны на две фазы: фазу войны на востоке и более позднюю фазу войны на западе и юге (?! – В. М.) Европы. О таком развитии событий порой вели разговор в польских кругах в 1941–1943 годах, мечтая о повторении истории Первой мировой войны: сперва немцы бьют растерянную Россию, потом западные Альянты<sup>116</sup> побивают Рейх, а в конце Польша снова вступает в борьбу, отвоевывая полную независимость».<sup>117</sup>

Параллельно произошли изменения в польской эмигрантской научной литературе. Она перестала оглядываться на Вашингтон и Лондон, с которыми связывала свои надежды периода «холодной

<sup>116</sup> Т.е. союзники.

<sup>117</sup> Lojek J. Cit. op. S. 16.

войны». Если вначале огонь критики был сосредоточен против Советского Союза и мирового коммунизма, то теперь все чаще звучали укоры в адрес западных союзников, причем не только Англии, но и США. Не только Сталин, но и Черчиль, и Рузвельт якобы несут *одинаковую* ответственность за нарушение норм международного права. Показательной в этом отношении может считаться публикация статьи Т. Комарницкого «Ялтинское разделение Польши в свете международного права»<sup>118</sup> в научном сборнике, вышедшем из печати в Лондоне в 1985 г.

Было бы, однако, ошибочным полагать, что вся польская эмиграция была монолитной в вопросе о восточных границах Польши. Понимание важности для Польши овладения западными историческими землями, преобразования ее в центрально-европейское государство постепенно брало верх. Мирослав Прокоп писал, что тот аргумент, что «польское население обжило те земли и таким образом Польша добилась того, к чему исторически стремилась, т.е. стать монанациональным государством (...) преобладает в серьезных польских кругах. Известно, что к ним принадлежит в эмиграции редакционный коллектив польского журнала в Париже «Культура». Еще в 1950-х годах, сравнительно быстро, они признали статус-кво современной украинско-польской границы и сделали это тогда, когда в польской эмиграции эта идея совсем не воспринималась».<sup>119</sup>

В упомянутом М. Прокопом журнале польской эмиграции «Культура» (Париж) в номере за июль-август 1972 г. появилась статья Ю. Мерошевского, тут же перепечатанная украинской эмигрантской «Сучасністю» («Современностью». – В. М.). «По моему мнению, – писал польский автор, – те из нас, кто настаивает на возвращении Вильно и Львова, отодвигают перспективы освобождения Польши на неопределенное время. Потому что сегодня – как никогда раньше в нашей истории – мы нуждаемся в союзниках на Востоке, и нет цены, которая была бы слишком высокой, чтобы обрести их доверие и приязнь».

Возникновение «Солидарности» и связанных с нею некоммунистических структур первоначально мало повлияли на освещение

<sup>118</sup> Komarnicki T. Jaltanski rozbior Polski w świetle prawa narodów // Jalta wczoraj i dzisiaj. Wybór publ. cyszytki 1944–1985. London, 1985. S. 51–96.

<sup>119</sup> Прокоп М. Чи ми приречені ворогувати? До питання українсько-польських взаємин // Сучасність. 1972, вересень. Ч. 9 (141). С. 100–107. С. 102.

темы советско-польской границы. «В современной Польше, – писал у 1986 г. политолог Ю. Дарский, – в отличии от эмиграции, дело границ не вызывает явных споров. Если оно вызывает дискуссии, то исключительно в частных кругах. Теперь ни одна из польских группировок не выдвигает лозунгов пересмотра современной восточной границы; наоборот, или ее, безусловно, признают, или замалчивают. (...) Это не означает, что в обществе нет приверженцев борьбы за Вильно и Львов. Их голоса зазвучали, например, в дискуссии по программе “Самостоятельности”, но их приверженцы теперь в меньшинстве. Очевидно, нет никакой уверенности, что в случае борьбы за голоса избирателей группы, которые сегодня признают восточную границу, либо замалчивают эту тему, не поддадутся искушению победить конкурентов лозунгами. Поэтому такое большое значение имеет “уляживание” вопроса границ уже сегодня, общее обращение лицом к политическим фактам, от которых в будущем нельзя будет отступить». Так сделали четыре самостоятельные группировки: организация ВСН, Политическое движение «Освобождение», Либерально-демократическая партия «Самостоятельность» и Политическая группа «Воля», издав 16 декабря 1984 г. общее заявление по вопросу признания восточной границы и начав борьбу с коммунизмом в восточно-европейских масштабах: «Единственный способ преодолеть (...) конфликты – это сберечь современные границы. (...) Мы считаем, что пересмотр границ между территориями наших народов противоречил бы их государственным интересам, духовному сотрудничеству и дружбе». По инициативе этих организаций издан также «Ялтинский призыв», который подписали уже многие подпольные группировки, в том числе и солидарностные (т. е. входящие в «Солидарность» – В. М.). Вопрос границ там сформулирован так же: «Отрицание нами Ялтинских договоренностей не означает, что мы хотим каких-либо изменений границ Польши, созданных после войны».<sup>120</sup> Умеренность оппозиционных к ПОРП политиков определяла, в свою очередь, и определенную сдержанность польских оппозиционных ученых.

В украинской научной литературе отмечено то обстоятельство, что лидеры «Солидарности» Яцек Куронь, Адам Михник и другие неоднократно утверждали, что преодолеть имперский коммунизм

<sup>120</sup> Горов В. Я. Перед грозой. М.: Политиздат, 1967. С. 149, 152–153.

можно лишь общими усилиями всех народов Восточной Европы, а также национальных республик СССР. В этой связи налаживание польско-украинского сотрудничества указанному крылу польского оппозиционного антикоммунистического движения виделось куда более важной задачей, чем акцентирование внимания на теме восточных границ Польши.<sup>121</sup>

Безусловно, недовольство восточными границами, по мнению большинства поляков, навязанными послевоенной Польше силой, в новых политических условиях конца 70–80-х гг. XX в. не только сохранилось, но и кое-где усиливалось. Тем не менее серьезные научные круги не добивались, а, скорее, избегали выноса дискуссии на международную арену.

Показательной в этом отношении была встреча польских и советских юристов в Мондрагине летом 1990 г. на симпозиуме «Преобразование политического порядка в Польше». В выступлениях польских участников звучали мотивы критики советской модели социализма, навязанной Польше (Ч. Мойсевич), защиты прав человека (А. Лопатка), расширения демократических завоеваний (Т. Фукс) и другие острые вопросы. В выступлении М. Гульчинского отмечалось, что преобразования политического порядка вызвали изменения международных отношений. Польше следует определяться не только в вопросе о характере и темпах интеграции в европейское сообщество, но и обеспечении своей военной безопасности, установлении «новых форм контактов с Советским Союзом» и т.д. Дискуссия носила открытый характер, без обычных для предыдущей эпохи закрытых тем. Однако ни в одном из выступлений польских юристов-международников тема границ между двумя странами не затрагивалась.<sup>122</sup> Нерушимость европейских границ, подтвержденная хельсинскими соглашениями 1975 г., не вызывала сомнений и в новых исторических условиях развала «социалистического содружества».

После окончания действия Варшавского договора польская научная мысль радикализовалась, стала на позиции осуждения территориальных перемен 1939 года, отвергая какие-либо их правовые основы.

<sup>121</sup> Зайцев Ю. Польська опозиція 1970–1980-х років про засади українсько-польського порозуміння // Депортaciї українців та поляків: кінець 1939 – початок 1950-х років (До 50-річчя операції «Вісла»). Львів: НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 1998. С. 52–64.

<sup>122</sup> Славин М. М. Преобразование политического строя в Польше (По материалам польско-советского симпозиума) // Государство и право. 1992. № 3. С. 144–150.

На заре украинской независимости редактор популярнейшей в то время «Газеты выборчей» А. Михник констатировал, что поляки рассматривают западные украинские земли как «восточные провинции Польши», ибо «польское государство существовало на этих землях на протяжении 500 лет». Что же касается Львова, то «польскую культуру тяжело представить без этого города». <sup>123</sup>

Польские научные журналы в это время охотно публиковали материалы типа «Подборка документов агрессии 17.09.1939 г.»<sup>124</sup>

При этом радикализация политической и научной мысли в РП касалась и отношения к западням союзникам по антититлеровской коалиции.

Показательной является работа В. Бонусяка «Иосиф Сталин (биография)» (1992 г.):

«Союзники сознательно нарушили принятые ими обязательства, содержащиеся как в Атлантической Хартии, так и в Декларации Объединенных Наций. Атлантическая Хартия (к которой СССР объявил о своем присоединении 24.IX.41 г.) определенно подтвердила, что государства, поставившие под ней свои подписи: “Во-первых, не стремятся к территориальным или другим приобретениям, во-вторых, не согласятся на любые территориальные изменения, которые бы не были согласованы с волеизъявлением заинтересованных народов”. Большая Тройка во время своих трехсторонних и двусторонних встреч, планируя и реализовывая новый раздел мира, беспокоилась об интересах своих государств, трактуя остальное как предметы на шахматной доске». <sup>125</sup>

Автор какбы игнорирует тот факт, что окончательная восточная граница Польши установлена де-юре не Великими Державами, а соответствующим польско-советским договором 16 августа 1945 г. Не принимается во внимание воля местного украинского, белорус-

<sup>123</sup> Територіальні претензії до України // Пам'ятки України. 1991. № 2. С. 10.

<sup>124</sup> Wybór dokumentów do agresji 17.9.1939 r. Cz. II // Wojskowy Przeglad Historyczny. 1993. № 2. S. 169–189; Wybór dokumentów do agresji 17.9.1939 r. Cz. III // Wojskowy Przeglad Historyczny. 1993. № 3. S. 173–197; Wybór dokumentów do agresji 17.9.1939 r. Cz. IV // Wojskowy Przeglad Historyczny. 1993. № 4. S. 211–234.

<sup>125</sup> Bonusiak W. Jozef Stalin (biografia). Krakow: Malopolska Oficyna Wydawnicza, 1992. S. 138–139.

ского, литовского населения и право наций на самоопределение. Польский ученый «забывает» и тот факт, что именно Советский Союз под руководством Сталина выступал за то, чтобы как можно дальше отодвинуть на запад польские границы с Германией.

П. Эберхардт, автор основательной работы «Польская восточная граница 1939–1945», принял за подсчеты территориальных потерь и приобретений Польши в период Второй мировой войны:

«Территориальные потери Польши с проведенными изменениями границ на востоке в пользу СССР составляли в общем 179 тыс. кв. км Территория Польши в 1945 г. без приобретений на западе составила едва ли 209 тыс. кв. км. С учетом присоединения Земель Западных и Северных площадью 103 тыс. кв. км территория Польши составляла в 1945 г. в общем 312 тыс. кв. км. Безвозвратные потери составили 76 тыс. кв. км.

Тяжело оценить общий баланс утрат и приобретений. Польша потеряла Львов и Вильно, но приобрела Вроцлав, Щецин и Гданьск. (...) Кроме того, Польша приобрела широкий выход к морю. Утратила области бедные, экономически слабые и неразвитые. Вместо этого приобрела территорию с богатой инфраструктурой, хорошо освоенную в хозяйственном отношении и урбанизированную. (...) Утратили около 160 городов, а приобрели около 300 городов. (...) Единственное, что необходимо отметить, более 2,5 млн поляков остались в восточные края, переданные Советскому Союзу. Около 8 млн немцев ушли на запад». <sup>126</sup>

При оценках новых восточных границ Польши П. Эберхардт в общем придерживался этнографического принципа:

«Считаю, что если бы потери касались Полесья и Волыни, восточных Карпат, где число поляков было небольшим, даже Вильна и Виленичины, на которые Литва имела исторические права, а в границах Польши остались бы Гроднен-

<sup>126</sup> Eberhardt P. Polska granica wschodnia 1939–1945. Warszawa, [s.a]: Editions spotkania. S. 213.

щина и Львов с нефтяными месторождениями, утрата не была бы такой болезненной, и общество польское со временем согласилось бы с новыми восточными границами. Можно даже предположить, что проведение восточной границы по варианту “В” “линии Керзона” с оставлением на польской стороне самого только Львова и нефтяных месторождений удовлетворило бы общественную мысль. Известие об оставленном на советской стороне Львове шокировало поляков. Оскорбленное самолюбие в конечном итоге повлияло на отношение поляков к СССР. Новая восточная граница была диктатом Сталина, который в этом вопросе целиком подчинил себе Черчилля и Рузвельта. Поэтому не брались в расчет при окончательном определении границы никакие плебисциты населения и такие договоренности (о линии границы. – В. М.), которые опирались бы на волю населения».<sup>127</sup>

Можно было бы, конечно, во имя справедливости вспомнить и об «исторических правах» украинцев на Львов, который основал Даниил Галицкий и назвал в честь своего сына Льва (кстати, факт мало известный в Польше, а для обычного поляка это – научное открытие). Как-то не воспринимается и то, что исследователь пытается игнорировать решения Народного Собрания Западной Украины и Западной Белоруссии. Похоже, не очень беспокоили П. Эберхардта и чувства 8 млн немцев, вынужденных покинуть свои дома, чтобы понести ответственность за агрессивность нацистских вождей.

Радикализация позиций польских ученых в вопросе о границах РП сопровождалась либерализацией взглядов последних деятелей польской эмиграции периода Второй мировой войны и представленной ими научной школы.

Известно, что министр иностранных дел польского эмигрантского правительства в Лондоне Э. Рачинский незадолго до смерти в 1993 г. говорил:

«Мы всю свою жизненную энергию и политическую деятельность направили на оборону польских восточных

<sup>127</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 212.

*территорий. И сейчас, умирая, я очень рад, что нам это не удалось. Наблюдая ту страшную резню, которая творится в Югославии, представьте себе, что могло бы твориться на Волыни и Восточной Галиции».<sup>128</sup>*

Видел для Польши позитивные моменты в территориальных переменах и бывший посол эмигрантского польского правительства в СССР, а в дальнейшем министр этого правительства, С. Кот. Он, в частности, не без чувства удовлетворения писал, что после всех территориальных изменений периода Второй мировой войны Польша превратилась из восточноевропейской в центрально-европейскую страну.<sup>129</sup>

Современная (после 1991 г.) научная мысль РП в своей массе далека от подобной снисходительности. Не ставя под сомнение нерушимость существующей границы, ученые требуют решительного осуждения Украиной нарушения норм международного права, якобы совершенных советской стороной в 1939–1945 гг.

В апреле 1993 г. в отделе права и управления Вроцлавского университета была защищена докторская диссертация Я. Жулинского «Включение польских восточных земель в состав СССР (1939–1940 гг). Проблемы устройства и права».<sup>130</sup> Весьма богатый исторический материал сопровождался довольно скромным международно-правовым комментарием. Автору часто изменяло чувство реальности. Так, например, на с. 89 дана схема размещения делегатов Народного Собрания Западной Украины, из которой следует, что на каждого «местного» депутата приходилось не меньше двух (а то и четырех) депутатов с востока Украины. На с. 77 с удивлением читаем, что во время выборов НСЗУ внутри избирательной урны прятался член избирательной комиссии, задачей которого было отслеживать и докладывать, кто и как голосует. В общем же, в резюме русским языком (придерживаюсь авторской редакции) Я. Жулинский заявил:

<sup>128</sup> Україна-Польща: важкі питання. Том 3: Матеріали III міжнародного наукового семінару «Українсько-польські стосунки в роки Другої світової війни» (Луцьк, 20–22 травня 1998 р.). Варшава: Tyrsa, 1998. С. 114.

<sup>129</sup> Ткачов С. Польсько-український трансфер населення 1944–1946 рр. Виселення поляків з Тернопілля. Тернопіль: Підручники і посібники, 1997. С. 15–16.

<sup>130</sup> Zolynski J. Wlaczenie polskich ziem wschodnich do ZSSR (1939–1940): problemy ustrojowe i prawne. Wrocław (Acta Universitatis Wratislaviensis №. 1644. Prawo 233), 1994. 208 s.

«Основной тезис следующий: решения и действия советских властей, которые подвергли инкорпорации восточные земли Польской республики и без согласия всего населения восточных пограничных областей провели общественно-политические изменения, были полностью незаконными. Основное значение имеют здесь проведенные, вопреки международному праву, выборы 22 октября на Западной Украине и в Западной Белоруссии».<sup>131</sup>

Не отстают от правоведов и «чистые» историки:

«От 17 сентября 1939 г., – заявляет А. Айненкель, – советы, вопреки нормам международного права, международным договорам, признали, что польского государства не существует. Тут одно отступление: подобную позицию заняла и гитлеровская Германия. Но ей пришлось отвечать за это перед Нюрнбергским трибуналом. А предстанет ли когда-нибудь осуждена перед подобным трибуналом советская система – не знаю».<sup>132</sup>

В том же духе выдержано А. Айненкелем оценка противостояния польского эмигрантского правительства в Лондоне и Москве в 1941–1945 гг.: оправдание позиции политиков-эмигрантов и тотальное отрицание не только советской, но и американской позиции – с отсылками к нормам международного права и якобы преступным договоренностям между союзниками:

«То, что Рузвельт обещал Стalinу, было беззаконием. Рузвельт отдавал себе в этом отчет, и если бы американское общество того времени узнало об этом, то за него не проголосовали бы не только поляки по происхождению, но и (коренные – В. М.) американцы. Атлантическая хартия гласила, что во время войны в государственные границы за-преицено вносить какие-либо изменения».<sup>133</sup>

<sup>131</sup> Zolynski J. Wlaczenie polskich ziem... S. 194.

<sup>132</sup> Україна-Польща: важкі питання. Том 3... С. 219.

<sup>133</sup> Там же. С. 221–222.

Признают польские ученые и польскую «вину», правда, в ограниченных рамках. По утверждению В. Бонусяка:

*«Германская политика, которая выигрывала от антагонизма между двумя нациями, действия Сталина, (польское) мышление категориями Второй Республики и антипольские выступления украинцев на Волыни и в Восточной Малопольше на протяжении Второй мировой войны не позволили выработать позитивную программу в украинском вопросе и, что стало немедленным результатом этого оставили будущее Малопольши в руках союзников».<sup>134</sup>*

В. Бонусяк перекладывает некоторую часть вины за «потерю Малопольши» и на эмигрантское правительство, но делает это весьма своеобразно:

*«Вначале политические партии не уделяли внимания будущему Малопольши и украинской проблеме в целом. Они трактовали обе эти проблемы как не существующие, потому что верили, что все вернется к довоенному состоянию. Правительству эмиграции это может быть поставлено в вину, потому что оно ограничивало свои действия исключительно общими декларациями, даже не видя места для украинцев в Народном Собрании».<sup>135</sup>*

Такой подход видится весьма дискуссионным – даже при условии лояльного отношения «лондонских поляков» к коммунистической Москве сотрудничество с «украинцами» (т.е. представителями межвоенных западно-украинских партий) принесло бы эмигрантскому правительству нулевые дивиденды. Попытка же вступить в конфронтацию с Москвой, опираясь на упомянутые «украинские силы», тоже была обречена на неудачу в политических условиях Второй мировой войны.

Но интересна тенденция. В польской историко-правовой науке постепенно преодолевается «комплекс жертвы», столь присущий

<sup>134</sup> Bonusiak W. Przyłosc Malopolski w Programach Konspiracyjnych Stronnictw Politycznych podczas II Wojny światowej // Galicja i jej dziedzictwo. Tom I. Historia i polityka. Rzeszow, 1994. S. 252.

<sup>135</sup> Bonusiak W. Cit. op. S. 251.

некоторым современным украинским политикам и ученым в вопросах отечественной истории.

Вместе с тем подчас создается впечатление, что в польской науке складывается новый комплекс – антиукраинский. В своей нелюбви к украинскому национализму современная польская историография может посостязаться с советской исторической наукой 50-х. гг. Более того, на украинских националистов пытаются повесить чуть ли не сотрудничество с Москвой в деле «раздела Польши».

Показательной в этом отношении может считаться монография Ч. Партача.<sup>136</sup> Чрезвычайно информативный труд изобилует безосновательными антиукраинскими выпадами. Автор утверждает, что «около 98 % украинцев верили в победу немцев».<sup>137</sup> Украинские националисты якобы помогали Советам проводить депортации и аресты 1939–1945 гг. в польской среде, «на землях, оккупированных Советской Россией, украинские деятели пытались всеми силами ликвидировать польскость руками советских оккупантов»,<sup>138</sup> обижали своих польских братьев по несчастью в местах депортации и заключения,<sup>139</sup> а поляков на Волыни притесняли отряды УПА, сформированные из бывших украинских полицеистских, которые находились под сильным влиянием советской агентуры.<sup>140</sup> В своем отношении к Польше и полякам украинская общественность проводила двойную политику:

«В моменты, когда украинцам казалось, что они сильны и приближается победа их националистических идей, происходил рост ненависти к полякам, который тянул за собой кровавый след. Когда же наступало состояние депрессии и росло осознание безнадежности положения, они начинали одновременно демонстрировать жесты расположения в отношении поляков и вести разговор о братстве и необходимости сотрудничества».<sup>141</sup>

<sup>136</sup> Partacz C. Kwestia ukraińska w polityce Polskiego rządu na uchodźstwie i jego ekspozytur w Kraju (1939–1945). Koszalin: Wydawnictwo Uczelniane Politechniki Koszalińskiej, 2001. 411 s.

<sup>137</sup> Ibid. S. 316.

<sup>138</sup> Ibid. S. 41

<sup>139</sup> Ibid. S. 205.

<sup>140</sup> Ibid. S. 349.

<sup>141</sup> Ibid. S. 361.

С другой стороны, Ч. Партач, сам, возможно, не замечая этого, признает, что украинские политики (некоммунистические) неоднократно предлагали полякам установление польско-украинских границ по этнографическому принципу. Такие предложения, в частности, выдвигали деятель ОУН(б) В. Горбовый, греко-католический митрополит А. Шептицкий и даже особо ненавистный польскому ученому глава УЦК В. Кубийович.<sup>142</sup>

Фигура Сталина – наиболее отталкивающая в трудах польских ученых. Даже Гитлер не вызывает такой нелюбви. Например, А. Брегман утверждает, что Stalin в разговоре с немецким послом Шулленбургом 25 сентября 1939 г. категорически выступил против сохранения существования Польши даже в урезанной форме,<sup>143</sup> и, следовательно, не Гитлер, а именно Stalin стал могильщиком усеченной польской государственности, на которую, возможно, удалось бы сохранить в союзе с Германией.

Однако в своих описаниях и оценках этого политического деятеля польская наука временами перекликается с постсоветским сталинизмом.

*«Что касается границ Польши, – пишет В. Бонусяк, – Stalin, выступая за так называемую “линию Керзона”, стал победителем в споре за Львов, а согласился только на возвращение Польше белостоцкого округа и части Беловежский Пущи, похоже, обезоруженный аргументом, что зубры – это не поляки и не белорусы».*<sup>144</sup>

Конечно, кто бы спорил, было у Сталина и своеобразное чувство юмора. Но сводить решение серьезных территориальных и политических вопросов к прихоти диктатора – захотел, дал, не захотел, не дал – подход несколько несерьезный.

Однако копья, ломаемые представителями исторической науки, – ничто по сравнению с правительственной позицией и действиями органов польской юстиции. Тут порой просматриваются весьма тревожные тенденции.

<sup>142</sup> Partacz C. Cit. op. S. 152, 147, 191.

<sup>143</sup> Bregman A. Najlepszy sojusznicz Hitlera. Studium współpracy niemiecko-sowieckiej 1939–1941. Warszawa: Zespol, 1989. S. 73.

<sup>144</sup> Bonusiak W. Jozef Stalin (biografia)... S. 137–138.

В свое время С. Кульчицкий заявил, что:

*«После поездки Л. Кучмы в Варшаву 23 января и ответного визита Президента Республики Польской А. Квасневского в Киев 20-22 мая 1997 г. были оговорены непростые, а временами и трагические страницы общей истории обеих стран. Они нашли свое отображение в общем заявлении обоих президентов “К взаимопониманию и единству”. Заявление окончательно закрыло для политиков и открыло для историков трагическое прошлое обеих стран».*<sup>145</sup>

На наш взгляд, это в некоторой степени преждевременный тезис, попытка выдать желаемое за действительное.

Польское общество, кажется, окончательно не определилось с оценками событий 1939–1945 гг. Так, сразу же после выборов первого демократического парламента III Речи Посполитой 3 августа 1990 г. сенат принял постановление, в котором осудил операцию «Висла» (насильственная депортация остатков украинского населения на запад возрожденной Польши), указав, что в 1947 г. польскими властями было применено «свойственное тоталитарным системам условие коллективной ответственности».

В то же время нижняя палата польского парламента не поддержала это постановление, что, по мнению украинских ученых, стало свидетельством противоречивой позиций различных слоев общества в оценках указанного события.<sup>146</sup>

Образ украинца-врага польской независимости и территориальной целостности (не обязательно «бандеровца») накладывает свой отпечаток на оценку событий осени 1939 г., в частности Народного Собрания Западной Украины. Польская сторона отрицает правовое значение их решений. За точку отчета территориального урегулирования берется польско-советский Договор от 16 августа 1945 г. Так, вроцлавский, краковский, люблинский и варшавский отделы комиссий по расследованию преступлений против польского народа, начиная с 2000–2001 гг. открыли и ведут следствие по делам об «ответственности за массовые и единичные убийства

<sup>145</sup> Кульчицкий С. В. Утвердження незалежної України: перше десятиліття (Закінчення) // Український історичний журнал. 2001. № 4 (439). С. 11.

<sup>146</sup> Там же. С. 84.

граждан польского происхождения украинскими националистами» в Западной Украине в 1939–1945 гг. Следствие осуществляется на основании польского законодательства, поскольку, как утверждают следственные органы, преступления совершены украинцами – гражданами Польши, жителями Волыни и Восточной Галиции, на землях, принадлежавших Второй Речи Посполитой формально до августа 1945 г.<sup>147</sup>

Не вызывает сомнения, что военные преступления подлежат наказанию, независимо от срока давности. Но это – прерогатива суверенной Украины, которой польская сторона может представлять для пользования собранные ее следовательскими комиссиями материалы.

Иначе не только игнорируются решения Народного Собрания Западной Украины, но и создаются формальные основания требования компенсации материального и морального ущерба. Польскому народу навязывается негативная оценка польско-украинского территориального урегулирования 1939–1945 гг.

Представляется, что в этом случае польским политикам следовало бы прислушаться к мнению рассудительных польских ученых:

*«Народ польский, который в отношении своей западной границы обращается к своим историческим правам, должен помнить, (...) что ту же позицию должен принять к историческим правам других народов: украинского и белорусского, а также литовского на свои исторические границы и что лишь признание этих прав сделает возможным добрососедское проживание поляков, на этих землях с украинской, белорусской и литовской народностями».*<sup>148</sup>

22 июня 2004 г. произошло событие, которое, по нашему мнению, окажет серьезное влияние на подходы польской научной школы и внешнюю политику государства. Европейский суд по правам человека удовлетворил иск 60-летнего гражданина Польши Е. Бронев-

<sup>147</sup> Ільюшин І. І. Антипольський фронт у бойовій діяльності ОУН і УПА (1939–1945 рр.) // Український історичний журнал. 2002. № 3. С. 94.

<sup>148</sup> Labuda G. Dzieje granicy polsko-niemieckiej jako zagadnienie badawcze // Problem granic i obszary odrodzonego Państwa Polskiego (1918–1990). Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1991. S. 47.

ского к правительству РП о компенсации утраченного им во Львове имущества, оцененного в 85 тыс. евро. Польское правительство было шокировано этим решением, поскольку, по его оценкам, президент даст возможность предъявить подобные претензии приблизительно 80 тыс. поляков.<sup>149</sup> Тема перестала быть чисто теоретической и перешла в практическую плоскость.

### 1.3. Англо-американская историография о политике Великих Держав в западно-украинском вопросе 1939–1945 гг.

В результате событий Второй мировой войны территория Советского Союза увеличилась за счет соседних государств: Польши (Западная Украина и Западная Белоруссия), Прибалтийских стран, Румынии (Бессарабия и Северная Буковина), Чехословакии (Закарпатская Украина), Германии (часть Восточной Пруссии) и Японии (Южный Сахалин, о-ва Курильской гряды). Как известно, в послевоенные годы ПНР, ЧССР, СРР, ГДР стали советскими союзниками; ФРГ и Япония оказались в лагере западных демократий. В итоге после начала «холодной войны» (Фултонская речь У. Черчилля 1946 г.) вопрос новых советских границ стал не только международно-правовым (Великобритания и США признали их де-юре еще в годы Второй мировой войны), сколько политическим.

«В определенный критический момент, – писал в 1967 г. Зб. Бжезинский, – Болгария могла бы предъявить претензии к Югославии (Македония), Албания к Югославии (Косово), Венгрия к Румынии (Трансильвания), Румыния к Советскому Союзу (Бессарабия), Польша к Советскому Союзу (Львов и др.), Восточная Германия к Польше (Щецин и Вроцлав)».<sup>150</sup>

Логика политического и военного противостояния диктовала подходы: Советский Союз якобы осуществил выгодные для себя изменения границ способами выкручивания рук, не считаясь с норма-

<sup>149</sup> Молода Галичина, 2004, 25 червня.

<sup>150</sup> Brzezinski Zb. The Soviet Block. Unity and Conflict. Revised and Enlarged Edition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1967. P. 440.

ми права не только в отношениях с побежденными государствами, но и с партнерами по антигитлеровской коалиции и даже с будущими союзниками по Варшавскому договору.

Вместе с тем неосмотрительно ставить западную историографию вопроса в один ряд с советской, сводить всех ее представителей к уровню исполнителей политического заказа правящих кругов своих стран.

Нельзя не отметить, что западная историография вопроса постоянно эволюционировала. Можно выделить несколько периодов такого развития: годы Второй мировой войны; период так называемой холодной войны; период «разрядки»; а также время после распада СССР, которое длится до наших дней.

Потребности укрепления антигитлеровской коалиции в 1941–1945 гг. вынуждали политиков, специалистов в области международного права и истории международных отношений англоязычных стран умалчивать о спорном правовом аспекте инкорпорации Западной Украины в состав УССР и СССР, осуществленной осенью 1939 г. Показательным в этом отношении является подход британских авторов лево-лейбористского направления У. и З. Коатс (1944 г.): признавая вину правительства Чемберлена за срыв переговоров с Кремлем накануне мировой войны, они толковали события так называемого Золотого сентября как вынужденный и необходимый шаг Союза ССР по укреплению безопасности собственных границ, осуществленный без привязки к нормам договорного права.<sup>151</sup>

До какого-то времени подобные взгляды доминировали и в американской научно-популярной литературе. Начиная с 1942 г. для граждан США, в первую очередь военнослужащих, несколькими изданиями выходила книга *“The World at War”*. В течении войны Информационное бюро Соединенных Штатов Америки вносило в нее текущие изменения, преимущественно с учетом событий, происходивших после выхода предыдущего издания. Американская пропаганда считала необходимым донести до американского военнослужащего информацию о событиях сентября 1939 г.:

«В половине кампании против Польши (17 сентября 1939 г.) советская армия, не встречая сопротивления,

<sup>151</sup> Coates W. P., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1944. P. 619–648.

вступила в Польшу, чтобы обеспечить себе стратегическую границу с немцами. Немцы согласились (28 сентября 1939 г.) на новую границу между Россией и захваченными для себя территориями (...).

За исключением (некоторых) стратегических отклонений, эта граница соответствовала “линии Керзона”, предложенной в 1919 г. союзниками на основании этнографических принципов. Несмотря на то, что большинство жителей на территориях, занятых Россией, были белорусами, украинцами и другими (непольскими) народностями, Польша в свое время не соглашалась на “линию Керзона”, и в войне против Советского Союза в 1920 г. отвоевала большую часть территорий, впоследствии повторно занятых Россией. Поскольку в проведенном Россией плебисците большинство голосов высказалось за присоединение к России (3 ноября 1939 г.), территории восточной Польши вместе с 12 млн человек оказались включенными в Советский Союз, являясь для него оборонным поясом против немецкой экспансии на восток». <sup>152</sup>

Несмотря на все неточности (например, отождествление СССР с Россией, ошибку относительно даты «плебисцита»), тон информации был вполне дружественным по отношению к Советскому Союзу.

Но практически сразу после завершения войны в Европе (1945 г.) Ф. Миллер дал новую международно-правовую оценку воссоединению западно-украинских земель как «четвертого раздела Польши». <sup>153</sup> Эту же точку зрения высказали и американские авторы «Истории Второй мировой войны» (1945 г.):

«Германия и Россия 28 сентября совершили раздел Польши. Россия получила большую территорию, но только треть населения и лишь несколько индустриальных мощностей, которыми так богата Западная Польша. Но то, к чему действительно стремилась Россия, так это к про-

<sup>152</sup> Druga wojna światowa. Uzupelnienia, komentarze / Prof. Andrzej Ajnenkiel, prof. Tadeusz Panek. Warszawa: Bellona, 1985. S. 47.

<sup>153</sup> Miller Francis Trevelyan. History of World War II. Philadelphia-Toronto: The John C. Winston Co, 1945. P. 125.

*странствам, на которых можно было бы возвести барьер против немецкого нападения».<sup>154</sup>*

Как видим, вопросы права вообще не ставились.

Уже в 1946 г. немецко-нацистские секретные протоколы 1939 г. стали известны британским и американским парламентариям, в начале 1947 г. о них заговорили газеты, а в 1948 г. эти и другие документы двусторонних немецко-советских отношений были опубликованы официально.<sup>155</sup>

Оценка советской внешней политики периода Второй мировой войны перешла из сферы международно-правовой в сферу эмоциональную.

*«Между сентябрем 1939 и июнем 1945, – писал в 1953 г. Дж. Лукакс, – Советский Союз аннексировал около 300 000 кв. миль на Западе, в то время как Германия, Польша, Чехословакия, Венгрия, Италия и Румыния были искалечены, изнеможены и переполнены миллионами беженцев с Востока. Но языческие боги необъятных российских просторов и дальние были ненасытны и требовали большие земли, еще большие земли для своего народа, который никогда не чувствовал стесненности и жил привольно».<sup>156</sup>*

Априори принималось отсутствие каких-либо международно-правовых аргументов в арсенале советской внешней политики.

Одновременно в западной историографии вопроса происходила переоценка советских мотивов Освободительного похода 17 сентября – даже аргумент «создания рубежа» против гитлеровского нашествия был прочно забыт.

*«У Сталина, – писал в 1963 г. Дж. Снелл, – не было оснований надеяться, что Запад позволит ему осуществить контроль над Балтийскими государствами, Восточной*

<sup>154</sup> The Story of the Second World War. Edited by Henry Steele Commager. Boston: Little, Brown & Co, 1945. P. 35.

<sup>155</sup> Sontag R. J., Beddie J. S., eds. Nazi-Soviet Relations 1939–1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington: Department of State, 1948. 362 p.

<sup>156</sup> Lukacs J. The Great Powers and Eastern Europe. New York: American Book Co, 1953. P. 673.

*Польшей и Восточной Румынией; Гитлер – мог. Для сиюминутной выгоды России или для длительных целей коммунизма Сталин дал зеленый свет (гитлеровской и своей. – В.М.) агрессии».<sup>157</sup>*

*«Советы нашли, – утверждал Р. Гартхофф, – единственную возможность для территориального продвижения. (...) Военная сила была использована во всех этих случаях так или иначе – как орудие дипломатического давления, а затем и продвижения – в соглашениях о размещении воинских частей в балтийских государствах, для успешно направленного дипломатического шантажа Румынии и оккупации Восточной Польши после ее поражения от немцев».<sup>158</sup>*

*«Аннексия, совершенная в 1939 г., – отмечал В. Коларж, – что нужно особо отметить, ни в коем случае не была триумфом политической стратегии, но лишь результатом применения голой силы».<sup>159</sup>*

Отрицая любое международно-правовое значение двусторонних нацистско-советских соглашений 1939–1941 гг., англо-американские авторы подчеркивали, что СССР в 1939–1941 гг. был не менее активным создателем контуров «новой Европы», чем его ситуативный союзник Гитлер. Можно встретить утверждение, что именно Советский Союз разработал основные международно-правовые соглашения с гитлеровской Германией.

*«Немецкие документы, – утверждал В. Аспатурьян, – также свидетельствуют, что хотя немцы и взяли инициативу, предлагая соглашение, специфическая форма и общее оформление соглашений были полностью предложены советской стороной: договор о ненападении и специальный протокол, так же как и подготовительный и*

<sup>157</sup> Snell J. Illusion and Necessity. The Diplomacy of Global War, 1939–1945. Boston: Houghton Mifflin Co, 1963. P. 32.

<sup>158</sup> Garthoff R. L. Military Influences and Instruments // Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective. Edited by Ivo Lederer. New Haven – London: Yale University Press, 1962. P. 258.

<sup>159</sup> Kolarz W. Russia and her Colonies. New York: Frederick A. Praeger, 1955. P. 135.

*кредитный договора – все они были первично предложены Москвой».<sup>160</sup>*

Американский исследователь Р. Уарс обратил внимание на характерную особенность Пакта 23 августа:

*«Он отличался от предыдущих пактов о ненападении в двух отношениях: не было оговорки о денонсации соглашения, если один из участников совершил акт агрессии против третьего государства, а заключительная статья гласила, что “договор вступает в силу сразу же после его подписания”, вместо обычного периода ожидания ратификации».<sup>161</sup>*

Для Р. Уарса указанное обстоятельство служило доказательством для обвинения СССР в развязывании Второй мировой войны с целью осуществления планов аннексии и коммунистической экспансии.

С другой стороны, следует упомянуть и оценки международно-правового значения советско-нацистского пакта 23 августа 1939 г.

*«Пакт не был ни союзом, ни соглашением по расчленению Польши, – писал А. Тейлор. – Мюнхен был действительно союзом для расчленения: британцы и французы продиктовали раздел чехам. Советское правительство не совершило такой акции против поляков. Оно пообещало остаться нейтральным, о чем всегда просили поляки и на чем всегда настаивала политика западных стран. Более того, соглашение было, в разумении последнего средства, антигерманским; оно ограничивало немецкое продвижение на восток в случае войны».<sup>162</sup>*

Это было написано в 1962 г., т.е. протокол к пакту Риббентропа-Молотова не мог остаться без внимания указанного автора. Но ос-

<sup>160</sup> Aspaturian V. Diplomacy in the Mirror of Soviet Scholarship // Contemporary History in the Soviet Mirror. New York – London: Frederick A. Praeger, Publishers, 1964. P. 263.

<sup>161</sup> Warth R. Soviet Russia in World Politics. New York: Twayne Publishers, Inc., 1964 /Second printing/. P. 233.

<sup>162</sup> Taylor A. The Origins of the Second World War. New York: Atheneum, 1962. P. 262.

торожные оценки, похоже, не случайны, поскольку этот документ может толковаться по-разному.

Англо-американские авторы сходятся в том, что документы, подписанные в августе-сентябре 1939 года в Москве Молотовым и Риббентропом, легитимно не изменяли и не могли даже в принципе изменить международно-правовой статус западно-украинских земель как составной части довоенного Польского государства. Вместе с тем, мимо внимания западной историографии вопроса прошел тот факт, что взаимное согласование Советским Союзом и Германией сфер влияния в Восточной Европе вовсе не означало того, что эти сферы влияния в будущем должны стать составными частями территории государств-участников соглашения.

Скупо освещена западными историками, а вслед за ними и специалистами по международному праву, советская аргументация Освободительного похода 1939 г. Для примера, процитируем Б. Дмитришина, автора англоязычной «Истории России»:

*«17 сентября, в соответствии с секретным соглашением в нацистско-советском пакте, советы также вошли в Польшу и оккупировали согласованную сферу. Они объяснили собственную агрессию прекращением существования польского государства и “священным долгом” освободить и взять под свою защиту украинцев и белоруссов, проживающих в восточной Польше».*<sup>163</sup>

По нашему мнению, англо-американская историография вопроса неоправданно игнорирует многие важные документы из нацистских архивов, давно опубликованные на Западе. В частности, не находит своего освещения и оценки то обстоятельство, что Советский Союз не просто занял свою «сферу влияния», определенную 23 августа, а предложил Германии пересмотреть ранее согласованный документ в обмен на переход Литвы из немецкой в советскую сферу влияния, передать в немецкую сферу этнические польские земли, расположенные восточнее так называемой «линии Керзона». Тем самым игнорируется факт, что Москву интересовали не столько чисто

<sup>163</sup> Dmytryshin B. A History of Russia. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall Inc., 1977. P. 554–555.

территориальные приобретения (как известно, протокол 23 августа включал в советскую сферу влияния всю восточную часть Польши по Вислу включительно), сколько возможность в будущем добиться международно-правового признания изменений, причем – не присоединения части этнических польских земель к СССР, а воссоединения украинцев и белоруссов.

Делается попытка выдать советско-польское соглашение о сотрудничестве (30 июля 1941 г.) и официальное присоединение СССР к Атлантической хартии (сентябрь 1941 г.) за правовое признание советской стороной нерушимости польских границ 1939 г. События осени 1941 г. – зимы 1941/42 гг. преподносятся как постепенный отход Советского Союза от ранее занятой позиции.

*«После конференции Бивербрука в Москве в октябре 1941 г., в ходе которой американская делегация не проявила никакого интереса к польской проблеме, – жаловался англоязычному читателю бывший посол эмигрантского правительства Польши в СССР С. Кот, – советское правительство сделало попытку ослабить польские требования и отклоняло все мои усилия».*<sup>164</sup>

Значительное влияние на позицию Кремля якобы оказали успехи советского оружия на фоне недостаточной активности Лондона и Вашингтона.

*«Ранние трудности были частично смягчены во время визита Сикорского в Москву в декабре 1941 г., – писал польский посол в Лондоне Э. Рачинский. – Но, успешно выстояв против немецкого зимнего наступления, Сталин начал важную политическую кампанию для обеспечения признания российских границ 1940 г.*

*Это не имело успеха из-за оппозиции Соединенных Штатов. Русские, возможно, отнесли свою неудачу на переговорах с Англией и США (весной 1942 г. – В.М.) на счет действий польской дипломатии, и наши интересы в Рос-*

<sup>164</sup> Kot S. Conversations with Kremlin and Dispatches from Russia. London – New York – Toronto: Oxford University Press, 1963. P. XXVI.

*ции соответственно стали страдать. Русские прибегали к все более резкому тону».<sup>165</sup>*

Подчас в трудах иностранных авторов можно найти интересную информацию, так сказать, нейтрального (т.е. не антисоветского) характера, по тем или иным причинам отсутствующую в трудах советских и постсоветских ученых. Для примера можно указать на советские предложения Англии, сделанные в ходе подготовки визита В. Молотова весной 1942 г: «Западная Украина и Западная Белоруссия могли бы войти в Советский Союз на правах автономных республик».<sup>166</sup> В советской и украинской научной литературе подобные инициативы никогда не упоминались.

Интересным является тезис Д. Девиса, доверенной особы президента Ф. Рузельта:

*«Весной 1943 г. Рузельт сопротивлялся не столько тому, чего желали русские (в территориальных вопросах – В.М.), сколько их методам получения этого».<sup>167</sup>*

Как известно, отношения польского эмигрантского правительства с Москвой были разорваны весной 1943 г. вследствие конфликта, вызванного Катынским делом. Сегодня участие НКВД в расстрелах интернированных польских офицеров признано российской стороной на высшем уровне, но в разгаре решительных битв Второй мировой войны даже Рузельт высказывал свое неудовлетворение тем, что польское эмигрантское правительство раздувает кампанию, начатую Геббельсом.

Слишком очевидной была связь несвоевременной ссоры с восточным союзником по антигитлеровской коалиции и польско-советского территориального конфликта.

*«Поляки, – пишут американские авторы “Внешней политики Советского Союза” (1969 г.), – отказались урегу-*

<sup>165</sup> Raczynski E. In Allied London. The Wartime Diaries of Polish Ambassador Count Eduard Raczyński. Introduction by J. Wheeler-Bennet. London: Weidenfeld & Nicolson, 1962. P. 113.

<sup>166</sup> Yaremko M. Galicia – Halychyna / A Part of Ukraine/. From Separation to Unity. Toronto – New York – Paris: Shevchenko Scientific Society, 1967. P. 222.

<sup>167</sup> Lukacs J. The Great Powers and Eastern Europe... P. 32.

лировать вопрос ценой территориальной компенсации немецкими землями». <sup>168</sup>

Весьма спорно – «поляки» Сикорского как раз были уверены, что германские восточные земли и так отойдут к ним, но в силу совсем других соображений.

Англо-американская историография международно-правовых отношений Второй мировой войны осуждает уступчивость Рузвельта и Черчилля Сталину в Тегеране:

*«Советские требования польских территорий, – пишет А. Моуэр, – были того же рода, что и гитлеровские требования немецкоязычных Судетов в Чехословакии. Рузвельт и Черчилль осуждали Чемберлена за поддержку Гитлера в том случае. Как же они могли смотреть сквозь пальцы на преступление успешного союзника, который готовил второй Мюнхен? Свободная Польша была связана Рузвельтом и Черчиллем, которые держали один конец веревки, в то время как Сталин тянул за другой».* <sup>169</sup>

Итоги Тегеранской конференции провозглашались победой СССР.

*«Советская Россия, – писал Дж. Лукакс, – выиграла Вторую мировую войну 30 ноября 1943 г.: решение, придавшее центрально-восточную Европу России, было вынесено».* <sup>170</sup>

*«В Тегеране в конце 1943 г., – писал Г. Смит, – Рузвельт произвел на Сталина впечатление, будто он уже согласился с советскими идеями относительно Польши, но не может их признать из-за соображений внутренней политики. Он встал на эти позиции, несмотря на очевидность того, что советское вмешательство в поль-*

<sup>168</sup> The Foreign Policy of the Soviet Union. / Edited by Alwin Rubinstein. New York: Random House, 1960. P. 165.

<sup>169</sup> Mowrer E. A. The Nightmare of American Foreign Policy. New York: Alfred A. Knopf, 1948. P. 161.

<sup>170</sup> Lukacs J. The Great Powers and Eastern Europe... P. 556.

ские дела было пародией на западные концепции политических свобод и национального суверенитета».<sup>171</sup>

Не имея возможности отрицать факт, что США и Великобритания признали обоснованность (включая в некоторой степени и правовую) советских претензий на западно-украинские и западно-белорусские земли в составе соответствующих советских республик, англоязычные историки международного права пытаются переложить вину на персоналии – президента Рузвельта и премьера Черчилля.

В своем негласном противостоянии советской школе западные ученые часто некритически одолживали аргументы польского эмигрантского правительства. Так, в толковании решений Тегеранской конференции Р. Лукас утверждал, что:

«На самом деле Стalin хотел большего, чем “линия Керзона”, он также требовал Львов, который Верховный Совет Союзных Государств в 1919 г. оставил полякам».<sup>172</sup>

Данный миф запущен в научный оборот польской эмиграцией, которая постоянно пыталась отождествить известную «линию Керзона» с так называемой «линией Б». В свою очередь, упомянутая «линия Б» вовсе не означала некий возможный вариант (по аналогии «А» и «Б») «линии Керзона», а расшифровывалась как «линия Бартелеми». В свое время, в разгар польско-украинской войны 1918–1919 гг., посланная Версальской конференцией миссия французского генерала Бартелеми провела линию польско-украинской границы в Галиции. Власти ЗУНР, как известно, в марте 1919 г. принять эту линию отказались. Более приемлемую линию разграничения в апреле 1919 г. предложила новая посредническая миссия руководимая южно-африканским генералом Бота. С этой новой разграничительной линией западно-украинская сторона уже согласилась, но тут началось наступление польской армии Галлера. В итоге линия Бартелеми стала лишь одним из промежуточных вариантов эвен-

<sup>171</sup> Skrzypek S. The Problem of Eastern Galicia. London: Polish Assosiation for South Eastern Provinces, 1948. P. 138.

<sup>172</sup> Lukas R. The Strange Allies. The United States and Poland, 1941–1945. Knoxville: The University of Tennessee Press, 1978. P. 138.

туального польско-украинского разграничения. В отличии от «линии Керзона», она не получила одобрения государств-участников Версальской конференции, ее никогда не предлагали Советскому правительству, как это было с «линией Керзона» в разгар польско-советской войны летом 1920 г.

В общем же «линия Керзона» оставляла Львов на украинской стороне, «линия Б» (то есть Бартелеми) – на польской. Неуклюжая подмена понятий была окончательно раскрыта и развенчана еще на Ялтинской конференции в феврале 1945 г.

Как известно, после разрыва с польским эмигрантским правительством советские войска вступили вначале на территорию до-войenne Польши (январь 1944 г.), а затем перешли и условную «линию Керзона», вступив на этнические польские земли (лето того же года). С целью обретения взаимопонимания с местным польским населением СССР начал сотрудничество с так называемым Польским Комитетом Национального Освобождения (ПКНО). В частности, правительство Украинской ССР подписало с ним в сентябре 1944 г. соглашение о взаимной эвакуации польского и украинского населения с территорий по обе стороны от «линии Керзона».

Англоязычная историография неоднозначна в своих оценках ПКНО и, соответственно, в вопросах легитимности подписанных этим комитетом соглашений. Наиболее скептически настроен к ПКНО В. Аспатурьян:

«1 марта (1944 г. – В.М.) из Москвы сообщили, что официальные лица Польского Комитета далеко продвинулись в переговорах с украинскими официальными лицами и что одной из наиболее заметных личностей польской группы была Ванда Василевская, жена украинского комиссара иностранных дел (А. Корниччука. – В.М.); интимный характер этих контактов – выше всяких сравнений».<sup>173</sup>

Вообще-то, «Польский Национальный комитет» (вполне очевидно, что разговор идет о ПКНО, а не о так называемом Союзе

<sup>173</sup> Aspaturian V. The Union Republics in Soviet Diplomacy. A Study of Soviet Federalism in the Soviet Foreign Policy. Geneve-Paris: Librairie E. Droz & Librairie Minard, 1960. P. 66.

Польских патриотов в СССР, к которому собственно и принадлежала В. Василевская, жена А. Корниччука) был создан лишь 22 июля 1944 г., так что ирония В. Аспатурьяна, похоже, неуместна.

Показательно преподносит англоязычная историография западно-украинский вопрос на конференции Союзников в Ялте.

*«Когда открылась Ялтинская встреча, американская политика откладывания всех спорных вопросов о западных границах России до (послевоенной – В.М.) конференции потерпела крушение, – считает Д. Флеминг. – Запад теперь рад был предложить “линию Керзона” 1919 г. (...) Сталин принял “линию Керзона” и добровольно согласился, что будут сделаны отступления от этой линии от пяти до восьми километров в пользу Польши в некоторых местах. (...) Он не думал собственно о линии, но (...) не хотел, чтобы она была названа ненавистным именем. Запад давно забыл о событиях 1919 г., но для советских лидеров, считавших, что относительно их страны была совершена большая несправедливость в то время, это было нелегко».*<sup>174</sup>

Согласно Флемингу, получается, что Сталин был готов уступить земли (от 5 до 8 км вглубь территории довоенной УССР), лишь бы не упоминать в международном документе имя британского министра иностранных дел периода российской гражданской войны и иностранной интервенции. Блажен, кто верует, тепло ему на свете.

«Украинский вопрос» в политике Кремля объявлен целиком надуманным.

*«В то время как проблемы Сталина с украинцами были вполне реальными, – отмечал В. Аспатурьян, – он вводил их в обиход советской дипломатии. На переговорах государственный деятель находит весьма полезным иметь для себя (мнимый) источник внутреннего давления. (...) Если у Гитлера были фольксдойчи, а у Рузвельта – “польские*

<sup>174</sup> Fleming D. F. The Cold War and Its Origins. 1917–1960. Volume I. 1917–1950. London: Rushkin House, George Allen & Unwin Ltd., 1961. P. 202.

*избиратели” для (лучшей) аргументации, то у Сталина были свои украинцы. Таинственное “украинское влияние” в Кремле было ничем иным, как самим Сталиным».<sup>175</sup>*

Согласование западных границ Украинской ССР на союзнических конференциях рядом авторов провозглашалось нелегитимным и противоправным по причине устраниния от переговоров представителей польского эмигрантского правительства, выдаваемого западными авторами за польский народ в целом.

*«Это был спор между Польшей и Советским Союзом, – писал о Ялтинской конференции О. Халецки, – который в отсутствие Польши был решен в пользу Советского Союза, хозяина конференции».*<sup>176</sup>

Ставилась под сомнения легитимность польского коалиционного правительства, сформированного согласно решению Ялтинской конференции из представителей так называемых лондонских (С. Миколайчик и его группа) и так называемых люблинских (ПКНО) поляков и демократических сил Польши.

*«Молотов, – вспоминает участник американской миссии в Москве, майор Дж. Дин, – не согласился бы обсуждать ни одну фигуру польского представителя, кроме тех, кто был приемлем для поддерживаемого русскими Польского правительства, что на деле означало тех, кто был приемлем для Советского Союза».*<sup>177</sup>

*«Западные государства, – указывает Б. Дмитришин, – признали новый коалиционный режим 6 июля 1945 г. Это была односторонняя коалиция: все ключевые должности – 14 из 21 – контролировались людьми, которые получили политическую подготовку в Москве, были поданными*

<sup>175</sup> Aspaturian V. The Soviet Union in the World Communist System. Stanford: The Hoover Institution of War, Revolution and Peace, 1966. P. 71.

<sup>176</sup> Halecki O. Borderlands of Western Civilisation. A History of East-Central Europe. New York: The Ronald Press Co, 1952. P. 465.

<sup>177</sup> Deane J. The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. Bloomington - London: Indiana University Press, 1973. P. 292.

*Советского Союза, и всегда могли рассчитывать на советскую военную поддержку».<sup>178</sup>*

Непредставительский характер такого правительства означал, по логике западных ученых, его нелегитимность и, соответственно, нелегитимность его соглашений с СССР, в том числе и по вопросам границ между двумя странами. В отличие от литературы политологической и исторической, где симпатии западных авторов однозначно на стороне Союза ССР и Украинской ССР как его составляющей, изданная на Западе литература по вопросам теории и практики международного права может дать отечественным ученым прочную основу для научных построений и аргументации.

Украинские учебники и научная литература по вопросам международного права рассматривают в основном те международно-правовые нормы, которые сложились после 1945 г., в результате принятия уставных документов ООН. Напротив, предмет интереса нашего исследования – международно-правовые основания решения вопроса о польско-советской границе в период Второй мировой войны – требует знания нюансов теории и практики того международного права, которое действовало в межвоенный период и годы Второй мировой войны. Та задержка во времени, с которой советские издательства перевели труды западных специалистов по теории международного права: Анцилotti, Броунли, Оппенгейма, Фердросса, Хайда, Сатоу<sup>179</sup> и других, дала счастливую возможность получить четкое представление о международно-правовых нормах, которыми пользовались в своей практике дипломаты в годы Второй мировой войны. Особенно поучительным в этом отношении стал труд Д. Анцилotti, итальянское издание которого вышло в свет еще в 1928 г.

<sup>178</sup> Dmytryshin B. A History of Russia... P. 566.

<sup>179</sup> Анцилotti Д. Курс международного права / Пер. с 4-го итальянского изд. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. Т. 1. 447 с.; Броунли Я. Международное право. Кн. 1-я. М.: Прогресс, 1977. 535 с.; Оппенгейм Л. Международное право / В 2-х т. Пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лauterbachом; Под ред. и с предисл. проф. С. Б. Крылова. М.: Гос. изд-во иностранной литературы, АН СССР, 1948–1950. Т. 1. Мир. Полутом 1. М., 1948. 408 с.; Полутом 2. М., 1949. 548 с.; Т. 2. Споры. Война. Нейтралитет. Полутом 1. М., 1949. 440 с.; Полутом 2. М., 1950. 499 с. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике / Пер. с англ. М.: Издательство ИМО, 1961. 496 с.; Фердросс А. Международное право / Пер. с нем. М.: Иностранная литература, 1959. 652 с.; Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки: В 6-ти томах. М.: Издательство Иностранной литературы, 1951. Т. 1. 544 с.; Т. 2. М., 1951. 532 с.; Т. 3. М., 1951. 576 с.; Т. 4. М., 1952. 596 с.; Т. 5. М., 1953. 619 с.; Т. 6. М., 1954. 503 с.

Реальные, а не надуманные, мотивы американской внешней политики и ее международно-правовых основ находим в трудах бывшего посла в СССР Дж. Кеннана.<sup>180</sup> То же касается трактовки международно-правовых норм дипломатами западных государств Большой Тройки, рассмотренной в трудах западных теоретиков международного права Бишопа, Бриерли, Булета, Коббана, Корбетта, фон Глана, Гаквортса, Гудсона, Макинтайра, Менгона, Нуссбаума, Старке, Швельба<sup>181</sup> и других представителей англо-американской юридической школы. В итоге выдержки и теоретические положения из трудов западных специалистов по вопросам теории и практики международного права позволяют аргументировано обосновать позицию современной Украины в вопросе советско-польской границы 1939–1945 гг.

Интересным представляется мнение американского знатока международного права П. Корбетта, высказанное еще в 1955 г. Завершающий, шестой раздел его труда «Итоги и предложения»<sup>182</sup> начинается с подраздела с интригующим названием: «Бессилие международного права». Американский ученый констатирует тот факт, что в межвоенный период нормы международного права изменялись так стремительно и неопределенно, что это создавало сумбур в международных отношениях. А значит, вести разговор о каких-то общих нормах международных отношений в период 30-х годов прошлого века мож-

<sup>180</sup> Kennan G. American Diplomacy 1900–1950. London: Secker & Warburg, 1953. 146 p.; **Idem.** The United States and the Soviet Union, 1917–1976 // Two Hundred Years of American Foreign Policy. / Ed. by Bundy W.P. New York, 1977, P. 143–180.

<sup>181</sup> Bishop J., William W. International Law. Cases and Materials. Third ed. Boston-Toronto: Little, Brown & Co, 1971. XVI, 1122 p.; Brierly J. The Law of Nations. An Introduction to the International Law of Peace. Oxford: Clarendon Press, 1928. 228 p.; Cobban A. The National State and National Self-Determination. New-York: Thomas J. Crowell Co, 1969. 309 p., Index (Total – 318 p.); Corbett P. Short Study of International Law. Garden City, New York: Doubleday & Co, Inc., 1955. 55 p.; Glahn G., von. Law among Nations. An Introduction to Public International Law. New York – London: The Macmillan Co; Collier Macmillan Ltd, 1981. 734 p. + Table of Cases, Index (Total – 768 p.); Hudson M. Cases and other Materials on International Law. 3-rd ed. St Paul: Minnesota West Publishing Co, 1951. 770 p.; Mangone G. The Elements of International Law. Revised Edition. Homewood, Illinois: The Dorsey Press, 1987. 532 p.; Meystowicz J. Wspomnienia ze sluzby zagranicznej // Przed Wrzesniem i po Wrzesniu. Ze wspomnieni mlodych dyplomatow II Rzeczypospolitej. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1998. 362 s. S. 8–70; Nussbaum A. A Concise History of Law of Nations. New York: The Macmillan Co, 1947. 292 p., App., Index. (Total – 362 p.); Shwelib E. Human Rights and the International Community. The Roots and Grows of the Universal Declaration of the Human Rights, 1948–1963. Chicago: Quadrangle Books, 1964. 74 p.; An Introduction to International Law / Starke J.G., Q.C., B.C. L. (Oxon). London: Butterworth, 1963. XXVI, 524 p., Index (31 p.). London: Butterworths, 1963. XXVI, 524 p., Index [31 p.].

<sup>182</sup> Corbett P. Cit. op.

но в лучшем случае под углом их «рекомендованности», но не «обязательности».

Во имя справедливости отметим, что отдельные западные авторы пытались объяснить проблемы в международном праве и международных отношениях этого периода тем, что рядом с, так сказать, «традиционным» международным правом появились два субъекта, которые не соглашались играть по установленным правилам и предложили свои собственные подходы. Так, американский юрист У. Гулд,<sup>183</sup> автор фундаментального (более 800 стр.) «Вступления к международному праву» считал необходимым выделить в своей работе *“Nazi Views”* (p. 84-86) и *“Soviet Views”* (p. 86-100). А. Нуссбаум основным нарушителем международного порядка и покоя считал Советский Союз.<sup>184</sup>

Мы еще вернемся к этой мысли. А пока отметим, что проблема состояла отнюдь не в двух отдельных нарушителях международного порядка. Государств, не вполне удовлетворенных как Версальской системой в частности, так и «классическим» международным правом в целом, в межвоенный период насчитывалось с избытком – как «справа», так и «слева».

Определенное значение для нашего исследования имеют отдельные вопросы общей теории международного права. Так, оговорка *rebus sic stantibus* и практика ее применения в международном праве будут рассмотрены в следующем разделе. Короткое изложение доктрины и ее развитие дал С. Шоу, занимались этим вопросом Ч. Файерман, Дж. Кунц, Г. Кельсен, У. Бишоп и другие западные ученые.

Практику проведения в межвоенный (1918–1939 гг.) период плебисцитов для определения действительной воли населения, а также различия в подходах к этой практике со стороны властных структур тогдашних Франции, Великобритании, США, Германии, Румынии и других государств рассмотрел американский исследователь А. Коббан.<sup>185</sup>

Американские знатоки международного права Энн ван Винен Томас и А. Дж. Томас, изучая концепцию агрессии в международ-

<sup>183</sup> Gould W. An Introduction to International Law. New York: Harper & Brothers Publishers, 1957. 736 p., Bibl., Indexes. (Total – 809 p.).

<sup>184</sup> Nussbaum A. A Concise History of Law of Nations... P. 288.

<sup>185</sup> Cobban A. The National State and National Self-Determination...

ном праве, подняли один, на то время (1972 г.) чисто теоретический, а сегодня уже и практический вопрос:

*«Существуют, однако, трудности при попытках определить понятие агрессора и его жертвы через привычные для международного права определения государства. (...) Верно, что члены ООН, которых Хартия называет первыми приглашенными членами, определены в Хартии как государства. В то же время сущности, которые не являются суверенными или независимыми государствами, такие как Украинская и Белорусская Советские Социалистические Республики, стали и продолжают оставаться членами мировых<sup>186</sup> организаций. Могут ли эти сущности быть определены как агрессоры или субъекты агрессии отдельно от Советского Союза?»<sup>187</sup>*

То есть: если сегодня стоит вопрос о легитимном или деликтном характере изменения западных границ СССР в 1939–1945 гг. (а он все-таки стоит, как минимум, в плане научной дискуссии), то какова роль в названных событиях формально суверенной Украинской ССР? От ответа на этот вопрос зависит и проблемма возможной ответственности Украины как правоприемницы УССР.

Подводя итоги, укажем, что международно-правовое закрепление объединения западно-украинских земель освещено в англо-американской научной мысли весьма односторонне. Нет серьезных исследований настроений местного населения осенью 1939 г., когда было созвано Народное Собрание Западной Украины; не рассмотрено, насколько обоснованы советские аргументы о том, могут ли решения Народного Собрания считаться полноценным и легитимным плебисцитом; не выяснено, гражданами де-юре какого государства (Второй Речи Посполитой или Союза ССР) следует считать репрессированных в 1940 – первой половине 1941 гг. жителей Западной Украины и Западной Белоруссии. ПКНО и Временное польское правительство (до июня 1945 г.) провозглашаются априори марионетками СССР, а составленные ими соглашения – ничтожными

<sup>186</sup> Международных.

<sup>187</sup> The Concept of Aggression in International Law / Ann Van Wyen Thomas A. J., Thomas, Jr. Dallas: Southern Methodist University Press, 1972. P. 48.

и т.д. Знание и понимание этих ключевых пунктов западной, в своей массе преимущественно антисоветской, правовой мысли и историографии важно во многих отношениях.

В западной научной литературе, также как в научной среде бывшего Советского Союза и современной Украины, нет исследований по данной теме, одинаково сильных с точки зрения как исторической науки, так и науки международного права.

#### **1.4. Методологические основы определения государственно-территориального статуса западно-украинских земель (период Второй мировой войны 1939-1945 гг.)**

Современный этап развития историко-правовой науки в Украине и мире предоставляет новые возможности исследователям в том понимании, что:

а) наука очищается от идеологических наслоений и бескомпромиссных «классовых подходов»;

б) представителям оппонирующих научных школ становятся доступными ранее закрытые для них источники (постсоветская наука не имеет вынужденной необходимости отрицать достоверность документов из архивов немецкого МИДа, а западные и отечественные исследователи получили доступ к ранее закрытым советским и компартийным архивам);

в) налаживание широких научных контактов между бывшими оппонентами благоприятствует повышению толерантности среди ученых, происходит конвергенция научных и методологических подходов.

С другой стороны, национальные интересы Украины требуют четкого понимания. Некритическое использование концепций и подходов зарубежных научных школ, особенно польской, недопустимо, поскольку угрожает потерями как морального (негативная международная репутация страны может помешать будущим процессам евроинтеграции), так и материального (вероятность предъявления Украине исков о деликтной ответственности за действия правопредшественницы и требований реституции) плана.

Источниковая база научного исследования должна включать несколько групп материалов. Прежде всего, это опубликованные источ-

ники: сборники документов советского происхождения (включая и те, которые значились под грифом «Для служебного пользования»), материалы внешней политики нацистской Германии (*Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Series D*), Соединенных Штатов Америки (*Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers*), Великобритании за соответствующие годы, польского эмигрантского правительства, материалы Нюрнберского процесса над военными преступниками и т.д.<sup>188</sup>

Нелегко провести черту между чисто мемуарной литературой и научным, а также публицистическим наследием (не мемуарного характера) непосредственных участников и свидетелей происшедшего. В распоряжении исследователей – воспоминания и выступления верхушки англо-американского лагеря: У. Черчилля, Г. Трумена, К. Хелла, А. Гарримана, Дж. Кеннана и др., мемуары деятелей польского эмигрантского правительства – Э. Рачинского, С. Кота, В. Грабского, В. Андерса и др., воспоминания советского посла в Лондоне И. Майского, личного переводчика И. Сталина В. Бережкова, маршала Г. Жукова и других советских военачальников, а также опусы нацистских генералов, руководящих и рядовых деятелей украинского и польского националистических движений и т.п.

Пресса 1939–1945 гг. позволяет аргументировать многие концептуальные вопросы, опираясь на материалы хроники. Также эта группа источников ценна тем, что в меньшей мере прошла обработку цензурой (в частности, есть возможность проследить отдельные аспекты советско-нацистского сотрудничества в 1939–1940 гг. или советско-польского – в 1941–1943 гг.).

В послевоенные годы, как на Западе, так и в СССР и Украинской ССР, были осуществлены публикации документов как собственного происхождения (советского, польского, германского и др.), так и из «чужих» (в понимании враждебного лагеря) архивов соответствующих внешнеполитических ведомств. Понятно, что отдельные документы еще ждут своего часа, храня гриф секретности. Очевидно, что для обоснования тех или иных научных положений концептуального характера важно не столько обнаружить в архиве новый сверхсекретный документ, сколько суметь доказать свою на-

<sup>188</sup> Здесь речь должна идти о десятках наименований сборников документов и материалов, а также о многочисленных отдельных опубликованных документах, в том числе и западного происхождения. См. Список использованной литературы, С. 449–519

учную позицию, ссылаясь на документальную базу, уже введенную в научный оборот, хорошо известную исследователям, которая ни в коем случае не поддается сомнению. Вместе с тем архивы дают благоприятную возможность – путем выявления новых документов и их введения в научный оборот – детализировать отдельные аспекты проблемы, такие как отношение местного населения к вопросу объединения украинских земель осенью 1939 г. Или то же – при повторном возвращении Красной Армии в 1944 г. и т.п.

Что касается материалов опубликованных (а они, собственно, и являются основной базой предлагаемого читателю исследования), то тут важно принять во внимание следующие моменты. Во-первых, нужно всегда учитывать национальную и классовую позиции составителя. Речь идет даже не столько об откровенных фальсификациях историко-правовых событий и явлений, сколько о вероятном нежелании давать объективную оценку «неудобным» фактам, а то и о намерении игнорировать их наличие. Так, советская школа традиционно замалчивала (реже – отрицала) существование секретного протокола к пакту Риббентропа-Молотова, а западная так и не решилась на мало-мальски объективную оценку роли Народных Собrаний Западной Украины и Западной Белоруссии.

Во-вторых, нужно принимать во внимание уровень профессиональной квалификации того или иного исследователя, независимо от того, к какой научной школе он принадлежит. Весьма квалифицированные историки иногда допускают ошибки при использовании юридических (международно-правовых) понятий и терминов, а также при формулировании волонтаристических гипотез возможного развития событий – при этом абсолютно не учитываются правовые реалии эпохи. В качестве примера вспомним «обвинение» Сталина в том, что он «оставил Польше» Закерзонье. «Чистые» юристы просто не знают о многих исторических фактах, особенно если они выходят за узкие рамки того или иного теоретического вопроса.

В-третьих, существенным недостатком многих научных работ, посвященных изучению исследуемой проблемы, являются попытки оперировать нормами права тех лет, когда – с известным отставанием во времени от описываемых событий – создавались соответствующие работы. Ученые – причем не только историки, но и правоведы – механически переносят институты современного им международного права на события другой исторической эпохи. Это

похоже на то, как если бы завоевания Рима, создание Британской колониальной империи или американскую аннексию Техаса начать рассматривать на основании норм Устава ООН.

В-четвертых, в современных условиях вызывают серьезные сомнения отдельные, до недавнего времени аксиоматические, понятия, например, концепция общего противостояния англо-американских союзников планам Сталина. Очень вероятно, что между Лондоном и Вашингтоном в период Второй мировой войны также существовали весомые концептуальные противоречия. У объективного исследователя не должно быть никаких априорных ценностей и подходов, которые в процессе исследования не могли бы быть поставлены под сомнение.

В-пятых, при оценке опубликованных материалов нужно принимать во внимание, что, кроме политических, идеологических, национальных и других убеждений авторов, подчас существенную роль играют личностные моменты, далекие от научных. Это могут быть сыновьи чувства (Е. Лоек), старания выгодно преподать свою личную роль в описываемых событиях (И. Майский), личностные симпатии к тем или иным историческим фигурам, а подчас и откровенное желание сделать имя и деньги на якобы сенсационной информации (Суворов-Резун).

При изучении вопроса государственно-территориального статуса западно-украинских земель в годы Второй мировой войны представляется целесообразным использование методов, условно разделяемые на три группы: общефилософские, общенаучные и специальные. В частности, к рекомендуемым общефилософским методам относятся методы материалистический и диалектический; к общенаучным – методы структурный, функциональный, аналитический и синтетический, индуктивный и дедуктивный, логический, конкретно-исторический, проблемно-теоретический.

Специально-юридические методы, которые представляется целесообразным использовать, объединяют: системный, историко-правовой, нормативный, формально-догматический методы, метод выяснения (толкования) юридических норм, герменевтический, сравнительно-правовой и т.д.

Только в своем взаимодействии указанные группы методов дают возможность осуществить полноценное историко-правовое исследование, каждый из них может и должен быть использован на отде-

льных этапах работы, а значит, методология должна быть множественной, плюралистической.

Метод диалектики уместно применить при рассмотрении следующих концептуальных положений:

- концепция «дуализма» (сочетание действия норм «старого» и «нового») международного права в период Второй мировой войны; использование предоставленных возможностей советской и украинской республиканской дипломатией – проявление действия закона единства и борьбы противоположностей;

- концепция многовекторности советской внешней политики в вопросе достижения международного признания новой линии советско-польской границы: консультации и сотрудничество с Великими Державами, другими Объединенными Нациями, правительствами Польши как необходимое условие международно-правового признания изменений – проявление действия закона перехода количественных изменений в качественные;

- концепция неоднократного изменения государственно-правового статуса западно-украинских земель на протяжении Второй мировой войны – проявление действия закона отрицания отрицания.

Важным общенаучным методом является логический, который состоит из индуктивного (предусматривает переход от абстрактного к конкретному) и дедуктивного (от конкретного к абстрактному) методов. В частности, дедуктивный метод может быть использован для оценок соответствия Освободительного похода Красной Армии 17 сентября 1939 г. нормам признанного «старым» международным правом «права на самопомощь». Проанализировав внешнеполитические действия Франции, Великобритании и США в этот период и реакцию на них мировой общественности – с использованием метода дедукции, непредубежденный исследователь логично приходит к умозаключению, что Освободительный поход не должен считаться деликтом, поскольку не были деликтными – в соответствии с нормами действующего обычного права – оккупация Англией и США Исландии, ввод советских и британских войск в Ирак и т.п.

Метод анализа дает возможность путем синхронистического подбора фактов обнаружить неточности источников и пробелы в общей картине историко-правового явления. У современных концепций изменения государственно-правового статуса западно-ук-

раинских земель в период Второй мировой войны, выдвинутых зарубежными научными школами, в частности польской, есть характерный недостаток – они оперируют положениями *de lege ferenda* (права будущего), которое утвердились не ранее принятия Устава ООН в 1945 г.

Это дает западным ученым основания для обвинений советской внешней политики в «нарушении норм права» и «попрании договоров и международных соглашений». Напротив, игнорируется тот факт, что оппозиционные к Москве и Киеву силы, в частности польские предвоенные и эмигрантские правительства Сикорского-Миколайчика-Арцишевского сами действовали в том же русле «старого» международного права, в частности при проведении плебисцитов 1921 г. в Силезии и 1922 г. в Виленской области, при овладении Тешинской Силезией (Заольшьем) в 1938 г., в своих притезаниях на немецкие территории и т.д. Метод анализа, а именно рассмотрение фактов нарушения принципов «нового» международного права польской стороной в 1920 – начале 1940-х гг. – при одновременном соблюдении «старого» – приводит к выводу, что: или деликтными были не только действия Москвы и Киева, но и правительства Второй Речи Посполитой (включая эмигрантские) – исходя из норм «нового» международного права; или – в оглядке на нормы «старого» международного права – следует отказаться от априорного признания «деликтности» и «неправового характера» как советской, так и польской внешней политики.

Как научная дисциплина история государства и права при исследовании историко-правовых явлений и событий международной и внутриполитической жизни прибегает к помощи специальных методов, которые приняты только для нее: историко-правового, сравнительно-правового, конкретно-исторического и системного.

*Историко-правовой метод* следует использовать для раскрытия генезиса правовых отношений, возникавших в процессе утверждения права наций на самоопределение в договорном международном праве; тесно связанный с ним *герменевтический метод* дает возможность разъяснять не юридические абстракции, *a lege lata* – историческое право периода Второй мировой войны, его действующие нормы.

А. Кауфман, В. Хассемер и др. обосновано трактуют право как такое, что исторически развивается и является «справедливым для данного времени». Во все исторические времена – и период Второй

мировой войны не является исключением – идея права, основные положения и принципы приводятся в соответствие с фактическим жизненным порядком вещей. Результатом становится «конкретное, материально-позитивное значимое для данной ситуации историческое право».

Суть сравнительно-правового (или компаративного) метода заключается в том, что на основании сравнения двух или нескольких правовых явлений, которые имеют качество схожести, отыскиваются их отличия и определяются общие черты. Его применение позволяет определить общие закономерности развития на разных исторических этапах (диахронное сравнение) или же у разных субъектов права, действующих в один и тот же исторический период (синхронное сравнение). Так, *диахронное сравнение* должно употребляться при оценке правового содержания понятий «право наций на самоопределение», «право на самопомощь» и т.д. в разные исторические периоды. *Синхронное сравнение* – для компаративного анализа действий различных субъектов международного права в период, очерченный хронологическими рамками исследования. В итоге, мы не выявляем сколь-нибудь научно обоснованных оснований для отождествления внешней политики и международно-правовых подходов Союза ССР и Украинской ССР с действиями гитлеровской Германии и ее сателлитов, вместе с тем обнаруживаются весомые основания для сравнения внешнеполитического курса Москвы и Киева с тем, которого придерживались Лондон и Вашингтон.

Методы исследования должны основываться на принципах диалектической гнесологии и эвристики, что в результате позволит создать условия для получения научных выводов, независимых от политических симпатий или идеологических заказов как западных и украинских критиков «московского большевизма», так и доморощенных и северно-восточных апологетов «нерушимого российско-украинского братства».

\* \* \*

Комплексное применение указанных методов при оценке реалий международной жизни исследуемого периода и норм действующего договорного и обычного права в хронологических рамках исследо-

вания дает возможность под новым углом зрения рассмотреть события 1939–1945 гг., связанные с изменением государственно-правового статуса западно-украинских земель. Интерес представляют в первую очередь следующие вопросы:

- было ли международное право 1939–1945 гг. идентичным с современным международным правом; если нет, то в чем заключались принципиальные различия;
- какие легитимные возможности территориального передела и изменения существующих границ, отличные от современных норм, указанное право (как договорное, так и обычное) предоставляло своим субъектам;
- каким образом происходило утверждение принципа права наций на самоопределение в качестве нормы обычного международного права межвоенного времени;
- было ли понимание и толкование этого принципа идентичным современному его пониманию и толкованию;
- какие конкретные способы и формы допускали международное право и тесно связанная с ним практика межгосударственных отношений для реализации указанного права;
- существовали ли правовые возможности изменения территориально-правового статуса западно-украинских земель, не основанные на праве наций на самоопределение; в какой мере они были использованы союзной и украинской советской дипломатиями;
- отвечали ли нормам *jus cogens* права образца 1939–1945 гг. внешне- и внутриполитические шаги Москвы и Киева, ставившие перед собой задачу инкорпорации западно-украинских земель в состав Союза ССР и УССР?

В связи с этим, следует в первую очередь отметить, что важнейшим вопросом методологии изучения международного права исследуемого периода и проявления его действия выступает вопрос об источниках этого права.

Основными источниками международного права, как известно, являются правовой обычай и договорное право. Правовой обычай – это норма поведения, которой молчаливо придерживаются государства в своих отношениях с другими государствами, исходя из убеждения, что именно такова и есть «норма» межгосударственных отношений. В свою очередь, субъекты международного права рассчитывают на то, что эта «норма» признается и соблюдается дру-

гими участниками процесса, а ее нарушение воспринимается ими как недопустимое.

Общепризнано, что «обязательная сила договорных и обычных норм одинакова, поэтому практике известны случаи, когда договорная норма отменяет обычную и наоборот».<sup>189</sup>

В общем же, по мнению польского знатока международного права А. Кляфковского:

«Обычай создает право, но обычай может и ломать право. Обычай может также устранять право договорное, подобно тому, как договор может заменить право обычая. Ни международное право, ни наука не отвечают на вопрос, как долго должен продолжаться процесс утверждения правового обычая».<sup>190</sup>

В процессе исследования международно-правового статуса западно-украинских земель в период Второй мировой войны неминуемо встает вопрос о коллизии права договорного и права обычая в практике международных и межгосударственных отношений середины XX в. Именно с такой ситуацией сталкиваемся при правовых оценках так называемого Освободительного похода Красной Армии (советско-польский Договор 1932 г. формально запрещал недружественные акции одного государства по отношению к другому), Народного Собрания Западной Украины, Постановлений Верховного Совета СССР и Верховного Совета Украины.

В связи с этим нельзя не согласится со мнением Г. Даниленко и В. Межинского о том, что:

«В теории необходимо четкое разграничение между стадией создания и стадией применения права, хотя в случае обычая они часто переплетаются и совпадают».<sup>191</sup>

<sup>189</sup> Международное право / Отв. ред. Г. И. Тункин... С. 58.

<sup>190</sup> Klafkowski A. Prawo międzynarodne publiczne. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1964. S. 32.

<sup>191</sup> Даниленко Г. М., Межинский В. И. Процесс образования и действия обычного международного права // Международное право и международный правопорядок. М.: АН СССР, ИГП, 1981. С. 59.

Указанные соображения имеют прямое отношение к вопросу о внешней политике СССР периода Второй мировой войны, поскольку в своей внешнеполитической деятельности Москва опиралась на аргументы не только договорного, но и обычного международного права.

Первая половина XX в. и в особенности годы Второй мировой войны – период особый не только в плане общественно-политических изменений в Европе и мире, но и области международного права.

Любая система права, включая право международное, не представляет собой нечто застывшее, данное раз и навсегда.

*«Все нормы позитивного права, – отмечал А. Фердросс, – возникают, изменяются и прекращают действовать в определенное время. Процесс возникновения, изменения и прекращения действия этих норм регулируется самим международным правом».*<sup>192</sup>

Процесс этого развития не всегда идет по восходящей и тем более не равномерен. Периоды застоя, характеризующиеся преимущественно усовершенствованием уже сложившихся норм и средств, не вечны. Рано или поздно начинаются революционные изменения, когда участникам кажется, что международное право перестает действовать, растворяется, исчезает.

Именно таким периодом виртуального «исчезновения» обычного международного права и стал период 1918–1939 гг.

Американский знаток права народов П. Корбетт еще в 1953 г. дал одному из подразделов своего труда меткое название: «Бессилие международного права». Конечно, речь шла не о международном праве как таковом, а об одном из периодов в его развитии. П. Корбетт так характеризировал научные наработки «знатоков международного права» межвоенного (1918–1939 гг.) времени:

*«После Первой мировой войны они продолжали оставаться принципиальными глашатаями формальных требований (поведения) в отношениях между государствами.*

<sup>192</sup> Фердросс А. Международное право... С. 153.

Когда же историки и политологи начали принимать активное участие в анализе современных (им) международных отношений, они сразу столкнулись с тем, насколько их юридический мир был далек от (реального) поведения государств. Оправданиями для них обычно становился тезис о том, что право – это не описание поведения, а только совокупность норм, которые объясняют, каким это поведение должно быть. Критики отвечали на это тем, что (...) если юристы и дальше будут продолжать называть это “правом”, то совершенно очевидно, что такое право не предлагает никакого объяснения действий правительства и (не дает) никакой базы для предвидения такого поведения».<sup>193</sup>

Дальше П. Корбетт саркастически подвел черту:

«Наука международного права обрела плохую репутацию».<sup>194</sup>

Разумеется, период упомянутой «дезориентации» международного права не мог длиться бесконечно. Тем более, что в итоге Второй мировой войны те государства, о которых в наибольшей мере можно сказать, что они являлись нарушителями сложившихся норм международных отношений, понесли заслуженное наказание.

Устав ООН (1945 г.) сформулировал привычные для современника нормы международного права, которые – даже при беглом рассмотрении – сильно отличались от права, существовавшего в межвоенный период, не говоря уже про XIX в.

Изменения были настолько ощутимыми, что специалисты заговорили о «старом» и «новом» международном праве. В трудах юристов-международников советской школы наиболее полным образом эту концепцию развил Г. Тункин.<sup>195</sup>

Присутствия кардинальных изменений в праве не отрицают и представители западных научных школ; разница состоит прежде всего в том, кого принято считать инициатором изменений.

<sup>193</sup> Corbett P. Cit. op. P. 47.

<sup>194</sup> Ibid.

<sup>195</sup> Тункин Г. И. Теория международного права... С. 279 и далее.

В общем же, в оценках прослеживаются две тенденции, два основных подхода. Назовем их – несколько условно – «советский» и «англо-американский».

Советская концепция исходила из того, что создателями новых норм международного права, начиная с Октябрьского переворота 1917 г., выступали политические деятели СССР и, в первую очередь, В. Ленин. К таким нормам, впоследствии закрепленным в Уставе ООН, в частности относится право наций на самоопределение, принцип равноправия наций и отказа от неравноправных договоров, отказ от войны как способа решения межгосударственных споров, запрет агрессивной войны и провозглашение ее преступного характера и т.д. В итоге:

*«Международно-правовые идеи и принципы, выдвинутые Октябрьской революцией, положили начало коренной перестройке международного права, превращению его в новое, т.е. современное, международное право».<sup>196</sup>*

В соответствии с этой концепцией, страны капитала в 1918–1939 гг. и дальше продолжали проводить «старую» – агрессивную, империалистическую – политику, направленную на передел мира при сохранении основ колониального господства и на сосредоточение враждебной агрессии на «первое в мире социалистическое государство».

В свою очередь специалисты по вопросам международного права и международных отношений буржуазно-демократических стран давали принципиально иную оценку процессу развития норм международного права и их практического применения в период, предшествовавший началу Второй мировой войны, и на ее начальном этапе.

Попытка присвоить себе авторство «нового» международного права была совершена Западом даже быстрее, чем это новое международное право успело получить свое оформление в Уставе ООН. В частности, еще в годы Второй мировой войны фонд Карнеги создал под своей эгидой коллегию из примерно 200 юристов США и Канады, плодом деятельности которой стал опубликованный в 1944 г.

<sup>196</sup> Международное право / Отв. ред. Г. И. Тункин... С. 36

труд «Международное право будущего: постулаты, принципы, предложения».<sup>197</sup>

Впервые в полном объеме «западную» концепцию процесса зарождения и утверждения «современного» или «нового» международного права изложил, на наш взгляд, американский профессор А. Нусбаум еще в 1947 г.<sup>198</sup> Основные контуры этой доктрины: традиционное международное право создавали и развивали буржуазные демократии, закрепляя в Уставе Лиги Наций такие его нормы, как отказ от применения силы, недопустимость приобретения титула на территории путем завоевания и т.д.

Напротив, нарушителями норм были две группы государств. Первую возглавляла нацистская Германия, которая провозгласила принципы не только допустимости, но и конечной необходимости завоевания «жизненного пространства» (лебенсраум) для высшей, арийской расы. Вторую – СССР с его концепцией «мировой революции» и единства пролетариев мира в их «священной» борьбе против буржуазного господства.

*«Советские дипломаты, – писал А. Нусбаум, – прибегают к международному праву в значительно меньшей степени, чем их западные коллеги, напротив сосредотачивая внимание – вразрез с советскими политическими декларациями – на принципах утилитарности, практицизма и формальной справедливости. Что даже более важно, Советы с намного меньшим уважением относятся к договорам, чем другие Великие Державы, за исключением своих соглашений с государствами-соседями в советской сфере влияния».*<sup>199</sup>

После завершения так называемой холодной войны этот спор о приоритете исчерпался сам собой. Взамен мы становимся свидетелями уже новых перемен, появления иного международного права – права монополярного мира, в котором подвергаются сомнению и ломке привычные для последних десятилетий институты, в частности гуманитарной интервенции.

<sup>197</sup> Jacewicz A. Pojście sily w Karcie Narodow ziednoczonych. Warszawa: Wyd. Min. obrony nar., 1977. S. 157.

<sup>198</sup> Nussbaum A. A Concise History of Law of Nations... P. 239–292.

<sup>199</sup> Ibid. P. 288.

Для методики нашего исследования необходимо учитывать, что:

а) важные институты «старого» и «нового» международного права существенно отличались друг от друга, в частности в вопросах оценки правомерных (и запрещенных) норм поведения своих субъектов;

б) «переходная» эпоха давала возможность правомерно применять нормы как «старого» права, так и «нового»;

в) практически все субъекты международно-правовых отношений стремились в своих интересах использовать как «старые», так и «новые» правовые возможности, предоставляемые правом переходного периода;

г) задание политиков и дипломатов состояло в обосновании правомерности действий своих государств на международной арене, учитывая выше перечисленные обстоятельства.

Еще раз отметим, что международное право межвоенного периода не абсолютизировало принцип нерушимости существующих межгосударственных границ.

В частности, статья 19 Устава Лиги Наций предусматривала возможность пересмотра действующих международных договоров, более того, провозглашалась целесообразность периодического пересмотра международных договоров и устранения тех из них, которые создавали ситуации, таящие в себе опасность для мирных отношений между государствами.<sup>200</sup>

Комментируя статью 19 Устава Лиги Наций М. Циммерман еще в далеком 1923 г. писал:

*«Инициатива предложения о пересмотре договоров может исходить от Совета, или от отдельных членов Лиги, или от самих заинтересованных государств, сторонами в споре не должны быть исключительно члены Лиги, но могут быть и другие государства.*

*Собранию принадлежит право осветить вопрос самым глубоким и разносторонним образом, и, если, наконец, из соблюдения договоров возник конфликт, угрожающий непосредственной опасностью войны, тогда Собрание может предложить посредничество или третейский суд, и*

<sup>200</sup> Шуршалов В. М. Основания действительности международных договоров... С. 110–111.

стороны, являющиеся членами Лиги, обязаны, прежде чем прибегнуть к вооруженной силе, исчерпать все мирные способы разрешения конфликта».<sup>201</sup>

У субъектов права была легитимная возможность применения силового давления на контрагента с целью достижения своих требований. Под «иными средствами» урегулирования конфликта подразумевались и действия, запрещенные современным правом.

Комментируя документы международного права межвоенной эпохи, известный авторитет международного права, глава Международного Суда в 1976–1979 гг., Э. Аречага отметил:

«Эти документы запрешили лишь развязывание войны; в период между двумя мировыми войнами утверждалось, что принудительные действия, не приведшие к состоянию войны, даже если они совершались в значительных масштабах, правомерны, пока участники конфликта удерживаются от формального объявления войны между ними; (и только) Устав Организации Объединенных Наций покончил с подобным легалистским толкованием термина “война”».<sup>202</sup>

«Усилия “запретить войну”, – утверждал профессор Сиракузского (США) университета Дж. Менгон, – вплоть до 1939 г. Лигой Наций не ограничивались, но суть проблемы состояла обычно в определении того, какая война справедливая, а какая несправедливая, современным языком – осуждение агрессии и одновременно позволение государствам осуществлять свои права на самозащиту и самоохранение».<sup>203</sup>

Употребленный Дж. Менгоном термин *self-preservation* можно перевести и дословно – само-предохранение. Термином *самопомощь* охотно пользовался и П. Корбетт – такое название получил

<sup>201</sup> Циммерман М. А. Очерки нового международного права: Пособие к лекциям. Мирные переговоры. Лига Наций. Постоянная палата Международного Суда. Прага, 1923. С. 224.

<sup>202</sup> Аречага Э.Х. Современное международное право... С. 137.

<sup>203</sup> Mangone G. Cit. op. P. 432.

первый подраздел главы 5 («Теория и практика: Проблема силы») его труда.<sup>204</sup>

В арсенале «легальных» (на 30-е годы минувшего века) средств международного влияния и давления были не только отзывы послов, реторсии и репрессалии, но и «мирная» и «военная» блокады, а также другие средства, от которых международное право так называемого биполярного мира (1945–1991 гг.) практически отказалось.

Впрочем, нормой международного права еще не столь отдаленной исторической эпохи была также практика приобретения титула на территорию путем ее дебелляции (завоевания).

*«Титул на территорию, – писал еще в 1957 г. американский авторитет в отрасли международного права У. Гулд, – может быть приобретен силовой или мирной аннексией. Законность титула через завоевание была поставлена под сомнение лишь в недавние годы в соответствии с декларациями против обращения к войне, ведущих свое начало от Ковенанта Лиги Наций.*

*Доктрина Стимсона, содержащая непризнание результатов завоевания, и серия панамериканских договоренностей в совокупности с ограниченным признанием доктрины Стимсона Лигой Наций породили взгляды об отмирании доктрины, в соответствии с которой завоевание обеспечивает легальный титул на территорию».*<sup>205</sup>

То есть – через четыре десятилетия после основания Лиги Наций и 12 лет после принятия Устава ООН – американский юрист-международник указывал только на то, что «право» завоевателя «поставлено под сомнение».

Прибегая к использованию *метода толкования*, невозможно, прежде всего, не отметить, что советско-нацистские соглашения в августе 1939 г. вопрос о дебелляции территорий не ставили.

Советско-германский пакт 23 августа 1939 г. и даже секретный протокол к нему не были столь уж однозначно «заговором агрессоров», поскольку создавали для государств-участников, прежде

<sup>204</sup> Corbett P. Cit. op. P. 37–38.

<sup>205</sup> Gould W. Cit. op. P. 354.

всего, легальную возможность силового давления на Польшу без объявления войны, а такие действия международным правом не запрещались. Германия, Литва и Союз ССР, не нарушая де-юре границ Второй Речи Посполитой, вполне могли совместно выдвинуть прямое или завуалированное (проведение плебисцитов в спорных областях) требование пересмотра границ и одновременно прибегнуть к блокаде польских портов и границ, захвату польского имущества на территории своих стран, изъятию финансовых средств, блокированию польских заграничных активов и т.д. – словом, всего того, что в современном международном праве называется экономической агрессией; при том, что последствия таких действий стали бы для польской стороны весьма болезненными.

Современное право действия такого характера запрещает, право межвоенного времени вполне допускало. Так, польский исследователь Я. Сандорский указывает, что даже в Хартии ООН (1945 г.) вопросы об экономической агрессии еще не были достаточно разработаны.<sup>206</sup>

Реалии 1939 г. в принципе давали Москве и Берлину (при вполне прогнозированном содействии Литвы) такие *правовые* возможности давления на Польшу, что последняя сама была бы вынуждена обратиться к Великим Державам или к Лиге Наций с просьбой о посредничестве в решении спора одновременно с двумя (или даже тремя, включая Литву, упомянутую в секретном протоколе как заинтересованное государство) воинственными соседями.

Кстати, такую возможность косвенно признает и польская сторона. Доктор права Я. Жулинский (Вроцлав) дает собственное объяснение тому факту, что Запад уже 24 августа 1939 г., зная о тайных договоренностях Союза ССР и нацистской Германии относительно сфер влияния в Польше, сознательно не предупредил об этом Варшаву. По его мнению, обнаружив себя со всех сторон в окружении преобладающих вражеских сил, Польша могла бы пойти на уступки Гитлеру и разорвать военно-политический союз с Францией.<sup>207</sup> Если поляки действительно могли капитулировать перед самим лишь Гитлером, то что могло в этой ситуации помешать СССР и

<sup>206</sup> Sandorski J. Niewaznosc umow miedzunarodowych. Poznan: Uniwersytet Adama Mickiewicza. Seria prawo, №. 84, 1978. S. 151.

<sup>207</sup> Zolynski J. Cit. op. S. 21.

Литве несколькими неделями позже навязать Польше проведение плебисцитов на спорных территориях?

Введение советских войск на территорию Восточной Польши в правовом отношении может быть (с позиции *de lege lata*) оправданным соображениями необходимости защиты жизненно важных интересов СССР, исходя из откровенной агрессивности и непрогнозированности поведения гитлеровской Германии.

В международном праве существует доктрина *rebus sic stantibus* – о сохранение силы договора лишь при неизменном положении вещей.

Эта доктрина не вызывала возражений у правоведов межвоенного периода. Толкуя статью 19 Устава Лиги Наций, компетентная комиссия юристов пришла к выводу, что договор не применим, «если положение вещей, которое существовало на момент составления договора, подверглось материальным или моральным изменениям, настолько существенным, что существование этих договоров выходит за рамки возможностей».<sup>208</sup>

Советские договоры с Польшей заключались с расчетом на то, что польское государство и впредь будет сохранять свой суверенитет и территориальную целостность и тем самым играть роль своеобразного щита между СССР и агрессивными государствами, в первую очередь нацистской Германией. После фактического крушения Второй Речи Посполитой и оккупации большей части ее территории наступающими немецкими войсками (уже шли бои за Львов), можно было говорить именно о такой – кардинальной – перемене обстоятельств. Советское правительство, следовательно, имело право (добавим, и фактическую возможность) не допустить выдвижения немецких армий на линию довоенной советско-польской границы.

В современном международном праве концепция *rebus sic stantibus* нашла свое толкование в Венской конвенции о праве международных соглашений 1969 г. Однако, в межвоенный период 1918–1939 гг. еще не существовало каких-либо универсальных международно-правовых конвенций, которые бы закрепляли доктрину *rebus sic stantibus* в праве договоров.

Единственное указание находим в статье 15 Гаванской конвенции латино-американских стран 1928 г.: «Договор, который является как

<sup>208</sup> Шуршалов В. М. Основания действительности международных договоров... С. 111 со ссылкой на: Rousseau Ch. Principes généraux du droit international public. P. 619.

постоянным, так и не рассчитанным на беспрерывное действие, может быть объявлен таким, что потерял силу, если перестали существовать обстоятельства, его порождавшие, и можно логично допускать, что они не появятся вновь»<sup>209</sup>

Что мешает исходить из указанного правового ориентира и при оценке событий в сентябре 1939 г.?

Освободительный поход 17 сентября 1939 г. стал не столько противозаконным «нападением на Польшу», сколько оправданным с точки зрения действующего на то время международного права шагом страны, вынужденной приостановить свои договоренности с контрагентом вследствие кардинальной перемены обстоятельств, в которых эти договоренности были составлены, а также возникновения реальной угрозы для собственных жизненно-важных интересов.

Важным методическим моментом является подход к вопросу о том, как именно международное право межвоенного времени и действующая практика межгосударственных отношений толковали право наций на самоопределение и формальные требования его осуществления.

Межгосударственные границы в Европе в период между двумя мировыми войнами во многих случаях не отвечали параметрам этнического разграничения; за пределами национальных государств пребывали миллионы массы представителей в первую очередь тех народов, чьи интересы не были учтены на Версальской конференции: побежденных немцев, венгров, болгар, а также украинцев, белоруссов и др. Следовательно, существовала опасность межгосударственных и межэтнических конфликтов, которой Лига Наций стремилась противодействовать путем регламентации процедуры разрешения межгосударственных споров.

Мирные способы решения межгосударственных споров являли собой всего лишь начальную стадию урегулирования конфликтной ситуации. В случае несогласия сторон статье 15 Устава Лиги юридически и фактически открывала возможность обращения к силе и превращения мирной процедуры решения споров лишь в *первую стадию* их урегулирования. *Вторая стадия* означала бы войну.

<sup>209</sup> Международное право в избранных документах. М.: Издательство Института международных отношений, 1957. Т. 2. С. 75.

Например, возможностью применения «немирных способов» шантажировал своих оппонентов немецкий фюрер в конфликте с Чехословакией (а впоследствии по тому же шаблону – и с Польшей). Успехи немецкой дипломатии в Мюнхене, а позже решающая роль Берлина в первом и втором Венских арбитражах существенно повлияли на всю систему международного права того времени, поскольку создавались новые нормы обычая, а это, в свою очередь, влияло и на договорное право.

*«В процессе создания обычных норм, – указывают А. Дмитриев и В. Муравьев, – очень существенно то, что они всегда возникают в практике узкого круга государств. Обычная практика, которая может быть локальной или весьма распространенной, признанная двумя или более государствами как правовая норма, становится такой. Со временем такая обычная норма трансформируется в норму общего международного права через ее признание другими или многими членами международного сообщества».*<sup>210</sup>

Именно такую картину наблюдаем в конце 30-х гг.

Позиция Германии, Польши, Венгрии во время так называемого Мюнхенского кризиса формально основывалась на праве наций на самоопределение. То, что Великие Державы согласились с этим аргументом и способствовали мирному урегулированию вопроса, несмотря на аргументы заинтересованной Чехословакии, создало правовой прецедент, вследствие которого начал утверждаться новый правовой обычай.

Как удачно подмечает И. Блищенко:

*«В международных отношениях многие вопросы могут быть решены с учетом прецедентов, под их влиянием появляются новые нормы международного права договорного характера, а также формируются международные обычай, которые в свою очередь закрепляются в международных договорах и отношениях».*<sup>211</sup>

<sup>210</sup> Дмитриев А. И., Муравьев В. И. Указ. соч. С. 155.

<sup>211</sup> Блищенко И. П. Прецеденты в международном праве. М.: Международные отношения, 1977. С. 12.

В 1935–1939 гг. Гитлер и его добровольные, а также вынужденные партнеры по переговорам создавали один правовой прецедент за другим: Саар, Австрия, Судеты были инкорпорированы в состав Германии без формального объявления войны, но с применением силового давления. Оправданием во всех случаях служила апелляция к праву наций на самоопределение. Этот же аргумент права национальных меньшинств в рамках мест их компактного проживания на воссоединение с основным государственным (этническим) массивом был применен и во время проведения 1-го и 2-го Венских арбитражей.

*«Особенностью процесса создания обычно-правовых норм, – указывают Г. Даниленко и В. Менжинский, – является то, что действия одних государств сопровождаются бездействием других, отсутствие протеста со стороны последних, отсутствие открытого отклонения развивающейся нормы приводит к образованию международно-правовой нормы и обязанности подчиняться ей. (...) Однако бездействие других государств приобретает правовые последствия только в определенных условиях, очерченных правом. (...) Молчание имеет качество проявления воли, направленной на признание возникающей нормы правового обычая, в том случае, если оно квалифицировано. Это означает, что должны налицовывать особые обстоятельства, которые указывают на то, что можно было бы с разумным основанием ожидать протеста. Прежде всего необходимо, чтобы практика прямо или косвенно затрагивала интересы бездействующего государства, так как в ином случае нет оснований для протеста. При этом следует иметь в виду, что практика может затрагивать интересы государства в весьма отдаленной степени».*<sup>212</sup>

То, как Гитлер, ссылаясь на право наций на самоопределение, решал «рейнскую», «австрийскую», а позже и «судетскую» проблемы, непосредственно затрагивало интересы Франции (соседка реваншистской Германии, союзник Чехословакии), Англии (союзник

<sup>212</sup> Даниленко Г. М., Менжинский В. И. Указ. соч. С. 63, 64.

Франции), Польши и Венгрии (участники раздела Чехословацких территорий) и десятков других государств (например, у США были определенные экономические интересы в Австрии и ЧСР).

В Мюнхене и после него мировое общественное мнение (за исключением Москвы и, понятно, самой Праги), по сути, одобрило германские действия и принятые Великими Державами решения. На этом фоне только несогласие Москвы сдерживало появление новой нормы обычного права.

Важным видится тот факт, что свои действия по «собиранию» этнических земель Гитлер и его ситуационные союзники (Польша, Венгрия, Болгария) стремились осуществлять не средствами дебелляции (завоевания), а проводить и оформлять в договорной форме, как это было в случае с мюнхенским диктатом. В итоге происходила не только легализация указанной практики, но и ее активное укрепление как нормы обычного международного права.

*«С давних пор допускается, – отмечает Э. Аречага, – что правовые нормы, зафиксированные в тексте договора, могут в дальнейшем стать обычными нормами международного права».*<sup>213</sup>

Германский рейхсканцлер, по крайней мере до поздней осени 1939 г., а, возможно, и далее (провозглашение «независимости» Словакии в марте 1939 г.) внешне выступал как последовательный защитник идей Вильсона – Ленина в том, что касается права наций и народов на самоопределение. Нехотя это признают и те, кого нельзя заподозрить даже в малейших симпатиях к нацистскому фюреру.

*«Гитлеровские немцы, – указывают авторы польского учебника по международному праву, – подчас реализовав свои захватнические планы, прикрываясь аппеляциями к воле населения».*<sup>214</sup>

Если Великим Державам приходилось постоянно (Рейнская область, Австрия, Судеты) мириться с тем, что Гитлер «собирает» не-

<sup>213</sup> Аречага Э.Х. Указ. соч. С. 26.

<sup>214</sup> Berezowski C., Libera K., Goralczyk W. Cit. op. S. 164.

мецкие земли под предлогом права наций на самоопределение, то на каком основании могли они возражать против подобного же «собирания» украинских и белорусских земель бывшей Россией, а ныне Союзом ССР?

ИменноГитлерсвоейдипломатическойпрактикой1934–1938гг. создал Сталину правовой предлог воссоединения украинских земель.

За полтора десятилетия до описываемых событий российский эмигрантский специалист по международному праву М. Циммерман, еще ничего не зная о грядущем Гитлере, сделал пророческое замечание:

*«Нормативное обоснование для вмешательства может быть случайной интуицией грядущего права, и теоретически такая интуиция и свободное проявление чистого права может быть очень ценным для системы права, но оно может стать (и) искажением общих принципов права, и одна эта возможность подрывает и аннулирует положительную, в право-политическом смысле, сторону вмешательства».*<sup>215</sup>

Гитлер в 1936–1938гг. выступил предвестником «грядущего права» (в понимании признания права наций на самоопределение как императивного принципа «нового» международного права), но методы его оказались не только весьма недостойными, но и – в конечном результате – откровенно преступными.

К 1939г. уже практически ничего – с точки зрения действующего международного права – не мешало Москве вернуться к вопросу самоопределения населенных украинцами, белорусами, молдаванами территорий, который Варшава и Бухарест проигнорировали двумя десятилетиями ранее. Например, конфликт с Польшей уже было вполне допустимо решать по тому же сценарию, по которому «наученная» Гитлером Варшава оторвала Тешинскую Силезию от Чехословакии.

Под тем же углом *de lege lata* следует рассматривать и то, насколько организационная сторона Народного Собрания Западной Укра-

<sup>215</sup> Цимбалістий Б. Указ. соч. С. 136.

ины во Львове отвечала действующим в 1939 г. нормам обычного – еще «старого» – международного права.

Договорными и обычными нормами «старого» международного права Москва умело воспользовалась на первом этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В частности, в 1941 г. Советский Союз в отношениях с союзниками по антигитлеровской коалиции аргументировал свои требования западно-украинских и западно-белорусских земель потребностью обеспечения безопасности собственных государственных границ (а не аргументами права наций на самоопределение). Впоследствии главное место в арсенале дипломатии Кремля заняли уже аргументы и нормы «нового» международного права.

Не претендуя на исчерпывающий перечень и анализ всех кардинальных изменений, которые претерпело международное право по результатам Второй мировой войны, сосредоточимся на том, что представляет интерес для нашей темы.

Современное международное право отказалось от концепции «самопомощи», которая в прошлом создавала удобный предлог для силовых действий, мотивированных национальными интересами.

*«Иными словами, – писал по этому поводу В. Василенко, – государство могло легально прибегнуть к методам самопомощи для решения любого спора, даже не порожденного международным правонарушением».<sup>216</sup>*

На сегодняшний день де-юре разрешена только самозащита от вражеской агрессии, хотя современное международное договорное право так и не урегулировало все аспекты дозволенной самозащиты (например, «пропорциональности» действий объекта агрессии в ответ на совершение на него нападения).<sup>217</sup>

Признав равноправность всех своих субъектов, «новое» международное право формально отказалось от многих привычных институций, таких как «сфера влияния», система мандатов, особенная роль так называемых Великих Держав и т.п.

<sup>216</sup> Василенко В. А. Международно-правовые санкции. Киев: Высшая школа, 1982. С. 12.

<sup>217</sup> Мендельсон М. Х. Дело Никарагуа и обычное международное право // Международное право: советский и английский подходы: Материалы советско-английского симпозиума. М.: Институт государства и права, 1989. С. 47.

В аргументации советской дипломатии, начиная от Тегеранской конференции (1943 г.), исчезают ссылки на институты «старого» международного права, Кремль внешне демонстрирует свое полное уважение к Атлантической хартии и другим документам Объединенных Наций.

Важнейшим достоянием «нового» международного права стало признание права наций на самоопределение в качестве императивной нормы.

Понятно, что всеобщее признание и становление этой нормы было делом не одного дня. Процесс начался еще от 1792 г., когда впервые в мировой практике присоединение Авиньона и графства Венсенн (*Venaissen*), папских анклавов, к Франции произошло на основании плебисцита, проведенного среди местного населения.<sup>218</sup> Право наций на самоопределение применялось и в XIX в., например, при установлении границ Балканских государств, освобождавшихся из-под ига Османской Порты. В частности, в XIX в. плебисцит был использован как способ изменения границ государственной территории в Румынии в 1858 г., в Савойе и Ницце в 1860 г., в Италии в 1860–1870 гг., в Венеции в 1866 г. и т.д.

Однако, вплоть до 1917 г. право наций на самоопределение было скорее декларативным пожеланием, чем сложившейся нормой международной жизни. Это и понятно – практически все так называемые Великие Державы были по своей сути империями, угнетавшими не только отсталые (якобы «неполноценные») африканские и азиатские народы, но и вполне «европейских» ирландцев, чехов, словаков, поляков, хорватов, украинцев, литовцев, латышей, эстонцев, финнов и т.д.

В 1917 г. главы сразу двух правительств выступили с лозунгом права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения в качестве общеобязательной правовой нормы, по крайней мере, для Европейского континента, а в перспективе – для всего мира. Первым (в качестве руководителя государства) стал В. Вильсон, вторым – В. Ленин.

Профессор Венского университета А. Фердрасс несколько оптимистически заявил, что «27 пунктов Вильсона не остались чисто декларативными. Они приобрели международно-правовое значение,

<sup>218</sup> Goralczyk W. Cit. op. S. 175–176.

поскольку (...) стали *lex contractus* мирных договоров», но несколькими строчками ниже был вынужден признать:

«В мирных соглашениях – Версальском, Сен-Жерменском, Трианонском и Нейиском – которыми была завершена Первая мировая война, были лишь частично использованы прокламированные президентом Вильсоном принципы нового мирового порядка на основании самоопределения наций. Прежде всего в основе нового разделения границ не всегда лежал данный принцип».<sup>219</sup>

Версальская конференция применяла принцип самоопределения наций как действенный инструмент при установлении лишь отдельных послевоенных границ (Силезия, Эйпен, Мальмеди и т.д.), вместе с тем во многих случаях по требованию заинтересованных государств указанный принцип был проигнорирован. Так, делегация Румынии протестовала против возможности проведения плебисцита в Бессарабии, ссылаясь на то, что автохтонное, якобы «румынское» население и так составляет абсолютное большинство. Франция не хотела плебисцита в Эльзас-Лотарингии, обоснованно побаиваясь, что голоса приблизительно 300 тыс. немецких переселенцев (с 1870 по 1914 гг.) дадут слишком большой процент желающих остаться в составе Германии.<sup>220</sup>

На протяжении всего межвоенного (1918–1939 гг.) периода право наций на самоопределение признавалось большинством субъектов международного права только в том случае, если оно служило их собственным национальным интересам. Для примера, Союз ССР уже с 1920 г. требовал у Польши проведения плебисцита в Восточной Галиции, но категорически отказывался от идеи проведения опроса населения в Восточной Карелии, предложенного в 1923 г. правительством Финляндии.<sup>221</sup>

Польша, использовав плебисцит (в сочетании с террором против местного немецкого населения) в Силезии, слышать не хотела об опросе жителей Крессов Всходних. Но она же использовала

<sup>219</sup> Фердрасс А. Указ. соч. С. 65.

<sup>220</sup> Cobban A. The National State and National Self-Determination... Р. 92.

<sup>221</sup> Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Т. II (1921–1924 гг.) / Отв. ред. С. А. Лозовский. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1944. С. 727.

решения Виленского сейма 1922 г. (выборы в который литовское население бойкотировало. – B.M.) для международно-правового обоснования присоединения Виленщины.<sup>222</sup>

На этапе Второй мировой войны наиболее активным инициатором введения права наций на самоопределение в качестве нормы *jus cogens* нового международного права выступили США в лице президента Ф. Рузвельта и его окружения. Напротив, Великобритания как действующая колониальная империя пыталась сохранить как можно большее количество институтов старого международного права с его системой мандатов и колоний, исключительной ролью Великих Держав, сферами влияния и т.п. Это обстоятельство постоянно учитывалось Москвой (а вместе с ней и Киевом).

Применение историко-правового метода предоставляет возможность дать оценку действиям советской союзной и украинской республиканской дипломатии именно с точки зрения учета ею политических реалий международной жизни для достижения своих интересов и их международно-правового закрепления на заключительном этапе Второй мировой войны.

## Выводы к разделу 1

Плюрализм и даже диаметральная противоположность подходов национальных (украинской, польской, англо-американской и др.) научных школ, а также отдельных представителей этих школ к вопросам международно-правового статуса западно-украинских земель в период Второй мировой войны – явление в общем неминуемое.

На поиски научной истины накладываются не только национальные и политические преференции исследователей, но и другие факторы. От ответа ученых на вопросы недавнего прошлого, их правовых оценок этих событий могут зависеть решения судей в делах о реституции утраченного в 1939–1945 гг. имущества и возмещении морального ущерба.

Отечественная наука разработала определенную систему правовой аргументации, которая позволяет ввести уверенную научную

<sup>222</sup> Glahn G., von. Cit. op. S. 54.

дискуссию с зарубежными, в первую очередь польскими, оппонентами.

Вместе с тем назрела необходимость в обобщающем труде, в котором концептуальный подход подкреплялся бы соответствующими фактами. Понятно, что в современных условиях такая работа должна содержать не просто моменты полемики с научными оппонентами, но и аргументированную критику их научных или методических подходов.

В трудах зарубежных исследователей проблемы есть та общая слабая сторона, что им присуще фактическое отрицание законов диалектики, они созданы преимущественно на основе формально-догматических подходов.

Объективный научный результат может быть достигнут только с учетом и осмысливанием следующих моментов:

- оценка событий и явлений международной жизни и международного права периода 1939–1945 гг. должна совершаться на основе *de lege lata*, т.е. права, которое реально действовало в указанное время, а не *de lege ferenda* – права будущего, которое начинало действовать после принятия Устава ООН;
- период 1939–1945 гг. – это период перелома между «старым» и «новым» международным правом, когда параллельно сосуществовали разные правовые нормы, шла их борьба и взаимное согласование;
- в этой ситуации нормы обычного международного права как более динамичные и общие успешно конкурировали с нормами договорного права;
- параллельно пользовались как «старыми», так и «новыми» международно-правовыми нормами – в соответствии с потребностями защиты национальных интересов – не только Москва и Киев, но и Париж, Лондон, Вашингтон, Варшава и польские эмигрантские правительства, а также другие субъекты;
- вопрос о легитимности или деликтности тех или иных международно-правовых документов, актов внутреннего законодательства, внешне- и внутриполитических шагов государств и правительств не должен решаться на основании одних только эмоций, без серьезного правового анализа.



## РАЗДЕЛ 2

Правовое  
урегулирование вхождения  
Западной Украины в СССР  
и его оценка правительствами  
заинтересованных государств  
(август 1939 – июнь 1941 гг.)



## РАЗДЕЛ 2

### Правовое урегулирование вхождения Западной Украины в СССР и его оценка правительствами заинтересованных государств (август 1939 – июнь 1941 гг.)

#### 2.1. Проблема границ Второй Речи Посполитой (1918–1939 гг.): аспекты международного права и европейской безопасности. Легальные возможности и допустимые средства ревизии меж- государственных границ в межвоенной Европе

Польша в период между мировыми войнами в оценке В. Молотова (осень 1939 г.) получила унизительную характеристику «уродливого детища Версальского договора». Но, если абстрагироваться от циничной формулы советского наркома, следует признать, что границы Второй Речи Посполитой не могли считаться бесспорными. В ее состав в 1919–1939 гг. входили литовские (Виленщина), западно-украинские (Восточная Галиция и Волынь), отдельные германские этнические и исторические земли. В свою очередь Варшава имела территориальные претензии к Чехословакии (Тешинская Силезия), лишь в марте 1939 г. отказалась от планов раздела Карпатской Украины с Венгрией.

По меньшей мере 30 % населения и около 40 % площадей этого государства составляла его этнографическая территория и этническое меньшинство.

В сентябре 1939 г. границы Польши простирались на 5 529 км, в том числе с Германией – 1 912 км, с Советским Союзом – 1 412 км, с Чехословакией – 984 км, с Литвой – 507 км, с Румынией – 347 км, Больным городом Данцигом (Гданьском) – 121 км, с Латвией – 106 км, при том что морская граница была 140 км. Но лишь границы с Румынией и Латвией (плюс – морская) не вызывали споров.

По условиям Версальского мира (1919 г.) Германия признала независимость Польши и отказалась в ее пользу от некоторых районов Померании, от Познани, большей части Западной Пруссии и

части Восточной Пруссии. Вопрос о Верхней Силезии должен был решаться плебисцитом.

Силезский плебисцит проходил в условиях польского террора по отношению к немецкому населению (из 1 200 тыс. участников плебисцита около 200 тыс. составляли немцы, рожденные в Силезии, но вынужденные на время его проведения спасаться бегством). 20 марта 1921 г. 60 % участников плебисцита высказались за сохранение Силезии в составе Германии. Совет Послов Антанты истолковал результаты таким образом, что к Польше должны были отойти всего 2 уезда – Рыбницкий и Пщинский. Но в результате так называемого Третьего силезского восстания и применения силы против гражданского населения, потянувшего за собой новое массовое бегство немцев из Верхней Силезии, промышленные районы последней через некоторое время были разделены между Польшей и Германией приблизительно пополам. К Польше отошли 6 уездов (29 % территории) с 996 тыс. населения (46 %) в том числе 250 тыс. немцев, не считая беженцев.

Разумеется, в Берлине не считали границу с Польшей, существовавшую в период между войнами, окончательной. Германские территориальные претензии к Польше возникли задолго до прихода к власти Гитлера. Министр иностранных дел Веймарской республики Г. Штраземан в Памятной записке от 15 января 1925 г. так сформулировал концепцию поэтапного осуществления европейских целей Германии:

*«Создание государства, политические границы которого охватывают все районы с немецким населением, которое живет замкнутыми группами в Центральной Европе и желает присоединиться к Рейху, является отдаленной целью Германии, а постепенная ревизия необоснованных с политической и хозяйственной точки зрения территориальных постановлений мирного договора (Польский коридор, Верхняя Силезия) – первостепенная задача германской внешней политики».*<sup>223</sup>

<sup>223</sup> Газін В. В. Економіка і зовнішня політика Веймарської республіки (1925–1933 рр.): східноєвропейські аспекти. Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільська міська друкарня, 1993. С. 36–37.

Эти немецкие стремления не были тайной для Великих Держав и других субъектов международной политики и международного права.

Еще 12 марта 1925 г. при проведении предварительных консультаций перед началом Локарнской конференции (5 октября – 1 декабря того же года) заместитель министра иностранных дел Германии Шуберт заявил английскому представителю лорду д'Абернону:

*«Германия не соглашается ни в какой форме гарантировать Польше ее границы и готова только заключить с Польшей договор об арбитраже».*<sup>224</sup>

Германская позиция встретила определенное понимание в Лондоне. 24 марта 1925 г. британский премьер Болдуин огласил в палате общин об отказе Англии гарантировать нерушимость польско-немецкой границы. В тот же день лидер либералов Ллойд-Джордж прямо указал, что «необходимо провести пересмотр границ Польши, являющихся угрозой европейскому миру».<sup>225</sup> Несколько завуалировано, но в том же духе высказался лидер лейбористов Макдональд.

Встретив понимание в некоторых европейских столицах (о причинах такого взаимопонимания речь пойдет ниже), Берлин активизировал усилия. На тайном заседании правительства в ноябре 1925 г. рейхсканцлер Лютер заявил, что «...развал Польши должен стать целью немецкого правительства».<sup>226</sup> 10 марта 1926 г. был создан межфракционный кабинет рейхстага по восточному вопросу. Возглавил этот комитет рейхстаг-президент Пауль Лебе.

В качестве средства достижения собственных целей Германия развязала против Польши таможенную войну, продолжавшуюся девять лет. Бойкот польской продукции стал первым серьезным средством немецкого давления на Вторую Речь Посполитую.

Варшава в ответ на недружественные действия ответила собственными угрозами. Был определен и стратегический пункт давления на Берлин. В опубликованной в Лондоне в 1925 г. брошюре

<sup>224</sup> Станевич М. Сентзбрьская катастрофа / Пер. с польск. П. Зяблова и В. Павловича. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. С. 57.

<sup>225</sup> Там же. С. 173.

<sup>226</sup> Газін В. В. Указ. соч. С. 83.

“*The Nineteenth Century and After*” известный польский специалист в области международного права Л. Энрлих заявил, что «Польша заинтересована в политически лояльном Данциге», но одновременно «в Польше господствует убеждение, что Данциг не должен быть способным оказать помощь какому-нибудь врагу взять за горло Польшу, перекрыв устье крупнейшей польской реки». Вопрос о том, захочет ли Польша «освободить и обеспечить доступ к морю», зависит только от ее властей.<sup>227</sup>

Президент Германии Гинденбург в речи, произнесенной в сентябре 1928 г. в немецкой части Верхней Силезии, напомнил о главных итогах плебисцита 1921 г. Это заявление вызвало мощную кампанию в немецкой прессе с требованиями возвращения утраченой части Верхней Силезии и ликвидации Польского коридора. В феврале следующего 1929 г. польские власти в Верхней Силезии арестовали по обвинению в государственной измене лидера немецкого меньшинства.

По требованию Берлина вопрос о правах немецкого меньшинства был перенесен в Лигу Наций. Обсуждение сопровождалось массовыми антипольскими демонстрациями в Германии, пограничными инцидентами, убийствами польских таможенников, нацистским погромом польской оперы в г. Оппельне и избиением артистов и зрителей (май 1929 г.). Положение обострилось после завершения эвакуации части Верхней Силезии, оккупированной после завершения мировой войны войсками союзников. 10 августа 1930 г. министр Тревиранус произнес в Берлине речь о «незаживающей ране Германии на восточном фронте». Он заявил:

«Польско-германские границы делают невозможным мир между Польшей и Германией; они не устоят против воли и прав немецкого народа».<sup>228</sup>

Приход Гитлера к власти (январь 1933 г.) вызвал беспокойство в Варшаве. Западные исследователи немецко-польских отношений этого времени сходятся в том, что Пилсудский дважды «задумывал или планировал превентивную войну против Германии в начале марта и

<sup>227</sup> Enrlich L. Poland and Danzig. London: Tonbridge, [s.a.]. (Odbitka z The Nineteenth Century and After. Kwiecien 1925). P. 9.

<sup>228</sup> История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. Д. В. Юдицкого, С. М. Майорова. М.-Л.: Госполитиздат, 1945. С. 389.

в конце апреля 1933 г. и былдержан отказом Франции оказать поддержку».<sup>229</sup> Г. Вейнберг утверждает, что в середине марта 1933 г. поляки консультировались с Парижем о возможности общей операции по оккупации Германии с целью принудить ее выполнить все условия Версальского договора, включая полномасштабное разоружение.

*«Если предложение действительно было сделано, – страховывается Г. Вейнберг, – оно было отвергнуто Парижем, но, так или иначе, возможность этого польского шага стала известна в Германии. (...) Гитлер вынужден был принимать решение о своих дальнейших действиях, вплотную столкнувшись с этим обстоятельством».*<sup>230</sup>

Но, как ни странно, напряжение в польско-немецких отношениях с приходом к власти в Берлине нацистов первоначально несколько спало. Соблюдая последовательность в выдвижении все возрастающих территориальных претензий, нацистский лидер осенью 1938 г. втянул Варшаву в античехословацкую кампанию.

*«Польша и Венгрия, – писал У. Ширер, – угрожая применением военной силы против беззащитной Чехословакии, словно стервятники, поспешили оторвать свой кусок. Польше по настойчивому требованию министра иностранных дел Юзефа Бека (...) досталась территория в районе Тешина площадью 650 кв. миль с населением 228 тыс. человек, из которых 133 тыс. были чехами».*<sup>231</sup>

Аннексия так называемого Заольшья принесла министру внешних дел Польши Беку орден Белого Орла, а также звание доктора *honoris causa* сразу двух университетов.<sup>232</sup>

<sup>229</sup> **Weinberg Gerhard.** The Foreign Policy of Hitler's Germany. Diplomatic Revolution in Europe 1933–1936. Chicago – London: University of Chicago Press, 1970. P. 57.

<sup>230</sup> Ibid.

<sup>231</sup> Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: В 2-х томах / Пер. с англ.; С предисловием и под ред. О. А. Ржешевского. М.: Воениздат, 1991. Т. 1. С. 458.

<sup>232</sup> **Манусевич А. Я.** На пути к катастрофе (Из истории внешней политики Польши в 1938–1939 гг.) // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: АН СССР, Институт славяноведения и Балканистики, 1989. С. 38 с отсылкой на: **Terlecki O.** Pulkownik Beck. Krakow, 1985. S. 238.

Обратим внимание на отмеченное нейтральным автором обстоятельство, что абсолютное большинство населения аннексированной территории этнически не было поляками. Отметим и то, что Польша (как и Венгрия) выдвигала свои требования к Праге, пользуясь сомнительным аргументом канцлера Гитлера о «защите меньшинств». Польский ультиматум Чехословацкой республике 30 сентября 1938 г. по своей лексике был чуть ли не дословной цитатой из арсенала нацистского фюрера:

*«Польское правительство ожидает недвусмысленного ответа, в котором принималось бы или отвергалось сформулированное в настоящей ноте требование до полудня 1 октября 1938 года. В случае если это требование будет отвергнуто или же ответ не будет получен, всю ответственность за последствия польское правительство возлагает исключительно на чехословацкое правительство».*<sup>233</sup>

В своей античешской политике Варшава не только выражала солидарность с Гитлером, но и претендовала на ведущую роль.

*«В марте 1939 г., – утверждает Л. Горват, – Ю. Бек предложил Румынии восточную часть Карпатской Украины, включая железнодорожную ветку, ведущую из Коломыи на юг и соединяющую такие несколько сел на Закарпатье, где частично проживают румыны, как Нижняя и Верхняя Апии и окраины, лишь бы склонить Румынию на сторону мадьярско-польского видения общей границы, т.е., чтобы Румыния не высказывала предостережений против мадьярской оккупации Карпатской Украины».*<sup>234</sup>

Польское публичное одобрение оккупации Чехии гитлеровцами видится апогеем политической слепоты. Близкий к правительскому окружению «Курьер Поранни» писал 16 марта 1939 г.:

<sup>233</sup> Станевич М. Указ. соч. С. 194.

<sup>234</sup> Горват Л.-І. До питання про українсько-румунські відносини у час Карпатської України // Науковий збірник Товариства «Просвіта» в Ужгороді. Річник IV (XVIII). Карпатська Україна: Національне відродження. Політичний розвиток. Персоналії: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 60-річчю Карпатської України. Ужгород: «Два кольори», 2000. С. 68–69.

«Мы являемся свидетелями окончательной ликвидации Чехословакии. (...) Чехословацкая республика, созданная в 1918 г., перестала существовать. Не выдержало также испытания уродливое творение, созданное на мюнхенском съезде четырех держав в сентябре прошлого года. У него не хватило ни моральных, ни жизненных сил, чтобы противостоять всякого рода трудностям. Логика жизни оказалась сильнее построенных на бумаге концепций, на которых основывалось существование Чехословакии в первом и втором издании. На руинах Чехословакии будет существовать как отдельное и независимое государство только Словакия. (...) Польский народ с удовлетворением встречает этот факт. (...) Польша может не волноваться по поводу происходящих в Средней Европе событий». <sup>235</sup>

Кадровый дипломат Второй Речи Посполитой Я. Мейстович признавал, что действия польского правительства в отношении подвергшейся нападкам Чехословакии и их результаты «вызывали волну недовольства в Франции, острую критику в Великобритании, злобные остроты и горькие упреки в кругу собранных в Женеве участников XIX Собрания (Лиги Наций – В. М.). (...) Симпатии к нам проявляли только венгры и, в меньшей мере, югославы». <sup>236</sup>

21 сентября 1938 г. Советский Союз решительно протестовал против польской аннексии Тешинской области, но тогда в Варшаве на это не обратили внимания. После польской реакции на ликвидацию Чехословакии (единственного потенциального союзника СССР в Центральной Европе) Москва не должна была иметь никаких сантиментов к Польше.

Восточные границы Польши в период между двумя мировыми войнами также вызывали неоднозначные оценки, поскольку не соответствовали линии польско-украинского, польско-белорусского и польско-литовского этнографического размежевания.

Вопрос о Восточной Галиции осуждался на Версальской конференции комиссией по польским делам под председательством Ж. Кам-

<sup>235</sup> Станевич М. Указ. соч. С. 199.

<sup>236</sup> Mc Cagg W. O. Stalin Embattled 1943–1948. Detroit: Wayne State University Press, 1978. P. 28.

бона (Франция) в период с 23 мая по 18 июня 1919 г. На последнем заседании, 18 июня, британский представитель лорд Бальфур настоял на принятии меморандума, где бы отмечалась необходимость будущего плебисцита в Восточной Галиции с назначением комиссара Лиги Наций для этой территории. Английский представитель заметил, что население Восточной Галиции «откровенно антипольское и не желает быть поглощенным». Предложенный им режим должен был представлять «нечто среднее между мандатом во главе с Высоким Комиссаром Лиги Наций и режимом в Карпатской Украине в составе Чехословакии». Делегация США (ее возглавлял Лансинг) поддержала указанный проект. Но американская позиция отличалась от британской тем, что вопрос о будущем плебисците ощущительно окладывался во времени: «Нужно признать, что 60 % данного населения является неграмотным и, соответственно, не пригодным для того, чтобы получить право на самоопределение. Прежде чем оно достигнет уровня автономии, ему необходимо время для просвещения. Кровным родством оно повязано с украинцами, но кажется благожелательным к полякам по причине относительно высшей устойчивости правительства Польши в сравнении с правительством Украины». Оккупация Восточной Галиции поляками, по мнению Лансинга, должна стать только временной акцией, «до того момента, пока Великие Державы смогут определить целесообразность плебисцита».

Против изначально были лишь французские представители Камбон и Пичон – «мандат над страной должен быть отдан Польше», причем Львов следует специально определить как польскую (а не подмандатную, восточно-галицкую) территорию. Эту же позицию впоследствии занял и итальянский представитель Соннино.<sup>237</sup>

25 июня 1919 г. Верховный совет Антанты принял решение «позволить войскам Речи Посполитой Польской продолжать операции вплоть до р. Збруч «с целью защиты прав населения Восточной Галиции и его имущества от опасности, угрожающей ему от большевистских банд».<sup>238</sup>

<sup>237</sup> Shotwell J., Laserson M. Poland and Russia. Second printing. New York: Kings Crown Press, 1945. P. 15–16.

<sup>238</sup> Предлог напоминает формулировку Заявления Советского правительства от 17 сентября 1939 г., с той лишь разницей, что СССР брался защищать «единокровное население» от последствий анархии, якобы угрожавшей его жизни и имуществу «в результате распада Польско-го государства».

Следующим постановлением от 11 июля 1919 г. Верховный совет Антанты обсудил условия манданта на оккупацию Восточной Галиции в качестве «временной меры международного характера» с последующим заключением договора, по которому польское правительство должно «обеспечить по мере возможности автономию этой территории, так же как и политическую, религиозную и личную свободу жителей». Согласно указанному постановлению, государственно-политический статус Восточной Галиции должно будет спустя некоторое время установить само население на основе «свободного самоопределения», а срок проведения плебисцита должны определить «союзные и дружественные государства».<sup>239</sup>

Именно в этом ключе Великие Державы информировали западно-украинскую сторону о принятых на Конференции решениях.<sup>240</sup>

Как вспоминал член делегации ЗУНР М. Лозинский на переговорах в Версале:

*«11 июля в 8 часов 15 минут вечера Польская команда передала украинской стороне письмо Высшего Совета:*

*Президенту Украинской Республики:*

*Чтобы обеспечить охрану личной безопасности и имущества мирного населения Восточной Галиции от зверств большевистских банд, Высший Совет Антанты и ее союзников решил уполномочить руководителей Польской Республики продолжить свои операции вплоть до р. Збруч. Это полномочие никоим образом не касается решений, которые Совет думает вынести по делу политического положения в Галиции».*<sup>241</sup>

10 сентября 1919 г. победенная Австрия подписала Сен-Жерменский договор, в котором, кроме прочего, отрекалась от права суверенности над Восточной Галицией. Сувереном ее де-юре стали государства Антанты, а Польша – временным оккупантом края. Решением Союзных государств 21 сентября 1919 г. срок временной польской оккупации было продлен с 10 до 25 лет.

<sup>239</sup> Васюта І. К. Національно-визвольний рух у Західній Україні (1918–1939 рр.) // Український історичний журнал. 2001. № 5. С. 31.

<sup>240</sup> Shotwell J., Laserson M. Cit. op. P. 39.

<sup>241</sup> Лозинський М. Галичина в рр. 1918–1920. (Відень), 1922. С. 110.

После первого перелома в ходе польско-советской войны 1920 г. на конференции в г. Спа (5–16 июля 1920 г.) прошли переговоры руководителей Антанты и польской делегации, в состав которой входили премьер В. Грабский и министр иностранных дел Патек. Было решено, что Верховный совет Антанты сделает необходимые шаги для заключения советско-польского перемирия.

12 июля 1920 г. британский министр иностранных дел Керзон отправил в Москву телеграмму с предложением Советской России заключить перемирие с Польшей. Керзон требовал остановить Красную Армию за 50 км на восток от линии Гродно–Яловка–Немиров–Брест–Литовский–Дорогуск–Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и дальше западнее Равы–Русской, восточнее Перемышля до Карпат.

Предложенная линия разграничения не была спонтанной инициативой отдельного, пусть и очень влиятельного, политика. Она была определена специальной комиссией по делам Польши, созданной Парижской конференцией в 1919 г. В основу указанного решения легло указание делегаций США, Англии, Франции, Италии и Японии, считавших необходимым при создании Польского государства включить в его состав лишь этнографически польские земли. Верховный совет Антанты утвердил эту линию как восточную границу Польши особой декларацией, опубликованной 8 декабря 1919 г. за подписью Клемансо. В июле 1920 г. конференция союзников в г. Спа подтвердила указанное решение, а Керзон оповестил об этом Советскую Россию.<sup>242</sup>

Как отмечалось выше, именно Антанта (а не Польша) на лето 1920 г. де-юре была сувереном Восточной Галиции. Стало быть, участники Версальская конференция государств–победителей имели полное право делать подобные предложения.

Советский ответ от 17 июля (то есть еще до «чуда на Висле») выразил согласие установить даже более выгодную для Варшавы линию границы. Ленинский наркомат иностранных дел демагогично обвинил союзников в том, что предложенная ими линия определена якобы под давлением российских контрреволюционных элементов, в частности в вопросе о Холмской области.

<sup>242</sup> История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919–1939 гг.)... С. 79–80.

Не следует переоценивать ленинскую щедрость, для этого стоит вчитаться в текст ноты:

*«Советская Россия готова вообще в отношении условий мира в тем большей степени идти навстречу интересам и желаниям польского народа, чем дальше в своей внутренней жизни польский народ пойдет по такому пути, который создаст прочную основу для действительных братских отношений трудящихся масс Польши, России и Украины, Белоруссии и Литвы и создаст гарантию, что Польша не растанет быть орудием нападений и интриг против рабочих и крестьян Советской России и других наций».<sup>243</sup>*

Советская Россия высказала готовность дать Польше больше, чем Антанта, если взамен Польша пойдет по пути Советской Украины и других «рабоче-крестьянских республик». Такой сценарий не только пропагандировался, но и активно претворялся в жизнь в Москве, в частности было создано «рабоче-крестьянское правительство Польши». 2 августа Дзержинский передал по прямому проводу в РВС Западного и Юго-Западного фронтов сообщение про создание в г. Белосток Польревкома, «который Манифестом к рабочим от 30 июля объявил себя революционной властью и приступил к осуществлению Советской власти на территории Польши». Председателем Польревкома стал Ю. Мархлевский, членами – Ф. Дзержинский, Э. Прухняк, Ф. Кон, И. Уншлихт.<sup>244</sup>

Наступление Красной Армии продолжалось, и встревоженная Великобритания 3 августа 1920 г. (радиообращение Керзона) предупредила о возможности военного вмешательства, если войска будут продолжать боевые действия западнее «линии Керзона». В советском ответе 5 августа утверждалось, что Москва и в новых условиях готова предложить Польше более выгодные условия восточной границы, чем те, что ей предлагает Верховный Совет Антанты. Что касается наступления, то оно якобы является сугубо военной опе-

<sup>243</sup> Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской революции. Вып. 2. Акты дипломатии иностранных государств. М.: Госиздат, 1929. С. 35.

<sup>244</sup> Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / Редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. С. 236.

рацией, которая не причинит вреда будущему мирному договору и не посягает на независимость и неприкосновенность Польши в ее этнографических границах.

Отметим два момента, которые будут иметь большое значение в годы Второй мировой войны. Во-первых, Советский Союз в своем Договоре о дружбе и границе с Германией 29 сентября 1939 г. сознательно отказался от раздела Польши по линии Висла-Нарев-Буг-Сан, указанной в секретном протоколе к пакту Риббентропа-Молотова как граница «сфер интересов» между СССР и Германией, но в отношениях с западными союзниками в 1941–1945 гг. настаивал, что «lord Керзон сам определил справедливость этнографической линии» польско-украинского размежевания. Во-вторых, однажды отказавшись от Холмской области (пусть и по тактическим соображениям), Кремль не будет идти навстречу стремлениям «вождей» Советской Украины (Н. Хрущев, М. Гречуха и др.) расширить массив украинской государственной территории за счет Холмщины, Лемковщины и Засядья.

После польского контрнаступления в августе 1920 г. советской делегации в Риге пришлось подписать невыгодный «Договор о перемирии и предварительных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой» (12.X.1920 г.).

В статье I Договора от 12 октября 1920 г. провозглашалось, что «обе договаривающиеся стороны, согласно принципу самоопределения народов, признают независимость Украины и Белоруссии, а также соглашаются и постановляют, что восточную границу Польши, т.е. границу между Украиной и Белоруссией, с одной стороны, и Польшей – с другой, составляет линия (...)» (далее следовало детальное описание этой линии).<sup>245</sup>

Комментируя указанные положения Договора, следует отметить, по крайней мере, три важных обстоятельства, а именно:

1. Стороны не скрывали, что основным мотивом заключения Договора было стремление как можно быстрее покончить с состоянием взаимной войны между двумя государствами, которая была обобщенно несвоевременной: возрожденная Польша имела нерешенные территориальные проблемы с Германией, Чехословакией, Литвой,

<sup>245</sup> Документы внешней политики СССР. Т. 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. С. 244.

революционная Россия – с белогвардейским движением на окраинах государства.

2. Подписанный Договор противоречил принципам права, поскольку де-юре стороны делили то, что им не принадлежало, а именно Восточную Галицию, сувереном которой на осень 1920 г. формально были государства-победители Австрии.

3. Ссылка на принцип самоопределения народов, помещенная в статье I указанного Договора, была беспочвенной, поскольку: во-первых, никто не спрашивал мнение самого населения Восточной Галиции и Западной Волыни, во-вторых, на переговорах не была представлена Белоруссия, чью западную границу устанавливали А. Йоффе, С. Киров, Д. Мануильский и Л. Оболенский. Дела не меняет и тот факт, что советские власти Белоруссии передали соответствующие полномочия для ведения переговоров российской советской делегации.

Договор был ратифицирован ВЦИК 23 октября 1920 г., ВУЦИК – 21 октября 1920 г., Сеймом Польши – 22 октября 1920 г. Белорусские власти (до подписания Союзного договора 30 декабря 1922 г. БССР де-юре была суверенным государством) никогда даже не обсуждали этот документ, не говоря уже о ратификации.

Вопрос насколько обоснованной была «рижская» граница с этнографической точки зрения, не стоял. Министр польского эмиграционного правительства в Лондоне М. Сейда в 1943 г. утверждал, что:

«Рижский договор 18 марта 1921 г. должен быть признан окончательным урегулированием задавленного российско-польского территориального спора. В этом договоре Польша, питая надежды на достижение длительной нормализации отношений с ее восточным соседом, отказалась от половины (около 120 000 кв. миль) территории, принадлежавших ей перед разделами 1772, 1793 и 1795 гг. Польша сознательно принесла грандиозную жертву. Она оставила за собой лишь те территории, которые должны были обезопасить ее от превращения в малое слабое государство». <sup>246</sup>

<sup>246</sup> Seyda M. Poland and Germany and the Postwar Reconstruction of Europe. Polish Information Center, 1943. P. 26.

Еще один польский эмигрант – Р. Дебицкий – отмечал, что рижская «линия границы, согласованная сторонами, грубо отвечала той, что была установлена вторым Разделом Польши в 1793 г. Это был обоснованный компромисс, базировавшийся, насколько это возможно в областях со смешанным населением, на справедливых географических обстоятельствах».<sup>247</sup> Не случайно в этой аргументации отсутствует ссылка на право наций на самоопределение. Польша отстаивала свою восточную границу на иных основаниях – они должны были прежде всего гарантировать ей «не превращение в малое слабое государство».

А что же Версальская конференция, формальные права которой на Восточную Галицию упомянутое советско-польское соглашение совершенно игнорировало? Еще до подписания прелиминарного советско-польского договора, сразу после «чуда на Висле», Северский договор 10 августа 1920 г. передал Польше Западную Галицию, оставив ее Восточную часть в распоряжении государств Антанты.<sup>248</sup> Активнее всего противилась включению Восточной Галиции в состав Польши Великобритания. Рижский мир 18 марта 1921 г. не внес принципиальных изменений в прелиминарное советско-польском соглашение. В статье II утверждается, что:

«Обе договаривающиеся стороны, согласно принципу самоопределения народов, признают независимость Украины и Белоруссии, а также соглашаются и постановляют, что восточную границу Польши, т.е. границу между Россией, Белоруссией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой, составляет линия (...).»<sup>249</sup>

Эта линия практически совпадала с той, что была определена прелиминарным соглашением.

Статья VII Рижского мира предусматривала предоставление «лицам российской, украинской и белорусской национальностей, находящимся в Польше, на основе равноправия национальностей,

<sup>247</sup> Debicki R. Foreign Policy of Poland. From Rebirth of Polish Republic to World War II. New York: Frederick A. Praeger, 1962. P. 34.

<sup>248</sup> Сливка Ю. Ю. Західна Україна в реакційній політиці польської та української буржуазії... С. 20.

<sup>249</sup> Документы внешней политики СССР. Т. 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М.: Госполитиздат, 1959. С. 619.

всех прав, обеспечивающих свободное развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов».<sup>250</sup>

В июне 1922 г. сейм Польши вопреки решениям Версальской конференции отклонил проект территориальной автономии Восточной Галиции, предложенный ППС, и после этого к вопросу об автономии уже никогда не возвращался.

Тем временем Польша стремилась превратить свою, санкционированную Версальской конференцией, временную оккупацию Восточной Галиции в международное признание вхождения края в состав Второй Речи Посполитой де-юре. Французскую поддержку обеспечило заключение нефтяной конвенции 6 февраля 1922 г. 3 марта 1921 г. была подписана военная конвенция с Румынией. В чехословацко-польском договоре, заключенном 6 ноября 1921 г., правительство Чехословакии объявило, что не имеет никаких интересов в Галиции. В тайной части договора указывалось, что Чехословакия предоставит Польше дипломатическую помощь в аннексии Восточной Галиции.<sup>251</sup> 14 марта 1923 г. Совет Послов Антанты в ответ на предложение Муссолини утвердил решение, которым признавал за Польшей «сouverенное право» на владение Восточной Галицией. Этот документ не был таким уж однозначным, как это принято считать в современной научной литературе. Интерес представляет вступительная часть.

Советский знаток международного права И. Перетерский небезосновательно считал, что

«Для уяснения отдельных статей договора может иметь значению введение или преамбула к договору. Нередко в преамбуле излагаются в сжатой форме цель и мотивы, приведшие к заключения договора. С точки зрения юридической, преамбула является составной частью договора, а потому обладает той же юридической силой, что и другие постановления договора. В буржуазной литературе по этому поводу высказывались Эрлих, Руссо, Жокл. Американский проект 1933 г. указывает, что если смысл международного договора не ясен, исходя из текста, то действительное желание или цель сторон должны быть

<sup>250</sup> Документы внешней политики СССР. Т. 3... С. 626–627.

<sup>251</sup> Сливка Ю. Ю. Західна Україна в реакційній політиці польської та української буржуазії... С. 34–36.

изыскиваемы на основании преамбулы и дипломатических документов и протоколов, связанных с переговорами. (...)  
При выработке Устава ООН было признано, что преамбула является интегральной частью договора и имеет ту же силу, что и другие статьи».<sup>252</sup>

Мотивы решения совета Послов от 15 марта 1923 г. изложены во вступительной части Постановления:

«Британская империя, Франция, Италия, Япония в качестве великих союзных и дружественных держав, считая, что, согласно ст. 87 пункту 3 Версальского договора, им принадлежит право определить еще не указанные в договоре границы,

принимая во внимание просьбу польского правительства от 15 февраля 1923 г.,

принимая во внимание, что правительство литовское также склонно признать подобное решение,

считая, что, согласно ст. 91 Сен-Жерменского договора, Австрия отказалась от всех своих прав в пользу союзных и дружественных держав на всех территориях, которые принадлежали раньше австро-венгерской монархии, и что эти территории, лежащие вне новых границ Австрии, каковые указаны в ст. 27 договора, в настоящее время не являются предметом споров,

считая, что признано, что этнографические условия в Восточной Галиции требуют предоставления ей автономии,

считая, что, по договору 28 июня 1919 г. с Польшей, последняя должна обеспечить права национальных меньшинств,

считая, что по поводу границы с Россией Польша вступила в непосредственные переговоры с Россией для определения этих границ,

считая, что по поводу границ Польши с Литвой необходимо принимать во внимание фактическое положение

<sup>252</sup> Перетерский И. С. Толкование международных договоров. М.: Госюриздан, 1959. С. 108–109.

*вещей и соответственное постановление Совета Лиги Наций от 3 февраля 1923 г., поручили Совету Послов разрешить этот вопрос».<sup>253</sup>*

Как видим, Рижский договор 1921 г. был расценен Великими Державами и всего лишь как «вступление в непосредственные переговоры» Польши с Россией (а не суверенными Россией, Украиной и Белоруссией – тогда можно было бы ссыльаться на право наций на самоопределение). Указанный факт не повлиял на намерение Совета Послов (прибавим – и право, согласно нормам международного права *того времени*) считать себя обладателем суверенных прав на бывшие австрийские земли Восточной Галиции.

15 марта 1923 г. Совет Послов «признал» Восточную Галицию за Польшей, одновременно заявив о своем понимании того, что «режим автономии является необходимым ввиду этнографических условий».<sup>254</sup>

Получив Восточную Галицию на четко определенных условиях предоставления ее населению прав автономии, правительство Второй Речи Посполитой это императивное условие проигнорировало.

*«Международное право, – указывал Д. Анцилotti, – впрочем, может предоставлять покровительство национальностям, налагая на государства обязательства в отношении этих национальностей. Весьма большон значение с этой точки зрения имеют положения относительно покровительства национальным, религиозным и языковым меньшинствам, содержащиеся в мирных договорах: Сен-Жерменском (ст. 62–69), Трианонском (ст. 54–60), Нейиском (ст. 49–57), Лозаннском (ст. 37–45), – и, кроме того, в шести специальных конвенциях, заключенных главными «союзными и объединенными державами» с теми государствами, которые возродились или значительно увеличили свою территорию в силу этих мирных договоров. Гарантии свободы и равенства, предусмотренные в пользу расовых, религиозных и языковых меньшинств, объявлены обя-*

<sup>253</sup> Циммерман М. А. Очерки нового международного права... С. 92–93.

<sup>254</sup> Shotwell J., Laserson M. Cit. op. P. 39.

зательствами международного значения и поставлены под защиту Лиги Наций. Разбирательство же спорных вопросов по этим предметам отнесено к компетенции Постоянной палаты международного правосудия».<sup>255</sup>

Эта декларированная «защита» – в результате позиции Польского правительства – оказалась юридической фикцией. Как указывает львовский историк М. Швагуляк, границы Польши «признавались по решению Совета Послов с условием предоставления Восточной Галиции автономии. (...) Украинское общество восприняло этот пункт об автономии как обязательный и поэтому до 1939 г. доминировала мысль, что Польша не выполняет взятые обязательства».<sup>256</sup>

В 1943 г. министр польского эмигрантского правительства М. Сейда пытался расписать «чрезвычайные усилия возрожденной Польши по скорейшему развитию социальной, экономической и культурной сферы» западных украинцев и западных белорусов<sup>257</sup> – книга вышла из печати в Лондоне. Сегодня ни один серьезный исследователь – украинский, польский, английский или американский – не рискнет повторить этот тезис. Факт нарушения конвенционных условий междвоенной Польшей имеет международно-правовое значение.

Варшава не только не выполнила обязательства по предоставлению автономии населению Восточной Галиции. Санационные «вожди» отказались от любого сотрудничества с Лигой Наций по вопросу развития населения этих, этнически непольских, территорий, которые Великие Державы передали Польше на Версальской конференции на определенных условиях.

13 сентября 1934 г. министр иностранных дел Польши Ю. Бек в одностороннем порядке объявил Лиге Наций о том, что его правительство приняло решение полностью отказаться от дальнейшего сотрудничества с международными организациями, которые до этого времени наблюдали за внедрением польской системы защиты национальных меньшинств.<sup>258</sup> Нежелание Второй Речи Посполитой выполнять свои международные обязательства – тем более

<sup>255</sup> Анциллотти Д. Указ. соч. С. 128–129.

<sup>256</sup> Україна-Польща: важкі питання. Том 1–2: Матеріали II міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини в 1918–1947 роках» (Варшава, 22–24 травня 1997 р.). Варшава: Туриза, 1998. С. 210.

<sup>257</sup> Seyda M. Cit. op. P. 28.

<sup>258</sup> Shotwell J., Laserson M. Cit. op. P. 23.

в такой откровенно демонстративной форме – не способствовало росту ее международного авторитета в глазах мировой общественности.

Украинцы, которые росчерком пера Великих Держав оказались в составе Польши, не считали решение своего вопроса справедливым и не рассматривали его как окончательное. Широко известны слова Евгения Петрушевича, произнесенные им в 1923 г. на заседании Лиги Наций:

*«Одними лишь голословными заявлениями и протестами, одним лишь пассивным ожиданием благодеяния мира украинский народ ничего не достигнет, пока не докажет своей воли к государственной независимости активной борьбой».*<sup>259</sup>

Тем самым бывший диктатор ЗУНР дал понять всему миру, что вопрос далеко не решен.

Москва придерживалась схожего мнения. Как известно, 18 марта 1921 г. в Риге польско-советский Договор был подписан в следующей редакции: «(...) Статья II. (...) восточную границу Польши, т.е. границу между Россией, Белоруссией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой, составляет линия: (...)».<sup>260</sup> Казалось бы, указанная формулировка не допускала никакого двусмысленного толкования.

Однако сразу после заключения Рижского мира между Москвой и Варшавой началась продолжительная дипломатическая переписка с взаимными обвинениями относительно нарушений условий договора.<sup>261</sup> В частности, 19 апреля 1921 г. министр иностранных дел Польши Сапега указывал:

*«Польское правительство должно заявить, что точные сведения, которыми оно владеет, указывают на то, что Правительство РСФСР, несмотря на свои заверения в лояльности, проводит деятельность, имеющую своей целью*

<sup>259</sup> Кульчицкий В. С., Тищик Б. Й. Указ. соч. С. 184.

<sup>260</sup> Документы внешней политики СССР. Том 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. С. 619.

<sup>261</sup> Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том II (1921–1924 гг.)... С. 88–141.

*оторвать приграничные уезды от Польской Республики и присоединить их к России и Советской Белоруссии».<sup>262</sup>*

Советская сторона, в свою очередь, обвинила Варшаву в поддержке украинского и белогвардейского движения и других нарушениях Рижского договора.

Но в скором времени стало очевидно, что существует более серьезная проблема, чем одни лишь «приграничные уезды» – Восточная Галиция. Волынь, населенная украинцами даже в большей мере, чем Восточная Галиция, в советских внешнеполитических документах этого времени не упоминалась.

Остро реагировала советская сторона на решение Совета Послов о передаче Восточной Галиции Польше (март 1923 г.). 12 марта 1923 г. народный комиссар иностранных дел УССР выразил протест против этого «незаконного акта» и заявил, что «правительство Украины будет считать недействительным всякое установление любого режима в Восточной Галиции без предыдущего согласия и без опроса самого населения».<sup>263</sup>

13 марта уже Народный Комиссар иностранных дел РСФСР Чicherin обратился к правительствам Франции, Англии и Италии с нотой следующего содержания:

*«Если участь Восточной Галиции, населенной той же народностью, что и союзная России Украина, будет решена без участия Советских Республик, то результатом всего этого явится возникновение новых очагов для столкновений в будущем.*

*Невозможно предположить, что украинский народ может оставаться равнодушным к судьбе украинцев, проживающих в Восточной Галиции. Если по Рижскому договору Россия и Украина отказались от своих прав на территории, расположенные на западе от их новой границы с Польшей, то это нисколько не означает, что судьба этих территорий для них безразлична. (...) Было бы ошибочно предполагать, что Советские Республики могут спокойно*

<sup>262</sup> Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том II (1921–1924 гг.)... С. 92.

<sup>263</sup> Известия. 1923. 14 марта.

наблюдать за созданием новых комбинаций, направленных против них. Союзные правительства должны быть предупреждены еще раз, что Советские Республики возлагают на них ответственность за все убытки и ущерб, причиненные Советским Республикам вследствие принятых ими решений без участия последних, и что при первом случае, когда произойдет урегулирование взаимных счетов, Советские Правительства потребуют соответствующего возмещения убытков».<sup>264</sup>

12 июня 1923 г. львовская газета «Діло» поместила выдержки из речи Главы СНК УССР Х. Раковского на II сессии ВУЦИК VII Сбора (созыва):

«Нас обвинили в том, что мы якобы нарушили Рижский договор, где мы якобы признали Восточную Галицию польским краем. Этого нет: в Рижском договоре мы установили только один факт, что ни Советская Россия, ни Советская Украина не имеют никаких территориальных претензий за определенными границами. Но в Рижском договоре нет и малейшего намека на то, что мы за этими границами будем признавать все акты насилия, которые будут совершать правительства, там господствующие (аплодисменты). Никогда мы этого и в мысли не имели, мы никогда не признавали присоединения Восточной Галиции (аплодисменты) к Польше и никогда не признаем!»<sup>265</sup>

Важно отметить, что Кремль не ограничивался одним лишь «польским» вектором пересмотра установленной в Риге межгосударственной границы. Так, во время работы англо-советской конференции 12 августа 1924 г. была зачитана Декларация правительства СССР, где опять поднимался вопрос о проведение плебисцита с целью выявления преференции населения Восточной Галиции относительно его государственного статуса.

<sup>264</sup> Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том II (1921–1924 гг.)... С. 722.

<sup>265</sup> Діло. 1923. 12 червня 1923. Раковський про прилучення Східної Галичини до Польщі (з промови у Всеукраїнськім Центр. Виконавчім Комітеті у Харкові).

Варшава отреагировала на этот демарш внешне миролюбивым правительственный меморандумом (не позднее 5 сентября 1924 г. – *B. M.*), в котором в частности указывалось:

«Польское правительство выражает надежду, что Правительство СССР, поскольку оно будет разделять стремление Польского Правительства к поддержанию и укреплению всеобщего мира, не будет большеозвращаться к вопросу о бывшей Восточной Галиции, а также к другим подобным по форме толкованиям (...) и тем самым будет избегать нарушения наиболее существенных положений, определяющих взаимоотношения между Польшей и СССР».<sup>266</sup>

Наркомат иностранных дел ответил на польский меморандум вербальной нотой от 5 сентября (опубликована в прессе 9 сентября):

«Вполне разделяя стремление Польского Правительства к поддержанию общего мира и дружественных отношений между обеими странами, Союзное Правительство тем не менее не может согласиться с мнением Польского Правительства, что вопроса о Восточной Галиции в международном смысле не существует.

Союзное правительство считает, что обусловленный Рижским договором отказ его от прав и притязаний на территории, расположенные к западу от установленных этим договором границ, не означает еще, что судьба украинской народности, составляющей более 70 % всего населения Восточной Галиции, может быть безразлична для той же украинской народности, населяющей Украинскую Советскую Социалистическую Республику, равно как не означает, что Союзное Правительство признает за Польской Республикой право на аннексию Восточной Галиции, население которой неоднократно в резких формах выражало свой протест против его включения в состав Польши.

<sup>266</sup> Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том II (1921–1924 гг.)... С. 919.

*Союзное Правительство не может не отметить, что державы, подписавшие Версальский договор, считали неизменным условием определения государственной принадлежности Восточной Галиции свободное волеизъявление ее населения и что позднейшее решение Совета Послов упомянутых держав является грубым нарушением ранее принятого на себя обязательства».<sup>267</sup>*

Варшава с некоторым опозданием отреагировала нотой от 15 сентября 1924 г. Ссылаясь на соответствующие статьи Рижского договора, польская сторона высказала мнение, что СССР окончательно передал Восточную Галицию Польше.<sup>268</sup>

Советский ответ заслуживает того, чтобы привести его дословно:

*«Процитированные в польской ноте положения ст. II и III Рижского договора хорошо известны Союзному Правительству, и оно отнюдь не оспаривает их обязательной силы. В согласии с международной практикой, оно полагает, однако, что отказ какого-либо правительства от притязаний на ту или иную территорию или область вовсе не равносителен признанию этим правительством любого международного режима, установленного или могущего быть установленным для данной территории или области. В отношении Восточной Галиции это означает, что Союзное Правительство не может признать установленный для этой страны международный статут окончательным, поскольку он явился продуктом решения трехъярусных держав, без привлечения к этому решению Правительства Союза Советских Социалистических Республик. Вместе с тем Союзное Правительство в согласии с основными принципами своей международной политики полагает, что нет и не может быть окончательного решения судьбы какой-либо страны до той поры, пока решение это не последует в полном согласии с открыто и ясно выраженной волей ее населения.*

<sup>267</sup> Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том II (1921–1924 гг.)... С. 919..

<sup>268</sup> Там же. С. 920.

*Союзное правительство должно, далее, напомнить, что и с точки зрения самого Польского Правительства восточногалицкий вопрос был вопросом международным до решения Совета Послов, последовавшего спустя почти два года после подписания Рижского трактата. То обстоятельство, что Польское Правительство признало это решение исчерпывающим вопрос, отнюдь не меняет объективного положения вещей, согласно которому решение такого вопроса, как восточногалицкий, не может воспоследствовать без привлечения Союзного Правительства, которое не поручало ни Совету Послов, ни Польскому Правительству защиты своих взглядов.*

*В согласии с приведенными доводами Союзное Правительство никоим образом не может рассматривать восточногалицкий вопрос как внутреннее дело Польской Республики и продолжает видеть в нем еще не разрешенную окончательно международную проблему».<sup>269</sup>*

Всего лишь за какой-то месяц (между 10 мая и 10 июня 1924 г.) Москва и Варшава обменялись пятью (соответственно, три и две) нотами с взаимными обвинениями в нарушении положений Рижского договора. В частности в ноте № 769/ЗП от 10 мая 1924 г. нарком Чичерин указывал, что:

*«Атмосфера ужасного полицейского террора, свирипствующего на белорусских кресах и в Восточной Галиции, наполняет население этих областей страхом, причем насилие и репрессии не только не утихают, а, наоборот, принимают регулярный и массовый характер».<sup>270</sup>*

В ноте № ЗВ 727 от 29 июля того же года советский нарком обратил внимание Польского правительства на игнорирование польской стороной статьи VII Рижского договора, которая на взаимной основе определяла права национальных меньшинств, и добавил, что «сегодня Союзное правительство считает себя вынужденным

<sup>269</sup> Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том II (1921–1924 гг.)... С. 921.

<sup>270</sup> Там же. С. 889.

напомнить Польскому правительству, что строгое и неуклонное соблюдение статьи VII Рижского договора является необходимым условием для установления добрососедских отношений».<sup>271</sup>

Выскажем предположение, что статья VII Рижского договора в 20-е гг. рассматривалась Кремлем как постоянно действующее основание для давления на Польское правительство с тем, чтобы со временем поставить вопрос о пересмотре условий Договора вследствие того, что его игнорирует польская сторона.

Еще резче звучала тема Западной Украины в выступлениях советских руководителей, широко освещаемых прессой. Например, генеральный секретарь ЦК КП(б)У Л. Каганович в своей речи на пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У 12–13 марта 1928 г. заявил, что «Советская Украина внимательно следит за всем, что происходит на землях Западной Украины, и ни на минуту не забывает о тех, кто стонет от боярского ярма (то есть о Бессарабии. – В. М.)», а далее добавил, что Западная Украина – «бесспорная часть всей Украины».<sup>272</sup>

Активность советской дипломатии и политического руководства государства объясняется теми же соображениями, что и аналогичные действия Веймарской республики.

Статья 19 Статута Лиги Наций предусматривала возможность пересмотра международных договоров: «Ассамблея может время от времени приглашать Членов Лиги к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир». Провозглашалась целесообразность того, чтобы время о времени международные договора пересматривались и устранились те из них, которые создают ситуации, таящие в себе опасность для мирных отношений между государствами.<sup>273</sup>

Именно такого рода взрывоопасный конфликт был – и неоднократно – декларирован СССР, Германией (и Литвой). Оставалось ждать удобного случая.

ВКП(б) и Советское правительство не особо скрывали свое отношение к Польше и межгосударственной границе. Даже после заключения советско-польского договора о ненападении 1932 г. позиция

<sup>271</sup> Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том II (1921–1924 г.г.)... С. 893–894.

<sup>272</sup> Канюк (б.и.) Буковина в румунській неволі. Харків: Державне видавництво України, 1930. С. 133.

<sup>273</sup> Шуршалов В. М. Основания действительности международных договоров... С. 110–111.

Москвы и Киева не стала существенно лояльнее. Публично высказывалось мнение, что в ближайшем будущем украинские рабочие и крестьяне свергнут полицейско-фашистский режим, ликвидируют Малопольшу и на ее месте создадут свободную от колониального господства рабоче-крестьянскую Западную Украину.<sup>274</sup>

«Тяжелым яром, – писал в августе 1932 г. центральный печатный орган ВКП (б), – легла на шеи трудящихся Западной Украины польская оккупация».<sup>275</sup> Отметим, также что еще Пятый Конгресс Коминтерна (1925 г.) своим решением обязал коммунистов Румынии, Чехословакии, Польши бороться за воссоединение украинских земель в составе Украинской ССР.<sup>276</sup> Отмечалось, что украинский вопрос является одним из главных национальных вопросов Средней Европы, решение которого «диктуется интересами пролетарской революции как в Польше, Румынии, Чехословакии, так и в соседних странах». Тем самым фактически было подтверждено, что указанный «украинский вопрос» мировым коммунистическим движением не закрыт и следует ожидать дальнейших шагов Москвы и Киева.

Польское государство в период между двумя войнами признавало проблему национальных меньшинств, но пыталось любым образом ее преуменьшить. Показательной в этом смысле была позиция С. Грабского, известного политического деятеля, депутата еще I-й российской Государственной Думы, лидера Партии народной демократии (эндеков), а впоследствии вице-президента Краевой Рады Народовой. В своих работах Грабский отстаивал мысль, что древнейшим населением между Сиеном и Збручем всегда были поляки, которых якобы в 981 г. завоевал киевский князь Владимир. После этого на протяжении трех столетий осуществлялась русификация поляков, в результате чего в Малопольше Восточной и появились русины. «Есть на земле Червенской такого русифицированного населения польского происхождения около 1,5 млн», – подытожил профессор и выдвинул задачу «отпольщения этой людности».<sup>277</sup>

<sup>274</sup> Постишев П. П. Виступ на III з'їзді колгоспників-ударників Київської області про соціалістичне будівництво в УРСР та соціальний і національний гніт у Західній Україні // Боротьба за возз'єднання Західної України з Українською РСР. 1917–1939: Зб. документів і матеріалів. Київ: Наукова думка, 1979. С. 411.

<sup>275</sup> Правда. 1932. 5 augusta.

<sup>276</sup> П'ятий Всесмірний Конгрес Комуністичного Интернаціонала 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографічний отчет. Часть II (Приложения). М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 127.

<sup>277</sup> Grabski S. Ziemia Czerwicza, odwieczna, nierozerwalna czesc Polski. Lwow: TSL, 1939. S. 3–4.

Отрицать преимущественно украинский (или «русинский») характер населения так называемой Восточной Малопольши было неудобно даже для польских политиков.

Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что польское и польскоговорящее население преобладало в крупных и средних городах, особенно во Львове; напротив, в сельской местности численно почти повсюду доминировали украинцы.

Министерство иностранных дел Польши в феврале 1939 г. утверждало, что принадлежность региона Восточной Галиции к Польше является условием проведения независимой международной политики страны. С целью пресечения попыток распространения украинской агитации с территории Карпатской Украины на Восточную Галицию Советом Министров Второй Речи Посполитой был разработан проект специального постановления. Он в частности предусматривал выселение из пограничной полосы граждан, которые «вели антигосударственную агитацию», а также другие меры с целью укрепления «польского элемента»: предоставление преимуществ школам с польским языком преподавания, ревиндиацию населения польского происхождения, опеку так называемого осадничества и др.<sup>278</sup>

Через год уже Сталин начнет первую депортацию польского населения из зоны будущего (т.е. послевоенного) советско-польского территориального спора. Советские власти в воссоединенной Галиции начнут укреплять теперь уже «украинский элемент» через кадровую политику, школьное дело и т.д.

Границы Польши активно оспаривались, по крайней мере, двумя странами, которые небезосновательно претендовали на роль Великих Держав. Но, если к Германии тогдашняя Польша не имела территориальных претензий, то с Советской Украиной вопрос стоял иначе. Приверженцев сформулированной еще Ю. Пилсудским концепции *прометеизма* не устраивала пассивная роль барьера между «цивилизацией» (Западной Европой) и варварским «азиатско-византийским Востоком» (Россией), которую готовили Польше ее союзники, у них на этот счет была своя точка зрения. Они хотели видеть пресловутую разделительную линию по Двине и Днепру, которая к тому же тянулась бы от Балтики до Кавказа. Территории и

<sup>278</sup> Siwicki M. Dzieje konfliktów polsko-ukrainskich. T. 3. Warszawa, 1994. S. 289–315.

народы вдоль этой линии должны были сформировать союз в виде федерации при лидерстве и координации, конечно же, могучей самостоятельной Польши.<sup>279</sup>

На руинах коммунистической империи должна была возникнуть федерация полузависимых от Польши государств: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и др., якобы неспособных к самостоятельному государственному строительству.

При этом Польша не намеревалась оставаться бездеятельным наблюдателем ожидаемого ею распада СССР. В преддверии Второй мировой войны польское военное командование разработало два стратегических плана: «Восток» и «Запад». Первый из них предусматривал ведение «оборонной» войны против СССР при взаимодействии с Румынией и материальной поддержке западных государств. Работы над созданием плана «Восток», пишет польский историк В. Влодаркевич, были окончены уже в феврале 1939 г. и только тогда «в связи с возрастающей угрозой со стороны Германии ускорено начало (выделено мной. – В. М.) приготовления операционного плана «Запад».<sup>280</sup>

Вопреки укоренившемуся в современной польской историографии мнению, что антисоветский план якобы имел «оборонный» характер, польские военные не исключали и агрессивных действий на чужой территории. Как указывал варшавский исследователь М. Сивицкий:

«Еще после разгрома Карпатской Украины весной 1939 г., бывшие старшины петлюровской армии, работавшие на контрактах в Генеральном Штабе польского войска, разрабатывали проект организации партизанской армии, которую должны были создать после начала советско-немецкой войны».<sup>281</sup>

Оставалось ждать лучшего и в отношениях Польши с Литвой.

<sup>279</sup> Симонова Т. М. Стратегические замыслы начальника Польского государства Юзефа Пилсудского // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 42.

<sup>280</sup> Влодаркевич В. Стратегічне значення Східної Галичини напередодні другої світової війни // Галичина. Науковий і культурно-просвітній краснавчий часопис. 2001. № 5–6. Івано-Франківськ, 2001. С. 343–344.

<sup>281</sup> Сивіцький М. Польсько-український конфлікт 1943–1944 // Календар-альманах «Нового шляху» на 1993 рік. Торонто, б. р. С. 116.

После Первой мировой войны возрожденные Литва и Польша принялись создавать свои новые границы силой оружия. В разгар усобного конфликта Литва обратилась в Лигу Наций. Лига направила в Вильнюсскую специальную комиссию и оказала значительное влияние на Польшу, побудив ее подписать 7 октября 1920 г. договор с Литвой, признающий право последней на Вильнюс и прилежащие земли. Но уже 9 октября польские войска вторглись на территорию Литвы!

*«Преследуя литовские войска, – пишут львовские польонисты Л. Зашкильняк и М. Крикун, – поляки вошли на литовские земли. Ю. Пилсудский отдал приказ генералу Л. Желиговскому под видом “бунта” захватить Вильнюс и провести там запланированные заранее акции. В октябре 1920 г. так называемая польско-литовская дивизия под командованием Л. Желиговского вошла в Вильнюс.*

*Тут была образована Правительственная комиссия, провозгласившая создание Серединной Литвы и проведение плебисцита на территории Виленщины и Сувальщины. В 1922 г. были проведены выборы в Виленский сейм, в которых приняло участие 64 % населения (литовцы и белорусы объявили бойкот).*

*Сейм постановил присоединить Серединную Литву к Польше. Литва не признала захвата Виленщины и требовала возвращения этих земель. В апреле 1922 г. Ю. Пилсудский осуществил торжественный акт объединения Серединной Литвы с Польшей. Литовское правительство в Каунасе объявило состояние войны с Польшей, которое длилось до 1938 г.»<sup>282</sup>*

Попытки Литвы восстановить справедливость, используя международное общественное мнение, успехом не увенчались.

Междвоенное литовское противостояние польским притязаниям не было дипломатической игрой – дело доходило до вооруженных столкновений на границах.

<sup>282</sup> Історичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка. Ювілейна книга / Упорядники: О. Вінниченко, О. Целуйко. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2000. С. 455.

Так, во время аннексии Австрии Германией Варшава спровоцировала инцидент на польско-литовской границе, который санкционная пропаганда раздула до невероятных размеров. В свою очередь, литовские власти оказывали негласную поддержку украинским радикалам из ОУН, снабжая последних средствами и поддельными документами.

Не удивительно, что осенью 1939 г. официальный Каунас не спешил выражать сочувствие Варшаве и с воодушевлением воспринял «возвращение» бывшего польского Вильно в состав Литвы – под историческим литовским названием Вильнюса.

Межнародное право межвоенного времени вполне допускало возможность изменения межгосударственных границ и осуществления активных методов давления заинтересованной стороны на своего контрагента. В случае с Польшей задание упрощалось в силу определенных черт национального характера поляков, присущих в полной мере и высшему политическому и военному руководству страны.

*«Сосредоточить внимание всего мира, – писал украинский эмигрантский историк М. Лищинский, – на пограничном конфликте с Польшей Гитлеру было нетрудно. Бряцание сабельками на демонстрациях по улицам городов Польши и шовинистические настроения поляков и их прессы были известны всему миру. Программа польского Союза “Зем Заходних”, пропитанная планами избавления (от малейших) признаков немецкого меньшинства в Польше, и декламации о “Польше моцарствовей” (т.е. великодержавной. – В. М.) отправляли спокойствие гарантам независимости Польши и были большим диссонансом в разговорах об улаживании пограничного конфликта».*<sup>283</sup>

Замечания, высказанные в адрес польского общественного мнения, шовинистской прессы и ультрапатриотических организаций, вполне уместны и в отношении политики правительства.

<sup>283</sup> Ліщинський М. Як Гітлер провокацією підготовив світову війну // Вісті комбатанта. 1965. № 5. С. 31–35. С. 32.

## 2.2. Советско-германский «сговор» 23 августа 1939 г. и Освободительный поход Красной Армии 17 сентября 1939 г. в свете доктрины интерtempорального права и обычного права на «самопомощь»

В современном международном праве господствует мнение, что никто не может получать выгоду из собственных противоправных действий, даже если такие действия повлекли за собой коренную смену обстоятельств (пункт 2-й ст. 62 Венской конвенции о праве договоров 1969 г.). В то же время, государство имеет право ссылаться на коренное изменение обстоятельств, возникшее в результате его собственных действий, если последние были правомерными.<sup>284</sup>

Несмотря на то что указанный документ вступил в силу через три десятилетия после территориальных изменений в Восточной Европе, и сегодня представляется весьма важной правовая оценка событий осени 1939 г. – именно с точки зрения их правомерности. Следует, прежде всего, выяснить:

1. Был ли противоправным, по нормам *de lege lata*, пакт Риббентропа-Молотова от 23 августа 1939 г. и пресловутый секретный протокол к нему;
2. Был ли противоправным так называемый Освободительный поход Красной Армии 17 сентября 1939 г.

От ответа на эти вопросы зависят правовые оценки значения Народных Собраний Западной Украины и Западной Белоруссии, а также достоверность правовых оснований вхождения бывших восточных земель Второй Речи Посполитой в состав соответственных советских республик.

За несколько лет до распада СССР, советский историк Л. Безыменский обнародовал секретный протокол к пакту Риббентропа-Молотова и высказал мнение, что «по содержанию ни один из пунктов не выходит за рамки широко бытовавшей в те времена практики. Аналогичные секретные договоренности имелись у демократий с Германией, Италией и Японией, а также у Польши».<sup>285</sup>

Этот тезис не вызвал малейших возражений у присутствующих на «круглом столе» светил советской науки – В. Фалина, О. Ржешевского, В. Малькова, В. Сиполса, А. Искандерова.

<sup>284</sup> Аречага Э.Х. Указ. соч. С. 123.

<sup>285</sup> «Круглый стол»: Вторая мировая война – истоки и причины // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 20.

Непредубежденный анализ текста секретного протокола, равно как и осторожность советской позиции в первой половине сентября 1939 г., не дают оснований считать, что Риббентроп и Молотов в августе 1939 г. согласовали «четвертый раздел Польши» де-юре. Стороны договорились о «сферах интересов», т.е. о тех территориях, где сторона-контрагент должна воздерживаться от активных действий (концессии, капиталовложения, влияние на правительственные структуры, поддержка повстанческих движениях и т.д.) при любом развитии событий. Советский Союз не брал на себя обязательства осуществить военную операцию против Польши и тем самым нарушить действующие с этой страной двух- и многосторонние международно-правовые договоренности.

Но в декабре 1989 г. II съезд народных депутатов СССР, вслед за генеральным секретарем КПСС М. Горбачевым, осудил дополнительный секретный протокол и объявил его «недействительным с момента подписания».

На заре Советской власти другой российский «юрист» Владимир Ленин опубликовал и провозгласил «безусловными и немедленно отмененными» тайные договоры царской России,<sup>286</sup> в частности договор 1916 г. с Японией о совместных колониальных действиях в Китае, русско-британский тайный договор и конвенцию 1907 г. о сферах влияния в Иране, Афганистане и Тибете и др. Но ему и в голову не пришло объявить указанные договоры и соглашения «недействительными с момента подписания».

Основанием горбачевской запоздалой констатации «недействительности» послужила якобы противоречие советско-германских соглашений принципам *jus cogens*, т.е. общепринятым в международном праве нормам.

Заметим, что современное международное право, в частности Венская конвенция о праве договоров 1969 г. (ст. 64), утверждает: хотя с появлением новой императивной нормы договор, заключенный с ее нарушением, прекращается и становится недействительным, новая императивная норма не имеет обратного действия относительно уже совершенных актов. Так, например, договоренности, относящиеся к территориальным вопросам, заключенные и приведенные

<sup>286</sup> Ленин В. И. О международной политике и международном праве: Сборник. М.: Изд-во ИМО, 1959. С. 15.

в исполнение в период, когда они не противоречили действующему в то время международному праву, не подлежат повторному рассмотрению. *Tempus regit actum*. Например, КНР была вынуждена уважать соглашения по «аренде» Гонконга и Макао, в свое время продиктованные Китаем с нарушением общепринятых на сегодня принципов равноправности субъектов международного права.

Более того, как общее правило, нормы международного права обратной силы не имеют, их действие распространяется лишь на те отношения, которые возникли после появления этих норм. Это еще и общий принцип права (*Lex prospicit, non rescipit; Lex retro non agit*), а относительно договорного права отсутствие обратной силы закреплено в ст. 28 Венской конвенции 1969 г.

Императивный принцип уважения территориальной целостности и политической независимости государств другими субъектами международного права в его современном правовом понимании сложился не ранее 1945 г., когда был сформулирован в Разделе 1 Статута Организации Объединенных Наций. В период между двумя войнами международное право было не настолько категорично.

Пытаясь избежать ответственности на процессе в Нюрнберге, подсудимый Риббентроп поставил вопрос о привлечении к суду И. Сталина – поскольку за «такой акт (советско-германский пакт 1939 г. – В. М.) ответственны оба партнера».<sup>287</sup> Тогда это предложение было отвергнуто всеми судьями как надуманное.

Но в современной околонаучной мысли популярным стал тезис, сомнительное авторство которого принадлежит немецкому министру иностранных дел, о том, что, заключив пакт с Гитлером, Сталин тем самым «поставил себя на одну доску с нацистами». Эта концепция полностью несостоятельна. Само по себе желание изменения границ в свою пользу и практические шаги по осуществлению поставленной цели не было и не являются нарушением норм международного права – как современного, так и междувоенного. Вопрос упирался в допустимые и недопустимые – по на нормы международного права – формы и средства для достижения поставленной цели.

<sup>287</sup> Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November, 1945 – 1 October, 1946. Nuremberg, Germany. Vol. X. P. 313–314.

Под влиянием Германии, Италии и Венгрии Великие Державы полностью допускали на практике не только возможность изменений существующих европейских границ (Мюнхен, Венские арбитражи), но и проведение таких изменений под давлением прямой угрозы силой, вопреки воле заинтересованной стороны. Французский историк международного права Ж. Барьети справедливо писал, что:

«После Локарно в Европе имелись два типа границ: западные границы, которые обязывались уважать, и восточные, которые (как это тайно признавалось) могут быть пересмотрены».<sup>288</sup>

Даже так называемые миролюбивые государства признавали легитимность силового давления и недобровольные изменения границ, если при этом соблюдались определенные формальные правила. Другая группа государств, которую возглавляли Германия, Япония и Италия, нисколько не сомневалась в своем праве устанавливать «справедливые» границы, отличные от тех, что сложились в Европе и мире.

Вторая Речь Посполитая, равно как и польское правительство в эмиграции, в 1938–1939 гг. неоднократно играла полностью по «гитлеровским» правилам: первый раз когда в согласии с Третьим Рейхом приняла участие в разделении ЧСР (Тешинская Силезия), второй раз – осенью 1939 г., когда активно поддержала идею аннексии Карпатской Украины Венгрией. После сентября 1938 г. (Тешин), и марта 1939 г. (польское торжество по поводу венгерской оккупации Карпатской Украины) правительство Второй Речи Посполитой поставило себя на одну доску с Гитлером и стало носителем идеи правового санкционирования использования силового давления в международных отношениях для недобровольного изменения существующих государственных границ.

Можно возразить, что кроме этих обычных норм, попираемых Варшавой, существовало еще и писанное международное право (*lex scriptum*), нарушенное Москвой.

<sup>288</sup> Европа XX века: Проблемы мира и безопасности / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Международные отношения, 1985. С. 46.

Но нарушал ли договорные нормы Советский Союз в августе и сентябре 1939 г.?

В современной историографии принято считать, что специфическая форма советско-германских документов, подписанных в Москве 23 августа 1939 г., была предложена Сталиным.

В таком случае следует отдельно отметить, что секретный протокол о разделе сфер влияния между нацистской Германией, с одной стороны, и Союзом ССР, с другой стороны, был составлен так, что формально не нарушал принятой в то время практики международно-правовых документов. Процитируем полный (без купюр) текст:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».<sup>289</sup>

<sup>289</sup> Україна в ХХ столітті (1900–2000): Збірник документів і матеріалів / Упоряд.: А. Г. Слюсаренко, В. І. Гусев, В. Ю. Король та ін. Київ: Вища школа, 2000. С. 123.

Практика международных секретных договоров и протоколов была и остается общепринятой.

Например, английские гарантии Польши в апреле 1939 г. сопровождались *секретным протоколом*, который обязывал Лондон предоставить военную помощь лишь в случае немецкой (а не третьих стран) агрессии; в июле 1941 г. во время переговоров с советским послом в Лондоне И. Майским польская сторона требовала подписания одновременно с договором о сотрудничестве в войне дополнительно еще и *секретного протокола*, в котором СССР должен был взять на себя обязательства после разгрома Германии восстановить польско-советскую границу 1939 г., и т.п. – подобных примеров тайных договоров в деятельности одних лишь Объединенных Наций можно отыскать едва ли не десятки.

Европейские границы на 1939 г. давно уже не рассматривались как бесспорные, и поэтому ничего противоправного в намерениях сторон предвидеть последствия их ожидаемых изменений – а именно так был сформулирован текст документа – не было.

В частности, немецкие претензии к Польше уже были выдвинуты раньше – начиная с весны 1939 г. – и не исключалась возможность созыва еще одной «мирной» конференции по образцу уже осуществленной Мюнхенской или дальнейших 1-й и 2-й Венских для проведения новых территориальных изменений «мирным путем».

Возможно, стороны согласовали между собой совместную военную акцию против всех (или, по меньшей мере, одной из) стран, упоминаемых в протоколе, а это, по крайней мере со стороны СССР, стало бы нарушением его договорных обязательств как члена Лиги Наций, так и участника польско-советского Договора о ненападении 1932 г.?

Ответ – «нет», поскольку в документе формально речь идет о разделе «сфер интересов» (они же – «сфера влияния»). Это также была обычная практика того времени. В частности, Г. Тункин подчеркивает, что «старое международное право содержало в себе нормы и институты, которые были орудием закабаления народов», к наиболее характерным из них, наряду с правом приобретения «ничейной» территории, правом завоевания, институтами колониального права и т.п., он относил и пресловутые «сфера влияния».<sup>290</sup>

<sup>290</sup> Тункин Г. И. Теория международного права... С. 281.

Практика определения и распространения «сфер влияния» активно внедрялась в международную жизнь и так называемыми демократическими государствами. Например, западные авторы указывают, что Великобритания летом 1939 г. «за спиной СССР вела тайные переговоры с фашистским рейхом. В ходе этих переговоров британское правительство сделало далеко идущие предложения об англо-немецком сотрудничестве и заключении между двумя странами договора о ненападении, невмешательстве и разделении сфер влияния. При этом английские правящие круги обещали прекратить переговоры с СССР и отказаться от гарантий Польше, незадолго до этого предоставленных Англией, т.е. выдать Польшу Гитлеру подобно тому, как это уже было сделано с Чехословакией. Детали говора предполагалось, как свидетельствуют английские источники, уточнить при личной встрече Чемберлена с Герингом, поездка которого на Британские острова была назначена на 23 августа».<sup>291</sup>

Американские ученые констатируют, что и в ходе Второй мировой войны западные союзники по коалиции, в частности, Черчилль, предлагали СССР установить «сферы влияния» в послевоенной Европе.<sup>292</sup>

Зловещую окраску термин «сферы влияния» приобрел уже в наше время, когда международное право претерпело едва ли не наиболее радикальные за все время своего существования изменения.

В тексте секретного протокола отсутствуют указания на то, что упомянутые переустройства будут следствием военной агрессии сторон. Более того, стороны признали заинтересованность – надо думать – независимой Литвы в возвращении ей Виленского края. К этой мысли мы еще вернемся.

Важный нюанс – судьба территорий и стран, попавших в ту или иную сферу влияния (в частности, Западной Украины) не была детерминирована.

М. Прокоп приводит текст беседы, состоявшейся между Кейтелем (начальник штаба ОКВ), Риббентропом (нацистский министр иностранных дел) и Канарисом (начальник армейской разведки – абвера) в вагоне специального поезда Гитлера 12 сентября 1939 г.:

<sup>291</sup> **Мосли Л.** Утраченное время: Как начиналась Вторая мировая война / Сокр. пер. с англ. М.: Воениздат, 1972. С. 306; **Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Чельшев И. А.** Правда и ложь о Второй мировой войне. 2-е изд. М.: Воениздат, 1988. С. 58.

<sup>292</sup> **Mc Cagg W. O.** Stalin Embattled 1943–1948... Р. 55.

«Подытоживая взгляды Риббентропа, Кейтель сказал, что есть три возможности в этом вопросе:

1. Четвертый раздел Польши, причем Германия заявляет о своей незаинтересованности землями на восток от линии Нарев-Висла-Сан в пользу СССР;

2. Независимая Польша на оставленной территории, что наиболее отвечает намерениям Гитлера, поскольку он хочет иметь дело с польским правительством, с которым мог бы заключить мир;

3. Остаток Польши дезинтегрируется таким образом, что местность Вильно получит Литва, а Галиция и польская Украина станут независимыми, при условии что с этим согласится Советский Союз.

Тогда, правда, вся пропаганда в пользу Великой Украины должна быть запрещена, чтобы не дразнить Москву».<sup>293</sup>

При этом указанный автор ссылается сразу на несколько английских и немецких источников.

В свою очередь, В. Косык, ссылаясь на опубликованные на Западе источники, утверждает, что:

«Несколько днями позднее (вероятно, 15 сентября 1941 г.) в Вене Канарис и Лягоузен встретились с А. Мельником, которому Канарис говорил о вероятности независимости Западной (“Галицкой”) Украины. А. Мельник поверил Канарису и приказал готовить “коалиционное правительство” для Галиции. Его премьером предусматривалось назначить О. Сеник-Грибовского».<sup>294</sup>

Если даже в Берлине под конец второй недели мировой войны не были уверены относительно истинных намерений Сталина, это является свидетельством того, что секретный протокол имел, по меньшей мере, несколько вариантов толкования.

<sup>293</sup> Прокоп М. Українська політика III Райху в Другій світовій війні // В боротьбі за Українську державу. Есе, спогади, свідчення, літописання, документи Другої світової війни. Вінніпег, 1990. С. 91–119. С. 110.

<sup>294</sup> Косик В. «Український історик» про ОУН і УПА // Український історик (Нью-Йорк – Торонто – Київ – Львів – Мюнхен). 1994. № 1–4 (120–123). С. 88.

Нацистские вожди долгое время не информировали о достигнутых в Москве секретных договоренностях даже свой генеральный штаб. Доказательством может служить тот факт, что, по свидетельству заместителя начальника штаба оперативного руководства вермахта В. Варлимонта, даже «наиболее близкий» к Гитлеру генерал Йодль 17 сентября 1939 г., «получив сообщение, что войска Красной Армии вступают на территорию Польши, с ужасом спросил: “Против кого?”».<sup>295</sup>

У этого «странныго» факта есть только одно рациональное объяснение – высшее политическое руководство Рейха в сентябре 1939 г. не информировало военных о секретном протоколе к пакту, поскольку не могло спрогнозировать поведение Москвы, следовательно, никакой, даже устной, договоренности о совместных военных действиях против Польши на переговорах 23 августа 1939 г. не было.

Не усматривал протокол и обязательности тех или иных партикулярных, независимых от другого участника соглашения, действий сторон, которые предполагалось осуществить в собственных сферах интересов. Похоже, тут была согласована полная свобода воли контрагента. Вопрос о допустимых рамках активности в своей сфере интересов возник уже позднее. Именно такую интерпретацию протоколу еще в июне 1941 г. сделало германское МИД.

Комментируя итоги переговоров И. Риббентропа и В. Молотова 29 сентября 1939 г., Берлин настаивал на том, что:

*«В Москве при разграничении сфер интересов советское правительство заявило министру иностранных дел Германии, что оно, за исключением областей бывшего польского государства, находившихся на то время в состоянии распада, не имеет намерения ни оккупировать государства, находящиеся в сфере его интересов, ни присоединять их».*<sup>296</sup>

<sup>295</sup> Варлимонт В. В гитлеровских высших штабах // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны / Пер. с англ.; Сост. Е. Я. Трояновская. М.: Политиздат, 1992. С. 127–128.

<sup>296</sup> Возвзвание Фюрера к Германскому Народу и Нота Министерства Иностранных Дел Германии Советскому правительству с приложениями. Берлин, б. г. (1941 – ?): Buch- und Tiefdruck Ges. m.b.H. С. 22.

Логично предположить, что и 23 августа 1939 г. Молотов и Риббентроп не обговаривали конкретные действия – собственные или контрагента – в согласованных сферах интересов, а допустили возможность их свободного, на усмотрение сторон, развития.

Представляет интерес еще одна сторона вопроса. Были ли, подписывая секретный протокол 23 августа 1939 г., кремлевские вожди полностью уверены, что Гитлер неизбежно нападет на Польшу? Вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Один из лучших западных знатоков внешней политики гитлеровской Германии Дж. Вейтц писал:

*«Риббентроп утверждал, что, вылетая в Москву, он “ничего не знал о решении Гитлера атаковать Польшу”, хотя и утверждал, что Гитлер перед его вылетом упоминал об окончательном разрешении проблемы Данцига и коридора. У него (Риббентропа. – В. М.) создалось впечатление, что польские проблемы предполагалось разрешить мирным путем, средствами дипломатии».*<sup>297</sup>

Другими словами, 23 августа 1939 г. существовала известная вероятность того, что Гитлер, как это уже не раз ему удавалось, сумеет достичь поставленной цели (Данциг, Коридор, что еще?) без открытия военных действий, за столом мирных переговоров.

Конечно, Сталин мог заранее получить донесения разведки о гитлеровском плане «Вайс» (готовность к нападению на Польшу «не позднее 1 сентября 1939 г.»), принятом еще в апреле 1939 г. Историки сходятся на мысли, что указанную информацию кремлевский диктатор имел. Но, именно заключение пакта Риббентропа-Молотова создавало принципиально новые возможности для Гитлера и германской внешней политики – созвать еще одну «мирную» конференцию, нечто на манер нового Мюнхена, с той разницей, что на этот разразговор пошел бы о Польше, а к столу Великих Держав пригласили бы и сталинскую Россию. Именно в этом ключе, на наш взгляд, следует воспринимать процитированное выше заявление Риббентропа.

<sup>297</sup> Weitz J. Hitler Diplomat: The Life and Times of Joachim von Ribbentrop. New York: Ticknor and Fields, 1992. P. 211.

Остается все же наиболее острый вопрос: о каком таком случае «политического переустройства областей, которые входят в состав Польского государства», и возможности «сохранения независимого (*sic!* – В. М.) польского государства» вели речь стороны в ситуации, когда Англия и Франция уже дали Второй Речи Посполитой свои политические «гарантии»? Какими еще способами, кроме чисто военных, можно было провести указанное «политическое переустройство»?

Германия и Советский Союз, вопреки англо-французским гарантиям, предоставленным Польше, имели возможность действовать и вполне легальными (в понимании международного права того времени) средствами, например, обратившись в Ассамблею Лиги Наций с требованием пересмотреть договоры с Польшей под тем или иным удобным предлогом. Или дождаться, что Варшава (под давлением) сделает это сама.

Конечно, англо-французские гарантии уменьшали возможность военного шантажа Польши по примеру того, что Гитлер применил против Чехословакии. Но средства для давления на Варшаву даже в такой ситуации существовали, и очень серьезные.

На первый взгляд, невозможно предположить, чтобы Польша «добровольно» согласилась на уступки или на перенос спора в Лигу Наций. Но в арсенале «легальных» (на 30-е годы прошлого столетия) средств международного влияния и давления были не только отзыв послов, реторсии и репрессалии, но и «мирная» и «военная» блокады и другие средства, от которых современное международное право практически отказалось.

Думается, не случайно в секретном протоколе упоминалась и Литва, за которой совместным решением Германии и Союза ССР «признавалась заинтересованность» в Виленской области. Можно только представить то положение, в котором очутилась бы Вторая Речь Посполитая, если бы три соседние государства выступили одновременно (или с небольшим интервалом одно вслед за другим – именно так действовали Венгрия и Польша после удовлетворения Великими Державами требований Гитлера в Мюнхене) со своими территориальными претензиями.

При этом ни Москве, ни Берлину вовсе не требовалось предпринимать радикальный пересмотр своей внешней политики, отказываться от ее последовательности или, например, бесповоротно

связывать себя слишком тесными союзническими узами. Своего негативного отношения к Версальскому договору Германия не скрывала даже в годы Веймарской республики. Но и Советский Союз не делал из него ценностной величины своей внешней политики. И. Сталин, выступая на XVII съезде ВКП (б), провозгласил:

*«Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспеть Версальский договор. Мы не согласны только с тем, что бы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое необходимо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР».<sup>298</sup>*

А видение Советским Союзом путей разрешения вопроса о Восточной Галиции было открыто очерчено еще в 20-х годах.

Применение «силовых» методов влияния на Польшу не угрожало и утрате международных позиций Союза ССР. То, что Вторая Речь Посполитая в событиях осени 1938 г. ассоциировала себя с нацистской Германией, нисколько не помешало Англии и Франции уже через полгода (31.03.1939 г.) предоставить ей «гарантии» против той же Германии.

То, что нацистская Германия 1 сентября 1939 г. напала на Польшу, не может быть однозначно объяснено как результат советского согласия на такую агрессию. По крайней мере, ни в одном документе немецкого МИД (а они все опубликованы) нет даже намека на то, что Москва 23 августа тем или иным способом дала согласие на свое вступление в войну против Польши.

Тут хотелось бы подойти к вопросу более широко. Советский юрист-международник И. Перетерский писал о необходимости перенесения в область международного права цивилистических концепций, в частности презумпции классического римского права: при сомнении следует всегда отдавать предпочтение тому, что является более мягким, в сомнительных случаях мы всегда придерживаемся того, что является наименьшим. На этой почве уже давно

<sup>298</sup> Сталин И. В. Вопросы ленинизма / Изд. 11-е. Л.: Госполитиздат, 1953. С. 472.

сложился афоризм “*In dubio mitius*” – «в случае сомнения поступай мягче», и этот афоризм часто встречается в современных работах как по международному частному, так и по международному публичному праву.<sup>299</sup> Почему-то критики внешней политики Сталина придерживаются противоположных подходов, выбирая наихудшую для его репутации версию намерений. Может, срабатывает личность «обвиняемого»?

Обмен ратификационными грамотами, после чего Договор с Германией 23 августа 1939 г. стал действующим правом, произошел в Берлине только 24 сентября 1939 г. По мнению бывшего заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. Фалина, «Сталин тянул не случайно. Он, конечно, опасался, что то или иное его неаккуратное действие может быть расценено как *casus belli*, и следствием станет объявление Советскому Союзу войны со стороны Польши, а затем Англии и Франции».<sup>300</sup>

Другими словами, уже 23 августа 1939 г. Сталин предусмотри-тельно оставил себе на будущее руки развязанными. Вероятно, что в случае активного выступления союзников на Западном фронте против немцев или успешной обороны поляков на Восточном, Москва предоставила бы европейским государствам беспрепятственную возможность взаимно ослабнуть в кровавых боях. В этой ситуации политика невмешательства полной мерой отвечала интересам СССР.

С другой стороны, если бы текст секретного протокола случайно или сознательно был разглашен немецкой стороной, в условиях 1939 г. это причинило бы Союзу ССР скорее моральный, чем международно-правовой ущерб. Обвинить СССР как агрессора протокол сам по себе возможности не давал.

Парадоксально, но в августе 1939 г. Гитлер уже имел право на войну против Польши, соглашение о ненападении с которой предусмотри-тельно разорвал еще в мае того же года. На момент начала агрессии Германия уже вышла из Лиги Наций. Берлин – по привычному шаблону – предусмотри-тельно развернул пропагандистскую кампанию под предлогом действительных и вымыщленных притеснений немецкого населения в Польше. Твердость Варшавы, которая

<sup>299</sup> Перетерский И. С. Указ. соч. С. 163.

<sup>300</sup> Крушельницкий А. В., Нагаев И. М. Воссоединение Западной Украины с Советской Украиной: сентябрь – ноябрь 1939 г. // Советские архивы. 1979. № 3. С. 27.

еще 31 марта 1939 г. получила англо-французские «гарантии», давала Гитлеру возможность лицемерно ссылаться на «неуступчивость» польской стороны, а это перекладывало вину за срыв переговоров на поляков. Тем самым нацистский фюрер уже привычным путем создавал *правовой* повод для войны против Польши.

Действия Союза ССР никоим образом на это немецкое *право* на войну не влияли. Равнозначно подписание пакта о ненападении с Германией и секретного протокола 23 августа 1939 г. принципам тогдашнего *jus cogens* не противоречило, поскольку формально Москва обещала Германии ненападение на нее, а не агрессию против Польши.

Можно предположить, что Сталин предусмотрительно сохранил за Гитлером инициативу в очередности выдвижения претензий к Польше. В августе 1939 г. Москву устраивал не только военный, но любой иной сценарий развития немецко-польского противостояния, поскольку вся подготовительная работа к «мирному» выдвижению советских требований к Польше была осуществлена еще в 20-30-х гг.

1 сентября 1939 г. Гитлер напал на Польшу. Эсэсовская провокация с якобы польским нападением на Глявиц было плохо организована, но, похоже, Берлин это обстоятельство особо не беспокоило. Вопреки надеждам Гитлера на пассивность Парижа и Лондона, 3 сентября 1939 г. война стала мировой.

*«Реакция СССР на германскую агрессию, – указывал польский эмигрантский специалист по вопросам международных отношений и международного права Р. Дебицки, – первоначально не высказала изменений отношения к Польше. Когда польский посол официально оповестил Советское правительство о немецком нападении и вытекающим из этого состоянии войны между Польшей и Германией. Молотов не требовал у Гржебовского официального заявления о неспровоцированности агрессии, чем непрямо признал ее существование. Казалось, он был настроен скептически относительно возможности французского и британского вмешательства. В то же время Шаронов предложил переговоры о поставках в Польшу сырьевых материалов из Советского Союза. Но когда 8 сентября Гржебовский обратился*

*к Молотову по этому вопросу, то встретил отказ. Ему сообщили, что Польша в глазах Москвы идентифицирует себя с Великобританией и Советский Союз желает оставаться вне конфликта».<sup>301</sup>*

8 сентября 1939 г. Исполком Коминтерна разослал коммунистическим партиям директиву, которая приказывала каждой коммунистической партии признать войну несправедливой со стороны всех ее участников и изобличать виновников развязывания войны в своей стране.<sup>302</sup> Вне всякого сомнения, данное указание не прошло мимо внимания спецслужб европейских стран-участников конфликта.

15 сентября 1939 г. ТАСС обнародовал официальную информацию о «Нарушении границы СССР немецким самолетом»: под г. Олевском (Украина) пулеметным огнем подбит германский двухмоторный бомбардировщик, экипаж которого в составе пяти человек отправлен в Киев, а самолет взят под охрану.<sup>303</sup> Следует думать, и эта публикация была отслежена в британском и французском посольствах.

Тем временем, начиная с 3 сентября 1939 г., гитлеровская дипломатия попыталась сделать то, что должен был решить Риббентроп в Москве еще 23 августа. Тогда рейхсминистр не оговорил возможную совместную немецко-советскую акцию против Польши (весьма вероятно, что Гитлер, не веря в возможность англо-французского вмешательства, считал за лучшее иметь с ней дело тет-а-тет).

Но сразу после вступления Англии и Франции в войну против Германии началось немецкое давление на Москву с целью вовлечения ее в военную акцию против Польши.

Этой точки зрения придерживаются и зарубежные историки.

*«Воскресным вечером 3 сентября, того же дня, когда Объединенное Королевство и Франция объявили войну Германии, – пишет А. Ситтон, – фон Риббентроп пригласил Советский Союз осуществить немедленную военную ак-*

<sup>301</sup> Debicki R. Cit. op. P. 163–164.

<sup>302</sup> Bonusiak W. Jozef Stalin (biografia)... S. 130.

<sup>303</sup> Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том IV (1935 – июнь 1941 гг.)... С. 446.

*цию против Польши и оккупировать территории, ранее согласованные в его сфере интересов».<sup>304</sup>*

Немецкие намерения втянуть СССР в мировую войну были настолько прозрачны, что Москве даже не требовалось особо обосновывать свой отказ. 5 сентября в Берлин пришло сообщение от посла в Москве Шулленбурга, где указывалось, что «Молотов решительно возражает против поспешной оккупации советской сферы».<sup>305</sup>

По мере германского продвижения вглубь Польши тон советской дипломатии изменялся. 10 сентября Шулленбург после разговора с Молотовым передал в Берлин, что Советы не готовы к крупномасштабной военной операции и под этим предлогом «запрашивают по возможности еще две-три недели для своих военных приготовлений». В этом же послании немецкий посол сообщил, что Советский Союз настаивает на том, чтобы его акция была объяснена тем, что он «придет на помощь украинцам и белоруссам, которым угрожает Германия».<sup>306</sup>

Германскую сторону такая постановка вопроса не устраивала. Берлин предлагал объяснить ожидаемое советское вмешательство как совместные действия сторон с целью «установления нового порядка в Европе». Вне всякого сомнения, в этом случае Англия и Франция были бы просто вынуждены объявить войну СССР.

14 сентября посол Шулленбург передал рейхсминистру Риббентропу, что

*«Для политической мотивации советской акции (разделения Польши и защиты русского меньшинства) наиболее важным является воздержание от акции до того времени, пока не падет правительственный центр Польши, Варшава».*<sup>307</sup>

Реакция Берлина была молниеносной. Уже 15 сентября посол в Москве получил инструкции передать советской стороне, что:

<sup>304</sup> Seaton A. The Russo-German War 1941–1945. New York-Washington: Praeger Publishers, 1970. P. 10.

<sup>305</sup> Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Series D /1937–1945/. Volume VIII. The War Years. September 4, 1939 – March 18, 1940. Washington: United States Government Printing Office, 1954. P. 4.

<sup>306</sup> Ibid. P. 44.

<sup>307</sup> Ibid. P. 60–61.

*«В случае отсутствия русского вмешательства, политический вакуум на землях, что лежат к востоку от немецкой сферы влияния, может и не возникнуть. Без вмешательства Советского правительства тут могут образоваться новые государства».*<sup>308</sup>

Намек был прозрачным. В Москве еще не забыли длившуюся несколько месяцев эпопею с Карпатской Украиной, чье полусамостоятельное существование из всех Великих Держав поддерживала (до февраля 1939 г.) лишь Германия. В этом же послании содержалось предложение коммюнике о совместных действиях двух государств с целью «внесения нового порядка и создания природных границ».<sup>309</sup> 16 сентября посол оповестил рейхсминистра об отказе Молотова от коммюнике в германской редакции.<sup>310</sup> Пока в Берлине думали, каким еще образом надавить на несговорчивую Москву, наступила развязка.

17 сентября в два часа ночи (!) германский посол был вызван к Сталину, Молотову и Ворошилову, где ему предложили ознакомиться с советской нотой польскому правительству и сообщили, что акция начнется в шесть утра.<sup>311</sup> С учетом всех масштабов осуществляющей операции и задействованных в ней сил, штабы Красной Армии должны были получить соответствующие приказы – с указанием точного времени «Х» – по крайней мере, за сутки-двое перед акцией. И действительно, рядовые бойцы частей и соединений Красной Армии были оповещены о будущем выступлении против Польши не позднее ночи с 15 на 16 сентября, а весь день 16 сентября в военных подразделениях проходили митинги, посвященные будущему «освобождению».<sup>312</sup>

Риббентропу, конечно, могли бы сообщить текст Заявления Советского правительства и несколько ранее. Замысел Сталина и его окружения лежит на поверхности – поставить германского посла и гитлеровскую дипломатию в состояние жесткого цейтнота, чтобы избежать возможной дискуссии вокруг официального объяснения причин советского вмешательства.

<sup>308</sup> Documents of German Foreign Policy... P. 69.

<sup>309</sup> Ibid.

<sup>310</sup> Ibid. P. 76–77.

<sup>311</sup> Ibid. P. 79–80.

<sup>312</sup> Як це було: Епізоди геройчного визволення народу Західної України. Київ: Держполітвидав УРСР, 1939. С. 10.

Берлин не скрывал своего разочарования. Только 19 (!) сентября, по свидетельству У. Ширера, Риббентроп телеграфировал послу в СССР: «Скажите Сталину, что соглашения, которые я подписал в Москве, будут, конечно, выполнены».<sup>313</sup>

В литературе описаны столкновения передовых отрядов советских и германских войск, сопровождавшихся взаимными потерями живой силы и военной техники. Приблизительно двое суток не было полной уверенности в том, как будут разворачиваться дальнейшие события.

Если бы советская акция 17 сентября 1939 г. получила официальное объяснение совместных с Германией действий с целью установления мифического «нового порядка», рассчитывать на то, что Англия, Франция, США и британские доминионы когда-нибудь впоследствии признают соответствие «воссоединения» западно-украинских и западно-белорусских земель нормам международного права, не приходилось вообще.

Польского посла в Москве В. Гржибовского вызвали в Кремль в ту же ночь к трем часам утра. Ему сообщили, что: «Польское правительство распалось и не высказывает признаков жизни. Это означает, что польское государство и правительство фактически прекратили свое существование. Тем самым прекратили действия договора, которые были заключены между СССР и Польшей»; после чего было объявлено о решении Советского правительства «взять под защиту» единокровное украинское и белорусское население. Зачитывал текст Заявления Советского правительства М. Потемкин<sup>314</sup> – фигура в НКИД не последняя, но гораздо меньшего масштаба, чем И. Сталин или В. Молотов, которые общались с Шуленбургом.

Копию советской ноты на имя польского посла Наркомат иностранных дел передал всем правительствам, скоторыми в то время Союз ССР поддерживал дипломатические отношения. 18 сентября 1939 г. в советских средствах массовой информации были опубликованы стандартные тексты нот от 17 сентября послам и посланникам указанных государств: «Имею честь по поручению Правительства

<sup>313</sup> Shirer W. The Rise and fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. New York: Simon & Schuster, 1960. P. 629.

<sup>314</sup> Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939–1943. London – Melbourne – Toronto – Heinemann, 1961. P. 47.

заявить Вам, что СССР будет проводить политику нейтралитета в отношениях между СССР и (наименование страны)».<sup>315</sup>

Провозглашенный «нейтралитет» Советского Союза сыграл роль правового прикрытия действий Москвы. СССР формально не объявлял войны Польше, вступление Красной Армии на территорию соседнего государства объяснялось соображениями гуманности – «взять под защиту единокровное население». Рижский договор в части, относящейся к межгосударственной границе, де-юре сохранял свою силу.

У союзников Польши: Англии и Франции – существовал небольшой выбор. Или объявить войну Советскому Союзу и, согласно нормам тогдашнего международного права, попасть де-юре в разряд государств-агрессоров, или, в полном соответствии с этими же нормами, передать спорный вопрос на рассмотрение в Лигу Наций. С политической точки зрения обострение отношений с Союзом ССР было нецелесообразным. А рассмотрение вопроса о правовом основании советского военного присутствия на польской территории в Лиге Наций затянулось бы на долгие месяцы. Вторая Речь Посполитая тем временем отсчитывала свои последние часы перед полной оккупацией.

К этому времени ситуация на польско-германском фронте стала критической. Польское правительство и командование вооруженных сил накануне 17 сентября уже не имели ни малейших сомнений относительно перспектив военной кампании.

Уже 9 сентября польский вице-министр иностранных дел Шембек согласовал с французским послом Ноэлем вопрос о предоставлении польскому правительству «убежища» на территории Франции. Соответственные заверения министр Бек получил от Ноэля 11 сентября.<sup>316</sup> Днем 14 сентября польское правительство и президент И. Мосцицкий перебрались в местечко Куты на румынской границе. 17 сентября к ним присоединился и «верховный главнокомандующий» Э. Ридз-Смиглы.

Как язвительно пишет польский историк М. Станевич:

«Никому из этих беглецов, забившихся 17 сентября в переполненные чемоданами лимузины, стоявшие у румын-

<sup>315</sup> Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том IV (1935 – июнь 1941 гг.)... С. 448–449.

<sup>316</sup> Станевич М. Указ. соч. С. 235.

*ского пограничного поста, и в голову не пришло вернуться к боровшимся отрядам, прорваться на самолете в столицу или Модлин».<sup>317</sup>*

Позднее, уже в эмиграции, президент И. Мосцицкий за свою «храбрость», проявленную в сентябре 1939 г., едва не попал под трибунал соотечественников.

Но указанные факты не влияют на ригоричность оценок внешнеполитической акции СССР, высказываемых некоторыми отечественными и зарубежными историками международного права и международных отношений.

По мнению А. Овчаренко:

*«Принимая участие в совместной с гитлеровской Германией агрессивной акции против суверенного государства, руководство СССР нарушило по крайней мере пять международных договоров, под которыми стояли подписи его представителей: Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., пакта Бриана-Келлога, Конвенции 1933 г. об определении агрессии, инициатором заключения которой был Советский Союз, Договора о ненападении между СССР и Польшей 1932 г. и протокола 1934 г., продолжавшего действие указанного договора до 1945 г. Все они содержали статьи, обязывающие участников воздерживаться от насильственных действий в отношении других равноправных субъектов международного права».<sup>318</sup>*

Серьезные западные ученые избегают подобной категоричности. В частности, такой авторитетный знаток международного права как Д. Боуэтт (Великобритания), давая характеристику миротворческим усилиям Лиги Наций, заметил:

*«Такой была система, сама по себе не работающая. После первого успеха по урегулированию Греко-болгарского кризиса 1925 г. и менее очевидного успеха по делу Чако 1928 г. Лига*

<sup>317</sup> Станевич М. Указ. соч. С. 235.

<sup>318</sup> Овчаренко О. И. Польща в політиці СРСР (вересень 1939 р.) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наукових статей / НАН України. Ін-т історії України. Київ, 2002. Вип. 6. С. 299.

бессильно наблюдала за вторжением в Манчжурию в 1931 г., итalo-абиссинской войной 1934–1935 гг., германским маршем в Рейнскую зону, в Австрию в 1938 г., в Чехословакию в 1939 г., советским вторжением в Финляндию и, наконец, за германским вторжением в Польшу в 1939 г.».<sup>319</sup>

В этом практически полном списке международных деликтов присутствует советская агрессия против Финляндии, но отсутствует упоминание о «марше в Польшу» Красной Армии в сентябре 1939 г. Неужели случайно?

Но вернемся к аргументам А. Овчаренко, тем более что их в полной мере разделяет и современная польская научная школа.

В частности, в польской научной мысли принято считать, что:

«Советские войска, вторгаясь в Польшу и присоединяя польские восточные территории к своему государству, не только грубо нарушили подписанный двумя сторонами Рижский договор, признанный союзными государствами постановлением конференции послов 15.III.1923 г., в исполнение п. 87 Версальского договора, но также четыре других добровольных обязательства, а именно:

- пакт о ненападении между Польшей и СССР, подписанный 25.VII.1932 г., а в день 5.V.1934 г. продленный до 31.XII.1945 г.;
- обязательства о предотвращении войны в польско-советских двусторонних взаимоотношениях от 1929 г.;
- конвенцию, устанавливающую определение агрессора от 24.V. 1933 г.;
- конвенцию о (правовом. – В. М.) определении нападения, подписанную 3.VII.1933 г. в Лондоне, в которой п. 2 четко очертил условия определения государства как агрессора.

Советский Союз, перекраивая силой оружия восточные границы Польши без объявления ей войны, грубо нарушил постановления III Гаагской Конвенции 1907 г., касающиеся процедур начала войны. Вторжение советской армии

<sup>319</sup> International Law. Cases and Materials. Second ed. /Louis Henkin, Richard C. Pugh, Oskar Schlachter, Hans Smith. St Paul, Minnesota: West Publishing Co., 1987. P. 669.

на территорию Польши, с которой Советский Союз поддерживал нормальные дипломатические отношения, представляло собой также грубое нарушение международных обязательств Парижского пакта 1928 г. (...) Из этого следует, что вторжение на территорию Польши советской армии было нарушением международного права и взаимно подписанного пакта о ненападении от 1932 г., продленного до 1945 г., как и других обязательств и конвенций, подписанных представителями обоих государств».<sup>320</sup>

Аргументы польской стороны и ее добровольных украинских помощников представляются не безупречными, а во многих случаях – тенденциозными. Например, упоминание о конвенции от 24 мая 1933 г. как действующего на 1939 г. документа международного права достаточно необоснованно. Как известно, после долгих дебатов (15 марта – 23 мая 1933 г.) Комитет по безопасности европейской конференции по вопросам разоружения принял проект Акта об определении нападающей стороны и текст Европейского договора о взаимопомощи. Но они должны были служить только дополнениями к Конвенции о сокращении и ограничении вооружений, а последняя, как известно, так никогда и не была подписана.<sup>321</sup> Со времен Рима правовой аксиомой признавался тот факт, что, в случае недействительности основного договора, не вступает в действие и акессорный.

Соблюдение правительствами заинтересованных стран (включая, конечно, и СССР) условий этого «акессорного» договора было актом добной воли, отказаться от которого позволяли соображения того, что на протяжении долгого времени ведущие европейские страны не подписывали конвенцию о разоружении.

Принимая проект Акта об определении нападающей стороны, Советский Союз делал это с целью понуждения всех партнеров по переговорам к активным действиям. Но ситуация 1933 г. коренным образом переменилась: практика международных отношений и международное право в 1935, 1936, 1937, 1938 гг., да и в первой полу-

<sup>320</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 13.

<sup>321</sup> Чубарьян А. О., Белоусова З. С. и др. Европа XX века: проблемы мира и безопасности. М.: Международные отношения, 1985. С. 60.

вине 1939 г. никак не восприняли и тем более не применяли указанный Акт и разработанные этим документом стандарты.

Фактически указанный Акт об определении нападающей стороны – в силу отсутствия его правовой фиксации в Конвенции о сокращении и ограничении вооружений, а также вследствие неприменения в текущей практике международной жизни – имел для Союза ССР ту же международно-правовую силу, что и односторонняя декларация. В свою очередь польский знаток международного права Т. Ясудович указывает, что в международном праве «известны случаи использования норм *rebus sic stantibus* (о ней дальше. – В. М.) для освобождения от обязательств, которые возникают из односторонних деклараций. Следует обратить внимание, что в этих случаях односторонние декларации были связаны с общими международными условиями или из них возникали».<sup>322</sup> Думается, это именно тот случай.

Что касается ссылок польской стороны на нарушение Третьей Гаагской конвенции 1907 г., то и они скорее эмоциональны, чем научно обоснованы. Гаагская конвенция 1907 г. основывалась на полном признании *jus ad bellum* (права на войну), и основные усилия ее участников были направлены на достижение соглашений, которые бы регулировали военные операции и уменьшали тяготы войны, в частности, на установление процедурной необходимости «объявлять войну». В свою очередь, статья 3 Четвертой Гаагской конвенции устанавливала, что военные действия неправомерны только в той мере, в которой они противоречат нормам права войны.

Ставить в вину Советскому Союзу то, что он якобы начал войну против Польши без формального ее (войны) объявления (как этого требовала Гаагская конвенция), означает сознательно передергивать факты. Во-первых, польский посол в Москве был проинформирован о не военных, а гуманитарных мотивах Советского правительства в связи с акцией 17 сентября 1939 г. Впоследствии польское правительство в эмиграции не расценивало де-юре свои отношения с СССР как состояние войны – ни в сентябре 1939 г., ни после. Во-вторых, подобную оценку («не войны») действиям советской стороны относительно Польши давали в 1939-м г. и союзники послед-

<sup>322</sup> Jasudowicz T. Wpływ zmiany okoliczności na obowiązywanie umów międzynarodowych. Norma *rebus sic stantibus*. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1977. S. 114.

ней, а также США. С правовой точки зрения и сточки зрения норм *de lege lata* – действующего состоянием на 1939 г. международного права, ввод советских войск на территорию Второй Речи Посполитой не мог расцениваться как начало войны – и не был таковым.

Зачем же, спрашивается, это сомнительное посыпаление? Возможно, ответ дает ст. 3 Гаагской Конвенции от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны: «Воюющая сторона, нарушившая постановления указанного Положения, должна будет возместить убытки, если для этого есть основания. Она будет ответственна за все действия, осуществленные лицами, которые входят в состав ее вооруженных сил».

Представляет известный интерес и ст. 53 указанной Конвенции. Армия, которая занимает область, может овладеть только деньгами, фондами и долговыми требованиями, составляющими собственность Государства, складами вооружения, перевязочными средствами, магазинами и запасами провианта и вообще всей собственностью Государства, которая может служить для военных целей. Все средства даже если они принадлежат частным лицам, также могут быть захвачены, но они подлежат возвращению, с возмещением убытков, после заключения мира.<sup>323</sup>

Как известно, Россия в свое время подписала эту Конвенцию (хотя и с некоторыми оговорками к ст. 44). Если действия СССР квалифицировать как нарушение международного права в целом и указанной Конвенции в частности, то вывод напрашивается сам собой. Имущество польских граждан (в первую очередь – недвижимость) изымалось, начиная с осени 1939 г. На основании чего? На основании решений самоуправленческих Народных Собраний (тогда это национализация, внутреннее дело) или в силу нужд оккупационной армии и оккупационной власти (вступает в действие Гаагская конвенция).

Участники пакта Бриана-Келлога (тут – Парижский пакт 27 августа 1928 г.) осудили «обращение к войне для урегулирования международных споров» и отказались в своих взаимных отношениях от войны «в качестве орудия национальной политики» (ст. 1). Но ни Советский Союз Польше, ни Польша Советскому Союзу, как уже

<sup>323</sup> Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1942. С. 4, 15.

указывалось, войны не объявляли. Поэтому, в соответствии с международным правом того времени (заметим, и на благо обоих будущих союзников по антигитлеровской коалиции), де-юре никакой «войны», невзирая на сотни убитых и десятки тысяч интернированных, как бы и не существовало.

Тем самым по крайней мере часть обвинений снята.

Остается, однако, наиболее веский аргумент – пакт о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г., действие которого 5 мая 1934 г. было продлено до 31 декабря 1945 г. В этом конкретном случае позиции польской стороны выглядят едва ли не сильнейшими. Действительно, уже ст. 1 указанного пакта провозглашала: «Действием, противоречащим обязательствам настоящей статьи, будет признан всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой договаривающейся стороны, даже если бы эти действия были осуществлены без объявления войны и с избежанием всех ее возможных проявлений». Указанное требование дополнялось обязательствами не принимать участия в любых соглашениях, враждебных другой стороне, и не предоставлять поддержки, прямой или косвенной, нападающей стороне.<sup>324</sup>

Современное международное право признает за своими субъектами право на самозащиту в случае вражеского нападения. В международном праве до 1945 г., как уже указывалось, это неотъемлемое право истолковывалось намного шире – также и как право на так называемую самопомощь (в понимании «старого» международного права). Тем самым, государство, считавшее, что действия другого субъекта международного права содержат угрозу для его жизненно важных интересов (а последние могли толковаться весьма широко), могло – в соответствии с действующим международным правом – прибегнуть к силовым действиям с целью устранения угрозы.

Введение советских войск на территорию Восточной Польши видится в правовом отношении (с позиции *de lege lata*) оправданным соображениями защиты жизненно важных интересов СССР ввиду непрогнозированного поведения гитлеровской Германии. Пакт Риббентропа-Молотова не мог рассматриваться как сколько-нибудь действенная гарантия мира. Напомним, что у Гитлера был точно та-

<sup>324</sup> Михутина И. В. Советско-польские отношения 1931–1935. М.: Наука, 1974. С. 53.

кой же пакт с Польшей, разорванный Берлином всего за 4 месяца до нападения.

В международном праве действует доктрина *rebus sic stantibus* – оговорка о сохранении силы договора только при неизменном положении вещей.

Советские договоры с Польшей заключались из расчета на то, что Польское государство будет сохранять свой суверенитет и играть роль своеобразного щита между СССР и агрессивными государствами.

Можно ли было 17 сентября 1939 г. допускать, что независимая Польша, с которой СССР подписывал пакт о ненападении, будет продолжать свое существование как субъект международного права? Следовало ли ожидать, пока Германия оккупирует все польские земли и по своему усмотрению решит, что делать с согласованной советской сферой влияния: передать венграм, создать марионеточное Польское государство в новых границах или разрешить А. Мельнику сформировать свое правительство Западной Украины?

К концу концов, уже одно то, что германские войска вошли во взаимно согласованную советскую сферу интересов, а Берлин откровенно продемонстрировал свое намерение то ли передать эти земли Венгрии,<sup>325</sup> то ли создать марионеточное «Украинское» (вариант – «Галицийское») государство, уже само по себе могло расцениваться как посягательство на нарушение условий секретного протокола. Тем самым, безотносительно к заключенным 23 августа 1939 г. соглашениям, на западных границах СССР возникла вполне реальная опасность.

Любой вариант развития событий без советского вмешательства (марионеточная Польша, союзная Германии, – по образцу словацкого государства Тисо или хорватского Павелича), венгерская оккупация Галиции, полная оккупация территории довоенной Польши вермахтом и т.д. представляли вполне реальную, а не воображаемую угрозу для интересов СССР.

Схожим к советской акции 17 сентября 1939 г. образом в аналогичных обстоятельствах угрозы собственным интересам действ

<sup>325</sup> Macartney C. A., Palmer A. W. Independent Eastern Europe. A History. London: Macmillan & Co, Ltd, 1962. P. 412.

вовали и другие Великие Державы, в частности Франция, Великобритания и США. На раннем этапе войны – вплоть до принятия известной Атлантической хартии – они не ставили под сомнение «право» силой оружия брать под контроль иностранные территории, представлявшие военный интерес.

Так, утвержденный 5 февраля 1940 г. Верховным советом союзников (Франция и Англия) план действий предусматривал нарушение нейтралитета и суверенитета Скандинавских стран (Норвегии и Швеции) – военную оккупацию Нарвика, Тронхейма и Бергена и железнодорожной ветки до Лулебо на берегу Ботнического залива. Юридическим прикрытием должна была стать резолюция Лиги Наций, которая призывала всех членов организации предоставить помочь Финляндии.

10 мая 1940 г. английские и французские войска оккупировали принадлежащие Голландии острова Аруба и Кюрасао. Формальное обоснование – попытка предотвращения того, чтобы ресурсы голландских колоний перешли к Германии.

Еще в апреле 1940 г. в руководящих кругах США обговаривали план установления американского контроля над Британской, Французской и Голландской Гвианой. После разгрома Франции не только голландские острова, но и французские владения – Мартинику, Гваделупу, Французскую Гвиану – Соединенные Штаты рассматривали как «ничейные» территории.<sup>326</sup>

17 июня 1940 г. Конгресс США принял закон о том, что Соединенные Штаты не признают переход любой территории в Западном полушарии от одного неамериканского государства к другому. Это означало, что французские владения в Западном полушарии в случае распада французской колониальной империи могут перейти к США (или получить формальную «независимость»), но не к Германии или даже к Англии.

Спустя некоторое время в окружении Рузвельта взяли верх умеренные элементы, считавшие за необходимое не афишировать свою заинтересованность в разделении «наследства» европейских колониальных империй, захваченных Гитлером. 10 апреля 1941 г. Сенат и Палата представителей на совместном заседании Конгресса

<sup>326</sup> История дипломатии. 2-е изд. Т. IV. Дипломатия в годы Второй мировой войны. М.: Издательство политической литературы, 1975. С. 89.

одобрили закон о «Трансферте территории в Западном Полушарии» (55 Stat. 133), согласно которому:

«1. Соединенные Штаты не признают никакого трансфера и не согласятся молча с любой попыткой трансфера любого географического региона этого полушария от одного не-Американского государства к другому не-Американскому государству;

2. Если такой трансферт или попытка трансфера возникнут, Соединенные Штаты проведут, в придачу к другим мерам, немедленные консультации с другими американскими республиками, чтобы определиться с теми шагами, которые следует предпринять, чтобы защитить их интересы».<sup>327</sup>

После захвата Гитлером Дании вначале английские, а затем и американские войска (США на то время – лето 1941 г. – еще формально в состоянии войны не состояли) высадились в Исландии, которая еще в 1918 г. вошла в личную унию с оккупированной немцами Данией. И хотя при этом было заявлено, что после окончания военных действий оккупационные войска покинут остров, некоторые преимущества (не только военно-стратегические, но и экономические) от нарушения суверенитета Исландии англо-американские оккупанты получили.

Под предлогом недопущения усиления позиций противника (Германии) в формально суверенной стране Великобритания и СССР совместно ввели войска в Иран (август 1941 г.). Мир с пониманием воспринял и эту акцию.

Опираясь на названные факты, укажем, что предлог «предотвращения» захвата недружественной страной территории суверенных государств (Исландия, Ирак) или колоний (французских, бельгийских) для обоснования правомочности их оккупации собственными армиями в годы Второй мировой войны использовались и демократиями.

Следует особо подчеркнуть, что упомянутая практика не была тождественной так называемому праву войны, поскольку, к при-

<sup>327</sup> Cases and Other Materials on International Law / Ed. by Manley O. Hudson. Third ed. St Paul, Minn.: West Publishing Co., 1951. P. 226.

меру, США, вводя оккупационные войска в Исландию в августе 1941 г., формально не пребывали в состоянии войны ни с одной из стран мира.

Советская дипломатия (особенно после 22 июня 1941 г.) постоянно объясняла акцию 17 сентября 1939 г. как шаг вынужденный и направленный на защиту интересов собственной безопасности.

Известно также, что советская мотивация Освободительного похода вызвала существенное неудовольствие Берлина: «взять под защиту единокровное население» – собственно от кого?

Советское правительство в сентябре 1939 г. сделало все возможное, чтобы формально отмежеваться от гитлеровской агрессии в отношении Польши. В приказе-обращении военных советов фронтов речь шла о защите местного населения от жандармов и осадников, об охране собственности граждан, о лояльном отношении к польским военнослужащим, если они не оказывают вооруженного сопротивления Красной Армии. Войскам запрещалось бомбардировать города авиацией.<sup>328</sup>

В обращении Военного Совета Украинского фронта к населению говорилось:

«Мы идем на Западную Украину не как завоеватели, а как освободители наших украинских и белорусских братьев. Мы освободим украинцев и белоруссов раз и навсегда от всякого гнета и эксплуатации, от власти помещиков и капиталистов». <sup>329</sup>

Эти пропагандистские мероприятия принесли ожидаемые результаты. Даже по наиболее пессимистическим подсчетам, советские потери во время так называемого Освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию были на фоне грандиозных событий незначительными: 1 139 убитыми и 2 383 ранеными.<sup>330</sup> Официальные советские данные были приблизительно вдвое меньше: соответственно 737 убитыми и 1 862 – ранеными. Для сравнения, гитлеровцы в сентябре 1939 г. потеряли только убитыми более 37 тыс. человек.

<sup>328</sup> История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945... Т. 1. С. 247.

<sup>329</sup> Воз'єднання українського народу в єдиній Українській Радянській державі... С. 66–67.

<sup>330</sup> Бісті комбатанта. 1994. № 2. Реквієм у цифрах. С. 65.

Потери Красной Армии могли быть более ощутимыми, если бы польская сторона расценила Освободительный поход как агрессию против Второй Речи Посполитой. Подсчитано, что в польской армии на 17 сентября 1939 г. еще насчитывалось около 650 тыс. военнослужащих, из них 440 тыс. воевали против немцев.<sup>331</sup> Польские историки указывают, что на 15 сентября 1939 г. в районе Восточной Польши, т.е. восточнее линии Висла-Сан, накопилось 340 тыс. польских солдат и офицеров; эти силы имели в своем распоряжении 540 орудий и минометов, 160 противотанковых орудий и более 70 танков.<sup>332</sup> Вне всякого сомнения, если бы акция 17 сентября 1939 г. была недостаточно обоснована, советские военные потери могли быть, возможно, не меньшими, чем германские.

Советские власти интернировали около 230 тыс. польских солдат и офицеров.<sup>333</sup> Если принять во внимание, что часть военнослужащих просто дезертировала, приходим к выводу, что польские военнослужащие в сентябре 1939 г. стремились сложить оружие именно перед Красной Армией, подобно тому, как немцы в мае 1945 г. стремились сдаться в плен англо-американцам, а не «большевикам». Можно также сделать вывод о в целом лучшем отношении населения Польши и остатков ее армии к СССР, чем к Германии, в сентябре 1939 г. И этот момент впоследствии использовала Москва. Гитлер так и не рискнул провести плебисцит даже в районах, населенных до Первой мировой войны преимущественно этническими немцами, и присоединенных непосредственно к Рейху осенью 1939-го. (Оставшуюся часть Польши Германия объявила т.н. Генерал-Губернаторством.) А Сталин некоторое время мог рассчитывать даже на симпатии части поляков, особенно дезориентированных коммунистически-интернациональной пропагандой.

В отличие от армии и населения, реакция польских правительственные кругов на ввод советских войск в Восточную Польшу с самого начала была резко негативной. Уже польский посол в Москве Гржибовский пробовал опротестовать текст Заявления Советского Правительства, которое ему зачитывал в Кремле М. Потемкин.

<sup>331</sup> Литвин М. Р., Луцький О. І., Науменко К.Є. 1939. Західні землі України. Львів: Інститут украйнознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1999. С. 45.

<sup>332</sup> Rawski T., Stapor Z., Zamojski J. Wojna wyzwolencza narodu polskiego w latach 1939–1945. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1968. Т. 1. С. 168.

<sup>333</sup> Коваль В. Друга світова війна і доля України: причини і наслідки... С. 73.

Под тем предлогом, что польское правительство якобы нормально исполняет свои обязанности, посол заявил, что аргументы советской стороны, которые объясняли ввод войск намерениями взять под защиту жизнь и имущество «единокровного населения», являются беспочвенными

В этот же день, еще формально пребывая на польской территории, правительство Второй Речи Посполитой перед будущим бегством в Румынию сумело выдавить из себя протест:

*«Польское правительство протестует против изложенных в ноте мотивов советского правительства, поскольку польское правительство исполняет свои нормальные обязанности, а польская армия успешно отражает нападение врага».*<sup>334</sup>

Это была, мягко говоря, не совсем правда. Показательно, что впервые указанный «протест» удалось обнародовать через неделю после бегства, к тому же далеко за пределами Польши.<sup>335</sup>

Нормами права допускается аннулирование межгосударственного договора, если государство-контрагент прекращает существование. Именно такое обоснование имела советская нота, зачитанная польскому послу в ночь на 17 сентября 1939 г.

Действительно ли польское государство прекратило свое существование и насколько к этому приложило руки советское политическое руководство?

Львовский историк Л. Зашкильняк и М. Крикун утверждают, что «попытки специальных советских войск захватить в плен государственных чиновников закончились неудачей».<sup>336</sup> В работах западных авторов встречаем еще одну версию советского намерения радикально решить проблему польского правительства: за день до оглашения советского Заявления от 17 сентября (т.е. 16 сентября) советский полпред М. Шаронов якобы покинул польский правительственный обоз – за два часа до начала немецкой бомбардировки. Поэтому, по логике *qui prodest*, не исключено, что Моск-

<sup>334</sup> Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939–1943... P. 47.

<sup>335</sup> Monitor Polski, Paruz, 25. IX. 1939 г.

<sup>336</sup> Зашкильняк Л. О., Крикун М. Г. Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів. Львів: Львівський національний університет ім. І. Франка, 2002. С. 509.

ва передала немцам ориентиры для бомбового удара по польскому правительству с целью его физического уничтожения. (На самом деле отъезд Шаронова состоялся еще 10 сентября.)

Действительно ли Кремль был заинтересован в таком развитии событий? Что давало Москве физическое уничтожение или пленинне (кстати, именно на пути в Румынию диверсионной группой был перехвачен небезызвестный генерал В. Андерс) членов польского правительства – руками чужими или даже своими собственными?

Международное право не признает прекращение существования государства, если его высшие органы продолжают воплощать государственный суверенитет в игнории.

Вопреки надеждам Э. Ридза-Смиглого, что румыны 17 сентября 1939 г. пропустят польское командование и польское правительство через свою территорию во Францию, Бухарест под давлением Германии и СССР интернировал это правительство и верховное командование на своей территории.<sup>337</sup> Но интернирование польского правительства в Румынии не дало ожидаемого в Москве (да и в Берлине) эффекта прекращения существования субъекта международного права.

Интернированный властями Румынии президент Польши Игнаций Мосцицкий, не имея свободы передвижения, определил в соответствии с действующей Конституцией 1935 г. своим приемником сначала В. Длugoшевского, а затем находящегося в Франции Владислава Рачкевича, бывшего председателя польского Сената.

Новоизбранный Президент Речи Посполитой уже 30 сентября 1939 г. объявил о том, что им создано новое правительство Польши во главе с премьером В. Сикорским (генерал-беглец добрался до Парижа 22 сентября 1939 г.). В состав правительства, которое пребывало в французском городке Анжере (*Anger*), вошли представители разных групп польской эмиграции: от так называемого «Фронта Морж» (Сикорский, Кароль, Попель, Витос), от Группы Торгового банка (Залесский, Сосковский) и от ряда мелкобуржуазных партий. В тот же день В. Сикорский сформировал полный состав кабинета министров, безотлагательно признанного как действующее

<sup>337</sup> Україна-Польща: важкі питання. Т. 4: Матеріали IV міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Варшава, 8–10 жовтня 1998 р.). Варшава: Туцса, 1999. С. 34.

правительство Польши правительствами Франции и Великобритании. США признали его 2 октября 1939 г.

Того же 30 сентября 1939 г. польский посол в Лондоне Э Рачинский подал английскому министерству иностранных дел протестную ноту, в которой от имени вновь созданного правительства, в частности, заявил, что Польша никогда не признает акта насилия и во имя справедливости будет сражаться за освобождение оккупированных территорий. Героическая оборона Варшавы, Вильно, Львова и Модлина доказывают, что Польша хочет быть свободной и независимой.<sup>338</sup>

Обратим внимание, что из пяти названных в ноте символов польской «героической обороны» два попали в советскую (Вильно было затем передано Литве) зону вторжения. Как следует из текста ноты, польское эмигрантское правительство буквально с первых часов своего существования не делало принципиальной разницы между оккупацией германской, открытой, и вводом советских войск под предлогом так называемого Освободительного похода.

Что касается советских правительственные кругов, то осенью 1939 г. Москва твердо стояла на том, что Польша прекратила свое существование как субъект международного права. Территория ее посольства и консульских представительств в Ленинграде, Киеве и Минске не была передана под опеку третьего государства, как это принято в практике дипломатических отношений при сохранении признания факта существования субъекта международного права, а изъята в пользу СССР. Польский консул в Киеве Е. Матусинский исчез в подвалах НКВД,<sup>339</sup> другие консульские работники, благодаря вмешательству немецкого посла Шулленбурга, получили разрешение на выезд из СССР. 11 октября 1939 г. польские дипломаты во главе с бывшим послом в СССР В. Гржибовским прибыли в Финляндию.

Представляет далеко не академический интерес вопрос, действительно ли польское государство прекратило свое существование как субъект международного права, как это утверждалось советским правительством. Обратимся к такому признанному знатоку международного права, как А. Фердросс:

<sup>338</sup> Корчак-Городицкий О. Указ. соч. С. 118.

<sup>339</sup> Kulski W. Pamietnik bylego polskiego dyplomaty // Zeszyty Historyczne. 1977. № 42. S. 159–160.

**«IV. Беспрерывность существования государства.**

(...) Государство продолжает существовать в понимании международного права даже тогда, когда оно временно не владеет центральной властью (...);

b) Это происходит даже в том случае, когда государство во время войны полностью оккупировано;

c) (...) Государство может перенести тотальную иностранную оккупацию с намерением аннексировать, как это вытекает из автоматического возрождения Албании, Эфиопии, Австрии, Чехословакии, после изгнания сил, которые ее аннексировали. Поэтому аннексия, осуществленная международно-неправомерным способом, не уничтожает международно-правового лица государства, но временно его прекращает (*suspendiert*).

**V. Прекращение существования государства.**

Суверенное государство прекращает существовать, если оно становится частью другого государства, аннексируется другим государством. (...) Государство не прекращает существования в результате государственного переворота или революции. Даже захват противником всей территории («*de belatio*») сам по себе не прекращает существования побежденного государства, если его продолжают защищать союзники, или победившая страна не имеет намерения аннексировать побежденную. Поэтому государство остается тем же субъектом международного права, пока народ государства не будет окончательно поглощен другим государством или же разделен несколькими государствами». <sup>340</sup>

При любых подходах к оценке международно-правового значения Народных Собраний (о которых речь пойдет далее) следует, однако, признать, что на конец сентября – начало октября 1939 г. польское государство продолжало существовать как субъект международного права (понятно, в довоенных границах), а правительство, созданное в эмиграции, было легитимно и имело право представлять Польшу.

<sup>340</sup> Фердрасс А. Указ. соч. С. 232–233.

Еще одна мысль. Эмоциональный (но не международно-правовой) характер имеют обвинения Советского Союза в том, что своими действиями он, начиная с августа 1939 г. (от пакта Риббентропа-Молотова), якобы прямо поощрял агрессора и поэтому несет ответственность за развязывание Второй мировой войны на равных основаниях с гитлеровской Германией.

Берлин готовил войну против Польши, безотносительно к позиции СССР. Как было установлено на Нюрнбергском процессе, уже 23 мая 1939 г. германское главнокомандование подготовило окончательный план нападения на эту страну, который А. Гитлер объяснил так: «Не право, а победа! Победителя никто не будет спрашивать про право».<sup>341</sup> В международном праве действительно существует понятие непрямой, или косвенной, ответственности, но понимается она достаточно определенно, и в совсем другом ключе.

*«Государство, – пишет Д. Анцилotti, – вообище отвечает (только) за действия, которые, в соответствии с изложенным правилами, могут быть ему вменены. В виде исключения может оказаться, что одно государство может нести ответственность за действия, вменяемые другому государству. В последних случаях говорят о косвенной ответственности».*<sup>342</sup>

По мнению авторитетного юриста, «общее правило» состоит в том, что «государство-протектор отвечает за неправомерные действия государства, находящегося под его протекторатом, если первое государство взяло на себя функции представительства второго», напротив вопрос об ответственности федеративного государства за действия отдельного субъекта этого федеративного государства является «спорным».<sup>343</sup>

Все! Каждый суверенный субъект международного права является абсолютно самостоятельным в своих действиях, поэтому говорить о косвенной ответственности другого субъекта за такие действия можно только исходя из норм морали, а не права.

<sup>341</sup> Суд истории. Репортажи с Нюрнбергского процесса В. Величко, В. Вишневский, Д. Заславский [и др.] / Сост. Г. Н. Александров М.: Политиздат, 1966. С. 26.

<sup>342</sup> Анцилotti Д. Указ. соч. С. 441.

<sup>343</sup> Там же..

### 2.3. К вопросу о легитимности Народного Собрания Западной Украины. Попытки эмигрантского правительства Польши отрицать международно-правовое значение западно-украинского и западно-белорусского плебисцитов

В современной научной литературе, как украинской, так и зарубежной, прослеживается тенденция кискажению оценок Народных Собраний Западной Украины (во Львове) и Западной Белоруссии (в Белостоке) на основании того, что их созыв и работа происходили под контролем политорганов Красной Армии и советского НКВД, а сама идея Народных Собраний исходила из Москвы.<sup>344</sup>

Особенно тщательно отстаивает эту мысль польская научная школа. Но и часть отечественных историков международных отношений и международного права, увлекшись критикой сталинизма, прибегает к отрицанию самостоятельного характера этих плебисцитов, определивших судьбу западных украинцев и западных белоруссов.

Архивные документы действительно говорят, что командующий Украинским фронтом С. Тимошенко имел памятку, подготовленную в Кремле:

«Для решения вопроса о характере новой власти и способов создания новой власти должны быть созваны три народных собрания на основе всеобщих выборов: Украинское Народное Собрание – из выборных по областям Западной Украины, Белорусское Народное Собрание – из выборных по областям Западной Белоруссии и Польское Народное Собрание – по областям с преобладающим большинством польского населения.

Эти Народные Собрания должны:

- 1) утвердить захват помещичьих земель крестьянскими комитетами;
- 2) решить вопрос о характере создаваемой власти, т.е. есть ли это власть советская или буржуазная;

<sup>344</sup> См.: Сергійчук В. Правда про «Золотий вересень» 1939-го. Київ: Видання Української видавничої Спілки, 1999. 128 с.; Ковалюк В. Р. До питання про скликання Народних Зборів Західної України // Актуальні проблеми суспільно-політичного і духовного розвитку в Україні. Вісник Львівського університету. Серія суспільних наук. Вип. 30. Львів: Світ, 1992. С. 75–81. и др.

3) решить вопрос о вхождении украинских земель в состав УССР, о вхождении белорусских земель в состав БССР и о вхождении польских земель в состав СССР в виде Польской Союзной Советской Республики».<sup>345</sup>

Согласно обращению командования Украинского фронта от 29 сентября 1939 г. к населению Западной Украины, создавались органы новой власти: в городах – временные управление, в уездах и селах – крестьянские комитеты. 3 октября в воеводствах были утверждены областные временные управление.

Вынуждены отметить, что вопреки декларированной «народной инициативе» местного населения Западной Украины, планы «плебисцита» разрабатывались в Москве. Постановление ЦК ВКП (б) от 1 октября 1939 г. «По вопросам Западной Украины и Западной Белоруссии» безапелляционно определяло: «инициативу по созыву Народного Собрания Западной Украины и созданию Комитета по организации выборов берет на себя временное управление г. Львова».<sup>346</sup>

4 октября Львовское областное временное управление (едва утвержденное накануне) обратилось к Станиславскому, Тарнопольскому и Луцкому областным управлением с предложением созвать во Львове Украинское Народное Собрание. Предлагались вопросы, подлежащие рассмотрению: о присоединении к великому Советскому Союзу и об объединении украинских земель в единой Украинской Советской Социалистической Республике, о передаче крестьянам помещичьих земель, о национализации банков и крупной промышленности.<sup>347</sup>

Бросается в глаза совпадение хода мысли только что созданного Львовского управления и процитированной выше памятки С. Тимошенко.

В помощь компартийным «уполномоченным» с Востока была напечатана специальная памятка по вопросам подготовки к выборам в Народное Собрание.<sup>348</sup>

<sup>345</sup> Ковалюк В. Р. До питання про скликання Народних Зборів Західної України... С. 76.

<sup>346</sup> Там же.

<sup>347</sup> Воссоединение украинского народа в едином Украинском Советском государстве (1939–1949 гг.)... С. 31–32.

<sup>348</sup> Пам'ятка уповноваженным воеводств по питанню організації партійної роботи з додатком плану заходів по проведенню виборів депутатів до Українських Народних Зборів Західної України (жовтень, 1939). ЛОДА. Р-221. Оп. 1. Од. зб. 362.

Вместе с тем, важно отметить, что организация самих выборов не стала исключительно делом «оккупационной армии». Местные жители составляли 77 % «агитаторов» – 40 649 чел. – из общей численности 51 725, и 85 % членов избирательных комиссий – 41 653 человека из общего числа 49 003.<sup>349</sup>

Процесс выдвижения и регистрации кандидатов был проведен в рекордно сжатые сроки – с 14 по 17 октября, что, по нашему мнению, преследовало цель исключить попытки некоммунистических и пропольских политических сил скоординировать свои действия, добиться их широкого развертывания. Указанное предположение не столь уж невероятное: случаи попыток агитации против отдельных кандидатов или против выборов вообще были зафиксированы на предвыборных собраниях львовских трамвайщиков, работников пивзавода, студентов политехнического института, в костеле г. Долина (Станиславское воеводство); листовки враждебного содержания были выявлены в с. Бытков Надворнянского и с. Летяче Залищицкого уездов, в г. Луцк, г. Костополь и др. Фиксировались террористические акты ОУН, в частности, взрыв бомбы во время предвыборного собрания в с. Новосилки Яворовского уезда, стрельба в с. Ланчин Надворнянского уезда и т.д.<sup>350</sup> В селах Краснэ и Добротов Надвирнянского уезда на Прикарпатье часть населения не пошла на избирательные участки, а собралась возле церкви, где раздавались голоса: «Мы за коммуну голосовать не будем. Да здравствует (христианская) вера и самостоятельная Украина». В селе Биднiv заявляли: «Долой Красную Армию! Долой Советскую власть с коммунизмом».<sup>351</sup>

Подобные протестные акции не набрали массового характера, но показывали, что эйфория «освобождения», когда украинское население встречало Красную Армию с желто-синими знаменами и портретами Петлюры, понемногу выветривалась.

Имеются вместе с тем и многочисленные документальные подтверждения настроений местного, особенно украинского, населения в пользу воссоединения с «братьями-украинцами»<sup>352</sup> – дезорганизованные массы ненадолго поверили в светлое будущее.

<sup>349</sup> Варецький В. Л. Соціалістичні перетворення в західних областях УРСР в довоєнний період. Київ: Видавництво АН УРСР, 1960. С. 125.

<sup>350</sup> Правда. 1939. 19 жовтня; и др.

<sup>351</sup> Сергійчук В. Правда про «Золотий вересень» 1939-го... С. 17.

<sup>352</sup> Місто Львів. Президії Українських народних Зборів Західної України (мітинг трудящих м. Золочева, Тернопільського воєводства, присвячений відкриттю НЗЗУ). ЛОДА. Ф. Р-6. Оп. 1.

Поэтому решающими становились факторы времени и организации.

Единственной на то время структурой, которая реально могла охватить агитацией и пропагандой все западно-украинские земли, была Красная Армия с ее политаппаратом.

Попутно отметим и некоторые положительные аспекты такого решения организационной проблемы. Приемы и методы, которыми оперировала армия, выгодно отличались от стиля работы НКВД. Так, 34-й кавдивизии была поручена «помощь в создании местных управлений» в г. Трембовля, Рогатин, Ходоров, Бирча и крестьянских комитетов в 55 селах. Военные провели 25 киносеансов, 7 концертов, распространяли 20 тыс. экземпляров листовок. 97-я стрелковая дивизия по состоянию на 15 октября дала для населения 23, а 24-я танковая бригада – 54 киносеанса. Как правило, приходили целыми селами.<sup>353</sup>

Известный украинский историк В. Сергийчук настаивает, что «создание органов власти по большевистскому сценарию было поручено политорганам Красной Армии коммунистической партией. Ведь, как известно, весь руководящий состав ЦК КП(б)У во главе с Хрущевым в эти дни перебывал постоянно на Западной Украине и все решения, касающиеся организаций здесь новой жизни, готовились исключительно его аппаратом».<sup>354</sup> С этим мнением следует согласиться, сделав одну существенную оговорку. А именно – была ли сколько-нибудь приемлемая альтернатива? Парадокс состоял в том, что здесь – в отличие от будущих стран так называемой народной демократии – Москва и Киев не могли положиться даже на местных коммунистов. Как известно, КПП и КПЗУ были распущены по решению Исполкома Коминтерна еще в 1938 г. как якобы перенасыщенные агентурой тайной польской полиции.

Использование армейских структур в сложившейся исторической ситуации было наименьшим злом, поскольку реальной аль-

Од. зб. 2-б. Арк. 129; Про вибори депутата до Народних Зборів Західної України. Резолюція загальних зборів селян с. Рясна Польська, Баторівка. ЛОДА. Ф. Р-6. Оп. 1. Спр. 2-б. Арк. 123; Резолюція Загальних зборів Рясни Польської й Баторівки в справі вибору депутата до Народних зборів Західної України. ЛОДА. Ф. Р-6. Оп. 1. Од. зб. 2-б. Арк. 123; Резолюція мітингу трудачих, присвяченого відкриттю Народних Зборів Західної України. 27.10.1939 р., м. Золочів. ЛОДА. Ф. Р-6. Оп. 1. Спр. 2-б. Арк. 129 и др.

<sup>353</sup> Крущельницький А. В., Нагаєв И. М. Воссоединение Западной Украины с Советской Украиной: сентябрь – ноябрь 1939 г. ... С. 26, 27.

<sup>354</sup> Сергийчук В. Правда про “Золотий вересень” 1939-го... С. 13.

тернативой политорганам Красной Армии могли выступить только органы НКВД. Тогда говорить о сколь-нибудь демократической процедуре выборов не приходилось бы вообще.

Уже 22 октября 1939 г. состоялись выборы депутатов в Украинское Народное Собрание. По официальным подсчетам, в выборах приняли участие 4 433 997 человек, следовательно 92,83 % тех, кто имел право голоса. Из этого количества за кандидатов в Народное Собрание голосовали 4 032 154 человека, или 90,93 %.<sup>355</sup> Советская пропаганда успешно использовала тот факт, что на выборах в польский сейм в 1935 г. голосовало лишь 46,6 % избирателей.<sup>356</sup>

В любом случае это были впечатляющие цифры. Для сравнения, во время бойкота украинским населением Восточной Галиции первых со временем оккупации ЗУНР выборов в польский сейм и сенат, которые проходили 5 и 12 ноября 1922 г., несмотря на террор и репрессии, не принимали участия: в выборах в сейм – 60 %, в выборах в сенат – 63 % избирателей, т.е. практически все украинское население.<sup>357</sup>

В позднейшей эмигрантской (как польской, так и украинской) литературе укрепилась мысль, что, «в общем, состав депутатов был собирающим никому не известных лиц, назначенных кандидатами в депутаты совершенно неожиданно не только для других, но и для них самих».<sup>358</sup>

Это не совсем верно: среди депутатов (к слову, до сих пор не существует их полного списка) было немало людей с политическим прошлым, разве что 82 бывших КПЗУ-шника, зато немало творческой интеллигенции, врачей, учителей и т.д.

*«Организаторы, – пишет С. Кульчицкий, – приложили усилия, чтобы население выбрало действительно авторитетных местных деятелей. В процедуре выборов допускались немыслимые для СССР отклонения, когда на одно место претендовали несколько кандидатов в депутаты».*<sup>359</sup>

<sup>355</sup> Західня Україна / Під ред. С. М. Белоусова, О. П. Оглобліна. Київ: АН УРСР, Інститут історії, 1940. С. 107.

<sup>356</sup> Суд истории. Репортажи с Нюрнбергского процесса В. Величко, В. Вишневский, Д. Заславский [и др.]... С. 11.

<sup>357</sup> Сливка Ю. Ю. Західна Україна в реакційній політиці польської та української буржуазії... С. 58.

<sup>358</sup> Островерх М. На кругому зломі // Свобода. 1955. 20 травня.

<sup>359</sup> Кульчицький С. Воз'єднання західноукраїнських земель: з відстані шести десятиріч // Історія України. 1999. № 34. С. 2.

Это подтверждают и польские некоммунистические источники. Опубликованные свидетельства Г. Жанины и Леопольда Х. Эварис-та показывают, что, по крайней мере, в некоторых случаях, в избирательных бюллетенях содержались несколько фамилий, лишние из которых следовало вычеркнуть карандашом.<sup>360</sup>

Добавим, что среди делегатов Львовщины было 27 поляков; на Станиславщине 53 депутата представляли интеллигенцию; 8 кандидатов Луцкого (131, 172, 173, 326, 345, 354, 365 и 433 участков) и 3 Львовского (252, 380, 381 участков) избирательных округов набрали менее 50 % голосов и не были избраны.<sup>361</sup>

Даже деятели непримиримой украинской эмиграции впоследствии признали, что в октябре 1939 г., т.е. во время подготовки и проведения плебисцита, главную ставку советское правительство сделало не на кнут, а на пряник.

*«Осенью 1939 г., – вспоминал глава Провода Украинских Националистов с 1978 г., Президент Государственного Центра УНР Н. Плавюк, – носители “сталинской правды” вели себя по-другому. С приходом советской власти украинизируется средняя школа, шумят инициированные новой властью митинги, которые заканчиваются всякие блага (sic! – В. М.), рассказывают, как хорошо жить при “ленинском социализме”. Еще бы – коммунистам необходимо было как можно позже разыграть спектакль присоединения Западной Украины к СССР. Впрочем, результаты Народного Собрания легко было предвидеть. (...) Пора первых выборов, когда депутаты ехали в Киев с просьбой присоединить Западную Украину к СССР, прошло. В январе наступили севые будни, а в марте начались первые аресты».*<sup>362</sup>

Среди избранных 1 482 депутатов были, на первый взгляд, представлены все группы населения: 251 женщина (16,54%), 119 человек молодежи в возрасте до 25 лет (8,08%), «лишенней в буржуазно-

<sup>360</sup> Zolynski J. Cit. op. S. 77–78.

<sup>361</sup> Ломов Г. І. Народні Збори Західної України. Львів: Книжково-журнальне видавництво, 1959. С. 18, 20.

<sup>362</sup> Таран С. Власною працею і власним серцем – про М. Плав’юка. / ОУН: Минуле і майбуття: Збірник. Київ: Фундація ім. О. Ольжича, 1993. С. 91.

помещичьей Польше избирательных прав», и даже 24 неграмотных (1,62 %). Не вызывал возражений и социальный состав: 415 рабочих (28%), 776 (в других источниках – 766) крестьян (52 %), 270 представителей интеллигенции (18 %), что в общем отвечало структурной организации западно-украинского населения. Но национальный состав депутатов при ближайшем рассмотрении был не столь идеально-пропорциональным: на 1 369 (92,37%) украинцев приходился всего 61 еврей (4,12 %, при их удельном весе в составе населения края около 10 %) и 44 поляка (2,97 %, при соответственно 25 %).<sup>363</sup> Правда, было совсем мало депутатов-русских – 8 человек (0,54 %).<sup>364</sup>

Не надо, однако, думать, что Народное Собрание было полностью отдано, что называется, на откуп местным. Конечно, «освободителей» с Востока среди депутатов Украинского Народного Собрания было значительно больше, чем декларированные 8 русских. Так, 98 кандидата на одной только Львовщине указали партийность ВКП(б), т.е. однозначно были советскими гражданами.<sup>365</sup>

Подготовка к выборам в Народное Собрание не сводилась лишь к квотированию кандидатов. Советская пропаганда умело разогревала национальные чувства местного украинского населения. Большевистские агитаторы утверждали в это время, что «население Западной Украины составляет 8 млн человек, из них украинцы более 7 млн».<sup>366</sup> Реально же украинское население составляло около 65 %, а во многих населенных пунктах, включая Львов и др. уже большие города, оно по числовым показателям значительно уступало полякам и евреям.

Идеологическому обеспечению плебисцита уделялось первоочередное внимание. Западная Украина была завалена пропагандистской литературой. Только с 22 сентября по 1 ноября 1939 г. сюда было прислано более 6 млн экземпляров газет и журналов, более 440 тыс. плакатов и лозунгов, 2 млн экземпляров текстов революционных и советских песен.<sup>367</sup>

И это не считая «продукции», изданной на месте. В литературе встречается цифра 63 – именно столько осенью 1939 г. насчиты-

<sup>363</sup> В. Ковалюк называет другую цифру депутатов-поляков – 27, т.е. лишь 1,8 %.

<sup>364</sup> Вільна Україна. 1939. 25 жовтня (хроніка).

<sup>365</sup> Ковалюк В. Р. До питання про скликання Народних Зборів Західної України... С. 78.

<sup>366</sup> 20 років під ярмом польських панів. Київ: Державне видавництво політичної літератури при РНК УРСР, 1940. С. 5.

<sup>367</sup> Возз'єднання західноукраїнських земель з Радянською Україною... С. 339.

валось «новых газет на украинском языке, которые пропагандировали достижения социализма, изобличали деятельность классово враждебных элементов и буржуазных националистов разных оттенков».<sup>368</sup>

Советская власть демонстративно задабривала западно-украинских «трудящихся». Уже в октябре начался и еще до начала декабря 1939 г. завершился процесс раздела конфискованных помещичьих и церковных земель. 747 тыс. безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств получили более 1 136 тыс. га помещичьих земель, более 84 тыс. лошадей, 76 тыс. коров.<sup>369</sup>

И хотя несложные подсчеты показывают, что на одну осчастливленную советской властью семью приходило в среднем 1,5 гектара земли и аж по 1 лошади и 1 корове на каждые 10 бедняцких дворов, психологический эффект трудно переоценить – некоторая часть населения на какое-то время поверила в миф о «народной власти».

Польский юрист-международник Я. Жулинский пишет о «поощрении населения к участию в голосовании, в том числе: установлении 8-часового рабочего дня, многократном повышении заработной платы при каждом повышении цен (после выборов насильственно сниженных и уравненных с остальным СССР)», завозе в магазины и буфеты аттракционных товаров, о допущении и даже поощрении богослужений в день выборов и т.п.<sup>370</sup>

За три дня работы Народного Собрания участие в обсуждении решений приняли 43 депутата. Неожиданностей не было: благодарили за освобождение, высказывали пожелания жить в дружной семье советских народов. 27 октября 1939 г. Народное Собрание приняло Декларацию о вхождении Западной Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики:

«Украинское Народное Собрание, являясь выразителем непоколебимой воли и надежд народа Западной Украины, постановляет:

просить Верховный Совет СССР принять Западную Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики с тем, чтобы воссоединить украинский народ

<sup>368</sup> Історія Української РСР: У вісім та десяти книгах... Т. 6. С. 502.

<sup>369</sup> Там же. С. 512.

<sup>370</sup> Zolynski J. Cit. op. S. 79.

*в едином государстве, положить конец вековому разъединению украинского народа.*

*Народное Собрание высказывает твердое убеждение в том, что Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик удовлетворит эту просьбу народа Западной Украины, чтобы он в единой дружной семье народов СССР под руководством Коммунистической партии большевиков шел путем новой и счастливой жизни.*

*Да здравствует свободная Советская Украина!*

*Да здравствует братство народов!*

*Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик, отечество трудящихся всего мира!»<sup>371</sup>*

Комментируя эту Декларацию, обратим внимание на следующую деталь: Украинское Народное Собрание (а не Народное Собрание Западной Украины, как это стало принято писать в послевоенной литературе) обращалось со своей «просьбой» непосредственно к Верховному Совету СССР. В современной украинской юридической литературе порой можно встретить следующий аргумент: осенью 1939 г. произошло не «воссоединение», а «инкорпорация», поскольку вопрос первоначально был утвержден в Москве и только потом передан на рассмотрение Верховного Совета Украинской ССР.<sup>372</sup> Формально же указанный порядок изменения территориального статуса установили сами депутаты Народного Собрания, поэтому говорить о «руке Москвы» в данном случае можно только **опосредованно**.

Отметим еще одно обстоятельство. Вопреки распространенному мнению о том, что все депутаты говорили якобы с бумаги, по ходу проведения Народного Собрания временами возникали дискуссии. Так, например, в проекте постановления речь шла о выселении всех военных осадников, против чего выступили делегаты Кравчук (рабочий из Дрогобыча, несколько раз подвергшийся заключению польскими властями) и Яворский. Их позицию поддержали «украинские коммунисты» (надо думать, из СССР). В итоге было признано, что проблему военных осадников следует рассматривать инди-

<sup>371</sup> Дмитрієв А. І., Муравйов В. І. Указ. соч. С. 85–86.

<sup>372</sup> Правова ідеологія і право України на етапі становлення тоталітарного режиму (1929–1941)... С. 52.

видуально.<sup>373</sup> Делегатка Галина Гурская имела намерение выступить с инициативой предоставления автономии для Львова, где польское население составляло большинство, но ее убедила этого не делать В. Василевская. По этому поводу доктор права Я. Жулинский (Вроцлав) отмечает, что «в позициях некоторых делегатов можно было заметить попытки формулировки собственных, независимых оценок и выступления с собственными концепциями».<sup>374</sup>

31 октября члены Полномочной комиссии прибыли в Москву, где их торжественно встретили «представители трудящихся столицы СССР», руководители партийных и советских организаций.

Озвучил Заявление Полномочной комиссии Народного Собрания Западной Украины на Внеочередной Пятой сессии Верховного Совета СССР член комиссии М. И. Панчишин, львовянин, врач по профессии, впоследствии деятель антисоветского националистического движения. Поддержали Заявление Полномочной комиссии депутаты Верховного Совета СССР А. А. Богомолец, А. Е. Корничук и А. Я. Вышинский. Тем самым внешне демократическая процедура была соблюдена.

Закон «О включении Западной Украины в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой», принятый Верховным Советом СССР 1 ноября 1939 г., положил начало правовой базе инкорпорации западно-украинских земель в Украинскую ССР:

«Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, заслушав обращение Полномочной Комиссии Народного Собрания Западной Украины, постановляет:

1. Удовлетворить просьбу Народного Собрания Западной Украины и включить Западную Украину в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой.

2. Поручить Президиуму Верховного Совета назначить день выборов депутатов в Верховный Совет СССР от Западной Украины.

<sup>373</sup> Zolynski J. Cit. op. 8. 90.

<sup>374</sup> Ibid. S. 91.

3. Предложить Верховному Совету Украинской Советской Социалистической Республики принять Западную Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

4. Просить Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики представить на рассмотрение Верховного Совета СССР проект разграничения районов и областей между Украинской Советской Социалистической Республикой и Белорусской Советской Социалистической Республикой».<sup>375</sup>

Обратим внимание на одну деталь.

Просьбу о включении Западной Украины в состав Союза ССР на рассмотрение Верховного Совета СССР 27 октября подавало Украинское Народное Собрание. В документе Верховного Совета СССР от 1 ноября упоминалось уже Народное Собрание Западной Украины. Небольшое лексическое различие имело существенный международно-правовой смысл. Действительно, «Украинское» Народное Собрание – это орган, представляющий нацию, народность. А Народное собрание Западной Украины – орган, представляющий *все* население определенной территории, без акцента на национальности. И хотя, как было показано выше, представительство поляков и евреев среди депутатов указанного Собрания 26–28 октября 1939 г. было непропорционально низким, какая-то светлая голова в Москве молниеносно произвела продуманную подмену.

Цель такой редакционной правки понятна – легитимно изменить международно-правовой статус указанной территории мог только *общенародный* плебисцит, а не проявление настроения одной, пусть и наиболее многочисленной этнической группы населения.

На своей внеочередной третьей сессии Верховный Совет УССР рассмотрел заявление Полномочной комиссии Народного Собрания, которое 13 ноября провозгласил член комиссии П. И. Франко, сын известного писателя. На следующий день, 14 ноября, Верховный Совет Украинской ССР постановил:

<sup>375</sup> Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. Т. 2. 1938–1967. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1968. С. 128–129.

*«... принять Западную Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики и воссоединить тем самым великий украинский народ в едином украинском государстве».*

После этого на территорию Западной Украины распространилось действующее законодательство СССР и УССР.

29 ноября 1939 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о предоставлении советского гражданства жителям Западной Украины – шаг, который, по мнению зарубежных исследователей, имел для местного населения особые правовые последствия.<sup>376</sup> Тем самым жители Западной Украины были уравнены в правах и обязанностях с другими гражданами СССР: начали получать советские паспорта, призываться на службу в Красную Армию, получать советские учёные степени и государственные награды, баллотироваться на выборах в местные и центральные органы власти и т.п. Добровольное использование своих гражданских прав и молчаливое согласие выполнять обязанности трактовались советскими властями как доказательство общей воли населения к «воссоединению» и «социалистическому пути развития».

Еще через несколько дней, 4 декабря 1939 г., вышел Указ Верховного Совета СССР «О создании Волынской, Дрогобычской, Львовской, Ровенской, Станиславской и Тарнопольской (название «уточнено» 9 августа 1944 г. – В. М.) областей в составе Украинской ССР».

В Украинской научной литературе иногда делаются, на наш взгляд, не совсем корректные попытки подсчитать процент тех граждан Западной Украины, которые не желали «воссоединения» и выразили свою волю в ходе октябрьского плебисцита.

Украинские историки И. Сварник и вслед за ним И. Васюта попытались подсчитать тех, кто мог представлять опасность для советской власти. Так, И. Сварник, прибавив тех, кто не явился в октябре 1939 г. на избирательный участок во время выборов в Украинское Народное Собрание, к числу тех, кто проголосовал против предложенных кандидатов, пришел к выводу, что общее число недовольных недемократическими выборами составляло 26 % взрос-

<sup>376</sup> Бойко М. Указ соч. С. 172.

лого населения.<sup>377</sup> В свою очередь И. Васюта подытожил указанные расчеты:

«Это более 1 242 тыс. человек в возрасте 18 лет и старше, которых правящий режим зачислил в категорию “классово враждебных элементов”, т.е. воображаемых “врагов народа”, подлежащих “социальной чистке” (депортации или физической ликвидации)».<sup>378</sup>

Такие вычисления представляются несколько искусственными (могли иметь место деловые поездки, старческая немощь, болезни, личная антипатия избирателей к выдвинутым кандидатурам и т.п.; наконец, на действительно демократических выборах всегда есть некоторое количество «отказников»), но обратим внимание на другое. Если четверть избирателей в той или иной мере имела возможность проявить негативное отношение к выборам в Украинское Народное Собрание, то говорить о насильственном характере самих выборов сложно. Это уже потом будут вполне пристойные, по советским меркам, 99,8 % плюс-минус 2-3 %.

Описывая в своей работе «советский плебисцит в Восточной Польше в октябре 1939 г.» Дж. Шотвелл и М. Лазерсон, профессоры права Колумбийского университета (США), сделали важный вывод:

«Не вызывает сомнений, что методы советских оккупационных властей не допускали никакого выражения воли части населения. Избирательные комиссии были наушничованы представителями русских властных структур и сотрудниками тайной полиции, голосование было связано с (выдачей избирателям) бюллетеней, содержавших имя только одного кандидата; и все эти маневры осуществлялись под прикрытием штыков оккупационных вооруженных сил. Это не были никоим образом ни демократические выборы, ни беспристрастный плебисцит. Но есть все основания поверить в то, что если бы голосование было проведено чисто, окончательные итоги плебисциита вряд ли отдали

<sup>377</sup> Сварник І. І. Маловідомі сторінки «золотого вересня» // Український археографічний щорічник. Нова серія. Вип. І. / Гол. ред. П. Сохань. Київ: Наукова думка, 1992. С. 401–414.

<sup>378</sup> Васюта І. К. Указ. соч. С. 61.

*бы предпочтение польскому суверенитету, за исключением таких городов, как Львов (Лемберг) и прилегающих местностей, где было чистое польское большинство».<sup>379</sup>*

Впрочем, голоса за воссоединение принадлежали не только украинцам.

Об антипольских просоветских настроениях еврейского меньшинства осенью 1939 г. свидетельствуют польские источники.<sup>380</sup> Заигрывая с местным украинским населением, коммунистические агитаторы не забывали и «трудящихся»-поляков<sup>381</sup> даже ввиду того, что линией новой границы аппетиты Кремля не ограничивались.

С международно-правовой точки зрения наибольшее сомнение в 1939 г. вызывало то, что в современном международном праве видится несомненным, а именно, право наций на самоопределение и правомочность решений Народного Собрания как достаточное основание для включения территорий, на которых состоялся плебисцит, в состав СССР и Украинской ССР.

С тем, что выборы в Народное Собрание (на предвыборных митингах кандидаты оглашали свою программу) имели «характер референдума», соглашается и польская правовая школа.<sup>382</sup> Другое дело, что опровергается добровольный характер волеизъявления действительных настроений населения.

Но подобные претензии могут быть выдвинуты к любому из плебисцитов, имевших место до принятия Устава ООН в 1945 г.

Важно подчеркнуть, что не одни лишь государства с недостаточными демократическими традициями пытались оказывать давление на волю избирателей во время проведения плебисцитов от 1918 г. и дальше. В этом списке и классические демократии. Сегодня, например, никто не ставит под сомнение государственную независимость Исландии, обретенную в годы Второй мировой войны в условиях иностранной оккупации. 7 июля 1941 г. войска США, которые формально еще не с кем в состоянии войны не пребывали, высадились в Исландии (в международном праве того времени это называлось

<sup>379</sup> Shotwell J., Laserson M. Cit. op. P. 23–24.

<sup>380</sup> Zolynski J. Cit. op. S. 87.

<sup>381</sup> Макарчук В. С. Правові аспекти здійснення «українізації» в західних областях України (1939–1941 pp.) // Вісник Львівського інституту внутрішніх справ: Збірник / Гол. ред. В. Л. Регульський. Львів: ЛІВС при НАВС України, 2001. № 1. С. 203.

<sup>382</sup> Zolynski J. Cit. op. S. 54.

самопомощью). В опубликованной в связи с этим декларации президент США Ф. Д. Рузвельт заявил, что США берут на себя защиту Исландии и морских коммуникаций между этим островом и Северной Америкой до конца войны. Независимость и суверенитет Исландии не будут затронуты, и американские войска после войны будут эвакуированы.<sup>383</sup>

Но уже 23 мая 1944 г. на острове – в условиях американского военного присутствия – был проведен референдум, на котором 98 % населения высказалось за провозглашение независимости. 2 июня того же года опубликованы окончательные результаты, согласно которым якобы 70 тыс. участников референдума против 535 человек высказались за независимость и разрыв отношений с Данией, все еще оккупированной нацистами.<sup>384</sup>

Еще до освобождения бывшей метрополии исландские борцы за независимость приняли конституцию страны и сформировали суверенное правительство. Так американское военное присутствие стало катализатором процесса обретения суверенитета и осуществления права на самоопределение.

Можно утверждать, что – с поправкой на большевистскую режиссуру – и Украинское Народное Собрание, в общем, отвечало принятой в первой половине XX в. практике проведения местных плебисцитов (заинтересованные правительства активно вмешивались в их ход, как это имело место, к примеру, во время плебисцита в Верхней Силезии после Первой мировой войны), а решения Народного Собрания – опять же с некоторыми оговорками – могли считаться полностью легитимными по меркам того времени (приняли же западные демократии плебисцит 1938 г. в Австрии).

Тем самым сталинская дипломатия с помощью Красной Армии, партийно-пропагандистского аппарата и НКВД получила внушительные аргументы для дальнейшего закрепления воссоединения западно-украинских земель в международно-правовых документах и соглашениях.

После 1945 г. подходы к вопросу существенно изменились. Право наций на самоопределение, ранее желательное, но не обязательное,

<sup>383</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943... С. 532.

<sup>384</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 2. 1 января 1944 – 31 декабря 1944... С. 473, 477.

стало императивной нормой международного права. В свою очередь, эта новация повлекла за собой и другие существенные изменения.

«Принцип самоопределения наций, – указывает юрист-международник Н. Ерпылева, – выступает императивным принципом современного международного права. Договора, противоречащие таким принципам, признаются недействительными. В силу этого они могут быть правомерно аннулированы заинтересованным государством, поскольку принцип добросовестного соблюдения международных обязательств на них вообще не распространяется». <sup>385</sup>

Иными словами, Советский Союз после 1945 г. мог ставить вопрос о ревизии Рижского договора на основании уже «нового» международного права.

Тем самым факт проведения плебисцита в форме Украинского Народного Собрания и вхождение Западной Украины в состав Союза ССР и Украинской ССР подпадают под уже современное понимание принципа самоопределения наций, хотя при этом необходимо сделать некоторые оговорки относительно недостаточной демократичности самой процедуры опроса населения.

Если же мыслить категориями *de lege lata* 1939 г., то дело выглядит несколько иначе: несмотря на то, что сам принцип права наций на самоопределение перебывал в это время на стадии своего утверждения в роли нормы международного права, собственно процедура опроса населения не слишком выделялась нарушениями на общем фоне (для сравнения – Силезия, Саар, Австрия, Исландия).

В украинской историко-правовой мысли дискуссионным остался вопрос о том, какой собственно правовой документ впервые закрепил соборность украинских земель.

Попытки обосновать легитимность государственного объединения Западной и Надднепрянской Украины ссылками на Акт об объединении УНР и ЗУНР от 22 (24) января 1919 г. уязвимы для критики в силу того, что правительство Е. Петрушевича денонсировало его в конце того же 1919 г.

<sup>385</sup> Ерпылева Н. Ю. Клаузула неизменных обстоятельств в современном международном праве // Государство и право. 1992. № 4. С. 106.

В свою очередь, решение Верховного Совета Украинской ССР от 15 ноября 1939 г. о включении западно-украинских земель в состав украинского советского государства может быть легализовано только на основе признания легитимности решений Народного Собрания. Существуют все основания утверждать, что, несмотря на давление советских властей (а ни один из междувоенных плебисцитов не может считаться образцом соблюдения свободных демократических норм народного волеизъявления), эти решения в целом отвечали тогдашним настроениям и желаниям преобладающих масс местного населения, особенно украинской национальности. Поэтому – могут и должны считаться легитимными.

Некоторый научный интерес представляет и следующий аспект вопроса: если население Западной Украины действительно было осенью 1939 г. обмануто советскими правительственные структурами и не понимало в полной мере, за что собственно отдает свой голос (все «прелести» социализма в комплексе – ГУЛАГ, антирелигиозная политика властей, дефицит товаров народного потребления и т.п.), то может ли считаться легитимным сам результат октябряского плебисцита? Действительно, встретив в сентябре 1939 г. Красную Армию как освободительницу от польского ига, значительная часть западных украинцев в июне 1941 г. стреляла её в спину, а в 1944-1953 гг. вела с ней ожесточенную вооруженную борьбу.

В римском праве умышленный обман контрагента делает соглашение недействительным. Поэтому, имели ли право якобы обманутые галичане и волынчане требовать нового референдума, на котором смогли бы высказаться против Союза ССР?

Не вызывает сомнения тот факт, что западные украинцы хотели воссоединения с Надднепрянской Украиной – как в 1939 г., так и позднее. Ни одна из политических сил украинского антикоммунистического лагеря – от ОУН-УПА и до идеологов дивизии СС «Галичина» – ни разу не ставила под сомнение историческую закономерность объединения всех украинских земель в едином государстве (напротив, эмигранты даже в 70-80-х гг. упрекали Сталина в том, что он «оставил не воссоединенными» Лемковщину, Надсянье, Мараморщину, Пряшовщину). Идея отдельного государственного образования западных украинцев – чего-то по образцу ЗУНР – после 1939 г. никогда даже не рассматривалось в украинских политических кругах.

Что же касается антикоммунистических и антисоветских настроений значительной части западно-украинского населения, то этот фактор сам по себе не может поставить под сомнение действительность выражения права наций на самоопределение. Для сравнения, во время проведения плебисцита в Сааре (13 января 1935 г.) глава саарской комиссии Лиги Наций Нокс констатировал, что в многих бюллетенях, поданных за присоединение области к Германии, избирателям сделаны приписки: «За Германию, но против Гитлера», «Мы присоединяемся к Рейху, чтобы изменить его», «Только Бог может помочь нам»<sup>386</sup> и т.п.

Антигитлеровское настроение значительной части участников саарского плебисцита никоим образом не повлияло на международно-правовое признание факта стремления местного населения (более 90 % голосов) войти в состав Германского государства. Наконец, Саар остался германским и после мая 1945 г. Думаем, будет совершено правильно оценивать правовые последствия Народного Собрания, используя те же критерии.

Диаметрально противоположного мнения придерживалось в октябре 1939 г. (и далее) польское эмигрантское правительство.

Это правительство, возглавляемое популярным генералом В. Сикорским, начало свою активную деятельность на территории союзной Франции уже осенью 1939 г. После переезда из Парижа в Анжер (т.е. – еще в первых числах октября), оно определило польские военные цели в следующих трех пунктах:

1. Польша должна обрести независимость.
2. Территория Польши не должна уменьшиться.
3. Для укрепления безопасности Польши необходимо устраниć проблему Восточной Пруссии.<sup>387</sup> (*sic!* – B. M.)

Невероятно, но, только что потеряв полностью государственную территорию Польши, высшее руководство этой страны поставило на повестку дня требование расширения ее послевоенных границ за счет земель Третьего Рейха, причем населенных преимущественно немцами, как выяснилось позднее, в пропорции семь к одному.

<sup>386</sup> Максимычев И. Ф. Как была развязана Вторая мировая война... С. 33–34.

<sup>387</sup> Партач Ч. Українська проблема у політиці польського еміграційного уряду і польського підпілля в 1939–1945 рр. // Україна–Польща: важкі питання. Т. 4. Матеріали IV міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Варшава, 8–10 жовтня 1998 р.). Варшава: Туrsa, 1999. С. 109.

Генерал Сикорский во время переговоров с правительствами Великобритании и Франции уже в ноябре 1939 г. выдвинул требование более широкого, чем до войны, выхода Польши к морю и некоторых, пока еще конкретно не определенных, «исправлений» ее западной границы.

Цели польской внешней политики уточнялись «Бюллетенем Министерства иностранных дел» 28 ноября 1939 г., а также инструкцией министра Августа Залесского от 19 февраля 1940 г. В многочисленных заявлениях и декларациях правительства В. Сикорского постоянно подчеркивалась и нерушимость восточной границы Польши, в соответствии с Рижским договором 1921 г.

Эмигрантское правительство Польши попыталось, прежде всего, поставить под сомнение демократичный характер плебисцита, проведенного в форме Народного Собрания:

«Советский аргумент, что плебисцит 1939 г. был достаточным основанием для передачи территории, несостоятельный, поскольку этот насильственный плебисцит находился в противоречии с Четвертой Гаагской конвенцией 1907 г., которую подписала и Россия. С точки зрения международного права, ни одно легальное право не может быть приобретено путем военных акций. Советские заявления, что проведение плебисцита “осуществлялось на широкой демократической основе”, противоречили официальным действиям Советского Союза. Когда избирателям предоставили только один список кандидатов, этим официально и публично было подтверждено, что плебисцит не базировался на сколь-нибудь демократических принципах».<sup>388</sup>

Показательными в оценках польского эмигрантского правительства советского аргумента «плебисцита» и его правового значения стали попытки, во-первых, поставить под сомнение преимущественно украинский этнический состав территорий, отошедших к Украинской ССР, и, во-вторых, отрицать какие-либо симпатии даже местного украинского населения к Советскому Союзу и, следова-

<sup>388</sup> Rozek E. Allied Wartime Diplomacy. A Pattern in Poland. New York: John Wiley and Sons, Inc., 1958. P. 188.

тельно доказать его отказ от самой идеи добровольного вхождения в это государство.

14 ноября 1939 г. В. Сикорский встретился с британским министром иностранных дел лордом Галифаксом. По ходу встречи польский премьер, в частности, утверждал, что Советский Союз, оккупируя восточные польские территории, захватил 5 млн поляков, несколько миллионов украинцев и других, отвергающих русскую антихристианскую философию. Согласно сообщениям, поступающим из оккупированных территорий, советская власть ведет себя с украинцами много хуже, чем с поляками.<sup>389</sup> Напрашивается вывод – не могли ни польское большинство, ни обиженные советской властью украинцы добровольно проголосовать за вхождение в состав СССР.

Отказавшись признать факт прекращения польской государственности в целом и инкорпорацию Западной Украины в состав УССР и Союза ССР в частности, эмигрантское правительство объявило о создании в Париже *Звойонзка вальки збройней* (ЗВЗ) – Союза вооруженной борьбы. Организация эта была призвана объединить разрозненные силы польского подполья, чтобы в нужный момент силой оружия изгнать немецкого и советского оккупанта и восстановить польское государство. Крупнейшими центрами польского подполья, указывает украинский политолог Тарас Гунчак, стали Вильно и Львов,<sup>390</sup> т.е. восточная территория довоенной Второй Речи Посполитой. На территории Западной Украины ЗВЗ был создан так называемый *общар № 3* (всего «общаров» было 6) с центром во Львове. В его состав вошли округи Львов (часть Львовского воеводства на восток от демаркационной линии советско-немецкого размежевания), Станислав, Тернополь и Волынь.

20 ноября 1939 г. «Таймс» опубликовала заявление В. Сикорского с изложением польской позиции по вопросу о границах: несмотря на военную оккупацию, Польша де-юре продолжает свое существование, а границы ее остаются неизменными.<sup>391</sup>

Официальный ответ британского правительства пришлось ожидать около двух недель. 6 декабря, уже после начала советско-финс-

<sup>389</sup> Корчак-Городицький О. Указ. соч. С. 120.

<sup>390</sup> Гунчак Т. Україна: Перша половина ХХ століття. Нариси політичної історії. Київ: Либідь, 1993. С. 232.

<sup>391</sup> Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939–1943... Р. 92.

кой так называемой Зимней войны премьер-министр Великобритании писал:

«Отношение правительства Его Величества к (советскому – В. М.) вторжению в Польшу (...) таково, что не может быть никакого расхождения во взглядах относительно неспровоцированного нападения с последующим захватом территории».<sup>392</sup>

После того как в декабре 1939 г. СССР был изгнан из Лиги Наций, польское эмигрантское правительство в своей официальной Декларации в Анжере провозгласило программу дальнейшей внешней политики. Упомянутый документ впредь не признавал решений Народных Собраний во Львове и Белостоке и даже непрямо намекал на то, что украинцы (как и белоруссы) якобы сохраняют верность Второй Речи Посполитой:

«Национальным меньшинствам, которые вместе с народом польским приняли участие в борьбе и остались верными государству польскому, Польша обеспечит справедливость, свободное национальное и культурное развитие под защитой закона».<sup>393</sup> Первочередным заданием было объявлено «освобождение польской территории от иностранной оккупации и установление границ, способных гарантировать безопасность не только для Польши, но и для всей Европы».<sup>394</sup>

В конце 1939 – начале 1941 гг. возможности влияния на западно-украинские земли у эмигрантского польского правительства были ограничены: украинские политические деятели отказывались от сотрудничества, а польское вооруженное подполье терпело тяжелые потери от советских органов госбезопасности. Не было и полной определенности в украинском вопросе, а те взгляды, которые время от времени высказывали деятели эмиграции, только вредили делу

<sup>392</sup> Ibid. P. 92–93.

<sup>393</sup> Monitor Polski, Paryz, 19. XII. 1939 г.

<sup>394</sup> Wandycz P. Czechoslovak-Polish Confederation and the Great Powers. 1940–1943. Indiana University Publication. Slavic and East European Series. Vol. 3, 1956. P. 34.

украинско-польского взаимопонимания. Советская практика депортаций лишила польские подпольные структуры кадровой базы и возможностей сохранения и расширения работы.

Серьезный удар был нанесен и тем непольским структурам, на которые могло бы опереться эмигрантское правительство. Речь идет прежде всего об украинских и еврейских политических партиях. Еще одной жертвой репрессий стала греко-католическая церковь. Современный британский политолог В. Маркусь указывает, что советский режим взял Западную Украину под свое управление «в новой исторической попытке собрать все русские земли» и «вследствие этого выступил против униатской церкви».<sup>395</sup>

Признавать реальное состояние дел польские политики и военные не спешили. В заявлении от 8 апреля 1940 г., сделанном военными из штаба Главнокомандующего, повторялись мотивы «цивилизационной миссии Польши на Востоке», в частности шла речь о помочи украинцам в создании ими на Надднепрянской Украине свободного и самостоятельного государства.<sup>396</sup> При этом особо подчеркивалось, что проблема создания украинского государства никоим образом не должна увязываться с вопросом, кому принадлежат польские «восточные крессы». Дело восточных территорий Речи Посполитой, по мнению авторов заявления, было исключительно внутренним польским делом и не подлежало даже обсуждению с украинцами.

Наступление немецкой армии на Францию, начатое 10 мая 1940 г., заставило польское эмигрантское правительство перебраться из Анжера в Лондон. Английская позиция в вопросе восточной границы Польши (она и до этого несколько отличалась от польско-французской общей линии) в это время подверглась трансформации.

Поражение Франции никоим образом не изменило отношения польского эмигрантского правительства к вопросу о восточных границах. 15 августа 1940 г. были опубликованы программные тезисы, в которых указывалось, что:

«Современные границы советской оккупации имеют обоснования не этнографические и мнимо освободитель-

<sup>395</sup> Marcus V. Religion and Nationalism in Ukraine // Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics / Ed. by Pedro Ramet. Durham and London: Duke University Press, 1989. P. 142.

<sup>396</sup> Ibid.

кие, а откровенно империалистические. Условием нормализации отношений между Польшей и Россией должно стать возвращение к польско-советской границе сентябрь 1939 г. Польша, со своей стороны, не будет прилагать усилий в будущем к любым попыткам раздела России. Если бы при дальнейшем развитии событий Россия оказалась в одном строю с Великой Британией как ее союзник в борьбе с немцами, может дойти и до необходимости ревизии нашего отношения – в понимании откладывания развязки с советскими оккупантами в будущем. Всегда, однако, основным условием сотрудничества Польши с Россией должно быть признание территориального статус-кво, существовавшего перед сентябрем 1939 г.»<sup>397</sup>

Это августовское (1940 г.) заявление привлекает внимание специалистов по истории международных отношений прежде всего тем, под каким ракурсом польская сторона рассматривала свои отношения с Союзом ССР и их возможное развитие.

«На первом этапе войны, до нападения Германии на СССР, – пишет львовский историк Л. Зашкильняк, – эмигрантское правительство сосредоточило весь дипломатический задор на подчеркивании нарушений Советским Союзом международного права (договоров) во время аннексии восточных земель Польши в 1939 г. В связи с этим правительство долгое время занимал вопрос об объявлении состояния войны с СССР. Однако под давлением Великобритании и Франции В. Сикорский не осмелился на юридическое объявление войны, ограничившись констатацией формального состояния войны. Чтобы подчеркнуть непризнание польской стороной любых территориальных изменений в 1939 г., в известном документе “Главные тезисы польской внешней политики”, принятом и распространенном в августе 1940 г., в частности говорилось, что “Польша пребывает в состоянии войны с СССР, несмотря на отношение

<sup>397</sup> Batowski H. Z dziejów dyplomacji polskiej na obyczynie: (wrzesień 1939 – lipiec 1941). Krakow-Wrocław: Wydawnictwo Literackie, 1984. S. 282.

*к этому союзников". Тот же документ делал ударение на необходимости признания Великобританией ведущей роли Польши в Центральной и Восточной Европе».<sup>398</sup>*

Как видим, после поражения Франции генерал В. Сикорский, по-хоже, не без давления британского правительства, пришел к выводу, что в будущем Советский Союз может стать союзником Англии в антигитлеровской борьбе.

Глава эмигрантского правительства даже издал специальную инструкцию для польских подпольных структур на оккупированных территориях, в которой указывалось, что

*«Нужно подвергнуть ревизии наши лозунги об уничтожении России, что не должно повредить близкому сотрудничеству с украинцами, которые дружественно относятся к Польше. Решение украинской проблемы правительство оставляет за собой. Вы можете принимать от них заявления, но не (надо) предоставлять никакой политической и военной информации. Их заявления передавайте нам».<sup>399</sup>*

Эту инструкцию комендант ЗВЗ генерал С. Ровецкий передал на инкорпорированные Советским Союзом территории 29 сентября 1940 г.

Возвращаясь к программным тезисам польского эмигрантского правительства от 15 августа 1940 г., обратим внимание на пожелание поддержания нормальных отношений с независимыми Литвой, Латвией и Эстонией, без признания факта их инкорпорации в состав СССР. Оговорены были и польские «права» на Вильно.

К более позднему времени (но не позднее декабря 1940 г.) относятся и первые признаки возможного отступления польской стороны от линии границ, установленных Рижским договором. Польские правительственные эксперты, доктор Людвик Гродзинский и доктор Богуслав Лонгкамп де Берьер, подготовили проект разрешения ук-

<sup>398</sup> Зашкільняк Л. О. Українська проблема в політиці польського еміграційного уряду і польського підпілля в 1939–1945 роках // Україна-Польща: важкі питання. Т. 4: Матеріали IV міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Варшава, 8–10 жовтня 1998 р.). Варшава: TYRSA, 1999. С. 127.

<sup>399</sup> Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. 2-gie wydanie. Tom 1: Wrzesień 1939 – czerwiec 1941. London: Studium Polski Podziemnej, 1970. S. 267.

раинского вопроса. Гродзинский предлагал спасать то, что удастся, путем обмена населением между Польшей и Украиной с учетом реальной ситуации в отношениях украино- и польскоязычного населения. Это размежевование он предлагал провести по р. Бугу, Гнилой или Золотой Липе, Днестру и Ломнице. Таким образом, за Польшей оставался бы Львов и значительная часть нефтяных месторождений. Гродзинский также был сторонником кантонального решения вопроса, т.е. предоставления украинцам полной автономии или возможности перемещения в пределах Польского государства.<sup>400</sup> И хотя в «Тезисах зарубежной политики» (декабрь 1940 г.), предназначенных для генерала Ровецкого и руководимых им структур, польское эмигрантское правительство опять подтвердило в вопросе границ позицию *status quo ante bellum*, недооценивать факт работы экспертов было бы ошибочно.

После 21 июня 1940 г. (капитуляция Франции) стало понятно, что победа над Гитлером в ближайшей исторической перспективе невозможна без привлечения Союза ССР. Создалась по крайней мере гипотетическая возможность польско-советской договоренности.

Не подлежит сомнению, что односторонний акт Верховного Совета СССР, определивший вхождение Западной Украины в состав СССР, не исчерпывал вопроса о международно-правовом статусе этих территорий. Ничего, с точки зрения права, не менял и тот факт, что Красная Армия была готова дать отпор любому государству, которое попыталось бы восстановить или распространить свой суверенитет на эти земли.

*«Право одного государства, – подчеркивал известный советский знаток международного права Д. Бараташвили, – не зависит от силы, которой оно обладает, а вытекает из факта существования государства как субъекта международного права».*<sup>401</sup>

«Бессильная» Польша продолжала существовать де-юре. Без международно-правового признания осуществленных осенью 1939 г.

<sup>400</sup> Torzecki R. Kontakty polsko-ukrainskie na tle problemu ukraińskiego w polityce polskiego rządu emigracyjnego i podzemia (1939–1944) // Dzieje Najnowsze, 1981. S. 326.

<sup>401</sup> Бараташвили Д. И. Принцип суверенного равенства государств в международном праве. М.: Наука, 1978. С. 11.

территориальных изменений титул Советского Союза на западно-украинские (и другие) земли как бы не существовал. Только аргумент самоопределения давал единственную правовую возможность его легализировать.

Но этот аргумент еще требовал международного признания, причем выраженного в конкретных действиях третьих государств.

*«Предположим, что объективно результат передачи территории находится в соответствии с принципом самоопределения, – пишет британский авторитет в области международного права Я. Броунли. – Справедливается, пересиливает ли это обстоятельство противоправность захвата.<sup>402</sup> Возможно, что по крайней мере в этом случае признание титула приобретателя третьими государствами является оправданным и консолидирует его права».*<sup>403</sup>

Как указывает У. Гулд:

*«Не только в тех случаях, когда цессия базируется на результатах плебисцита, но также в других специфических обстоятельствах действительный трансферт территории не может состояться, пока не будет осуществлено более важное действие. Такое действие может приобретать формы определения (новых – В. М.) границ международной комиссии или третьей стороной. Пока этого не произойдет, не может быть передачи суверенитета без нарушения правил цессии».*<sup>404</sup>

В качестве такой «третьей стороны» уже в 1939 г., по крайней мере теоретически, могла выступить Лига Наций.

Но осенью 1939 г. семь воюющих государств (Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Индия и Канада) поставили в известность Генерального Секретаря Лиги Наций, что обязательная юрисдикция Постоянной палаты международного правосудия, признанная ими в соответствии с фа-

<sup>402</sup> Именно так или почти так оценивали ситуацию осени 1939 г. на Западе.

<sup>403</sup> Броуни Я. Международное право. Кн. первая... С. 264.

<sup>404</sup> Gould W. Cit. op. P. 357.

культуративной клаузулой (параграф 2 ст. 36) Статута Палаты, не будет включать споры, могущие возникнуть в ходе военных событий. Так, в ноте Великобритании в адрес Генерального Секретаря Лиги Наций 7 ноября 1939 г. утверждалось:

«Современное состояние вещей показывает: Статут Лиги Наций в данном случае полностью нарушен, весь механизм поддержания мира развалился и условий, при которых Его Величество принял факультативную клаузулу, большие не существует». <sup>405</sup>

Такое решение означало, по сути, клиническую смерть Лиги Наций. Рассмотрение международных споров перестало быть прерогативой Постоянной палаты международного правосудия, как это, по крайней мере формально, было в период между войнами. Двух и многосторонние отношения заинтересованных государств полностью вытеснили орган международного арбитража, созданного Лигой Наций.

Для советской внешней политики это создавало не только новые широкие возможности, но и определенные трудности.

Добиваться международно-правового признания своей новой западной границы Союзу ССР теперь следовало, как говорится, «в розницу» – не от Лиги Наций, а от различных субъектов международного права индивидуально.

Уже осенью 1939 г. дипломатические отношения с Польшей, кроме Германии и СССР, разорвали также Латвия, Эстония, Монголия, Словакия. Литва и Словакия воспользовались польским «наследством», получив крохи со стола двух участников пакта Риббентропа-Молотова – соответственно 8,3 тыс. кв км. с населением 537 тыс. чел. и 0,7 тыс. кв км.. с населением 30 тыс. человек. Не спешили с разрывом отношений с Польшей даже такие союзники Гитлера, как Япония, Испания или Италия (последняя отказалась от дипломатических отношений с Польшей только в июне 1940 г., после своего официального вступления в Вторую мировую войну на стороне Германии).<sup>406</sup>

<sup>405</sup> Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике... С. 353.

<sup>406</sup> Cytowska E. Polska i Wlochy 1939–1940 // Wiez (Warszawa). 1978. № 9 (245).

Советским Союзом были заключены пакты о взаимопомощи: с Эстонией – 28 сентября 1939 г., с Латвией – 5 октября, с Литвой – 10 октября того же года. Поскольку заключение указанных соглашений произошло еще до инкорпорации Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР и соответственных национальных республик, эти пакты нельзя расценивать как признание де-юре новой западной границы Советского Союза независимыми странами Прибалтики. Что же касается пакта с Литвой, то он отличался от пактов с Эстонией и Латвией статьей I-й, которая гласила, что Советский Союз «с целью укрепления дружбы с Литвой передает последней город Вильнюс и Вильнюсскую область».<sup>407</sup>

Вместе с тем, пакты с Прибалтийскими республиками взаимно гарантировали нерушимость советских, литовских, латвийских и эстонских границ. Поскольку указанные пакты о взаимопомощи не были денонсированы странами Прибалтики после вхождения западно-украинских и западно-белорусских земель в состав СССР, можно говорить, по крайней мере, о признании де-факто новых политических реалий этими странами.

Реакция Англии и Франции на советскую мотивацию причин Освободительного похода значительной мерой определялась удачно выбранным моментом ее осуществления. Если бы акция Москвы совпала с началом гитлеровской агрессии или стартовала в тот момент, когда исход вооруженного столкновения на Востоке Европы еще не определился со всей очевидностью, западные союзники Варшавы скорее всего были бы просто вынуждены объявить войну СССР. Но в конце второй декады сентября 1939 г. польское государство уже утратило всякую возможность для продолжения военного сопротивления, кроме партизанских форм борьбы.

Вместе с тем, действия Советского Союза вызвали англо-французскую ноту протesta от 19 сентября 1939 г. В ней недавние партнеры по переговорам в Москве требовали прекратить военное продвижение и вывести части и подразделения Красной Армии с территории Польши. В противном случае, говорилось в документе, объявление войны Советскому Союзу в соответствии с польско-французским союзническим договором может произойти автома-

<sup>407</sup> Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том IV (1935 – июнь 1941 гг.)... С. 457.

тически.<sup>408</sup> Кремль не только проигнорировал это требование, но и отказался от самой попытки дискуссии со своими оппонентами. Такая выжидательная позиция оказалась эффективной.

Ни Париж, ни Лондон не отзывали своих послов из Москвы и не заявили нового официального протеста; выжидательную позицию заняли и в Вашингтоне. США в этот период придерживались политики невмешательства в европейские дела.

Правда, первоначально американским правительством рассматривался вопрос об отзыве американского посла в СССР. 2 октября госсекретарь К. Хелл в заявлении, адресованном польскому послу, указал, что Соединенные Штаты и в дальнейшем будут признавать правительство Рачкевича.<sup>409</sup> В упомянутом заявлении в частности утверждалось, что:

«Сама оккупация территории не влечет за собой правовой смены власти. Соединенные Штаты и впредь будут считать, что правительство Польши продолжает действовать в соответствии с Польской Конституцией».<sup>410</sup>

Вместе с тем, Вашингтон воздержался даже от формального протеста в адрес Москвы. В свою очередь, отсутствие формального протеста, по мнению специалистов по международному праву, свидетельствует о молчаливом согласии со сложившейся ситуацией.<sup>411</sup>

19 сентября 1939 г. британский посол в Москве Сидс телеграфировал в Лондон, что категорически возражает против объявления войны Советскому Союзу, поскольку «война между нами и Советским Союзом была бы только на руку Германии (...) и мы должны быть крайне осторожны в протестах».<sup>412</sup> Британский военный атташе в Москве полковник Файрбрейс, оценивая советско-немецкую демаркационную линию, докладывал 25 сентября 1939 г. в Лондон:

<sup>408</sup> Семиряга М. И. Сговор двух диктаторов // История и сталинизм / Сост. А. Н. Мерцалов. М.: Политиздат, 1991. С. 222.

<sup>409</sup> Шлепаков А. М. В роки наростання воєнної небезпеки (1929–1940). Київ: Держполітвидав України, 1963. С. 45.

<sup>410</sup> Batowski H. Cit. op. S. 52.

<sup>411</sup> Каламкарян Р. А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. М.: Наука, 1984. С. 107.

<sup>412</sup> Безыменский Л. Альтернативы 1939 года. Вокруг советско-германского пакта 1939 г. // Архивы раскрывают тайны...: Международные вопросы: События и люди. М.: Политиздат, 1991. С. 107.

«Заняв эту линию, Советская Армия приобретает ряд значительных преимуществ». <sup>413</sup>

Еще определенное высказался известный британский политик, последний премьер от либеральной партии в годы Первой мировой войны, Д. Ллойд-Джордж. В своем письме польскому послу в Лондоне от 27 сентября 1939 г. он писал, что:

*«Русские армии заняли территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после Первой мировой войны. Жители польской Украины принадлежат к той же расе и пользуются тем же языком, что и их соседи, проживающие на территории Советской Украинской Республики. Я считаю делом первостепенного значения немедленно обратить внимание на эти важные соображения. Я сделал это из опасения, как бы мы неосторожно не начали войны против России, поддавшись впечатлению, что ее вмешательство имеет тот же характер, что и германское. (...) Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением немцев». <sup>414</sup>*

Французский посол в Москве Ноэль, отвечая на вопрос, можно ли было избежать советского вторжения в Восточную Польшу, ответил: «Это было невозможно. Советский Союз должен был ввести свою армию, пока еще не поздно». <sup>415</sup>

1 октября 1939 г. в своем радиовыступлении У. Черчилль заявил: «То, что русская армия должна была перебывать на этой линии, было полностью необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть». <sup>416</sup>

А в первых числах октября 1939 г., по воспоминаниям советского посла в Англии И. Майского, его положение в Лондоне напоминало

<sup>413</sup> Безыменский Л. Указ. соч. С. 97.

<sup>414</sup> История дипломатии. Издание второе. Том IV. Дипломатия в годы Второй мировой войны... С. 21.

<sup>415</sup> Там же.

<sup>416</sup> Churchill W. S. The Second World War. The Gathering Storm. Boston: Houghton Mifflin Co, 1948. P. 499.

статус богатой невесты, «которую все обхаживают».<sup>417</sup> 11 октября торгпредством СССР в Англии было заключено соглашение с министерством снабжения этой страны.<sup>418</sup> С врагом не торгают. Тем самым возвращение к нормальным отношениям с Великобританией заняло несколько недель.

12 октября 1939 г. польский министр иностранных дел Август Залесский вел переговоры с представителями британского правительства. По свидетельству посла Э. Рачинского, британские чиновники прямо дали понять польской стороне, что в любом случае она не может рассчитывать, что Англия объявит войну СССР с целью отвоевания областей, занятых Советами. А. Залесскому напомнили, что в 1919 г. граница, предложенная Англией и известная позднее как «линия Керзона», отделила эти области от Польши как земли преимущественно непольские. Учитывая то, что советские войска оккупировали также 12 тыс. км кв. на запад от «линии Керзона» (что в свою очередь может быть объяснено военной необходимостью противостояния Гитлеру), можно надеяться на возвращение Польше этих, так сказать избыточных, земель «при оказии будущей мирной конференции».<sup>419</sup> Как утверждает польский исследователь П. Эберхардт, «британские политики (уже осенью 1939 г. – В. М.) не считали границы Рижского договора неприкосновенными, равно как не исключали в будущем возможности изменения этих границ».<sup>420</sup>

Нежелание Лондона и Парижа подталкивать Сталина к более тесному политическому и военному союзу с Гитлером было настолько явным, что позволяло надеяться на лояльное отношение западных союзников Польши и к дальнейшим действиям советских властей на занятых территориях Западной Украины и Западной Белоруссии. И действительно, антигитлеровская коалиция (за исключением польского правительства в эмиграции) в целом спокойно отреагировала на решение Народных Собраний во Львове и Белостоке и их правовое закрепление сессиями Верховных Советов СССР и союзных республик.

<sup>417</sup> Майский И. М. Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М.: Наука, 1965. С. 35.

<sup>418</sup> Волков Ф. Д. СССР – Англия. 1929–1945 гг. Англо-советские отношения накануне и в период Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1964. С. 300.

<sup>419</sup> Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zbior dokumentów. Warszawa: Polski instytut Spraw Miedzynarodowych, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. S. 111–112.

<sup>420</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 61.

Незримая грань была перейдена только с началом Зимней войны. Министр иностранных дел Великобритании Галифакс 5 декабря 1939 г. внес предложение о заключении перемирия с Германией в связи с началом советско-финской войны. Глава внешнеполитической комиссии сената Питтмэн предложил Англии, Франции и гитлеровской Германии заключить 30-дневное перемирие, чтобы «хладнокровно обсудить ситуацию».<sup>421</sup>

Послы Великобритании и Франции в декабре 1939 г. были отзваны из Москвы.

В международной практике отзыв послов считается наиболее резкой формой дипломатического давления, которая, как правило, предшествует непосредственному объявлению войны. После того как СССР 14 декабря 1939 г. был исключен из Лиги Наций и объявлен агрессором, угроза вступления Англии и Франции в войну против Советского Союза на стороне Финляндии значительно возросла.

5 февраля 1940 г. Высший Военный Совет союзников постановил выслать 50-тысячный экспедиционный франко-англо-польский корпус в помошь финнам.<sup>422</sup> Столкновение регулярных союзных войск с Красной Армией неизбежно повлекло бы объявление состояния войны между СССР и государствами антигитлеровской коалиции, включая Польшу.

Из всех, втянутых в конфликт, сторон от такого развития событий в наибольшей мере выигрывало польское правительство в изгнании (поскольку это реально гарантировало довоенную восточную границу Польши в случае победы коалиции), в то время как выигрыш Великобритании и Франции виделся сомнительным – в случае эвентуального вооруженного столкновения Союз ССР, даже вопреки собственной воле, крепко привязывался бы к гитлеровскому блоку.

Тем не менее посол эмигрантского правительства в Лондоне Э. Рачинский в своем рапорте, предназначенному членам правительства В. Сикорского, 24 февраля 1940 г. жаловался, что британским правительственным кругам присуща тенденция к усечению границ будущего польского государства в восточном направлении.<sup>423</sup>

<sup>421</sup> Иванов Л. Н. Мюнхенская политика западных держав и роль СССР как действительного фактора мира... С. 13, 14.

<sup>422</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 62.

<sup>423</sup> Ibid. S. 61.

12 марта 1940 г. английский кабинет принял решение о непосредственном начале десантных операций британских войск в Нарвике и Тронхейме с целью оказания военной помощи Финляндии. Командующие силами вторжения получили все необходимые инструкции, войска отправились на посадку. Отплыть им не удалось, поскольку ночью 12 марта в Лондоне было получено сообщение о заключении мира между СССР и Финляндией.<sup>424</sup>

Несмотря на то, что ценой колоссальных жертв Красной Армии, сопротивление финнов было сломлено, советская сторона отказалась от планов насаждения в этой стране марионеточного Рабоче-Крестьянского правительства О. Куусинена и предложила финской стороне нелегкие, но в целом приемлемые условия мира. Вне всякого сомнения, в Москве полностью просчитали опасность военного конфликта с Англией и Францией. Британский историк М. Якобсон пишет о вступлении западных союзников в войну против СССР весной 1940 г. как об окончательно решенном деле:

*«Когда решение финнов стало известно в Лондоне и в Париже, оно вызвало в обеих столицах тревогу и оцепенение; мир между Финляндией и Советским Союзом отобразил бы у союзных правительств предлог для открытия нового фронта в Скандинавии. Премьер-министр Даладье просто впал в панику. Он связывал свою политическую карьеру с судьбой Финляндии, его политическая поддержка росла с каждым советским успехом на Карельском перешейке».*<sup>425</sup>

В случае если бы Англия и Франция в марте 1940 г. объявили войну СССР, Москве пришлось бы забыть о международно-правовом закреплении территориальных приобретений осени 1939 г., или – вместе с Гитлером – заканчивать войну в Париже, Лондоне и Вашингтоне.

Но и после заключения советско-финского мира отношения с Францией и Англией оставляли желать лучшего, а перспектива международно-правового признания новых советских границ выглядела сложнее, чем до Зимней войны.

<sup>424</sup> Волков Ф. Д. Указ. соч. С. 313.

<sup>425</sup> Jacobson M. The Diplomacy of Winter War. An Account of the Russo-Finnish War, 1939-1940. Cambridge: Harvard University Press, 1961. P. 240.

В советской историографии было принято считать, что политика правительства нового французского премьера Поля Рейно, пришедшего на смену Даладье, была настолько антисоветской, что военные приготовления к войне против СССР не прерывались даже после 10 мая 1940 г, когда началось немецкое наступление на Францию.<sup>426</sup>

Напротив, в зарубежной литературе можно встретить и прямо противоположное мнение. Так, польский историк международного права и международных отношений В. Ковальский утверждал, что после вступления в войну с Гитлером как Лондон, так и Париж были полностью убеждены в необходимости избегать любых активных действий в деле изменения западной границы СССР. В дипломатических кругах Запада уже в то время постепенно начало формироваться мнение о необходимости опоры будущих польских границ на этнографические критерии. Со временем все настойчивее утверждалось, что в случае возможного привлечения Советского Союза к антинемецкой акции, «нельзя будет не считаться с позицией Советского Правительства в деле восточной (польской, для СССР – западной. – В. М.) границы».<sup>427</sup>

Ч. Партач, ссылаясь на документы из архивов эмигрантского польского правительства, утверждает, что:

*«Весной 1940 г. Франция делом своей чести и долга считала восстановление Польши, но на востоке только до «линии Керзона». Франция не желала в деле польских границ вести войну с Советским Союзом. В кругах, приближенных к премьеру Поля Рейно, считали, что свои восточные границы Польша должна получить в борьбе сама».*<sup>428</sup>

Кто же, спрашивается, прав в этой заочной дискуссии научных школ? Думается, мнение польских авторов заслуживает определенного внимания – как с учетом того, что оно подкреплено документально, так и из тех соображений, что советская историография всегда отличалась предубежденностью своих мнимо бескомпромиссных классовых подходов к буржуазным правительствам иностранных

<sup>426</sup> Молчанов Н. Н. СССР – Франция: полувековой путь. М.: Международные отношения, 1974. С. 36.

<sup>427</sup> Kowalski W. T. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945)... S. 170.

<sup>428</sup> Ibid. S. 40.

ных государств. Как бы то ни было, Гитлер решил для Сталина его западную дилемму одним мощным ударом по англо-французской коалиции 10 мая – 21 июня 1940 г.

После отставки правительства П. Рейно в июне 1940 г. главой правительства Франции стал маршал Пэтен, который сразу же обратился к Гитлеру с просьбой о перемирии. Франко-немецкое соглашение было заключено 22 июня 1940 г. в Компьене. В результате соглашения две трети территории Франции оккупировала Германия, а неоккупированная зона считалась территорией, состоящей под управлением «правительства Виши» (курортный городок на юге Франции). В июле 1940 г. группа депутатов и сенаторов приняла на себя функции парламента, наделив Пэтена всей полнотой законодательной и исполнительной власти. Наименование *Французская республика* было заменено на *Французское государство*.

Москва установила и сохраняла официальные отношения с Виши до нападения Германии на Советский Союз – точнее, до 29 июня 1941 г. Временным поверенным в делах СССР во Франции был назначен Н. Н. Иванов. До осени 1942 г. официально поддерживали отношения с *Французским государством* и Соединенные Штаты Америки; эти отношения были прерваны только после высадки англо-американских союзников в Северной Африке в ноябре 1942 г.

Как известно, в сентябре 1939 – июне 1940 гг. именно правительство Франции было наиболее последовательным защитником нерушимости довоенных границ Второй Речи Посполитой. Прогерманское правительство маршала Пэтена, вынуждено согласившееся на оккупацию большей части французской территории гитлеровскими войсками и другие невыгодные условия мира, понятно, не могло иметь возражений и против восточных границ Третьего Рейха, установленных советско-немецким Договором о дружбе и границе 29 сентября 1939 г.

Установление дипломатических отношений между Москвой и Виши может считаться признанием де-факто французской стороны границ партнера, сложившихся на момент взаимного признания. Нет особых оснований замалчивать этот факт или стыдиться его. Ведь правительство Виши, вопреки всей трагичности ситуации для французского народа и государства, было на то время, с точки зрения международного права, абсолютно легитимным правительством Франции. В ноябре 1940 г. в Виши в роли советника полпредства и поверенного в делах был направлен А. Богомолов. Представителем

правительства Виши в СССР стал посол Бержери. 29 апреля 1941 г. в разговоре с А. Вышинским Бержери в частности заявил, что: «Французское правительство не предполагает возрождать союз против Германии, но должен существовать некоторый противовес». Он подчеркнул, что Французское правительство «рассчитывает на мир, заключенный путем переговоров (еще) до победы или поражения одной из группировок, который был бы выгоден и для Советского Союза».

Тем самым возникла возможность правового подтверждения новых советских границ со стороны французского легитимного правительства (Виши). Однако Москва, похоже, понимала, что большая игра только начинается. А. Вышинский уклончиво заявил послу, что «Советский Союз привык рассчитывать на свои силы и сумеет постоять за себя».<sup>429</sup> Время показало правильность такого подхода.

Попутно заметим, что, сохраняя официальные отношения с Виши, Советское правительство одновременно проявляло интерес и к Движению свободных французов, возглавляемому генералом де Голлем. Об этом в частности свидетельствуют телеграммы посла в Великобритании И. Майского от 18 июня, 21 июня, 27 июня, 3 сентября, 4 декабря 1940 г., в которых идет речь о его контактах с французскими антифашистами.

Военное поражение английской экспедиционной армии в мае 1940 г. и оккупация немецкими войсками большей части территории Франции не только создали новую расстановку сил в Западной Европе, но и отразились на балансе авторитетов и влияний Великих Держав в вопросах международных отношений.

Москва, на первый взгляд, сделала несколько поспешные выводы. В сообщении ТАСС от 22 мая 1940 г. подчеркивалось, что мероприятия, осуществленные английским правительством по сокращению и ограничению торговли с СССР (аннулирование советских заказов на оборудование), задержка советских торговых кораблей с грузами для СССР, враждебная позиция, занятая английским правительством относительно СССР во время Зимней войны, а также та роль, которую сыграло английское правительство в принятии решения об исключении Советского Союза из Лиги Наций, не могут способствовать удовлетворительному развитию советско-английских отношений.

<sup>429</sup> Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1983. С. 377–378.

То, что все «Заявления ТАСС» исходили непосредственно из Кремля, не было тайной. Тем несвоевременное выглядели советские «у��ры» в адрес Великобритании, которая в спешке искала новые точки опоры в собственной внешней политике. По нашему мнению, демарш 22 мая 1940 г. не столько ставил своей целью злорадство по поводу неудач Лондона (в большой политике такое проявление эмоций просто недопустимо), сколько очерчивал круг вопросов, которые подлежали первоочередному решению на пути нормализации советско-английских отношений в новых военно-политических условиях.

Вне сомнения, эта программа-минимум в случае заинтересованной реакции со стороны британских властей была бы существенно расширена (вспомним сценарий, по которому годом раньше осуществлялось улучшение советско-германских отношений, – через торговое соглашение в июне 1939 г. к Пакту 23 августа и далее.). Следующим требованием Москвы могло стать (как увидим, и действительно стало) признание де-юре новых западных границ СССР со стороны официального Лондона.

После поражения Франции в Москву прибыл новый английский посол (на смену предыдущему, отозванному в декабре в связи с нападением СССР на Финляндию) – Стэнфорд Криппс, имевший репутацию левого лейбориста, сочувствующего СССР. В новой для Англии политической ситуации континентальной блокады острова со стороны Германии задачей посла стало недопущение дальнейшего сближения Москвы с Берлином. Подобно тому, как Риббентроп в августе 1939 г. получил инструкции Гитлера пойти навстречу Сталину так далеко, насколько это возможно, Криппс летом 1940 г. оказался в аналогичной ситуации.

14 июня в первой же беседе с новоназначенным послом В. Молотов показал, что весьма «заинтересован предложением Криппса об образовании Балканского блока, и сказал, что советская политика на Балканах хорошо известна. Он добавил, что СССР имеет особые интересы в Румынии».<sup>430</sup>

В Лондоне хорошо поняли, чего хотят в Москве. В ночь с 24 на 25 июня Криппсу был выслан текст послания премьер-министра.

<sup>430</sup> Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I. London: Her Majesty's Stationery Office, 1970. P. 463.

«Криппс, – указывает официальный британский историограф Второй мировой войны Л. Вудвард, – был проинс-трукирован уклоняться от дискуссий о Бессарабии. Если необходимо, он мог сказать, что наше отношение в значительной мере будет зависеть от турецкой позиции (?! – В.М.). Если будут упомянуты балтийские государства, сэр Криппс должен будет высказать убеждение, что недавние действия Советского правительства были вызваны “величиной и размахом” немецкой военной опасности, сегодня угрожающей России, и что действия Советского правительства можно считать мероприятиями по самозащите». <sup>431</sup>

Не будем забывать, что еще 13 апреля 1939 г. Румыния получила англо-французские гарантии, аналогичные тем, что двумя неделями ранее получила Польша. До июля 1940 г. Румыния формально от них не отказывалась. Примем во внимание и то обстоятельство, что, уже имея «в кармане» заверения Гитлера о незаинтересованности Германии Бессарабией (п. 3 секретного протокола), советская сторона начала консультации по этому деликатному вопросу с Италией только 21 июня,<sup>432</sup> а с Германией – не ранее 23 – 26-го числа того же месяца. При этом немцы без энтузиазма восприняли напоминание о Бессарабии и ожесточенно противились добавочному включению к перечню советских требований Северной Буковины.<sup>433</sup> С Великобританией, «гарантом» румынских границ, торг за Бессарабию начался скорее, чем с Германией, и проходил куда легче.

После разгромов своих континентальных союзников Черчилль был уступчивее Гитлера. Характерно, что уже через три дня после капитуляции Франции он прислал первое личное послание Сталину, в котором подчеркивал необходимость установления контактов между СССР и Великобританией ввиду того, что тогдашние претензии Германии на гегемонию в Европе составляют общую угрозу для двух стран.<sup>434</sup> Это открывало перед Москвой новые возможности, в том числе и в вопросах легитимации территориальных приобретений.

<sup>431</sup> Ibid. P. 466.

<sup>432</sup> Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Series D /1937–1945/. Vol. IX. The War Years. March 18 – June 22, 1940. Washington: United States Government Printing Office, 1956. P. 661–662.

<sup>433</sup> Ibid. P. 3–4, 12–13, 26.

<sup>434</sup> Churchill W. S. The Second World War. Their Finest Hour. Boston: Houghton Mifflin Co, 1949. P. 119–120.

Косвенным подтверждением этой мысли может стать своеобразная «потеря бдительности» советской внешнеполитической машиной. Известно, что *принятие* Северной Буковины в СССР прошло без созыва каких-либо «народных собраний», хотя и существовала некая «полномочная делегация буковинцев», от имени которой на VII сессии Верховного Совета СССР выступил рабочий Н. С. Михальчук с просьбой «включить территорию Северной Буковины в состав УССР».<sup>435</sup> А, собственно, зачем? У Сталина в кармане лежало согласие и Гитлера, и Черчилля.

Правда, после того, как 21 июля 1940 г. Народные сеймы Литвы и Латвии и Народная Дума Эстонии провозгласили эти страны советскими республиками и решили обратиться к Верховному Совету СССР с просьбой о вступлении в состав Союза ССР, англо-советские отношения опять на определенное время охладились. Однако после личной встречи советского посла Майского с министром иностранных дел Галифаксом последний якобы пришел к пониманию советского шага и, как похвалялся в своих мемуарах И. Майский, «больше никогда не называл нас агрессорами».<sup>436</sup>

Объяснение этому факту следует, наверное, искать в том, что с 1 августа началась воздушная *Битва за Англию*. За три месяца (август – октябрь) потери англичан составили 800 боевых самолетов, от немецких бомб погибло 14 281 мирных жителей, еще 20 325 получили ранения.<sup>437</sup>

В разгар воздушных боев, 22 октября 1940 г., английское правительство направило Кремлю Меморандум о мерах по улучшению взаимоотношений между двумя странами и о заключении договора о ненападении между Англией и СССР, подобного советско-германскому договору 1939 г. В послании, которое С. Криппс вручил советской стороне, в частности предлагались (читай – обещались) следующие пункты:

б) консультироваться с Советским Союзом по вопросам послевоенного устройства и обеспечить СССР участие в будущей мирной конференции; (...)

<sup>435</sup> Курило В. М. Історична зумовленість воз'єднання Північної Буковини з Українською РСР // Український історичний журнал. 1983. № 9. С. 65.

<sup>436</sup> Майский И. М. Воспоминания советского посла... С. 129.

<sup>437</sup> История международных отношений и внешней политики СССР: В 3-х т. Т. 2. С. 59.

д) британское правительство признает де-факто суверенитет СССР в Прибалтике, Бессарабии, Западной Украине и Западной Белоруссии.

По мнению польских историков международного права:

*«Это был первый признак согласия Великой Британии на овладение Советским Союзом Литвой, Латвией, Эстонией, Бессарабией и половиной территории Польши».*<sup>438</sup>

После получения английского послания советский посол в Лондоне И. Майский получил из Москвы инструкции в разговоре с Патлером высказать «удивление и раздражение».<sup>439</sup> По мнению Кремля, в английских предложениях не хватало главного – признания де-юре новой линии советской границы.

С учетом того что в *Битве за Англию* гибли не только британские, но и польские военные летчики, надеяться, что британская сторона *первой* предложит де-юре признать за СССР право на треть довоенной польской территории, было бы неразумным. Но как вступление к торгу – полностью годилось.

Лондон своим предложением поставил себя в положение инициатора переговоров как более заинтересованная сторона. Москве надлежало выдержать паузу, особенно накануне визита В. Молотова в Берлин, намеченного на ноябрь 1940 г.

У президента Соединенных Штатов Америки Ф. Рузвельта успехи Гитлера в Европе летом 1940 г. разбудили интерес к нормализации отношений с Москвой. Уже 27 июля 1940 г. заместитель госсекретаря С. Уоллес обратился к советскому послу с предложением:

*«Не пора ли устранить источники трений, которых и без того хватает в этом мире, и ликвидировать напряженность, сложившуюся в отношениях между нашими странами?»*<sup>440</sup>

<sup>438</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 63.

<sup>439</sup> Майский И. М. Воспоминания советского посла... С. 130–131.

<sup>440</sup> Кобляков И. К. Внешняя политика СССР в начальный период Второй мировой войны (сентябрь 1939 – июнь 1941) // СССР в борьбе за мир против фашистской агрессии. 1939–1945. М.: Наука, 1975. С. 151.

6 августа 1940 г. правительство СССР согласилось продолжить на год действие временного торгового соглашения 1937 г. Экономические переговоры между двумя странами, начатые в августе 1940 г., завершились только в начале апреля 1941 г. О важности этих переговоров свидетельствует уже тот факт, что с советской стороны их вели полпред К. Уманский и советник полпредства А. Громыко, с американской – лично госсекретарь К. Хелл. 22 января 1941 г. США отменили «моральное эмбарго» на торговлю с СССР.

Советский Союз, по личному настоянию Ф. Рузвельта, был также включен в число потенциальных получателей американской военной помощи по закону о ленд-лизе, одобренном конгрессом 11 марта 1941 г.<sup>441</sup>

Однако дружественная политика США, направленная на сдерживание СССР от дальнейшего сближения с Германией, вовсе не означала окончательного согласия Вашингтона на его примирение с агрессивной внешней политикой Москвы. Так, за неделю до снятия «морального эмбарго», 15 января 1941 г., госдепартамент повторил свое предыдущее заявление о Прибалтийских республиках, отказавшись признать их вхождение в состав СССР. С другой стороны, в указанном заявлении ни единым словом не упоминались западно-украинские и западно-белорусские земли, что также выглядит симптоматичным.

Американский профессор (и одновременно секретарь эмигрантского Научного общества им. Шевченко) М. Фреишн-Чировский утверждал, что «еще в 1941 г. был заключен договор с Америкой об отдельном консульстве США в Киеве».<sup>442</sup> Можно предположить, что по крайней мере одной из задач нового консульства должна была стать защита американских граждан и их имущественных интересов на территориях, которые после сентября 1939 г. отошли к СССР. В случае начала работы консульства в этом направлении, можно было бы говорить о признании изменения международно-правового статуса Западной Украины со стороны США де-факто.

За несколько дней до нападения Германии на СССР, 15 июня 1941 г., в своем послании президенту США Ф. Рузвельту У. Черчильль писал:

<sup>441</sup> Севостьянов П. П. Перед великим испытанием... С. 168–183.

<sup>442</sup> Фреишн-Чировский М. Указ. соч. С. 228.

*«Если развернется эта новая война, мы, конечно, предоставим русским повсеместное поощрение и помоиць, исходя из того, что враг, которого нам необходимо разбить, – это Гитлер».*<sup>443</sup>

Уже летом 1941 г. для Ф. Рузвельта и У. Черчилля стало понятным, что поражение Гитлера не может произойти без участия Советского Союза. Однако вопрос о послевоенных границах СССР следовало, по их мнению, решать только после окончания мировой войны.

До этого времени лидеры антигитлеровской коалиции готовы были признать де-факто новую линию советской границы, но на ее признание де-юре в Лондоне и Вашингтоне не пошли бы даже в обмен на гарантированное нейтралитета со стороны Москвы в конфликте западных демократий с Гитлером. Ведь после «полного» признания возможности Великобритании и США дальнейшего влияния на Москву средствами дипломатии были бы значительно ограничены, поскольку последующий отказ от уже осуществленного де-юре признания международным правом не допускается.

Отметим еще один не очень известный факт. Уже в этот период Советский Союз, похоже, получил поддержку своих инкорпорационных усилий со стороны одного из младших участников антигитлеровской коалиции.

*«Прийдя к выводу, что Советский Союз будет рано или поздно втянут в войну, – пишет Дж. Корбел, – Бенеш избегал любого неосторожного движения, которое могло бы обидеть Москву. Более того, одновременно прийдя к выводу, что будущая чехословацкая безопасность требует сильной России, которая будет играть влиятельную роль в Центральной Европе, он ощущал потребность в общей чехословацко-советской границе. За неделю до начала войны он сказал Майскуму: “После войны мы должны стать прямыми и постоянными соседями. Это также один из уроков Мюнхена”».*<sup>444</sup>

<sup>443</sup> Churchill W. S. The Second World War. The Hinge of Fate. Boston: Houghton Mifflin Co, 1950. P. 220.

<sup>444</sup> Korbel J. Twentieth Century Czechoslovakia: The Meaning of Its History. New York: Columbia University Press, 1977. P. 171–172.

Даже при условии восстановления доминиканской целостности ЧСР, включая Карпатскую Украину, совместная граница могла быть установлена только в случае международно-правового закрепления вхождения в состав СССР Западной Украины.

Эта чехословацкая позиция и в дальнейшем давала возможность Москве оказывать определенное давление на Лондон и Вашингтон, а также правительство Польши в эмиграции.

## Выводы к разделу 2

Границы межвоенной Второй Речи Посполитой, созданные преимущественно силой оружия в условиях окончания Первой мировой войны, не основывались на этнографическом принципе. Соседи (Германия, Советский Союз, Литва) открыто высказывали свое недовольство этими границами. Соответственно, в многих европейских и мировых столицах эти границы не рассматривались как окончательные. Не ставя открыто под сомнение свои границы с Германией (до поздней осени 1939 г.), польские вожди с удовольствием погрели руки на чехословацком пожарище, мечтали о Польше «*од можа до можа*» – за счет украинских земель. Напротив, в Берлине и Москве рассматривали Вторую Речь Посполитую как объект собственных, достаточно обоснованных территориальных требований; имели свое видение желаемых границ и в литовском Каунасе.

В оценке событий лета – осени 1939 г. необходимо прежде всего:

- а) четко отделить во времени (и мотивации) пакт Риббентропа-Молотова и Освободительный поход 17 сентября 1939 г.;
- б) обратиться к нормам международного права, в частности к толкованиям клаузулы неизменных обстоятельств, а также обще-распространенной в тогдашнем международном праве доктрины «самопомощи».

Доктрина интерtempорального права провозглашает ответственность субъектов международного права только за действия, которые уже квалифицировались как международно-правовые delicta на момент их осуществления. Межвоенное (1918–1939 гг.) международное право признавало за своими субъектами не только силовые способы давления (так называемая экономическая агрессия), но и право на войну (если не удавалось решить спор «мирными» средс-

твами), а также возможность приобретения титула на территорию вследствии дебелляции (завоевания).

Выйдя из Лиги Наций и предварительно разорвав с Польшей пакт о ненападении, гитлеровская Германия не имела больше никаких *правовых* преград для давления на Варшаву и даже для объявления Польше войны под тем или иным удобным предлогом.

Советский Союз, хоть и сохранял членство в Лиге Наций и имел с Польшей действующий пакт о ненападении, неоднократно официально заявлял, что не считает вопрос о Восточной Галиции исчерпанным полностью, а будет добиваться проведения плебисцита среди местного населения.

Следовательно ни советско-германский пакт 23 августа 1939 г., ни подписанный одновременно с ним секретный протокол, в котором прямо предвиделись возможные «территориальные преобразования» в польском государстве, нормам тогдашнего *jus cogens* не противоречили. Все, к чему обязывался Кремль в августе 1939 г., – это не нападать на гитлеровскую Германию на протяжении десяти лет и не вмешиваться в события, которые будут происходить в немецкой сфере интересов. Соответственно, не может быть поставлен и вопрос о правовой ответственности Союза ССР за гитлеровскую агрессию против Польши, хотя, вне сомнения, действия Кремля в августе – сентябре 1939 г. противоречили принципам как общечеловеческой, так и так называемой коммунистической морали.

Одновременно и так так называемый Освободительный поход 17 сентября 1939 г. не может считаться нарушением действующего в указанное время международного права, поскольку аналогичные акции *самопомощи* были общераспространенными в практике ведущих государств мира, включая и страны антититлеровской коалиции. Право на самопомощь в самом широком понимании этого термина было правовой нормой эпохи.

Фактическая оккупация восточной части довоенного польского государства, осуществленная Красной Армией в результате Освободительного похода 17 сентября 1939 г., не изменила де-юре территориальный статус этих земель. Ограничившись преимущественно теми территориями, которые были еще в 1919–1920 гг. признаны Великими Державами как этнически непольские, Москва сделала первый шаг к будущему международно-правовому признанию территориальных приобретений.

Созыв Украинского Народного Собрания в октябре 1939 г. сопровождался активными действиями советских властей с целью добиться желаемого состава и желаемых просоветских настроений депутатского корпуса. Тем не менее учитывая действующую в 1919–1944 гг. обычную практику осуществления такого рода мероприятий, можно говорить о относительном соответствии действий советских властей международно-правовым нормам *de lege lata*. Так, плебисциты в Силезии 1921 г. и Исландии 1944 г. проходили в условиях военной оккупации, а плебисциты 1935 г. в Сааре и 1938 г. в Австрии – еще и в обстановке ощутимого силового давления заинтересованного государства.

Определяющим фактором при оценке международно-правового значения плебисцита 24–26 октября 1939 г. во Львове должна служить действительная воля преимущественного большинства местного населения, а она сомнения не вызывает. В своей массе украинское и белорусское население в это время выступало за воссоединение с национальными республиками. В той или иной мере поддерживали вхождение территорий, где осуществлялись плебисциты, в состав Союза ССР (а не нацистской Германии) и определенные социальные слои польского и еврейского сегмента населения.

Международно-правовое закрепление территориальных изменений, начатых решениями Украинского Народного Собрания и соответствующими постановлениями Верховных Советов Союза ССР и Украинской ССР, требовало признания де-юре этих изменений со стороны польских властей, правительств Великих Держав и других субъектов международного права.

Уже в 1940 – первой половине 1941 гг. усилиями советской дипломатии создавались определенные предпосылки для такого признания в будущем.

Резко отрицательной позиции придерживалось только польское эмигрантское правительство В. Сикорского, пребывавшее вначале в Анжере (Франция), а затем в Лондоне.

В политике Великобритании, Франции (как до, так и после ее поражения от Гитлера), США и других стран уже в этот период появляются первые признаки готовности к признанию легитимности перемен государственно-территориального устройства, осуществленных в силу решений Народных Собраний Западной Украины и Западной Белоруссии.

## РАЗДЕЛ 3

Эволюция правовых подходов  
стран антигитлеровской коалиции  
в вопросе государственной  
принадлежности  
Западной Украины  
(июнь 1941 – декабрь 1943 гг.)



## РАЗДЕЛ 3

# Эволюция правовых подходов стран антигитлеровской коалиции в вопросе государственной принадлежности Западной Украины (июнь 1941 – декабрь 1943 гг.)

На протяжении 1941–1942 гг. вся территория Украинской ССР была оккупирована немецким агрессором. Даже если принять во внимание тезис советских юристов-международников про то, что «оккупация даже всей территории ряда союзных республик не имела юридического значения. С юридической точки зрения, продолжали действовать их конституции и советское законодательство»,<sup>445</sup> у Германии возникла реальная возможность на территории оккупированной Украинской ССР разыграть провозглашение «независимого» Украинского государства по примеру тогдашних Словакии или Хорватии.

В документах Международного трибунала по нацистским преступлениям зафиксированы попытки ведомства А. Розенберга разыграть «украинскую карту»: в частности, документ 1017–PS о планах раздела Советского Союза. В нем говорится о планах образования отдельного политico-географического образования «Украина и Крым с центром в Киеве».<sup>446</sup> Что касается политического статуса Украины, то ведомство Розенберга считало, что будущая Украина станет самостоятельным государством, в союзе (*alliance*) с Германией.<sup>447</sup> Но в планы Гитлера в 1941 г. даже такая марионеточная Украина уже не входила.

Акт восстановления украинской государственности, подписанный 30 июня 1941 г. во Львове, который отдельные украинские авторы<sup>448</sup> пытаются выдать за новый «общенародный плебисцит»

<sup>445</sup> История национально-государственного строительства в СССР... Т.2. С. 78.

<sup>446</sup> Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November, 1945 – 1 October 1946. Nuremberg, Germany. Vol. III. P. 52.

<sup>447</sup> Ibid. P. 532.

<sup>448</sup> Косик В. Україна під час другої світової війни 1938–1945. Київ – Париж – Нью-Йорк – Торонто, 1992. С. 112–120; Рахманий Р. 30 червня 1941. Декларація державницьких прав українсь-

западно-украинского населения, похоже, такую оценку совсем не заслуживает: собрание в Львове созывалось представителями только одной политической силы – ОУН(р), никаких выборов участников собрания не проводилось, образованные собранием органы управления остались бездеятельными. Манифест имел важное пропагандистское значение, продемонстрировав желание, по крайней мере, части населения Западной Украины самостоятельно определить свое государственное будущее вне рамок Украинской ССР и Союза ССР, но международно-правовое значение этого документа ничтожно.<sup>449</sup>

Можно высказать предположение, что эвентуальное признание Берлином «независимости» Украины в той или иной форме, произошедшее в первые месяцы войны против СССР, в общем не способствовало бы делу международно-правового признания западных границ Украинской ССР на заключительном этапе Второй мировой войны или, в лучшем случае, имело бы нейтральное значение.

Прийти к такому выводу позволяют следующие соображения. Допустим, Гитлер прислушался к мнению военных (Канарис) и ведомства А. Розенберга и согласился на признание Украинского государства под руководством А. Мельника, С. Бандери или равнозначной им политической фигуры. Однако границы этого государства Берлин устанавливал бы с учетом пожеланий союзников – Румынии, Венгрии, возможно, Словакии.

Это означает, что даже при наиболее благоприятном развитии событий Карпатская Украина, Буковина, так называемая Транснистрия (территория Одесской, части Винницкой областей) в состав гипотетической Украины не вошли бы. Понятно, что еще тщательнее Гитлер позаботился бы о территориальных интересах собственно Германии. Как известно, Львов и большая часть украинской Галиции оказались в пределах границ так называемого Генерального Губернаторства в составе Третьего Рейха.

После разгрома Гитлера правительства заинтересованных государств имели бы такой сильный аргумент, как признание их восточных границ «украинским правительством», союзным Гитлеру, – по-

кої людини // Візволиний шлях. 1989. № 6 (червень). С. 643–645; **Он же.** Чин української національної гідності... и др.

<sup>449</sup> Макарчук В. С. Міжнародно-правове визнання державного кордону між Україною і Польщею (1939–1945 рр.): Монографія. К. : Атіка, 2004. 348 с.

добно тому, как руководители Второй Речи Посполитой настаивали на том, что линию Рижского разграничения признал «украинец Петлюра».

Парадокс, но мы, современные украинцы, можем высказать удовлетворение тем, что Гитлер пренебрег Актом 30 июня 1941 г. и не позволил возникнуть Украинскому Государству под руководством С. Бандеры и Я. Стецько.<sup>450</sup> Это могло бы существенно усложнить международно-правовое решение вопроса о западных украинских границах на заключительном этапе Второй мировой войны.

### **3.1. Советско-польские соглашения 1941–1943 гг. о военно-политическом сотрудничестве и влияние западно-украинского вопроса на ход переговоров между государствами**

Нападение гитлеровской Германии на СССР возбудило надежды польских эмигрантских кругов на восстановление польской государственности в ее довоенных границах. Уже 23 июня 1941 г. генерал В. Сикорский, глава польского правительства в изгнании, выступил с требованием вернуться к границам, установленным Рижским договором 18 марта 1921 г. и признанным Советом послов 15 марта 1923 г. Это выступление В. Сикорского на следующий день было с некоторыми сокращениями опубликовано в советской печати.<sup>451</sup> Понятно, что повторить все требования Сикорского, в частности: «Мы можем допустить, что Россия аннулирует пакт 1939 г. и что это логично приведет нас к позициям, определенным в Рижском договоре в марте 1921 г. Политическое и моральное впечатление от такого акта будет просто огромным»<sup>452</sup> – в советских СМИ не виделось возможным из политических соображений.

В своем приказе «Союзу вооруженной борьбы» (ЗВЗ) от 25–26 июня 1941 г. польское правительство в эмиграции предписывало активизировать деятельность. Замена одной оккупации другой,

<sup>450</sup> Макарчук В. С. Значення діяльності ОУН-УПА та інших антикомуністичних збройних угрупувань періоду Другої світової війни для минулого і сучасного України // Вісник Львівського інституту внутрішніх справ: Збірник / Гол. ред. В. Л. Ортинський. Львів: ЛІВС при НАВС України, 2002. Вип. 3. С. 181–191.

<sup>451</sup> Правда. 1941. 24 июня.

<sup>452</sup> Langer W. & Gleason E. The Undeclared War. 1940–1941. New York: Council of Foreign Relations, Inc., 1953. P. 552.

говорилось в документе, не должна влиять на методы конспиративной работы. Коменданты областей и округов начали организационное формирование военных подразделений ЗВЗ на территории бывшей Восточной Польши.

В оккупированную Польшу представителями эмигрантского правительства было направлено послание, в котором отмечалось, что и после нападения Германии на СССР лондонское правительство в эмиграции не видит возможности «ввязываться в сотрудничество» с Советским Союзом.<sup>453</sup>

Большим «достижением» Главной Команды ЗВЗ стало образование так называемого *Wachlarz* (в переводе с польского – «круг», «сфера») – диверсионной организации, чьей целью, в частности, были операции на отрезке между бывшей восточной границей Польши и рекой Днепр. Задание организации лично поставил Главнокомандующий АК генерал «Грот» в своем Операционном Рапорте под № 154. Так называемая «сфера В» была разделена на 5 направлений:

- направление 1: Львов-Тернополь-Проскуров-Винница-Жмеринка-Днепропетровск;
- направление 2: Ровно-Звягель-Житомир-Киев;
- другие три направления шли на Белоруссию, имея конечными пунктами Гомель, Оршу и Полоцк.<sup>454</sup>

Пикантность ситуации состояла в том, что на момент начала деятельности *Wachlarz* Советский Союз и Польша уже были в союзнических отношениях. Но не на помощь СССР нацеливалась эта боевая организация – часть польских политиков, особенно из националистического лагеря, в это время мечтала не только о восстановлении границ с СССР по состоянию на август 1939 г., но и о передвижении этих границ еще дальше на восток.

Эмигрантское правительство Польши в первые дни и недели войны не совсем правильно поняло советскую готовность идти на уступки. Уже 27 июня 1941 г. советский представитель агентства ТАСС (читай – неофициальный представитель официальной позиции. – В.М.) в Лондоне Н. Ротштейн заявил польскому советнику посольства в Лондоне М. Литауэру, что демократическая Польша, которую хочет восстановить генерал Сикорский и с которой СССР

<sup>453</sup> Кущ Е. Р. Указ. соч. С. 28.

<sup>454</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 90.

желает быть в наиболее тесных отношениях, должна забыть свою предыдущую политику великодержавности и принять принцип национальной автономии на этнографических территориях Польши.<sup>455</sup> В польских правительственные кругах это заявление, похоже, восприняли в том плане, что послевоенной Польше, при условии дружеского сотрудничества с СССР, «вернут» ее восточные территории, на которых ей – в подтверждение перемен в своей внешней и внутренней политики – следует ввести автономию для местных национальных групп.

На самом деле, Москва вовсе не собиралась полностью отказываться от бывших польских территорий, которые ввошли в состав СССР в 1939–1940 гг. (Сувалки были выкуплены у Германии за 7.5 млн долларов США 10 января 1940 г.) В телеграмме советскому послу в Лондоне И. М. Майскому от 3 июля 1941 г. содержались соответствующие указания об изменении подходов к вопросу о польско-советской границе. СССР стоял «за восстановление Польского государства в границах национальной Польши, включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР», при этом вопрос о характере государственного режима Польши Советское правительство считало внутренним делом самих поляков.<sup>456</sup>

Неопределенность в отношении возможных размеров советских уступок в пользу Польши («некоторые города и области» – какие именно?) сохранялась достаточно долго.

Позднее в советской литературе появилась ссылка на то, что уже в июле 1941 г. посол И. Майский был ориентирован взять за основу в качестве линии послевоенной польско-советской границы собственно «линию Керзона», приблизительно отвечавшую этническим реалиям.<sup>457</sup>

Т.е. советские территориальные уступки Польше предполагалось сделать достаточно существенными, но не тотальными.

Не вызывает сомнения тот факт, что летом 1941 г. не только Москва была заинтересована в налаживании отношений с польским эмигрантским правительством, но и кабинет В. Сикорского

<sup>455</sup> Корчак-Городицкий О. Указ. соч. С. 120–121.

<sup>456</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939 – декабрь 1943. М.: Наука, 1973. С. 423.

<sup>457</sup> Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1983. С. 190; Европа XX века: Проблемы мира и безопасности... С. 92.

стремился к этому. Еще до восстановления дипломатических отношений между СССР и Польшей В. Сикорский просил британского посла в Москве С. Криппса прозондировать возможность образования польских военных частей из поляков, которые пребывают на территории Советского Союза.<sup>458</sup>

4 июля 1941 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден информировал главу польского эмигрантского правительства, что Москва готова начать с ним переговоры и соглашается с идеей образования на советской территории польских частей из военных, интернированных в СССР осенью 1939 г. Обратим внимание, что гражданское население Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленского воеводства в роли возможного призывного контингента польской армии Москва в это время не рассматривала.

В тот же день В. Сикорский дал А. Идену принципиальное согласие на переговоры с советской стороной, но сформулировал некоторые предварительные условия: исходной базой для налаживания отношений должны быть все предыдущие договоры между Польшей и СССР (в качестве главного – Рижский договор); советской стороне надлежит немедленно освободить всех польских военнопленных, а также граждан, высланных советской властью с оккупированных территорий на восток.<sup>459</sup>

Переговоры начались уже 5 июля 1941 г. Проходили они на «нейтральной территории» британского Форин-оффиса. Уже на первой встрече советская сторона сообщила о готовности взять на себя обязательства и способствовать восстановлению независимости Польского государства в его национальных границах.<sup>460</sup>

В ответ польский министр иностранных дел Залесский начал серо и нудно цитировать цифры переписей, проводившихся в до-военной Польше, причем у него выходило так, что ни украинцев, ни белорусов в этой Польше практически не было и что единственным меньшинством Польской республики являлись полмиллиона евреев.<sup>461</sup>

<sup>458</sup> Kuklis E. Z dziejów ewakuacji Armii Polskiej z ZSRR na Bliski Wschód w 1942 r. // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. Warszawa, 1976. S. 143, 144.

<sup>459</sup> Корчак-Городицкий О. Указ. соч. С. 120.

<sup>460</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939 – декабрь 1943... С. 198.

<sup>461</sup> Майский И. М. Воспоминания советского посла... С. 156.

Премьер В. Сикорский предложил следующую формулировку в спорном вопросе:

*«Правительство СССР признает недействительными и не накладывающими обязательства трактаты, подписанные с немцами 23 августа 1939 г. и 28 сентября 1939 г., равно как и все другие соглашения или внутренние правовые акты, принятые впоследствии в отношении Польши, отказываясь от всех преимуществ, которые возникают или могут возникнуть из указанных трактатов для СССР. Оба правительства принимают в качестве основы восстановления взаимоотношений последнюю польско-советскую декларацию, оглашенную в Москве 26 ноября 1938 г.»<sup>462</sup>*

Декларация 1938 г., как известно, прямо ссылалась на Рижский договор 1921 г. как основу взаимоотношений Второй Речи Посполитой и СССР.

Одновременно польский премьер настаивал на подписании секретного протокола, который гарантировал бы независимость и интегральность обоих государств на 1 сентября 1939 г. Понятно, что И. Майский, исполняя указания Кремля, наотрез отказался от польских предложений. Переговоры зашли в тупик. В эмигрантском правительстве определились сторонники жесткой, бескомпромиссной линии в отношениях с СССР в вопросе восточной границы. Непримиримых «ястребов» возглавляли президент В. Рачкевич, министр иностранных дел А. Залесский (пилсудчик), сюда также входили генерал К. Соснковский (командующий польскими войсками в Англии и одновременно «приемник» президента, пилсудчик), Лукашевич, Матушевский и М. Сейда (людовец). Сторонниками компромисса были В. Сикорский, С. Стронский, С. Кот, Либерман, С. Миколайчик, в партийно-политическом разрезе – Стронництво людове, ППС и Стронництво працы.

Пользуясь своим положением, министр А. Залесский 8 июля 1941 г. обратился к министру иностранных дел Великобритании А. Идену с меморандумом по делу польских восточных территорий и балтий-

<sup>462</sup> Karski J. Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945: od Wersalu do Jalty. Krakow: Wszechnica Społeczno-Polityczna, 1989. S. 11–12.

ских государств: «все эти территории были присоединены к СССР силой, особое внимание обращают на Восточную Польшу».<sup>463</sup> Как видим, эмигрантское правительство не ограничилось исключительно защитой национальных территориальных интересов, но по собственной инициативе взяло на себя роль «защитника» прибалтийских народов и даже Румынии, которая в это время уже воевала на стороне гитлеровской Германии.

17 июля 1941 г. британский премьер У. Черчилль направил личное послание генералу В. Сикорскому с требованием в кратчайший срок подписать соглашение с СССР.<sup>464</sup> Эмигрантское правительство, в конце концов, было вынуждено сообщить А. Идену о согласии подписать договор с Союзом ССР на предложенных Англией условиях. Неожиданно в знак протеста 25 июля в отставку подала «тройка» в составе К. Соснковского, А. Залесского и М. Сейды. 27 июля В. Сикорский нанес визит президенту В. Рачкевичу, обвинив Соснковского и Залесского в саботаже, а самого президента – в участии в заговоре.<sup>465</sup> Позднее на заседании правительства («тройка» его бойкотировала) В. Сикорский заявил, что будет требовать отставки президента, если тот не изменит свою позицию.

30 июля (т.е. после трех недель переговоров и консультаций) было подписано польско-советское Соглашение о взаимопомощи в войне против гитлеровской Германии и о восстановлении дипломатических отношений. В первой статье Соглашения указывалось, что правительство СССР считает недействительными советско-немецкие договоры 1939–1940 гг. Польское правительство со своей стороны обязуется не вступать ни в какие союзы, направленные против СССР. Между обоими правительствами восстанавливаются дипломатические отношения. Советское правительство дает свое согласие на образование на территории СССР польских вооруженных сил, мобилизованных из числа польских граждан, пребывающих на его территории. Считалось, что таких, способных носить оружие, мужчин насчитывается не менее нескольких сотен тысяч. В дополнительном протоколе объявлялась амнистия бывшим польским гражданам, лишенным свободы в СССР после сентября 1939 г.

<sup>463</sup> Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939–1943... Doc. 93.

<sup>464</sup> Raczyński E. W sojuszniczym Londynie. London: Polish Reserch Center, 1960. S. 119.

<sup>465</sup> Парсаданова В. С. Указ. соч. С. 39.

К четырем ранее утвержденным пунктам добавился пятый – Соглашение вступало в силу немедленно после подписания. Это было сделано, чтобы не допустить борьбы в польском правительстве, которая угрожала вспыхнуть с новой силой в случае прохождения процедуры ратификации соглашения в обычном порядке.

В современной польской научной литературе существует мнение, что даже в случае, если бы текст подписанного соглашения был выдержан в более благоприятной редакции, позже он все равно был бы интерпретирован Союзом ССР в более выгодном Москве ключе.<sup>466</sup>

Во время подписания советско-польского Соглашения польское и английское правительства обменялись нотами. Несмотря на то что английская нота была отослана в редакции, согласованной С. Криппом с Советским правительством, генерал В. Сикорский немедленно заявил, что речь идет об английской поддержке восстановления довоенных границ Польши.<sup>467</sup>

Но уже 1 августа 1941 г. президент В. Рачкевич заявил, что подписанное накануне соглашение не имеет юридической силы. Другого мнения придерживалось окружение премьера В. Сикорского. Кризис в польском правительстве затянулся до сентября, когда была проведена реорганизация кабинета министров. Позднее в советской литературе эта реорганизация получила весьма похвальную оценку.

*«Из состава эмигрантского правительства, – писала в 1984 г. Е. Р. Куц, – вышли представители наиболее реакционной, откровенно антисоветски настроенной части польской буржуазии, укрепились позиции более реалистически мыслящих элементов».*<sup>468</sup>

Утверждение В. Рачкевичем кандидатуры посла в СССР – им был назначен правый «людовец» С. Кот – стало пусть и вынужденным, но де-факто высказанным согласием президента с «конъюнктурным соглашением».

<sup>466</sup> Duraczynski E. Uklady Sikorski-Majski. "Dzieje najnowsze". Zeszyt 1. Warszawa, 1987.

<sup>467</sup> Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957. 692 p., Maps, Bibliogr. P. 32.

<sup>468</sup> Куц Е. Р. Указ. соч. С. 30.

Стремясь не ослаблять позиции умеренного лагеря в польском эмигрантском правительстве, советская сторона демонстрировала постоянную готовность к дальнейшим компромиссным решениям.

*«Мы не считаем, например, нерушимыми границы СССР с Польшей, установленные Рижским договором (1921 г.), – писала летом 1941 г. газета «Известия», – как и не разделяем той точки зрения, что “никто не смеет допустить, чтобы границы Польского государства были поставлены под сомнение”, как это высказал в своем выступлении г. Сикорский».*<sup>469</sup>

С целью укрепления антигитлеровской коалиции Советский Союз в июле 1941 г. пошел на переговоры с эмигрантским правительством В. Сикорского, чем де-факто признал его. Подписание союзного польско-советского соглашения означало признание этого правительства де-юре. В международном праве существует норма: признав однажды то или другое правительство, государство уже не может отказать ему в признании в дальнейшем.

*«Можно считать существенным то обстоятельство, – пишет Д. Анциллоти, – что после признания нельзя оспаривать законность того, что уже было признано. Излишне добавлять, что эти последствия определяются только в четких границах, в которых было совершено признание».*<sup>470</sup>

В июле 1941 г. СССР признал факт существования польского государства. Это признание «забрать назад» в дальнейшем уже было невозможно. Но Советский Союз, признавая юридический факт продолжения существования польского государства, никоим образом не признавал границы этого государства по состоянию на 1 сентября 1939 г., как это стараются подать некоторые зарубежные, да и украинские историки. В конце концов, понимали это и деятели польской

<sup>469</sup> Известия. 1941. 3 августа (хроника).

<sup>470</sup> Анциллоти Д. Указ. соч. С. 303.

эмиграции, которые устраивали демарши протеста и критиковали В. Сикорского за подписание «конъюнктурного соглашения».

По требованию польской стороны уже в июле 1941 г. Советский Союз объявил о недействительности всех своих территориальных соглашений, подписанных с фашистской Германией.

Современное международное право исходит из того, что война между двумя государствами только приостанавливает действие, но не отменяет заключенных между ними договоров. Тем самым, Договор о дружбе и границе, подписанный между СССР и Германией в сентябре 1939 г., и другие взаимные территориальные договоренности (покупка Сувалок в январе 1940 г.) должны были де-юре считаться лишь приостановленными – до нового послевоенного договора с Германией.

По мнению современных авторов, общепризнано, что война не приводит к автоматическому аннулированию договоров, которые существуют между воюющими сторонами. Что же касается того, какие конкретные договоры сохраняют силу, то и тут особых расхождений нет. Договора, которые определяют территориальные разграничения между государствами, в силу факта войны не аннулируются. Л. Оппенгейм писал, что в силе остаются договора, «подписанные с целью установления постоянного состояния дел».<sup>471</sup> Американский знаток международного права Г. фон Глан утверждал, что война не влияет на договоры о границах и договоры цессии.<sup>472</sup> Его коллега Ч. Хайд ссылался на решение Верховного Суда США от 1929 г., который постановил, что в силе остаются «договора об уступке территории и о границе».<sup>473</sup> Русский советский знаток международного права А. Талалаев указывал, что «судьба договоров о границе обычно решается в мировых договорах после окончания войны между государствами. Автоматического прекращения или приостановления войной договоров о границах не происходит».<sup>474</sup>

Этой же точки зрения придерживалась советская школа международного права.

<sup>471</sup> Оппенгейм Л. Международное право... Т. 2. Полутом 2. С. 319.

<sup>472</sup> Glahn G., von. Cit. op. P. 622.

<sup>473</sup> Хайд Ч. Указ. соч. Т. 4. С. 423.

<sup>474</sup> Талалаев А. Н. Право международных договоров: действие и применение договоров. М.: Международные отношения, 1985. С. 210.

«Война между государствами, – утверждал известный авторитет в области международного права А. Тиунов, – не ликвидирует соглашений, фиксирующих линию прохождения их государственной границы. Вопрос о пересмотре границы может быть урегулирован после окончания войны посредством мирного договора, а также путем принятия решений, касающихся государства, осуществлявшего агрессию».<sup>475</sup>

На первый взгляд, может сложиться поверхностное впечатление, что, отказываясь в одностороннем порядке от территориальных договоров и соглашений 1939–1940 гг. с Германией (а только так и следует расценивать советское обещание полякам), Москва формально нарушила традиционные нормы международного права. Это мнение обманчиво. Агрессивная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны вызвала соответствующую реакцию Объединенных Наций. Общим мнением стала мысль, что результатом победы над Гитлером должен стать такой международный порядок и такие территориальные преобразования в Европе, которые сделали бы невозможным повторение немецкой агрессии в ближайшем будущем. Своими действиями вопреки всем привычным нормам права нацистский фюрер поставил свою страну в особое положение.

Такой, подчеркнем, была общая позиция стран антигитлеровской коалиции, не взирая на их общественный строй и на собственные территориальные интересы в Европе (или на их отсутствие).

Комментируя изменение европейских границ вследствие Второй мировой войны, известный американский юрист-международник С. Макинтайр писал, что война связана с изменением обстоятельств, охватываемых формулой *rebus sic stantibus*, применение которой дает законное основание приостановить предыдущие договоренности.<sup>476</sup> Нападение Гитлера на СССР означало полное прекращение отношений сотрудничества между двумя странами, оно же создавало предпосылки для будущего отказа от существующих территориальных договоров.

<sup>475</sup> Тиунов О. И. Принцип соблюдения международных обязательств. М.: Международные отношения, 1979. С. 140.

<sup>476</sup> Meystowicz J. Cit. op. S. 25.

14 августа 1941 г. в дополнение к польско-советскому Соглашению от 30 июля было подписано Военное соглашение между Верховным командованием СССР и Верховным командованием Польши. С польской стороны договор подписал генерал-майор С. Богуш-Шишко, с советской – генерал-майор А. Василевский. Дипломатический протокол требует соблюдения принципа паритета – для польского генерал-майора с его подписью, проставленной под документом, советская сторона подыскала офицера соответствующего ранга, не выше.

Военное соглашение предусматривало создание польских вооруженных сил на территории СССР. Историки обращают внимание на то обстоятельство, что советская сторона не только брала на себя расходы на содержание создаваемой на территории СССР армии, но и открывала советскую военную миссию при польском Верховном Командовании в Лондоне,<sup>477</sup> т.е. сотрудничество планировалось установить тесное и оперативное. Пункт 7 указанного соглашения утверждал, что польские армейские части будут отправлены на фронт после достижения полной боевой готовности,<sup>478</sup> причем явно имелся в виду именно советско-немецкий фронт.

В результате энергичной мобилизационной акции Польская Армия в СССР на 25 октября 1941 г. насчитывала более 40 тыс. солдат и офицеров. Возглавил ее назначенный лондонским эмигрантским правительством генерал В. Андерс, в свое время (сентябрь 1939 г.) захваченный в плен советскими диверсантами.

Провозглашенная советским правительством, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г., политическая амнистия бывшим польским гражданам, интернированным и заключенным на территории СССР, осуществлялась вполне последовательно. Всего было амнистировано 389 041 человек.<sup>479</sup> Из мест заключения и депортации были отпущены не только рядовые граждане и военные, но и политики, которых на то время трудно было заподозрить в симпатиях к Советскому Союзу. Примером может служить Станислав Грабский, руководящий деятель партии

<sup>477</sup> Волкогонов Д. А. Тріумф і трагедія: Політичний портрет Й. В. Сталіна: У 2 кн. Київ: Політвидав України, 1990. Кн. 2. С. 385–386.

<sup>478</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939 – декабрь 1943. С. 217.

<sup>479</sup> Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2. С. 34–35.

народных демократов, чья политическая платформа в междувоенной Второй Речи Посполитой определялась крайним шовинизмом. После амнистии 1941 г. С. Грабский переехал в Лондон и вошел в состав эмигрантского правительства.<sup>480</sup>

Польским послом в Москве стал Станислав Кот, с советской стороны представительство некоторое время осуществлял по совместительству посол СССР в Англии И. Майский. Позже был назначен отдельный посол при союзных правительствах А. Е. Богомолов.

В современной польской литературе С. Кот получил оценку «известного ученого», друга В. Сикорского и одновременно «человека, абсолютно не готового к выполнению этой тяжелой задачи». Эта, в общем, не слишком лестная оценка, похоже, справедлива. Для иллюстрации можно процитировать письмо посла С. Кота генералу В. Сикорскому из Куйбышева (6 января 1942 г.). Ссылаясь на британского посла в СССР С. Криппса, польский дипломат высказал предположение, что «создателем (советской – В.М.) аннексионистско-националистической политики, тем, кто настаивает на значимости «плебисцита» в Львове и т.д. является Молотов, а не Сталин».<sup>481</sup> Говорить о самодостаточности В. Молотова, наличии у него каких-либо собственных взглядов и убеждений, отличных от позиции И. Сталина, мог только человек, незнакомый с политической кухней Кремля.

Начиная с 14 августа 1941 г. первые подразделения и части польской армии, подчиненные лондонскому эмигрантскому правительству, начали свое формирование на территории СССР. Несмотря на то что советско-польское военное соглашение определило будущую численность польских вооруженных сил в 30 тыс. человек, на 25 октября они насчитывали уже более 41,5 тыс. солдат и офицеров.<sup>482</sup> В заявлении эмигрантского правительства Польши от 2 ноября 1941 г. отмечалось:

«Советское правительство честно выполняет условия, предусмотренные соглашением, и в тяжелых условиях вой-

<sup>480</sup> Терлюк И. Я. ...І тоді С. Грабський зрозумів, що стосовно Львова Сталін не піде на поступки... // Українські варіанти. 1997. № 2. С. 98.

<sup>481</sup> Kot S. Listy z Rosji do Gen. Sikorskiego. Londyn: Jutro Polski, 1959. S. 186.

<sup>482</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943... С. 349.

*ны делает все, что в его силах, чтобы помочь нам образовать независимую польскую армию».<sup>483</sup>*

Москва осенью 1941 г. согласилась поддержать польское предложение о расширении контингента польской армии до 96 тыс. человек.

Тем не менее, поздней осенью 1941 г. польско-советские отношения обострились. Посол С. Кот позднее вспоминал, что:

*«После конференции Бивербрука в Москве в октябре 1941 г., на протяжении которой американская делегация не проявила никакого интереса к польской проблеме (Гарриман определил свою пассивную позицию, заявив, что он послан исключительно для поддержки британской делегации), советское правительство попыталось ослабить польские требования и отбвергало все мои попытки».<sup>484</sup>*

Сгладить противоречия были призваны советско-польские переговоры в Москве в начале декабря 1941 г. 3 декабря состоялась первая двухчасовая встреча И. Сталина с В. Сикорским. На ней присутствовали нарком иностранных дел СССР В. Молотов, польский посол в Москве С. Кот и командующий польскими вооруженными силами в СССР генерал В. Андерс. Польскому премьеру в советской столице был устроен почетный прием, сообщение о визите и выступление польского руководителя были переданы по московскому радио на 40 языках мира.

Считается, что в ходе этих переговоров СССР впервые предложил польскому правительству в изгнании свою поддержку возвращении «исконно польских земель», захваченных и германизированных в XII–XVIII вв., в случае его согласия на польско-советскую границу, установленную на основе «линии Керзона».

Но не только вопросы восстановления «исторической справедливости» занимали внимание польских и советских правительственный лиц на декабрьских переговорах. Генерал В. Андерс в ме-

<sup>483</sup> Правда. 1941. 3 ноября.

<sup>484</sup> Kot S. Conversations with Kremlin and Dispatches from Russia... P. 26.

муарах приводит собственную запись разговора, состоявшегося 4 декабря 1941 г., между И. Сталиным и В. Сикорским.

«Сикорский: *Не Вы ли сами говорили, что Львов – это польский город?*

Сталин: *Да, но Вы будете разговаривать об этом с украинцами.*

Андерс: *Много украинцев были и есть германофилы, поэтому мы имели, как и Вы потом, много хлопот (с ними – B. M.).*

Сталин: *Да, но это были ваши украинцы, а не наши. Мы их полностью уничтожим».*<sup>485</sup>

Стараясь отговорить Сталина от претензий на Львов и другие украинские территории, польская сторона сделала попытку воспользоваться теми же аргументами, что и в случае венгерской оккупации Карпатской Украины. Славянский брат, бесконечно гордящийся собственным патриотизмом, в очередной раз отказал украинцам в их праве на патриотизм украинский под тем надуманным предлогом, что украинский национализм якобы является преимущественно немецкой инспирацией (вспомним, что еще в 1848 г. тогдашние польские националисты заявляли, что украинцев во Львове «придумал» австрийский наместник Ф. Стадион, а все украинцы – германофилы). «Отец народов» Сталин ответил в том ключе, что украинский национализм будет уничтожен вместе с его носителями.

По итогам московских переговоров 3–4 декабря 1941 г. была подписана Декларация о дружбе и взаимопомощи. Вопросы о границах вновь остались замолчанными, но п. 3 указанной Декларации предусматривал, что:

«После победы в войне (...) задачей союзных государств станет обеспечение прочного и справедливого мира. Это может быть достигнуто только путем международных отношений, основанных на объединении демократических

<sup>485</sup> Anders W. Bez ostatniego rozdziału. Wspomnienia z lat 1939–1946. Wydanie trzecie przejrzane i poprawione. Londyn: Gryf Publishers, Ltd., 1959. S. 102.

*государств в крепкий союз. При создании такой организации решающим моментом должно стать уважение к международному праву».<sup>486</sup>*

В эту обтекаемую формулировку стороны, похоже, вкладывали абсолютно разное содержание. Поляки под «уважением к международному праву» понимали принцип недопустимости насильственного изменения линии существующих границ в одностороннем порядке, Москва – право наций на самоопределение.

Почему польская сторона уже во второй раз после июля 1941 г. не стала настаивать на немедленном однозначном решении вопроса о восстановлении довоенных границ между двумя государствами, установленных Рижским договором 1921 г.?

Очевидно, взяли верх pragматические соображения. В результате договоренностей 31 декабря 1941 г. польскому правительству в изгнании был выдан заем в 100 млн рублей, направленный на нужды польских граждан на территории СССР. 22 января 1943 г. на содержание польской армии в СССР поступил еще один транш в 300 млн рублей; кроме того, более 15 млн рублей было выдано безвозмездно в помощь офицерскому составу польских частей.<sup>487</sup> Оставляя вопрос о границах открытым, не сделав ни шагу назад с позиций, занятых еще в сентябре-октябре 1939 г., польские политики получали многотысячные собственные вооруженные силы в непосредственной близости к Польше, к тому же – на деньги СССР. В феврале 1942 г. польская армия под командованием В. Андерса насчитывала уже 75 500 человек. В этой армии было и некоторое количество украинцев, выходцев из Западной Украины.

В официальной Декларации Правительства Советского Союза и Правительства Польской Республики о дружбе и взаимопомощи, подписанной в ходе декабрьского 1941 г. визита премьера В. Сикорского в Москву, п. 2 указывалось:

*«Осуществляя Договор, подписанный 30 июля 1941 г., оба Правительства предоставят друг другу полную военную помощь, а войска Польской республики, размещенные*

<sup>486</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943... С. 192.

<sup>487</sup> Там же. С. 193, 216, 349.

*на территории СССР, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками».<sup>488</sup>*

Воевать на советско-германском фронте этим, оснащенным на средства Советского правительства, частям так и не довелось. Формальным поводом к разрыву послужил отказ польского командования выступить на фронт отдельными дивизиями по мере их укомплектования. В марте 1942 г. в Иран эвакуировано 31 тыс. человек, остальные – 44 000 – отбыли на ближневосточный театр военных действий в августе того же года.<sup>489</sup>

Интересно, что, уже начав эвакуацию в Иран, польское эмигрантское правительство набралось храбрости (нота от 10 июня 1942 г.) просить у Москвы согласия на дополнительный набор в Польскую Армию. Советский Союз отказался поддержать эту инициативу, хотя формально эвакуированная в Иран Польская Армия оставалась союзной. Практически одновременно с получением от Москвы обещанных сумм польское правительство в изгнании развязало антисоветскую (и антиукраинскую) кампанию. 6 января 1942 г. советский комиссариат иностранных дел распространил среди дипломатических представительств, аккредитированных после эвакуации из Москвы в Куйбышеве, ноту протesta против гитлеровских злодеяний в украинских городах, в частности, во Львове. Посол С. Кот немедленно отреагировал заявлением, в котором утверждалось, что, видимо, речь идет о недоразумении, поскольку как с исторической точки зрения, так и с точки зрения международного права, а также исходя из этнического состава населения города, Львов является польским, «упоминание о Львове как о советском городе, видимо, стало результатом недосмотра».<sup>490</sup>

Это ироническое польское замечание нисколько не сконфузило советскую сторону. Нарком иностранных дел В. Молотов отклонил ноту польского посла, предостерег на будущее от возможных польских домогательств Львова и других «украинских городов». Советский НКИД в ответной ноте предупредил польского посла, что в дальнейшем СССР даже не станет рассматривать подобные ноты.

<sup>488</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943... С. 191–192.

<sup>489</sup> Косик В. Україна під час другої світової війни 1938–1945... С. 226.

<sup>490</sup> Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939–1943... P. 260–261.

Прибыв в Лондон после своих поездок в Москву и на Ближний Восток, В. Сикорский 12 января 1941 г. сообщил, что Польша признает на востоке только границы, установленные Рижским договором, а на западе возвратит себе от Германии «давние славянские земли». В своем отчете для Совета министров премьер в частности утверждал:

*«(...) на Востоке мы признаем только те границы, которые имела Польша в день начала войны. Было бы большой ошибкой позволить любую дискуссию на эту тему и согласиться с предположением, что наши восточные границы являются не определенными. Сейчас ситуация неподходящая для такой дискуссии. Стalin предлагал разговор на эту тему. Он напомнил о советской добре воле помочь Польше в переговорах с украинцами о польском городе Львове. Он – Стalin – заявил, что необходимо переговорить также с Россией (? – В.М.). Я отклонил эти предложения».*<sup>491</sup>

Новый виток напряженности в советско-польских отношениях совпал с визитами Молотова в Лондон и Вашингтон в мае-июне 1941 г., сопровождавшимися подписанием союзного англо-советского договора и договоренностями с США об открытии второго фронта.

*«Ранние затруднения, – писал позже Э. Рачинский, – были частично смягчены в ходе визита Сикорского в Москву в декабре 1941 г. Но, успешно выстояв против немецкого зимнего наступления, Стalin развернул весной важную политическую кампанию для обеспечения признания российских границ 1940 г. Она не имела успеха вследствие отпозиции Соединенных Штатов. (...) Они (советские руководители. – В.М.), возможно, отнесли свое поражение в переговорах с Англией и США на счет каких-то действий польской дипломатии, и наши интересы в России стали соответственно страдать. Русские принимали все более агрессивный тон...»*<sup>492</sup>

<sup>491</sup> Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939–1943... Doc. 171; Корчак-Городицкий О. Указ. соч. С. 127.

<sup>492</sup> Raczyński E. In Allied London... P. 113.

Мягко говоря, польский дипломат сгущает краски, перекладывая ответственность исключительно на одну, советскую, сторону. Польское эмигрантское правительство, даже безотносительно к проблеме границ, вело себя недружественно по отношению к СССР. Лучшей иллюстрацией этого может служить судьба армии Андерса, созданной с согласия советского правительства и на советские средства.

В первые месяцы 1942 г. продолжалось пополнение польской армии под командованием В. Андерса личным составом. Вначале Советский Союз объявил, что бывшие польские граждане, имеющие право на вступление в польскую армию, обязательно должны быть польской национальности. На это польское правительство ответило, что «в противовес Советам», в Польше критерии национальности официально не были сформулированы, в паспорте записывалось только вероисповедание. Под предлогом якобы имеющихся обращений заинтересованных лиц выдвигалось требование, чтобы право вступления в Польскую Аармию в СССР получили и те граждане Речи Посполитой, которые были представителями украинской или еврейской национальности.

Уступку советской стороны в этом вопросе эмигрантское правительство считало своей большой победой не столько в борьбе за образование собственных вооруженных сил на восточном фронте, сколько в отстаивании принципа неизменности границ 1939 г. и неизменности гражданства Второй Речи Посполитой для населения «восточных крессов».

*«В результате, – указывает Анджей Айненкель, – в так называемой армии Андерса было много украинцев. (...) Таким способом Речь Посполитая, (...) несмотря ни на что, защищала граждан украинской, еврейской и белорусской национальностей, полагая, что, поскольку они являются гражданами Речи Посполитой, то обязанность государства их защищать».*<sup>493</sup>

Однако эта «победа» так и осталась незначительным эпизодом, не в последнюю очередь по вине самого эмигрантского правительства.

<sup>493</sup> Україна-Польща: важкі питання. Том 3... С. 221.

Летом 1942 г. завершилась эвакуация армии Андерса (по польским оценкам она насчитывала около 100 тыс. человека) в Иран. Советские источники приводят приблизительно те же цифры: в 1942 г. в Иран эвакуировано 119 865 человек (с армией Андерса – 76 110 военнослужащих и 43 755 гражданских лиц).<sup>494</sup>

По мнению польского ученого П. Эберхардта, наиболее заинтересована в переброске этой мощной военной силы на ближневосточный театр военных действий была Великобритания. Имел свой политический интерес и Советский Союз. Напротив, Польша теряла существенный рычаг влияния. «Можно допустить, – пишет польский историк, – что если бы эта армия сражалась с немцами на восточном фронте, это обстоятельство впоследствии имело бы серьезное влияние на ход переговоров о прохождении границ».<sup>495</sup>

В свою очередь советская сторона уверенно трактовала эвакуацию армии Андерса как очередное доказательство напряженности в польско-советских отношениях, вызванных недружественным отношением польской стороны, и не скрывала своего раздражения.

В ноте Советского правительства, переданной 31 октября 1942 г. послом СССР при союзных правительствах в Лондоне А. Богомоловым исполняющему обязанности министра иностранных дел лондонского правительства Э. Рачинскому, констатировалось, что Польское правительство не пожелало вывести свои дивизии – и не только дивизии первого эшелона, но и последующих формирований – на советско-германский фронт, отказалось использовать против немцев на этом фронте польские войска вместе с советскими дивизиями и тем самым уклонилось от взятых на себя обязательств.<sup>496</sup>

Несмотря на явно обозначившийся конфликт с Москвой, польское эмигрантское правительство в Лондоне и связанный с ним Народный Совет (*Рада Народова*) и впредь не упускали ни малейшего случая напомнить о неразрешенности вопроса советско-польских границ. В опубликованном 6 декабря 1942 г. заявлении Польский Национальный Совет в Лондоне требовал, чтобы союзники гарантировали Польше возвращение территорий на востоке.

<sup>494</sup> Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2. С. 35.

<sup>495</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 100.

<sup>496</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939 – декабрь 1943... С. 335.

В январе и феврале 1943 г. такого рода заявления делал и премьер В. Сикорский, одновременно высказывая надежду, что после войны Польша будет больше и сильнее, чем до 1939 г. Эмигрантское правительство постоянно беспокоило советскую сторону требованиями предоставить возможно более точные сведения о всех польских гражданах, вывезенных (депортированных и эвакуированных) в восточные районы СССР, особенно остро ставился вопрос о судьбе восьми тысяч интернированных после сентября 1939 г. офицеров.

В ответ на возобновление польским эмигрантским правительством полемики вокруг вопроса послевоенных границ Правительство Советского Союза в своей ноте от 16 января 1943 г., переданной польскому посольству в СССР, оповестило, что считает всех жителей присоединенных в 1939 г. территорий своими гражданами и поэтому не обязано предоставлять правительству другого государства информацию о своих гражданах.<sup>497</sup> Польская сторона интерпретировала это таким образом, что правительство СССР «лишает польского гражданства тех поляков, которые пребывают на территории СССР». В советской ноте было вновь упомянуто о «суворенном праве» Советского Союза на воссоединение территорий.

С этой интерпретацией тут же не согласился польский Народный Совет в Лондоне. 20 февраля 1943 г. он высказался за «интегральность территории Речи Посполитой в ее границах на день 1 сентября 1939 г.», а также за «нерушимость и неделимость государственно-го суверенитета».<sup>498</sup>

26 февраля 1943 г. новый польский посол Т. Ромер был принят главой Советского Правительства И. Сталиным по просьбе В. Сикорского. Переговоры выявили новые серьезные противоречия, в частности польская сторона выдвинула требование о приеме в польскую армию поляков, попавших в советский плен из частей вермахта. Советский руководитель с раздражением напомнил о польской теории «двух врагов», которая ставила на одну доску СССР с гитлеровской Германией.

Советская сторона ответила на польский демарш заявлением ТАСС от 3 марта 1943 г., в котором эмигрантскому правительству приписывался «империализм» и содержались обвинения в том,

<sup>497</sup> Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939–1943... P. 474.

<sup>498</sup> Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej... S. 280.

что «польское правительство не хочет признать исторические права украинского и белорусского народов на воссоединение в своих национальных государствах», продолжая политику расчленения украинского и белорусского народов. Особую обеспокоенность правительства В. Сикорского вызвало то, что «линию Керзона» советская сторона трактовала как единственную возможную и не подлежащую обсуждению. Особенно неприемлемым для эмигрантского правительства явилось то место в заявлении ТАСС, где указывалось, что мнение правительства В. Сикорского в вопросе границ якобы расходится «с действительным мнением польского народа».<sup>499</sup>

В заявлении ТАСС также подчеркивалось, что польские ссылки на Атлантическую хартию являются беспочвенными.<sup>500</sup>

Эмигрантское правительство приняло советский вызов. Польское информационное агентство ПАТ 5 марта 1943 г. сделало заявление: «Договор Рижский 1921 г. и его постановления, окончательно санкционированные в 1923 г. Советом Послов и Соединенными Штатами, не ставились под сомнение Россией вплоть до договоренностей, заключенных СССР и Третьим Рейхом о разделе польских земель; договоренностей, провозглашенных недействительным польско-советским пактом от 30 июля 1941 г. Навязывание германо-советской линии границы от того года не требует никаких комментариев. Так называемая “линия Керзона” была спроектирована только на время военных действий 1919–1920 гг. как линия разграничения (враждующих армий. – В. М.), а не линия границы». Что же касается воли местного населения, то польская нация якобы всегда жила на здесь «в согласии с украинскими и белорусскими соотечественниками». Таким образом, территории, на которые претендует Советский Союз, «бесспорно» принадлежат Польше.<sup>501</sup>

Создается впечатление, что стороны разговаривают на разных языках, поскольку в своей полемике оперируют принципиально различными понятиями. Если Москва настаивала на праве наций на самоопределение, считая, что этническое разграничение польского элемента, с одной стороны, и литовского, белорусского, украинского – с другой, Великие Державы (после распада Австро-Венгрии

<sup>499</sup> Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939–1943... P. 501.

<sup>500</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943... С. 449–450.

<sup>501</sup> The Times. 1943. 5. III.

именно Совет Послов де-юре был сувереном спорной территории и проводил государственные границы в этой части Восточной Европы) определили самостоятельно и без всякого давления с советской стороны («линия Керзона»), то эмигрантское правительство придерживалось диаметрально-противоположной точки зрения.

Не существует, по мнению эмигрантского правительства, никакой границы с Украинской или Белорусской ССР, есть граница с Россией. «Линия Керзона» – не более, чем временная произвольная линия военного разграничения польских и «русских» войск в разгар военных действий 1920 г., предложенная западными политиками, учитывая исключительно *status quo* определенного, затруднительного для Польши, исторического момента.

Тем самым эмигрантское правительство Польши отказалось от украинцам, белоруссам, а также Литве (уже в ипостаси Литовской ССР) в признании их государственности, сводя этно-территориальный спор к решению вопроса о «польско-русской границе». В этом слабость польской позиции. Слабость советских аргументов в том, насколько «плебисциты» в Западной Украине, Западной Белоруссии (октябрь 1939 г.) и Литве (лето 1940 г.) соответствовали международно-правовым нормам.

Москва сделала новую попытку заинтересовать польское эмигрантское правительство всотрудничеством 16 марта 1943 г. В тот день советский посол в Вашингтоне сделал заявление, что СССР согласен с передачей после войны Восточной Пруссии Польше.<sup>502</sup> Но удержать правительство Сикорского от дальнейших недружественных шагов этим авансом не удалось.

Представляется, что польское правительство переоценивало свои силы и возможности. На эти чрезмерные амбиции в марте 1943 г. американскому президенту Ф. Рузвельту указывал не кто иной, как британский министр иностранных дел А. Иден. По его словам, поляки считают, что Россия сейчас предельно ослаблена, а Германия – сломлена. Следовательно, после войны именно Польша будет мощнейшим государством в этой части мира.<sup>503</sup> Исходя из этого, идти на какие либо уступки Москве и Киеву правительство В. Сикорского не собиралось.

<sup>502</sup> Бевиор Б. Указ. соч. С. 41.

<sup>503</sup> Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. The British Commonwealth. Eastern Europe. The Far East. Washington: United States Government Printing Office, 1963. P. 15.

Польско-советским дипломатическим конфликтом попыталась воспользоваться гитлеровская Германия. 12 апреля 1943 г. Берлин известил о выявлении многотысячных погребений польских офицеров в Катыни. Все признаки (найденные в карманах эксгумированных трупов письма, советские монетки и др.) указывали на то, что эти люди были расстреляны в 1940 г. после того как не менее нескольких месяцев пребывали в советском «плену» (формально состояния войны не существовало, следовательно, с правовой точки зрения, польские военные имели статус интернированных). Советские власти немедленно обвинили немцев во лжи. Под давлением радикальных польских кругов премьер В. Сикорский после недолгих колебаний 16 апреля обратился к Международному Красному Кресту с просьбой о проведении расследования обстоятельств гибели польских офицеров на территории СССР. Текст обращения подписали министр С. Кот и генерал Кукель.

Так совпало, что именно в этот день советское правительство опубликовало специальное заявление по поводу «гитлеровской провокации». Было заявлено, что интернированные польские офицеры летом 1941 г. попали в руки гитлеровцев и были ими уничтожены осенью того же года.<sup>504</sup> В советском заявлении не хватало логики – из лагеря интернированных в момент смены советских конвоиров немецкими должны были просочиться если не беглецы, то хотя бы какие-то известия.

18 апреля 1943 г. обращение к Красному Кресту было подтверждено польским эмигрантским правительством.

Американский ученый Дж. Крокер, противник военной политики Ф. Рузельта, писал:

*«Когда специальные донесения разведки и документы с фотографиями, изобличали русскую виновность в леденящей кровь жестокости, были доставлены в Белый Дом, он отреагировал гневом – не в отношении русских убийц, а тех, кто собрал эти факты; и он положил их под сукно».*<sup>505</sup>

<sup>504</sup> Известия. 1943. 16 апреля (хроника).

<sup>505</sup> Crocker G. N. Roosevelt's Road to Russia. Chicago: Henry Regnery Co, 1959. P. 29.

Прокомментируем странное поведение президента мнением еще одного западного автора, который небезосновательно делал вывод, что «катаинский инцидент является ярким примером ведения польской дипломатии, утратившей связь с реальностью как следствие ксенофобских притязаний выступить силой, не намеревающейся себя сдерживать».<sup>506</sup>

26 апреля 1943 г. Советское правительство разорвало отношения с правительством Сикорского. В ноте Советского правительства, официально датированной 25 апреля 1943 г., в частности указывалось, что враждебная кампания против Советского Союза начата одновременно в немецкой и польской прессе и ведется в одном и том же ключе. Это обстоятельство не оставляет сомнений в том, что между врагом союзников – Гитлером и Польским правительством, существует связь и говоря в проведении этой враждебной кампании. Далее в документе указывалось:

*«Советскому правительству известно, что эта враждебная кампания против Советского Союза осуществлена Польским правительством для того, чтобы путем использования гитлеровской лживой фальшивки осуществить давление на Советское правительство с целью вырвать у него уступки за счет интересов Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской Литвы».*<sup>507</sup>

Уже во времена М. Горбачева Кремль признал, что катынские расстрелы были осуществлены его собственными карательными органами, а не немцами. Понятно, в 1943 г. об этом знал и Сталин. Он разрывал отношения с эмигрантским правительством в попытке создать себе искусственное алиби. Но была еще одна, более важная причина. Своими инициативами (не слишком продуманными, поскольку они невыгодно перекликались с пропагандистской кампанией польского официального врага номер один, правительство В. Сикорского откровенно продемонстрировало собственные резко антисоветские настроения. Стало понятным, что возвращение

<sup>506</sup> Kolko G. The Politics of War. Allied Diplomacy and the World Crisis of 1943–1945. London: Weidenfeld & Nicolson, 1969. P. 104.

<sup>507</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943... С. 347.

эмигрантского польского правительства в Варшаву после окончания войны никоим образом не отвечает интересам Советского Союза. Более того, не в интересах Советского Союза и приращение Польши за счет немецких территорий, если будущая послевоенная Польша станет проводить недружественную антисоветскую политику.

Тем самым разрыв с эмигрантским правительством Польши стал не столько поиском оправдания против выдвинутых обвинений или способом давления на союзников, сколько свидетельством коренного поворота в советской внешней политике в отношении западного соседа. После апреля 1943 г. правительство Сикорского и его преемников могло возвратиться к власти в Польше только вопреки воле СССР, последняя возможность компромисса была окончательно утрачена вследствие катынского инцидента.

После разрыва отношений с лондонским эмигрантским правительством Москва начала делать ставку на польские прокоммунистические силы. Еще летом 1941 – весной 1942 гг. сформировались три основные группы польских левых. Две из них объединились вокруг польских редакций при радиостанции им. Т. Костюшко в Уфе (в этом городе пребывал и Исполком Коминтерна) и украинской радиостанции им. Т. Шевченко в Саратове. Третья группа действовала в Куйбышеве (тут пребывали эвакуированные из Москвы советские учреждения и посольства государств, с которыми СССР сохранял дипотношения). Возглавляли куйбышевскую группу В. Василевская и А. Лямпе. 5 мая 1943 г. вышел из печати первый номер журнала *«Нове виднокренги»*, ставшего органом польских коммунистов в СССР.

Опасность «конкуренции» заметили и представители польского посольства, которые всячески пытались помешать распространению этого печатного органа.<sup>508</sup>

Вне всякого сомнения, финансирование польских коммунистических группировок взяли на себя Советское правительство и (до своего роспуска) Коминтерн. При содействии Советского правительства и ВКП (б) был образован и Союз польских патриотов в СССР (СПП). Организационная комиссия СПП была создана в начале 1943 г., а первый номер газеты *“Wolna Polska”* вышел из печати 1 марта того же года. Отношения с эмигрантским правительством

<sup>508</sup> Zbiniewicz F. Cit. op. S. 25–26.

Москвой еще формально не были прерваны, но ему уже готовился противовес.

Показательно, что уже в апреле 1943 г., т.е. одновременно с разрывом дипломатических отношений между Союзом ССР и правительством В. Сикорского, деятели СПП обратились к Советскому правительству с «просьбой» об образовании польских военных частей. Уже в мае 1943 г. при содействии СПП и с согласия (6 мая 1943 г.) Государственного Комитета Обороны СССР было начато формирование стрелковой дивизии, названной в честь Тадеуша Костюшко. Интересно, что учредительный 1-й съезд СПП формально прошел в Москве только 9–10 мая 1943 г., т.е. телега была запряжена впереди коня.

Еще с февраля 1943 г. в составе формирований советских партизан на Западной Украине и севере Волыни образовались обособленные польские партизанские отряды. Это тоже должно было стать тревожным симптомом для лондонских поляков.

Кроме военных потребностей, сотрудничество с польскими силами, оппозиционными к эмигрантскому правительству в Лондоне, преследовало и другие задачи. В программной декларации Польской Рабочей Партии (январь 1942 г.) был провозглашен добровольный отказ от земель на восток от Буга как этнически не польских. Тем самым польские коммунисты свою позицию в национальном вопросе определили.

Члены Союза польских патриотов в СССР (СПП) также признавали «линию Керзона» в качестве послевоенной польской границы и высказывались за «демократическую Польшу», «друга Советского Союза». Программа СПП опубликована 6 января 1944 г. в газете *“Wolna Polska”*. Программные установки СПП, в том числе по вопросу послевоенных границ государства, практически одновременно попали и на страницы западной прессы.<sup>509</sup>

Показательно, что разрыв с польским эмигрантским правительством в апреле 1943 г. Москва не позволила трактовать как изменение своих ранее взятых обязательств насчет будущего Польши как независимого, суверенного государства. Уже 4 мая 1943 г. корреспонденту «Нью-Йорк Таймс» в Москве Паркеру были переданы ответы И. Сталина на его вопросы. В частности, подтверждалось

<sup>509</sup> New York Times. 1944, January 7.

желание Советского правительства видеть после поражения Германии сильную и независимую Польшу. Т.е. страну, которая строила бы свои отношения с СССР на основе крепких добрососедских принципов и взаимного уважения или – если этого пожелает польский народ – на основе союза о взаимопомощи.<sup>510</sup>

Важно понять действительные причины неуступчивости польского эмигрантского правительства в территориальном вопросе, ставшей основным фактором его разрыва с СССР (катаинский конфликт был лишь поводом, а не самодостаточным фактором). Иначе украинская, да и российская, полемика с польской научной школой станет разговором двух глухих.

«Основой существования правительства Речи Посполитой, – подчеркивает известный польский историограф международных отношений периода Второй мировой войны А. Айненкель, – была легальная, действующая конституция, которая признавалась и оппозицией. Антинациональная оппозиция образовала правительство. Оппозиция, которую в Советском Союзе определили термином “фашистское правительство”, состояла из представителей социалистической, крестьянской партий и других группировок. Она заявляла, что правительство не имеет права изменять территорию Речи Посполитой, ее границы, поскольку не имеет права самостоятельно изменять Конституцию. Это можно будет сделать после войны законным путем. Без учета этих положений, сие означало бы, что с этого момента мы даем Советам возможность управлять собой. Они применили тактику салями.<sup>511</sup> Во-первых, не пустим часть ваших граждан в Польскую Армию, потом сделаем с этой армии что захотим, затем пожелаем, чтобы это правительство признало то или другое, после – чтобы реорганизовалось, и так постепенно до момента его полного подчинения. Поэтому, вопреки политической действительности, необходимо было стоять

<sup>510</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943... С. 103.

<sup>511</sup> Т.е. непрерывных требований все новых мелких уступок, подобно тому, как тончайшими слоями нарезается колбаса салями.

на своем, и это следует понимать. В противоположном случае, законность Польского государства автоматически подрывалась. Надо помнить, что одной из основных вещей, которые мы сохранили после поражения 1939 г., была власть и легальная государственная система, с которыми считались все союзные государства. Говорить: “Нет, мы не признаем этого правительства”, означало набросить себе петлю на шею». <sup>512</sup>

Согласимся, указанные аргументы с правовой точки зрения выглядят внешне безупречно: польское правительство не может пре-высить полномочия, установленные все еще действующей Конституцией 1935 г.; уступка в территориальном вопросе стала бы первым шагом на пути полного подчинения суверенной польской власти властям соседней сверхдержавы и т.д. В этом же смысловом ряду – и выпад против тех польских политических сил, которые были готовы принять западную советскую границу по состоянию на 22 июня 1941 г.

Похоже, однако, существует принципиальная разница между действительной причиной и формальным поводом. Не очень убедительными при ближайшем рассмотрении выглядят ссылки на действующую Конституцию 1935 г., которая устанавливала, что «правительство не имеет права изменять территорию». Думается, если это было бы единственным затруднением, то в Кремле не особенно спешили бы даже формально нарушать польскую Конституцию. Ведь сходная ситуация возникла в отношениях с эмигрантским правительством ЧСР. Однако, когда в декабре 1943 г. эмигрантский президент ЧСР Е. Бенеш лично изъявил готовность передать Карпатскую Украину Советскому Союзу, не кто иной, как Сталин это предложение отверг. <sup>513</sup>

Чего в Москве ожидали от правительства Сикорского в 1941–1943 гг.? Правительству В. Сикорского, а затем С. Миколайчика достаточно было сделать заявление сходное с тем, что огласил Польский Комитет Национального Освобождения в июле 1944 г.: хотим дружественных, равноправных отношений с Советским Союзом;

<sup>512</sup> Україна-Польща: важкі питання. Том 3... С. 221.

<sup>513</sup> Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. Дек. 1943 – май 1945. М.: Наука, 1983. С. 267.

польские земли должны принадлежать Польше, литовские – Литве, белорусские – Белоруссии, украинские – Украине. т.е. согласиться на этнографический принцип установления послевоенной польско-советской границы. В этом случае вполне обоснованным виделось бы требование повторного плебисцита на тех землях Второй Речи Посполитой, которые отошли к СССР в 1939 г. (Западная Украина, Западная Белоруссия) и 1940 г. (Сувалки и даже Виленщина). Именно эту новую линию границы мог бы ратифицировать послевоенный польский Сейм – в полном соответствии с международным правом и Конституцией Польши 1935 г.

Сделать такого рода заявление и даже подписать совместную декларацию не могла бы помешать польской стороне и Конституция 1935 г. Обратимся к мнению специалистов.

*«Действителен ли в международно-правовом смысле договор, утвержденный главой государства без одобрения парламента, которого требует Конституция, – вопрошают Д. Анцилotti. – (...) Договор, соответствующий требованиям международного права, будет действителен даже в том случае, если глава государства совершил действие, на которое его не уполномочивали, или, во всяком случае, нарушил свои конституционные обязанности».*<sup>514</sup>

Тем самым даже полноценный договор о границе мог быть подписан (по крайней мере, в теории) Советским правительством с представителями эмигрантского польского правительства уже в 1941 г. и тем временем ждал бы своей ратификации (кстати, вовсе не столь уж очевидной, например в случае, если бы в депутатском корпусе доминировали националисты и антикоммунисты) на заседании послевоенного Сейма. Конечно, при условии, если польская сторона пошла бы на такой шаг.

Далее мы увидим, что реальный послевоенный советско-польский Договор о границе вначале был подписан главой Польского государства (16 августа 1945 г.) и только затем ратифицирован Красной Радой Народовой (31 декабря 1945 г.).

<sup>514</sup> Анцилotti Д. Указ. соч. С. 238.

На наш взгляд, польский ученый не желает видеть очевидные факты, а именно: ни о какой советско-польской границе, отличной от линии 1921 г., эмигрантское правительство и слышать не хотело в принципе. И Конституция 1935 г. – не более, чем удобный повод для бескомпромиссной позиции.

Подразделения АК базировались и активно готовили антисоветскую операцию «Буря» даже на тех западно-украинских территориях (Волынь), где польское население всегда и повсеместно составляло относительно незначительное меньшинство. Ставилась задача встретить Красную Армию с готовой польской администрацией.

Эмигрантское правительство в годы войны неоднократно заявляло, что послевоенная Польша должна получить приращение территории за счет немецких земель. При этом Конституция 1935 г., которая относила вопросы изменения государственных границ к компетенции парламента, а не правительства, даже не вспоминалась.

Еще раз отметим то обстоятельство, что, отказываясь от малейших уступок на востоке, эмигрантское правительство не отступало от своих требований пересмотра довоенных границ с Германией под предлогом «создания безопасных международных условий» для послевоенной Польши.

Незамеченным остается еще один важный момент. Своим заявлением о послевоенных границах с Германией «лондонские поляки» собственоручно передали Москве этот же аргумент – заботу о соображениях собственной безопасности при установлении послевоенных границ.

В математике иногда практикуется такой метод доказательства, как «от противного». Допустим, послевоенное урегулирование в Восточной Европе состоялось бы в полном соответствии с планами польского эмигрантского правительства. Советский Союз возвратился в границы 1939 г., а Польша осуществила приращение своей территории за счет Восточной Пруссии, Гданьска (Данцига), Вроцлава (Бреслау) и прилежащих немецких земель. Чехословакия, от которой «полковники» в свое время вместе с Гитлером урвали Тешинскую Силезию, вошла бы в федерацию с Польшей, в которой доминирующую роль играла бы, понятно, Варшава. Западные союзники по Атлантической хартии тем временем уже декларировали свой отказ от территориальных приобретений. Встает резонный вопрос: а за что, собственно, воевали Англия и Франция – с 1939 г., СССР и США – с 1941 г.?

Как Черчилль, Рузельт, де Голль и особенно Сталин будут объяснять собственным народам принесенные на алтарь победы жертвы? Даже такая постановка вопроса свидетельствует о нереалистичности позиций польского эмигрантского правительства. Не может весь мир задаваться интересами какой-то одной нации, какое бы сочувствие своими бедами и героизмом она ни вызывала, и при этом забывать о собственных государственных интересах.

На одиннадцатом заседании Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (29 октября 1943 г.) советский нарком В. Молотов заявил, что:

*«Необходимо принять во внимание тот факт, что Польша является нашим соседом. Никто так не заинтересован в хороших отношениях с Польшей, как мы – ее соседи. Мы стоим за независимую Польшу и готовы помочь ей, но необходимо, чтобы в Польше было такое правительство, которое было бы дружественно настроено относительно СССР. Этого-то теперь и не хватает. Повторяю: Советский Союз – за независимую Польшу и готов помочь полякам в достижении этого, требуется только дружественное отношение к нам со стороны польского правительства».*<sup>515</sup>

Независимая Польша, утверждал в Москве Молотов, должна быть дружественной к Советскому Союзу. Спрашивается, а при каких условиях она сможет стать «дружественной»? Существовало всего две модели решения вопроса: или правительство В. Сикорского (С. Миколайчика) изменит свою политическую ориентацию на диаметрально-противоположную, что маловероятно, или – как альтернатива эмигрантскому правительству «лондонских поляков» – в Варшаве будет заседать какое-то другое правительство, «дружественное» к СССР. Молотова поняли правильно. По крайней мере, это относится к польским коммунистам.

Перед конференцией в Тегеране эмигрантское правительство С. Миколайчика 16 ноября 1943 г. передало Черчиллю и Рузельту

<sup>515</sup> Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов [В 6 т.]. М.: Политиздат, 1978–1980. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М.: Политиздат, 1978. С. 252–253.

меморандум, в котором снова отвергло любую возможность изменения предвоенной польско-советской границы:

*«Польские восточные земли, составляющие предмет советских претензий, охватывают более половины (территории) польской Речи Посполитой. В их границах пребывают важные ячейки польской национальной жизни. Они тесно связаны с Польшей узами историческими, цивилизационными и культурными. Польская народность, которая проживала там испокон веков, составляет относительное большинство населения этих земель. (...) Правительство польское не может видеть перед собой открытой дороги для поднятия дискуссии на тему территориальных уступок по той причине, что такая дискуссия при отсутствии эффективных гарантий независимости и безопасности Польши со стороны Великобритании и США неотвратимо приводила бы в дальнейшем ко всем новым требованиям».<sup>516</sup>*

### **3.2. Изменения в военно-политической ситуации после нападения фашистской Германии на СССР и влияние данных изменений на международно-правовые подходы к вопросу о государственно-территориальном статусе Западной Украины**

Нападение гитлеровских армий на Советский Союз вызвало в Лондоне и Вашингтоне ощущение облегчения. Стало понятным, что вторжение на Британские острова откладывается, по крайней мере, на год-два – пока Гитлер не завоюет и не «переварит» новую добычу. С другой стороны, если бы Третьему Рейху удалось, подобно завоеванным странам Европы, эффективно задействовать еще и ресурсы покоренного СССР, ситуация для англо-американских союзников стала бы критической.

*«В самом начале фашистской агрессии против Советского Союза, – указывает М. Коваль, – мало кто из зарубежных государственных и военных деятелей сомневался в его*

<sup>516</sup> Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej... S. 418–420.

неминуемом, более того, быстрым поражении. Начальник генштаба английской армии фельдмаршал Д. Дилл давал советским вооруженным силам всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве С. Криппс – месяц. Шеф хваленой британской разведки вообще считал, что советские войска продержатся не более 10 дней. Подобные настроения господствовали и в США, причем не только в руководящих кругах. Корреспондент журнала “Life” утром 22 июня 1941 г. искал в Нью-Йорке желающих поспорить на шансы Красной Армии в свете немецкой агрессии. Из 100 опрошенных только один согласился биться о заклад – настолько низко оценивались возможности Красной Армии».<sup>517</sup>

Тем не менее, на Западе понимали, что даже быстрый военный успех Гитлера не решит дело окончательно. Необходимы будут месяцы и годы, чтобы овладеть завоеванным пространством, наладить управление и контроль над обширными областями и недружественным многомиллионным населением со стороны оккупационных сил.

Однако существовала неприятная альтернатива. Если бы Москва пошла путем Франции (правительства Виши) и заключила сепаратный мир с Германией, превратившись после этого в ее вынужденного союзника, положение Объединенных Наций стало бы безвыходным. Поэтому следовало сделать все возможное, чтобы не допустить такого развития событий.

Стараясь навязать польскому эмигрантскому правительству взаимопонимание с советскими представителями на переговорах о нормализации взаимных отношений (июль 1941 г.), Англия настаивала на отсрочке территориального спора двух стран на будущее. При этом делалось все, чтобы не оттолкнуть, прежде всего, нового советского партнера. На следующий день после подписания советско-польского соглашения А. Иден, выступая в палате общин, заявил, что вчерашний обмен нотами между британским и польским эмигрантским правительствами по этому поводу не означает, однако, «каких-либо гарантий со стороны правительства Его Величества».<sup>518</sup>

<sup>517</sup> Коваль М. В. 1941-й рік і проблеми історичної пам'яті // Український історичний журнал. 2001. № 3. С. 88.

<sup>518</sup> Churchill W. S. The Second World War. The Hinge of Fate... P. 350.

Параллельно с советско-польскими переговорами в Лондоне (июль 1941 г.) имели место четыре консультации польского посла в Вашингтоне Я. Цехановского с государственным секретарем США С. Уэллесом и одна личная встреча президента Ф. Рузвельта с советским послом Т. Уманским, посвященные исключительно вопросам польско-советских границ и скорейшего подписания союзного договора между двумя правительствами.

Если советскому послу Ф. Рузвельту ненавязчиво указывал на необходимость возвращения предвоенных отношений между СССР и Польшей, то С. Уэллес отказал Я. Цехановскому не только в предложении принять от имени американского правительства специальную декларацию о непризнании любых территориальных изменений, осуществленных силой, но и в просьбе каким-либо образом повлиять на СССР. Госсекретарь объяснил это тем, что вмешательство третьей стороны в польско-советские переговоры вызовет только излишние затруднения.<sup>519</sup>

Можно сделать вывод, что для Лондона и Вашингтона вопрос о послевоенных границах в Восточной Европе уже в июне 1941 г. не относился к приоритетным. Более важным было то, насколько долго восточный фронт свяжет немецкую агрессивность на западном направлении.

Обнадеживающая перспектива была омрачена угрозой сепаратного мира между СССР и Германией. То, что Красная Армия выстояла в первые, наиболее тяжелые недели и месяцы боев, означало провал планов blitzkriega, и, следовательно, возникновение новой политической ситуации, в которой стал возможен, по крайней мере теоретически, компромисс между коммунизмом и национал-социализмом.

Запад нуждался в своем советском союзнике и боялся его потерять. Не спешили в Лондоне и Вашингтоне и с открытием второго фронта против Гитлера в Западной Европе – как известно, дата высадки англо-американского десанта на территории Франции несколько раз переносилась.

Существует довольно выразительная статистика военных потерь западных союзников во Второй мировой войне: Британское Содружество (без Канады) – 505 457 человек; США – 292 100 человек;

<sup>519</sup> Корчак-Городицкий О. Указ. соч. С. 121–122.

Канада – 39 139 чел человек.<sup>520</sup> Общие же советские потери с учетом военнослужащих и гражданского населения, по некоторым современным оценкам, составляют цифру порядка 27 млн человек, т.е. в тридцать раз (!) больше, чем у западных партнеров по коалиции, вместе взятых.

Американские специалисты подсчитали стоимость жизни среднестатистического человека, погибшего во время Второй мировой войны. Вышло приблизительно 30 тыс. долларов.<sup>521</sup> Нужно думать, в ценах того времени.

За сохраненных от гибели на поле боя английских и американских солдат Черчилль и Рузвельт готовы были платить. Платить допущением Советского Союза в общность демократических государств (как известно, в декабре 1939 г. Советский Союз был изгнан из Лиги Наций). Платить поставками по ленд-лизу. И не только.

Удовлетворить советские территориальные требования, признав западные границы СССР по состоянию на 22 июня 1941 г., можно было только ценой соседних стран – Финляндии, Румынии, Польши. Если с Финляндией и Румынией вопрос стоял проще – они воевали на стороне Гитлера и уже этим лишили Лондон и Вашингтон любых политических или моральных обязательств относительно себя, то польский вопрос виделся принципиально иным. Именно нападение Гитлера на эту страну стало для Великобритании поводом для вступления во Вторую мировую войну; польские летчики принимали участие в Битве за Англию летом 1940 г.; наконец, само пребывание эмигрантского польского правительства в Лондоне обязывало послевоенную Польшу перед ее западным покровителем. Пренебрегать этими соображениями было невозможно.

Тернопольский исследователь Сергей Ткачев утверждает, что проект перемещения польской границы на запад англичане стали разрабатывать еще в ноябре-декабре 1941 г. Тогда группа экспертов начала аналитическую работу по определению возможности переселения немцев из Восточной Пруссии на запад. Они подсчитали, что даже при всех военных потерях нужно будет переселить вглубь Германии около 7 млн немцев. На этих выводах базировался мемо-

<sup>520</sup> Втрати України у Другій Світовій війні // Визвольний шлях, липень, 1995, Кн. 7 (568). С. 827–828.

<sup>521</sup> Трембіцький В. Національні втрати українського народу за 70 років // Державність. 1995. Серпень. № 14. С. 10.

рандум министра иностранных дел А. Идена своему правительству. Военный кабинет утвердил эти предложения 12 февраля 1942 г. и признал, что там, где это будет необходимо, следует провести перемещение населения.<sup>522</sup>

Тем самым уже накануне первого визита А. Идена в Москву (декабрь 1941 г.) Англия наметила определенные контуры своей политики в вопросах территориального переустройства Восточной Европы, которые шли в разрез с провозглашенными в Атлантической хартии обязательствами всех членов Объединенных Наций не стремиться к территориальным приобретениям для себя в ходе продолжающейся войны.

Но в силу известных обстоятельств Лондон должен был согласовывать свои усилия с Вашингтоном. Известно, что накануне своего визита в Москву А. Иден дал указания Форин-офису предоставлять американскому послу в Великобритании Уинанту все телеграммы, которые он будет присыпать из советской столицы.<sup>523</sup>

5 декабря 1941 г. госсекретарь США передал Уинанту указание персонально сообщить А. Идену (но текста послания не оставлять) о «нежелательности вступления в обязательства, затрагивающие специфические условия послевоенного устройства».<sup>524</sup> Британский министр собирался в поездку в СССР, причем не подлежало сомнению, что там пойдет разговор и о признании союзниками линии предвоенных советских границ. Американцев можно понять – на администрацию президента влияли такие мощные факторы, как интересы монополий США в Восточной Европе, активность американской польской диаспоры, нежелание ставить под сомнение принципы Атлантической хартии и другое.

Иначе думали в Лондоне. 6 декабря, т.е. за два дня до начала визита Идена Великобритания объявила войну Финляндии, Венгрии и Румынии. Этот шаг, по сути, разрешал наперед вопрос о послевоенных границах СССР с северным и южными соседями (конечно, в случае ожидаемой победы антифашистского блока) – побежденным врагам территорию за счет победителей не приращивают.

<sup>522</sup> Ткачов С. Указ. соч. С. 15.

<sup>523</sup> Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941 / In 7 Vol. / Vol. I. General. Washington: United States Government Printing Office, 1959. P. 201.

<sup>524</sup> Ibid. P. 194–195.

После нападения Японии на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор в ночь с 7 на 8 декабря 1941 г. и объявления Соединенным Штатам войны Германией и Италией (для Гитлера этот шаг был вопросом чести) 11 декабря 1941 г. США де-юре стали участниками Второй мировой войны.

Польское эмигрантское правительство попыталось использовать японское нападение на США для укрепления собственных позиций. Так, 12 декабря 1941 г. в ответ на налет японской авиации на Перл-Харбор оно объявило войну Японии. И хотя отважные польские эмигранты опоздали ровно на три дня, если сравнивать их, например, с Кубой или Гватемалой, зато больше чем на три года опередили Советский Союз. Конечно, пока еще не существовало такого фронта, где бы польские вооруженные силы могли противостоять японцам – в отличие от советского Дальнего Востока, но жест выглядел хорошо.

Как известно, Рузвельту в своей стране долгое время пришлось вести борьбу с изоляционистами – сторонниками сохранения нейтралитета США, невмешательства в европейские дела. После 11 декабря для Вашингтона мосты были сожжены; это понимали не только в окружении президента, но и те силы, которые недавно опирались вступлению в войну. Стремление к победе над Германией и Японией, разбуженный вражеским нападением патриотизм сплотили американскую нацию. Одним из побочных следствий этого нового состояния американского социума и политикума стала готовность США отказаться от защиты тех или иных второстепенных интересов во имя главной цели. Голоса избирателей польского происхождения, важные как для демократов, так и для республиканцев, перестали сверх меры влиять на отношение Вашингтона к Москве. Военные возможности СССР плюс опасность сепаратного советско-германского мира определяли теперь, за небольшим исключением, поведение демократов – хозяев Белого Дома и их республиканской оппозиции.

В Москве в декабре 1941 г. Идену удалось соблюсти выработанную совместно с США линию поведения – никаких официальных обязательств по вопросам территориального устройства Европы до окончания войны. Однако это совсем не означало, что Лондон и Вашингтон в этот период априори исключали возможность последующего удовлетворения советских территориальных требований. Похоже,

западные союзники просто не спешили «за бесценок» лишиться такого серьезного фактора влияния на СССР, которым для Москвы в то время была проблема ее послевоенных западных границ.

Указанные переговоры начались 16 декабря 1941 г. Обе стороны заблаговременно подготовили свои проекты итоговых документов, в том числе и тех, которые рассматривали вопросы послевоенного устройства. Статья 5 английского проекта рассматривала «территориальные вопросы, подлежащие рассмотрению при мирном урегулировании». Она содержала два принципа: недопустимость захвата чужих территорий и невмешательство во внутренние дела других народов. Ссылаясь на Атлантическую хартию, английская делегация 17 декабря попыталась обосновать свою обструктивную политику в вопросе признания западных границ СССР. Stalin реагировал резко: «Невольно складывается впечатление, что Атлантическая хартия направлена не против тех людей, которые хотят установить мировое господство, а против СССР».<sup>525</sup> Британский министр 18 декабря отреагировал в том духе, что «вопросы о советских границах никаким образом не призывают в противоречии с Атлантической хартией», намекнул на то, что он не очень высокого мнения о последней, и даже предложил опубликовать Московскую хартию, которая в определенном понимании стала бы противовесом Атлантической.<sup>526</sup>

18 декабря А. Иден предложил сформулировать главное положение предлагаемого советско-английского договора в следующей редакции: «Обе договаривающиеся стороны обязуются совместно работать над реконструкцией Европы после войны с полным учетом интересов каждой из них». В английском проекте снималось упоминание об отказе от «приобретений» и о невмешательстве во внутренние дела народов. По сути, Англия впервые сделала попытку предложить Советскому Союзу новое разделение Европы на сферы влияния – предложение, которое со временем со всей откровенностью озвучил У. Черчилль.

Реакция Сталина была несколько неожиданной. Советский диктатор отверг английскую формулировку и высказал пожелание даже усилить пункты о недопустимости территориальных приобретений

<sup>525</sup> Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945... Т. 1. С. 189.

<sup>526</sup> Там же. С. 195.

и о невмешательстве. Советская сторона предложила внести в договор специальную статью, которая гарантировала бы обеим сторонам признание принципа стабильности европейских границ, нарушенных в результате немецкой агрессии. Понятно, что имелись в виду, прежде всего, советские границы состоянием на 22 июня 1941 г.

На этом переговоры были прерваны – формально из соображений процедурного характера, вопрос о союзном договоре отложен «на будущее». В заключительном коммюнике отмечалась лишь «необходимость полного разгрома гитлеровской Германии», что следовало понимать как обязательство сторон не заключать сепаратного мира с Гитлером и его правительством.

Можно высказать некоторые предположения, которые, по нашему мнению, удержали Москву от подписания эвентуальной Московской хартии. Союзный советско-английский договор скрыть было бы невозможно, он подлежал немедленному опубликованию – слишком ждали его в Лондоне и в Вашингтоне, да, впрочем, и во всем мире. Дать повод США почувствовать себя изолированным, проигнорировать Атлантическую хартию, подкинуть материал гебельсовской пропаганде, оттолкнуть шатких союзников по антигитлеровской коалиции – все эти узкие места предложенного Иденом соглашения сразу бросались в глаза. Кроме того, в Кремле хорошо понимали, что декларативный, по сути, характер такого соглашения будет находиться в большой зависимости не столько от доброй воли руководства обоих государств, сколько от реальной расстановки сил в послевоенной Европе.

Необходимо также добавить, что союзники, по крайней мере, несколько раз пытались подсунуть Сталину троянского коня в виде новых территориальных требований. Например, в январе 1942 г. США выдвинули, по словам Ф. Рузельта, «справедливую» идею: «дать» Советскому Союзу «незамерзающий порт на севере, где-нибудь в Норвегии, вроде Нарвика», вместе с «коридором» к нему. По этому поводу НКИД поручил советскому послу в США официально заявить, что у СССР «нет и не было каких-либо территориальных или других претензий к Норвегии», а само предложение является полностью неприемлемым.<sup>527</sup>

<sup>527</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1984. С. 148, 149.

Позднейшие события 1945–1949 гг. показали, что Москва весьма уверенно контролировала ту сферу влияния, которую она очертила себе в ходе победоносных боев Второй мировой войны. Однако открыто провозглашать в официальном документе свою волю осуществить «реконструкцию послевоенной Европы» в соответствии с собственными интересами было бы неоправданным ребячеством, особенно в декабре 1941 г., когда Красная Армия только отогнала Гитлера от Москвы.

Однако предложения А. Идена в Москве не были проигнорированы и забыты. Этими настроениями своего союзника СССР еще воспользуется.

31 января 1942 г. состоялась встреча В. Сикорского с У. Черчиллем. Последний накануне вернулся из Вашингтона, где пребывал более 3 недель – с 22 декабря 1941 г. по 14 января 1942 г. После форс-мажорного вступления США во Вторую мировую войну американский президент и английский премьер должны были обговорить детали будущего сотрудничества. Можно предположить, что У. Черчилль говорил в этот раз с В. Сикорским не только от собственного имени, но и в определенной степени от имени своего заокеанского союзника. Понятно, что во время этой встречи именно вопросы послевоенных польско-советских границ больше всего волновали В. Сикорского. Глава британского правительства заметил своему партнеру, что: «Поскольку мы еще не получили победы, проблема европейских границ не должна обговариваться никаким образом». На дальнейшие возражения Сикорского Черчилль заявил, что коммунизм не очень пугает Великобританию. Если те или иные страны со временем изберут для себя этот режим, Лондон не будет выступать против.<sup>528</sup>

Сразу же по окончании своих консультаций с У. Черчиллем В. Сикорский объявил, что британская сторона дала согласие на создание одной польской танковой дивизии в Англии и одной механизированной дивизии на Ближнем Востоке.<sup>529</sup>

Понятно, что, за исключением вопросов военного сотрудничества, польская сторона оставалась отнюдь не удовлетворенной итогами этих переговоров. Неожиданные просоветские симпатии Черчилля зимой 1941–1942 гг. объяснялись не столько личными привязаннос-

<sup>528</sup> Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939–1943... Р. 274–276.

<sup>529</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943... С. 568.

тами премьера, сколько политическими соображениями, оценкой военных возможностей Советского Союза и эмигрантского правительства Польши.

С другой, американской, стороны, 25 февраля 1942 г. исполняющий обязанности министра иностранных дел эмигрантского правительства Польши Э. Рачинский был принят президентом США Ф. Рузвельтом и получил уверения, что английское и американское правительства достигли соглашения: не признавать территориальные изменения, которые произошли в начале Второй мировой войны.<sup>530</sup>

Противоречия в подходах Вашингтона и Лондона к проблеме признания послевоенных советских границ в это время зашли настолько далеко, что Рузвельт, по словам американского политолога В. Ренджа, «предупредил Британию в начале 1942 г., что в случае, если она подпишет соглашение, пойдя навстречу требованиям России, он будет вынужден денонсировать его публично».<sup>531</sup>

Как видим, в начале 1942 г. Рузвельт и Черчилль достигли определенной договоренности в вопросе о будущих западных границах своего советского союзника – их международно-правовая фиксация возможна только после окончания войны. Но, по крайней мере, в отношениях с польским эмигрантским правительством, Вашингтон и Лондон диаметрально противоположно интерпретировали достигнутое соглашение. Если Рузвельт настаивал, прежде всего, на том, что все территориальные изменения, которые имели место после 1 сентября 1939 г., недействительны, то Черчилль акцентировал внимание на другом: после победного завершения войны польско-советские границы будут установлены с учетом новых послевоенных реалий.

Но и американская изначально нерушимая позиция стала более покладистой. 12 марта 1942 г. в разговоре с послом М. Литвиновым Рузвельт, ссылаясь на Атлантическую хартию, указывал, что вопросы о Прибалтике, Бессарабии и Буковине до окончания войны могут быть решены только в форме устного соглашения, которое к тому же, осталось бы секретным. Что же касается самого президента, то «по существу, у него нет никаких расхождений с нами, никаких затруднений он не предвидит в связи с желательными нам границами

<sup>530</sup> Коваль В. С. В роки фашистської навали... С. 23.

<sup>531</sup> Range W. Franklin D. Roosevelt's World Order. Atlanta: University of Georgia Press "Athens", 1959. P. 114.

после войны».<sup>532</sup> Рузвельт и Литвинов в этом разговоре деликатно обошли «польскую» тематику. Обращает внимание одно место в телеграмме Литвинова, а именно:

*«Рузвельт опять повторил то, что он мне говорил почти при каждой встрече: как он хотел бы встретиться со Сталиным, с которым ему легко было бы договориться, так как они оба реалисты».*<sup>533</sup>

Рузвельт был внутренне готов пойти на уступки Сталину в вопросах послевоенных границ, но в наименьшей мере собирался делать это в форме безвозвратного подарка.

Оставалось большое количество вопросов, которые составляли интерес для американской стороны и должны были выступать предметом торга в ближайшем будущем: второй фронт, поставки по ленд-лизу, итальянские и французские колонии, война СССР против Японии, послевоенное устройство мира и т.п. Рузвельт понимал, что Сталин будет вынужден стать «реалистом»: не имея возможности продемонстрировать собственному народу слабость в вопросе о послевоенной западной границе (что было бы однозначно расценено народом как поражение), советский диктатор тем охотнее пойдет на компромисс в тех вопросах, где уступки западным союзникам не будут носить характер явной капитуляции.

7 марта 1942 г. британский премьер опять предложил Рузвельту не интерпретировать принципы Атлантической хартии таким образом, чтобы ставить под сомнения границы Советского Союза на момент немецкого нападения.<sup>534</sup> В своих мемуарах У. Черчилль вспоминает, что уже в это время он просил США дать ему «свободу рук» для подписания договора с СССР, включая и пункт о признании границ, потому что:

*«Все предвещает возобновление весной в огромных масштабах немецкого наступления в России, и мы очень мало что можем сделать, чтобы помочь этой единствен-*

<sup>532</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 1. 1941–1943. С. 155.

<sup>533</sup> Там же. С. 156.

<sup>534</sup> Косик В. Україна під час другої світової війни 1938–1945... С. 224.

*ной стране, которая ожесточенно воюет с немецкими армиями».<sup>535</sup>*

Про этот свой шаг английский премьер поспешил сообщить Москве, даже не дождавшись ответа из-за океана. Уже 9 марта он послал телеграмму Сталину (получена 12 марта):

*«Я отправил президенту Рузвельту послание, убеждая его одобрить подписание между нами соглашения относительно границ России по окончании войны».<sup>536</sup>*

Однако под давлением правительства польской эмиграции, сохранившего определенное влияние в США, Рузвельт отказался одобрить намерения Черчилля и его предложение поддержки послевоенных границ Советского Союза.

*«Такая позиция президента Соединенных Штатов, – указывает В. Косык, – разочаровала Черчилля и особенно Идена. Иден считал, что не стоит провоцировать недовольство Сталина, потому что он может обратиться к Гитлеру и начать переговоры о сепаратном мире».<sup>537</sup>*

Не стоит списывать со счетов и настроение английского общества, для рядовых граждан которого оттягивание немецких военно-воздушных сил на восточный фронт стало настоящим спасением. После вынужденного вступления Союза ССР в войну положение на острове, как англичане привыкли называть свою родину, стало куда легче, а перспективы успешного завершения мировой войны – более обнадеживающими. Необходимо принять во внимание также фактор возрастающих симпатий к Советскому Союзу со стороны больших групп населения Англии и США.

18 февраля 1942 г. С. Криппс выступил в Лондоне перед неофициальным собранием, на котором присутствовало около 300 членов

<sup>535</sup> Churchill W. S. The Second World War. Grand Alliance. Boston: Houghton Mifflin Co, 1950. P. 327.

<sup>536</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.) / М-во иностр. дел СССР. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. С. 50.

<sup>537</sup> Косык В. Україна під час другої світової війни 1938–1945... С. 224.

британского парламента, представлявших все политические партии. С. Криппс агитировал за предоставление Советскому Союзу международно-правового признания его границ. Аргументами британскому послу в Москве послужила необходимость укрепления связей с СССР для дальнейшего использования Красной Армии в войне с Японией. «Уступкой» территорий предполагалось «успокоить» Советский Союз, который не скрывал своего раздражения в связи с затягиванием открытия второго фронта; предполагалось также с помощью Москвы сдерживать Германию и в послевоенный период. С. Криппс в своем выступлении ссылался на невозможность игнорировать настроений широких народных масс, благосклонно относившихся к СССР.

Показательно, что это собрание очень заинтересовало американцев и поверенный в делах США просил парламентского заместителя министра иностранных дел Англии Ричарда Лоу максимально полно информировать его о выступлении С. Криппса. В свою очередь Лоу отметил, что палата общин в целом положительно отнеслась к предложениям Криппса. Что же касается народа Англии, то для него подобная договоренность с Россией стала бы «в высшей степени приемлемой».<sup>538</sup>

30 марта 1942 г. посол Великобритании в Вашингтоне Галифакс передал С. Уэллесу текст телеграммы А. Идена, в которой утверждалось, что «английское общественное мнение должно быть принято во внимание», иначе положение в Англии будет катастрофическим. Галифакс шантажировал Уэллеса возможностью падения кабинета У. Черчилля и замены его правительством С. Криппса, в результате чего «возникла бы такая вероятность, что это правительство проводило бы откровенно коммунистическую просоветскую политику». Незадолго до того, 7 марта 1942 г. в секретном послании Черчилля Рузвельту отмечалось:

«Возрастающая серьезность войны заставила меня прийти к выводу, что принципы Атлантической хартии нельзя толковать таким образом, будто они лишают Россию границ, которые она занимала, когда на нее напала Германия». За этим посланием ощущается, что для Черчилля

<sup>538</sup> Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии в период Второй мировой войны... С. 317.

вопрос послевоенных «русских границ» представляет уже чисто практический интерес. В начале апреля помощник госсекретаря Беркли писал о «почти неистовом давлении англичан на нас с целью добиться нашего согласия».<sup>539</sup>

Интересно проследить, как реагировали на смену настроения в Лондоне польское эмигрантское правительство генерала Сикорского и его представители при Форин-офисе. Парадоксально, но смягчение позиций своих лондонских покровителей насчет Союза ССР польские эмигранты сопроводили радикализацией собственных.

Весной 1942 г. эмигрантское правительство Польши не только не соглашалось даже ставить на обсуждение вопрос о возможности изменения своих довоенных восточных границ, но и взяло на себя роль защитника интересов гитлеровского союзника – Румынии.

*«Услышав от Сикорского, что Лондон готовится подписать с Россией договор, который признает ее требования Балтийских государств и румынских территорий, – вспоминает Э. Рачинский, – я пошел с Цехановским 6 марта (1942 г. – В.М.) на встречу с Самнером Уэллесом».*<sup>540</sup>

Современное международное право признает принцип равности всех своих субъектов, т.е. никто не мог запретить полякам иметь свою точку зрения по поводу румынских границ. Но, согласимся, подобные польские действия во время, когда результат войны еще оставался неясным, должны были вызывать у Лондона и Вашингтона определенное раздражение.

Польский посол в США Я. Цехановский по настойчивым требованиям своего правительства в конце 1942 г. старался повлиять и на участников англо-американской союзнической конференции в Касабланке. Однако А. Иден просто отказался его принять, поручив эту встречу низшему по рангу руководителю департамента европейских дел британского МИД. Польскому послу дали понять, что Лондон не имеет намерения конфликтовать со своим могущественным восточным союзником, защищая территориальные интересы Поль-

<sup>539</sup> Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии в период Второй мировой войны... С. 317–318.

<sup>540</sup> Raczyński E. In Allied London... P. 110.

ши. В этот раз у посла сложилось мнение, что подобные настроения господствовали и в американском лагере.<sup>541</sup> Демонстративные обещания Ф. Рузвельта поддерживать эмигрантское правительство вполне увязывались с его нежеланием обострять отношения с Москвой на почве территориальных вопросов.

В январе 1943 г. прошла встреча Черчилля и Рузвельта в Касабланке.

*«Черчилль и Рузвельт, – указывает Г. Адамс, – рассчитывали на присутствие Сталина, но советский лидер отказался покинуть Кремль и не проявил интереса к встрече. Казалось, что его отношение выглядело так: вы много чего не сделали в 1942 г. – второго фронта не было. Пока вы не выполните своих обещаний насчет России, нам не о чем разговаривать».*<sup>542</sup>

Сталинградская битва, подходившая к своему успешному завершению, снова пробудила у западных государств опасения относительно заключения сепаратного мира между СССР и Германией. Подобные слухи постоянно циркулировали в странах Оси. Возможно, это делалось с ведома Гитлера, поскольку взаимное недоверие между союзниками было на руку нацистской Германии.

Так или иначе, еще в начале января 1943 г. американский госсекретарь С. Уэллес впервые объявил польскому послу Я. Цехановскому о возможности цессии (передачи) польской территории Советскому Союзу.<sup>543</sup>

Весной 1943 г. американцы окончательно убедились в неизменности советской позиции в вопросе послевоенных границ.<sup>544</sup> До этого еще сохранялась надежда, что, возможно, удастся удовлетворить Москву предоставлением ей военных баз в тех регионах, которые имеют стратегический интерес для безопасности СССР.

С 12 по 29 марта 1943 г. в Вашингтоне проходила англо-американская встреча при участии Ф. Рузвельта, К. Хелла, С. Уэллеса, Г. Гопкинса и А. Идена. Под давлением британского министра иностран-

<sup>541</sup> Ciechanowski J. Defeat in Victory. Garden City-New York: Doubleday, 1947. P. 135.

<sup>542</sup> Adams H. 1942. The Year that Doomed the Axis. New York: David McKay Co, Inc., 1967. P. 493.

<sup>543</sup> Mowrer E. A. Cit. op. P. 161.

<sup>544</sup> Foreign Relations of the United States... Vol. III. P. 14.

ных дел было согласовано, что западные союзники признают вхождение в СССР балтийских государств, если воля их населения будет подтверждена новым послевоенным плебисцитом (на этом последнем требовании настаивала американская сторона). Присоединение к «России» Бессарабии и Северной Буковины было признано даже без таких оговорок (возможно, потому, что заинтересованной стороной была Румыния, воюющая на стороне гитлеровской Германии). Насчет послевоенной Польши Иден и Рузвельт согласились, что ее восточная граница будет ограничена «линией Керзона», но только при условии, что Польша согласится взамен удовлетвориться Восточной Пруссии, из которой будет выселено немецкое население.

На этих же переговорах Иден поделился с Рузвельтом следующими соображениями: поскольку с Союзом ССР будет тяжело иметь дело в будущем, не стоит рассчитывать на его конструктивное участие в работе Большой Четверки (США, Великобритания, СССР и Китай) по управлению миром. Решать судьбу человечества должны Англия и США.<sup>545</sup>

В 1943 г. не считаться с интересами Советского Союза было уже невозможно. Становилось понятным, что желаемые для себя преобразования в Восточной Европе Москва сумеет, так или иначе, осуществить. Вместе с тем этому и в дальнейшем старались противодействовать. Так, рекомендации госдепартаменту, утвержденные 19 мая 1943 г., ставили перед дипломатией задачу добиться от Советского Союза уступок в пользу Польши, как минимум, в виде Львовской и Станиславской областей. Была даже высказана надежда на возможность «возвращения» Румынии Северной Буковины. Рекомендации требовали ставить все возможные препятствия установлению общей чехословацко-советской границы и не допустить расширения советского влияния на стратегически важный карпатский регион.<sup>546</sup> Эти планы принимались в условиях, когда советско-польские отношения уже были прерваны.

Выскажем осторожное предположение, что скандал вокруг трагического катынского дела, инициированный польским эмигрантским правительством, был в определенной степени связан с неправильными оценками позиций Англии и США со стороны кабинета

<sup>545</sup> Трухановский В. Г. Антони Иден... С. 246.

<sup>546</sup> Коваль В. С. Они хотели украсть у нас победу... С. 276.

Сикорского. 14 марта 1943 г. во время переговоров Идена с Рузвельтом в Вашингтоне было согласовано, что после войны Польша должна получить Восточную Пруссию. А еще через два дня, 16 марта, советский посол в США сделал заявление, что СССР согласен с передачей после войны Восточной Пруссии Польше.<sup>547</sup>

Внешне складывалось впечатление, что именно Рузвельт и Черчилль определяют лицо послевоенной Европы, а Советский Союз может только подтверждать свое вынужденное согласие с намерениями могущественных партнеров. Похоже, лондонские поляки просто переоценили степень влияния западных союзников на Кремль. Не понимали в кабинете Сикорского и того, что получить Восточную Пруссию без сохранения лояльности Сталина (а она, напомним, постоянно увязывалась с решением проблемы послевоенных польско-советских границ) нереально. Добившись официального советского признания своих претензий на Восточную Пруссию, польское правительство в изгнании поспешило продемонстрировать неизменность своей жесткой позиции относительно СССР.

После разрыва отношений СССР с польским эмигрантским правительством западные союзники старались спасти положение. Черчилль несколько раз обращался к Сталину с просьбой трактовать разрыв в качестве «последнего предупреждения» и т.д. Однако для себя Лондон и Вашингтон сделали из конфликта важные выводы. В частности, А. Иден, возвратившись из американской столицы в разгар «катынского» скандала, доверительно проинформировал советского посла И. Майского, что в США считают нынешнее польское правительство не имеющим благоприятных перспектив и «сомневаются», что оно имеет шанс вернуться в Польшу и встать у власти. Однако США хотели, чтобы, по крайней мере, В. Сикорский персонально вернулся в Польшу как глава правительства. Что же касается линии советско-польской границы, то, по мнению Идена, все «сводится к тому, что Рузвельт и его группа склонны принять “линию Керзона” на востоке и компенсировать Польшу Восточной Пруссией и частью Силезии на Западе. Во всяком случае, рузвельтовцы понимают, что в вопросе о Польше обязательно должно быть достигнуто соглашение с СССР».<sup>548</sup>

<sup>547</sup> Вевюра Б. Указ. соч. С. 41.

<sup>548</sup> Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945... Т. 1. С. 370.

Как указывает Р. Лукас, весной 1943 г.

*«Рузельт, по словам его друга и доверенного лица Джорджа Э. Дэвиса, противодействовал не столько тому, чего хотели русские, сколько их методам получения этого».*<sup>549</sup>

Рузельту казалось важным соблюсти правовую форму. Именно в это время американская дипломатия выдвинула идею проведения повторных плебисцитов на спорных территориях после окончания войны.

Советские военные успехи летом 1943 г. повлияли на перемены отношения западных союзников к проблеме послевоенных западных границ СССР. 18 сентября 1943 г. комитет начальников штабов армии США утвердил инструкции генералу Дину, главе военной миссии при делегации США, отправлявшейся на переговоры в Москву: «советская военная машина будет господствовать на востоке от Рейна и Адриатического моря, и Советский Союз сможет осуществить любые желаемые ему территориальные изменения в Центральной Европе и на Балканах». Дину ставилось в обязанность донести до руководителя американской делегации К. Хелла идею о «неразрывной связи между политическими предложениями и военными возможностями».<sup>550</sup>

Однако США не спешили свертывать сотрудничество и с эмигрантским правительством Польши. Летом 1943 г. прошла встреча Ф. Рузельта с послом польского эмигрантского правительства Я. Цехановским и эмиссаром этого правительства Карским. Американский президент высказал свое согласие с тем, чтобы ликвидировать «польский коридор» путем передачи Польше Восточной Пруссии и Гданьска.<sup>551</sup>

Перед Московской конференцией министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.), по свидетельству американского историка Р. Лукаса, Ф. Рузельт «встретился с Хеллом и другими членами делегации и прямо сказал, что поддер-

<sup>549</sup> Lukas R. Cit. op. P. 32.

<sup>550</sup> Яковлев Н. Н., Франклин Д. Рузельт и американо-советское сотрудничество // Вторая мировая война: Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине Победы над фашистской Германией. Кн. первая. М.: Наука, 1966. С. 377–378.

<sup>551</sup> Беворта Б. Указ. соч. С. 41.

живает идею о польско-советской границе «где то восточнее “линии Керзона”, при том, что Львов отходит к Польше».<sup>552</sup>

Малоуспешными были попытки польского давления на британское правительство. В разговоре с С. Миколайчиком накануне Московской конференции английский министр иностранных дел А. Иден заявил, что, в случае польского отказа пойти на уступки в вопросе восточных границ, его правительство не имеет ни малейших шансов на восстановление дипломатических отношений с Москвой.

С. Миколайчик ответил А. Идену, что вопрос восточных границ Польши не должен быть темой каких-либо дискуссий, и польское правительство возражает против того, чтобы этот вопрос даже обсуждался в Москве.<sup>553</sup> В итоге, каждая сторона осталась при своем мнении.

Вопросы польских границ на Московской конференции специально не обсуждались. Все попытки американской и английской делегаций склонить СССР к восстановлению дипломатических отношений с правительством Польши были решительно отклонены.

Накануне встречи глав трех ведущих государств антигитлеровской коалиции в Тегеране, 16 ноября 1943 г., польское эмигрантское правительство опять обратилось к английскому премьеру с нотой, в которой высказывало надежду, что западные союзники сумеют убедить Москву восстановить дипломатические отношения с польским правительством в изгнании. Высказывалось также мнение, что в случае вступления советских войск на «польскую территорию», т.е. на восток от линии Рижской границы, будет нарушен суверенитет Польши, и поэтому местная польская администрация и Армия Крайова, которая сейчас воюет против Германии, будут вынуждены «продолжать свою подпольную деятельность»<sup>554</sup> – теперь уже против нового оккупанта. Ошибка Миколайчика состояла в том, что он пытался разговаривать с Черчиллем как с равным партнером, игнорируя при этом собственно английские интересы, во многом завязанные на СССР.

Переговоры в Тегеране<sup>555</sup> показали, что британская сторона планировала решить вопрос о послевоенной польской границе путем

<sup>552</sup> Lukas R. Cit. op. P. 43.

<sup>553</sup> Mikolajczyk S. The Rape of Poland: Pattern of Soviet Aggression. New York: Whittlesey House, 1948. P. 45.

<sup>554</sup> Исаэлян В. Л. Дипломатическая история Великой Отечественной войны... С. 268.

<sup>555</sup> Подробнее см. с. 286–322.

«компенсации» Польше за счет территорий побежденной Германии при одновременном установлении советско-польской границы вдоль так называемой «линии Керзона». Президент США Ф. Рузвельт, в общем, поддержал эту идею, однако сослался на соображения предвыборной борьбы за голоса польских избирателей в США.

Идея британского министра относительно того, что послевоенное польское государство должно расположиться между «линией Керзона» и линией р. Одер, вызвала оживленную дискуссию на Тегеранской конференции. Для конкретизации этих предложений со временем были выдвинуты разные варианты. Союзниками в частности было представлено и обсуждено 10 различных проектов по решению польского вопроса.<sup>556</sup>

Западная (и не только польская эмигрантская) историография периода «холодной войны» упрекала Рузвельта и Черчилля за уступчивость в Тегеране. Комментируя указанную конференцию и ее решения, Э. Моурер в 1948 г. писал:

«Советские требования польских территорий имели ту же природу, что и гитлеровские требования германоязычных Судет у Чехословакии. Рузвельт и Черчилль осуждали Н. Чемберлена за поддержку Гитлера в том случае. Как могли они смотреть сквозь пальцы на преступление успешного союзника, который готовил второй Мюнхен? Свободная Польша была связана Рузвельтом и Черчиллем, которые держали один конец веревки, в то время, как Сталин тянул за другой».<sup>557</sup>

Это обвинение ценно тем, что западный политолог упрекал лидеров Великобритании и США не в том, что они проявили слабость под давлением Сталина, а в том, что их собственная позиция непонятна для Э. Моурера. Объяснялось же все просто: кроме Польши, США и Великобритания имели достаточно собственных проблем.

<sup>556</sup> История США: В 4-х т. Т. 3: 1918–1945. М.: Наука, 1985. С. 433.

<sup>557</sup> Mowrer E. A. Cit. op. P. 161.

### 3.3. Международные соглашения Союза ССР с государствами-участниками Атлантической хартии в контексте вопроса послевоенных советских границ

Нападение гитлеровской Германии на СССР вызвало однозначную реакцию в правительственном лагере западных демократий.

На известие о гитлеровском нападении Вашингтон отозвался правительственным заявлением от 23 июня. Заявление провозглашало «принципы и доктрины коммунистической диктатуры» чуждыми для США, однако в нем утверждалось:

*«По мнению нашего правительства, всякая защита от гитлеризма, всякое объединение сил, которые противостоят гитлеризму, каким бы не было их происхождение, приблизят окончательное устранение нынешних немецких руководителей и тем самым будут служить на пользу нашим собственным обороне и безопасности».*

Заявление оканчивалось фразой, вписанной лично президентом Ф. Д. Рузвельтом: «Гитлеровские армии составляют на сегодня главную опасность для Америки». <sup>558</sup> 24 июня Рузвельт подтвердил готовность «предоставить России всю ту помошь, какую мы сможем». <sup>559</sup> Однако готовность предоставить материальную помошь поставками вооружения и военными материалами не означала готовности признать территориальные интересы своего новоявленного союзника.

Иначе думали (и действовали) в Кремле. Вопрос признания до-военных границ СССР западными союзниками по антигитлеровской коалиции уже с первых недель войны стал одной из основных задач советской дипломатии, сопоставимых по своей важности с вопросами об открытии второго фронта и поставками военных материалов и вооружений.

18 июля 1941 г. в личном послании У. Черчиллю советский руководитель И. Сталин писал:

<sup>558</sup> Foreign Relations of the United States... Vol. I. P. 767, 768.

<sup>559</sup> New York Times. 1941, June 25.

«Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда».<sup>560</sup>

Обращает внимание даже не столько сплошное перечисление всех советских «приобретений» 1939–1940 гг. (за счет территорий, которые к началу Второй мировой войны принадлежали Польше, Румынии, Финляндии и суверенным Литве, Латвии и Эстонии), хотя каждый отдельный случай без сомнения требовал, с точки зрения международного права, отдельного подхода с учетом всех доводов за и против. В аргументации Кремля впервые – и очень выразительно – появляется мотив «безопасности границ» государства, очень популярный в арсенале международного права того времени. Вторично Сталин вернется к подобному обоснованию советских требований еще через полгода, а потом «безопасность границ» будет практически исключена из советской аргументации. Заметим сразу, что подобная трансформация подходов была не случайна.

Выше шла речь о том содействии, которое предоставляли польско-советским союзническим переговорам в июле 1941 г. английские политические руководители. Сегодня известно, что в ходе консультаций с государственными деятелями Великобритании В. Сикорскому удалось добиться согласия английского правительства на то, что оно, в духе англо-польского соглашения от 25 августа 1939 г., поставит перед правительством СССР вопрос о непризнании территориальных изменений в Польше после августа 1939 г.<sup>561</sup> В исполнение этой договоренности с поляками, посол в Москве С. Криппс 27 июля 1941 г. проинформировал советского союзника, что только при этом условии польское правительство соглашается подписать соглашение с СССР. Кремль же, со своей стороны, настаивал на диаметрально противоположном требовании – при подписании декларации о советско-польском союзе Великобритания должна огово-

<sup>560</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 19.

<sup>561</sup> Исаэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция... С. 27.

рить, что она не предрещает свою позицию относительно будущих советских границ.

Как известно, именно советские, а не польские пожелания были приняты во внимание официальным Лондоном уже на этом этапе войны, когда положение СССР с каждым днем виделось все более угрожающим.

В разгар июльских баталий вокруг эвентуального польско-советского соглашения польский посол в США обратился к американским властям с просьбой оказать соответствующее давление на Советский Союз. Ему уклончиво ответили, что, поскольку СССР не обращался за помощью по ленд-лизу, а только поднимает вопросы о закупке военных материалов в США, выдвижение американской стороной польских требований как условия предоставления помощи не видится возможным.<sup>562</sup>

Англо-американская позиция не была спонтанной и не диктовалась какими-то особенностями симпатиями Лондона или Вашингтона к СССР. В ее основе лежал твердый расчет.

В письме Ф. Рузвельта У. Черчиллю от 14 июля 1941 г. находим весьма интересную мысль:

«Плебисцит был одним из немногих удачных изобретений Версальского договора, и для нас, вероятно, является приемлемым развить эту идею, предложив в определенных случаях предварительные плебисциты, которые через значительный промежуток времени могли бы сопровождаться вторым и даже третьим плебисцитом».<sup>563</sup>

То, что данное замечание президента США относилось именно к СССР и его территориальным проблемам, не вызывает сомнения. За ним, в частности, прослеживается и нежелание активно вмешиваться в польско-советский конфликт на стороне того или иного участника, поскольку выгода от такого вмешательства виделась сомнительной.

Выступая в палате общин 31 июля 1941 г., т.е. на следующий день после обмена нотами с польским эмигрантским правительством по

<sup>562</sup> Dawson R. The Decision to Aid Russia 1941. Foreign Policy and Domestic Politics. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1959. P. 135.

<sup>563</sup> Langer W., Gleason E. Cit. op. P. 554.

поводу подписания польско-советского союзного соглашения, Антони Иден утверждал, что английская нота не означает «каких-либо гарантий со стороны правительства Его Величества», согласно с заявлением Черчилля от 5 сентября 1940 г., будущая польско-советская граница будет установлена взаимным соглашением двух заинтересованных сторон.<sup>564</sup>

Интересную позицию занял заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес. В беседе с польским послом (1 августа 1941 г.) он не подтвердил однозначно права Польши на ее довоенную восточную границу, хотя и объявил о своем несогласии со сменой территориального статуса Польши. Само же соглашение с СССР С. Уэллес трактовал как «радостное» событие для польского эмигрантского правительства.<sup>565</sup>

Конец лета – начало осени 1941 г. стало временем, когда англо-американская дипломатия создавала антигитлеровскую коалицию на основе Атлантической хартии. Отсутствие в этой коалиции как Польши, так и СССР было откровенно нежелательно.

В современной научной традиции принято давать высокие оценки Атлантической хартии. Как известно, Хартия в качестве едва ли не главного принципа сотрудничества ее участников провозгласила отказ всех государств, объединенных в коалиции, от стремления к территориальным приобретениям в ходе продолжающейся войны.

Документ изображают как едва ли не образец подхода западных демократий к нормам международного права. Соглашаясь в основном с этой оценкой, не будем забывать о нескольких довольно существенных моментах. Во-первых, Великобритания и США подписали Атлантическую хартию в довольно специфических условиях августа 1941 г., когда западные демократии (да и весь мир в целом) пребывали в критическом положении. Необходимость консолидации усилий всех народов, чьи довоенные границы были грубо по-прраны Гитлером (не только Польши, но и, к примеру, Франции), диктовала основные территориальные принципы Хартии.

Во-вторых, до августа 1941 г. уже были зафиксированы реальные примеры того, как американская дипломатия пробовала воспользоваться негативными последствиями военных действий в Европе в сво-

<sup>564</sup> Churchill W. S. The Second World War. The Hinge of Fate... P. 350.

<sup>565</sup> Ciechanowski J. Defeat in Victory... P. 49–50.

их интересах. В частности, это касалось будущего осколков французской колониальной империи в Западном полушарии. Да и союзнические отношения с Лондоном были довольно меркантильными. Так, по соглашению от 2 сентября 1940 г. 50 устаревших американских эсминцев были выменяны на территорию под 8 авиационных и морских баз в английских владениях от Ньюфаундленда до Британской Гвианы, сданных в аренду на 99 лет (передача территорий на Ньюфаундленде и на Бермудских островах была оформлена в форме британского «подарка»). Как видим, для Вашингтона, по крайней мере в 1940–1941 гг., не существовало моральных сдерживающих факторов в отношениях с ближайшими союзниками, господствовал деловой подход.

В случае гипотетической оккупации Британских островов вермахтом и образования там коллаборационистского правительства по образцу пэтеновского во Франции, Вашингтон вполне мог бы осуществить военную оккупацию и даже аннексию теперь уже британских колоний – под удобным предлогом не допустить расширения немецкого присутствия в Западном полушарии. Исключить такое развитие событий, по крайней мере, в августе 1941 г., не представлялось возможным. Думается, Атлантическая хартия служила английским политикам своеобразным страховым полисом на случай, если бы после успешного завершения войны (в историческом плане Германия была обречена, сколько бы побед не одержали Гудерианы и Роммели) пришлось бы вернуться к вопросу о статусе этих колониальных владений.

В советской науке господствовал тезис, что с принятием п. 3 Атлантической хартии правительства Великобритании и США впервые признали во всемирном масштабе право народов на самоопределение, но принцип касался только порабощенных фашизмом наций.<sup>566</sup>

Давая оценку дискуссии о характере Атлантической хартии – международно-правовой документ или декларация намерений? – по нашему мнению, следует отдать предпочтение второму предположению. Англия и США, как показало дальнейшее развитие событий, никогда не имели намерения неуклонно придерживаться провозглашенных принципов.

<sup>566</sup> Советское государство и международное право / Отв. ред. Ф. Кожевников. М.: Международные отношения, 1967. С. 45.

21 августа 1941 г. советское посольство в Лондоне было проинформировано о намерении британского правительства (этую миссию выполнил министр иностранных дел Англии А. Иден) в экстренном порядке (уже 27–28 августа) созвать межсоюзную конференцию, участники которой должны принять (не обговорить, а именно «принять») декларацию Рузвельта–Черчилля, при том что соответствующее предложение «поручалось» внести именно советской делегации.<sup>567</sup>

Английское правительство понять не трудно: США де-юре в состоянии войны с Германией и ее союзниками не состояли (до декабря 1941 г. – *B.M.*), но при этом Атлантическая хартия прочно привязывала Вашингтон к антигитлеровской коалиции. Заинтересован был и Советский Союз.

Тем не менее, Москва медлила.

«Мы не имеем возражений против принципов декларации, – писал И. Майскому в Лондон наркому иностранных дел СССР В. Молотов. – (...) Но мы не можем просто присоединиться к ней хотя бы потому, что наши товарищи страшно раздражены тем, что СССР хотят превратить в бесплатное приложение других держав».<sup>568</sup>

Созыв конференции был отложен чуть ли не на месяц (с 27 августа на 24 сентября 1941 г.), но эта пауза пошла на пользу СССР. Война на Восточном фронте, как стало понятно с началом осенних дождей, блицкригом не увенчалась. Это дало возможность Москве выступить на конференции со своими собственными оценками и трактовкой предложенных документов.

В Межсоюзной конференции в Лондоне принимали участие представители правительств (действующих и в изгнании) СССР, Бельгии, Великобритании, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Люксембурга и Свободной Франции. Советский Союз представлял посол СССР в Англии И. Майский, который 24 сентября 1941 г. обнародовал Декларацию Правительства СССР.

Объявив о присоединении к Атлантической хартии, Москва сделала ряд существенных оговорок, которые позволяли в будущем от-

<sup>567</sup> Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945... Т. 1. С. 102–104.

<sup>568</sup> Там же. С. 104.

стаивать территориальные приобретения, осуществленные Советским Союзом на первом этапе Второй мировой войны:

«Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и выбирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях экономического и культурного процветания всей страны. (...) Готовый достойно ответить на любой удар агрессора, Советский Союз в то же время всю свою внешнюю политику неизменно строил и строит на основе стремления к мирным и добрососедским отношениям со всеми странами, уважающими целостность и неприкосновенность его границ, будучи готов оказать всемерную поддержку народам, ставшим жертвами агрессии и борющимся за независимость своей родины. (...) Практическое применение указанных выше принципов неизбежно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны». <sup>569</sup>

Принципиальное значение в советской Декларации имели положения о том, что «Советский Союз осуществлял и осуществляет в своей внешней политике высокие принципы уважения суверенных прав народов», «руководствовался и руководствуется принципом самоопределения наций», что в переводе с языка дипломатии на общепонятный следовало истолковывать однозначно – как отставание «права» населения Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии, Буковины жить «в братской семье народов СССР» – в полном соответствии с их «волей», якобы однозначно определенной в ходе Народных Собраний, выборов в Верховные Советы СССР и союзных республик и т.п.

Принятие Московской Атлантической хартии, где уже в пункте первом указывалось, что ее участники «не стремятся к территориальным и другим приобретениям»,<sup>570</sup> на первый взгляд, меняло си-

<sup>569</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943... С. 165–166.

<sup>570</sup> Известия. 1941. 26 сентября (хроника).

туацию с вопросом о западной границе СССР. Но и в этой новой обстановке аргумент права наций на самоопределение оставался безупречным – не СССР стремится к территориальным приобретениям (что запрещено Атлантической хартией), а ранее (т.е. до начала войны) угнетенные украинцы, белоруссы, молдаване стремятся объединиться со своими «единокровными братьями».

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Подписанный союзниками по антигитлеровской коалиции в сентябре 1941 г. документ (Атлантическая хартия) отвергал только те территориальные изменения, которые участники пакта попытались бы осуществить по собственному усмотрению, без согласия других заинтересованных сторон. Со временем Москва, по сути, «купит» согласие ЧСР на передачу Карпатской Украины ценой поддержки домюнхенских границ чехословацкого государства, а также его новых территориальных приобретений за счет побежденной Германии. Подобная сделка была предложена и польской стороне.

В советской научной литературе первые официальные предложения СССР западным союзникам по антигитлеровской коалиции об установлении польско-советской границы, которая «приблизительно отвечала бы этническим реалиям», относили к декабрю 1941 г.,<sup>571</sup> когда в результате поражения гитлеровцев под Москвой Кремль впервые с начала войны почувствовал себя довольно уверенно. Реакция западных союзников была неодобрительной. В архивной записи разговора И. Сталина с британским министром иностранных дел А. Иденом 17 декабря 1941 г. зафиксировано отказ последнего от советских предложений по той причине, что он не может «согласиться на определенную фиксацию советско-польской границы, не сказав при этом ни слова полякам».

Сталин ответил, что он вовсе не настаивает на немедленном решении вопроса о польской границе. Он имеет надежду достичь соглашения по данному вопросу позднее, в переговорах с Польшей и Англией. Как Идену уже известно, «в основу советско-польской границы он готов положить “линию Керзона”».<sup>572</sup>

В ходе декабрьских 1941 г. переговоров британского министра иностранных дел А. Идена в Кремле советская сторона предложила

<sup>571</sup> Европа XX века: Проблемы мира и безопасности... С. 92.

<sup>572</sup> Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945... Т. 1. С. 190.

масштабную программу послевоенного урегулирования границ в Восточной Европе. Проект предусматривал передачу Польше Восточной Пруссии, восстановление Чехословакии с приращением ее на юге за счет Венгрии; Румыния, уступив Советскому Союзу Бесарабию и Северную Буковину, получила бы расширение своих территорий за счет все той же Венгрии. «Линия Керзона» с небольшими изменениями могла бы послужить основой советско-польская границ.<sup>573</sup> В ответ на этот план британский министр, как это ясно из его телеграммы Галифаксу в Вашингтон, «использовал в качестве аргумента против Сталина Атлантическую хартию».<sup>574</sup> Реакция советского руководителя известна:

«Невольно складывается впечатление, что Атлантическая хартия направлена не против тех людей, которые стремятся установить мировое господство, а против СССР».<sup>575</sup>

Обратим внимание на то, что на декабрьских переговорах с Иденом (как и в письме Сталина к Черчиллю 18 июля 1941 г.) в арсенале Председателя Совнаркома содержится аргумент безопасности послевоенных границ СССР, вместе с тем аргумент права наций на самоопределение пока не используется. Это можно объяснить не только особенностями международного права того времени. У английских политиков мотив защиты национальных интересов своей страны и ее колониальной империи в данное время также звучал очень выразительно.

В советской научной литературе был выдвинут тезис, что советско-английские переговоры по вопросу признания западных границ СССР имели бы успех (уже в декабре 1941 г. – B.M.), если бы не решительное противодействие со стороны США.<sup>576</sup> Нам это мнение видится спорным.

1 января 1942 г. в Вашингтоне обнародован документ, известный как Декларация Объединенных Наций. Среди 26 правительств, под-

<sup>573</sup> Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I. P. 222–223.

<sup>574</sup> Трухановский В. Г. Антони Иден... С. 234.

<sup>575</sup> Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945... Т. 1. С. 189.

<sup>576</sup> Коваль В. С. В роки фашистської навали... С. 22–23.

писавших указанную Декларацию, были СССР и Польша. Указывалось, что:

*«Правительства, подпишавшие настоящую Декларацию, ранее присоединившись к общей программе целей и принципов, включенных в общую Декларацию Президента Соединенных Штатов Америки и первого министра Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 14 августа 1941 г., известную под названием Атлантической хартии, (...) заявляют: (...)*

*2. Каждое Правительство обязуется сотрудничать с Правительствами, подпишими настоящую Декларацию, и не заключать сепаратного перемирия или мира с врагами».<sup>577</sup>*

Мотив недопустимости сепаратного мира с агрессором не случаен. Взаимное недоверие между союзниками было неоспоримым фактом. Однако данное обстоятельство, с другой стороны, принуждало западных союзников не раздражать Москву чрезмерными требованиями.

Весной 1942 г. накануне визита В. Молотова в Лондон и Вашингтон советские дипломаты пытались прозондировать почву насчет перспектив включения в союзный договор, планировавшийся к подписанию СССР и Великобританией, положений о признании советских границ 1941 г. Если Лондон был настроен в отношении этой идеи в основном положительно, то позиция американского президента была преимущественно отрицательной. 12 марта 1942 г. в разговоре с советским послом М. Литвиновым, ссылаясь на Атлантическую хартию, Рузвельт указал, что вопросы о Прибалтике, Бессарабии и Буковине до окончания войны могут быть решены только в форме устного соглашения, которое к тому же осталось бы секретным.<sup>578</sup> Польша в этом перечне на данном этапе взаимных консультаций не фигурировала.

Переговоры в связи с подготовкой визита народного комиссара иностранных дел В. Молотова в США (куда нарком должен притечь по завершению советско-английских переговоров из Лондона)

<sup>577</sup> Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XI. 22.VI.1941–2.IX.1945. М.: Госполитиздат, 1955. С. 44–45.

<sup>578</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 1. 1941–1943. С. 155–156.

продолжались несколько месяцев. Посол в Вашингтоне М. Литвинов 11 апреля 1942 г. высказал следующее предположение:

«Приглашая Вас, президент имеет в виду предложения, связанные с советско-японскими отношениями. Кроме того, он хочет, вероятно, обсудить такие вопросы, как, например, о Прибалтике, Польше, Финляндии (...) и другие, по которым он не смог получить через меня никаких разъяснений, а иногда даже ответов». <sup>579</sup>

Обратим внимание на эту реплику М. Литвинова – упомянутые страны объединяют та общая деталь, что все они в 1939–1941 гг. лишились части территорий (Польша, Финляндия) вследствие действий Москвы или вообще потеряли независимость (Прибалтика). Даже дипломат в ранге посла не мог (или не имел права?) давать «никаких разъяснений, а иногда даже ответов» относительно таких острых вопросов.

14 апреля 1942 г. М. Литвинов уточнил, что цель будущих переговоров в Вашингтоне включает в себя в частности «получение от нас информации о Прибалтике, Польше и других». <sup>580</sup>

«Получение информации» – и не более того.

Вести из Лондона были более благоприятными. 8 апреля 1942 г. посол в Великобритании И. Майский направил в Наркомат иностранных дел оптимистическую телеграмму, где утверждал, что Иден имеет намерение подписать двусторонние соглашения, в том числе и те, которые касаются границ, не только с Молотовым, но, в случае невозможности его прибытия в Лондон, даже с советским послом, т.е. с самим И. Майским. Из этой же телеграммы следовало, что Рузвельт и американское правительство остаются при своем прежнем мнении о нежелательности решения вопроса о границах до окончания войны, но они «не хотят вмешиваться во внешнюю политику Британского правительства. Вопрос о подписании наших договоров они считают делом самого Британского правительства». <sup>581</sup> Посол, похоже, выдавал желаемое за действительное.

<sup>579</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 1. 1941–1943. С. 159.

<sup>580</sup> Там же. С. 163.

<sup>581</sup> Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945... Т. 1. С. 217–218.

Накануне визита В. Молотова в Лондон (май 1942 г.) советская дипломатия трезво расценивала перспективы решения вопроса о послевоенной границе на этом этапе двусторонних отношений.

И. Майский вспоминал: «В порядке подготовки предстоящих переговоров Молотова с Иденом около 1 мая я вручил Форин-офис наши предложения о договоре, из которых следовало, что советская сторона вопрос о советско-польской границе считает подлежащим компетенции только СССР и Польши. Содержалось в них и новое предложение: британское правительство в протоколе договора должно санкционировать подписание Советским Союзом пакта о взаимопомощи с Финляндией и Румынией. Прочитав указанный контрпроект, я подумал: «Этот вариант не имеет никаких шансов быть одобренным англичанами». <sup>582</sup>

Официальный британский историограф Второй мировой войны Л. Вудвард несколько иначе освещает действия Майского накануне визита В. Молотова:

«М. <sup>583</sup> Майский запрашивал, нельзя ли добавить к политическому договору секретный протокол, который определил бы будущие европейские границы в русле сталинского изложения взглядов м-ру Идену в Москве. М-р Иден ответил, что мы в принципе не можем прибегнуть к секретному протоколу. М. Майский отступил в плане обсуждения вопроса о секретном протоколе. К 5 мая дискуссия между м-ром Иденом и М. Майским достигла мертвой точки». <sup>584</sup>

Так или иначе, уже при первой встрече на английской земле с В. Молотовым И. Майский откровенно поделился собственными опасениями. 20 мая 1942 г. в железнодорожном вагоне, который вез советского наркома из Данди в Лондон, посол откровенно заявил, что «наш проект договора имеет мало шансов получить одобрение британской стороной. Нарком был откровенно недоволен (...) сообщением, но вслух бросил: «Посмотрим». <sup>585</sup>

<sup>582</sup> Майский И. М. Воспоминания советского посла... С. 244.

<sup>583</sup> Скорее всего, опечатка, и имеется ввиду сокращение «м-р», поскольку инициалы посла «И. М.».

<sup>584</sup> Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. II. London: Her Majesty's Stationery Office, 1971. P. 247.

<sup>585</sup> Майский И. М. Воспоминания советского посла... С. 242.

Вопрос о советской западной границе был поднят только на второй день англо-советских переговоров. Поведение Молотова иначе как дипломатической игрой не назовешь. Изложив известную советскую позицию, советский нарком тут же, без малейшей паузы и выслушивания легко прогнозируемых возражений британской стороны, неожиданно добавил:

*«Если Британское правительство считает, что соглашение на данной базе сейчас невозможno, то лучше отложить вопрос о договорах до более благоприятных времен».*<sup>586</sup>

Московский гость дал понять: не будет соглашения по вопросу границ, его визит завершится безрезультатно. Учитывая, что дальнейший маршрут наркома следовал в Вашингтон (а там можно было рассчитывать на те или иные, благоприятные для Москвы уступки), ситуация приобретала интересную окраску. Английское общественное мнение неминуемо переложило бы ответственность за провал переговоров на правительство У. Черчилля, поскольку подписывать договор прилетел в Лондон советский нарком, а не британский министр в Москву. Косвенным доказательством успеха советской дипломатической игры служит тот факт, что не кто иной, как А. Иден тут же предложил сохранить всю ту часть проекта договора, где шла речь о советских границах.<sup>587</sup>

Однако до победы советской дипломатии дело не дошло. В тот же день 22 мая участники переговоров получили телеграмму К. Хелла, одобренную Ф. Рузвельтом. В ней недвусмысленно указывалось, что в случае подписания советско-английского договора с территориальными статьями американское правительство опубликует заявление, в котором не поддержит ни принципов, ни статей такого договора, невзирая даже на то, что такое заявление будет означать «острый раскол внутри Объединенных Наций».<sup>588</sup>

Переговоры, начиная с 22 мая, пошли в нежелательном для Москвы ключе. И не только вследствие позиции США.

<sup>586</sup> Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945... Т. 1. С. 222.

<sup>587</sup> Там же. С. 222–223.

<sup>588</sup> Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. In two vol. New York: The Macmillan Co, 1948. Vol. 2. P. 1172.

«Два обстоятельства помогли Идену, – писал впоследствии американский историк Дж. Лукакс. – Первое – американцы продолжали сопротивляться включению территориальных предложений в важные внутрисоюзные договора. Вторым стало начало немецкого наступления 1942 г. Когда Молотов находился в Лондоне, немецкие танки прорвали оборонные рубежи русских на Керченском полуострове, наступление Тимошенко в Восточной Украине также было отбито. Ситуация развивалась в том направлении, что России стало необходимо иметь договоренность с Британией, сколь бы плохой она ни была. (...) Вечером 23-го Молотов начал отступать».<sup>589</sup>

Официальный британский историограф Второй мировой войны Л. Вудвард утверждал (в советских публикациях документов и трудах других западных авторов эти сведения подтверждения не находят), что Молотов с целью добиться согласия британской стороны на желаемую Советскому Союзу послевоенную западную границу выдвинул инициативу, чтобы Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в Советский Союз как автономные республики.<sup>590</sup> Но даже такая «щедрая» (что означала «автономия» в условиях сталинского Союза ССР, хорошо известно) инициатива не соблазнила Черчилля.

К вечеру 23 мая британский премьер объявил, что лучше отложить подписание соглашений, «так как трудно договориться, не обидев США».<sup>591</sup>

24 мая состоялся разговор Молотова с американским послом в Лондоне Дж. Уинантом, после чего советская делегация пошла на уступки британцам в вопросе о «территориальных» статьях союзного договора.

Посол сделал заявление, что он считал бы «нежелательным осложнить положение Рузвельта внесением в договор вопроса о границах, так как, по его мнению, второй фронт важнее договоров». Что касается нового английского проекта, заявил Дж. Уинант, то Рузвельт относится к нему одобрительно, и поэтому он, Уинант,

<sup>589</sup> Lojek J. Agresja 17 wresnia 1939... P. 470.

<sup>590</sup> Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I. P. 622.

<sup>591</sup> Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945... Т. 1. С. 230.

рекомендовал бы Молотову подписать именно этот последний английский проект.

Народный комиссар ответил, что новый английский проект составляет интерес, и, поскольку он получил одобрение Рузвельта, Советское правительство внимательно отнесется к его рассмотрению. В результате советская сторона не стала настаивать на своих предыдущих требованиях, и договор был подписан в редакции, предложенной английским правительством.<sup>592</sup>

26 мая 1942 г. после завершения редактирования второстепенных статей, «Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» был, наконец подписан. Статья 5 этого договора предусматривала, что стороны будут действовать в соответствии с двумя принципами – не стремиться к территориальным приобретениям для себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств. При желании такая формулировка допускала диаметрально противоположные толкования: Лондон мог настаивать на том, что СССР принял обязательства оставаться в довоенных (до 1939 г.) границах, а Москва, в свою очередь, на том, что британцы оставили вопрос урегулирования послевоенных польско-советских границ исключительно на усмотрение правительств двух стран, без вмешательства или даже посредничества любого третьего государства.

Отдельные советские авторы, в частности, уже упоминавшийся нами В. С. Коваль, возлагали ответственность за «срыв переговоров» по вопросу границ исключительно на Вашингтон; тем не менее, в общем, в послевоенной советской историографии господствовал тезис о «равной» ответственности Великобритании и США.<sup>593</sup>

Такой подход видится весьма политизированным. Можно ли говорить о какой-то «вине» (оглядываясь на соображения не только международного права, но и обычной морали) в вопросах внешней политики той или иной Великой Державы, обязанной не столько проявлять абстрактную благодарность своему пусты и «героическому союзнику», сколько заботится о своих собственных геополи-

<sup>592</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 1. 1941–1943. С. 486.

<sup>593</sup> История международных отношений и внешней политики СССР: В 3-х т. Т. 2. С. 140–141.

тических интересах? В конце концов, и Советский Союз не столько стремился любой ценой укреплять антигитлеровскую коалицию, сколько пытался решать собственные государственные задачи.

Польский автор П. Эбергард также утверждает, что советско-британский договор «не утвердил изменений польско-советских границ. Однако во время переговоров советская позиция в вопросе территориальных требований была с пониманием воспринята британской стороной. Взамен британское правительство официально высказалось окончательное согласие на включение трех балтийских государств в состав Советского Союза. Это было (первым. – В. М.) закреплением на международном уровне положений, содержавшихся в пакте Риббентропа-Молотова».<sup>594</sup>

Договор был ратифицирован Советским Союзом 18 июня, Великобританией – 24 июня того же, 1942-го, года.

Из Лондона нарком направился в Вашингтон. Уже при первой встрече с президентом 29 мая Молотов заявил, что ему известно о том, что «Рузвельт не сочувствовал той статье прежних проектов советско-английского договора, в которой содержалось упоминание о границах СССР. (...) Мы считали возможным пойти в этом вопросе навстречу и не включили в новый договор упоминания о границе. Тем не менее в вопросе о границах мы остаемся на прежних позициях». Рузвельт ответил, что «действительно не хотел упоминания в договоре вопроса о границах, принимая во внимание американское общественное мнение». Он считает, что для постановки этого вопроса нужно избрать соответствующий момент, который еще не наступил.<sup>595</sup>

Американский политолог В. Рендж акцентировал внимание на фразе, добавленной Ф. Рузвельтом в разговоре с Молотовым: «Если бы такое соглашение состоялось, это могло бы нанести непоправимый вред идеалам войны».<sup>596</sup> Мы же обратим внимание на другое: Рузвельт весной 1942 г. сопротивлялся не столько попыткам решения проблемы советских границ в выгодном для Москвы ключе, сколько возможным международным последствиям такого шага.

Американская дипломатия переиграла британскую. У Молотова было больше оснований покидать довольным американскую сто-

<sup>594</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 100.

<sup>595</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 1. 1941–1943. С. 175–176.

<sup>596</sup> Range W. Cit. op. P. 114.

лицу, чем Лондон. Определенный аванс от США он получил. «За день до моих бесед с Молотовым, – писал в своих мемуарах государственный секретарь США Кордэлл Хэлл, – президент обратился к конгрессу с предложением объявления войны Венгрии, Румынии и Болгарии».<sup>597</sup> Конгресс оперативно отреагировал на обращение президента от 3 июня. Уже 8 июня 1942 г. его одобрили.

Советский нарком мог бы сильно удивиться – ведь известно, что Румыния и Венгрия (правда, без Болгарии) объявили войну Соединенным Штатам Америки еще 13 декабря 1941 г.<sup>598</sup> Опоздавшее на полгода объявление войны со стороны США было международно-правовым нонсенсом, но у Молотова были все основания удовлетвориться демонстративным жестом союзника. По сути, объявление войны Румынии решало наперед вопрос о Бессарабии и Северной Буковине – побежденным врагам территорию за счет победителя не приращивают.

Иден в декабре 1941 г. пошел на объявление войны Румынии и Венгрии – шаг формальный, поскольку в то время не существовало такого фронта, где могли завязаться взаимные боевые действия. Американцы перехватили у английского союзника идею и реализовали ее в соответствующий момент. Вашингтон впервые де-факто продемонстрировал намерение признать южный участок довоенной границы СССР.

К тому же 1 июня Рузвельт и Маршалл поставили Молотова в известность о готовности США открыть Второй фронт в Европе уже в 1942 г., что выгодно отличалось от неопределенной позиции Черчилля.

Имея американские уверения по этому вопросу, И. Сталин осуществил давление на Черчилля относительно принятия Великобританией обязательств о скорейшем открытии Второго фронта. К такому обороту событий британский премьер был откровенно не готов. Советский посол И. Майский описывает в своих мемуарах не-приглядную сценку в кабинете Черчилля после того, как он получил послание от Сталина от 23 июня 1942 г. Подвыпивший британский премьер слезно приговаривал: «Что ж, мы уже были сами... Мы боролись... Достойно удивления, как это еще наш маленький остров

<sup>597</sup> Hull C. The Memoirs of Cordell Hull... Vol. 2. P. 1175.

<sup>598</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943... С. 556.

выстоял».<sup>599</sup> Приступы страха перед гипотетической возможностью сепаратного советско-германского мира, по свидетельству советского посла, у Черчилля наблюдались часто.<sup>600</sup>

Самое интересное состоит в том, что послание Сталина, которое И. М. Майский уверенно датирует 23-м июня 1942 г. и которое вызвало такую бурную реакцию Черчилля, в официальном сборнике «Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы» напрочь отсутствует. Хотя оно, безусловно, существовало. По поводу подписания и ратификации союзного Договора произошел обмен посланиями между королем Великобритании и Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Также 21 июня премьер-министр Великобритании прислал письмо Председателю Советского Правительства. Сталину не ответить на это послание было невозможно – такое просто не принято в дипломатической практике.

Можно лишь гадать, какими аргументами советский диктатор заставил Черчилля пустить слезу. Выскажем предположение, что таким способом воздействия служили завуалированные намеки на возможность сепаратного мира с немцами. На это в частности указывает и упомянутая выше реплика У. Черчилля, что «мы уже были сами».

Вторая половина 1942 г. стала периодом охлаждения советско-английских отношений. После эвакуации из Ирана (5–25 августа 1942 г.) польская армия присоединилась к британским вооруженным силам на Ближнем Востоке. Это негативно повлияло на отношения двух стран.

Союзники были обеспокоены нежеланием Сталина приехать в Касабланку, где в январе 1943 г. прошла встреча Рузвельта с Черчиллем. Сталинград усиливал их опасения, поскольку казался возможной прелюдией к подписанию сепаратного мира между СССР и Германией. Западные авторы обращают внимание на то, что лидеры США именно в это время решили пересмотреть отношение к проблеме послевоенных советских границ, в частности польско-советской границы.

Эту тенденцию следовало закрепить. 16 марта 1943 г. состоялась встреча Г. Гопкинса (советника и личного друга президента Ф. Руз-

<sup>599</sup> Майский И. М. Воспоминания советского посла... С. 268.

<sup>600</sup> Там же. С. 145, 172, 266, 268, 273 и т. д.

вельта) с советским послом М. Литвиновым. Гопкинс по итогам беседы резюмировал:

«Он сказал, что Россия согласна с тем, чтобы Польша получила Восточную Пруссию, но что Россия будет настаивать на том, что он назвал ее «территориальными правами» на польском пограничье. (...) Он сказал, (...) что Россия должна получить Бессарабию». <sup>601</sup>

29 марта 1943 г. в телеграмме посла СССР в США М. Литвинова в Народный комиссариат иностранных дел СССР, подготовленной по результатам его переговоров с А. Иденом, в частности, отмечалось:

«Иден не думает, что вопрос о нашей западной границе встретит серьезные затруднения со стороны США, и полагает, что Польша успокоится, получив Восточную Пруссию». <sup>602</sup>

Перерыв в обсуждении союзниками вопроса об эвентуальной советско-польской границе летом 1943 г. был вызван разрывом дипломатических отношений между правительством СССР и польским эмигрантским правительством. Лондон и Вашингтон пытались подтолкнуть Москву к восстановлению отношений на предыдущей основе.

Но из Кремля прозвучали четко сформулированные требования, чтобы «Великобритания, СССР и США приняли меры к улучшению состава нынешнего польского правительства с позиций укрепления единого фронта союзников против Гитлера. И чем раньше это будет сделано, тем лучше». <sup>603</sup> После этого тема советско-польских отношений практически на полгода выпала из поля зрения. Но поиски выхода продолжались в кулуарах.

В документах Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19–30 октября 1943 г. зафиксированы проявления интереса государств-участников к проблеме

<sup>601</sup> Foreign Relations of the United States... Vol. III. P. 25.

<sup>602</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 1. 1941–1943. С. 300.

<sup>603</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 151.

польско-советских отношений. Инициатива в обоих случаях принадлежала делегации Великобритании. Вопросы границ и восстановления дипломатических отношений, похоже, по молчаливому согласию сторон были перенесены на будущую встречу в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.).

Для того, чтобы понять атмосферу, господствовавшую на Тегеранской конференции, достаточно привести некоторые выдержки из опубликованных документов. Хотя они прямо и не затрагивают вопроса границ СССР, но хорошо характеризуют распределение сил на этом форуме будущих победителей Второй мировой войны.

Эпизод первый. 28 ноября 1943 г. прошла встреча Председателя Совнаркома СССР с президентом США (очевидно, в советском посольстве, где на время конференции поселился Ф. Д. Рузвельт).

*«Рузвельт заявляет, что лучше не говорить с Черчиллем об Индии, так как он, Рузвельт, знает, что у Черчилля никаких идей в отношении Индии нет. Черчилль полагает оставить решение этого вопроса до окончания войны.*

*Сталин говорит, что Индия – это больное место Черчилля.*

*Рузвельт соглашается с этим. Однако, говорит он, Англии придется кое-что предпринять в Индии. Он, Рузвельт, рассчитывает как-нибудь переговорить с маршалом Стalinым об Индии. Он думает, что для Индии не подходит парламентская система правления и что было бы лучше создать в Индии нечто вроде советской системы, начиная снизу, а не сверху. Может быть, это была бы система советов.*

*Сталин отвечает, что начать снизу – это значит идти по пути революции.*

*Рузвельт говорит, что люди, стоящие в стороне от вопроса об Индии, могут лучше его решить, чем люди, имеющие непосредственное отношение к этому вопросу».<sup>604</sup>*

Эпизод второй. 30 ноября 1943 г. прошел первый общий разговор лидеров трех стран.

<sup>604</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 1. 1941–1943. С. 446.

«Черчилль говорит, что совершенно очевидным является тот факт, что Россия должна иметь выход в теплые моря. Далее он говорит, что управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий.

Сталин замечает, что управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые способны на это.

Черчилль говорит, что это совершено правильно, и продолжает, что если какая-либо страна не удовлетворена чем-либо, то это всегда будет источником беспокойства».<sup>605</sup>

Сталин, Рузвельт и Черчилль уверены в своем праве управлять миром и не скрывают этой уверенности друг перед другом. Иное дело, что Рузвельт и Сталин относятся к своему британскому союзнику свысока, они готовы реорганизовать Британскую империю (Индия – ее составная часть) без оглядки на Лондон.

Попутно отметим, что откровенность (и брутальность) отдельных высказываний была подогрета алкоголем. О четырех днях конференции, проведенных в советской миссии, Рузвельт отзывается с восторгом:

«Они меня устроили великолепно. (...) Все было обставлено прекрасно. Мы имели с маршалом Сталиным, кажется, свыше трехсот тостов. Хорошо также (! – В. М.) отпраздновали мы день рождения Черчилля».<sup>606</sup>

Уже в первый день работы Тегеранской конференции, 29 ноября 1943 г., Черчилль сделал попытку убедить Сталина в необходимости восстановления отношений с эмигрантским правительством Польши. Британский премьер разложил на столе три спички и объяснил, что для того, чтобы передвинуть в сторону одну из них, необходимо задействовать все три. Имелось в виду, что послевоенная

<sup>605</sup> Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов [В 6 т.]. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). М.: Политиздат, 1978. С. 142.

<sup>606</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 1. 1941–1943. С. 470–471.

Польша, осуществив передачу Советскому Союзу западно-украинских, западно-белорусских и литовских этнических земель, получит возможность передвинуть свои западные границы за счет побежденной Германии. Сталин немедленно отреагировал в том плане, что возможно ли решать польские проблемы без участия самих поляков? На этот вопрос британский премьер ответил утвердительно, отметив, что к полякам можно будет обратиться уже после согласования. На следующий день предложение Черчилля повторил Иден, добавив:

«У нас одно желание, а именно: мы хотим помешать тому, чтобы польский вопрос стал источником неприятностей в отношениях между нашими государствами». <sup>607</sup>

На поведение Черчилля влияли разные факторы. Тут и желание «спасти» польское правительство в изгнании, и стремление загладить отсутствие Второго фронта во Франции и т.п. Нельзя исключать и те соображения, что будущее Великобритании и Британского Содружества в значительной мере зависело от Советского Союза и США. Если бы Ф. Рузвельт смог договориться с «реалистом» (определение самого президента) Сталиным, то Британской империи это ничего хорошего не обещало.

В мае–июне 1942 г. во время визита Молотова в Лондон и Вашингтон американская сторона уже обошла на выраже своего британского союзника, переложив на него формальную ответственность за срыв ожидаемого советской стороной соглашения по территориальным вопросам – ведь союзный договор Советский Союз подписывал с Великобританией, а не с США. Согласие Ф. Рузвельта на время Тегеранской конференции поселиться в советском посольстве давало возможность лидерам СССР и США встречаться наедине, и это не могло не беспокоить британского премьера. В конце концов, будущую судьбу Индии, лидеры США и СССР успели обговорить без своего британского союзника.

Только балансируя между СССР и США, Великобритания в это время могла продолжать играть привычную для нее роль Великой Державы.

<sup>607</sup> Советский Союз на международных конференциях... Т. 2. С. 149.

Заседание 1 декабря открыл Ф. Рузвельт. Он начал с того, что высказал надежду на восстановление отношений между правительствами СССР и польской эмиграции. Сталин ответил отказом, мотивируя это тем, что агенты этого правительства связаны с немцами и убивают партизан. Членам делегаций была продемонстрирована листовка, изданная агентами польского правительства: двуликий Янус с лицами Сталина и Гитлера. Советский руководитель в который раз подчеркнул: «Мы отделяем Польшу от эмигрантского правительства в Лондоне».<sup>608</sup>

Напряжение снял Черчилль, опять продемонстрировав этюд со спичками. Внезапно вспыхнул спор о южном участке «линии Керзона». Иден начал объяснять, что нижняя часть линии не была определена и, как предполагалось, должна была проходить восточнее Львова. Молотов немедленно отдал распоряжение принести объемную черную папку, из которой достал текст радиограммы, подписанной лордом Керзоном. Черчилль был вынужден согласиться с тем, что Львов находится восточнее линии, предложенной летом 1920 г.

Британский премьер, утверждает Л. Вудвард, совместно с министром иностранных дел А. Иденом предложили участникам конференции следующий компромисс: поляки должны признать «линию Керзона», получив как компенсацию (всю) Восточную Пруссию, Данциг и часть Верхней Силезии. Взамен Москва должна была сно-ва признать польское эмигрантское правительство в Лондоне.<sup>609</sup>

Домашняя заготовка Сталина (портрет двулиного Януса, помещенный в польской листовке) давала ему основание под удобным предлогом проигнорировать вторую часть предложений британского посредника в налаживании советско-польских отношений. Вместе с тем у западных партнеров сложилось мнение, что Кремль не отказывается от установления отношений с правительством Миколайчика, а только желает добиться от него убедительного сворачивания антисоветской кампании.

В ходе конференции было предварительно одобрено предложение Черчилля о том, что «очаг польского государства и народа должен быть помещен между так называемой «линией Керзона» и «линией

<sup>608</sup> Советский Союз на международных конференциях... Т. 2. 164.

<sup>609</sup> Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I. P. 250.

реки Одер». Предполагалось также, что Польша получит Опольскую Силезию. В советской литературе имеется также указание на то, что в Тегеране Черчилль согласился на передачу Кенигсберга Советскому Союзу.<sup>610</sup>

Это – советская версия заседания 1 декабря 1943 г. Ее можно встретить в «Истории дипломатии», в мемуарах В. Бережкова, трудах советских «чистых» историков и т.п. Она несколько расходится с польской версией.

*«Позиция Сталина была откровенно однозначная и неуступчивая, – пишет П. Эберхардт. – Единственной подходящей для Советского Союза границей является демаркационная линия, существовавшая с 28 сентября 1939 по 22 июня 1941 гг. Изложение позиции Сталина уточнил Молотов, утверждая, что граница, о которой говорил Стalin, именно и является “линией Керзона”. Британские участники заседания поставили под сомнение заявление Молотова. Разложили на столе карту, на которой было обозначено различие между “линией Керзона”, которая оставляла на польской стороне Белосток, и линией границы на 22 июня 1941 г., которая оставляла эту территорию в пределах СССР. Затем американская делегация разложила свою карту с данными демографическими и этнографическими, подготовленными специальным отделом госдепартамента. Оценивая эту последнюю, Сталин иронично заметил, что при ее составлении приняты, вероятно, данные польского правительства в Лондоне.*

*В это время Молотов сориентировался, что им не удалось обмануть западных союзников. Сталин, присмотревшись к американской карте, заштриховал красным карандашом различия между двумя линиями границы и признал, что на этой территории проживает преимущественно польское население. Далее он подтвердил, что готов уступить Польше любую территорию, если выяснится, что польское население там пребывает в большинстве.*

<sup>610</sup> 60 лет борьбы СССР за мир и безопасность / А. Л. Нарочницкий, А. А. Ахтамазян и др. М.: Наука, 1979. С. 174.

В ходе дальнейших переговоров начались торги вокруг южного участка “линии Керзона”. Иден напомнил, что в той части, т.е. в Галиции, “линия Керзона” осталась неопределенной, а Львов должен оставаться на польской стороне. На это заявление Молотов, послав секретаря за советской картой, зачитал полный текст ноты лорда Керзона, направленной правительству Советского Союза. Этот документ при установлении линии границ предусматривал в Галиции две линии разграничения: одна – на восток, вторая – на запад от Львова. В связи с этим начался спор по поводу интерпретации документа. Иден защищал польские интересы, указывая, что Львов должен принадлежать Польше. В этой ситуации Черчилль обратился к Идену и заявил, что не будет выкручивать себе руки (у Эберхардта – “ломать сердце”. – В. М.) по поводу Львова. Повторил потом снова в присутствии Молотова: “Не имею намерения подымать бучу по поводу Львова”. Через минуту Черчилль обратился к Сталину, утверждая, что мы уже приближаемся к окончательному согласованию».<sup>611</sup>

По мнению польской исторической школы (не только процитированного П. Эберхардта, но и других ее представители), основным мотивом поведения Черчилля в Тегеране стало желание любой ценой вернуть дружественное Западу польское правительство из Лондона в Варшаву после ее занятия советскими (что было уже очевидным) войсками. Линия западной границы Польши (с Германией) могла бы сделать послевоенную Третью Речь Посполитую «архилояльной» к Западу. Ошибочность этой позиции, по мнению польских историков, состояла в том, что Сталин никогда бы не согласился с появлением в Варшаве недружественного правительства, а польская эмиграция, в свою очередь, не могла пойти на утрату «45 % довоенной территории».

Собственное объяснение действиям британского премьера предложил Т. Флинн:

«Черчилль, более искушенный дипломат, чем Рузвельт, и более реалистичный, старался спасти от сталинской

<sup>611</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 110–111.

*хватки насколько возможно большие территории на юге Балкан. Он имел намерение удержать Сталина от реализации давней российской мечты о контроле русскими проливов к Средиземному морю. Он намеревался ради этого принести в жертву Польшу».<sup>612</sup>*

Общим для этих подходов является то, что «польский» вопрос рассматривают в отрыве от глобальных, geopolитических интересов Великих Держав.

Лидеры Великих Держав прибыли в Тегеран со своим видением не столько интересов коалиции в целом, сколько интересов собственных стран. Черчилль имел цель сохранить за Великобританией статус Великой Державы и на послевоенное время. Важным было не потерять британскую колониальную империю, точнее, то, что осталось от нее после Вестминстерского акта 1931 г. Для этой цели лучше всего служило традиционное международное право с его практикой тайных соглашений, сфер влияния и т.п.

«Линия Керзона» отвечала планам Черчилля, поскольку уже само ее одобрение в полной мере свидетельствовало бы, что к мнению Британии и далее прислушивается весь мир. «Линия Бартелеми», которая оставляла Львов на польской стороне, была недостаточно приемлемой уже потому, что ее в свое время предложил француз, а не британец. Также сотрудничество со Сталиным – в разумных границах – по мнению Черчилля, могло бы создать противовес американской активности, в частности в сфере традиционных английских интересов. Голос Британии тогда смог бы стать «золотой акцией» большой политики Большой Тройки.

Рузвельт представлял не просто страну богатую, а страну с практически неограниченными возможностями и неограниченными аппетитами. Еще со времен В. Вильсона США требовали *открытых морей и права наций на самоопределение*. Передполагалось, что *самоопределение* многочисленных французских и британских колоний, если такое состоится, будет означать их последующее экономическое, а со временем и политическое подчинение именно Соединенным Штатам Америки – для этого у Вашингтона было достаточно экономических рычагов. Именно поэтому Рузвельт настаивал на

<sup>612</sup> Flynn J. T. The Roosevelt's Myth. Revised edition. New York: The Devin Adair Co, 1956. P. 353.

самоопределении во всех случаях, в частности и, при рассмотрении польского вопроса. Американскому президенту было не столь уж важно, кому отойдут Львов и Вильно (в конце концов, их можно было отдать Сталину как предмет торга). Важнее, чтобы Советский Союз поддержал американский принцип свободного самоопределения наций в теории и на практике.

США в это время олицетворяют собой «новую» линию в международной политике и международном праве. В конце концов, эта линия найдет свое закрепление в учредительных документах ООН, что спустя некоторое время не помешает ни США, ни Советскому Союзу проводить империалистическую по своей сути политику неоколониализма (США) или «поддержки национально-освободительных движений» (своеобразный красный неоколониализм).

Сталин прибыл в Тегеран, имея, как это полагается настоящему большевику, программу-минимум: «Великий, могучий Советский Союз» и программу-максимум: «Мировая революция». Еще Ленин учил, что в случае необходимости можно садиться за стол переговоров «с самим чертом», а лучшая политика по отношению к буржуазным государствам – «столкнуть их лбами». Играя на противоречиях, Сталин даже изъявил готовность пойти навстречу Черчиллю, когда выяснилось, что «линия Керзона» проходит восточнее советского (в 1939–1941 гг.) Белостока. Кстати, именно в этом городе прошло Народное Собрание Западной Белоруссии, т.е. он стал своеобразным символом белорусского воссоединения, подобно тому, как Львов был городом-символом воссоединения украинского.

Сталин также не возражал против практики тайных договоренностей, когда-то осуждаемой В. Лениным, но весьма привычной для лидера Великой Британии. Вместе с тем советский диктатор подыгрывал Рузвельту, когда обещал, что поступится «любой» территорией, где польское население окажется в большинстве (если только польские историки не выдают желаемое за действительное).

Рузвельт 1 декабря 1943 г. принял в обсуждении польского вопроса пассивное участие. Но только в присутствии Черчилля. Наедине со Сталиным американский президент был куда более откровенным.

Интерес составляет запись разговора Председателя СНК СССР с президентом США, которая происходила того же 1 декабря 1943 г., но в частной обстановке. Рузвельт в доверчивой фор-

ме объяснил свое нежелание открыто провозгласить поддержку США линии польско-советской границы, предложенной накануне У. Черчиллем:

*«В будущем году в Соединенных Штатах предстоят выборы. Я не желаю выдвигать свою кандидатуру, но если войны продолжится, то я, может быть, буду вынужден это сделать. В Америке есть 6-7 млн граждан польского происхождения, и поэтому я, будучи практическим человеком, не хотел бы потерять их голоса. Я согласен с маршалом Сталиным в том, что мы обязаны восстановить польское государство, и лично я не имею возражений, чтобы границы Польши были передвинуты с востока на запад – вплоть до Одера, но по политическим соображениям я не могу участвовать в настоящее время в решении этого вопроса. Я разделяю идеи маршала Сталина, я надеюсь, что он поймет, почему я не могу публично участвовать в решении этого вопроса здесь, в Тегеране, или даже весной будущего года».*<sup>613</sup>

Рузвельт выторговывал себе право не объявлять о поддержке Соединенными Штатами обсужденной в Тегеране линии советско-польской послевоенной границы не только весной будущего 1944 г., но также до глубокой осени, когда должны были пройти выборы. Сталин с пониманием отнесся к этому факту. Рузвельт, встретив неожиданно легкое согласие советского диктатора, поспешил развить мысль: «В Соединенных Штатах имеется также некоторое количество литовцев, латышей и эстонцев. Я знаю, что Литва, Латвия и Эстония и в прошлом, и совсем недавно составляли часть Советского Союза, и, когда русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита». Stalin и в этом случае проявил уступчивость:

*«Что касается волеизъявления народов Литвы, Латвии и Эстонии, то у нас будет немало случаев дать наро-*

<sup>613</sup> Советский Союз на международных конференциях... Т. 2. С. 169.

дам этих республик возможность выразить свою волю. (...)  
Это, конечно, не означает, что плебисцит в этих республиках должен проходить под какой-либо формой международного контроля».

Теперь настала очередь высказать любезность Рузвельту:

«Конечно, нет. Было бы полезно заявить в соответствующий момент о том, что в свое время в этих республиках состоятся выборы». <sup>614</sup>

После этой реплики американского президента советский руководитель перевел разговор в другое русло, поинтересовавшись, все ли готово к завтрашнему отъезду. Сталин переиграл своего оппонента, вынужденного согласиться даже не на «плебисцит», а на «выборы», которые «пройдут в свое время», да еще и в условиях отсутствия какого бы то ни было международного контроля.

Отметим еще одну, не очень известную деталь. Западные политики позднее считали, что величайшей ошибкой и наибольшей неудачей западных союзников на Тегеранской конференции стало согласие не на восточную, а на западную границу Польши.

«Черчилль и Рузвельт, – позднее писал бывший посол США в СССР Дж. Кеннан, – вдвоем выступали против сталинского плана, который был утвержден позже: перемещением Польши в целом на несколько сот миль удовлетворить русские претензии на востоке, заставив немцев оплачивать счет, оставив полякам обширные территории до Одера включительно. Поместить Польшу в эти границы означало поставить ее перед необходимостью стать советским протекторатом, независимо от того, будет ли ее собственное правительство коммунистическим или нет». <sup>615</sup>

Обросив первую часть концепции Кеннана – как известно, спички на столе передвигал Черчилль, а не Сталин, согласимся с другим

<sup>614</sup> Советский Союз на международных конференциях... Т. 2. С. 169–170.

<sup>615</sup> Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin. London: Hutchinson & Co, Ltd, 1961. P. 361.

тезисом. Стремясь сохранить свою границу с Германией, послевоенная Польша неминуемо должна была опираться на поддержку Советского Союза.

Тегеранская конференция Великих Держав (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) стала значительным явлением международной жизни и международного права не только с точки зрения судьбы послевенного мира, решаемого без участия и согласия заинтересованных стран (в Тегеран не допустили не только лондонских поляков, но и Бенеша, представителей «Свободной Франции», союзного Китая и прочих). На этой конференции встретились две – старая и новая – концепции международной политики и, соответственно, международного права, которое, как известно, есть только надстройка в действующих международных отношениях. Великобритания, которая де-юре и де-факто была Великой Державой на протяжении последних нескольких столетий – от Елизаветы I до Мюнхенской конференции, стремительно теряла свои позиции. Олицетворяемая ею международная политика и международное право – это право сильного, основанное на разделе мира на колониальные империи и сферы влияния; оно не исключает, а одобряет применение силы для отстаивания всего того, что громко называется *национальными интересами*, допускает перекраивание существующих границ под предлогом обеспечения собственной безопасности, практикует тайные договоры и секретные протоколы и т.п.

Иные принципы международной политики и международного права (они, в конце концов, победят и утвердятся в учредительных документах Организации Объединенных Наций) на Тегеранской конференции представляли США. Опираясь на собственные неограниченные финансовые возможности, политики из Вашингтона отстаивали принципы права наций на самоопределение, отказа от войны как способа международной политики (оставляя возможность применения военных сил Объединенных Наций и международных санкций) и т.п. Уже тогда эти принципы обосновывались посредством внешне либеральной концепции *прав человека*. Известный американский специалист в области международного права и прав человека Е. Швельб вообще утверждает, что «эффективная защита прав человека была главной целью войны», а первое провозглашение этой цели было сделано именно Вашингтоном (а не Лондоном или Москвой) еще тогда, когда США не были втянуты в

войну, в ежегодном послании президента Рузвельта Конгрессу 6 января 1941 г.<sup>616</sup>

За этими, внешне возвышенными, демократическими лозунгами, скрывались весьма приземленные государственные интересы США. Так, осуществление права на самоопределение народами колоний европейских государств во многих случаях реально обернулось их преобразованием в рынки сбыта и источники сырья для Соединенных Штатов Америки. Политическое господство Лондона, Амстердама или Парижа сменилось экономическим доминированием Вашингтона. Вчерашний колониализм под привлекательными лозунгами прав человека и права наций на самоопределение был заменен неоколониализмом.

Что же касается Сталина и Молотова, то в распоряжении Москвы были аргументы как из арсеналов старого международного права (например, необходимость получения Россией (*sic!*) незамерзающих портов на Балтике – Кенигсберга и Клайпеды за счет Германии), так и те принципы, которые навязывали миру США и которые стали основой «нового» международного права после принятия учредительных документов ООН.

В этой связи хотелось бы привести цитату из П. Эбергардта:

*«Первая конференция лидеров трех Великих Держав создала новый прецедент в международных отношениях. Их руководители яростно спорили о будущих границах не только государств, с которыми вели войну, но также и об изменении границ союзных государств. Все это не только происходило без согласия заинтересованных государств, но даже союзные государства не были информированы о принятых решениях. Факты такого рода имели место в истории, но носили характер эпизодический и такой, что не превышал масштабов регионального измерения. Первый раз в истории решения Великих Держав имели измерение глобальное и вели к разделу мира на две сферы влияния. (...) Говоря о решениях трех Великих Держав, задевающих интересы других союзных стран, следует отметить, что, (...) в отличие от Версальской Конференции, на которую*

<sup>616</sup> Shwelib E. Human Rights and the International Community... P. 24–25.

пригласили представителей малых государств, при принятии решений на конференции Тегеранской не принимались во внимание позиции других союзных государств (Франции, Польши, Чехословакии и Китая)».<sup>617</sup>

Довольно сомнительная оценка. Диктат Великих Держав в практике «старой» международной политики и «старого» международного права был всегда: как в тех случаях, когда «приглашали» представителей малых государств (Венская 1814 г. и Версальская 1919 г. конференции), так и тогда, когда не приглашали (Мюнхен, тайные соглашения царской России с Францией периода Первой мировой войны и т.п.). Так, на Версальской конференции все государства были разделены на несколько неравноправных групп: одни делегации принимали участие в обсуждении всех вопросов с правом решающего голоса, другие – только тех, что касались непосредственно представленных ими стран, с правом совещательного голоса. Прислушивались ли особенно к голосу делегации ЗУНР на Версальской конференции?

Польское эмигрантское правительство в Лондоне в 1939 – в начале 1945 гг. играло на том же поле «старого» международного права. Информация предоставленная Черчиллем правительству Миколайчика о том, что в Тегеране были приняты решения, которые дают возможность послевоенной Польше расширить свои границы на севере и западе за счет побежденной Германии, вызвали радостное воодушевление польских эмигрантов, а сообщение о том, что Кенигсберг должен отойти к СССР – «разочарование».

Можно ли за это упрекать правительство Миколайчика? Разумеется нет: оно действовало в тех международно-правовых традициях, что выработала и довела до – в определенном смысле – совершенства предыдущая историческая эпоха.

Можно ли осуждать Сталина за то, что, отстаивая интересы коммунистического СССР, он действовал как откровенный империалист? С моральной точки зрения, возможно, и так, с международно-правовой *de lege lata* – нет. Тем более что в арсенале Сталина были и аргументы «нового» международного права с его императивом права наций на самоопределение.

<sup>617</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 112–113.

На Тегеранской конференции, как со временем на Ялтинской и Потсдамской, вверх взяло «старое» международное право. Сталин отказался от активного применения аргумента «права наций на самоопределение», когда согласился с британским предложением взять за основу будущей советско-польской границы «линию Керзона» (и «потерять» часть довоенной территории). В конечном счете, как это стало понятно в августе 1945 г. после подписания советско-польского договора о границе, к Польше «вернулось» около 22 тыс. кв. км территорий, которые до 22 июня 1941 г. входили в состав Советского Союза и на которых население в свое время уже высказалось за «воссоединение» или с Белоруссией, или с Украиной (исключение составляют Сувалки, «приобретенные» у Германии в январе 1940 г., и территория Виленского края, переданная Литве без всякого референдума).

Почему Советский Союз не выступил в защиту «нового» международного права, настаивая на том, что только результаты референдумов должны определять будущую государственную принадлежность западно-украинских, западно-белорусских и литовских земель? Думается, причин было несколько. Это и уже упомянутое отсутствие плебисцита на землях, которые в 1939 г. отошли к Литве, но были населены в основном поляками. После того, как независимая Литва стала Литовской ССР в составе Союза ССР и за неполный год успела убедиться в необдуманных результатах этого шага, возвращаться к идее плебисцита было бы неразумно.

Для Великобритании Тегеран был шансом сохранить свою роль мировой Державы, которой угрожал не только агрессивный Гитлер, но и дружественные Соединенные Штаты с их интересами, которые пересекались с британскими. Черчилль остановил свой выбор на «старой» международной политике и «старом» международном праве с его приемами и подходами. «Линия Керзона» стала в определенном смысле находкой для Черчилля.

Польская научная мысль упрекает западных союзников в том, что, имея возможность выбора между так называемой «линией А» («линия Керзона») и «линией В» («линия Бартелеми»), которая оставляла Львов и Дрогобычский нефтяной бассейн на польской стороне, они избрали первый вариант. Для Черчилля психологически было принять вариант «английский», нежели французский. Но и «психология» уступала прагматичными соображениями: если уж

улаживать советско-польский территориальный конфликт, то лучше это сделать так, чтобы получить признание и поддержку Сталина (и его многомиллионной Красной Армии), нежели Миколайчика с его скромными возможностями. Советская поддержка могла бы понадобиться Англии на заключительном этапе Второй мировой войны куда больше, нежели польская.

Пассивность США в вопросе польско-советской границы объяснялась необходимостью сохранения голосов польского избирателя для Рузвельта. Кроме того, президент США тяготел к идеи проведения повторных плебисцитов в спорных областях после войны. Результаты таких повторных плебисцитов виделись в Москве менее прогнозируемым, нежели осенью 1939 – летом 1940 гг. Именно поэтому в Тегеране Сталин не стал настаивать на важности плебисцитов, проведенных в Западной Украине и Западной Белоруссии в октябре 1939 г. «Старое» международное право и поддержка Черчилля и без этого давали желаемый результат.

Тегеранские договоренности руководителей ведущих стран антигитлеровской коалиции в вопросе польско-советской границы по взаимному согласию сторон долгое время оставались секретными.

Посол в США А. Громыко в телеграмме в Народный комиссариат иностранных дел СССР 8 декабря 1943 г. проанализировал отзывы американской общественной мысли и местной прессы на встречу руководителей трех государств и достигнутые договоренности:

*«Некоторые корреспонденты, находящиеся на Ближнем Востоке, подчеркивают, ссылаясь на мнение, высказанное вернувшимся из Тегерана членами американской и английской делегаций, что соглашение было достигнуто легко ввиду того, что СССР четко придерживается своей политики, исключающей стремление к территориальным захватам. (...) Один из обозревателей, высказывавших оприцательное мнение о декларациях, Эдгар Мауэр, видит основной недостаток в том, что в них не дано решения польского вопроса».*<sup>618</sup>

<sup>618</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 1. 1941–1943. С. 469.

Упомянутые в телеграмме посла «политические обозреватели» даже не предполагали, что «польский вопрос» был уже в основном решен.

Если в Тегеране было достигнуто взаимопонимание по вопросу послевоенных польско-советских границ с двумя ведущими государствами антигитлеровской коалиции, то со всеми другими союзниками его приходилось искать отдельно.

Как известно, в межвоенной (1918–1939) Европе из всех Великих Держав именно Франция выступала в качестве своеобразного покровителя Второй Речи Посполитой. Оккупация территории Франции гитлеровскими войсками в 1940 г., образование марионеточного правительства Виши лишили политических наследников Второй Речи Посполитой важного источника поддержки. С этого времени патриотические силы Франции, выступавшие за возрождение ее независимости, сами испытывали нужду в международном признании.

Советский Союз безошибочно сделал ставку на движение «Свободная Франция» и его лидера де Голля. Взаимопонимание Москвы с этим движением позволило в дальнейшем лишить польское правительство в изгнании необходимой ему поддержки со стороны традиционного политического партнера – французов.

В марте 1942 г. в СССР впервые прибыли представители Национального комитета «Свободная Франция» (НК СФ) Гарро, Пети и Шмитлейн. Они информировали советских руководителей о деятельности Национального комитета и о положении во Франции. С обеих сторон была высказана заинтересованность в установлении тесного сотрудничества между СССР и Свободной Францией.

Второй контакт состоялся 24 мая 1942 г. во время визита В. Молотова в Лондон. Советский руководитель имел личную встречу с де Голлем. Нарком В. Молотов заявил, что правительство СССР «желало бы видеть этот (французский. – В. М.) суверенитет полностью восстановленным, а Францию – возрожденной во всем ее блеске».<sup>619</sup>

Французская сторона поняла это высказывание Молотова в том смысле, что Советский Союз поддерживает восстановление независимости Франции и ее суверенитета над колониями. Сразу же после

<sup>619</sup> История дипломатии. Издание второе. Т. IV. Дипломатия в годы Второй мировой войны... С. 350–351.

встречи с Молотовым представители Свободной Франции начали настаивать, что французский порт Даккар в Африке может быть занят англо-американскими союзниками только после предварительного согласования с НК СФ. Английская сторона была вынуждена согласиться. Де Голль наглядно понял всю важность сотрудничества с Москвой и те возможности, которое оно открывает.

11 мая 1943 г., т.е. сразу после разрыва советско-польских отношений, в Лондоне состоялся разговор посла СССР при союзных правительствах в Лондоне А. Богомолова с председателем Французского национального комитета де Голлем. В частности, рассматривался и вопрос советско-польских отношений.

*«На мой вопрос, как он в современных условиях относится к советско-польскому конфликту, – докладывал телеграммой в НКИД А. Богомолов, – де Голль ответил следующее: с одной стороны, Франция заинтересована в том, чтобы существовала свободная, независимая Польша, но, с другой стороны, Франция заинтересована также и в том, чтобы Россия имела наилучшие для себя стратегические границы на западе и, конечно, на Балтийском море. При этом де Голль намекнул, что если бы он пришел к власти, то Франция, безусловно, поддержала бы Россию в отношении границы в духе “линии Керзона”. Но вся суть, добавил де Голль, заключается в том, что пока что сама Франция и защитники ее интересов находятся в крайне тяжелом положении.*

*Я поблагодарил де Голля за информацию и заверил его в том, что трудности положения Национального комитета совершенно для меня понятны».*<sup>620</sup>

Де Голль претендовал на роль национального спасителя Франции. На эту же роль претендовала и Французская коммунистическая партия (ФКП), известная еще как «партия расстрелянных». Кремлевской дипломатии приходилось выбирать между Морисом Торезом и Шарлем де Голлем. Оба настаивали на своей лояльности к

<sup>620</sup> Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 1. 1941–1943. С. 178.

СССР и оба не возражали против «линии Керзона» в качестве центрального отрезка западной советской границы. Если коммунист Торез делал это вполне чистосердечно, то де Голль старался «спасти» не только Францию, но и французскую колониальную империю, на которую с интересом посматривали американцы.

3 июня 1943 г. в Алжире было провозглашено образование Французского комитета национального освобождения (ФКНО). Новообразованный орган получил двоих сопредседателей: де Голля и Жиро. Генерал Жиро, главнокомандующий вооруженными силами ФКНО, был ставленником американцев. Однако ни США, ни Великобритания не желали признавать ФКНО в качестве центральной французской власти, поскольку такое признание означало бы необходимость присоединения французских представителей к переговорам Большой Тройки, консультаций с ФКНО по вопросам открытия второго фронта и т.д. Москва, наоборот, высказала готовность признать ФКНО как центральную французскую власть.

Отметим также, что советская внешняя политика в период Второй мировой войны была многовекторной. Так, в 1942 г. были восстановлены дипломатические отношения с Люксембургом и Мексикой, а в 1943 г. – с Уругваем. С рядом стран, в том числе с Австралией, Голландией, Кубой (1942 г.), Египтом, Колумбией, Эфиопией (1943 г.), дипломатические отношения были установлены впервые. Это создавало новые дополнительные возможности на международной арене.

### **Выводы к разделу 3**

Вопреки распространенному мнению, будто бы Советский Союз, подписывая с польским эмигрантским правительством союзное Соглашение от 30 июля 1941 г., тем самым признал свой отказ от западных границ по состоянию на 22 июня 1941 г., ни тогда, ни зимой 1941–1942 гг. Москва этого не сделала. Впрочем, лучшим доказательством тезиса может служить раскол в Польском правительстве, вызванный подписанием «конъюнктурного соглашения». Все, на что соглашалась советская сторона – это сравнительно небольшие отступления от линии 22 июня 1941 г., при условии что такие изменения проводились бы на этнографических основаниях. Но даже в

этом случае Сталин видел Львов украинским (переговоры с Сикорским и Андерсон в декабре 1941 г.).

Польское эмигрантское правительство, наоборот, настоятельно требовало возвращения к линии, установленной Рижским договором 1921 г., не соглашаясь даже на малейшие уступки. Указанное обстоятельство ничуть не мешала полякам требовать «возвращения» славянских земель, германизированных, начиная еще с XII века, в ходе известного «Дранг нах Остен» и населенных почти исключительно немцами.

Москва сделала попытку направить польские экспансионистские планы в западном направлении, обещая поддержку весьма существенных изменений польско-германской границы в случае, если эмигрантское правительство согласится смягчить позицию в вопросе послевоенных восточных границ.

Представляет интерес и вопрос, насколько советские предложения по послевоенным границам Польши увязывались не только (и не столько) с действительными польскими желаниями и стремлениями, сколько с нормами международного права того времени и – что еще важно – с намерениями и планами союзников по коалиции. В частности, было очевидно, что на западе речь пойдет о выселении и депортации многомиллионных масс немецкого народа. Немецкие границы, установленные в 1919 г. в Версале, и так обрезали Германию вдоль ее этнографических пределов. Основным международным аргументом Гитлера в 1933–1938 гг. служило якобы «исправление» несправедливости версальского диктата победителей. Понятно, что польские территориальные требования к побежденной Германии – в случае их удовлетворения победителями – должны будут вызывать у немцев сильное желание реванша.

При этом страны, заинтересованные в сохранении прочного европейского мира, не имели особой нужды раздражать побежденных немцев, подталкивая их в объятия нового Гитлера. Тем самым надеялся, что Лондон, Париж, Вашингтон воспримут намерение безвозмездно поддержать советские «компенсации» Польше на послевоенной мирной конференции, было наивно. Москве еще только предстояло заплатить немалую цену за лояльность западных союзников в этом вопросе. Заплатить согласием на задержку с открытием Второго фронта, на сокращение раннее согласованных военных поставок, на участие в войне против Японии и т.п. В конечном

итоге, заплатить кровью и жизнями миллионов советских солдат и гражданского населения, в том числе украинского.

Позиция же польского эмигрантского правительства в это время сводилась к следующему:

– границы на востоке должны оставаться неизменными, такими, какими они были установлены в Риге в 1921 г. В случае согласия СССР на возвращение к *status quo ante bellum*, эмигрантское правительство милостиво соглашалось, в свою очередь, не ставить под сомнение довоенные (1939 г.) западные границы СССР;

– на эту неизменную линию довоенной польско-советской границы были ориентированы и подпольные польские структуры на территории бывшей Восточной Малопольши в своей практической деятельности;

– относительно будущих западных границ считалось, что они должны «гарантировать послевоенную безопасность Польши и Европы в целом». Речь изначально шла о присоединении к Польше всей Восточной Пруссии и Данцига (Гданьска). Сразу же после Тегеранской конференции союзников польское эмигрантское правительство с воодушевлением присоединилось к выработанным на конференции предложениям расширения послевоенной Польши за счет немецких земель до линии Одера.

Возникает логический вопрос: как польские эмигранты видели будущее воплощение своих планов и их закрепление в международном праве?

Разбить Германию и заставить ее безоговорочно капитулировать реально могли только объединенные силы союзников. За какие военно-политические цели должен был нести миллионные потери Советский Союз? За то, чтобы в приросшую за счет немецких земель Польшу вернулось недружественное (после Катыни это стало понятно окончательно) к СССР правительство? За то, чтобы литовское Вильно, белорусский Брест, украинские Луцк, Тернополь, Станислав вновь отошли к недружественному соседу?

С целью сохранить миллионы своих граждан и присоединенные в 1939–1940 гг. территории Кремлю куда разумнее было заключить сепаратный мир с Германией, чего постоянно так опасались западные союзники.

Признаем, что была лишь одна возможность появления на политической карте послевоенной Европы такой Польши, о которой

так мечталось эмигрантским политикам в Лондоне. Для этого была нужна новая война, уже между союзниками по антигитлеровской коалиции. США, Великобритания, возможно, Франция – против СССР. Советскому Союзу милостиво оставлялась единственная возможность избежать этой войны – признать довоенную польско-советскую границу добровольно.

Политика – искусство возможного. Похоже, этого не понимали ни члены кабинетов В. Сикорского, ни коллеги С. Миколайчика.

Разрыв дипломатических отношений (1943 г.), вызванный известным «катынским делом», означал, кроме всего прочего, отказ Москвы от какого-либо будущего сотрудничества с эмигрантами, поскольку возвращение правительства Сикорского (затем Миколайчика или Арцишевского) к власти в Варшаве полностью противоречило советским политическим интересам. Платить жизнями советских воинов (освобождение Польши обошлось Красной Армии в 600 тыс. только убитыми) за то, чтобы в этой стране пришло к власти, безусловно, антисоветское правительство, было бы предательством национальных интересов.

Поэтому следующим шагом Москвы стал поиск таких польских структур, с которыми можно было бы не только решить проблему границ, но и наладить действенное послевоенное сотрудничество. Эти эвентуальные польские структуры могли рассчитывать на поддержку Кремлем своих территориальных требований на севере и на западе за счет победенной Германии, но были вынуждены фактически априори согласиться с «линией Керзона» в качестве послевоенной границы двух государств.

На протяжении 1941–1943 гг. правительства Великобритании и США осуществили эволюцию взглядов на проблему послевоенной советско-польской границы. Свое влияние на это оказали, по нашему мнению, следующие факторы: весомый вклад СССР в общую борьбу против нацистской Германии и ее союзников; стремление ценой уступки советским территориальным требованиям сгладить впечатление от затягивания с открытием Второго фронта в Европе; намерения использовать СССР в войне против Японии после завершения боевых действий в Европе; и, наконец, нереалистичное поведение польского эмигрантского правительства.

Нежелание последнего достичь компромисса с Москвой оказывало неконструктивное влияние на советско-американские и со-

ветско-английские отношения, угрожало возникновением военно-го конфликта между союзниками, к чему в Вашингтоне и Лондоне были в это время не готовы. Делать собственную внешнюю политику заложницей интересов и, будем откровенными, прихотей третьей стороны – эмигрантского правительства Польши, ни Рузвельт, ни Черчилль намерения не имели. В конце концов, в этой войне, как и в будущем послевоенном мире, США и Великобритания имели собственные цели и задачи.

Важно подчеркнуть, что эволюция во взглядах на проблему послевоенных советских границ и, в частности, послевоенной советско-польской границы в Лондоне и Вашингтоне была обусловлена не только экзогенными (внешними), но и эндогенными (внутренними) факторами.

\* \* \*

Период Второй мировой войны стал переломным в становлении так называемого *нового международного права*. Своеобразным олицетворением *старых и новых* тенденций стали политические линии двух западных Великих Держав. Лондон как центр приходящей в упадок колониальной империи, «над которой никогда не заходит солнце», отстаивал свои политические интересы, а вместе с ними – понятно, негласно – и *старое* международное право с его ценностями и институтами, в частности, правом государств на безопасность границ, на самопомощь, с признанием сфер интересов Великих Держав другими субъектами международного права и т.п. Все сказанное в равной мере относится к еще одной колониальной империи – Франции.

Вашингтон, чьи будущие экономические и одновременно политические позиции в послевоенном мире виделись как не просто ведущие, а доминирующие, выступил с пропагандой ценностей *нового* международного права. Центральное место в этой системе взглядов занимало право наций на самоопределение, чьим заданием стало устранение привычного разделения мира на колониальные империи и твердо согласованные сферы влияния. В новом, свободном от бывших колониальных пут, мире доминирование США с их неограниченными финансовыми возможностями виделось неминуемым.

В распоряжении Москвы были аргументы, как из арсеналов международного права *старого* (безопасность западной границы

страны), так и *нового* (плебисциты в Западной Украине, Западной Белоруссии, Прибалтике).

По сути, в этом противостоянии концептуальных подходов Сталин владел своеобразной золотой акцией. От позиции СССР в значительной мере зависело будущее международно-правовых отношений, а вместе с ним и судьба послевоенного мира, например, Индии.

Умело играя на англо-франко-американских противоречиях (Тегеран), творцы советской внешней политики сумели использовать как англо-французских адептов *старого* международного права («линию Керзона» У. Черчилль отстаивал, чуть ли не активней самого Сталина; де Голль тоже с полным пониманием воспринял рассуждения о безопасности западных советских границ), так и американских апологетов права *нового*. В частности, в Тегеране Рузвельт согласился считать события лета 1940 г. в странах Прибалтики народными плебисцитами.

Единственной оговоркой, имевшейся в это время у Рузвельта, стало то, что плебисцитам 1939–1940 гг. следовало бы придать вид определенной респектабельности для успокоения общественного мнения Запада. Американский президент выдвинул идею, что выборы в Верховные и местные Советы, проведенные в послевоенное время на новоприобретенных для СССР территориях, без всякого международного контроля (!), можно будет впоследствии признать в качестве «повторных» плебисцитов.

Как пример апелляции Москвы к нормам *старого* международного права составляют интерес аргументы в поддержку линии советской западной границы по состоянию на 22 июня 1941 г., высказанные в послании И. Сталина У. Черчиллю от 18 июля 1941 г. Stalin, как известно, настаивал на том, что новая западная граница создала лучшие условия для встречи немецкого агрессора – на дальних подступах к Киеву, Минску и Ленинграду. В межвоенном международном праве (фактически – до принятия Устава ООН в 1945 г.) такого типа доказательства справедливости требований территориальных изменений были нормой.

Можно высказать предположение, что дальнейший (после 1942 г.) отказ Москвы от активного обоснования своих территориальных требований соображениями безопасности, обусловливался несколькими разноплановыми факторами. Во-первых, Великобритания и США немедленно осуществили попытку подхватить

советское требование безопасности послевоенных границ, откорректировав ее в невыгодном для Кремля плане. А именно – добиться от СССР согласия на то, чтобы эта безопасность достигалась не столько путем территориальных приобретений, сколько за счет размещения советских военных баз на территории соседних государств.

Во-вторых, выскажем предположение, что Сталин в письме от 18 июля 1941 г. и позднейших контактах с лидерами Большой Тройки делал определенные авансы на будущее правительствам Великобритании и США. Межвоенное международное право еще не рассматривало принцип нерушимости существующих государственных границ как императивный. Англия и США уже сделали попытку взять под контроль колонии Франции, которая после по зорной капитуляции летом 1940 г. стала союзником Гитлера. Т.е. позиция СССР не мешала Великобритании и США заботиться о собственной безопасности посредством экспансий, в частности, и за счет вчерашнего союзника.

Перелом в ходе Второй мировой войны и определенные, связанные с ним, реалии и факторы международной жизни повлияли на советскую внешнюю политику и ее концептуальные подходы, в частности, в вопросах правового обоснования западных границ страны.

## РАЗДЕЛ 4

Правовое закрепление  
соборности Украинской ССР  
на заключительном этапе  
Второй мировой войны



## РАЗДЕЛ 4

### Правовое закрепление соборности Украинской ССР на заключительном этапе Второй мировой войны

#### 4.1. Влияние западных участников антигитлеровской коалиции на советско-польские международно-правовые отношения и соглашения

Польское эмигрантское правительство в Лондоне в своей деятельности опиралось на дипломатическую поддержку Англии и США, а также на финансовую помощь правительств этих стран и американских поляков. Так, например, в 1941–1944 гг. только Великобритания предоставила эмигрантскому правительству Польши субсидий на сумму более 40 млн фунтов стерлингов. На 1945 г. «лондонские поляки» запросили у английского министерства финансов еще 15 млн фунтов стерлингов.<sup>621</sup>

Понятно, что от позиции официальных Вашингтона и Лондона в значительной мере зависело поведение польского эмигрантского правительства, его готовность идти на определенные уступки или отказываться от таких шагов. Это в частности относится и к вопросу о послевоенных границах Польши. С другой стороны, образование Краевой Рады Народовой (КРН) в июле 1944 г., а затем и Польского Временного правительства (1 января 1945 г.), создали возможность решения польского вопроса и без согласия эмигрантского правительства в Лондоне.

Международно-правовое признание новых польских властей тоже значительной мерой зависело от позиции двух западных Великих Держав.

Вступление советских войск на территорию довоенной Польши вызвало резкую реакцию эмигрантского правительства в Лондоне. В своем заявлении от 5 января 1944 г. правительство С. Миколайчика выдвинуло требование передачи административных функций

<sup>621</sup> Купц Е. Р. Указ. соч. С. 140.

на освобожденных от гитлеровской оккупации землях Западной Украины и Западной Белоруссии в руки польских властей, назначенных эмигрантским правительством. В случае исполнения этих предварительных условий, эмигрантское правительство милостиво «соглашалось» на восстановление дипломатических отношений с СССР. Советский Союз не ответил на эту польскую претензию даже обычным в таких случаях заявлением ТАСС.

Убедившись в неизменности советских подходов, 14 января 1944 г. эмигрантское правительство выступило с заявлением, выдержанном в более спокойных тонах. В указанном документе содержался призыв к правительствам Великобритании и США выступить в роли посредников на польско-советских переговорах. На это Москва ответила (нота от 15 января и сообщение ТАСС от 17 января 1944 г.) в том духе, что замалчивание польской стороной советских предложений «линии Керзона», а также сохранение враждебного отношения к Советскому Союзу со стороны правительства С. Миколайчика делают восстановление дипломатических отношений невозможным.

А. Иден в ходе консультаций с С. Миколайчиком, Т. Ромером и Э. Рачинским поставил требование принять советские предложения и согласиться на «линию Керзона».

*«Иден предостерег польское правительство от того чтобы дать Москве отрицательный или даже резкий ответ, – записал в своем дневнике Э. Рачинский. – Он недвусмысленно дал понять, что если это случится, то британское правительство (...) будет вынуждено признать свои моральные обязательства применительно к нам выполненными, точнее, такими, что не подлежат исполнению».*<sup>622</sup>

В ноте от 19 января 1944 г. государственный секретарь США сообщил советскому послу о готовности американского правительства выступить посредником на советско-польских переговорах.<sup>623</sup>

<sup>622</sup> Raczyński E. W sojuszniczym Londynie. London: Polish Reserch Center, 1960. S. 222.

<sup>623</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 2. 1944–1945 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1984. С. 522.

23 января Народный комиссар иностранных дел высказал благодарность за готовность к посредничеству, но заметил, что «условия для переговоров и посредничества еще не созрели».

В январе-феврале 1944 г. состоялся ряд встреч У. Черчилля и А. Идена с представителями правительства С. Миколайчика.

В личном послании И. Сталину (получено 1 февраля 1944 г.) Черчилль утверждал, что «польские министры были очень далеки от того, чтобы отклонить, таким образом, открывшиеся перспективы, но они просили о предоставлении им времени для рассмотрения вопроса совместно с остальными своими коллегами»; при этом британский премьер передал советскому руководителю ряд вопросов, выдвинутых польским правительством.<sup>624</sup> Они касались, прежде всего, гарантий польской стороне.

В послании И. Сталина от 4 февраля утверждалось:

*«Мы заявили, что не считаем границу 1939 г. неизменной, и согласились на “линию Керзона”, пойдя тем самым на весьма большие уступки полякам. А между тем Польское правительство уклонилось от ответа на наше предложение о “линии Керзона” и продолжает в своих официальных выступлениях высказываться за то, что граница, навязанная нам по Рижскому договору, является неизменной. Из Вашего письма можно сделать заключение, что Польское правительство готово признать “линию Керзона”. (...) Оно должно об этом заявить так же официально, как это сделало Советское правительство, которое заявило, что линия границы 1939 г. подлежит изменению и что советско-польской границей должна быть “линия Керзона”».*<sup>625</sup>

В послании, полученном Москвой 9 февраля, Черчилль обещал сообщить о дальнейшем ходе переговоров через 2–3 дня, однако следующее письмо было получено лишь 19 февраля, а последнее (по итогам консультаций с поляками) датировано 7 марта. В послании, полученном 19 февраля, в частности указывалось:

<sup>624</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 225–230.

<sup>625</sup> Там же. С. 229.

«Польское правительство готово заявить, что “Рижская линия” теперь уже не соответствует действительному положению вещей и что оно готово при нашем участии обсудить с Советским правительством как часть всеобщего урегулирования вопрос о новой границе между Польшей и Советским Союзом вместе с вопросом о будущих границах Польши на севере и на западе. Так как, однако, компенсации, которые Польша получит на севере и западе, не могут быть в настоящее время преданы гласности или уточнены, ясно, что Польское правительство не может выступить с немедленной публичной декларацией о своей готовности уступить территорию (...), так как опубликование такого соглашения выглядело бы совершенно односторонним актом. (...) По этим причинам Польское правительство, пока оно не возвратится на польскую территорию и не будет иметь возможности консультироваться с польским народом, очевидно, не сможет формально отречься от своих прав на какую-либо часть Польши».<sup>626</sup>

Далее Черчилль писал о том, что:

«Польскому правительству весьма желательно, чтобы районы, которые будут переданы в ведение польской гражданской администрации, включали бы такие пункты, как Вильно и Львов (...). Я им сообщил, и они отчетливо понимают, что Вы не согласитесь оставить Вильно и Львов под польским управлением. С другой стороны, я хотел бы быть в состоянии заверить их, что район, который должен быть передан в ведение польской гражданской администрации, будет включать по крайней мере всю Польшу к западу от “линии Керзона”».<sup>627</sup>

22 февраля 1944 г. премьер-министр Великобритании выступил в Палате Общин с речью о вопросах войны и международной политики страны:

<sup>626</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 235.

<sup>627</sup> Там же. С. 236.

«Я могу напомнить Палате, что мы сами никогда в прошлом не гарантировали Польше от имени правительства какую-либо особую линию границы. Мы не одобряли оккупацию Вильно поляками в 1920 г. Британская точка зрения в 1919 году нашла свое отражение в так называемой “линии Керзона”, которая во всяком случае представляет собой беспристрастный подход к этой проблеме. (...) Я не могу считать, что русские требования обеспечения западных границ выходят за пределы разумного и справедливого». <sup>628</sup>

Именно этой позиции придерживался британский премьер во время исполнения своей посреднической миссии на переговорах с польским эмигрантским правительством в феврале–марте 1944 г.

Сталин в послании Черчиллю от 3 марта 1944 г. подвел черту под англо-польскими консультациями:

«Достаточно указать на то, что они не только не хотят признать “линию Керзона”, но еще претендуют как на Львов, так и на Вильно. Что же касается стремления поставить под иностранный контроль управление некоторых советских территорий, то такие поползновения мы не можем принять к обсуждению, ибо даже саму постановку такого рода вопроса считаем оскорбительной для Советского Союза.

Я уже писал Президенту, что решение вопроса о советско-польских отношениях еще не назрело. Приходится еще раз констатировать правильность этого вывода». <sup>629</sup>

Не желая ставить на этом точку и тем самым признать провал своей посреднической миссии, Черчилль в послании от 7 марта утверждал:

«Предоставленные мною Вам предложения делают заятие Россией **де-факто** “линии Керзона” реальностью по договоренности с поляками по достижении ее Ваши-

<sup>628</sup> Черчилль У. Вперед, к победе! Речь в Палате общин 22 февраля 1944 года. М.: Отдел печати Великобританского посольства, 1944. С. 17–18.

<sup>629</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 241.

*ми войсками (...) Следовательно, Вы получили бы “линию Керзона” **де-факто** с согласия поляков, как только Вы ее достигнете, и с благословения Ваших западных союзников при всеобщем урегулировании».<sup>630</sup>*

Требует объяснения «неудача» У. Черчилля. По нашему мнению, она была неминуема. 17 марта 1944 г. в телеграмме делегации эмигрантского правительства в Польше Миколайчик так обрисовывал обстановку на переговорах с Черчиллем и Иденом: «мы выдвинули проблему временной административно-военной демаркационной линии, (...) она должна идти от зоны на восток от Вильно к районам на восток от Львова», но это нисколько не означало, что правительство С. Миколайчика действительно желало договоренности с Москвой даже на таких условиях. «Наша тактическая цель – избежать изоляции Польши и доказать полную ответственность за конфликт Советов, а также их далеко идущие империалистические планы» Далее С. Миколайчик отметил и то, что «Черчилль отказался от тезиса о признании “линии Керзона” правомочной линией границы».<sup>631</sup>

Параллельно с консультациями в Лондоне имели место советско-американские контакты по польскому вопросу. 18 января 1944 г. В. Молотов в разговоре с послом США А. Гарриманом подтвердил тегеранские договоренности: «линия Керзона» предлагается как приблизительная линия советско-польской границы; Польша должна получить компенсации на западе. Гарриман, выполняя инструкции своего правительства, настаивал на скорейшем восстановлении дипломатических отношений СССР с эмигрантским польским правительством, Молотов ответил, что иметь дело с теперешним польским правительством невозможно и обратил внимание посла на предложения «прогрессивных польских сил в эмиграции» о реорганизации правительства.<sup>632</sup>

В американской прессе в это время появляются недружественные к Советскому Союзу публикации, посвященные польскому вопросу. Так, «Нью Рипаблик» утверждала, что «советская внешняя

<sup>630</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 242.

<sup>631</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. Январь 1944 – декабрь 1945. М.: Наука, 1974. С. 59–60.

<sup>632</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 2. С. 8–10.

политика возвращается к предыдущей практике нанесения на карту и защите сфер влияния».<sup>633</sup>

Президент Ф. Рузвельт стремился найти такой выход из тупиковой ситуации советско-польских отношений, который бы удовлетворил всех, и в первую очередь – США. Интересную идею содержало послание президента Председателю Совнаркома СССР, полученное 11 февраля 1944 г. Чтобы достичь согласия по территориальным и другим (признание польского эмигрантского правительства) вопросам, предлагал Ф. Рузвельт, было бы целесообразно произвести изменения в составе этого правительства. Такие изменения могли бы быть осуществлены «без каких-либо признаков давления или того, что это было продиктовано другой страной».<sup>634</sup> Сталин подыграл Рузвельту и даже развел его мысль, что «коренное улучшение состава Польского правительства выступает назревшим заданием».<sup>635</sup>

Обращает на себя внимание следующая деталь. Начиная с декабря 1943 г. (то есть от Тегеранской конференции) и до глубокой осени 1944 г. (то есть непосредственно до дня президентских выборов), правительство США не назначало, и поэтому не имело, своего посла при польском эмигрантском правительстве.

*«Глубоко пессимистический в вопросах о судьбе Польши американский посол при польском (эмигрантском) правительстве Антони Дж. Дрексел Биддл отказался от своего поста в декабре 1943 г., – писал американский историк Дж. Лукакс, – В сентябре 1944 г. этот пост был вновь занят другим большим другом Польши – Артуром Блисс Лейном».*<sup>636</sup>

Запланированный еще на февраль 1944 г. визит С. Миколайчика в Вашингтон<sup>637</sup> откладывался на протяжении нескольких месяцев и состоялся только с 5 по 14 июня 1944 г.

<sup>633</sup> American Views of Soviet Russia. 1917–1965. Edited by Peter G. Filene. Homewood, Illinois: The Dorsey Press, 1968. P. 152.

<sup>634</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (авг. 1941 г. – декабрь 1945 г.). С. 124.

<sup>635</sup> Там же. С. 125

<sup>636</sup> Lukacs J. The Great Powers and Eastern Europe P. 803.

<sup>637</sup> Fleming D.F. Cit. op. P. 231.

Правительство Рузвельта проявило интерес к визиту американского деятеля польского происхождения О. Ланге в Москву в мае 1944 г., где он провел встречу со Сталиным.

Оскар Ланге, бывший профессор Krakowskiego, а в 1944 г. – Чикагского университета, был заметной фигурой в американской польской диаспоры. 5 октября 1943 г. он выступил в «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» со статьей «Место Польши в послевоенном мире». В ней Ланге требовал для послевоенной Польши Верхнюю Силезию и Восточную Пруссию (кроме небольшой части, населенной литовцами). Признавал, что «требование это не может быть полностью обеспечено на этнографической почве, но польский суверенитет над Восточной Пруссией необходим для мира в Европе». Польская нация, продолжал Ланге, должна признать права украинцев и белорусов на национальное воссоединение с советской Украиной и советской Белоруссией, а Советское правительство – в свою очередь – должно признать давние центры польской культуры (например, Львов) интегральной частью Польши, отторжение которых от нее нанесет серьезный урон дружественным отношениям между польским и русским народами.

Уже в октябре того же 1943 г. украинский «Громадський голос» («Общественный голос»), выходивший в Нью-Йорке на украинском языке, подверг критике это заявление О. Ланге: «Львов и Вильно – не польские».<sup>638</sup>

Тем не менее, готовность Кремля вести переговоры с Ланге (он был принят лично Сталиным), казалась Вашингтону симптоматичной в том плане, что Советский Союз более заинтересован во взаимопонимании с поляками, чем в самой линии границы.

В свою очередь, польское эмигрантское правительство пыталось использовать подконтрольные ему способы давления на президента США, 28–30 мая 1944 г. (менее чем за неделю до визита польского премьера) в г. Буффало прошел организационный съезд американской польской диаспоры, на котором был принят меморандум Ф. Рузвельту с требованием сохранения границ, установленных Рижским договором 1921 г.

Уже во время своей первой встречи с С. Миколайчиком 7 июня 1944 г. Ф. Рузвельт откровенно заявил польскому премьеру, что «линию Керзона» в Тегеране предложил лично У. Черчилль; что, по его

<sup>638</sup> Shotwell J., Laserson M. Cit. op. P. 28–29.

убеждениям, советские требования являются непреклонными, и посоветовал премьеру искать встречи со Сталиным. На следующий день состоялся разговор Миколайчика со Стеттиниусом. Тот попробовал смягчить позицию: президент не может «открыто поддерживать Польшу, обратившись к Сталину по этому вопросу в сколько-нибудь категорической форме» накануне выборов, но пообещал возможную поддержку после их окончания.<sup>639</sup>

12 июня состоялась повторная встреча Миколайчика с Рузвельтом в присутствии Стеттиниуса и Цехановского. Президент выскажал мнение, что, если «создать хорошую атмосферу и восстановить отношения с перспективой надежной постоянности, то Stalin мог бы проявить уступчивость в своих территориальных притязаниях», а сам Рузвельт получил бы возможность посодействовать тому, чтобы оставить за Польшей Львов, нефтяные месторождения Дрогобыча и Станиславский округ. Относительно Вильно это казалось ему «более сомнительным». Было подтверждено, что на Западе Польша должна получить Восточную Пруссию и Силезию.<sup>640</sup>

В ходе третьей и последней беседы 14 июня 1944 г. Рузвельт опять настойчиво требовал, чтобы Миколайчик посетил Москву с визитом. Президент также лично организовал встречу польского премьера с профессором О. Ланге. Тот передал «предложения Сталина». Признание «линии Керзона» будет способствовать тому, что послевоенная Польша «получит широкий доступ к морю вместе с Восточной Пруссии и Силезией до Одера и земли на Западе по Щецин включительно». Что же касается Львова, то «он (Сталин) должен считаться со своими украинцами, а насчет Крулевца (Кенигсберга. – В. М.) у Ланге появилось впечатление возможности уступки». Ланге особенно подчеркнул: «Если до того, как Красная Армия займет Польшу, не будет достигнуто польско-советское соглашение, то Stalin намерен передать административное управление страной местным властям». О. Ланге также добавил: «Сталин не проявляет интереса к внутреннему режиму Польши, он не думает, чтобы Польша могла приспособиться к коммунистическому правительству. Но он в значительной мере заинтересован в курсе внешней политики Польши».<sup>641</sup>

<sup>639</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений... Т. VIII. С. 112.

<sup>640</sup> Там же. С. 113.

<sup>641</sup> Там же. С. 114–115.

Сразу же после возвращения из Вашингтона, 20 июня 1944 г. С. Миколайчик участвовал в Лондоне в разговоре с послом СССР при союзных правительствах В. Лебедевым. Эмигрантский премьер отверг «линию Керзона», но настаивал на необходимости восстановления дипломатических отношений. Проведение линии польско-советской границы должно было, по мнению польского главы кабинета министров, быть отложено до послевоенной конференции.

23 июня были изложены встречные советские предложения: признание «линии Керзона» как окончательной границы, отзыв с поста президента В. Рачкевича, главнокомандующего К. Сосковского, министров В. Кукеля и С. Кота и замена их политическими деятелями польской эмиграции из Англии и США, отмежевание реорганизованного правительства от антисоветских выступлений по поводу Катыни.

Не один народ в мире не может согласиться с тем, чтобы иностранное государство диктовало ему состав правительства да еще в такой грубой форме – на уровне посла, с указанием конкретных кандидатур, которые подлежат замене. Миколайчик отказался, чего и следовало ожидать. Похоже, свои переговоры Кремль проводил с единственной целью: лишний раз доказать западным союзникам по коалиции, что у правительства С. Миколайчика нет будущего.

Рузвельт коротко проинформировал Сталина о ходе своих переговоров с польским премьером и порекомендовал советскому руководству «весьма искреннего и благородного» Миколайчика как партнера для переговоров. Stalin в свою очередь отметил, что «из заявления г. Миколайчика в Вашингтоне не видно, чтобы он сделал в этом вопросе (признание «линии Керзона» в качестве границы. – В. М.) какой-нибудь шаг вперед. Вот почему для меня затруднительно в данный момент высказать, какое-либо мнение, по поводу приезда г. Миколайчика в Москву».<sup>642</sup>

Такой визит состоялся в начале августа 1944 г. С целью продемонстрировать свои потенциальные возможности, эмигрантское правительство в Лондоне и руководство АК одновременно издали приказ о начале Варшавского восстания. Предполагалось, что в польской столице, освобожденной от немцев силами АК, совет-

<sup>642</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 2. С. 153, 155.

ские войска будет ожидать администрация, подчиненная лондонским правительственным структурам.

Красная Армия остановилась на правом берегу Вислы. Повстанцам даже была предоставлена помощь оружием, продовольствием, боеприпасами, которые сбрасывались на город с самолетов. Дальнейшие наступательные возможности Красной Армии, объясняли в Кремле, уже исчерпаны в ходе кровавых беспрерывных операций, проходивших с марта 1944 г.

Что касается непосредственно Миколайчика, то в Москве ему дали ощутить всю авантюренность польского замысла. Похоже, не воспринимали Варшавское восстание и правительства Англии и США.

Как утверждает польский исследователь Анджей Пачковский, «в 1944 г., после того, как западные государства не оказали помощи Польше в Варшавском восстании и стало очевидным, что они идут на полное взаимопонимание со Сталиным, возникла мысль, чтобы польское правительство в знак протesta переехало из Лондона в нейтральную Ирландию и разорвало союз с западными государствами. Высказывались также предложения в Италии, после битвы под Монте Касино, чтобы польская армия отказалась принимать участие в борьбе». <sup>643</sup>

28 сентября накануне своего визита в Москву, который состоялся в октябре 1944 г., премьер-министр Англии У. Черчилль выступил в палате общин с речью. В ней он, в частности, указывал:

«Территориальные изменения границ Польши придется провести. Россия имеет право на поддержку в этом деле, потому что только русские могут освободить Польшу из когтей немцев и потому что все, что пережил русский народ из-за Германии, дает ему право на безопасность границы и на то, чтобы иметь у себя на западе дружественного соседа». <sup>644</sup>

<sup>643</sup> Україна-Польща: важкі питання: Матеріали V міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Луцьк, 27–29 квітня 1999 р.). Варшава: Турия, 2001. С. 229.

<sup>644</sup> Черчилль У. Отчет народу. Речь в Палате общин 28 сентября 1944 года. М.: Отдел печати Великобританского посольства, 1944. С. 14.

В плане подготовки к новой встрече со Сталиным С. Миколайчик был вынужден под давлением Черчилля и Идена освободить от выполнения обязанностей Главнокомандующего генерала Соснковского, которого Сталин считал главным противником польско-советского взаимопонимания. 30 сентября 1944 г. на этот пост был назначен генерал Бур-Комаровский, который через три дня после вступления в должность подписал акт капитуляции Варшавы и оказался в немецком плену. Акт отстранения Соснковского не дал ожидаемого на Даунинг-стрит 10 политического эффекта. Пресса ПКНО в Люблине подавала Бур-Комаровского как преступника.<sup>645</sup> Сомнительно, чтобы это была исключительно собственная инициатива ПКНО.

9 октября 1944 г. в Москву прибыла английская делегация, а 12-го прилетел польский премьер Миколайчик. Переговоры проходили при участии американского посла в СССР А. Гарримана и представителей ПКНО. 13 октября Миколайчик, Черчилль и Сталин встретились в присутствии Гарримана. Сразу же двое руководителей Великих Держав перешли к рассмотрению «линии Керзона».

Сталин, давая свою оценку меморандуму польского правительства, утверждал: «Вторым недостатком меморандума является то, что он не дает ответа на заверение об урегулирования восточных границ Польши на основе «линии Керзона». Если эти господа хотят иметь отношения с Советским правительством, то нельзя достигнуть этого иначе, как через признание «линии Керзона» как основы». Сталина поддержал Черчилль, сказав: «что касается вопроса границ, то должен заявить от имени британского правительства, что потери Советского Союза, понесенные в этой войне с немцами, и то, что сделал он для освобождения Польши, дают ему право, по нашему мнению, на установление западной границы вдоль «линии Керзона»». Получив слово, Миколайчик высказал свое полное несогласие.

Когда присутствующий на переговорах В. Молотов сделал заявление, что Соединенные Штаты также поддержали советские территориальные требования, Гарриман без слов предоставил (надо полагать, в письменной форме. – В. М.) официальное опровержение. Этим тут же воспользовался Миколайчик, который категорически отказался согласиться с любыми изменениями границ.<sup>646</sup> Продол-

<sup>645</sup> Zabiello S. Cit. op. S. 218.

<sup>646</sup> Kolko G. Cit. op. P. 147.

жая дискуссию, Миколайчик также заявил, что даже ПКНО указывал на возможность «спасения» Львова. Сталин остро отрезал, что это предположение полностью беспочвенное.

Не будем забывать, что уже в начале следующего месяца Ф. Рузвельта ожидали очередные перевыборы, поэтому президентская внешняя политика не имела права раздражать избирателей из лагеря американской польской диаспоры.

Для Черчилля вопрос так не стоял. Наоборот, британский премьер по собственной инициативе еще в Тегеране связал свою внешнеполитическую линию с «линией Керзона». Даже из соображений престижа он был вынужден придерживаться этого политического термина в любых своих инициативах. 16 октября 1944 г. в рамках работы конференции У. Черчилль внес следующий проект: «Польское правительство принимает “линию Керзона” как демаркационную линию между СССР и Польшей»,<sup>647</sup> но даже такая компромиссная постановка вопроса не вызвала ни малейших признаков одобрения со стороны делегации Миколайчика.

В западной научной литературе любят цитировать разнос, устроенный Миколайчику английским премьером в частной беседе:

*«Вы развязете еще одну мировую войну, в которой будет погублено 25 миллионов человеческих жизней. Но вас это не волнует. (...) Сейчас мы снова спасаем вас от исчезновения. (...) Вы совершенно безумны. (...) Я оставлю вас с вашими бедами. (...) Я обращаюсь к другим полякам, и этот Люблинский комитет великолепно справится со своими обязанностями. Это будет правительство! (...) Если вы хотите завоевать Россию, мы разрешиим вам это сделать».*<sup>648</sup>

Однако тот же автор добавляет: «Вопреки этим резким словам, Черчилль и Рузвельт старались склонить Сталина к тому, чтобы оставить Львов и Дрогобыч за поляками».<sup>649</sup>

Под давлением Черчилля С. Миколайчик высказал определенную готовность к принятию «линии Керзона», но при этом сделал ряд оговорок, которые сводились к требованию передачи Польше

<sup>647</sup> История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6-ти т. Т.4. С. 667.

<sup>648</sup> Yaremko M. Cit. op. P. 267.

<sup>649</sup> Ibid.

Львова и близлежащих районов. При этом эмигрантский премьер опирался на заявление американского правительства, сделанное во время визита Миколайчика в Вашингтон в июне 1944 г., о готовности поддержать это польское требование.<sup>650</sup> Одновременно С. Миколайчик отметил необходимость согласования данного вопроса с членами своего правительства и получения полномочий на продолжение переговоров.

В ходе переговоров И. Сталин по собственной инициативе признал определенные недостатки «линии Керзона» и высказал готовность исправить ее в тех или других местах на три-четыре километра в пользу Польши (потом поправился – на шесть-семь). На вопрос Миколайчика, что собственно считать «линией Керзона» и не равнозначна ли она демаркационной линии 1939 года, Сталин ответил, что это не одно и то же. Белосток, Ломже и Перемышль «линия Керзона» предоставляет Польше.

Смену подходов можем проследить, опираясь на текст архивного документа – Письма заместителя министра иностранных дел СССР А. Вышинского послу СССР в Великобритании, датированного 21 октября 1944 г.:

«В связи с нашей телеграммой, в которой мы передали Вам текст англо-советского коммюнике о пребывании Черчилля и Идена в Москве, дополнительно сообщаю следующее:

1. При обсуждении польского вопроса основное внимание было сосредоточено на советско-польской границе и на составе польского правительства. В отношении вопроса о советско-польской границе, являющейся главным вопросом в отношениях между Советским Союзом и Польшей, поляки вначале соглашались принять “линию Керзона” только как демаркационную линию, а не как линию границы. Только в конце переговоров Миколайчик заявил, что он лично согласен признать “линию Керзона” в качестве линии советско-польской границы, но что он должен в Лондоне обсудить этот вопрос со своими коллегами. Миколайчик добавил, что он надеется получить в Лондоне в польских

<sup>650</sup> Neuman B. Russias Neighbour – the New Poland. London: Gollancz, 1946. P. 499.

*кругах поддержку в этом вопросе. Таким образом, вопрос о границе остался пока нереешенным.*

*Что касается состава польского правительства, то Миколайчик предлагал поделить посты в правительстве поровну между лондонским правительством и Польским комитетом национального освобождения. Представители Польского национального комитета Берут и Моравский предлагали эмигрантскому правительству лишь 25 % мест в составе нового правительства, оставляя 75 % мест за собой, но соглашались на предоставление Миколайчику поста премьер-министра. Этот вопрос остался пока также нереешенным. Миколайчик уехал в Лондон, заявив, что он намерен очень быстро вернуться назад, предварительно договорившись со своими коллегами».<sup>651</sup>*

В американской научной литературе указывается, что смена взглядов польского эмигрантского лидера диктовалась ощутимым давлением со стороны союзников.

*«Сталин и Черчилль, – писал Р. Лукас, – оказали небывалое давление на Миколайчика с тем, чтобы он присоединился к «линии Керзона». Даже Гарриман советовал польскому премьеру достичь соглашения с Советами».<sup>652</sup>*

Интересную версию высказал польский ученый П. Эберхардт. Он полагал, что Миколайчику, особенно после того, как начала проясняться позиция США, якобы стало понятным, что восточная граница Польши уже «заведомо решена». Но демонстрация неуступчивости в этом вопросе позволяла на будущее надеяться на все большие уступки государств Большой Тройки в вопросе о западных границах Польши. «Можно здесь вспомнить, – пишет П. Эберхардт, – что в ходе дискуссии Черчилль не только заговорил о Вроцлаве и Гданьске, но называл также Щецин как будущий

<sup>651</sup> Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 2. 1944–1945 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1983. С. 207.

<sup>652</sup> Lukas R. Cit. op. P. 130.

польский город».<sup>653</sup> Миколайчуку якобы представлялось важным не сорвать переговоры, поэтому он осторожно прощупывал реакцию партнеров. В англо-советском коммюнике по итогам переговоров указывалось:

*«Достигнут значительный успех в отношении решения польского вопроса, который подвергся подробному обсуждению между Советским и Британским правительствами (...) Переговоры в значительной мере сократили расхождения и развеяли недопонимания».*<sup>654</sup>

Премьер С. Миколайчик, выступая перед членами своего кабинета после возвращения из Москвы, сделал попытку объяснить английскую (да и американскую) позиции в вопросе о восточной границе Польши тем, что в свое время в Тегеране лидеры западных государств были вынуждены пойти на уступки России. Причиной уступчивости Рузвельта и Черчилля, по словам Миколайчика, была их обеспокоенность возможностью сепаратного мира Советского Союза с Гитлером. В Москве Сталин только предоставил вексель, подписанный союзниками в Тегеране.

Понимал ли Миколайчик, что из такой позиции напрашивается вывод: как только ситуация на фронте с Германией определится окончательно, можно ожидать и перемен в политике Лондона и Вашингтона? По крайней мере, членов своего кабинета пойти на те или иные уступки, не говоря уже о том, чтобы согласиться с «линией Керзона», премьер не убедил.

Сразу же после окончания московских переговоров С. Миколайчик обратился с письмом к Рузвельту, напоминая ему о якобы данном в июне 1944 г. обещании после президентских выборов со-действовать польскому эмигрантскому правительству в получении значительных территорий на восток от «линии Керзона».

Это письмо заслуживает того, чтобы привести его полностью:

*«Потрясающей неожиданностью стало для меня, когда со слов господина Молотова на встрече 13 октября я узнал,*

<sup>653</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 166.

<sup>654</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 2... С. 271–272.

что на конференции в Тегеране представители всех трех Великих Держав (Вы) определенно согласились, что так называемая “линия Керзона” должна составлять границу между Польшей и Советским Союзом. В связи с этим, хотел бы напомнить, что во время беседы, которую имел честь провести с Президентом в Вашингтоне в июне 1944 г., сказано мне было, что только маршал Сталин и премьер Черчилль согласились на “линию Керзона”. В частности Президент указал, что политика Соединенных Штатов негативно относится к решению территориальных проблем (еще) до окончания войны.

Президент сказал, что на конференции в Тегеране дал ясно понять, что Соединенные Штаты придерживаются взгляда, что советско-польский конфликт не должен быть развязан на основании т.н. “линии Керзона”, а также заверил меня, что в свое время он поможет Польше в сохранении Львова, Дрогобыча и Тернополя, а также в получении Восточной Пруссии, включая Кролевец (Кенигсберг. – В. М.) и Силезию.

С другой стороны, Президент высказал мнение, что маршал Сталин не дал бы своего согласия на возврат Вильно (Вильнюса. – В. М.) Польше».<sup>655</sup>

Ответ несколько подзадержался. 22 ноября 1944 г. (то есть уже после завершения успешных для переизбранного в четвертый раз Ф. Рузвельта президентских выборов) посол А. Гарриман, возвращавшийся в Вашингтон из Москвы через Лондон, встретился с С. Миколайчиком и передал ему послание президента США. Конкретные проблемные вопросы в письменном варианте ответа он умело обходил (польские историки утверждают, что письменного ответа вообще не было. – В.М.), но Гарриман добавил устно, что, если польский экс-премьер пожелает этого, президент может обратиться к Сталину с призывом передать Польше район Львова.<sup>656</sup>

В современной польской литературе можно встретить упоминания о том, что осенью 1944 г. Рузвельт излагал утопические планы

<sup>655</sup> Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej... S. 601–602.

<sup>656</sup> Коваль В. С. Міжнародний імперіалізм і Україна. 1941–1945... С. 192–193.

насчет Львова, например, он предлагал передать город под управление Международной Комиссии с тем, чтобы он не принадлежал ни Польше, ни СССР.<sup>657</sup> Не сумев добиться от администрации Ф. Рузвельта обещанной поддержки, С. Миколайчик был обречен как премьер, но не как политик.

23 ноября 1944 г., т.е. на следующий день после разговора с А. Гариманом, на заседании эмигрантского кабинета министров Миколайчик был вынужден отказаться от поста главы правительства. Его преемником стал деятель ППС Т. Арцишевский. Новое эмигрантское правительство не только не отказалось от борьбы за Львов и Вильно, но и не соглашалось с возможностью потери, любых «земель восточных» вообще.

3 ноября 1944 г. правительство Т. Арцишевского объявило советские предложения неприемлемыми.<sup>658</sup> Миколайчик своей отставкой, как это показали дальнейшие события, сберег за собой репутацию pragmatичного политика, а вместе с ней и шанс возвратится в Польшу на вице-премьерский пост в коалиционном правительстве.

Кабинет Т. Арцишевского скатился на абсолютно нереалистические позиции удержания «рижских границ» 1921 г. В качестве основных аргументов были использованы следующие утверждения: нарушение Союзом ССР норм международного права в сентябре 1939 г., недействительность плебисцитов в Западной Украине и Западной Белоруссии, одностороннее истолкование Атлантической хартии, недопустимость вмешательства Великих Держав в вопросы проведения границ между союзными государствами антигитлеровской коалиции.

Отвергая «диктат Великих Держав» в вопросе польско-советской границы, кабинет Т. Арцишевского, тем не менее, нисколько не сомневался в праве Польши на давние славянские земли, германизированные, еще начиная с X в., и заселенные преимущественно немцами. При этом как-то забывалось, что только при условии поддержки Великих Держав Польша сможет провести желаемые ей территориальные преобразования на севере и западе.

Правительство Т. Арцишевского пребывало в полной изоляции. Черчиль отказался от постоянных контактов с его представителями, чем, в частности, поддержал С. Миколайчика в глазах умеренной час-

<sup>657</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 181.

<sup>658</sup> Rozek E. Cit. op. P. 312.

ти польской политической эмиграции. Уменьшение международного влияния эмигрантского правительства шло на пользу ПКНО.

В речи, произнесенной в Палате общин 15 декабря 1944 г., Черчилль опять высказался за проведение восточной границы Польши вдоль «линии Керзона». Если Польша поступится Львом и окрестными землями, обещал премьер, она получит всю Восточную Пруссию на запад и юг от Кенигсберга вместе с Данцигом – «одним из великолепнейших городов и портов мира». Таким образом вместо опасного «коридора», который Польша с таким трудом отвоевала после Первой мировой войны, она получала балтийское побережье общей протяженностью 200 миль.<sup>659</sup>

В заявлении государственного секретаря США Стеттиниуса опубликованном 18 декабря 1944 г., содержались намеки на желательность изменения польских границ, хотя и в более завуалированной форме:

*«Что касается будущих границ Польши, то, если взаимное соглашение будет достигнуто Объединенными Нациями, непосредственно заинтересованными в этом, Правительство Соединенных Штатов не имело бы возражений против такого соглашения, которое могло бы стать существенно важным взносом в дело ведения войны против общего врага.*

*Если в результате такого соглашения Правительство и народ Польши решат, что интересы польского государства требуют переселения национальных групп, Правительство Соединенных Штатов в сотрудничестве с другими Правительствами поможет Польше, насколько это будет возможно, осуществить такое переселение. Правительство Соединенных Штатов продолжает придерживаться своей традиционной политики отказа от представления гарантий каких-либо определенных границ».*<sup>660</sup>

Как видим, польских политиков ненавязчиво, но уверено подталкивали к соглашению по вопросам восточных границ. Под та-

<sup>659</sup> Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej... S. 648–649.

<sup>660</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 2. С. 185.

кое соглашение Правительство США было даже готово выделить определенные средства. Поддержка лагеря эмиграции со стороны западных Великих Держав в этот период осуществлялась опосредствованно, в частности, демонстративным нежеланием признавать ПКНО в роли правительства Польши.

В послании Рузвельта Сталину (получено 20 декабря 1944 г.) содержится довольно симптоматичная информация, которая проливает свет на американскую позицию в этом вопросе:

*«Я видел сообщения о том, что Люблинский комитет, возможно, намеревается присвоить себе статут Временного Правительства Польши. Я вполне понимаю желательность, с Вашей точки зрения, внесения ясности в вопрос о власти в Польше до того, как Ваши армии продвинутся дальше в глубь Польши. Однако из-за больших политических последствий, которые повлек бы за собой такой шаг, я весьма надеюсь, что Вы сочтете возможным воздержаться от признания Люблинского комитета в качестве Правительства Польши до нашей встречи, которая, как я надеюсь, произойдет тотчас же после моего вступления в должность 20 января. Не смогли ли бы Вы до этой даты продолжать иметь дело с комитетом в его нынешней форме? Я знаю, что моя точка зрения по этому вопросу разделяется Премьер-министром Черчиллем».<sup>661</sup>*

Как известно, 1 января 1945 г. Польский комитет национального освобождения был реорганизован во Временное Правительство Польши. 3 января 1945 г. Советский Союз признал это правительство и даже аккредитировал при нем своего посла В. З. Лебедева.

Накануне Ялтинской конференции кабинет Т. Арцишевского обратился к правительствам Великобритании и США с меморандумом, в котором вновь утверждалось, что все территориальные вопросы должны быть отложены до окончания мировой войны. Вопрос о советско-польской границе должен решаться заинтересованными сторонами без вмешательства третьих держав. Содержалось обращение не признавать «марионеточного правительства».

<sup>661</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 2. С. 184.

Исполняющий обязанности государственного секретаря США Дж. Грю представил меморандум президенту Ф. Рузвельту с аннотацией, что польские предложения не учитывают реального состояния дел и не составляют основы для взаимопонимания с советской стороной. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден охарактеризовал польский меморандум как нереалистичный.<sup>662</sup>

Возвратившись из Ялты, лидеры Большой Тройки высказали свое удовлетворение итогами конференции, в частности и по польскому вопросу.

Ф. Д. Рузвельт сделал это в своем выступлении на 1-й сессии 79 конгресса США.<sup>663</sup> У. Черчилль в выступлении в палате общин 27 февраля 1945 г. дал развернутую картину польского вопроса на Конференции. Обосновав западную границу СССР в разрезе военных потребностей, британский премьер спустя некоторое время добавил:

*«Маршал Стalin во время моего пребывания в Москве в октябре (...) сказал также, что возможны отклонения в ту или иную сторону на 8–10 километров с тем, чтобы граница проходила по водным рубежам или в горах и фактических границах определенных поселений. Однако, когда мы встретились в Ялте, русские внесли новые предложения. Было сказано, что все эти небольшие изменения будут сделаны в ущерб России, а не в ущерб Польше, с тем, чтобы поляки могли быть спокойными раз и навсегда и чтобы к этому вопросу больше не возвращаться».*<sup>664</sup>

Отметим, что в британском парламенте оставалась небольшая группа депутатов, выражавших озабоченность неспособностью Великобритании отстоять «свободу Польши». В декабре 1944 г. член палаты общин Грехем в ходе дебатов заявил: «Я говорю правительству, что сейчас настал момент заявить нашему великому союзнику России, что она должна вести себя с Польшей, как последняя того заслуживает как цивилизованная, христианская и европейская нация, а не так, если бы она была ничтожным азиатским племенем узбеков или таджиков». 10 января 1945 г. депутат консерватор Р. Т. Бауэр

<sup>662</sup> Karski J. Cit. op. S. 89.

<sup>663</sup> Сиполс В. Я. Защита Советским Союзом интересов Польши... С. 92.

<sup>664</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений... Т. VIII. С. 113.

утверждал: «Польша сегодня переживает мученические страдания. В 1939 г. на нее напала Германия и одновременно Советская Россия вонзила ей нож в спину. Она была оккупирована и превратилась в поле битвы. (...) А сегодня польское правительство в Лондоне обнаруживает, что английское правительство игнорирует его, а Советское правительство, которое образовало так называемый Люблинский комитет – совершенно непредставительную кучку мошенников, злодеев и бандитов, – не признает его». Лорд Альфред Дуглас призывал «не отдавать Польшу кровожадным обезьянам». <sup>665</sup> 25 членов Палаты общин, которые представили все представленные в ней партии, предложили свою поправку к «конфиденциальным» Ялтинским соглашениям, <sup>666</sup> однако не получили поддержки коллег, которые 396 голосами отвергли данную поправку.

Приблизительно такой же была расстановка сил и в Конгрессе США. Сторонники польского эмигрантского правительства, конечно, были и здесь, но они оставались в меньшинстве.

17 февраля 1945 г. в ответ на телеграмму Ф. Рузвельта об итогах Ялтинской конференции Т. Арцишевский писал:

«По этому поводу я считаю своей обязанностью заявить, что резолюции Крымской конференции, (в том виде) как они были опубликованы, были расценены всеми поляками как новый раздел Польши и как передача ее под советский протекторат. Вопреки всему, польский народ глубоко убежден, что это не окончательное решение польской проблемы, и я продолжаю сохранять надежду на Вашу, господин Президент, глубокие симпатии к Польше и на то, что Вы выступаете твердым защитником идеалов свободы и справедливости». <sup>667</sup>

Польские попытки расстрогать Рузвельта и Черчилля напоминанием о былом сотрудничестве во имя свободы и демократии не имели успеха. Черчилль даже допустил откровенную грубость в письме к генералу Андерсу 21 февраля 1945 г.: «У нас теперь доста-

<sup>665</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 3... С. 87, 90.

<sup>666</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 587.

<sup>667</sup> Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. II. 1944–1945. Edited by General Sikorski Historical Institute. London: Heinemann, 1967. P. 523.

точно войск, и в Вашей помощи мы не нуждаемся. Вы можете свои дивизии забрать. Обойдемся без них».<sup>668</sup>

Под этим англо-американским послеялтинским прессом часть лондонской эмиграции начала менять свою непримиримую позицию на более умеренные подходы. Когда 25 марта 1945 г. был распущен Польский национальный совет в Лондоне, почти половина его членов подписала декларацию, направленную против политики Т. Арцишевского, с требованием присоединения Польши к ялтинским решениям. Эти события в свою очередь подтолкнули С. Миколайчика к поиску договоренности с люблинскими поляками.<sup>669</sup>

Весной 1945 г. появились первые признаки признания де-факто Польского временного правительства со стороны Англии и США. Дипломаты западных стран были вынуждены вступить в контакт с официальными представителями так называемой народной власти. Так, в марте 1945 г. послы Великобритании и США в Москве обратились к послу Временного правительства Польской республики в Советском Союзе З. Модзелевскому по вопросу об английских и американских военнопленных, которые оказались на территории Польши. Именно с Модзелевским как законным представителем возрожденного Польского государства послу Великобритании в СССР А. Керру пришлось договариваться об условиях направления в Польшу английской военной миссии.<sup>670</sup>

В вопросе о реорганизации Польского временного правительства и образования на его основе Правительства национального единства весной 1945 г. западные державы занимали довольно показательную позицию. Так, в Ноте посла Великобритании в НКИД СССР 19 марта 1945 г. значилось, что правительство Великобритании «считает участие г-на Миколайчика в консультациях фактором, который имеет первоочередное значение для успеха работ комиссии».<sup>671</sup> С. Миколайчик, как известно, вышел из состава эмигрантского правительства Польши и, пусть и формально, перешел в оппозицию к нему еще в ноябре 1944 г. Преференции, которые Форин-офис оказывал данному политику, по сути, означали отказ в такой поддержке деятелям правительства Арцишевского.

<sup>668</sup> Парсаданова В. С. Указ. соч. С. 88.

<sup>669</sup> Lukas R. Cit. op. P. 152.

<sup>670</sup> Тункин Г. И. Вопросы теории международного права... С. 72.

<sup>671</sup> Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 2. С. 307.

12 апреля 1945 г. не стало президента Рузвельта. Советский академик Л. Н. Иванов в свое время писал о загадочных обстоятельствах этой смерти.<sup>672</sup>

Так или иначе, со сменой власти в Белом Доме изменилось и отношение Вашингтона к договоренностям, подписанным покойным президентом в Ялте. Посол США в СССР А. Гарриман даже рекомендовал «пересмотр ялтинских договоренностей в разрезе российского фиаско по выполнению своих обязательств в Восточной Европе».<sup>673</sup> Так называемые «аргументы Гарримана» разъяснил Дж. Беренштейн:

*«Трумэн со временем высказал «аргумент Гарримана»: с расширением советского контроля над соседними государствами путем односторонних действий, мы столкнулись с варварским вторжением в Европу».*<sup>674</sup>

20 апреля 1945 г. на совещании с американским послом в СССР А. Гарриманом и некоторыми членами своего кабинета Г. Трумэн заявил:

*«Я не боюсь русских и имею намерение быть твердым (...) Я не ожидаю, что они согласятся с нашими предложениями на 100 %, однако, я считаю, что мы должны показать себя в состоянии добиться их согласия на 85 %».*<sup>675</sup>

Новые веяния в Вашингтоне не прошли незамеченными в среде польской эмиграции. Опять затеплились надежды на послевоенный конфликт между государствами Большой Тройки, новую войну и триумфальное возвращение в Варшаву.

Уже с апреля 1945 г. на процесс формирования коалиционного правительства Польши в соответствии с ялтинскими решениями Большой Тройки все большее начинает влиять так называемая «ко-

<sup>672</sup> Иванов Л. Н. Очерки международных отношений... С. 233.

<sup>673</sup> Harriman A. Peace with Russia? – London: Victor Gollancz, Ltd, 1960. P. 5.

<sup>674</sup> Politics and Policies of Truman Administration. Edited with an Introduction by Barton J. Berenstein. New York: New Viewpoints. A Division of Franklin Watts, Inc., 1974. P. 24–25.

<sup>675</sup> История дипломатии. Т. IV. Дипломатия в годы Второй мировой войны... С. 642 со ссылкой на: Truman H. S. The Memoirs of Harry S. Truman. Vol. 1, 2. New York, 1965. Vol. 1. 1945. Year of Decision United Nations. Potsdam. Hiroshima. End of World War. P. 70–71.

миссия добрых услуг» или Комиссия Трех в составе В. Молотова и послов США и Великобритании в Москве Аверелла Гарримана и Арчибальда Кларк-Керра. Временное правительство Польши участия в заседаниях этой Комиссии не принимало, хотя было о них проинформировано.

*«Осознание ухудшения ситуации и давление западных правительств, прежде всего британского, – пишет польский историк А. Верблян, – склонили Станислава Миколайчика к признанию постановлений ялтинской конференции и выражению согласия на участие в новых переговорах в деле образования нового правительства национального единства».*<sup>676</sup>

Расчеты польской эмиграции на поддержку Англии и США в деле формирования Временного правительства национального единства Польши подтверждались лишь частично. Американский политолог А. Улам вполне обоснованно отмечает, что важную роль в формировании Польского правительства национального единства играл не только В. М. Молотов, но и британский и американский послы в Москве.<sup>677</sup> Однако, если для Москвы польский вопрос летом 1945 г. виделся приоритетным, то для Вашингтона и Лондона он не представлял значительного интереса.

В литературе часто можно встретить мнение, что значительные потери американцев при захвате японского о. Окинава, заставляли Вашингтон до поры не раздражать Сталина перед обещанным вступлением Союза ССР в войну против Японии.

5 июля 1945 г., еще до начала работы Потсдамской конференции, Польское правительство национального единства был признано США и Великобританией, что автоматически снимало вопрос о лондонских поляках. «Возрождение надежд, а не триумф – вот единственное, что мы можем позволить себе в данный момент», – писал по этому поводу Г. Трумэну У. Черчилль.<sup>678</sup>

В потсдамском заявлении трех Великих держав по польскому вопросу указывалось, что установление дипломатических отноше-

<sup>676</sup> Werblan A. Wladyslaw Gomulka Sekretarz Generalny PPR. Warszawa: Ksiazka i Wiedza, 1988. S. 263.

<sup>677</sup> Ulam A. Expansion and Coexistence... P. 378.

<sup>678</sup> История международных отношений и внешней политики СССР: В 3-х т. Т. 2. С. 320.

ний США и Великобритании с Временным правительством национального единства Польши «привело к прекращению признания ими бывшего Польского правительства в Лондоне, которое больше не существует».<sup>679</sup>

#### **4.2. Принцип де-факто в международно-правовой практике Советского Союза на заключительном этапе войны и западно-украинский вопрос**

4 января 1944 г. около с. Рокитно на востоке от г. Сарны (север современной Ривненской области Украины) Красная Армия перешла советско-польскую границу, установленную Рижским договором 1921 г.

5 января 1944 г., на следующий день после того, как советские войска пересекли границу 1939 г. и вступили на территорию довоенной Польши, эмигрантское правительство в Лондоне выступило с официальным заявлением, адресованным Объединенным Нациям. Известно, что текст этого заявления был одобрен А. Иденом и заместителем государственного секретаря США О. Серджентом.<sup>680</sup>

Вызывающим был уже сам тон заявления: «Своей позицией в ходе этой войны польский народ показал, что он не признавал и не признает решений, навязанных силой». Далее в заявлении разъяснялось, что лондонское правительство, как и прежде, считает Западную Украину и Западную Белоруссию польскими территориями. Вся полнота власти здесь по мере продвижения Красной Армии должна передаваться в руки представителей эмигрантского правительства. В случае выполнения этих прелиминарных условий, правительство С. Миколайчика «соглашалось» на восстановление дипломатических отношений с СССР.<sup>681</sup> Этот последний пассаж мог испортить и более умеренный документ – ведь вина за разрыв двусторонних отношений была возложена Кремлем на представителей польской эмиграции.

В полночь 11 января нарком иностранных дел СССР вызвал посла США Гарримана и британского поверенного в делах Бальфура, чтобы вручить им текст заявления Советского правительства. В За-

<sup>679</sup> Сборник действующих договоров... Вып. XI. С. 131.

<sup>680</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений... Т. VIII. С. 15.

<sup>681</sup> Там же.

явлении подчеркивалось, что СССР выступает за создание сильной и независимой Польши, за дружбу между двумя странами. Как основа для будущей границы должна быть взята «линия Керзона», ранее согласованная в Тегеране. На следующий день текст Заявления был опубликован.<sup>682</sup> По сути, этим шагом Москва давала понять, что впредь с какими-либо заявлениями и другими инициативами польского эмигрантского правительства считаться не намерена, а земли, лежащие восточнее «линии Керзона» рассматривает как территорию СССР. Суверенитет Советского Союза над этими землями, установленный де-факто, должен осуществляться де-факто до его подтверждения де-юре, согласно с договоренностями, достигнутыми в Тегеране.

12 января 1944 г. газета «Известия» опубликовала карту, на которой обозначена государственная граница СССР с Польшей (а не с Третьим Рейхом, как это было в 1939 г.) и «линия Керзона». Вне последней осталось два территориальных сегмента бывшей (в 1939–1941 гг.) советской территории: несколько сот квадратных км в районе г. Белосток, а также земли вокруг г. Перемышля. Небольшой участок ранее оккупированной немцами польской территории отсекался «линией Керзона» западнее г. Сокала.

Впредь, вплоть до подписания договора с Польским Правительством Национального Единства летом 1945 г., советская сторона де-факто будет придерживаться именно этой линии, например, при передаче власти польским гражданским властям на территории, освобожденной от немецкой оккупации, при проведении мобилизации в Красную Армию, да и в Войско Польское, при трансферах населения и прочее.

Вместе с тем, следует отметить, что кое-где были зафиксированы и прямо противоположные действия. Так, после занятия 27 июля 1944 г. Красной Армией г. Перемышль тут был образован район КП(б)У. Его секретарь тов. Орленко докладывал во Львовский обком компартии Украины о выезде из района 200 польских семей «на польскую территорию».<sup>683</sup> Можно высказать предположение, что РК КП(б)У уже по ту сторону «линии Керзона» мог быть своеобразным способом давления на польскую сторону.

<sup>682</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 2... С. 59–61.

<sup>683</sup> Інформація секретаря Пермишльського РК КП(б)У тов. Орленка. ЛОДА, Ф. 3. Львівський обком КП(б)У. Оп. 1. Спр. 63. Арк. 12-13. С. 12-13

Следует принять во внимание тот факт, что и за так называемой «линией Керзона» оставались массивы, компактно заселенные преимущественно украинцами. Для польско-украинского пограничья было характерным явление перемешивания населения. Это явление отмечают как ученые, принадлежащие к украинской школе, так и представители эмигрантской науки. Например, И. Врецьона пишет, что: «в западной части Лемквишины поляков было очень мало, зато в восточной, в частности на Сянночине, были целые села с польским большинством».<sup>684</sup> В этой ситуации проведение разграничения по этнографическому признаку становилось невозможным. «Линия Керзона» служила ориентиром, который не мог удовлетворить ни украинцев, оставленных в границах Польши, ни поляков на землях, которые вошли в Украинскую ССР. У Москвы и Варшавы оказалось достаточно здравого смысла, чтобы не настаивать на «этнографическом» принципе установления границы: это стало бы дорогой в никуда.

Договор о границе между Польшей и СССР был подписан 16 августа 1945 г. Его ст. 2 определяла прохождение границы на Малопольском отрезке: «От пункта, размещенного приблизительно 0,6 км на юго-запад от истока Сан и дальше по течению Сан, по середине ее течения до пункта на юг от местности Солин, дальше на восток от Перемышля, на запад от Равы-Русской до Солокия, оттуда вдоль Солокия и Зап. Буг на Немиров-Яливку». Обмен ратификационными документами состоялся только 4 февраля 1946 г., а до этого времени, как сейчас считает польская сторона, с точки зрения международного права, имела силу граница, определенная Рижским договором от 28 марта 1921 г.<sup>685</sup>

Однако де-факто границу между государствами советские и польские государственные структуры (ПКНО) установили задолго до начала 1946 г., исходя из «линии Керзона», демаркации советско-германской границы 1941 г., тегеранских и ялтинских договоренностей руководителей трех ведущих государств антититлеровской коалиции.

Ярким свидетельством такого подхода может служить обмен населением (*трансферт*) между Польшей и республиками Союза ССР.

<sup>684</sup> Врецьона І. Загибіль Лемківщини // Сучасність. 1967. № 11 (83). С. 77.

<sup>685</sup> Клімецький М. Хронологія подій у Східній Малопольщі 1939–1947 рр. // Україна – Польща: важкі питання. Т. 5: Матеріали V міжнародного семінару істориків Українсько-польські відносин під час Другої світової війни. Варшава: Tyrsa, 2001. С. 106.

Комментируя подписание Соглашения от 9 сентября 1944 г. между Правительством Украинской ССР и Польским Комитетом Национального Освобождения о взаимном обмене населением, украинский юрист И. Билас отметил, что:

«В сентябре 1944 г. УССР еще не была субъектом международно-правовых отношений. А это уже правовые аспекты этой части досадного дела. И она не имела никаких полномочий подписывать международно-правовые соглашения. В то время руководство польского государства тоже не имело права и полномочий подписывать это соглашение (от 9 сентября 1944 г. – В. М.), будучи временными носителями власти. Как государство так и административный аппарат еще не были сформированы. Настоящее и легитимное правительство польского народа тогда находилось не на территории освобожденной от нацистов Польши, а в Англии». <sup>686</sup>

«Специфика польско-украинского трансферта, – пишет С. Ткачев, – состояла в том, что на момент подписания международного документа Польский Комитет не был международно признанным (прежде всего гарантами соглашения – США и Великобританией) как полномочный представитель польского народа, что сразу же поставило этот акт под сомнение. Но одновременно прибавило энергии советской дипломатии, чтобы ликвидировать эту несогласованность и устраниить формальные препятствия в отношении канонов международного права». <sup>687</sup>

Подчеркнем: польско-украинской границы еще не существовало де-юре (точнее, де-юре сохранял силу Рижский договор 1921 г.). Даже до Ялтинской конференции, где государствами Большой Тройки будет окончательно согласована ориентировочная линия разграничения, еще оставалось больше, чем полгода, а специальн

<sup>686</sup> Билас И. Переселенсько-депортатійні акції: політико-правовий аспект // Депортатії українців та поляків: кінець 1939 – початок 50-х років (до 50-річчя операції «Вісла») / Упорядник Ю. Сливка. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1998. С. 34.

<sup>687</sup> Ткачов С. Польсько-український трансфер населення... С. 11.

ные эшелоны уже везли украинские и польские семьи во встречных направлениях, вместо того, чтобы перемещать военные грузы к линии фронта и раненых в тыл.

По Соглашению от 9 сентября 1944 г. между Правительством Украинской ССР и Польским Комитетом Национального Освобождения, взаимное переселение больших масс людей, до 9 сентября 1944 г. даже еще не учтенных, должно было осуществляться в очень короткий промежуток времени – с 15 октября 1944 г. по 1 февраля 1945 г. Официально переселение или выселение называлось эвакуацией «добровольной, и поэтому принуждения не может быть ни прямо, ни косвенно».<sup>688</sup>

Стороны Соглашения брали на себя обязательства предоставить переселенцам, прибывающим в их государства, денежные ссуды в сумме 5 тыс. советских рублей или же эквивалентную сумму в польских злотых. Каждому эвакуированному разрешалось перевозить с собой продукты питания, хозяйственный инвентарь, бытовое имущество общим весом до двух тонн и деньги до 1000 руб., а крестьянам также и их скот: лошадей, коров, овец, свиней, коз, домашнюю птицу и пр. Жилищные и хозяйственные постройки, оставленные переселенцами, земля, лес, угодья и отдельно посевы подлежали описи и внесению в необходимые для эвакуации документы с тем, чтобы после предъявления их по месту прибытия переселенцы могли получить соответствующую компенсацию, т.е. двор, жилье, землю или денежную сумму. За каждый оставленный на месте предыдущего проживания гектар посева в месте прибытия переселенец должен был получить четыре центнера зерна.<sup>689</sup>

21 сентября 1944 г. новая коммунистическая власть Польши издала инструкцию, согласно которой переселению с территории Польши в СССР подлежали все граждане украинской, белорусской и русской национальности, проживавшие в юго-западной части государства, т.е. в Закерзонье. Понятно, что заставить сотни тысяч человек оставить свои дома можно было только силой. Сопротивление беспощадно подавлялось. Так, полностью было сожжено село Сагрань, где уничтожено более 770 чел., Пурковичи – 600 чел.,

<sup>688</sup> Депортациї. Західні землі України кінця 30-х – поч. 50-х рр. Документи, матеріали, спогади: У 3-х т. Т. 1. 1939–1945. Львів: НАН України, Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 1996. С. 287–288.

<sup>689</sup> Там же. С. 287–293.

Мирче – 160 чел., Новосилки – 120 чел., Телятин – 35 чел. и множество других сел. Всего, по подсчетам некоторых украинских историков, польскими властями и подпольными антикоммунистическими отрядами было сожжено около 150 украинских сел и убито до 15 000 чел. населения.<sup>690</sup>

В этом отношении действия украинской советской стороны в отношении польского населения, которое подлежало переселению (признаем, также достаточно грубые), представляются едва ли не примером демократии и толерантности.

После подписания Соглашения в западных областях Украины немедленно начался учет польского населения, подлежащего эвакуации, а также проводилась регистрация тех, кто «добровольно» соглашался на выезд. В Волынской области эта работа началась заблаговременно – еще за неделю до подписания Соглашения. Здесь уже на 1 сентября 1944 г. на учет было взято 41,8 тыс. поляков. В Ровенской области на 15 декабря 1944 г. подлежало переселению 14,5 тыс. семей или же около 50 тыс. человек. В Львовской области до 5 декабря 1944 г. было учтено 44 832 польских семьи, или 162 229 чел., которые подлежали эвакуации, в том числе в городе Львове – 24 180 семей или 84 681 чел.<sup>691</sup>

С течением времени исполнение Соглашения от 9 сентября 1944 г. несколько раз корректировалось. Уже к концу 1944 г. стало очевидным, что завершение обмена населения до 1 февраля 1945 г. является совершенно невозможным. Практически в декабре 1944 г. и январе 1945 г. он только начался. Польское население Западной Украины сохраняло надежду на перемену международной обстановки и урегулирование проблемы границ на иных, чем это было изложено в Соглашении от 9 сентября 1944 г., условиях. Учитывая указанные обстоятельства, правительство Советской Украины и ПКНО путем обмена письмами договорились перенести конечную дату исполнения Соглашения на 1 мая 1945 г. Когда и этот новый термин оказался нереальным, Н. С. Хрущев обратился телеграммой к Премьер-министру Временного правительства Польской Республики Э. Осубка-Моравскому с предложением перенести дату завер-

<sup>690</sup> Виговський М., Кучер В. Закерзоння // Кійвська старовина. 1994. № 1 (січень-лютий). С. 195 со ссылкой на ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 790. Л. 20.

<sup>691</sup> Макарчук С. А. Нищення населення на Волині в часи війни (1941–1945) // Вісник Львівського ун-ту. Серія історична. Львів, 1999. Вип. 34. С. 381.

шения взаимной эвакуации на 1 августа 1945 г.<sup>692</sup> Но и этого периода оказалось недостаточно для завершения масштабной взаимной эвакуации. Срок официально перенесли в третий раз – до 15 января 1946 г. Формально же о выполнении Соглашения было объявлено только в июле 1946 г.<sup>693</sup>

Это не означает, что власть пустила дело трансфера населения на самотек. Напротив – как с украинской, так и с польской стороны была проведена большая организационная, исполнительно-силовая, агитационная, перевозная, охранная работа. Уже 19 сентября 1944 г. Совнарком УССР и ЦК КП(б)У приняли Постановление «Об эвакуации украинского населения с территории Польши и польских граждан с территории Украинской ССР», в котором предусматривалось образование необходимых исполнительных структур, определены области приема переселенцев из Польши, а также намечены другие мероприятия по исполнению Соглашения от 9 сентября.

Было сформировано Главное представительство Правительства УССР в Люблине во главе с Н. Подгорным и в Луцке во главе с А. Цоколем. Временное правительство Польши сформировало представительство Главного уполномоченного ПКНО в Луцке во главе с В. Вольским и в Люблине во главе с З. Бендажем. На польской стороне были образованы эвакорайоны везде, где предусматривался выезд украинцев (в Хелме, Грубешове, Томашове, Замостье, Красноставе, Белгорае, Владаве, Сяноке, Ясле, Новом Сонче, Горлице). Эвакорайоны в западных областях УССР охватывали большие группы районов и были образованы в Луцке, Ковеле, Владимире, Ровно, Дубно, Львове, Кам'янке-Бугской, Золочеве, Раве-Русской, Дрогобыче, Сtryе, Самборе, Ходорове, Тернополе, Черткове, Кременце, Станиславе, немного позднее также в Черновцах.<sup>694</sup> Заместителями государственных уполномоченных на уровне государственном и эвакорайонов были офицеры органов НКВД или польской службы безопасности.

С обеих сторон границы образованные эвакоструктуры должны были начать свою деятельность уже в октябре 1944 г.

Всего во исполнение Соглашения, на протяжении 1944–1946 гг., по подсчетам польского автора Ежи Кохановского, из УССР в Поль-

<sup>692</sup> Ткачов С. Польсько-український трансфер населення... С. 55.

<sup>693</sup> Депортациї. Західні землі України... Т. 2. С. 118–119.

<sup>694</sup> Макарчук С. Переселення поляків із західних областей України в Польщу у 1944–1946 pp. // Український історичний журнал. 2003. № 3. С. 177–178.

шту было эвакуировано 787 524 чел.<sup>695</sup> Украинский исследователь из Тернополя Сергей Ткачев насчитал 789 982 чел., эвакуированных в 1944–1946 гг. из западных областей УССР в Польшу,<sup>696</sup> в том числе из Волынской области 64 798 чел., Ровенской – 69 075, Тернопольской – 233 617, Станиславской – 77 930, Львовской – 218 711, Дрогобычской – 115 278, Черновицкой – 10 573 чел. Среди эвакуированных этнических поляков было 746 993 чел., евреев – 30 406, других – 1 258.<sup>697</sup>

Как свидетельствуют архивные документы, 482 800 украинцев остались на территории Польши имущества на сумму 737 млн 279 тыс. польских злотых, в том числе строений на сумму 615 млн 719 тыс. злотых. Украинцами было оставлено 88 490 домов, 461 317 га земли, в т.ч. 337 327 га пахотной, 165 703 га посевов.<sup>698</sup>

Понятно, что при нормальных условиях «обмен» населением мог бы проходить иначе: переселенцы имели бы возможность продать земли и строения соседям или, по крайней мере, собрать урожай на засеянных полях. Это же относится и к польским гражданам, которые покидали западные области УССР.

Советское государство не выполнило своих обязательств перед переселенцами относительно обеспечения жильем, пахотной землей и т.п. Так, например, в Тернопольской области 36 697 прибывшим семьям было наделено 89 600 га земли, что составляет 2,5 га на одно хозяйство вместо гарантированных 15 га.<sup>699</sup> Крайне сомнительно, что Москва вообще собиралась, что называется, плодить кулаков, наделяя переселенцев-единоличников фантастическими, как на советские мерки, индивидуальными участками.

Если в отношениях с ПКНО (июль 1944 г. – декабрь 1944 г.) и Временным правительством Польши (январь–июнь 1945 г.) Советский Союз проводил политику де-факто, а вскоре и де-юре (в отношении Временного правительства) признания этих структур в качестве полноправной польской власти, то относительно польского эмигрантского правительства в Лондоне де-факто (а с февраля 1945 г. – и де-юре) проводилась политика непризнания.

<sup>695</sup> Kochanowski J. Przesunięcie granic // Karta, 24. czerwiec 1998. S. 66.

<sup>696</sup> Ткачев С. Польсько-український трансфер населення... С. 89.

<sup>697</sup> Там же. С. 91.

<sup>698</sup> Салиюк А., Горний М. Депортация, або Як «прилучали» українців т. зв. Закерзоння до України // Високий Замок. 1999. 14 вересня.

<sup>699</sup> Там же.

Так, например, после Ялтинской конференции, которая задекларировала будущее образование правительства Национального единства в Польше с привлечением представителей от эмигрантских кругов, Советский Союз полностью отказал в признании правительству Т. Арцишевского, которое все еще продолжали признавать де-юре западные союзники. В частности, в разговоре заместителя народного комиссара иностранных дел А. Вышинского с послом США в СССР А. Гарриманом 9 апреля 1945 г. советский дипломат резко выступил против участия лондонского правительства в работе Репарационной комиссии:

*«Лондонские поляки оторвались от своего народа, не знают того, что делается в Польше, не имеют в Польше никакого влияния, и их участие в Репарационной комиссии ничем не было бы оправдано и было бы совершенно непонятно. В Репарационной комиссии представлять Польшу может только Временное польское правительство, которое поддерживается польским народом и пользуется громадным авторитетом в стране».*<sup>700</sup>

Другим примером политики де-факто может быть отношение советских военных и гражданских властей к структурам польского эмигрантского правительства и Армии Крайовой на территории Западной Украины. Трактовали их далеко не как союзные.

Приказ Главного командования АК относительно акции «Буря» от 20 ноября 1943 г. предусматривал выход из подполья отрядов АК. Они должны были взять участие в борьбе с немецкой армией. Командование Волынского округа издало приказ 7 января 1944 г., т.е. через три дня после вступления Красной Армии на территорию Западной Украины. Была проведена массовая мобилизация поляков, способных носить оружие, что позволило образовать так называемую 27 Волынскую дивизию пехоты Армии Крайовой. В нее вошли 9 батальонов пехоты, 1,5 эскадрона кавалерии, вспомогательные службы.

Попутно отметим, что указанная «мобилизация» осуществлялась не только на добровольной основе. Так, во Львове польских

<sup>700</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... В 2-х т. Т. 2. С. 354.

мужчин призывного возраста запугивали: «будем считать дезертирами», за некоторыми мобилизованными шли жены с кошельками с едой и плакали.<sup>701</sup> То есть Польское эмигрантское правительство с самого начала производило не добровольный набор, характерный для повстанческих или партизанских отрядов, а полномасштабную мобилизацию призывников, как это принято при проведении мобилизации граждан суверенного государства компетентными государственными учреждениями на государственной территории.

Вначале в поведении подразделений АК на территориях довоенной Польши, занятых Красной Армией, прослеживалось намерение договориться с советскими властями.

В начале марта 1944 г. командование 27 Волынской дивизии уставновило связь с Красной Армией. Была достигнута договоренность о совместных действиях против немцев. Одновременно советское командование поставило два условия: полное оперативное подчинение и роспуск всех партизанских отрядов в тылу советских войск. Главное командование АК одобрило переговоры командира 27 Волынской дивизии с Советами и дало согласие на временное подчинение дивизии советскому командованию, «пока вопрос о ее тактическом подчинении не будет урегулирован путем взаимопонимания между советским и польским правительствами, в частности Главнокомандующим СССР и Начальным вождем Польши».<sup>702</sup> Польское эмигрантское правительство уже 6 апреля 1944 г. полностью одобрило предложения, поданные Командованием АК для 27 Волынской дивизии АК.<sup>703</sup>

27 Волынская дивизия АК действовала совместно с советскими 54-й и 56-й гвардейскими кавалерийскими и 14-й кавалерийской дивизиями и соединением советских партизан Федорова. Первый ее командир майор Олива погиб в бою с немцами 18 апреля 1944 г. в районе с. Мосур.

Однако, боевое сотрудничество с Красной Армией не спасло дивизию от роспуска. Директива Ставки Главнокомандующего советскими войсками от 14 июля 1944 г. командующим 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов приказывала провести разоружение всех

<sup>701</sup> Канюк (б.и.) Буковина в румунській неволі... С. 85.

<sup>702</sup> Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. 2-gie wydanie. T. 3: Kwiecen 1943 – lipiec 1944. London: Studium Polski Podziemnej, 1970. S. 392–394.

<sup>703</sup> Ibid. S. 402.

польских военных частей, подчиненных эмигрантскому правительству в Лондоне:

- «1) Не входить с польскими подразделениями ни в какие отношения. В случае выявления таких подразделений необходимо немедленно разоружить их личный состав и направить в специально организованные пункты сбора на проверку.
- 2) В случае сопротивления со стороны польских частей, применить силу.
- 3) О ходе разоружения польских частей и численности разоруженных солдат сообщать в Генеральный штаб».

27 Волынская дивизия АК прекратила свое существование 25 июля 1944 г., когда ее разоружили под местечком Скробовыем на Люблинщине, т.е. – за пределами СССР. Часть солдат и офицеров 27-й Дивизии оказалась в местах заключения и в лагерях в глуби Советского Союза, другим – «социально близким» – предложили перейти на службу в просоветскую 1-ю Польскую армию генерала Берлинга.

Современные украинские ученые считают, что «для них принятие советских предложений о совместной борьбе против немцев в составе 1-й Польской армии генерала Берлинга было равнозначно нарушению присяги, которую они давали на верность польскому (эмigrantскому. – В. М.) правительству».<sup>704</sup>

Сходным было отношение Советского Правительства и подконтрольных ему структур, в частности командования Красной Армии, и к другим польским военным образованиям на территории Западной Украины. Особое место в этих условиях занимал Львов.

Как известно, советские войска вступили во Львов 27 июля 1944 г., но еще до этого, по воспоминаниям очевидцев, приблизительно с 20 июля, т.е. за неделю до полного изгнания немцев, боевики АК заняли отдельные общественные помещения, школы и вывесили на них бело-красные флаги. Под контролем подразделений АК оказались некоторые участки города на окраинах, находящихся

<sup>704</sup> Ільюшин І. Утворення та бойова діяльність 27 Волинської дивізії піхоти Армії Крайової // Україна-Польща: важкі питання. Т. 3: Матеріали III міжнародного наукового семінару «Українсько-польські стосунки в роки Другої світової війни» (Луцьк, 20–22 травня 1998 р.). Варшава: Tyrsa, 1998. С. 176–177.

в стороне от главных городских магистралей. В районе улицы Гороцкой имели место разрозненные стычки представителей АК с немцами, хотя больших боев не было. Во время вступления в город Красной Армии польские флаги разевались на многих домах города, а на Политехнике – еще и английский «Юнион Джек». Советское командование, однако, не слишком церемонились с формированием АК. Многих разоружили. Одних направили в *Армию Людову*, других арестовали. Многие из последних пропали без вести.<sup>705</sup>

Представляет интерес поведение советского командования, столкнувшегося с выполнением польского плана «Буря» в одном, отдельно взятом городе. Отвоевывать силой оружия Львов у АК виделось недопустимым с политической точки зрения, мириться с присутствием параллельных военных и гражданских структур было еще сложней.

Советский генерал Грушко, хорошо владевший польским языком, принял генерала Филиппковского и майора Погоского.

*«Он поблагодарил АК за сотрудничество, – пишет эмигрантский историк М. Кальба, – а когда генерал Филиппковский заметил, что Львов – это польский город, Грушко спросил: “Что важнее, остров или океан?” – Генерал ответил: “Океан”. – “Вот видите, – сказал Грушко, – польский остров в украинском океане”. (...) В пятницу, 28 июля, отделения АК в Львове сложили оружие, и были, согласно приказу генерала Филиппковского, распущены (сам генерал отбыл в Житомир, где на это время пребывал Роля-Жимерский. – В. М.). Вечером генерал Иванов пригласил к себе на 9 часов старшин штаба Округа, всех командиров участков, их заместителей, командиров сотен и чет (взводов). Явилось их около 20 чел. вместе с шефом штаба майором Стасевичем. Всех их интернировали, как и старшин, которые выехали в Житомир. 1-го августа появился последний приказ Львовского командования АК, подписанный подполковником Янсоном-“Карменом”, в котором приказывалось ликвидировать все отделения Терена (т.е. Участка) III АК. Так Акция “Буря” закончилась».*<sup>706</sup>

<sup>705</sup> Поклик сумління (газета українського Товариства «Меморіал»). 1991. № 9(23). С. 2.

<sup>706</sup> Кальба М. Акція «Буря» // Вісті комбатанта (Торонто - Нью-Йорк). 1991. Ч. 1 (171). С. 87.

Львов де-факто стал советским в том понимании, что функции управления городом перешли от немецких и польских структур в руки советских военных и гражданских властей.

На территориях восточнее «линии Керзона» советские спецслужбы и далее вели борьбу против польского подполья, несмотря на то, что до лета 1945 г. эти земли еще не были де-юре признаны территорией СССР в международно-правовых документах.

Так, например, от 14 июля 1944 г. до июля 1945 г. органы НКВД в Львовской области выявили и «полностью или частично» ликвидировали такие объединения как Государственная гражданская служба (*Panstwowa służba cywilna*), Делегатура правительства (*Delegatura Rządu*), Народная организация военная, Народная организация военная женщин (*kobiet*), Независимый конвент (*Konwent niepodległosciowy*), диверсионный террористический отдел Львовского отделения АК, отдел легализации и связи и т.д. При этом были арестованы 1 535 польских подпольщиков, в том числе генерал Филиппковский, начальники отделений Львовского района (*obshara*) Квятковский, Кулинский, Виктор, начальники Делегатуры Жонда Островский, Гжедзельский и др.<sup>707</sup>

Не признавая польское подполье воюющей стороной и, соответственно, применяя национальное уголовное законодательство, советские власти действовали в соответствии с существующей в мире практикой действия суверенного государства против повстанческих движений.

*«Со стороны государства, на территории которого возник вооруженный конфликт, – пишут специалисты международного права И. Арцибасов и С. Егоров, – признание, как правило, осуществляется редко, поскольку оно пробует выдать этот конфликт за внутренний, и вместо применения Женевских конвенций обосновывает правомерность национального уголовного законодательства».*<sup>708</sup>

<sup>707</sup> Макарчук С. Переселення поляків із західних областей України в Польщу... С. 105–106 со ссылкой на ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Од. 36. 230. Л. 85–86.

<sup>708</sup> Арцибасов И. Н., Егоров С. А. Вооруженный конфликт: Право, политика, дипломатия. М.: Международные отношения, 1989. С. 44.

То, что советские органы безопасности и суд преследовали на западно-украинских, западно-белорусских и литовских землях задержанных польских подпольщиков и бойцов АК по советским уголовным законам задолго до 31 декабря 1945 г. (дата ратификации польской КРН Договора о границе от 16 августа 1945 г., после чего он вступил в силу), свидетельствует о том, что Советское государство в 1944–1945 гг. де-факто осуществляло свой суверенитет относительно местного населения, не дожидаясь признания этого суверенитета де-юре со стороны Польши и Объединенных Наций.

Отметим, что советское военное командование и органы безопасности не особенно церемонились с польским подпольем и на территории формально независимой Польши. На 20 октября 1945 г. в лагерях НКВД содержалось 27 010 польских граждан, арестованных и интернированных на территории Польши в порядке очищения тыла действующей Красной Армии. Но, согласно личному указанию Сталина, в ноябре 1945 г. 12 289 человек из этого количества подлежали освобождению и возвращению в Польшу, где какая то часть арестованных была освобождена до конца этого же года.<sup>709</sup>

Что же касается представителей польского подполья, выявленных и задержанных на территории западных областей Украины и Белоруссии, то на них подобная «гуманность» Советского Правительства не распространялась – ни в ноябре 1945 г., ни позднее. Этих людей квалифицировали как советских подданных, соответственно, подвергали тем же наказаниям, что, например, бойцов ОУН-УПА или литовских «лесных братьев».

Отдельный вопрос – отношение польского эмигрантского правительства, структур АК к действиям советских властей на территориях бывшего Польского государства, которые отошли к Союзу ССР, и к акциям ПКНО и просоветского Временного правительства Польши. Понятно, что разоружение подразделений АК или уничтожение советскими органами безопасности польских подпольных структур вызвали резко негативную реакцию лондонского правительства. Однако, отдельные действия Москвы получили поддержку.

Как уже указывалось, на протяжении 1944–1946 гг. с территории так называемого Закерзонья в УССР было переселено 122 622 семьи,

<sup>709</sup> Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2. С. 35.

482 880 чел. В этом великом переселении народов была и лепта АК и структур, подчиненных эмигрантскому правительству.

Польское эмигрантское правительство и подчиненные ему военные структуры, в общем, позитивно относились к депортации украинского населения на восток. Мало того – активно способствовали преобразованию послевоенной Польши в этнически монолитное государство. Еще в середине июля 1943 г. подразделения АК начали массовое уничтожение украинцев на Холмщине и Подляшье. До середины 1944 г. только в Грубешовском районе ими было сожжено 52 украинских села и уничтожено около 4 тыс. селян. А за период с 1 ноября 1944 г. по 12 июля 1946 г., когда был отправлен последний эшелон с жителями Владавского района, польскими вооруженными отрядами (нелегальными) было проведено 180 нападений на украинское население, убито 4 670 человек, ограблено 2 268 семей, сожжено 11 300 усадеб и 650 отдельных домов.<sup>710</sup>

*«Бывали в пацификациях (речь идет о событиях 1945 г. – В. М.) случаи «гуманизма», как в Павлокоме, – пишет варшавский исследователь М. Сивицкий. – Начиналось обычно: партизаны с околичными соседями окружили село, согнали людей на площадь, отсортировали беременных женщин и матерей с детьми до четырех лет, проявляя милосердие, закрыли в церкви. Остальных отводили партизания на кладбище и там расстреливали, чтобы позднее с мертвыми не возиться. Так ликвидировали 365 человек. Руководителя банды осудили потом (...) на два года тюрьмы! Отсидел ли наказание – неизвестно».*<sup>711</sup>

Еще одной демонстративной формой осуществления советского суверенитета над западно-украинскими землями стала деятельность правительственные комиссий по подсчитыванию урона, нанесенного населению немецкой оккупацией. Тщательный подсчет чуть ли не каждой курицы, брошенной в солдатский котелок оккупационной армией, ставило своей целью не столько создание надежного обоснования размеров послевоенных reparаций (в Ялте Советский

<sup>710</sup> Салюк А., Горний М. Указ. соч.

<sup>711</sup> Сивіцький М. Воєнна драма на Перемиській межі 1943–1947: Доповідь на з'їзді Перемишлян 25.06.1994 // Візвольний шлях. 1995. № 8. С. 977.

Союз их оценил «на глаз» в 20 млрд долл. – *B. M.*), сколько являлось демонстрацией того, что указанные территории есть де-юре и де-факто советскими. Позднее в ходе Нюренбергского процесса<sup>712</sup> де-ликтная ответственность за урон, нанесенный немецкой армией и ее сателлитами населению и имуществу этих земель, будет включена в советские требования.

Проведение политики изменений де-факто, предшествующих изменениям де-юре, весьма характерно для поведения Советского Союза в первой половине 1945 г. Это в частности относилось и к вопросу о западной границе Польши.

В данной связи интересно проследить за официальными советскими сводками с фронтов войны. В приказе Главнокомандующего войсками 1-го Белорусского фронта от 22 января 1945 г. указывается: «овладели городом Гнезен (Гнезно)» – к немецкому названию в скобках присоединяется польское. А уже аналогичный приказ от 23 января 1945 г. дает такую конструкцию: «г. Быдгощ (Бромберг)». В дальнейшем все освобожденные (или все-таки захваченные?) города будут подаваться именно так: Битув (Бютов), Картузы (Картхауз) и т.д. Данциг будет в советских сводках Данцигом (чтобы лишний раз не раздражать немцев?) до самого его взятия Красной Армией, а тогда сразу же станет «Гданьском». Правда, Бреслау (6 февраля 1945 г.) останется «Бреслау», хотя из Москвы намекали, что он вполне может стать Вроцлавом. Эти милые лингвистические упражнения, похоже, не случайны, поскольку они сопровождались весьма реальной советской поддержкой польских аппетитов.

Так, уже 8 апреля 1945 г. (то есть при жизни Рузвельта) американский госдепартамент направил в Москву ноту протеста в связи с фактическим присоединением Опольской Силезии к Польскому государству.<sup>713</sup>

Еще до начала работы Потсдамской конференции Советский Союз открыто демонстрировал свое признание де-факто западной польской границы, без оглядки на своих западных союзников.

<sup>712</sup> См., напр.: Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November, 1945 – 1 October 1946. Nuremberg, Germany. Vol. IX. 710 p.; Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November, 1945 – 1 October 1946. Nuremberg, Germany. Vol. X. 652 p.; Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November, 1945 – 1 October 1946. Nuremberg, Germany. Vol. XI. 608 p.

<sup>713</sup> Османчик Э. Я. Указ. соч. С. 23.

«7 июля, через два дня после признания Польского Временного правительства, – пишет Г. Фейс, – генерал Жуков на втором заседании берлинской комендатуры не оставил сомнения, что ресурсы восточнее линии, образованной Одером и Западной Нейссе, не будут использованы ни для Берлина, ни для западных секторов Германии. Он обосновывал свои аргументы тем, что Германии не существует, и что всем известно, что Ялтинская конференция зафиксировала польскую границу по этой линии».<sup>714</sup>

Еще одним примером попыток Москвы в отношениях с западными союзниками осуществлять де-факто свой суверенитет над территориями, вошедшими в состав СССР в 1939–1940 гг., стала советская трактовка тех пунктов ялтинских соглашений, где говорилось о возвращении в Советский Союз советских граждан, которые в ходе войны оказались на территориях, впоследствии освобожденных от нацистов англо-американскими войсками.

«Вначале, – пишет М. Мар, – советы включали сюда даже граждан, которые стали ими после 1939 г. и их семьи. Лишь некоторое время спустя советы ограничились состоянием советского гражданства до 1939 г.».<sup>715</sup>

Итак, де-юре линия послевоенной советско-польской границы была установлена межгосударственным Договором от 16 августа 1945 г. Тем не менее, де-факто советские власти осуществляли суверенитет на территориях к востоку от «линии Керзона», начиная со времени вступления на эти земли Красной Армии в январе 1944 г. Москва определила для себя основные контуры польских границ как на востоке, так и на западе, и уже с первой половины 1944 г. строго придерживалась их де-факто.

<sup>714</sup> Feis H. Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton, Princeton University Press, 1960. P. 223.

<sup>715</sup> Мар М. Ялта – символ зради гарантованих людських вольностей // В боротьбі за Українську державу / М. Марунчак; післямова Є. Гриніва. Львів: Меморіал, 1992. С. 969.

### 4.3. Правовое закрепление воссоединения Западной Украины с УССР в документах ООН, международных конференций государств-победителей и двусторонних советско-польских соглашениях

В ночь на 1 января 1944 г. в Варшаве прошло организационное заседание Крайовой Рады Народовой (КРН). Организация представляла ППР, Гвардию людову, радикальных людовцев и подчиненные им Батальоны хлопские, социалистов и демократов, подпольные профсоюзные, молодежные и др. организации (всего 14). На первом заседании были приняты основные идеино-политические и организационные документы этого подпольного объединительного центра. Показательно, что даже в среде польской эмиграции в Лондоне существовали группы и организации (Польское объединение, Комитет борьбы Польши), которые признали КРН в качестве «действительно национального правительства и руководящего политического центра» и расценили поддержку КРН «элементарной обязанностью каждого честного поляка».<sup>716</sup>

Образование противовеса польскому эмигрантскому правительству полностью отвечало интересам Советского Союза, поскольку руководящая роль польских коммунистов (ППР) в КРН не подлежала сомнению. ЦК ППР в письме Г. Димитрову отмечал:

«Поскольку КРН не признает польское эмигрантское правительство, она, до образования нового правительства, ею призванного или ею образованного, сама в определенном понятии заменяет правительство, но не выступает правительством».<sup>717</sup>

На своем втором пленарном заседании 23 января 1944 г. КРН обсудила советское Заявление от 11 января 1944 г.<sup>718</sup> и высказала согласие с точкой зрения СССР в вопросе о границах Польши и с соответствующими решениями Тегеранской конференции.<sup>719</sup>

<sup>716</sup> Кун Е. Р. Указ. соч. С. 54.

<sup>717</sup> Там же. С. 55.

<sup>718</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений... Т. VIII. С. 21–22.

<sup>719</sup> Там же. С. 26.

Согласился с решениями Тегеранской конференции и Заявлением Советского Правительства от 11 января 1944 г. и так называемый Союз Польских Патриотов (СПП) в СССР.

Невзирая на выраженные просоветские позиции КРН, руководимой деятелями коммунистической ППР, советская дипломатия делала все, чтобы выдать появление этого органа за собственную польскую инициативу, даже несколько неожиданную для СССР.

В этом плане составляет интерес телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР послу СССР в США, от 26 мая 1944 г.:

*«На днях в Москву прибыли четверо уполномоченных Национального совета Польши. Уполномоченные во главе с г-ном Моравским были приняты премьером Сталиным и наркоминделом Молотовым. Они сообщили, что 1 января 1944 г. польские демократические партии и группы образовали в Варшаве Национальный совет Польши, который с того времени возглавляет борьбу активных национальных сил против немецких оккупантов в Польше. Уполномоченные хотят завязать связи с представителями союзных правительств с целью получить от них помошь оружием. Представители Советского правительства стараются проверить деятельность Национального совета Польши, чтобы определить его действительный удельный вес. Первое знакомство с делом показывает, что Национальный совет Польши имеет связи с антинемецкими демократическими кругами Польши, а также имеет вооруженные антингемецкие отряды. Уполномоченные настроены недружелюбно к эмигрантскому правительству, но они не исключают возможность контакта с антифашистскими элементами польских эмигрантских кругов. Как рассказывают уполномоченные, Национальный совет Польши выступает за восстановление парламентско-демократического режима в Польше, за передачу части земель крестьянам на базе частной собственности на землю, за национализацию некоторых крупных промышленных предприятий, захваченных немцами, за дружественные отношения с СССР, США и Великобританией».*<sup>720</sup>

<sup>720</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 2. С. 119–120.

Очевидно, что именно в таком ключе посол А. Громыко должен был преподнести госдепартаменту США информацию о КРН.

Не подлежит, однако, сомнению, что в Москве в мае 1944 г. уже окончательно определились с КРН и ее перспективами. Советское правительство еще тогда выразило готовность признать КРН и образованное нею правительство, хотя «могут возникнуть большие трудности со стороны союзников». Делегация КРН с момента своего первого визита в Кремль 19 мая 1944 г. заняла позицию давления на Председателя Советского правительства с целью добиться его согласия на быстрейшее образование и признание какого-либо исполнительного органа для Польши. Через два месяца руководители КРН заявят, что: «маршал Сталин с первой минуты на это соглашался, желание затяжки чувствовалось, скорее, со стороны аппарата».<sup>721</sup> На этом этапе консультаций деятели КРН якобы еще настаивали на «преемственности» государственной власти в Польше и на необходимости компромисса с правительством С. Миколайчика – несмотря на то, что СССР разорвал с ним дипломатические отношения в апреле прошлого, 1943-го, года.

С переходом советских войск через границу 1941 г. и их вступлением на территорию этнической Польши возникла настойчивая необходимость образования исполнительной польской власти на землях, отвоеванных у немецких оккупантов.

Понимали это и в Лондоне. 4 июля эмигрантское правительство послало телеграмму с инструкциями проправительственному подполью в Польше: «дать нашим людям тайное распоряжение образовывать самоуправление и администрацию и как о свершившихся фактах сообщать Советам».<sup>722</sup>

15 июля уполномоченный КРН Э. Осубка-Моравский и Председатель Главного управления СПП в СССР В. Василевская обратились к Председателю Советского правительства с письмом, где излагалась необходимость образования Временного Польского правительства.

Приводились следующие аргументы:

- а) необходимость опровержения измышлений о «российской оккупации»;

<sup>721</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений... Т. VIII. С. 139.

<sup>722</sup> *Map M.* Указ. соч. С. 969.

- б) организация противовеса эмигрантскому правительству;
- в) вопросы о границах;
- г) объединение вооруженных сил в Польше и Войска Польского под одним знаменем;
- д) проведение мобилизации на польских землях.

По вопросу границ «Патриоты» и КРН высказались предельно ясно:

*«Наиболее неотложным выступает вопрос принятия Временным Польским правительством «линии Керзона» как основы для установления границ между СССР и Польшей. Восстановление советской администрации на территории западнее «линии Керзона» (например, в западной части Белостоцкой области) угрожает ослаблением позиции демократического лагеря и ослаблением доверия польской общественности к Советскому Союзу».*<sup>723</sup>

В Холмском Манифесте Польского Комитета Национального Освобождения (ПКНО) 22 июля 1944 г. декларировалось образование власти на собственной основе, без участия правительства С. Миколайчика. Одновременно эмигрантское правительство и его представители в Польше объявлялись властью незаконной и самозваной. Юридическую силу этому неожиданному для правительства Миколайчика и его покровителей заявлению, по мнению авторов Манифеста, придавал тот факт, что польское правительство в Лондоне было сформировано в сентябре 1939 г. на основе Конституции 1935 г., а она, как известно, не была в свое время одобрена ни сеймом, ни сенатом Польши.

Через два дня, 24 июля, эмигрантское правительство в Лондоне обратилось к Черчиллю с меморандумом, где утверждалось, что Холмский комитет, который имеет фактически прерогативы правительства, является «незаконной администрацией».<sup>724</sup>

Советское правительство официально установило контакты с ПКНО уже 23 июля 1944 г. В Лондоне и Вашингтоне восприняли этот шаг прохладно. 27 июля Черчилль писал Сталину: «Было бы весьма

<sup>723</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений... Т. VIII. С. 129–131.

<sup>724</sup> Там же. С. 158.

достойно сожаления и даже было бы несчастьем, если бы западные демократии (...) признавали бы один орган поляков, а Вы признавали бы другой».<sup>725</sup> Не изменило позицию Запада, и стремление ПКНО расширится за счет кооптации в свой состав лиц, хорошо известных западным лидерам своими некоммунистическими взглядами.

Так, Ф. Рузельт в послании, полученном в Москве 12 августа 1944 г., указывал:

«Правительство Соединенных Штатов не желает ни быть вовлеченным в дело, связанное с просьбой Польского Комитета о том, чтобы профессор Ланге вступил в него в качестве руководителя отдела иностранных дел, ни выскаживать какого-либо мнения в отношении этой просьбы».<sup>726</sup>

Впрочем, замечал американский президент, сам профессор Ланге волен делать все, что считает нужным, и даже отказаться от американского гражданства и принять предложение ПКНО.

27 июля 1944 г. между Правительством СССР и ПКНО было подписано соглашение о польско-советской границе. Советский Союз сделал уступку своему партнеру территорий, размещенных на восток от «линии Керзона» до р. Западный Буг и р. Солокия, на юг от г. Крылов; части Беловежской Пущи на участке Немиров-Яловка, размещенной на восток от «линии Керзона», с оставлением Немирова, Гайнивки, Беловежа и Яловки на стороне Польши. Было также обусловлено будущее увеличение польской территории в Восточной Пруссии и по линии Одер – Нейссе.

В июле 1944 г. Польский Комитет Национального Освобождения на первом месяце своего существования еще не мог считаться (даже де-факто) правительством Польши (и, тем более, не считался им де-юре). Он не контролировал полностью ситуацию на освобожденной от гитлеровского оккупанта территории Польши, не говоря уже об осуществлении власти на всей территории страны. Его заданием было облегчение разграничения административных функций на спорных территориях, которые до взрыва мировой войны входили в состав Второй Речи Посполитой.

<sup>725</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 286.

<sup>726</sup> Там же. Т. 2. С. 162.

Отметим, однако, то обстоятельство, что соглашение от 27 июля 1944 г. стало важным аргументом сталинской дипломатии в отношениях с западными союзниками и эмигрантским правительством С. Миколайчика.

3 августа 1944 г. Сталин впервые после разрыва дипломатических отношений принял делегацию эмигрантского правительства Польши в составе С. Миколайчика, С. Грабского и Т. Ромера, которая прибыла в Москву по просьбе У. Черчилля. Уже сама атмосфера приема: указанную делегацию не приветствовали на аэродроме, как это принято за протоколом для государственных делегаций; советская пресса замалчивала визит, одновременно помещая на своих страницах много материалов о ПКНО, и многое другое – свидетельствовала, что Кремль отказывается от признания лондонских эмигрантов как полномочной власти.

Интересно проследить за теми аргументами, что их использовали стороны на этом этапе переговоров об эвентуальной линии польско-советской границы. Услышав от Сталина, что ею должна стать «линия Керзона», С. Миколайчик заявил, что лишение Польши двух центров культуры и традиций, которыми являются Вильно и Львов, болезненно затронет польский народ и будет воспринято как большая несправедливость.<sup>727</sup> Сталин ответил в том плане, что якобы существуют определенные «русские круги», которые обвиняют большевиков в том, что они ослабляют Россию в пользу Польши. Напоминают даже, что когда-то Польша была частью России, а сегодня ведет войну за независимость Польши. Поэтому, подвел итоги советский диктатор, поводы для неудовольствия найдутся всегда, и слушать таких критиков было бы не разумным. Миколайчик попробовал утверждать, что «линия Керзона» якобы не захватывает Галицию, а также напомнил, что в свое время Советская Россия предлагала Польше более выгодную линию границы. На что Сталин лаконично ответил: «Не можем обижать украинцев».

К дискуссии подключился другой член делегации эмигрантского правительства, С. Грабский. Этот действовал осторожнее и хитрее. Вначале от имени всего польского народа высказал глубокую благодарность Сталину за то, что тот сделал, чтобы передвинуть польскую границу на запад. Попросил не отбирать «второй рукой» того,

<sup>727</sup> Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej... S. 557–558.

что для поляков «дороже всего». Польше не должна уменьшиться территориально, ведь в целой стране не было сколько-нибудь заметного польского политика, который бы сотрудничал с врагом (намек на венгерский, румынский, французский, а также украинский коллаборационизм).

На возражение Сталина, что эта война выдвинула на первый план вопрос украинский, подобно тому, как Первая мировая поставила польский, Грабский отошел на подготовленные позиции и изложил следующие соображения.

Поскольку Восточная Галиция на две трети населена украинцами и на одну треть поляками (о евреях и других Грабский, похоже, вполне сознательно умолчал), то было бы справедливым отдать Советской Украине две трети этого края, а именно – Тернопольское и Станиславское воеводства, а третью – Львовское воеводство – оставить Польше. Тем более, что собственно украинское население Львова никогда не превышало 20 %. Stalin ответил, что к этому вопросу можно будет вернуться, когда будет образовано новое польское правительство на принципах взаимопонимания с ПКНО.<sup>728</sup> В ходе встречи 3 августа 1944 г. с советской стороны высказали пожелания, чтобы вопрос власти в Польше решался способами взаимных переговоров и консультаций делегации С. Миколайчика и представителей ПКНО.<sup>729</sup>

С 5 по 9 августа 1944 г. в Москве пребывали председатель КРН Б. Берут и председатель ПКНО Э. Осубка-Моравский. В послании от 8 августа Stalin проинформировал Черчилля о том, что (6 августа. – В. М.) прошла встреча руководства ПКНО и делегации С. Миколайчика.

*«Делегация Национального Комитета, – писал советский руководитель, – предлагала принять за основу деятельности Польского Правительства Конституцию 1921 г. и в случае согласия давала группе Миколайчика четыре портфеля, в том числе пост премьера для Миколайчика».*<sup>730</sup>

<sup>728</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 161; со ссылкой на: Grabski S. Pamietniki. T. 2. Warszawa: Czytelnik, 1989. S. 471–472.

<sup>729</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 2... С. 162.

<sup>730</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 292.

Следует по ходу напомнить, что дооценное польское правительство насчитывало 17 членов (Правительство Национального Единства в июне 1945 г. имело 19 членов), т.е. польскому эмигрантскому правительству в августе 1944 г. предлагали не столь уж много – по крайней мере, с учетом того, что оно пользовался поддержкой двух западных Великих Держав.

Эти несложные подсчеты могут служить косвенным доказательством того, что ПКНО, имея поддержку И. Сталина, уже летом 1944 г. чувствовал себя более чем уверенно.

Поддержку ПКНО Москва осуществляла и несколько специфичными, с точки зрения международного права, шагами. В свое время, чтобы упростить формирование армии Андерса и обеспечить ее кадрами, Советское Правительство выразило готовность рассматривать лиц польской национальности из числа жителей Западной Белоруссии и Западной Украины в качестве польских подданных. Это решение противоречило Указу от 29 ноября 1939 г., и было принято как исключение. После вывода армии Андерса, 16 января 1943 г. Советское Правительство уведомило поляков, что сделанное им раньше заявление о готовности допустить исключение из Указа указанных лиц польской национальности следует считать утратившим силу, а вопрос о возможности не распространения на них советского законодательства о гражданстве – переставшим существовать.<sup>731</sup> И хотя аксиомой современного международного права является положение о том, что, признав один раз тот или иной юридический факт, заинтересованное правительство не может отозвать свое признание, с января 1943 г. бывшие польские подданные стали полноправными (точнее, полноАответственными) советскими гражданами.

Однако сразу же после завершения визита делегации ПКНО в Москву, 10 августа 1944 г., Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О предоставлении амнистии польским гражданам, осужденным за совершение преступлений на территории СССР»:

«В ознаменование вступления Красной Армии и Частей Польской Армии на территорию Польши (...) предоставить амнистию всем польским гражданам, осужденным за совершение на территории СССР преступлений, за ис-

<sup>731</sup> Map M. Указ. соч. С. 969.

*ключением лиц, которые осуществили особо тяжелые преступления (шипионаж, бандитизм, убийство)».<sup>732</sup>*

Понятно, речь шла о бывших подданных Второй Речи Посполитой (в указе – «польских граждан»), а не всех лиц польской национальности. Это ставило целью продемонстрировать польскому населению, что «люблинские поляки» не только имеют авторитет и определенное влияние в Кремле, но и могут его задействовать для блага соотечественников. Кроме того, лишний раз подчеркивалось, что вступление освободительной армии на территорию Польши, с точки зрения советских органов государственной власти, состоялось не 5 января 1944 г., а только сейчас, летом 1944-го.

Отдельного разбора заслуживает вопрос о том, на основе какой конституции Польши – 1921 г. или 1935 г. – должно было проходить формирование нового польского правительства. Сразу же заметим, что на вопрос о границах страны он особенно не влиял, точнее, влиял косвенно.

Как известно, во внешнеполитическом арсенале правительства Т. Арцишевского была ссылка на Основной закон страны – Конституцию Польши, как 1935 г. (так называемой Апрельской; на ее основе было создано правительство в эмиграции), так и 1921 г. (известной еще, как Мартовская; ее «признавали» люблинские поляки на основании того, что Конституция 1935 г. не прошла формального утверждения в Сейме страны).

Статья 79 Конституции 1935 г. давала Президенту Речи Посполитой право издания во время войны декретов, имеющих силу закона. Однако статья 52 той же Конституции исключала возможность издания декретов, касающихся вопросов изменения границ государства, требуя перед их ратификацией Президентом предварительного согласия Законодательных палат. В этом правовом противостоянии статья 52 имела преимущественное значение. Статья 52 Конституции 1935 г. в общих чертах отвечала статье 49 Конституции 1921 г. Тем самым обе польские Конституции однозначно утверждали, что изменение границ государства возможно только при условии согласия Сейма страны. Пребывая в эмиграции, Правительство Польши

<sup>732</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 2... С. 167.

не могло, согласно Конституции государства, решать вопросы его границ.

Однако существовал другой важный аспект. Принятие Конституции 1921 г. как основы для взаимопонимания сторон означало бы отрицание Конституции 1935 г., а, следовательно, вело к признанию нелегитимности эмигрантского правительства Польши, образованного именно на основании этого последнего документа. В новом – якобы единственно легитимном (на основании Конституции 1921 г.) – правительстве, образованном на территории Польши, «не легитимному» С. Миколайчуку был предложен пост премьера. При этом пост президента страны получил бы Б. Берут, а само правительство было бы «дружественным» к СССР.

С. Миколайчик пошел на встречу с представителями ПКНО без согласия своего правительства. Решиться на этот шаг, его заставляли две неотложные проблемы: Варшавское восстание и надежда на выработку совместной линии с ПКНО в вопросе о восточных границах послевоенной Польши.

Встретившись с еще одним проявлением недоброжелательности Кремля (советское отношение к Варшавскому восстанию), премьер эмигрантского правительства не нашел взаимопонимания и у ПКНО. В. Василевская даже заявила, что никаких боев в Варшаве на данное время не происходит. На предложение выработать совместную линию поведения в вопросе о восточной границе и тем самым заставить Сталина пойти на большие уступки Миколайчик получил ответ все той же Василевской: «"Линия Керзона" является для Польши очень справедливой». <sup>733</sup>

Переговоры, как и следовало бы ожидать, завершились безрезультатно. 9 августа 1944 г. делегация ПКНО отбыла в Люблин. В тот же день Миколайчик, Грабский и Ромер самолетом вылетели из Москвы в Лондон. Было в этом нечто символическое.

Следующий визит в Москву делегации ПКНО в составе Б. Берута, Э. Осубки-Моравского и В. Витоса начался 28 сентября 1944 г., накануне прибытия в советскую столицу У. Черчилля и С. Миколайчика. В результате консультаций с советской стороной ПКНО и в дальнейшем оставлял за эмигрантским правительством четыре портфеля (25 %) в будущем правительстве.

<sup>733</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 162.

Берут, Осубка-Моравский и Роля-Жимерский в очередной раз побывали в Москве с 8 по 14 декабря 1944 г., что совпало по времени с визитом в советскую столицу генерала де Голля. Франция до 1939 г. была главным покровителем Второй Речи Посполитой, гарантом целостности ее территории и нерушимости границ с Германией. Временное правительство Французской Республики, возглавляемое де Голлем, стремилось сохранить традиционное влияние на Польшу и на послевоенный период. 5 декабря 1944 г. во время беседы В. Молотова с министром иностранных дел Временного правительства Франции Ж. Бидо советская сторона получила заверения, что «Французское правительство не возражает ни против восточной границы Польши в таком виде, как она изложена в советских документах, ни против западной границы Польши».<sup>734</sup> 6 декабря во время разговора де Голля со Сталиным французский премьер заверил: «если советская сторона согласна на расширение Польши в западном направлении, то тем самым разрешается вопрос о восточной границе между Польшей и Советским Союзом».<sup>735</sup>

Далее подчеркивалось:

«Когда польская территория будет полностью освобождена, французы будут готовы оказать свое влияние на поляков для достижения между ними союза и принятия того, что только что было сказано о польских границах, и для занятия Польшей позиции откровенной дружбы с Советским Союзом и Францией».<sup>736</sup>

Тут необходимо добавить, что де Голль приехал в Москву, имея собственные планы территориального расширения Франции и установления ее восточных границ с Германией по р. Рейн. Stalin дал уклончивый ответ, сославшись на необходимость учесть позиции союзников, «войска которых ведут освободительную борьбу против немцев на территории Франции».<sup>737</sup> Т.е. – учитывая советские территориальные интересы, де Голль надеялся, что Stalin учтет тер-

<sup>734</sup> Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 2. 1944–1945. / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1983. С. 169.

<sup>735</sup> Там же.

<sup>736</sup> Там же. С. 177–178.

<sup>737</sup> Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 2. С. 326.

риториальные интересы Франции в том виде, как они понимались де Голлем.

Несколько раз в ходе этих переговоров советская сторона дала попытку осуществить давление на французов с целью добиться признания ими ПКНО как правительства Польши. Временному правительству Франции сделать это было несколько легче, чем правительствам Англии и США, т.к. оно являлось временной администрации освобожденных территорий. В июле 1944 г. СССР признал ПКНО, имея прецедент признания Французского Комитета Национального Освобождения правительствами Англии и США как временной администрации освобожденных территорий. Западные союзники тогда свое признание не стали согласовывать с другими партнерами по коалиции. Кстати, на указанное обстоятельство обращало внимание и «Ассошиэйтед пресс». <sup>738</sup>

5 декабря 1944 г. Молотов в разговоре с Бидо старался увязать вопрос о признании ПКНО с вопросом о будущем советско-французском пакте. 7 декабря уже Сталин предлагал де Голлю в случае признания Люблинского комитета подписать двустороннее соглашение. <sup>739</sup> Собственно именно к этому и стремились французы вопреки позиции Англии, настаивавшей на подписании трехстороннего пакта с ее участием.

*«Визит де Голля, – писал американский историк Д. Месон, – был направлен на подписание пакта о ненападении с Советским Союзом, но русские настаивали на условии, что Франция признает правительство Люблинских поляков. Де Голль был готов иметь определенные отношения с люблинскими коммунистическими руководителями, но объявил, что они не представляют независимую Польшу. По этой причине он отказался от пакта и поехал назад в британское посольство. Двумя часами позже было получено послание, сообщавшее, что русские снимают свое условие о люблинских поляках, и договор оказался готовым к подписанию».* <sup>740</sup>

<sup>738</sup> Радянська Україна. 1944. 25 березня.

<sup>739</sup> Советско-французские отношения... Т. 2. С. 519, 172, 191, 200.

<sup>740</sup> Mason D. Who's who in World War II. Boston-Toronto: Little, Brown & Co, 1978. P. 308.

Советские источники предлагают несколько иную версию переговоров – уже 9 декабря Ж. Бидо на встрече с Молотовым заявил, что его правительство готово признать Люблинский комитет де-факто.<sup>741</sup> 26 декабря 1944 г. представитель ПКНО Ендреховский прибыл в Париж; тремя днями ранее, 23 декабря, представитель Франции Фуше прибыл в Люблин. Официальные отношения были установлены в марте 1945 г.<sup>742</sup>

31 декабря 1944 г. ПКНО был преобразован во Временное Правительство Польши. В январе 1945 г. это правительство было признано Советским Союзом<sup>743</sup> и Чехословакией.

Временное Правительство Польши, образованное на основе ПКНО, стало его правопреемником. Тем самым соглашение от 27 июля 1944 г. между Советским правительством и ПКНО о границе между двумя государствами на основе «линии Керзона» с незначительными уступками в пользу Польши оставался правообязывающим документом и для нового Временного Правительства Польши.

Накануне Ялтинской конференции руководители внешнеполитических ведомств западных держав Большой Тройки 1 и 2 февраля 1945 г. провели встречу на острове Мальта. Среди вопросов, подлежащих обсуждению, определенное место занимала польская проблематика: границы и власть в стране. На совещании по политическим вопросам, проведенном на Мальте накануне Ялтинской конференции, Иден и Стеттиниус пришли к согласию не признавать временное национальное правительство Польши: «если русские не согласятся с нашим подходом к польской проблеме, мы будем вынуждены заявить всему миру, что вопрос зашел в тупик».<sup>744</sup>

*«На Мальте, – пишет Г. Колко, – британцы и американцы приступили к выработке общей стратегии по польскому вопросу. Они согласились не признавать люблинское правительство и пришли к выводу, что уже поздно реформировать лондонское правительство в изгнании и еще меньше надежды на их объединение. По территориальным вопросам*

<sup>741</sup> Советско-французские отношения... Т. 2. С. 203.

<sup>742</sup> Там же. С. 519.

<sup>743</sup> Известия. 1945. 6 января (хроника).

<sup>744</sup> Stettinius E. Roosevelt and Russians. The Yalta Conference. Garden City, New York: Doubleday, 1949. P. 66.

договоренность в меньшей мере склонялась к всепрощению. Американцы все еще настаивали, чтобы львовская провинция отошла к полякам с тем, чтобы придерживаться “линии Керзона” в других местах при определении польских послевоенных границ на востоке. На западе британцы сделали шаг назад от своего обещания в прошлом октябре (1944 г. – В. М.) поддержать включение в Польшу немецких территорий до Западной Нейссе включительно. Американцы были категорически против изменения границы по линии вдоль Одера, намного меньшие против Западной Нейссе, но они откладывали все это до будущего торга – приемлемое соглашение в отношении политической структуры Польши могли резко изменить британские и американские подходы».<sup>745</sup>

Иден (памятная записка для Черчилля от 1 февраля 1945 г.) следующим образом сформулировал согласование позиций союзников на Мальте по вопросу польско-советской границы:

«В том, что касается восточной границы Польши, Правительство Его Величества уже согласовало с русскими и публично объявило, что границей там должна быть “линия Керзона” с оставлением Львова Советскому Союзу. Американцы, однако, могут со временем осуществить давление на русских, чтобы Львов оставил Польше».<sup>746</sup>

Американский госдепартамент подготовил более жесткий документ:

«Относительно польских границ следует употребить меры для такого разрешения проблемы, которое в наибольшей мере уменьшало будущие трения, возможность повстанческих движений и количество групп национальных меньшинств, подлежащих переселению в рамках этих договоренностей, чтобы в наиболее возможной степени

<sup>745</sup> Kolko G. Cit. op. P. 356.

<sup>746</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 183–184.

способствовать сохранению мира и будущей стабилизации в Европе. Для реализации этих намерений Соединенные Штаты должны способствовать урегулированию вопроса границ на основе “линии Керзона” на востоке. Решение этой проблемы, однако, должно в меру возможности оставить львовский округ Польше, чтобы город с преобладанием польского населения и значительные с экономической точки зрения нефтяные месторождения на юго-западе остались в границах польского государства».<sup>747</sup>

Что касается западной границы, то и тут американский государственный совет рекомендовал ограничиться наименьшими возможными изменениями, оставляя вне пределов Польши Нижнюю Силезию с Бреслау и большую часть Поморья вместе со Штеттином под тем удобным предлогом, что это ограничит насильственную депортацию немцев из областей, которые до 1937 г. входили в состав Германского государства.<sup>748</sup>

Ялтинская конференция (февраль 1945 г.) проходила на советской территории. Гости были кое-чем обязаны хозяину ввиду того, что последнее мощное наступление гитлеровцев в Арденнах, начатое 16 декабря 1944 г., не имело особо трагических последствий для англо-американских союзников. По их настойчивым просьбам Красная Армия в середине января 1945 г. начала свои наступательные операции на восточном фронте, чем заставила немецкое командование свернуть активные действия на западе. Сталин возможностью продемонстрировать союзническую верность не пренебрег. В начале февраля советские войска заняли г. Кестрин, расположенный в каких-то 70 км от Берлина.

В западной историографии достаточно освещены попытки Рузвельта и Черчилля подвергнуть ревизии согласованную в Тегеране линию послевоенной польско-советской границы. Например, С. Уоррен утверждает:

«Предложение, сделанное Рузвельтом и Черчиллем, чтобы восточная граница Польши, известная как “линия Кер-

<sup>747</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 183–184.

<sup>748</sup> Ibid. S. 184.

зона”, была проведена таким образом, чтобы включить Львов и некоторые нефтяные месторождения в польскую территорию, были категорически отвергнуты Сталиным».<sup>749</sup>

Б. Гарднер цитирует выступление Черчилля в Ялте: «Это выглядело бы весьма великодушным жестом, восторженно воспринятым во всем мире, если бы она (то есть Россия. – В. М.) предоставила Львовский регион намного более слабому государству». Однако он также считает, что вопрос о правительстве значительно важнее.<sup>750</sup>

Похоже, именно в этой фразе сконцентрирована квинтэссенция западной позиции в польском вопросе. Не столь важно для Лондона и Вашингтона, будет ли иметь послевоенная Польша нефтяные месторождения Дрогобыча и Борислава, значительно важнее, на чьей стороне в послевоенном мире будет эта страна. В определенной мере Западу даже выгодно, чтобы большая часть поляков осталась недовольна новой границей с СССР – тем меньшими будут симпатии к Москве и сильнее прозападные настроения. Но только при условии, что в Варшаве будет заседать «правильное» правительство.

В решениях Ялтинской конференции указано:

«Главы Трех Правительств считают, что Восточная граница Польши должна идти вдоль “линии Керзона” с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши».<sup>751</sup>

Западная граница Польши подлежала рассмотрению на будущей послевоенной конференции союзников с учетом мнения польского правительства. Рузвельт и Черчилль тем самым оставляли за собой свободу рук: просоветскому правительству Польши, нежеланному для западных союзников, следовало навязывать минимальные территориальные приобретения на западе, чтобы тем самым сберечь и законсервировать в польском обществе антисоветские настроения.

<sup>749</sup> Warren S. A Realistic Response to International Conditions // The Roosevelt Diplomacy and World War II. P. 117.

<sup>750</sup> Gardner B. The Year That Changed the World. 1945. New York: Mc Caun, Inc., 1963. P. 54.

<sup>751</sup> Конференция руководителей трех союзных держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму. М.: Госполитиздат, 1945. С. 18–19.

Важно дать оценку международно-правовому значению Ялтинских соглашений. Уже с августа 1945 г. Соединенные Штаты начали утверждать, что они были только декларацией целей лидерами государств-участников и должны считаться документом, который не может иметь правовых последствий. Эта интерпретация вряд ли может считаться удовлетворительной. Безусловно, Ялтинские соглашения имеют юридически обязательный характер, что выплывает из аутентичного текста документа, который содержит точные обязательства и их объем. Подтверждением служит и использование в английском тексте глагола *shall*, характерного для юридически обязательных актов.

Вместе с тем, в контексте нашего исследования тезис о юридической обязательности ялтинских договоренностей требует некоторых разъяснений. Что касается собственно восточных границ Польши, то западные союзники никоим образом не «устанавливали польско-советскую границу», а только взяли на себя обязательства поддержать доступными для их государств средствами определенную, согласованную в ходе дальнейших польско-советских консультаций, линию взаимного разграничения. Ими было также взято обязательство признать коалиционное польское правительство, которое предусматривалось образовать из представителей трех политических лагерей: так называемых Люблинских поляков, группы Миколайчика и демократических деятелей в самой Польше. Именно с этим правительством, как ожидалось, и должен был подписать Договор о границе Советский Союз. С другой стороны, Москва взяла на себя обязательства отказаться от безальтернативной поддержки Польского Временного правительства, сформированного на основе ПКНО 31 декабря 1944 г.

Стремление провести подмену понятий, мол, «в Ялте Великие державы на собственное усмотрение перекраивали карту Европы», не выдерживает критики. Действительно, в полном соответствии с международным правом того времени, государства-победители предварительно обсудили будущее изменение границ, но только в отношении государств-агрессоров.

К слову, и современное международное право не исключает отторжения территорий как санкций. Вполне правомерными являются территориальные изменения с целью лишения агрессора части его территории, особенно, если он систематически использует ее

как удобный плацдарм для нападения на соседние государства. Подобные изменения выступают, с одной стороны, как форма ответственности за наиболее тяжкое международное преступление – агрессию, а с другой – как средство, направленное против повторения агрессии.<sup>752</sup>

Вместе с тем вопрос установления границ между союзниками, в частности советско-польской, де-юре было отнесен к компетенции двух заинтересованных государств и их Правительств. В этом понимании Ялта, разумеется, не была «вторым Мюнхеном». Государства Большой Тройки только рекомендовали определенную линию польско-советской границы, а не проводили ее «на собственное усмотрение». Лишь польско-советский Договор о границах от 16 августа 1945 г., а не Ялтинские или Потсдамские договоренности, определил прохождение линии совместной границы, к слову, даже более выгодной для Польши, чем это предусматривалось в Ялте. Например, в районе Гайновки польская граница отклонилась на восток от «линии Керзона» на 17 км, а не 5–8 км, как это обещал союзникам Председатель Совнаркома СССР И. Сталин на Крымской конференции.

Если обратиться к критике Ялтинских договоренностей лидеров трех Великих Держав в западной, прежде всего англо-американской научной литературе, то бросается в глаза важная деталь. В отличие от политологов, «чистые» специалисты в области международного права вопрос о польско-советских границах, как правило, не затрагивают, сосредотачивая остряя критики совсем на другом. Так, У. Гулд, а вслед за ним и Г. фон Глан обращают внимание на то, что ялтинские решения, в соответствии с которыми Польше предстояло стать «дружественной» по отношению к СССР, стали ограничением суверенитета независимого государства, которое в принципе может самостоятельно выбирать, с кем ему быть «дружественным», а с кем – нет.<sup>753</sup> Тема советско-польской границы, якобы окончательно установленной уже в Ялте решением трех Великих Держав, здесь отсутствует: международное право оперирует несколько иными понятиями, чем политология или психология. Граница де-юре была установлена в Москве 16 августа 1945 г., а не в Ялте в феврале.

<sup>752</sup> Международное право / Отв. ред. Тункин Г. И... С. 258.

<sup>753</sup> Gould W. Cit. op. P. 429–430; Glahn G., von. Cit. op. P. 335.

Свое удовлетворение ялтинскими решениями Президент КРН Б. Берут, высказал в речи об итогах пребывания делегации КРН и Польского правительства в Москве на заседании Совета Министров Польской республики 22 февраля 1945 г.<sup>754</sup>

Вехой на пути польско-советского взаимопонимания стало подписание 21 апреля 1945 г. Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между Польшей и Советским Союзом. Польская делегация в составе Э. Осубки-Моравского, В. Гомулки, М. Роля-Жимерского, И. Минца и З. Модзелевского (тогдашнего посла Польши в СССР) пребывала в Москве почти неделю – с 19 по 24 апреля. Выбор времени для переговоров не был случайным. Временное правительство Польши любой ценой старалось поднять свой авторитет в глазах польского населения и мировой общественности. Так, в частности, по настоянию западных держав было заблокировано участие Польши в конференции в Сан-Франциско, где в это время закладывались основы будущей Организации Объединенных Наций. Как предварительное условие приглашения выдвигалось требование образования коалиционного правительства – в полном соответствии с Ялтинскими договоренностями.

В самой Польше, как это немного позднее было констатировано на пленуме ЦК ППР 20 мая 1945 г., на настроения населения большое влияние оказывал факт изменения границ. В выступлении В. Гомулки констатировалось, что: «средний поляк исходит из соображения, что Россия забрала у Польши значительную часть земель. Этот факт имеет существенное, глубокое значение».<sup>755</sup> Активизировались подпольные структуры лондонского правительства и Армии Крайовой.

Для польского Временного правительства в этой ситуации важным было тем или иным образом продемонстрировать свой национальный характер, чтобы отбросить недружественные обвинения в марионеточной политике. В переговорах со Сталиным с глазу на глаз В. Гомулка затронул два вопроса, решение которых могло бы прибавить Временному правительству Польши авторитет в глазах собственного населения и мировой общественности. Они лежали в области не только политики, но и международного права.

<sup>754</sup> Советский Союз – Народная Польша. 1944–1974. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1974. С. 51.

<sup>755</sup> Werblan A. Wladyslaw Gomulka Sekretarz Generalny PPR... S. 255–256.

Первое – это вопрос немецкого имущества, находившегося на тех территориях Третьего Рейха, которые со временем должны были перейти к Польше. Советские военные и гражданские структуры брали под контроль и вывозили в СССР оборудование немецких фабрик и заводов, автомобили, паровозы и вагоны, запасы сырья и готовой продукции. Гомулка настаивал на том, что это имущество должно оставаться на месте, поскольку факт его вывоза с этих, уже предварительно определенных как польские, земель, укрепляет антисоветские настроения в польском обществе.

Вторым стал вопрос о судебном процессе над 16 руководящими деятелями лондонского лагеря во главе с Главнокомандующим АК Леопольдом Окулицким, арестованным советской контрразведкой в марте 1945 г. недалеко от Варшавы, т.е. на территории Польши. Польский партийный руководитель настаивал на том, что суд должен пройти на территории Польши и осуществлять его должны польские судебные структуры.

Если в первом случае Stalin прислушался к аргументам своего польского партнера – окончательное разрешение проблемы было достигнуто в июле-августе 1945 г., когда СССР отказался от своей части reparаций с тех немецких территорий, которые по решениям Потсдамской конференции отошли к Польше, то в «деле 16-ти» консенсуса достичь не удалось. Stalin обрушился на Гомулку: «Вы со мной разговариваете как президент Великой Державы, а тем временем они стреляли в наших людей и мы, согласно с правом войны, будем их судить». Гомулка возразил в том плане, что: «Они приказывали стрелять не только в ваших людей, а еще в больших масштабах – в наших». Однако Stalin уже не стал изменять течение дела, только добавил: «Кажется, вы правы. Дурак Серов, смеши его».<sup>756</sup>

Польско-советский Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанный 21 апреля 1945 г., предусматривал также обязательства взаимопомощи сторон на случай нападения Германии, или любого иного государства, непосредственно объединившегося с ней в такой войне, на одно из государств участ-

<sup>756</sup> Воспоминания В. Гомулки от 21 января 1981 г. были приведены в: Werblan A. Wladyslaw Gomulka Sekretarz Generalny PPR... S. 252–253.

ников. По сути, этим пунктом договора Советский Союз выступил гарантом будущей польско-немецкой границы.

Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве 11 мая 1945 г. Обмен ратификационными грамотами прошел в Варшаве 20 сентября 1945 г.<sup>757</sup> К этому времени Польша уже имела Правительство Национального Единства, признанное де-юре Объединенными Нациями.

За день до открытия Потсдамской конференции Большой Тройки, 16 июля 1945 г. в Аламгордо США успешно провели испытание атомной бомбы, о чем военные немедленно оповестили президента Г. Трумэна. Придавая этому событию большое дипломатическое и политическое значение, президент подчеркнул, что оно «может изменить ход истории и цивилизации».<sup>758</sup>

Конференция в Потсдаме продолжалась с 17 июля по 2 августа 1945 г.

Вопрос о восточной границе Польши на это время еще не был урегулирован СССР и Польшей де-юре. Для усиления позиций Советского Союза на будущих переговорах с Временным Правительством Национального Единства, образованным 28 июня 1945 г., особо важной представлялась поддержка Польши в вопросе о ее западных границах, который – среди многих других – обговаривался в Потсдаме.

Как известно, на Ялтинской конференции представители Великих Держав сошлись на том, что вопросы западных границ Польши должны быть урегулированы на послевоенной конференции с учетом мнения Польского Правительства. В свою очередь, правительство Польши предстояло реорганизовать на основе Временного правительства в Варшаве с привлечением представителей «демократических сил» как из самой Польши, так и из заграницы. Такое правительство на время открытия конференции в Потсдаме уже существовало.

Временное Правительство Национального Единства в меморандуме к трем Великим Державам от 10 июля, а также в письме от 20 июля добивалось установления западной границы по Одру

<sup>757</sup> Сборник действующих договоров... Вып. XI. С. 22–23.

<sup>758</sup> Truman H. S. Cit. op. P. 87.

и Нисе Лужицкой (Западная Нейссе) вместе с признанием за Польшей Свиноуйсця (Свенемюнде) и Щецина. Польская позиция в этом вопросе получила активную поддержку Сталина и благожелательное согласие Трумэна. Напротив, У. Черчиль пытался сохранить за Германией часть Нижней Силезии и область вокруг Вроцлава, а также Щецин.

По предложению Сталина в Потсдаме была приглашена делегация Польского Правительства Национального Единства. 24 июля делегация в составе Б. Берута, С. Грабского, С. Швальбе, Э. Осубка-Моравского, В. Гомулки, С. Миколайчика, В. Ржимовского, Я. Станчика, М. Роля-Жимерского прибыла на конференцию. Через несколько дней состав польской делегации был расширен за счет экспертов.

Появление в Потсдаме практически всего высшего руководства страны и ППР свидетельствовало о том значении, которое для Польского Правительства имел вопрос о западной границе. Свою точку зрения делегация изложила на заседании министров иностранных дел держав Большой Тройки 24 июля; в тот же день делегацию приняли премьер Черчиль и президент Трумэн. Британская сторона продолжала сохранять свои возражения против границы по рр. Одре и Нисе Лужицкой. Официальная встреча с советской делегацией состоялась только вечером 27 июля. 29–31 июля польская делегация вела переговоры уже с новым британским премьером лейбористом К. Эттли и министром иностранных дел Е. Бевином, 1 августа – с Г. Трумэном. Главным лицом польской делегации, был Б. Берут (формально – беспартийный) в роли Председателя КРН и руководителя делегации. Отметим, что политические привязанности членов польской делегации отошли на задний план в том, что касалось западной границы, – обнаружить какие то принципиальные различия между, скажем, позициями В. Гомулки и С. Миколайчика в этом вопросе не удастся и при тщательнейшем рассмотрении.

Тематика восточной границы Польши выразительно звучала в польских требованиях границ западных. Делегациям были розданы подборки материалов, подготовленные польским экспертом Лещицким. Утверждалось, в частности, что, якобы в исполнение решений Крымской конференции, Польша теряет 184 тыс. кв. км своей до-войеной территории. Взамен добивается земель по Одре и Западной Нисе, что, в общем, составляет 105 тыс. кв. км. То есть, и в этом

случае Польша теряет в целом около 79 тыс. кв. км территории, или 20 всего 18 % довоенной территории. Территории на западе, которые Польша получит как компенсацию за потери на востоке, будут нужны для расселения 4,2 млн поляков – переселенцев с территории, которые отошли к Советскому Союзу.<sup>759</sup>

Такого рода соображения высказывал и член делегации С. Грабский. Его мнение было изложено в новом польском меморандуме от 28 июля 1945 г., предназначенному для участников конференции. Среди так сказать хозяйственно-экономических мотивов польских требований доминировала тема утраты ресурсов на востоке (нефти, экспортного леса и т.д.). Она якобы обуславливала соответствующую необходимость передачи Польше промышленных мощностей и портовых городов бывшей Германии. Экономические аргументы британской делегации (оспаривающие) сводились к тому, что передача Польше «чрезмерных» территорий отобразится на возможностях взимания репараций с побежденной Германии.

Основной спор велся вдоль линии западной границы Польши, вместе с тем вопрос о Восточной Пруссии в обсуждениях не стоял так остро. В меморандуме британского МИД от 13 июля и в документе госдепартамента США от 15 июля западные союзники отказались от передачи Польше устья Одера и территорий между Ниссой Клодской и Ниссой Лужицкой. Британский премьер даже высказался за то, что бы разрешить немцам, которые покинули территории на восток от Одера, вернуться назад.<sup>760</sup>

Черчилль – вплоть до самой своей отставки после проигранных выборов – настаивал, что западная граница Польши должна проходить по Одру и Ниссе Клодской; тем самым Щецин и Вроцлав должны остаться на немецкой стороне. Новый британский премьер Эттли 29 июля предложил компромисс и перенес британские требования на линию Одры и Квисы (речки, что протекала на 20 км восточнее от Ниссы Лужицкой). В кулуарах Эттли признал, что не столько переживает за немцев, сколько боится будущей критики действий своего новообразованного правительства со стороны парламентской оппозиции, представленной на то время консерваторами. Однако, решительное проталкивание Стали-

<sup>759</sup> Leszczycki S. Prace polskich geografow przy ustalaniu granic państwa polskiego na konferencjach w Wersalu 1919 i w Poczdamie 1945 // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1978. № 24, z. 2. S. 291–308.

<sup>760</sup> Волков Ф. Д. Указ. соч. С. 536.

ным линии Одры – Ниссы Лужицкой (этот факт отмечают даже наиболее радикальные польские политики и историки) дало свой результат.

В польской литературе 60–70-х гг. прошлого столетия появятся обвинения по адресу С. Миколайчика, якобы скрывшего от других членов польской правительственной делегации важные документы, в частности, письмо заместителя госсекретаря США А. Кадогана к министру Т. Ромеру от 2 ноября 1944 г., в котором упоминалось британское обязательство поддержать все польские требования ревиндикиации границы на западе, а также записи нескольких разговоров тогда еще премьера польского эмигрантского правительства С. Миколайчика с У. Черчиллем на эту же тему.<sup>761</sup> Сегодня эти обвинения сняты, поскольку указанные документы не касались непосредственно линии Ниссы Лужицкой, которая, собственно, и была оспариваема британской делегацией.

В Протоколе Берлинской конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (1 августа 1945 г.) отдельным VIII пунктом закреплены решения, касающиеся Польши, в частности вопрос о ее западной границе. Сообщить польской делегации, радостные новости было поручено президенту США Г. Трумэну. 1 августа он принял польскую делегацию и объявил ей, что «территориальные границы установлены в соответствии с требованиями Польши и польское правительство отвечает за администрацию в рамках этих границ». Далее Трумэн пожал руки польским делегатам и поприветствовал их с историческим успехом. Однако всем присутствующим было понятным, отмечает польский автор Е. Османчик, что границы получены не из рук Англии и США, а в результате советской поддержки.<sup>762</sup>

Эту мысль можно было бы продолжить. Известно, что за западную польскую границу Москва «рассчиталась» согласием на уменьшение доли reparаций, которые могла бы иметь от западных секторов оккупации Германии. Но следует понять и то, что именно Советский Союз с этого времени брал на себя основную тяжесть психологической ответственности перед будущей Германией, поскольку выступил в роли ее наибольшего недруга среди

<sup>761</sup> Kowalski W. T. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945)... S. 754.

<sup>762</sup> Османчик Э. Я. Указ. соч. С. 109.

Великих Держав. Именно СССР в послевоенном мире предстояло предоставлять дипломатическую, а, возможно, и военную помощь Варшаве в защите ее западных границ.

1 августа 1945 г. был принят Протокол Берлинской конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. Документ подтвердил признание Польского Временного Правительства Национального Единства Великими Державами. Относительно западной границы Польши Протокол закрепил следующую договоренность:

*«В соответствии с соглашением, достигнутым на Крымской конференции, Главы трех Правительств рассмотрели мнение Временного Польского Правительства Национального Единства относительно территории на севере и западе, которую Польша должна получить. Председатель Краевой Рады Народовой и члены Временного Польского Правительства Национального Единства были приняты на Конференции и полностью изложили свою точку зрения. Главы трех Правительств подтвердили свое мнение, что окончательное определение западной границы Польши должно быть отложено до мирной конференции.*

*Главы трех Правительств согласились, что до окончательного определения западной границы Польши бывшие германские территории, к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свенемюнде и оттуда по р. Одер до впадения р. Западная Нейссе и по Западной Нейссе до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая в соответствии с решением Берлинской конференции не поставлена под управление Союза Советских Социалистических Республик, и включая территорию бывшего свободного города Данциг, должны находиться под управлением Польского государства и в этом отношении они не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации в Германии».<sup>763</sup>*

<sup>763</sup> Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов [В 6 т.]. Т. 6. Германская (Потсдамская) конференция конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945 г.). М.: Политиздат, 1980. С. 473.

На первый взгляд, вопрос еще не решен окончательно, поскольку «определение западной границы Польши должно быть отложено до мирного урегулирования». Однако окончательность урегулирования вытекала де-факто из всего контекста упомянутого Протокола. Это подразумевалось, в частности, в том разделе, который предусматривал право Польши (так же, как и Чехословакии) проводить переселение немецкого населения со своих территорий на территорию Германии.

*«Такого рода право переселения, – отмечал академик Л. Иванов, – предусматривает, что тот, кто его реализует, является владельцем данной территории и осуществляет над ней свои суверенные права. Таким образом, есть все основания толковать соответствующий раздел потсдамского соглашения в смысле окончательного признания за Польшей права на территорию к востоку от Одеры и (Западной. – В. М.) Нейссе».*<sup>764</sup>

5 августа в газете *Glos Ludi* появилась статья «Победа Польши в Потсдаме» за подписью В. Гомулки, председателя ППР и вице-премьера правительства.

*«Польша, – говорилось в статье, – должна быть обязана Советскому Союзу за предотвращение той большой опасности, которая угрожала ей на Потсдамской конференции».*<sup>765</sup>

Неудовольствие решениями, принятыми в Потсдаме, 14 августа 1945 г. высказало правительство Т. Арцишевского. В документе с претензионным названием «Заявление польского правительства, протестующего против попрания принципов свободы и равенства наций в резолюциях Потсдамской конференции», утверждалось, что: «Три Великие Державы на переговорах в Потсдаме приняли резолюции, которые касаются судьбы других держав, и присвоили себе исключительное право реорганизации Европы вдоль рубежей,

<sup>764</sup> Иванов Л. Н. Очерки международных отношений... С. 251.

<sup>765</sup> Gomulka W. Zwyciestwo Polski w Poczdamie // Glos Ludy. 1945. 5 sierpnia.

ими самими определенных». Между тем, непосредственно от резкой критики «произвола Великих Держав» польское эмигрантское правительство тут же ударились в другую крайность: «В Потсдаме вопрос о северной части Восточной Пруссии вместе с Кенигсбергом (Крулевцем) был также решен на пользу русских...».<sup>766</sup>

Т. е. никем не признаваемое правительство Арцишевского, протестуя против Потсдамского соглашения, возмущается не столь тем, что Великие Державы устанавливают европейские границы на свое усмотрение, сколько их отказом учитывать точку зрения (читай – пожелания) эмигрантского польского правительства. Особен-но умилительным выглядит то место протеста, где правительство Арцишевского высказываеться против передачи Крулевца (Кенигс-берга) Союзу ССР.

В зависимости от того, что им виделось более «выгодным» для территориальных интересов Польши, эмигрантские политики готовы были пользоваться как «старым» международным правом (отказ признать плебисциты 1939 г. как основание для изменения территориальной принадлежности Западной Украины и Западной Белоруссии), так и «новым» (принципы не применения силы и давления в межгосударственных отношениях, нерушимости государственных границ, невмешательства во внутренние дела суверенных наций).

Эмигрантские правительства Польши, последовательно возглавляемые В. Сикорским, С. Миколайчиком и Т. Арцишевским, настаивали на том, что вопросы польско-советской границы должны решаться только двумя заинтересованными сторонами, без вмешательства третьих держав. Подчеркивалось также, что решение проблемы границ возможно только после окончания боевых действий. Считалось, что еще до этого Польша должна получить исторические польские земли на севере и западе. Также утверждение территориальных изменений на востоке должно было пройти в соответствии с Конституцией, по решению Сейма страны. Парадокс состоял в том, что, в конце концов, в 1945 г. все эти требования были соблюдены, но – без участия в процессе взаимного урегулирования самого эмигрантского правительства.

После образования Правительства Национального Единства и его признания мировым сообществом, после Потсдамской конфе-

<sup>766</sup> Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. II. 1944–1945... P. 637.

ренции, которая установила западную границу в соответствии с пожеланиями законного правительства Польши, все упомянутые требования были формально осуществлены. Разрешение вопроса о восточной границе Польши вошло в заключительную стадию. Именно благодаря Правительству Национального Единства (и его отношениям с Союзом ССР) и вопреки умеренным западным союзникам Польша сумела на севере и западе обеспечить столь значительные территориальные приобретения.

Еще 17–21 июня 1945 г. в Москве прошли переговоры политических деятелей Польши, на которых было достигнуто согласие о формировании Временного Польского Правительства Национального Единства. Спустя некоторое время (26 июля 1945 г.) на пресс-конференции в польском посольстве в Москве было объявлено: «поляки сами договорились между собой, а Комиссия трех была только фактором, который подтвердил это соглашение».<sup>767</sup> Признаем, что достигнуть договоренности польским политикам весьма помогли все Великие Державы, а Советский Союз – особенно.

27 июня 1945 г. участники московских переговоров возвратились в Польшу. 28 июня Временное Правительство РП объявило о своей демиссии. В тот же день президент КРН на основании ст. 45 Мартовской Конституции 1921 г. образовал Правительство Национального Единства. Премьером оставался Эдвард Осубка-Моравский, вице-премьерами стали Владислав Гомулка и Станислав Миколайчик. Из 19 министерских портфелей ППР получила 5 (Станислав Радкевич – общественной безопасности, Иларий Минц – промышленности, др. Стефан Едриховский – внешней торговли, Станислав Ткачев – лесного хозяйства, др. Ежи Штакельский – снабжения и торговли), ППС – 5 (Константин Дябровский – финансов, Ян Станчик – труда и общественной опеки, Генрик Святковский – юстиции, проф. Михал Качоровский – восстановления государства, Стефан Матушевский – информации и пропаганды), людовцы – 6 (Станислав Миколайчик – сельского хозяйства и сельскохозяйственной реформы, Владислав Керник – общественной администрации, Чеслав Вицех – образования, Владислав Ковальский – культуры и искусства, др. Францишек Литвин – охраны здоровья, Мечислав Тугут – почты и телеграфа), СД – 2 (Винцентий Ржимовский – иност-

<sup>767</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений... Т. VIII. С. 454.

ранных дел, Ян Рабановский – путей сообщения). Правда, Мечислав Тугут остался за границей и портфеля не принял. Министром обороны стал формально беспартийный (с весны 1945 г.) маршал Михал Роля-Жимерский.<sup>768</sup>

Начиная с Люблинского манифеста, Крайова Рада Народова и Временное правительство Польши настаивали на недействительности Апрельской Конституции 1935 г. на той формальной основе, что она не была в обычном порядке ратифицирована двумя палатами Сейма. Соответственно, эмигрантское правительство, образованное осенью 1939 г. на основании Конституции 1935 г., должно было считаться нелегитимным.

Правительство Национального Единства, образованное 28 июня 1945 г. в Москве и признанное де-юре на протяжении недели правительствами Франции, Великобритании и США, формально было сформировано на основании Мартовской Конституции 1921 г. В состав Правительства Национального Единства как член кабинета и вице-премьер вошел и Станислав Миколайчик, бывший (1943–1944 гг.) премьер эмигрантского правительства в Лондоне. Можно говорить о том, что верх в польском «конфликте Конституций» взяла точка зрения КРН: Конституция 1935 г. – недействительна, и поэтому лондонское эмигрантское правительство должно считаться нелегитимным от начала своего существования. Кстати, Временное правительство Польши по ходу объявило, что не несет никаких обязательств по долгам лондонских эмигрантов.

Франция признала Временное Правительство Национального Единства уже 29 июня, Великобритания и США – 6 июля 1945 г.

8 июля 1945 г. газеты сообщили о подписании Соглашения между Правительством СССР и Польским Правительством Национального Единства о праве на выход из советского гражданства лиц польской и еврейской национальностей, которые проживают в СССР (имелись ввиду граждане довоенной Второй Речи Посполитой) и об их эвакуации в Польшу, и про право выхода из польского гражданства лиц русской, украинской, белорусской, русинской и литовской национальностей, которые проживают на территории Польши, и об их эвакуации в СССР. Согласно статье 6, бывшие граждане Второй Речи Посполитой, которые проживали на момент подписания

<sup>768</sup> Werblan A. Wladyslaw Gomulka Sekretarz Generalny PPR... S. 270–271.

Соглашения (6 июля 1945 г.) на территории СССР, могли обратиться до 1 ноября 1945 г. в Верховный Совет СССР с просьбой о смене гражданства.<sup>769</sup>

Соглашение от 8 августа 1945 г. стало своеобразным подготовительным шагом к подписанию договоренностей о границе между двумя государствами. Международно-правовое закрепление советско-польская граница получила в Договоре между СССР и Польской республикой от 16 августа 1945 г., в Парижских соглашениях от 5 мая 1955 г., а также в соглашении об обмене участками государственной территории между СССР и Польской республикой от 15 февраля 1951 г.

Для подписания Договора о границе в Москву в первой половине августа 1945 г. прибыла польская делегация в составе Б. Берута, Э. Осубка-Моравского, С. Миколайчика, И. Минца, а также большой группы экспертов, где особенно выделялись С. Лещицкий и А. Болевский. Эксперты подготовили объемные досье по демографическим, экономическим и другим аспектам вопроса. Программой максимум польской делегации могло бы стать возобновление дискуссии вокруг государственной принадлежности Львова. Были подготовлены материалы о демографическом составе населения города, культурных связях Львова с Польским государством и т.д.

На украинском участке польско-советской границы польская делегация предложила отступить от «линии Керзона» с тем, чтобы максимально учесть хозяйственно-экономические интересы дружественных государств. Польская сторона стремилась получить Бориславско-Дрогобычский нефтяной бассейн со Стебником и Трускавцем. Вместо него готова была отступить районы на запад от определенной в июле 1944 г. линии границы, включая целое т.н. колено Буга и район Любачева. Новая линия границы выглядела бы следующим образом: начиналась практически в том же самом месте, но по другую (восточную) сторону Ужицкого перевала, дальше шла бы в направлении северо-восточном около Ильника и Подгородцев, оставляя на западной стороне Сходницу и Трускавец, а на восточной – район Сtryя и Меденич. Потом изменяла бы направление на северо-запад, проходя около Дорожан и Дублян, оставляя на польской стороне Самбор, дальше, проходя около Крукенич, доходила бы до предварительно оп-

<sup>769</sup> Советский Союз – Народная Польша... С. 73–78.

ределенной (в июле 1944 г.) линии границы на север от Перемышля и Медики. Дальнейшее прохождение границы проходило бы западней от очерченной в июле 1944 г. линии разграничения. Советская сторона получала бы район Вельких Очей, Горинки, Любачева, местности, которые находятся на восток от Нарола, целое колено Буга (площади по левую сторону Буга на запад от Соколя, между Солокией и Бугом), с тем, чтобы граница доходила по прямой линии до Крилова над Бугом. В конечном итоге эти изменения были бы полезными для Польши – не столько под углом зрения территориального прироста, сколько для удовлетворения экономических потребностей. Польша получила бы ресурсы нефтяных месторождений Дрогобычско-Бориславского бассейна, что позитивно сказалось бы на хозяйстве страны, уменьшило зависимость от советского экспорта нефти.

Советская делегация отказалась даже обсуждать польский вариант. Речь могла идти только об уточнении «линии Керзона», как это было обещано Сталиным в Ялте. Польские эксперты перешли к своей программе минимум. В частности, Польша претендовала на получение Равы-Русской, под предлогом народно-хозяйственного значения этого железнодорожного узла, лежащего в 5 км от линии границы 1944 г. Тут сходились три польские железнодорожные ветки и одна – советская. Однако наибольший интерес представлял железнодорожный узел в Хирове и местность вокруг него. Тут проходила двухколейная магистраль общегосударственного (для Польши) значения, не представлявшая, впрочем, особой ценности для советской стороны. Однако, и эти польские предложения были отвергнуты советской делегацией. Для того чтобы сдержать польские аппетиты, советская сторона напомнила, что «украинские требования» простираются к р. Сан, а украинская Академия Наук поддерживает присоединение Холмщины к Советскому Союзу.

Единственное, что удалось выторговать польской делегации на участке польско-украинской границы во время августовских переговоров в Москве, это – небольшой район в Бескидах с Галичем и Тарницей на восток от Устрик Горных. Советская сторона на переговорах по неустановленным причинам не нанесла на свои карты этот кусочек территории вблизи чехословацкой границы, и польские эксперты все-таки выторговали около 300 кв. км спорной территории. Местность эта и в наше время заселена не густо, но имеет определенное значение как горно-лыжный курорт.

Интересно, что на карту, добавленную к Протоколу к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине (29 июня 1945 г.), был помещен и южный участок советско-польской границы. Хорошо видно, что населенные пункты Лютовисько, Устшики-Дольне, Тирава Волоска отмечены картографами на советской стороне.<sup>770</sup> То, что 16 августа 1945 г. Москва согласилась с польскими аргументами, на первый взгляд, выглядит отступлением, сдачей позиций.

Думается, в Москве понимали, что Правительству Национального Единства необходима хоть одна маленькая победа на переговорах. Небольшие уступки от линии 1944 г. польской стороне были сделаны и в других местах прохождения линии границы: на юг от г. Крылова и в районе Беловежской Пущи.

Кроме чисто политических соображений поддержки Берута и Осубки-Моравского, возможно, дали себя знать и другие. То, что Народной Польше удалось, кое-что выторговать, могло свидетельствовать о демократизме переговоров и «добровольности» одобренных двумя сторонами решений. В будущем, при не очень благоприятном развитии событий, этот аргумент мог бы послужить Кремлю. Да и Киеву, в конце концов.

В заявлении представителю ТАСС, сделанном премьером Э. Осубкой-Моравским в связи с подписанием Договора, указывалось:

«Польский народ, который так много выстрадал в результате утраты своей независимости и который ценит эту независимость больше всего, никогда не был и не мог быть противником независимости украинцев, белорусов или литовцев, и сейчас, когда благодаря установлению новой границы осуществилось полное объединение этих народов, польский народ желает им от чистого сердца полностью воспользоваться благами свободы и национальной независимости. (...)

Для нас этот договор имеет еще и особенное исключительно важное значение. Он тесно и органично связан с нашими западными границами, которые мы полностью отстроили в исторических рамках на Ниссе, Одере и Балтике

<sup>770</sup> Сборник действующих договоров... Вып. XI. Карта между с. 32 и 33.

*благодаря тому, что фашистская Германия оказалась разгромленной Красной Армией и армиями союзников и благодаря доброжелательному отношению Союзных держав и особенно благодаря позиции СССР».<sup>771</sup>*

Если отстраниться от замечания о польском «чистом сердце» и «благах свободы и национальной независимости» для украинского и белорусского народов, то можно отметить интересную деталь. Польский руководитель непрямо признает, что восточная граница его государства опирается на принцип этнографический, в то время, как западная граница стала результатом «доброжелательного отношения» Союзников и особенно СССР.

В общем, Польша выиграла в сравнении с линией советско-германской границы 22 июня 1941 г. целых 22 тыс. кв. км, из них – около 2 тыс. кв. км за счет Украинской ССР. Речь идет обо всем Любачевском районе бывшего Львовского воеводства, большей части Ярославского, Перемышльского (с городом) районов и небольших участках районов Добромыльского, Равского и Яворовского.

Если, для сравнения, белорусские власти в ноябре 1990 г. во время пребывания в Минске польской делегации во главе с министром иностранных дел Криштофом Скубишевским настаивали на возвращении линии границы 22 июня 1941 г. на том основании, что Белорусская ССР не была представлена в августе 1945 г. на переговорах в Москве (впрочем, уже в августе 1991 г. эти претензии были сняты), то Украинская ССР, а позже и независимая Украина, никогда к вопросу о пересмотре границ между двумя государствами не возвращалась (если не брать во внимание «обмен территориями» 1951 г.).

Подписали Договор о границе от 16 августа 1945 г. был подписан Молотовым и Осубкой-Моравским. Ратифицировали стороны Договор в том же 1945 г. Вначале это сделала Москва, а 31 декабря 1945 г. и Краевая Рада Народова. В обоих случаях депутаты парламентов голосовали единогласно. Правда, для того, чтобы получить такой результат в Варшаве, пришлось пойти на небольшую хитрость – провести голосование в КРН без предварительного обсуждения вопроса депутатами.

<sup>771</sup> Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 2... С. 473.

В современной научной литературе, в частности польской, иногда можно встретить указания на то, что Договор о границе от 16 августа 1945 г. не может считаться правомерным ввиду нелегитимности Польского Правительства Национального Единства. В частности П. Эбергард писал:

*«После признания не только Советским Союзом, но равно Великобританией, Соединенными Штатами и Францией Правительства Народного Единства возникла в Варшаве власть, которая имела прерогативы выступать от имени государства. Дело это видится менее ясным, если посмотреть на этот вопрос через призму польской Конституции и польского права. При таком рассмотрении полноправным правительством Речи Посполитой и далее оставалось польское правительство в Лондоне, а варшавское правительство имело характер урзупаторский».*<sup>772</sup>

Попытаемся дать правовую оценку этому тезису польского историка. С точки зрения действующего на то время (лето 1945 г.) международного права, подход П. Эберхардта не выдерживает критики. «Можно сказать, что с точки зрения международного права, – писал Д. Анцилotti (работа вышла в свет первым изданием еще в 1928 г. и выдержала ряд послевоенных изданий), – не различают правительства законных и незаконных, *de jure* и *de facto*. Кто в действительности обладает высшей властью (*qui actu regit*), с точки зрения международного права – признается органом данного международного субъекта; кто фактически утрачивает власть, – перестает представлять государство в международных отношениях. Соглашения, заключенные с узурпаторами, сохраняют силу и должны соблюдаться даже правительством, восстановленным после междувластия».<sup>773</sup>

И далее:

*«Признание смены правительств имеет совсем иной характер, нежели признание государств, составляющее ос-*

<sup>772</sup> Eberhardt P. Cit. op. S. 200.

<sup>773</sup> Анцилotti Д. Указ. соч. С. 178.

нову международных отношений: признание смены правительства лишь удостоверяет происшедшее изменение, и тем самым констатирует на случай любых имеющих международное значение последствий, кто является высшим органом международных отношений данного государства. Если смена действительно произошла и обнаруживает признаки устойчивости, то другие государства не могут отказаться принять ее к сведению; отказ в признании, основанный на предполагаемой незаконности смены правительства, включал бы суждения, которые ни одно государство не уполномочено выражать, и предоставлял бы недопустимое вмешательство во внутренние дела этого государства. Но каждое государство сохраняет свободу оценивать эффективность и устойчивость смены правительства; и легко понять, какое широкое поле (возможностей) открывается для политических соображений, направленных как в пользу, так и против нового порядка вещей. (...) Во всяком случае, отказ в признании не затрагивает международной правосубъектности государства».<sup>774</sup>

Правительство Т. Арцишевского на указанное время утратило контроль над польским государством. Летом 1945 г. функционирующая на землях довоенной Второй Речи Посполитой Делегатура правительства и руководство Делегатуры вооруженных сил приняли решение ликвидировать свои организации на восточных землях. Это означало роспуск структур организации *Nie* (бывшей АК после ее перехода в подполье с приходом Красной Армии), остатков Делегатуры правительства и эвакуацию кадров польского подполья из Польши. В конце 1945 г. основные структуры подпольного польского государства перестали существовать как на бывших восточных землях, так и в самой Польше.<sup>775</sup>

Не подлежит сомнению, что во второй половине 1945 г. именно Временное Правительство Национального Единства составля-

<sup>774</sup> Аницилotti Д. Указ. соч. С. 178..

<sup>775</sup> Піскунович Г. Польське підпілля на південно-східних кресах Другої Речі Посполитої у 1939–1945 рр. // Україна–Польща: важкі питання. Том 1–2: Матеріали II міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини в 1918–1947 роках» (Варшава, 22–24 травня 1997 р.). Варшава: Tyrsa, 1998. С. 189.

ло реальную государственную власть в Польше, напротив, эмигрантское правительство в Лондоне утратило даже свои бывшие возможности контроля ситуации в стране: его структуры были частично разгромлены, частью объявили о своем самороспуске (Армия Крайова).

США и Великобритания не признавали Временное правительство Польши до его реорганизации в июне 1945 г. Это было правом, но не обязанностью Вашингтона и Лондона. Признание Временного Правительства Национального Единства как легитимной власти Польши позволяло этой стране и этому правительству отстаивать польские национальные интересы в Потсдаме. Легитимное польское правительство – Временное Правительство Национального Единства – было представлено в ООН с согласия всех государств основателей. Одним из международно-правовых актов ППНЕ стало подписание Договора о границе с Советским Союзом в августе 1945 г.

Польско-советская Делимитационная Комиссия осуществила демаркацию линии границы в период с 7 марта 1946 г. по 27 апреля 1947 г., т.е. относительно быстро. Для сравнения, делимитация общей границы в Восточной Пруссии затянулась до 1950 г.; Згоже-лицкий (Герлицкий) договор, определивший границы между ГДР и ПНР, был подписан только 6 июля 1950 г.

Не будем забывать, что внешнеполитическая ориентация Польши в 1946 – в начале 1947 гг. еще не была окончательно определена. Кроме того, до самого проведения печально известной операции «Висла» в так называемом Закерзонье продолжалась борьба отрядов УПА с польской коммунистической властью и остатками антикоммунистического подполья. Можно высказать предположение, что стремление сторон как можно быстрее завершить обустройство новой межгосударственной границы преследовало и определенные политические цели.

\* \* \*

15 февраля 1951 г. был подписан «Договор между Польской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик об обмене участками государственных территорий». Стороны провели обмен участков, общей площадью по 480 кв. км. В состав Украин-

ской ССР вошло так называемое «колено Буга», Польша получила участок такой же площади в районе Устрик Дольних. Это дало возможность СССР открыть несколько угольных шахт около Крыстынополя (ныне Червонограда), а Польше – построить плотину в Солине на Сане, завершить разработку практически исчерпанных нефтяных месторождений в указанном районе.

Бессспорно, при проведении указанного «обмена» доминировали интересы экономические, мнение местного населения во внимание не принималось. Понятно, что никакие плебисциты не проводились. С другой стороны, интересно отметить, что «линия Керзона» (в том виде, как ее изображали на советских картах) оставляла «колено Буга» на советской (или украинской) стороне.

#### **4.4. Расширение статуса союзных республик, вхождение Украинской ССР в состав государств-основателей ООН и проблемы западной границы СССР**

В соответствии с Конституцией УССР (10 марта 1919 г.) Украинская Республика в период с 1919 г. до 1923 г. имела своих дипломатических представителей в Англии, Польше, Италии, Австрии, Чехословакии, Литве, Эстонии, Латвии, Болгарии и других странах, а также подписала договора с рядом иностранных государств.

С образованием Союза ССР (30 декабря 1922 г.) его субъекты были лишены права вести самостоятельную внешнюю политику, в руках центра сосредотачивались и другие важные области государственной жизни.

Вступление СССР во Вторую мировую войну требовало большей централизации принципов государственного управления. В частности был образован Государственный Комитет Обороны, в руках которого сосредоточилась вся полнота власти, значительно расширены права наркомов союзных наркоматов. Однако этот процесс диалектически соединялся с расширением определенных полномочий СНК союзных республик и их наркоматов. Так, 18 июля 1941 г. постановление СНК СССР о расширении прав наркомов СССР было распространено на наркомов Российской Федерации и Украины. 23 июля того же года были значительно расширены права совнаркомов союзных республик по вопросам регулирования труда, пе-

реводу рабочих и служащих с одного предприятия на другое и т.д.<sup>776</sup> В 1943–1944 гг. в РСФСР, Украинской и Белорусской ССР образовались республиканские народные комиссариаты жилищно-гражданского строительства.

Комментируя изменения в государственном праве и системе государственного управления Союза ССР этого периода, американские юристы Дж. Хазард, И. Шапиро и П. Маггс утверждают, что:

*«Во время Второй мировой войны экономические и военные потребности вместе с масштабными потерями обученных администраторов заставили Сталина еще большие централизовать механизм государственного управления, но он потерпел неудачу при введении обещанных общесоюзных кодексов законодательства. Республики вышли из войны, и дальше усиливая свои кодексы 1922 г., одобренные еще перед объединением. Хотя об этом неоднократно напоминалось, составить общесоюзные декреты и уложения законов, обнародованные в годы после объединения, не удалось, республики сохранили, вопреки всему, независимые формы и некоторую, пусть и небольшую индивидуальность».*<sup>777</sup>

Под «кодексами» здесь, по нашему мнению, следует понимать, прежде всего, Конституции союзных республик. Произошло то, о чем в известной пословице говорится «не было бы счастья, так несчастье помогло». Вызванные войной изменения в общесоюзном законодательстве способствовали укреплению международного авторитета Украинской ССР, а на рубеже 80–90-х гг. минувшего века облегчили обретение независимости.

1 февраля 1944 г. X Сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва приняла Закон о предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного

<sup>776</sup> Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. Сб. док-тov. Т. 2. 1929–1945 г. М.: Соцэкгиз, 1957. С. 707; Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1943. С. 83–84.

<sup>777</sup> Hazard J., Shapiro I., Maggs P. The Soviet Legal System. Contemporary Documentation and Historical Commentary. Dobbs Ferry, New York: Oceana Publications, 1969. P. 31.

в союзно-республиканский. Соответственно была изменена и советская Конституция. Теперь в новой редакции союзной Конституции указывалось (ст. 18-А), что, каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями.

Попутно отметим, что одновременно с преобразованием наркомата иностранных дел из союзного в союзно-республиканский прошла аналогичная реорганизация наркомата обороны. В частности республиканским наркомом обороны УССР был назначен небезызвестный С. А. Ковпак. Тем не менее, никаких отдельных украинских вооруженных формирований так и не было образовано, хотя в Красной Армии сражались национальные азербайджанские (5 стрелковых дивизий), армянские (4 СД), грузинские (10 СД), таджикские, туркменские, казахские, киргизские, эстонские, литовские, латвийские, калмыцкие, башкирские, чечено-ингушские, кабардино-балкарские и даже китайские (!) национальные военные формирования.<sup>778</sup> Не парадокс ли – не имея собственных военных формирований (которые, к примеру, имели чеченцы или таджики), Украинская ССР, тем не менее, имела «собственную» внешнюю политику.

Расширение прав союзных республик получило весьма противоречивые оценки среди ученых – как отечественных, так и зарубежных.

*«Статус суверенных государств давал возможность Москве активней использовать советские республики в проведении централизованной внешней политики, прежде всего в решении вопросов будущего их членства в ООН, проблем послевоенных границ, – пишут В. Кульчицкий и Б. Тыщик. – Наличие двух министерств иностранных дел – общесоюзного и республиканского – создавало удачный инструмент, который посол США в Советском Союзе Гарриман метко назвал “двустрелкой”. По мнению американского дипломата, возвращение Западной Украины в состав Союза ССР в таком случае приобретало уже несколько*

<sup>778</sup> Градосельский В. В. Национальные воинские формирования в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 24.

иной вид: “Украинцы и белоруссы, – писал он, – объединяются опять же с Украинской и Белорусской республиками, не идут под господство Москвы. Но никаких реальных прав и свобод республика не получила”».<sup>779</sup>

Более осторожный в оценках В. Косык:

«Новые законы позволили России расширить свою пропаганду о “независимости” и “суверенности” советских национальных республик, в частности Украины. Советское руководство думало таким образом устраниить причину для существования украинского национализма».<sup>780</sup>

Американский специалист в области международного права украинского происхождения В. Шандор еще в 1985 г. Высказал следующее мнение:

«Требуя для Украины членства в ООН, Стalin руководствовался не числом голосов, а тем, что после войны вырастут освободительные движения порабощенных народов, и всякая защита прежнего правового и политического положения Украины на международном форуме будет затруднена. (...) Поэтому Москва решила эту проблему в своеобразный, типично московский способ. Конституционно и международно-правовым образом образовала внешне иллюзию независимого украинского государства в форме Украинской ССР, а фактически и впредь оставила Украину в полной зависимости от Москвы».<sup>781</sup>

Далее В. Шандор приходит к несколько неожиданному, как для американского автора, выводу:

«Независимо от того, как мы (американские. – В. М.) украинцы интерпретируем членство Украины в ООН, –

<sup>779</sup> Кульчицький В. С., Тищик Б. Й. Указ. соч. С. 210.

<sup>780</sup> Косик В. Україна під час другої світової війни 1938–1945... С. 474.

<sup>781</sup> Шандор В. Об'єднані нації і наша справа // Ювілейний альманах Українського Братського Союзу з нагоди 75 ліття. 1910–1985 / Ред. Д. Корбутяк. Woodstock, Md: УВС, б. р. С. 179, 181.

*выступает ли она государством, или только фикцией государства. (...) Украина в смысле устава на форуме ООН является государством. Именно этот момент наши братья на Украине поняли правильнее, нежели мы в свободном мире».<sup>782</sup>*

Своя точка зрения была и у западных исследователей:

*«Не было чистой случайностью, что Украина стала первой республикой, которая образовала комиссариат иностранных дел, – писал В. Аспатурьян, – 7 февраля 1944 г., всего за неделю после утвержденных изменений, А. Корнейчук, поверенный молотовского комиссариата в делах Польши, был освобожден от своих обязанностей и с практически неимоверной поспешностью оказался на должности комиссара иностранных дел Украины. (...) Фабрикуя юридические фикции, Кремль пытался трансформировать четко очерченный диспут между Польшей и Советским Союзом в путаницу “международной дискуссии”, в которую было бы вовлечено не менее чем полдюжины юридических субъектов, танцующих под струны, перебираемые в Москве».<sup>783</sup>*

По нашему мнению, все эти оценки – довольно односторонние. Сталин не мог образовывать новые субъекты международного права исключительно на собственное усмотрение. Согласимся, признание Украинской ССР и других союзных республик как субъектов международного права зависело в первую очередь от Объединенных Наций, а также от Правительств других зарубежных стран. Конечно, это «признание» стимулировалось Москвой. Вместе с тем признание новых субъектов международного права, в частности, Украинской ССР, включение их в Организацию Объединенных Наций как государств основателей, стремление некоторых государств Запада, в частности, Великобритании, наладить двухсторонние отношения и т.д. – в определенной мере отвечали интересам тех правительств, от которых зависела легализация

<sup>782</sup> Шандор В. Указ. соч. С. 179, 181.

<sup>783</sup> Aspaturian V. The Union Republics in Soviet Diplomacy... P. 65–66.

сталинской (тут будем откровенными) инициативы. А. Гарриман не был ребенком, которого могли ослепить маневры Кремля, – и этому есть десятки доказательств. Не была ли нужна советская союзно-республиканская дипломатическая «двустволка» самим Рузельту и Черчиллю для того, чтобы влиять на несговорчивых польских эмигрантов?

Попутно отметим, что В. Аспатурьян ошибается и в датах.

Союзно-республиканский Народный Комиссариат иностранных дел Украинской ССР был образован не 7 февраля, а 4 марта 1944 г. Тогда же, в начале марта 1944 г., было внесено дополнение к Конституции УССР. Ст. 15-Б конституции провозглашала: УССР имеет право вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами, подписывать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями.

«Расширение прав союзных республик» совпало по времени с мало ожидаемой международной активностью этих, до недавнего времени безголосых, объектов ленинско-сталинской национальной политики. 1 марта 1944 г. на сессии Верховного Совета Украинской ССР руководитель КП(б)У Н.С. Хрущев сделал заявление о том, что земли Холмщины, Грубешова, Ярослава и другие украинский народ рассматривает как свои исконные.<sup>784</sup> На заявление республиканского «вождя» о том, что: «Украинский народ будет добиваться включения в состав Украинской Советской Державы исконных земель, которыми являются Холмщина, Грубешов, Замостье, Томашов, Ярослав», депутаты Верховного Совета Украинской ССР ответили «бурными аплодисментами».<sup>785</sup> Со стороны это выглядело чуть ли не бунтом Киева против Москвы.

Интересно, что – по тем или иным соображениям – западные союзники СССР сразу же проявили определенную заинтересованность расширением прав союзных республик в области международных отношений и внешней политики. «Радянська Україна» сообщила о том, что, согласно полученных на 24 марта сообщений, в Народный Комиссариат Иностранных Дел УССР поступили поздравления от Чрезвычайного и Полномочного Посла в СССР господина А. Гарримана и Полномочного Посла в СССР господина Арчибальда Кларк-

<sup>784</sup> Сергійчук В. Трагедія українців в Польщі. Тернопіль: Книжково-журнальне видавництво «Тернопіль», 1997. С. 63.

<sup>785</sup> Радянська Україна. 1944. 2 березня.

Керра на имя А. Корнейчука в связи с его назначением Народным Комиссаром Иностранных Дел.<sup>786</sup> Эти поздравления можно считать признанием де-факто со стороны Великобритании и США.

Одновременно новообразованные внешнеполитические органы Украинской ССР, на то время еще не признанной де-юре ни одним государством мира в роли субъекта международного права, начали переговоры с такими же непризнанными международной общественностью польскими организациями, которые претендовали на роль послевоенного правительства Польши.

*«1 марта (1944 г. – В. М.), – пишет В. Аспатурьян, – из Москвы передали, что официальные лица Польского Национального Комитета уже далеко продвинулись в своих переговорах с украинскими политическими деятелями, и что одной из наиболее ярких личностей польской группы была Ванда Василевская, жена украинского комиссара иностранных дел; интимный характер контактов – выше любых сравнений».*<sup>787</sup>

Видимо, речь идет о контактах украинских чиновников с деятелями Союза польских патриотов в СССР.

Конечно, наибольшую выгоду от создания новых субъектов международного права собирались получить непосредственные инициаторы этого процесса. Уже 19 марта 1944 г. в разговоре В. Молотова с А. Гарриманом было подчеркнуто:

*«Наши украинцы и белоруссы критикуют нас за “линию Керзона”, указывая на то, что западнее этой линии существуют чисто украинские и белорусские районы, с передачей которых Польше они могут не согласиться».*<sup>788</sup>

Западные авторы настаивают на том, что украинская карта в сталинской колоде была изначально фальшивой. Возможно. Но даже если согласиться, что это был политический блеф, не нужно забывать, что за ним стояли судьбы тысяч людей.

<sup>786</sup> Радянська Україна. 1944. 25 березня.

<sup>787</sup> Aspaturian V. The Union Republics in Soviet Diplomacy... P. 66.

<sup>788</sup> Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны... Т. 2. С. 60.

Как только Красная Армия вступила в Галицию, пишет В. Сергийчук, Никита Хрущев поставил вопрос о присоединении к УССР тех западных земель, которые в 1939 г. были отданы Гитлеру. В архивных фондах сохранились его проекты насчет образования Холмской области в составе УССР, а также о присоединении к Дрогобычской области Западной Галиции.<sup>789</sup>

Ученный цитирует письмо Н. Хрущева к И. Сталину от 20 июля 1944 г. с предложением образовать Холмскую область в составе Украинской ССР:

*«К Советской Украине следует присоединить следующие районы: Холм, Грубешов, Замостье, Томашов, Ярослав и некоторые другие пункты, которые примыкают к вышеуказанным районам. Из этих районов можно образовать в составе УССР Холмскую область».*<sup>790</sup>

В том же 1944 г. (без точной даты) руководитель КП(б)У направил Сталину предложение о включении Холмщины, Надсянья и Лемковщины, а также Закарпатской Украины и Южной Буковины в состав УССР. Документ имел название «Справка об административном делении Холмской губернии, Западной Галиции, Закарпатской Украины и Южной Буковины». Предлагалось образование Холмской области: территория – 12 310 кв. км, население – 797 039, в т. ч.: украинцев и русских – 313 719 – 39,3 %; поляков – 363 288 – 45,5 %; евреев – 93 581 – 11,7 % (по данным переписи 1921 г.).

Предлагалось включить в состав Дрогобычской области часть Западной Галиции, Лемковщину: территория – 6 156 кв. км; население – 509 448, в т. ч.: украинцев и русских – 202 879 – 39,82 %; поляков – 278 739 – 54,71 %, евреев – 24 420 – 4,80 % по данным польской переписи 1921 г.

Хрущева, этого бесхитростного Портоса советского компартийного аппарата, не останавливали соображения численного преобладания неукраинского населения на территориях, предлагаемых для «присоединения». Например, в Южной Буковине, упомянутой

<sup>789</sup> Сергійчук В. Трагедія українців в Польщі... С. 63.

<sup>790</sup> Там же. С. 65.

в документе, украинцы и русские насчитывали 50 519 чел. – лишь 14,73 %, а румын было 196 265 чел. – 57,22 %.

В. Сергійчук обнаружил в украинских архивах и ввел в научный оборот многочисленные письма от украинских сельских общин с просьбами включить территории за «линией Керзона» в Украинскую ССР: от крестьян с. Ласкаве Грубешовского района Холмской области (*sic!*), с. Жабча Грубешовского района Холмской области, с. Потуржин Грубешовского района Холмской области, с. Радостова волости Потуржин Грубешовского района, с. Дутрова волости Потуржин, с. Довгобичева, с. Васыльев, с. Новоселки волости Потуржин, с. Посадово Телятинской волости.<sup>791</sup> Есть подобные письма обращения и в ДАЛО (Государственном архиве Львовской области).

Симптоматично, что инициативы Н. С. Хрущева о «присоединении» (что думал, о том и писал) украинских исторических земель к Украинской ССР стали известны лишь после 1991 г. Зная про то, как Никита Сергеевич решил проблему Крыма на пользу Украинской ССР, найдя для этого все необходимые аргументы, можно не сомневаться, что и в 1944 г. он был так же вполне чистосердечен, и у Сталина действительно были некоторые основания – с известной долей иронии – говорить о том, что «наши украинцы могут нас не понять».

Бот как описывает Д. Флеминг эмоциональное выступление Сталина на Ялтинской конференции:

«Политика откладывания спора насчет западных границ России к мирной конференции обанкротилась. (...) Запад теперь был рад предложить “линию Керзона” 1919 г. Когда поступило это предложение, Сталин начал говорить с наибольшим за все время конференции воодушевлением. (...) “Вы навлечете на нас позор, – объявил он. – Белоруссы и украинцы скажут, что Сталин и Молотов были куда худшими защитниками России, чем Керзон и Клемансо”. Тем не менее, после длительной и горячей дискуссии Сталин принял “линию Керзона” и добровольно согласился, что будут сделаны отступления от этой линии от пяти до восьми километров в пользу Польши в некоторых местах».<sup>792</sup>

<sup>791</sup> Сергійчук В. Трагедія українців в Польщі... С. 83–93.

<sup>792</sup> Fleming D.F. Cit. op. С. 202.

В современной украинской литературе упреки Сталину, который якобы «подарил полякам исконные украинские земли», стали уже постулатом, который даже не требует доказательств.

Если придерживаться такой логики, то этим сталинские подарки, сделанные якобы за украинский счет, не ограничиваются. Так, 1 марта 1945 г. была образована Украинская Национальная Рада Пряшевщины, которая обратилась к председателю Совета министров УССР, добиваясь «присоединения» четырех районов Словакии – Стропкив, Бардиев, Гуменне и Межиляборцы – к Украине; но «Киев обошел молчанием эту просьбу своих земляков».<sup>793</sup> Действия пряшевских украинцев весной 1945 г. зашли довольно далеко: решения Пряшевской Национальной Рады об объединении с Советским Союзом были опубликованы в газете «Пряшевщина» 18 марта 1945 г.<sup>794</sup> Представить себе, что в тылу Красной Армии в то время могли публиковаться материалы, не согласованные с советской цензурой, согласимся, наивно.

Почему же Сталин не взял то, что, по местечковой логике, само просилось в руки? Объяснение, которое предлагается современными авторами читателям, внешне простое: украинские интересы для Сталина были только ширмой, за которой он прятал имперские устремления России; кроме того, для коммунистической Москвы важной виделась задача создания мировой системы социализма, ради которой легко можно было пожертвовать украинскими интересами.

Забывается, что Советский Союз действовал не в политическом вакууме, был членом Объединенных Наций. Внешнеполитические шаги СССР должны были, по крайней мере, формально, вкладываться в рамки международного права, в частности подписанных им международно-правовых соглашений (начиная с Атлантической хартии).

Допустим, Сталин в 1944 г. поставил перед союзниками, польским эмигрантским правительством и КРН вопрос о присоединении к уже существующей Дрогобычской области части Западной Галиции и об образовании новой Холмской области. Сразу бы возникли два встречных вопроса. Первый: на основе *чего*? Второй: как должны союз-

<sup>793</sup> Марунчак М. Українці в Румунії, Чехо-Словаччині, Польщі, Югославії. Вінніпег: Загальна бібліотека, 1969. С. 15.

<sup>794</sup> Magocsi P. R. Galicia. A Historical Survey and Bibliographic Guide. Toronto – Buffalo – London: Canadian Institute of Ukrainian Studies and Harvard Press, 1983. P. 47.

ники относятся к Советскому Союзу, чья подпись стоит под Атлантической хартией, и который неоднократно заявлял, что готов на уступки полякам (возвращение от границы 22 июня 1941 г. на «линию Керзона»)? В свое время Гитлер каждый свой внешнеполитический шаг: введение войск в демилитаризированную Рейнскую зону, аншлюс Австрии 1938 г., требование *возвращения* немецко-говорящих Судет и т.д. – объявлял якобы последней справедливой просьбой Германии, после чего никаких новых территориальных требований якобы уже не будет. Аналогии должны были возникнуть неминуемо.

Думается, Сталин в сентябре 1939 г. не стал присоединять Варшавские предместья на правом берегу Вислы и другие этнические польские земли (хотя секретный протокол, на первый взгляд, допускал такую возможность) не случайно. Заглядывая вперед, советский диктатор просчитал свои дальнейшие аргументы: никто иной, как Совет Послов Версальской Конференции, который трудно за-подозрить в симпатиях к Советской России, в свое время предлагал «линию Керзона» как линию разграничения между Польшей и Советской Украиной. Для усиления аргументации Сталин провел в Западной Украине и Западной Белоруссии плебисциты, причем «разрешил» четверти взрослого населения в той или иной форме (бойкот выборов в Народные Собрания, забаллотирование официальных кандидатов) высказать свое несогласие. Последнее обстоятельство позволяло – в случае необходимости – аргументировано отстаивать мнение, что плебисцит проводился на действительно демократической основе. Эти аргументы Сталина, если и не убедили окончательно Черчилля и Рузвельта, то разрешили им, по крайней мере, сохранить хорошую мину при плохой игре. Сталин, – могли объяснять они своим демократическим оппонентам, – играет жестко, но играет по правилам – точнее, придерживаясь принципиальных положений международного права в том виде, как оно сложилось к середине XX в.

Стоило Сталину выложить на стол переговоров письма украинских крестьян, чьи поля и усадьбы оказались западнее «линии Керзона», и неустойчивый консенсус в отношениях с западными союзниками был бы раз и навсегда нарушен. Можно было, конечно, настаивать на проведении референдума-плебисцита в присутствии западных наблюдателей после окончания боевых действий против гитлеровской Германии на спорных территориях. Но тогда – конеч-

но, при условии соблюдения демократических требований – следовало ожидать весьма интересных результатов, особенно, если бы западным союзникам удалось отстоять встречное требование о проведении повторного плебисцита, например, в Львове.

Признаем ту простую истину, что политика – это искусство возможного. В арсенале Сталина, кроме собственно военной силы, были только два мощных международно-правовых аргумента. Первый ему дали Великие Державы, которые после заключения Сен-Жерменского договора с побежденной Австрией временно оказались в роли суверена Галиции. Предложенная ими ситуационная «линия Керзона» отсекала от Польши внушительные польские анклавы, например, Львов. При условии демократического опроса местного населения польско-говорящий послевоенный Львов за «воссоединение» с Украинской ССР вряд ли голосовал бы. Но факт оставался фактом – международная общественность уже один раз признала эти территории не польскими. Вторым международно-правовым аргументом могло служить право наций на самоопределение. Stalin сумел сделать невозможное: в октябре-ноябре 1939 г. крепко связать эти два аргумента в единое целое. Голоса польских, преимущественно городских избирателей как бы растворились в украинском крестьянском море. Когда же Рузельт попробовал настаивать на проведении повторных послевоенных плебисцитов на присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. территориях, Stalin в Тегеране сумел отбить и этот выпад. Сошлись на мнении, что таким подтверждением воли присоединенного населения будут служить выборы – советские выборы! – при том, что международный контроль во время их проведения принципиально не допустим, поскольку это якобы будет расценено как « унижение » Советского Союза.

Современные оппоненты Сталина правы в том, что, отказывая украинскому населению так называемого Закерзонья, Пряшевщины, Марамарощины в его более или менее искреннем тяготении к воссоединению с Украинской ССР, Кремль ставил целью образование эвентуального «социалистического лагеря» в Восточной Европе. При этом были особо учтены интересы стран, которые могли считать себя обиженными Советским Союзом. Польша «теряла» Западную Украину, Западную Белоруссию, Виленщину, но «приобрела» территории, которые при другом раскладе сил вошли бы в состав Германской Демократической Республики. Это же касается

Чехословацкой Республики, которая после войны получила полосу территории вдоль всей границы с Германией. Румынию, недовольную «потерей» Бессарабии и Северной Буковины, «утешили» Трансильванией, хотя социалистическая Венгрия имела все основания для того, чтобы быть недовольной. Следовательно, для решения украинской проблемы Сталин жертвовал внутренним благополучием в будущем социалистическом лагере (недовольны ГДР, ПНР, Венгрия), а не наоборот.

Напрашивается еще один – несколько парадоксальный – вывод. Заботясь о нуждах создания «социалистического лагеря», Сталин одновременно заботился о будущей безопасности западных границ Советского Союза в целом и Украинской ССР в частности. Границы с соседними народно-демократическими (социалистическими), как планировалось на перспективу в Кремле, государствами должны были стать в полном понимании *границами дружбы*. Даже в случае прихода к власти в Польше, Чехословакии, Румынии антикоммунистических правительств, Варшаве, Праге или Бухаресту необходимо было несколько раз подумать, прежде чем начинать борьбу за пересмотр границ с Украинской ССР. Во-первых, соседи могли сразу же поставить вопрос о *возврате* территорий, утраченных ими после Второй мировой войны, – не без вмешательства СССР – в пользу новоявленных борцов за справедливость. Во-вторых, напоминания о собственных *исторических правах* со стороны недружественной Варшавы или, для примера, Праги позволило бы советской стороне напомнить о своих *исторических правах*, не реализованных в 1945 г. Послевоенные западные границы СССР создавались с определенным запасом прочности, рассчитанными на разные политические неожиданности.

В конце концов, так оно и вышло. Только с посткоммунистической Румынией независимая Украина имела определенные территориальные проблемы, которые были решены путем двухсторонних переговоров между государствами (даже остров Змеиный Румыния признала украинским).

На Ялтинской конференции было согласовано приглашение delegаций Украинской и Белорусской ССР для участия в работе учредительной конференции Организации Объединенных Наций.

В свое время на собраниях Лиги Наций Великобритания вместе с доминионами имела 6 голосов (с 1923 по 1937 гг. – вместе с Ирлан-

дией даже 7). Соединенные Штаты, как известно, не ратифицировали Версальский договор, и в состав Лиги Наций в межвоенный период не входили. Не вызывает сомнения, что одним из весомых соображений для такой обструкции стало доминирование в Лиге Великобритании с ее доминионами. Чтобы создать условия эффективной деятельности ООН, в Ялте был согласован план расширения участия во вновь создаваемой организации для Союза ССР (за счет 2 или 3 дополнительных голосов от союзных Республик), а также для США, которым планировалось предоставить несколько дополнительных мест одновременно с республиками СССР.

Украинский эмигрантский специалист в области международного права В. Голуб обращает внимание на следующую деталь ялтинских договоренностей:

«Видим интересный и чрезвычайно важный факт, что **Сталин выдвинул Украину в ООН не потому, что ему нужно было получить больше голосов для себя**. Соглашаясь на равнозначное увеличение голосов для США и на предоставление шести голосов для Британской империи, он совсем аннулировал значение своих трех голосов. Если бы ему было необходимо количество голосов для себя, он бы никогда бы не согласился на увеличение голосов для США. Следовательно, видимо, какие-то другие причины заставили **Сталина потребовать допущения Украины и Белоруссии (и Литвы – хоть, видимо, неудачно) в ООН**».<sup>795</sup>

По мнению зарубежного правоведа, такими мотивами Сталину послужила возрастающая роль Украины в Союзе ССР и ее возможное стремление к независимости и выходу из Союза ССР. В. Голуб приводит выдержку из воспоминаний Э. Стеттиниуса о доверительном замечании И. Сталина, высказанном в кулуарах Ф. Рузельту: «Голос для Украины является необходимым для сохранения единства СССР».<sup>796</sup> Не вступая в научную полемику с В. Голубом, обратим внимание на обстоятельство, которое осталось для него незамеченным. И Украина, и Белоруссия, и Литва, «назначенные» Сталиным

<sup>795</sup> Голуб В. Указ. соч. С. 15–16.

<sup>796</sup> Там же. С. 16.

в ООН, еще с 1939 г. имели нерешенный территориальный спор с Польшей. Границы именно этих советских республик еще не были урегулированы де-юре.

В итоговых документах Ялтинской конференции решение о допуске УССР и БССР к членству в ООН, уже в основном согласованное руководителями стран Большой Тройки, тем не менее, не упоминается. Рузвельт хотел лично разъяснить его членам американского конгресса. Черчилль также предстояло подумать, под каким углом лучше изложить этот вопрос в палате общин. В марте 1945 г. сообщение об обязательстве США поддержать это советское требование просочилось в американскую прессу и вызвало достаточно широкую критику. Президент Рузвельт распорядился срочно опубликовать официальное заявление, которое подтверждало принятую США обязательство.

*«Кстати, – писал позже госсекретарь США Э. Стеттиниус, – возражений против нашего согласия на немедленное предоставление дополнительных голосов в Ассамблее ООН Украине и Белоруссии, по сути, не было. В ходе дебатов в сенате о ратификации Устава ООН этот вопрос фактически даже не затрагивался».<sup>797</sup>*

Думается, приведенная цитата может свидетельствовать о, в целом, позитивном отношении американских законодателей к вопросу расширения прав союзных республик и перспективе их преобразования в полноправные субъекты международного права.

Предоставление Украинской ССР места в Организации Объединенных Наций означало признание международной общественностью де-юре нового субъекта международного права, который тем самым получил возможность в дальнейшем в качестве суверенного государства самостоятельно осуществлять защиту своих внешнеполитических интересов.

Как известно, Украинская ССР не была представлена в Лиге Наций, как в конечном итоге не были представлены в этой организации и США. Де-юре Лига Наций продолжала свое существование и

<sup>797</sup> Стеттиниус Э. «Аргонавт» // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М.: Политиздат, 1988. С. 372–373.

после начала Второй мировой войны. Однако, на Ялтинской конференции вопрос о возобновлении этой организации не стоял, будущая ООН должна была существенно отличаться от своей предшественницы.

В западной литературе иногда прослеживается тенденция обвинять в ликвидации Лиги Наций Советский Союз.

*«Как инструмент политического действия, – писал в 1947 г. профессор Колумбийского университета Артур Нуссбаум, – Лига Наций закончила свое существование с началом Второй мировой войны, за исключением того, что в декабре 1939 г. вывела из своего состава Россию вследствие ее агрессии против Финляндии. Русская враждебность, появившаяся в результате этой акции, поставила заслон любой реконструкции Лиги Наций (в послевоенный период. – В. М.)».*<sup>798</sup>

На наш взгляд, это несколько предвзятый подход. Во-первых, были свои сложности с реанимацией Лиги Наций и у действующей американской администрации, в частности, этот шаг означал бы публичное признание ошибочности собственной позиции накануне Второй мировой войны (как известно, Ф. Рузвельт был впервые избран президентом США еще в 1932 г.). Во-вторых, и это неоднократно отмечалось на Западе, Организация Объединенных Наций не стала неким «вторым изданием» Лиги Наций, во многих отношениях она радикально отличалась от нее.

*«Лига Наций, – писал американский специалист по вопросам международного права Перси Корбет, – никогда даже не задумывалась привести в действие международные военные силы, чтобы остановить агрессию или принудить (агрессора) к реституции. Под ее руководством были организованы экономические санкции как усилие предотвратить итальянское завоевание Эфиопии, но слабость (политической) воли и конфликт интересов между ее членами, которые согласились на санкции, умалили общие усилия до*

<sup>798</sup> Nussbaum A. A Concise History of Law of Nations... P. 250.

*того уровня, когда они стали скорее вовсе немощными, нежели сдерживающими».<sup>799</sup>*

В противовес этой политике громких деклараций и немощных усилий Организация Объединенных Наций задумывалась как действенный инструмент по поддержанию мира во всем мире, с межнациональными вооруженными силами и скоординированной политикой всех ее субъектов.

Соединенные Штаты Америки не были членом и не принимали участие в работе межвоенной Лиги Наций. Организация Объединенных Наций, напротив, была образована на конференции в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.; в этом городе был подписан и Устав ООН), а ее штаб-квартира постоянно пребывает в Нью-Йорке. Можно говорить о серьезном влиянии США на процесс формирования целей и принципов ООН, а вместе с тем и на появление «нового» международного права.

Однако не все инициативы США были поддержаны учредительной конференцией ООН:

*«Когда на конференции в Сан-Франциско было предложено, чтобы Объединенные Нации осуществили не только провозглашение, но также и защиту прав человека, – писал американский специалист в области прав человека и международных отношений Э. Швельб, – это предложение не было принято. Более того, в Хартию (Раздел 2/7) также было помещено соответствующее указание, гласившее, что ничто в ней (Хартии. – В. М.) не уполномочивает Объединенные Нации вмешиваться в дела, которые пребывают под государственной юрисдикцией каждого из государств-членов. Это часто называют «клавузой домашней юрисдикции». Поскольку права человека традиционно исходят из домашней юрисдикции государств, кое-кем был сделан вывод, что Объединенные Нации не имеют реальных основ настаивать на защите прав человека в государствах-основателях».<sup>800</sup>*

<sup>799</sup> Corbett P. Cit. op. P. 38.

<sup>800</sup> Shwelm E. Cit. op. P. 26.

Для Украинской ССР такой подход (невмешательство во внутренние дела), зафиксированный в Хартии Объединенных Наций 1945 г. вопреки инициативе США, кроме всего прочего, означал еще и гарантию отсутствия международного контроля над проведением выборов в Советы в ее западных областях.

5 марта 1945 г. правительство США от своего имени, а также правительства Великобритании, СССР и Китая разослали приглашения на конференцию в Сан-Франциско на 25 апреля 1945 г. правительствам 40 государств мира. Украинская ССР и Белорусская ССР в этом списке пока что отсутствовали. Причина состояла не столько в дискриминационных намерениях Вашингтона, сколько в необходимости технического решения согласованного на Ялтинской конференции вопроса о предоставлении СССР трех мест в Ассамблее новосозданной Организации.

26 апреля 1945 г. правительства УССР и БССР передали всем делегациям конференции Объединенных Наций заявления с выражением желания присоединиться к Международной Организации безопасности и принять участие в конференции в Сан-Франциско. Обращение подписали председатель СНК УССР Н. С. Хрущев и министр иностранных дел УССР Д. З. Мануильский. Одновременно был распространен Меморандум правительства Украинской ССР, вместиивший описание географии и истории республики. В нем в частности была упомянута площадь государственной территории – 578 тыс. кв. км, а также утверждалось, что «на протяжении 1939–40 гг. Западная Украина, Северная Буковина и населенная украинцами часть Бессарабии на основании свободного волеизъявления своего населения воссоединились с Советской Украиной».<sup>801</sup>

Как видим, несмотря на нерешенность вопроса о западной границе УССР с Польшей и Румынией де-юре, украинская советская дипломатия настолько была уверена в бесспорности своих прав на воссоединенные территории, населенные преимущественно украинцами, что не побоялась включить соответствующие территориальные требования в важный международно-правовой документ. С другой стороны, принятие Украинской ССР в состав Организации Объединенных Наций, осуществленное на основании Заявления и

<sup>801</sup> Українська РСР на міжнародній арені: Зб. документів і матеріалів 1944–1961 pp. Київ: Політвіддав УРСР, 1963. С. 81.

Меморандума, означало бы международно-правовое признание суверенитета УССР и целостности ее «воссоединенной» территории со стороны всех государств-членов ООН. Нелишне напомнить, что членами-основателями ООН стало 51 государство мира.

27 апреля 1945 г. на втором пленарном заседании конференции Объединенных Наций единодушно была принята резолюция о включении Украинской ССР и Белорусской ССР в так называемые *initial members*, т.е. государства-основатели новой международной организации. 30 апреля – принятая резолюция о приглашении делегаций Украинской ССР и Белорусской ССР на конференцию.

Украинский эмигрантский специалист в области международного права В. Голуб писал:

*«Как видим, политический ход был сделан чрезвычайно удачно. Своим меморандумом правительство УССР заставило 47 наций ООН голосовать за принятие Украины. Делегация Украины не появилась в Сан-Франциско до тех пор, пока не была официально всеми членами приглашена. Тем самым ялтинские торги великих держав были фактически аннулированы (а юридически они никогда и не существовали!). Украина не вступила в ООН, как марионетка ялтинских «трех великих», а была принята туда всеми нациями. Следовательно, вступление Украины в члены ООН полностью отвечал всем принципам, понятиям и формальностям существующего международного права».*<sup>802</sup>

С этим мнением нельзя не согласиться.

Украинская делегация в составе 6 человек прибыла в Сан-Франциско уже 6 мая 1945 г. Интересно, что представитель Украинской ССР еще 1 мая 1945 г. (то есть до официального прибытия делегации) вошел в состав Комитета № 1 по общим вопросам и был избран Председателем Комиссии № 1 указанного комитета «Преамбула. Цели. Принципы». Парадоксально, но именно представитель государства, чьи границы на то время еще не были окончательно признаны де-юре, руководил (конечно, чисто номинально) разработкой целей и принципов ООН.

<sup>802</sup> Голуб В. Указ. соч. С. 30.

22 мая руководитель украинской миссии Д. Мануильский дал пресс-конференцию для журналистов, аккредитованных в Сан-Франциско. Объявил, что «мы за сильную, независимую, демократическую и дружественную нам Польшу» (под «мы», очевидно, следовало понимать Украинскую ССР) и разъяснил:

*«Многие представляют себе взаимоотношения между нашими республиками и общесоюзным правительством таким, как сложились исторически взаимоотношения между правительством Вашингтона и отдельными штатами. Это ошибка. (...)*

*Это союз равноправных отдельных национальных государств, каждое из которых имеет национальную государственную суверенность, имеет свою конституцию, свой отдельный парламент».*<sup>803</sup>

Выскажем предположение, что одной из многих целей указанного заявления стала попытка представить договора и соглашения, которые правительство Украинской ССР подписывало с соседними государствами в 1944 – первой половине 1945 гг., как полноценные международно-правовые акты. Тем самым договоренности Украинской ССР с ПКНО, в частности, о линии границы и о взаимном обмене населением как бы повышались в ранге к статусу международных договоров суверенных государств.

Сообщение о приглашении УССР и БССР стать членами-основателями Организации Объединенных Наций было опубликовано в «Радянській Україні» только 3 июня 1945 г. Причем из публикации следовало, что инициатива в этом приглашении исходила от делегации СССР. Отмечалось также, что «представители Советского Союза высказали свое согласие с предложением США, заявив, что можно было бы довести количество голосов Соединенных Штатов Америки до трех».<sup>804</sup>

Президиум Верховного Совета УССР ратифицировал Устав Организации Объединенных Наций и Устав Международного Суда 21 августа 1945 г.<sup>805</sup>

<sup>803</sup> Українська РСР на міжнародній арені... С. 96.

<sup>804</sup> Радянська Україна. 1945. 3 червня.

<sup>805</sup> Українська РСР на міжнародній арені... С. 57.

Сегодня сохраняется дискуссионность вопроса, насколько суверенной была Украинская ССР в 1939–1945 гг. Только дав ответ на него, можно сложить оценку соглашениям УССР с ПКНО (например, о взаимной эвакуации населения и т.д.), деятельности делегации УССР на конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско и т.п.

Известный специалист в области международного права профессор университета Миннесоты (США) Г. фон Глан в свое время утверждал, что Украинская ССР и Белорусская ССР «не получили общего признания как независимые государства ни в правовом понятии, ни на практике».<sup>806</sup>

Более осторожным в оценках был американский знаток международного права У. Гулд. Сформулировав несколько вопросов, как то: полным или ограниченным является право УССР и БССР на заключение международных договоров; могут ли они самостоятельно выступать в Международном Суде Юстиции и тому подобное, – У. Гулд утверждал: «эти и связанные с ними вопросы не могут получить дефинитивного ответа в данное время» (выделено мной. – В. М.) Следовательно, по убеждению У. Гулда: «Украинская и Белорусская республики не являются государствами».<sup>807</sup> Обратим, однако, внимание на симптоматическую оговорку – «в данное время».

Как известно, в основу союзного договора 1922 г. и Конституции СССР 1936 г. была положена так называемая теория ограниченного суверенитета национальных республик. Расширение прав республик, осуществленное в 1944 г., не имело решающего значения (но только на практике, а не в теории), поскольку речь шла о тоталитарном союзном государстве. В свое время выдающийся «теоретик советского права» А. Вышинский считал, что суверенитет – не свойство государства, а способность государственной власти быть независимой и самостоятельной. Потом эту точку зрения подвергли сокрушительной критике. Потом – опять вспомнили. «Международная практика (...) подтвердила, что истина находится, где то посередине, – считает известный украинский теоретик права А. Чалый. – Суверенитет – не просто свойство, но еще и способность реализовать то, чем называешься».<sup>808</sup>

<sup>806</sup> **Glahn G, von.** Cit. op. P. 67.

<sup>807</sup> **Gould W.** Cit. op. P. 201.

<sup>808</sup> Суверенитет в государственном и международном праве. «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 18.

Применительно к нашему конкретному случаю необходимо, прежде всего, отделить теорию от практики. Не подлежит сомнению, что расширение суверенитета союзных республик в реальной обстановке 1945 г. практически полностью нивелировалось личным диктатом И. Сталина и его политического окружения. Этому хватает доказательств: достаточно вспомнить практику решения вопроса о так называемой Закерзонской Украине.

С другой стороны, после смерти Сталина, и особенно в годы так называемой «перестройки» этот, в прошлом бумажный, суверенитет быстро стал наполняться конкретным смыслом. В итоге, как известно, все завершилось официальным провозглашением суверенитета Украинской ССР Верховным Советом УССР (16 июля 1990 г.), Декларацией независимости Украины (24 августа 1991 г.), Референдумом 1 декабря 1991 г. и распадом Союза ССР. Во всех этих случаях Украинская ССР действовала в том правовом поле, которое ей де-юре предоставляла действующая на то время Конституция СССР и международное право.

Обращаясь к международно-правовой деятельности Украинской ССР на завершающем этапе Второй мировой войны, признаем следующие реалии:

- Украинская ССР была де-юре субъектом международного права;
- это право де-юре признавалось Объединенными Нациями;
- следовательно, международно-правовое значение договоров и соглашений Украинской ССР – вне всякого сомнения.

Другое дело, что свой суверенитет в объеме, провозглашенном де-юре Конституцией УССР, Украина смогла в полной мере осуществить не ранее 1990–1991 гг.

Недопустимо осуществлять подмену понятий, как это любят делать зарубежные (особенно польские), да – частично – и украинские историки и правоведы. То, что Украинская ССР в рамках Союза ССР до начала 1990-х гг. не могла в полном объеме осуществлять надлежащие ей права, не означает, что она этих прав не имела.

Специалисты в области международных отношений и международного права при рассмотрении запутанных казусов из практики часто обращаются к аналогиям с римским частным и публичным правом. Пойдем и мы этим путем. Известно, что полным объемом гражданских прав в Риме пользовались не только полноправные

граждане-квириты, так называемые *отцы семейств*, но и эмансипированные *сыновья семейств* – еще при жизни своего отца семейства. После проведения обряда *манумиссии* (отпуска на свободу) такой эмансипированный сын мог не только заключать все защищенные правом гражданские соглашения от собственного имени и приобретать имущество «для себя», но и занимать все магистратские посты, а также избираться в Сенат (зависимые *сыновья семейств* этого права были лишены). Такие вещи, как действительный характер отношений между отцом и эмансипированным сыном, правом во внимание не брался.<sup>809</sup>

В тех конкретных случаях, когда Украинская ССР на практике свои суверенные права осуществляла, международно-правовое значение ее договоров и соглашений – бесспорно. Исключение порождала только особы контрагента. Так, ПКНО в сентябре 1944 г. не был субъектом международного права, следовательно, по формальным международно-правовым нормам, соглашение об обмене населением от 9 сентября 1944 г., действительно, не было легитимным.

Плодотворная работа в ООН была не единственным направлением внешней политики Украинской ССР на этом этапе. Тем более что уже вскоре Москва обвинила своих недавних союзников по антигитлеровской коалиции в «нарушении принципов» этой организации.<sup>810</sup>

Даже после подписания советско-польского договора о границах от 16 августа 1945 г., окончательно установившего линию послевоенных границ между Польшей и Украинской ССР, соответствующие польско-украинские межгосударственные контакты, в частности по вопросам взаимной эвакуации населения, не были прерваны.

На первый взгляд, та поспешность, с какой Киев во второй половине 1945 г. – в начале 1946 г. стремился завершить взаимную эвакуацию украинского и – особенно – польского населения, не находит разумного объяснения. Ведь, как утверждают западные авторитеты международного права, государство, давшее согласие осуществить цессию, не может через какое-то время отречься от своей уступки.<sup>811</sup>

<sup>809</sup> Макарчук В. С. Основи римського приватного права. Вид. 2-ге, доп. Київ: Атіка, 2003. С. 92–93.

<sup>810</sup> Вышинский А. Я. Вопросы международного права и международной политики. М.: Изд-во юридической литературы, 1951. С. 5.

<sup>811</sup> An Introduction to International Law... P. 157.

Интересным в этой связи видится мнение американского знатока международного права У. Гулда:

*«Цессия становится такой, что набрала силу, только при условии действительного перехода суверенных прав. Эта точка зрения была высказана в решениях Постоянного суда Международной Юстиции в деле **Определенных Немецких Интересов в Польской Верхней Силезии** (1926 г.) и деле **Маяков на Крите и Самосе** (1937 г.). В этих случаях суд объявил, что должно произойти полное исчезновение политических связей между государствами и территориями, которые подлежат цессии, и что трансферт не состоялся, даже если в других отношениях договор цессии уже вошел в силу в соответствии с правом договоров».*<sup>812</sup>

Другими словами, оставлять сотни тысяч, если не миллионы польских подданных на территориях, подлежащих цессии в соответствии с советско-польскими соглашениями, было нежелательно не только с оглядкой на вполне понятные практические неудобства (предоставление места работы и проживания, паспортный режим, уголовная и административная ответственность иностранных подданных и другое), но и с учетом действия норм международного права. Только после завершения взаимной эвакуации населения дело цессии можно было считать окончательно состоявшимся.

## Выводы к разделу 4

На заключительном этапе Второй мировой войны правительствам США и Великобритании приходилось сосредотачивать внимание на приоритетах собственной внешней политики, таких как победное завершение войны в Европе и Азии (против Японии), опасность прихода к власти недружественных или крайне левых правительств во Франции, Италии, на Балканах, на послевоенное устройство Германии и прочее. Границы послевоенной Польши в списке этих приори-

<sup>812</sup> Gould W. Cit. op. P. 358.

тетов не числились. Лондон и Вашингтон были даже в определенной мере заинтересованы в том, чтобы послевоенная Польша не состояла в слишком тесных отношениях с Союзом ССР. Таким образом, недовольство поляков восточными границами, по мнению западных политиков, можно было бы использовать в собственных целях.

Правительства С. Миколайчика и Т. Арцишевского связывали свои надежды с ослаблением СССР в ходе войны и весьма вероятным конфликтом между союзниками по антигитлеровской коалиции после разгрома Германии. Поэтому польское эмигрантское правительство проявляло неуступчивость, не соглашаясь даже на отдельные шаги навстречу Москве и Киеву в вопросах послевоенной границы.

Что же касается западной границы, то и С. Миколайчик, и Т. Арцишевский, равно как и их окружение, требовали от союзников предоставления возможно больших территориальных уступок за счет побежденной Германии. Такая нереалистическая линия поведения эмигрантов позволяла Москве навязывать мировой общественности мнение, что эмигрантское правительство Польши – полностью бесперспективное. В конце концов, с этим согласились и в западных столицах. Образование компромиссного Польского Правительства Национального Единства (июнь 1945 г.) сопровождалось его признанием со стороны Великобритании и США, а также разрывом отношений этих двух держав с правительством эмигрантов.

Де-юре линия послевоенной польско-советской границы была установлена межгосударственным Договором от 16 августа 1945 г. Договор требовал последующей ратификации парламентами двух стран и обмен ратификационными грамотами (февраль 1946 г.). Только после этого он де-юре стал действующим правом. Однако де-факто советские власти осуществляли суверенитет на территориях восточнее «линии Керзона», начиная со вступления на них Красной Армии с января 1944 г.

Напротив, на западе Красная Армия, изгоняя отступающие немецкие войска из Силезии, западной части Восточной Пруссии, Данцига, передавала управление этими территориями в руки польских военных и гражданских властей. Это убедительно свидетельствует, что Москва определила основные контуры польских границ, как на востоке, так и на западе, и уже с первой половины 1944 г. придерживалась их де-факто.

Основным международно-правовым аргументом Молотова и Сталина в 1944–1945 гг. стал постулат права наций на самоопределение. Причем, если в 1939–1941 гг. акцент делался на том, что Народные Собрания в Львове и Белостоке были общенародными плебисцитами, а их решения являются окончательными и бесповоротными, то в 1944 г. советская позиция несколько смягчилась: Польские земли – полякам, украинские – украинцам, белорусские – белорусам, литовские – литовцам. Это позволило возрожденной Польше «вернуть» многие себе тысячи кв. км своей довоенной территории, в 1939–1941 гг. входившие в состав СССР.

Вместе с тем советская сторона решительно возразила против идеи повторного плебисцита на спорных с Польшей территориях, проводимого под контролем третьих государств. В качестве такого плебисцита, настаивали в Москве, следует брать итоги будущих выборов в местные, республиканские и всесоюзный Советы.

Возможно, давали о себе знать не только опасения вслед за Белостоком (где в октябре 1939 г. проходило Белорусское Народное Собрание) потерять еще и Львов, где проходило Украинское Народное Собрание, но и другие соображения. В частности, изменилось отношение населения Западной Украины к советской власти; часть западных украинцев, как следствие советской репрессивной политики, осуществляемой в 1939–1941 гг. на западно-украинских землях, поддержала национально-освободительную борьбу УПА.

С другой стороны, в украинских селах и местечках т.н. Закерзонского края распространенным было стремление к воссоединению с основным украинским массивом. Это скрывало в себе потенциальную угрозу нового витка напряженности польско-советских отношений, на этот раз уже в отношениях Кремля с новым польским правительством.

Формально взяв на вооружение аргумент права наций на самоопределение, Кремль и новые польские власти на самом деле решали вопросы об эвентуальной польско-советской границе путем двухсторонних переговоров и взаимных уступок. Действительные желания населения в этих торгах во внимание не бралось, линию границы определяли дипломаты и эксперты, а не участники плебисцита на спорных территориях.

По нашему мнению, в тех исторических условиях это был единственно целесообразный путь решения проблемы польско-украинс-

кого разграничения. Безусловно, печально, что для Украинской ССР (а с 1991 г. – для независимой Украины) навсегда остались утраченными этнические территории Засядья, Лемковщины, Холмщины, Подляшья. Свой счет потерю могут выставить и поляки.

Выскажем предположение, что выходом из острой ситуации 1945 г. даже теоретически не мог бы послужить плебисцит. Его практическое осуществление в тех конкретно-исторических условиях, с учетом действия всех внутренне- и внешнеполитических факторов представляется весьма проблематичным. Выступая в теории сторонником новых принципов международных отношений и *нового* международного права (эти принципы положены в основу уставных документов Организации Объединенных Наций), Советский Союз на практике прибегал к использованию старых международно-правовых норм и *старой* практики международных отношений.

Что же касается британской позиции (напомним, что правительство У. Черчилля длительное время выступало в роли посредника на переговорах между представителями Союза ССР и польского эмигрантского правительства), то она сводилась к следующему: потери Советского Союза в войне против Германии – это тот вклад, который сделал СССР в дело освобождения Польши и восстановления Польского государства; они дают ему морально-правовые основания установить границу вдоль «линии Керзона». Этнографический фактор в этом урегулировании не столь уж важен (иначе трудно было бы объяснить полякам *потерю* Львова). Польше компенсируют ее потери на востоке предоставлением давних польских земель на западе, за счет разгромленного Третьего Рейха. В чистом виде – это подходы и методы того, *старого*, международного права, которое существовало еще до Первой мировой войны.

Прилагая усилия для решения «польской» проблемы, правительства Черчилля, а позднее и Эттли, заботились, прежде всего, об интересах Британии. Лондон вполне устраивало *старое* международное право и старая практика закулисного решения мировых конфликтов узкой группой так называемых Великих Держав, к которым традиционно принадлежала Великобритания.

Специфическую позицию в вопросе эвентуальной польско-советской границы занимали США. Вашингтон выступал с внешне демократическими лозунгами утверждения новых принципов международного права после окончания мировой войны. Тем не менее,

политическая линия и Ф. Рузвельта, и Г. Трумэна никогда не была чисто абстрактной или альтруистичной.

Провозглашенное еще В. Вильсоном право наций на самоопределение ставило, по сути, своей задачей освобождение колониальных территорий из-под влияния прежних метрополий – Англии, Франции, Голландии, что, в свою очередь, неминуемо приводило к усилению американских вначале экономического, а затем и политического влияния в этих странах.

Осуждать СССР, Англию, США, равно как и любое другое государство мира или его правительство, за то, что соображения национальных интересов доминировали у них над абстрактными общими принципами, не приходится.

Тем не менее – не в последнюю очередь вследствие твердой позиции США – окончательное урегулирование вопроса польско-советской границы проходило в формальном соответствии с преимущественно новыми нормами международного права. Польша получила законное Правительство, признанное ведущими государствами мира; Правительство это признало право наций на самоопределение (в формуле: польские земли – полякам, украинские – украинцам, белорусские – белорусам, литовские – литовцам); линия польско-советской границы была установлена Договором от 16 августа 1945 г., в обсуждении и подписании которого де-юре принимали участие только две заинтересованные стороны, без вмешательства третьих стран.

Под давлением Лондона и Вашингтона в аргументах лондонских поляков со второй половины 1944 г. впервые появился этно-демографический аргумент. С. Миколайчик в октябре 1944 г. отступил от бывшей непримиримой позиции Рижской линии 1921 г. и сделал попытку отстоять этно-демографические границы на востоке. Прежний аргумент лондонских поляков, что «Львув (Вильно и т.д.) – то есть польске място» пополнился аргументом экономико-культурным – Львов, Вильнюс (список можно продолжить) не только населенные пункты, где сосредоточено в основном польское население, но и неотъемлемые элементы польской экономической и культурной жизни, потеря которых угрожает моральному здоровью нации.

Поляки люблинские, в силу отсутствия выбора, приняли «линию Керзона» в качестве послевоенной польско-советской границы. У люблинских поляков, однако, был один мощный аргумент

для овладения массами: дружественные связи с Советским Союзом позволяют вернуть исторические земли так называемой пястовской Польши, утраченной в ходе германской колонизации, еще с X–XI в. В этой связи довольно логично звучал аргумент «безопасности границ» (за счет Германии), взятый целиком из арсенала *старого* международного права.

Так называемое расширение прав союзных республик, осуществленное Москвой в начале 1944 г., ставило целью весьма прагматические задачи, а именно: облегчение дела международно-правового признания западных границ, расширения представительства Союза ССР в новообразуемой Организации Объединенных Наций и т.п. В целом эти расчеты оказались верными.

Вместе с тем необходимо отметить и тот факт, что предоставление «бумажного» (в условия сталинского диктата) суверенитета Украинской ССР и другим союзным республикам создавало, по крайней мере, де-юре, новые субъекты международного права, признанные как таковые десятками государств мировой общности. Тем самым урегулирование относительно узкой проблемы международно-правового признания польско-советской границы имело решающее значение для дальнейшего исторического пути украинского народа и других народов Союза ССР, поскольку облегчило обретение ими независимости на рубеже 80–90-х гг. XX в.

Важно отметить и тот факт, что обретение своей западной границы украинский народ осуществлял не только волей и усилиями союзного Советского государства, его военной машины и союзной коммунистическо-московской дипломатии, но и собственными, пусть и не столь впечатляющими и масштабными действиями. Такими как соглашение с ПКНО, мероприятия по взаимной эвакуации (обмену) населения с Польшей, представительские шаги украинской делегации в ООН и т.п.



## ВЫВОДЫ



## ВЫВОДЫ

1. Изучение исторических предпосылок и международно-правовых основ вхождения западно-украинских земель в состав объединенного Украинского государства в его исторической форме Украинской ССР приводит к выводу о необходимости строгого соблюдения требований доктрины интерtempорального права для правовой оценки исторических событий 1939–1945 гг., обусловивших воссоединение. Недопустимо говорить о деликтности поведения Москвы и Киева с позиций *de lege ferenda*, т.е. права будущего, того, которое сложилось после принятия Устава ООН в 1945 г. Все международные соглашения и нормативно-правовые акты, а также внешнеполитические акции Советского Союза по отношению к другим субъектам международного права, осуществленные им до 1945 г., необходимо рассматривать в их соответствии нормам *de lege lata*, т.е. того международного права, которое действовало в указанное время.

2. Следует особо учитывать то обстоятельство, что исторический период от окончания Первой мировой войны и до принятия Устава ООН в 1945 г. – это эпоха сосуществования, взаимной борьбы и постепенной замены норм т.н. старого международного права нормами нового, или современного международного права.

В частности, старое международное право признавало за своими субъектами право на войну, допускало широкий спектр силовых методов давления на государство-контрагента с целью получения уступок, с пониманием относилось к практике пересмотра существующих межгосударственных границ и прочее. Очень широко понималось право на самозащиту, включая сюда и так называемое право на самопомощь, т.е. фактическое разрешение субъектам международного права на осуществление силовых акций, ставящих целью устранение создавшейся в силу действий других государств угрозы для национальной безопасности. Наряду с этим, некоторые привычные институты нового международного права только проходили свою апробацию в обычной практике межгосударственных отношений. Примером такого обновления и расширения норм *jus cogens* международного права может служить утверждение в межвоенное (1918–1939 гг.) время права наций на самоопределение как обычной нормы права, а в период после 1945 г. – признание его в качестве императивной нормы нового международного права.

3. Активная внешнеполитическая деятельность нацистской Германии в 1935–1939 гг., сотрудничество Великих Держав (прежде всего Великобритании и Франции) с Берлином в деле аншлюса Австрии и мюнхенского расчленения Чехословакии, а также оккупация Польшей Тешинской Силезии и Венгрией Карпатской Украины создали ряд важных прецедентов, имевших большое значение для развития обычного международного права.

Москва и Киев, которые впервые заявили о своем несогласии с польской оккупацией Восточной Галиции еще в марте 1923 г., соответственно, оказались перед выбором: защищать существующий версальский мировой порядок (который сложился в неблагоприятных для РСФСР и УССР, международных условиях и мало учитывали национальные интересы украинцев и белоруссов), или присоединиться к тому кругу государств (не только к Германии и Италии, но и к Польше, Венгрии, Болгарии и др.), которые активно использовали лозунг права наций на самоопределение для изменения существующих европейских границ за этнодемографическим принципом.

4. Вопреки укоренившемуся в исторически-правовой науке мнению, ни пакт Риббентропа-Молотова, ни т.н. секретный протокол к нему деликтами, учитывая нормы *de lege lata*, считаться не могут. Разделение мира на сферы влияния – один из типичных институтов старого международного права. Взаимное признание Берлином и Москвой заинтересованности Литвы в Виленской области, помещенное в секретном протоколе 23 августа 1939 г., а также ряд других соображений приводят к выводу, что в Москве Молотов и Риббентроп готовили второй Мюнхен, в этот раз за счет Польши. Общее выдвижение территориальных претензий к Варшаве со стороны Германии, СССР и Литвы с использованием тех возможностей, которые предоставляло старое международное право, могло оказаться эффективным и без объявления войны.

Даже если признать широко распространенный тезис о том, что секретный протокол к пакту Риббентропа-Молотова был якобы «соглашением о расчленении Польши», то следует сразу же сделать оговорку, что такое расчленение могло быть осуществлено без нарушения норм действующего международного права.

5. Советский Союз не несет международно-правовой ответственности (как с учетом норм старого, так и нового международного

права) за нападение Гитлера на Польшу. Не исключено, что этот шаг нацистской Германии стал неожиданностью для Кремля. В любом случае вступление вермахта в области Второй Речи Посполитой, определенные в секретном протоколе как советская сфера интересов, и активные попытки Берлина сохранить контроль над этими территориями (предложение Венгрии, консультации с А. Мельником), были не только нарушением недавно подписанного тайного соглашения, но и создавали реальную опасность для Союза ССР. Тем самым так называемый Освободительный поход Красной Армии 17 сентября 1939 г. стал реализацией признанного в международном праве того времени права на самопомощь – безотносительно к факту подписания пакта о ненападении с Германией.

6. Вступление советских войск на территорию Восточной Польши, осуществленное в сентябре 1939 г., нельзя квалифицировать как международно-правовой деликт, хотя при этом были формально нарушены действующие советско-польские договоры, в частности Рижский мир 1921 г., Пакт о ненападении 1932 г. и другие.

Международное право признает т.н. клаузулу неизменных обстоятельств, хотя и запрещает ссылаться на нее, когда речь идет о договорах, которые устанавливают границы между государствами. Суть оговорки *rebus sic stantibus* сводится к тому, что государство имеет право отказаться от договора, если подверглись существенным изменениям те обстоятельства, которые в свое время предопредели его заключение.

Все межвоенные советско-польские соглашения основывались на предположении, что их заключение – на взаимных началах – гарантирует безопасность западной границы Союза ССР от вражеского (не обязательно польского) нападения. Эта гипотеза составляла главное основание указанных договоров. Предполагалось, что Вторая Речь Посполитая будет продолжать свое существование как суверенное, независимое государство. Полный разгром армии и развал государственного аппарата Польши коренным образом изменил международную обстановку. Следовательно, исчезли те основания, которые побуждали в свое время Москву гарантировать неприкосновенность восточной польской границы. Вместе с тем, в Заявлении Советского правительства от 17 сентября 1939 г. не шла (и не могла идти) речь о смене государственно-территориального статуса областей, в которые вводились части и подразделения Красной Армии.

7. Смена международно-правового статуса Западной Украины и Западной Белоруссии де-юре произошла не вследствие дебелляции (завоевания), хотя международное право того времени и предоставляло такую возможность. Это изменение стало результатом волеизъявления местного населения, осуществленного в ходе плебисцита в форме Народных Собраний Западной Украины и Западной Белоруссии.

Обвинения о якобы нелегитимном характере указанных плебисцитов следует откинуть как не обоснованные. Общая практика организации такого рода плебисцитов в период 1919–1944 гг. не отличалась стерильными условиями их проведения. Выборы в Народные Собрания Западной Украины (октябрь 1939 г.) были относительно демократичными, об этом в частности свидетельствует тот факт, что около 25 % избирателей сумели в той или иной форме (голоса против, неявка на выборы и прочее) высказать свое несогласие с предложенными кандидатами. При оценке результатов западно-украинского плебисцита основное внимание следует обращать на действительную волю населения. В целом, не подлежит сомнению, что в октябре 1939 г. преимущественное большинство местного населения желало воссоединения, возможно, не представляя себе все возможные последствия такого решения.

8. Признание легитимности решений Народных Собраний Западной Украины и Западной Белоруссии означает признание наличия правовой основы решений Верховных Советов Союза ССР и соответствующих союзных республик о включении областей, в которых проводился референдум, в свой состав.

Предоставление 30 ноября 1939 г. гражданства Союза ССР бывшим поданным Второй Речи Посполитой определило их новый правовой статус в период между 30 ноября 1939 г. и 30 июля 1941 г. (дата заключения польско-советского союзного соглашения). Следовательно, эта категория граждан может на равных основаниях претендовать на те или иные льготы и выплаты, устанавливаемые законодательством независимой Украины для своих граждан (пенсии, компенсации имущества при реабилитации и прочее).

9. Государственно-территориальный статус западно-украинских и западно-белорусских земель в период с 30 июля 1941 г. по 16 августа 1945 г. следует считать неопределенным (спорным). В пользу этого предположения свидетельствует то, что Советский Союз по

собственной инициативе объявил о готовности пересмотреть линию довоенной западной границы (30 июля 1941 г.), дал согласие признать польское гражданство части населения (имевшего польские корни) западно-украинских, западно-белорусских и литовских земель, согласился на их мобилизацию в ряды польской армии и даже обещал передать Польше все те районы, где будет выявлено этнографическое преобладание польского населения (заявление Сталина в Тегеране). С другой стороны, в этот период заявления о возможности урегулирования территориального вопроса путем пересмотра линии советско-польской границы 1939 г. после завершения мировой войны делали как деятели польского эмигрантского правительства (С. Миколайчик в марте и октябре 1944 г.), так и Польского Комитета Национального Освобождения (ПКНО) и Временного Правительства Национального Единства (ВПНЕ).

10. Вопреки распространенному в советской исторической науке положению о якобы открытости и принципиальности внешней политики СССР в годы Второй мировой войны, эта политика была гибкой и даже весьма противоречивой.

В силу собственных государственных интересов основные союзники Союза ССР по антигитлеровской коалиции – Великобритания и США – выступали адептами двух диаметрально-противоположных концептуальных подходов в международном праве. Англия, продолжая оставаться колониальной империей, была готова удовлетвориться теми политическими реалиями и правилами игры, какими их устанавливали старое международное право с его привычными институтами: колониальными империями, сферами влияния, доминирующей ролью Великих Держав и пр. Соединенные Штаты Америки, стремясь расширить собственные рынки сырья и рынки сбыта, напротив, стремились к переменам, выступая апологетами признания права наций на самоопределение. Советская дипломатия использовала эти противоречия, оперируя как аргументами из области старого международного права (например, аргумент безопасности границ) в двухсторонних отношениях с Лондоном, так и нового (аргумент плебисцита) в отношениях с Вашингтоном.

11. Установление окончательной линии советско-польской межгосударственной границы стало делом правительств двух заинтересованных стран. Спекуляции вокруг того, что эта линия была определена в Тегеране или Ялте, не выдерживает критики. Если бы

тегеранские или ялтинские договоренности окончательно определили эту линию, все дальнейшие консультации (и торги) по этому поводу правительства Великобритании и США с представителями польского эмигрантского правительства потеряли бы смысл. Напротив, Советский Союз не имел бы нужды делать уступки Польше в Москве во время подписания двухстороннего советско-польского Договора о границе 16 августа 1945 г. Западные союзники по антигитлеровской коалиции объявили в Ялте лишь о своей готовности признать этнографическую линию советско-польского разграничения, при этом были готовы закрыть глаза на вхождение этнически польского Львова в состав Украинской ССР, но специально навязывать полякам эту линию – особенно после завершения военных действий в Европе и получения монополии на ядерное оружие – отнюдь не спешили.

12. Материалы научного исследования свидетельствуют о том, что расширение прав союзных республик, осуществленное в феврале-марте 1944 г. соответствующими постановлениями Верховного Совета ССР и Верховных Советов союзных республик, означало переход Украинской ССР на качественно высший уровень субъекта международного права.

Это не только дало возможность принять участие в работе учредительной конференции Организации Объединенных Наций в качестве члена-основателя этой влиятельной международной организации, но и позволило успешно решать вопросы международно-правового признания новой западной границы Украины. То обстоятельство, что Украинская ССР на протяжении практически всего времени своего пребывания в составе Союза ССР не могла в полной мере использовать предоставленные ей де-юре возможности, не означает, что она этими возможностями не обладала.

## ПРИЛОЖЕНИЕ



# ПРИЛОЖЕНИЕ

## Список использованных источников

### 1. Источники

#### 1.1. Опубликованные источники:

1. Боротьба за возз'єднання Західної України з Українською РСР. 1917–1939: Зб. док. та матеріалів / Ін-т історії партії при ЦК Компартії України – філіал ін-ту м.-л. при ЦК КПРС: Ред. кол. Яремчук Д. А. (відп. ред.) та ін. Київ: Наукова думка, 1979. 558 с.
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 1. 22 июня 1941 – 31 декабря 1943. М. : Госполитиздат, 1946. 803 с.
3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 2. 1 января 1944 – 31 декабря 1944. М.: Госполитиздат, 1946. 687 с.
4. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: В 3-х т. Т. 3. 1 января 1945 – 3 сентября 1945. М.: Госполитиздат, 1947. 791 с.
5. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Для служебного пользования. Т. I. (1917–1920 гг.) / Отв. ред. Лозовский С. А. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1944. 572 с.
6. Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Т. II. (1921–1924 гг.) / Отв. ред. Лозовский С. А. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1944. 979 с.
7. Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Т. III. (1925–1934 гг.) / Отв. ред. Лозовский С. А. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1945. 801 с.
8. Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Т. IV. (1935 – июнь 1941 гг.) / Отв. ред. Лозовский С. А. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1946. 647 с.
9. Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Т. V. (июнь 1941 – сентябрь 1945 гг.) / Отв. ред. Лозов-

- ский С. А. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1947. 836 с.
10. Возз'єднання українського народу в єдиній Українській Радянській державі. 1939–1949 рр.: Зб. док. і матеріалів. Київ: Держполітвидав, 1949. 212 с.
11. Возвзвание Фюрера к Германскому Народу и Нота Министерства Иностранных Дел Германии Советскому правительству с приложениями. Берлин: Buch-und Tiefdruck Ges. m.b.H., б. г. 77 с.
12. Волинь і Холмщина 1938–1947. Польсько-українське протистояння та його відлуння. Дослідження, документи, спогади. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. 813 с.
13. Воссоединение украинского народа в едином Украинском Советском государстве (1939–1949 гг.): Сб. документов и материалов. Киев: Госполитиздат Украины, 1949. 221 с. + 2 портр.
14. Гаагская Конвенция от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях войны // Законы и обычай войны. Важнейшие международные конвенции. М.: Юридическое изд-ство НКЮ СССР, 1942. 32 с.
15. Декларація про входження Західної України до складу Української Радянської Соціалістичної Республік (Прийнята Народними Зборами Західної України 27 жовтня 1939 р.) // Вільна Україна. 1939. 28 жовтня.
16. Декларація про державну владу в Західній Україні (прийнята Народними Зборами Західної України 27 жовтня 1939 р.) // Вільна Україна. 1939. 28 жовтня.
17. Декларація про конфіскацію поміщицьких земель (прийнята Народними Зборами Західної України 28 жовтня 1939 р.) // Вільна Україна. 1939. 29 жовтня.
18. Декларація про націоналізацію банків і великої промисловості Західної України (прийнята Народними Зборами Західної України 28 жовтня 1939 р.) // Вільна Україна. 1939. 29 жовтня.
19. Депортациї. Західні землі України кінця 30-х – поч. 50-х рр. Документи, матеріали, спогади: У 3-х т. Т. 1. 1939–1945. Львів: НАН України, Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 1996. 750 с.
20. Депортациї. Західні землі України кінця 30-х – поч. 50-х рр. Документи, матеріали, спогади. У 3-х т. Т. 2. 1946–1947. Львів: НАН України, Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 1996. 536 с.

21. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Сб. документов. Т. 2. 1929–1945 годы. М.: Соцэкгиз, 1957. 484 с.
22. Договір мировий в St. Germain (art. 203–205). Оречення найвищого суду // Життя і право. 1929. Ч. 2. С. 17–18.
23. Документы внешней политики СССР. Т. 3. 1 июля 1920 г. 18 марта 1921 г. М.: Госполитиздат, 1959. 723 с.
24. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939: В 2-х т. Т. 2. Январь–август 1939. М.: Политиздат, 1981. 415 с.
25. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939 – декабрь 1943. М.: Наука, 1973. 510 с.
26. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. Январь 1944 – декабрь 1945. М.: Наука, 1974. 679 с.
27. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. V. Май 1926 г. – декабрь 1932 г. М.: Наука, 1967. 611 с.
28. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. Дек. 1943 – май 1945. М.: Наука, 1983. 472 с.
29. Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г. М.: Юриздан НКЮ СССР, 1943. 294 с.
30. Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции. М.: Юриздан НКЮ СССР, 1942. 32 с.
31. Конференция руководителей трех союзных держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму. М.: Госполитиздат, 1945. 20 с.
32. Конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании в Тегеране. Материалы конференции от 28 ноября – 1 декабря 1943 г. М.: ОГИЗ, 1943. 22 с.
33. Крымская конференция. Уинстон Черчилль, Антони Иден. Речи в Палате Общин 27 и 28 февраля 1945 года. М.: Отдел печати Великобританского посольства, 1945. 48 с.
34. **Мануильский Д. З.** Заключительное слово по национальному и колониальному вопросам // Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Ч. 1. М.-Л.: Госиздат, 1925. 1007 с.
35. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М.: Госиздат, 1926. V, 464 с.

36. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской революции. Вып. 1. Акты советской дипломатии. М.: Госиздат, 1928. 430 с.
37. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской революции. Вып. 2. Акты дипломатии иностранных государств. М.: Госиздат, 1929. 367 с.
38. Международное право в избранных документах. М.: Изд-во Ин-та международных отношений, 1957. Т. 2. 319 с.
39. Международное право в избранных документах. М.: Изд-во Ин-та международных отношений, 1957. Т. 3. 415 с.
40. Международное право в избранных документах: В 3-х т. М.: Изд-во Ин-та международных отношений, 1957. Т. 1. 308 с.
41. **Молотов В. М.** Вопросы внешней политики. Речи и заявления. Апрель 1945 – июнь 1948 г. М.: Госполитиздат, 1948. 587 с.
42. **Молотов В. М.** О внешней политике Советского Союза: Доклад председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. Л.: ОГИЗ, 1939. 20 с.
43. Нота Правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 г. // Правда. 1939. 18 сентября.
44. Нота Правительства СССР, врученная утром 17 сентября 1939 г. Послам и Посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР // Правда. 1939. 18 сентября.
45. Нюренбергский процесс над главными военными преступниками: Сб. материалов: В 3 т. / Под общ. ред. Руденко Р. А. Т. 2. Военные преступления. Преступления против человечества. М.: Юридическая литература, 1966. 799 с.
46. Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик: Сб. документов. М.: Юридическая литература, 1972. 735 с.
47. Организация Объединенных Наций: Сборник документов. М.: Наука, 1981. 647 с.
48. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.) / М-во иностр. дел СССР. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. 464 с.

49. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (Август 1941 г. – декабрь 1945 г.) / М-во иностр. дел СССР. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. 320 с., ил.
50. Постанова Військової Ради Українського фронту про затвердження «Положення про вибори до Українських Зборів Західної України» // Вільна Україна. 1939. 7 жовтня.
51. **Постишев П. П.** Виступ на III з'їзді колгоспників-ударників Київської області про соціалістичне будівництво в УРСР та соціальний і національний гніт у Західній Україні // Боротьба за возз'єднання Західної України з Українською РСР. 1917–1939: 36. документів і матеріалів. Київ: Наукова думка, 1979. С. 403–411.
52. Про день виборів депутатів у Верховну Раду СРСР від західних областей Української РСР і Білоруської РСР: Указ Президії Верховної Ради СРСР, 20 січня 1940 р. // Комуніст. 1940. 22 січня.
53. Про затвердження складу обласних виборчих комісій по виборах у Верховну Раду Української Радянської Соціалістичної Республіки: Указ Президії Верховної Ради УРСР, 19 жовтня 1940 р. // Комуніст. 1940. 20 жовтня.
54. Про затвердження складу окружних по виборах у Раду національностей виборчих комісій від Волинської, Дрогобицької, Львівської, Рівенської, Станіславівської, Тернопільської областей УРСР: Указ Президії Верховної Ради УРСР, 1 лютого 1940 р. // Комуніст. 1940. 2 лютого.
55. Про реабілітацію жертв політичних репресій в Україні. Закон УРСР від 17 квітня 1991 р. № 962-XII. Із змінами та доповненнями, внесеними Законами України від 15 травня 1992 р. № 2353-XII. ВВР. 1992 р. № 32. Ст. 456; 19 листопада 1992 р. № 2803-XII. ВВР. 1993 р. № 2. Ст. 9 // Закони України. Т. 1. 1990–1991. Київ: Українська правнича фундація, 1996. С. 441–447.
56. Про розмежування областей між Українською Радянською Соціалістичною Республікою і Білоруською Радянською Соціалістичною Республікою: Постанова Верховної Ради СРСР, 4 квітня 1940 р. // Комуніст. 1940. 8 квітня.
57. Про утворення виборчих округів по виборам до Ради Союзу і в Раду Національностей від західних областей Української РСР і

- Білоруської РСР: Указ Президії Верховної Ради СРСР, 20 січня 1940 р. // Комуніст. 1940. 22 січня.
58. П'ятий Всесвітній Конгрес Комуністического Интернаціонала 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Ч. I. М.-Л.: Госиздат, 1925. 1007 с.
59. П'ятий Всесвітній Конгрес Комуністического Интернаціонала 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Ч. II (Приложения). М.-Л.: Госиздат, 1925. 312 с.
60. Розкол ОУН (1939–1940). Збірник документів. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Львівський державний ун-т ім. І. Франка, 1997. 136 с.
61. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. X. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1937 – и 21 июня 1941. М.: Госполитиздат, 1955. 239 с.
62. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. 22.VI.1941 – 2.IX.1945. М.: Госполитиздат, 1955. 200 с.
63. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. 3. IX.1945 – 31.XII.1946. М.: Госполитидат, 1956. 199 с.
64. Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. Т. 2. 1938–1967. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1968. 751 с.
65. Советский Союз – Народная Польша. 1944–1974. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1974. 664 с.
66. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов [В 6 т.]. М.: Политиздат, 1978–1980. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М.: Политиздат, 1978. 422 с.
67. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов [В 6-ти т.]. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). М.: Политиздат, 1978. 198 с.

68. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов [В 6-ти т.]. Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 авг. – 28 сент. 1944 г.). М.: Политиздат, 1977. 294 с.
69. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов [В 6-ти т.]. Т. 4. Крымская конференция конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). М.: Политиздат, 1979. 326 с.
70. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов [В 6-ти т.]. Т. 5. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апр. – 26 июня 1945 г.). М.: Политиздат, 1980. 710 с.
71. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов [В 6-ти т.]. Т. 6. Германская (Потсдамская) конференция конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945 г.). М.: Политиздат, 1980. 551 с.
72. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1984. 510 с.
73. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 2. 1944–1945 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1984. 575 с., ил.
74. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 1. 1941–1943 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1983. 542 с.
75. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 2. 1944–1945 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1983. 494 с., ил.
76. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 1.

- 1941–1943 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1983. 431 с.
77. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 2. 1944–1945 / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1983. 573 с., ил.
78. Соціалістичні перетворення в західних областях Української РСР. 1939–1979: Зб. документів і матеріалів. Київ: Наукова думка., 1980. 547 с.
79. Тегеран – Ялта – Потсдам: Сб. документов. Изд. 3-е. М.: Международные отношения, 1971. 416 с.
80. Указ Верховного Совета СССР «Об образовании Волынской, Дрогобычской, Львовской, Ровенской, Станиславской и Тарнопольской областей в составе Украинской ССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 38.
81. Україна в Другій світовій війні у документах: Зб. німецьких архівних матеріалів. Т. 1. / Укл. Косик В. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Львівський державний ун-т ім. І. Франка, Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України, 1997. 384 с.
82. Україна в Другій світовій війні у документах: Зб. німецьких архівних матеріалів (1941–1942). Т. 2 / Укл. Косик В. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Львівський державний ун-т ім. І. Франка, Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України, 1998. 384 с.
83. Україна в ХХ столітті (1900–2000): Зб. документів і матеріалів / Упоряд.: Слюсаренко А. Г., Гусєв В. І., Король В. Ю. та ін. Київ: Вища школа, 2000. 351 с.
84. Українська РСР в міжнародних відносинах. Міжнародні договори, конвенції, угоди та інші документи, які складені за участю Української РСР, або до яких вона приєдналася (1945–1957). Київ: АН Української РСР, 1959. 751 с.
85. Україна на міжнародній арені: Зб. документів і матеріалів: У 2-х кн. Київ: Юрінком Інтер, 1998. Кн. 1. 736 с.
86. Україна на міжнародній арені: Зб. документів і матеріалів: У 2-х кн. Київ: Юрінком Інтер, 1998. Кн. 2. 496 с.
87. Українська РСР в міжнародних відносинах. Міжнародні договори, конвенції, угоди та інші документи, які складені за участю Ук-

- райнської РСР, або до яких вона приєдналася (1945–1957). Київ: АН Української РСР, 1959. 751 с.
88. Українська РСР на міжнародній арені: 36. документів і матеріалів 1944–1961 рр. К.: Політвидав УРСР, 1963. 576 с.
89. **Черчілль У.** Вперед, к победе! Речь в Палате общин 22 февраля 1944 г. М.: Отдел печати Великобританского посольства, 1944. 20 с.
90. **Черчілль У.** Отчет народу. Речь в Палате общин 28 сентября 1944 года. М.: Отдел печати Великобританского посольства, 1944. 20 с.
91. A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941–1945. Prepared at the Request of the Senate Committee of Foreign Relations. New York: Greenwood Press Publishers, 1968. 1381 p.
92. Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. 2-gie wydanie. T. 1: Wrzesien 1939 – czerwiec 1941. Londyn: Studium Polski Podzienmei, 1970. 584 s.
93. Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. 2-gie wydanie. T. 2: Czerwiec 1941 – kwiecień 1943. Londyn: Studium Polski Podzienmei, 1973. 554 s.
94. Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. 2-gie wydanie. T. 3: Kwiecień 1943 – lipiec 1944. Londyn: Studium Polski Podzienmei, 1970. 627 s.
95. Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. 2-gie wydanie. T. 4: Lipiec 1944 – październik 1944. Londyn: Studium Polski Podzienmei, 1976. 470 s.
96. Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. 2-gie wydanie. T. 5: Październik 1944 – lipiec 1945. Londyn: Studium Polski Podzienmei, 1981. 543 s.
97. Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. 2-gie wydanie. T. 6: Uzupelnia – Londyn: Studium Polski Podzienmei, 1984. 524 s.
98. Axis in Defeat. A Collection of Documents on American Policy toward Germany and Japan. Washington: The Department of State, Publication 2423. 118 p.
99. Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Series D /1937–1945/. Vol. I. July 1936 to the Outbreak of War in September 1939. London: His Majesty's Stationery Office, 1949. 1220 p.
100. Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Series D /1937–1945/. Vol. IV. Germany's Relations with the Major Powers from

October, 1938 to March, 1939. London: His Majesty's Stationery Office, 1951. LXXXV, 733 p., Appendices.

101. Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Series D /1937–1945/. Vol. V. June, 1937 to March, 1938 Germany's Relations with Poland; the Balkans; Latin America; Small Powers. London: His Majesty's Stationery Office, 1953. LXXXIII, 958 p., Appendices.
102. Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Series D /1937–1945/. Vol. VI. The Last Months of Peace. March–August 1939. London: Her Majesty's Stationery Office, 1956. XCIII, 1149 p.
103. Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Series D /1937–1945/. Vol. VIII. The War Years. September 4, 1939 – March 18, 1940. Washington: United States Government Printing Office, 1954. LXXXVI, 974 p.
104. Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Series D /1937–1945/. Vol. IX. The War Years. March 18 – June 22, 1940. Washington: United States Government Printing Office, 1956. LXXII, 729 p.
105. Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Series D /1937–1945/. Vol. X. The War Years. June 23 – August 31, 1940. Washington: United States Government Printing Office, 1957. LVI, 615 p.
106. Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939–1943. London – Melbourne – Toronto: Heinemann, 1961. 625 p.
107. Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. II. 1944–1945. Ed. by General Sikorski Historical Institute. London: Heinemann, 1967. 866 p.
108. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940 /In Five Vol. / Vol. I. General. Washington: United States Government Printing Office, 1959. 832 p.
109. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941 /In Seven Vol. / Vol. I. General. Washington: United States Government Printing Office, 1959. 832 p.
110. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941 /In Seven Vol. / Vol. II. Washington: United States Government Printing Office, 1959. 1023 p.
111. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. The British Commonwealth. Eastern Europe. The Far East. Washington: United States Government Printing Office, 1963. 1125 p.
112. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Vol. IV. Europe. Washington: United States Government Printing Office, 1968. 1356 p.

113. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference in Berlin / the Potsdam Conference/ 1945 /In Two Vol. / Vol. I. Washington: United States Government Printing Office, 1960. 1088 p.
114. Roosevelt and Churchill: Their Secret Wartime Correspondence / Ed. by F. L. Loewenheim. New York: Saturday Review Press, 1975. 806 p.
115. Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zb. dokumentów. Warszawa: Polski instytut Spraw Międzynarodowych, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965.
116. Sprawa Ukrainska na konferencji pokojowej w Paryzy w roce 1919. Warszawa: WNS, 1995. 128 s.
117. Stosunki polsko-radzieckie w latach 1917–1945. Dokumenty i materiały/ Pod red. Cieslara T., oprac. Basinski E. Warszawa: Ksiazka i Wiedza, 1967. 571 s.
118. The Third Reich and the Ukrainian Question. Documents 1934–1944/ By Kosyk W. London: Ukrainian Publishers Limited, 1991. 175 p.
119. Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November, 1945 – 1 October, 1946. Nuremberg, Germany. Vol. III. 642 p.
120. Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November, 1945 – 1 October, 1946. Nuremberg, Germany. Vol. VIII. 630 p.
121. Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November, 1945 – 1 October, 1946. Nuremberg, Germany. Vol. IX. 710 p.
122. Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November, 1945 – 1 October, 1946. Nuremberg, Germany. Vol. X. 652 p.
123. Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November, 1945 – 1 October, 1946. Nuremberg, Germany. Vol. XI. 608 p.
124. Wybor dokumentow do agresji 17.9.1939 r. Cz. II // Wojskowy Przeglad Historyczny. 1993. № 2. S. 169–189.
125. Wybor dokumentow do agresji 17.9.1939 r. Cz. III // Wojskowy Przeglad Historyczny. 1993. № 3. S. 173–197.
126. Wybor dokumentow do agresji 17.9.1939 r. Cz. IV // Wojskowy Przeglad Historyczny. 1993. № 4. S. 211–234.

## 1.2. Мемуары:

127. **Бандера С.** Акт 30 червня 1941 року // Визвольний шлях. 1971. № 6. С. 547–551.
128. **Бульба-Боровець Т.** Армія без держави. Спогади. Київ – Торонто – Нью-Йорк, 1996. 270 с.
129. **Бульба-Боровець Т.** Кредо Революції. Короткий нарис історії, ідеологічно-моральної основи та політична платформа Української Народної Революційної Армії // Сучасність. 2002. № 11. С. 73–83.
130. **Гальдер В.** Военный дневник. Ежедневные записи нач. Ген. штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг.: В 3-х т. М.: Воениздат, 1968. Т. 1. 509 с.
131. **Майский И. М.** Воспоминания советского посла. Война, 1939–1943. М.: Наука, 1965. 407 с.
132. **Майский И. М.** Кто помогал Гитлеру (Из воспоминаний советского посла). М.: Международные отношения, 1962. 198 с.
133. **Меллентин Ф. В.** Танковые сражения 1939–1945 гг. / Пер. с англ.; Под ред. Панфилова А. Н. М.: Иностранная литература, 1957. 302 с.
134. **Стеттиниус Э.** «Аргонавт» // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М.: Политиздат, 1988. С. 356–376.
135. **Churchill W. S.** The Second World War. The Gathering Storm. Boston: Houghton Mifflin Co, 1948. 784 p.
136. **Churchill W. S.** The Second World War. Their Finest Hour. Boston: Houghton Mifflin Co, 1949. 752 p.
137. **Churchill W. S.** The Second World War. The Hinge of Fate. Boston: Houghton Mifflin Co, 1950. 1000 p.
138. **Churchill W. S.** The Second World War. Grand Alliance. Boston: Houghton Mifflin Co, 1950. 904 p.
139. **Churchill W. S.** The Second World War. Triumph and Tragedy. Boston: Houghton Mifflin Co, 1953. 800 p.
140. **Harriman A.** Peace with Russia? – London: Victor Gollancz, Ltd, 1960. 174 p.
141. **Harriman A., Abel E.** Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. New York: Random House, 1975. 553 p., Ind.
142. **Hull C.** The Memoirs of Cordell Hull. In two vol. New York: The Macmillan Co, 1948. Vol. 1. 916 p.

143. **Hull C.** The Memoirs of Cordell Hull. In two vol. New York: The Macmillan Co, 1948. Vol. 2. 917. 1804 p.
144. **Truman H. S.** The Memoirs of Harry S. Truman: In 2 Vol. New York, 1965. Vol. 1. 1945 Year of Decision United Nations. Potsdam. Hiroshima. End of World War.

### 1.3. Переодические издания:

145. Аргументы и факты. 1989. № 32.
146. Вільна Україна. 1939. 25 жовтня (хроніка).
147. Вісті комбатанта. 1994. № 2. Реквієм у цифрах.
148. «2000». 2005. 1 апреля. С. А5. Поляки пересмотрят нашу границу?
149. Діло. 1923. 12 червня 1923. Раковський про прилучення Східної Галичини до Польщі (з промови у Всеукраїнськім Центр. Виконавчім Комітеті у Харкові).
150. Известия. 1923. 14 марта.
151. Известия. 1941. 3 августа (хроника).
152. Известия. 1941. 26 сентября (хроника).
153. Известия. 1943. 16 апреля (хроника).
154. Известия. 1945. 6 января (хроника).
155. Молода Галичина, 2004, 25 червня.
156. Поклик сумління (газета українського Товариства «Меморіал»). 1991. № 9 (23).
157. Правда. 1932. 5 августа.
158. Правда. 1939. 19 октября.
159. Правда. 1941. 24 июня.
160. Правда. 1941. 3 ноября.
161. Радянська Україна. 1944. 2 березня.
162. Радянська Україна. 1944. 25 березня.
163. Радянська Україна. 1945. 3 червня.
164. «Світло» (Католицький журнал для українського народу, Торонто). 1952. 1 червня.
165. League of Nations Official Journal. Special Supplement. 1920. October. № 3.
166. Monitor Polski. Paryz. 25.IX.1939.
167. Monitor Polski. Paryz. 19.XII.1939.

168. New York Times. 1941. June 25.
169. New York Times. 1944. January 7.
170. The Times. 1943.5.III.

#### **1.4. Архивные материалы:**

171. Звернення робітників, селян, інтелігенції до Народних Зборів Західної України про встановлення Радянської влади на Західній Україні. м. Добромін. Львівський обласний державний архів\*. Ф. Р-6. Оп. 1. Од. 3б. 2-б. Арк. 128.
172. Інформація секретаря Пермишльського РК КП(б)У тов. Орленка. ЛОДА. Ф. 3. Львівський обком КП(б)У. Оп. 1. Спр. 63. Арк. 12-13.
173. Місто Львів. Президії Українських народних Зборів Західної України (Мітинг трудящих м. Золочева, Тернопільського воєводства, присвячений відкриттю НЗЗУ). ЛОДА. Ф. Р-6. Оп. 1. Од. 3б. 2-б. Арк. 129.
174. Обращение Совета профсоюзов г. Львова от 10 октября 1939 г. к трудящимся г. Львова с призывом принять участие в выборах в Народное Собрание Западной Украины. ЛОДА. Ф. Р-140. Оп. 1. Од. 3б. 1. Арк. 1.
175. Пам'ятка уповноваженим воєводств по питанню організації партійної роботи з додатком плану заходів по проведенню виборів депутатів до Українських Народних Зборів Західної України (Жовтень, 1939). ЛОДА. Р-221. Оп. 1. Од. 3б. 362.
176. Про вибори депутата до Народних Зборів Західної України. Резолюція загальних зборів селян с. Рясна Польська, Баторівка. ЛОДА. Ф. Р-6. Оп. 1. Спр. 2-б. Арк. 123.
177. Про поїздку депутатів Народних Зборів до Москви. Інформація. ЛОДА. Ф. Р-199. Оп. 1. Спр. 6. Арк. 5-9.
178. Резолюція Загальних зборів Рясни Польської й Баторівки в справі вибору депутата до Народних зборів Західної України. ЛОДА. Ф. Р-6. Оп. 1. Од. 3б. 2-б. Арк. 123.

\* Далее – ЛОДА.

179. Резолюція мітингу трудящих, присвяченого відкриттю Народних Зборів Західної України. 27.10.1939 р., м. Золочів. ЛОДА. Ф. Р-6. Оп. 1. Спр. 2-6. Арк. 129.
180. Стенограма першої Дрогобицької Обласної конференції КП(б)У 27–28.IV.1940. ЛОДА. Ф. 5001. Оп. 1. Спр. 3.

## 2. Література

181. 20 років під ярмом польських панів. Київ: Державне вид-во політичної літератури при РНК УРСР, 1940. 64 с.
182. 60 лет борьбы СССР за мир и безопасность / Нарочницкий А. Л., Ахтамазян А. А. и др. М.: Наука, 1979. 428 с.
183. **Аваков М. М.** Правоприемство Советского государства. М.: Госюризат, 1961. 128 с.
184. **Аджаров К. А.** Территориальные проблемы в современном международном праве: Учебное пособие по спецкурсу. Краснодар: Кубанский ун-т, 1977. 94 с.
185. Актуальные вопросы теории современного международного права: Сб. научных трудов. М.: ВЮЗИ, 1955. 83 с.
186. **Алексидзе Л. А.** Проблема *jus cogens* в современном международном праве // Советский ежегодник международного права, 1969. М.: Наука, 1970. С. 127–149.
187. **Анцилotti Д.** Курс международного права / Пер. с 4-го итал. издания. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. Т. 1. 447 с.
188. **Аптон Э.** «Зимняя война» // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны / Пер. с англ.; Сост. Трояновская Е. Я. М.: Политиздат, 1992. С. 91–125.
189. **Аречага Э.Х.** Современное международное право / Пер. с испан. М.: Прогресс, 1983. 480 с.
190. **Арцибасов И. Н., Егоров С. А.** Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М.: Международные отношения, 1989. 248 с.
191. **Атаманчук Г. В., Брик М. В. та ін.** Під зорею Радянською. Львів: Каменяр, 1979. 134 с.

192. **Афанасьев А. Л.** Полынь в чужих краях (Контрреволюционная деятельность эмигрантов). Минск: Вышешшая школа, 1985. 269 с.
193. **Бабій Б. М.** Возз'єднання Західної України з Українською РСР. Київ: АН УРСР, 1954. 196 с.
194. **Багинян К. А.** Международно-правовые санкции по Уставам Лиги Наций и Организации Объединенных Наций и практика их применения. М., 1948. 52 с.
195. **Багинян К. А.** Борьба Советского Союза против агрессии. М.: Соцэгиз, 1959. 288 с.
196. **Бараташвили Б. И.** Американские теории международного права. М.: Госюризат, 1956. 115 с.
197. **Бараташвили Д. И.** Принцип суверенного равенства государств в международном праве. М. : Наука, 1978. 117 с.
198. **Барсегов Ю. Г.** Территория в международном праве. Юридическая природа территориального верховенства и правовые основания распоряжения территорией. М.: Госюризат, 1958. 271 с.
199. **Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И.** История международного права. М.: Международные отношения, 1990. 204 с.
200. **Безыменский А. Л.** Особая папка «Барбаросса». М.: Изд-во АПН, 1972. 342 с.
201. **Безыменский Л.** Альтернативы 1939 года. Вокруг советско-германского пакта 1939 г. // Архивы раскрывают тайны...: Международные вопросы: События и люди. М.: Политиздат, 1991. С. 76–97.
202. **Безыменский Л.** Секретный пакт с Гитлером писал лично Сталин // Новое время. 1998. № 1.
203. **Белецкий В. Н.** Встреча в Потсдаме. М.: Международные отношения, 1980. 263 с.
204. **Березовский І.** Некоторые проблемы территориального верховенства / Пер. с польск. М.: Иностранный литература, 1961. 203 с.
205. **Бессарабов М. А.** Комуністична партія України в боротьбі за зміщення і розвиток соціалістичного суспільства (1937 – червень 1941 рр.). Київ: Вид-во Київського ун-ту, 1971. 176 с.
206. **Белоусов С. М.** Возз'єднання українського народу в єдиній Українській Радянській державі. Київ: АН УРСР, 1951. 166 с.
207. **Білас І.** Переселенсько-депортаційні акції: політико-правовий аспект // Депортациі українців та поляків: кінець 1939 – початок 50-х років (до 50-річчя операції «Вісла») / Упоряд. Сливка Ю.

- Львів: Ін-т українознавства імені І. Крип'якевича НАН України, 1998. С. 33–35.
208. **Блищенко И. П.** Антисоветизм и международное право. М.: Международные отношения, 1968. 191 с.
209. **Блищенко И. П.** Прецеденты в международном праве. М.: Международные отношения, 1977. 224 с.
210. **Блищенко И. П., Шавров В. Ф.** Теория и практика международного права США: Учебное пособие. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1985. 85 с.
211. **Бобешко Т.** Факты и события в сознании поляков // Персонал. 2003. № 7.
212. **Бобров Р. Л.** Основные проблемы теории международного права. М.: Международные отношения, 1968. 272 с.
213. **Богодист И. П.** Соціалістичне будівництво в західних областях УРСР. Київ: Вид-во Київського ун-ту, 1961. 176 с.
214. **Боєчко В., Ганжа О., Захарук Б.** Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ: Основи, Ін-т державного управління та місцевого самоврядування при Кабінеті міністрів України, 1994. 168 с.
215. **Бойко М.** Документи окупації Західної України 1939 р. // Альманах Українського Народного Союзу на рік 1972. Джерзі Сіті – Нью-Йорк: Свобода, б. р. С. 171–172.
216. **Бойко О. Д.** Історія України. Київ: Академія, 1999. 568 с.
217. **Боратынский С.** Дипломатия периода Второй мировой войны. Международные конференции 1941–1945 гг. / Пер. с польс. М.: Иностранный литература, 1959. 356 с.
218. **Борисов Ю. В.** СССР – Франция: 60 лет дипломатических отношений. М.: Международные отношения, 1984. 240 с.
219. Боротьба українського народу проти панської Польщі. Київ: Держполітвидав, 1940. 44 с.
220. **Борщак I.** Один фрагмент із дипломатичної акції Союзних держав супроти України // Історичний календар-альманах «Червоної Калини» на 1939 рік. Львів, 1938. С. 114–119.
221. **Борщак I.** Як була зорганізована Мирова Конференція 1919 р. // Історичний календар-альманах «Червоної Калини» на 1939 рік. Львів, 1938. С. 102–114.
222. **Боярс Ю. Р.** Вопросы гражданства в международном праве. М.: Международные отношения, 1986. 157 с.

223. **Бриль М.** Освобожденная Западная Украина. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. 31 с.
224. **Броунли Я.** Международное право. Кн. 1. М.: Прогресс, 1977. 535 с.
225. **Броунли Я.** Принцип неприменения силы в современном международном праве // Международное право: советский и английский подходы: Материалы советско-английского симпозиума. М.: Ин-т государства и права, 1989. С. 4–14.
226. **Бугай М. Ф.** Депортациі населення з України (30–50-ті роки) // Український історичний журнал. 1990. № 10. С. 32–38.
227. **Бурант С.** Україна і Польща: до стратегічного партнерства // Політична думка. 1997. № 3.
228. **Бурдуланюк В., Гаврилів Б.** Історія Прикарпаття. Хронологічний довідник. Івано-Франківськ (Галич), 1993. 252 с.
229. **Буткевич В. Г.** Советское право и международный договор. Киев: Высшая школа, 1977. 262 с.
230. **Буткевич В. Г.** Соотношение внутригосударственного и международного права. Киев: Высшая школа, 1981. 311 с.
231. В боротьбі за Українську державу / Марунчак М.; Післямова Гриніва Є. Львів: Меморіал, 1992. 1303 с.
232. **Валова Л. И.** Плебисцит в международном праве. М.: Междунар. отношения, 1972. 152 с.
233. **Варецький В. Л.** Соціалістичне будівництво в західних і Закарпатській областях УРСР. Київ: Укрполітвидав, 1946. 15 с.
234. **Варецький В. Л.** Соціалістичні перетворення в західних областях УРСР в довоєнний період. Київ: Вид-во АН УРСР, 1960. 298 с.
235. **Варлімонт В.** В гітлеровських вищих штабах // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны / Пер. с англ.; Сост. Трояновская Е. Я. М.: Политиздат, 1992. С. 126–137.
236. **Василенко В.** Доповідь на Третьому пленарному засіданні Першого Всеєвропейського конгресу українських юристів // Перший Світовий конгрес українських юристів 18–23 жовтня 1992 р. Матеріали і документи. Київ: Українська правнича фундація, 1994. С. 122–125.
237. **Василенко В. А.** Международно-правовые санкции. Киев: Высшая школа, 1982. 228 с.

238. **Василенко В. А.** Международно-правовые санкции как проявление принуждения в сфере международного общения // Вестник Киевского ун-та. Серия международные отношения и международное право. Киев, 1977. Вып. 4. С. 3–7.
239. **Василенко В. А.** Основы теории международного права. Киев: Высшая школа, 1988. 287 с.
240. **Василенко В. А.** Ответственность государства за международно-правовое нарушение. Киев: Высшая школа, 1976. 267 с.
241. **Василенко В. А.** Правові аспекти участі Української РСР у міжнародних відносинах. Київ: Політвидав України, 1984. 207 с.
242. **Василенко В. А., Лукащук І. І.** Українська РСР в сучасних міжнародних відносинах (Правові аспекти). Київ: Політвидав України, 1974. 85 с.
243. **Васюта І. К.** Національно-визвольний рух у Західній Україні (1918–1939 рр.) // Український історичний журнал. 2001. № 5. С. 22–43; № 6. С. 35–65.
244. **Ваттель Э.** Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюризат, 1960. 719 с.
245. **Вевюра Б.** Польско-германская граница и международное право / Пер. с польск. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 240 с.
246. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе / Манусевич А. Я., Дмитерко В. П. и др. 2-е изд. М.: Наука, 1982. 535 с.
247. **Виговський М., Кучер В.** Закерзоння // Київська старовина. 1994. № 1 (січень–лютий). С. 94–102.
248. **Виноградов К. Б.** Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. 412 с.
249. **Висилев О. В.** Почему Сталин медлил в 1941 г.? Из германских архивов // Новая и новейшая история. 1992. № 2.
250. **Віднянський С. В., Мартинов А. Ю.** Зовнішня політика України як предмет історичного аналізу: концептуальні підходи та перспективи // Український історичний журнал. 2001. № 4. С. 41–57.
251. **Віднянський С.** Українське питання в контексті «холодної війни» (1944–1991 рр.) // Розбудова держави. 2000. № 8. С. 7–12.
252. **Владаркевич В.** Стратегічне значення Східної Галичини напередодні другої світової війни // Галичина. Науковий і культур-

- но-просвітній краєзнавчий часопис. 2001. № 5–6. Івано-Франківськ, 2001. С. 341–346.
253. Внешняя политика Советского Союза / Овсяный И. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1978. 472 с.
254. Возз'єднання західноукраїнських земель з Радянською Україною / Сливка Ю. Ю., Масловський В. І., Швагуляк М. М. та ін.; Відп. ред. Сливка Ю. Ю.; АН УРСР, Ін-т сусп. наук. Київ: Наукова думка, 1989. 488 с.
255. Возз'єднання українських земель в єдиній Українській Радянській державі – торжество ленінської національної політики КПРС: Матеріали Республіканської науково-теоретичної конференції, присвяченої 30-річчю возз'єднання з Радянською Україною, 17–18 квітня 1975 р. Ужгород, 1976. 280 с.
256. **Волков В. К.** Мюнхенский сговор и Балканские страны. М.: Наука, 1978. 327 с.
257. **Волков Ф. Д.** СССР – Англия. 1929–1945 гг. Англо-советские отношения накануне и в период Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1964. 559 с.
258. **Волкогонов Д. А.** Тріумф і трагедія: Політичний портрет Й. В. Сталіна: У 2-х кн. Київ: Політвидав України, 1989. Кн. 1. 597 с.
259. **Волкогонов Д. А.** Тріумф і трагедія: Політичний портрет Й. В. Сталіна: У 2-х кн. Київ: Політвидав України, 1990. Кн. 2. 671 с.
260. **Волова Л. И.** Нерушимость границ – новый принцип международного права. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1987. 142 с.
261. **Волова Л. И.** Плебисцит в международном праве. М.: Международные отношения, 1972. 152 с.
262. **Волова Л. И.** Принцип территориальной целосности и неприскоренности в современном международном праве. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1981. 192 с.
263. Вони плянують, а ми дискутуємо // Наш голос. 1992. № 5.
264. Вопросы международного права в теории и практике США / Сб. статей. М.: Ин-т международных отношений, 1957. 196 с.
265. **Воробйов О. И.** Українська РСР на міжнародній арені (деякі питання зовнішньополітичної діяльності). Київ: Знання, 1970. 96 с.

266. **Врецьона I.** Загибель Лемківщини // Сучасність. 1967. № 11 (83). С. 69–82.
267. Всеобъемлющая международная безопасность: Международно-правовые принципы и нормы: Справочник / Отв. ред. Клименко Б. М. М.: Международные отношения, 1990. 326 с.
268. Втрати України у Другій світовій війні // Визвольний шлях. Липень. 1995. Кн. 7 (568). С. 827–828.
269. **Вышинский А. Я.** Вопросы международного права и международной политики. М.: Изд-во юридической литературы, 1951. 799 с.
270. **Гавердовский А. С.** Имплементация норм международного права. Киев: Высшая школа, 1980. 320 с.
271. **Гавриленко В. О.** Визвольний похід радянських військ на Західну Україну // Торжество історичної справедливості. Закономірність возз'єднання західноукраїнських земель в єдиній Українській Радянській державі. Львів: Вид-во Львівського державного ун-ту, 1968. С. 559–566.
272. **Газін В. В.** Економіка і зовнішня політика Веймарської республіки (1925–1933 рр.): Східноєвропейські аспекти. Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільська міська друкарня, 1993. 183 с.
273. **Гайдуков Л. Ф.** Народний комісаріат закордонних справ України: Утворення та розгортання діяльності // Вісник Київського ун-ту. Міжнародні відносини. Київ, 1997. Вип. 6.
274. **Гайвас Я.** Українсько-німецькі стосунки під час Другої світової війни // Сучасність. 1985. Жовтень. Ч. 10 (294). С. 62–69.
275. **Георгієв А. В.** Франклін Делано Рузвельт. М.: Лекционное бюро при комитете по делам высшей школы при СНК СССР, 1945. 32 с.
276. **Голуб В.** Україна в Об'єднаних Націях. Мюнхен: Сучасна Україна, 1953. 83 с.
277. **Горак С.** Українці в Другій Світовій війні // Український історик (Нью Йорк – Торонто – Мюнхен). 1980. № 1–4 (65–68). С. 58–70.
278. **Горак С.** Українці і Друга Світова війна // Український історик (Нью Йорк – Торонто – Мюнхен). 1979. № 1–4 (61–64). С. 23–40.
279. **Горбачев М.** Социализм способен к обновлению // Новое время. 1988. № 7.
280. **Горват Л. І.** До питання про українсько-румунські відносини у час Карпатської України // Науковий збірник Товариства

«Просвіта» в Ужгороді. Річник IV (XVIII). Карпатська Україна: Національне відродження. Політичний розвиток. Персоналії: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 60-річчю Карпатської України. Ужгород: Два кольори, 2000. С. 67–71.

281. **Горов В. Я.** Перед грозою. М.: Політизdat, 1967. 72 с.
282. **Гоцький В.** Єжи Торжецький: Польсько-українські проблеми // Вісті комбатанта. 1989. Ч. 1 (159). С. 65–67.
283. **Грабовський С.** Велика Вітчизняна: міф і реальність // Сучасність. 2001. № 5. С. 64–72; № 6. С. 89–93.
284. **Градосельский В. В.** Национальные воинские формирования в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 18–24.
285. **Громыко А. А.** Защитить устои всеобщего мира. Выступление на XXXIX Сессии Генеральной Ассамблеи ООН 27 сентября 1984 г. М.: Політизdat, 1984.
286. **Гунчак Т.** Україна: Перша половина ХХ століття. Нариси політичної історії. Київ: Либідь, 1993. 288 с.
287. **Даниленко Г. М.** Вопросы международного обычая в практике Международного суда ООН // Международное право и международный правопорядок. М.: АН СССР, ИГП, 1981. С. 79–93.
288. **Даниленко Г. М.** Принцип неприменения силы в решениях Международного суда ООН // Международное право: советский и английский подходы. Материалы советско-английского симпозиума. М.: Ин-т государства и права, 1989. С. 56–64.
289. **Даниленко Г. М., Менжинский В. И.** Процесс образования и действия обычного международного права // Международное право и международный правопорядок. М.: АН СССР, ИГП, 1981. С. 53–66.
290. **Дарський Ю.** Напрямки польської східної політики (ІІ) // Сучасність. 1986. Липень–серпень. Ч. 7–8 (303–304). С. 139–153.
292. **Дацюк А.** Сотни литовцев заявили о солидарности с убийцами евреев // «2000». 2003. 10 октября.
292. **Дашкевич Ю.** Наши единокровные братья. М.: Молодая гвардия, 1939. 31 с.
293. **Деборин Г. А.** Международные отношения и внешняя политика СССР (сент. 1939 – май 1941 гг.). М.: Типография ВПШ при ЦК ВКП(б), 1947. 75 с.

294. Деборин Г. А. Международные отношения и внешняя политика СССР. 1917–1945 гг. Вып. I, II. М.: Высшая дипломатическая школа, 1946. 152 с.
295. Депортациї українців та поляків: кінець 1939 – початок 50-х років (До 50-річчя операції «Віслас») / Упоряд. Сливка Ю. Львів: НАН України, Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 1998. 132 с.
296. Депортация украинцев з Лемковщины, Надсяння, Холмщины, Підляшша (1944–1947 рр.): Матеріали наукової конференції «50-річчя депортациї» (Львів, 22 жовтня 1994 р.). Львів (Стрий): Стрийська міська друкарня, 1996. 64 с.
297. Дерев'янко С., Гуменюк Т. 1939 рік у долі західноукраїнських земель: стереотипи історіографії та пошук нових історичних підходів // Галичина. Науковий і культурно-просвітній краєзнавчий часопис. 2001. № 5–6. Івано-Франківськ, 2001. С. 405–408.
298. Дипломатический словарь: В 3-х т. / Гл. ред. Громыко А. А. и др. 4-е изд., пераб. и доп. Т. 1: А-И. М.: Наука, 1984. 422 с.; Т. 2: К-Р. М.: Наука, 1985. 502 с.; Т. 3: С-Я. М.: Наука, 1986. 749 с.
299. Дмитрієв А. І., Муравйов В. І. Міжнародне публічне право: Навчальний посібник / Відп. ред. Шемшученко Ю. С., Губерський Л. В. Київ: Юрінком Інтер, 2000. 640 с.
300. До 50-річчя закінчення Другої світової війни (редакційна стаття) // Визвольний шлях. 1995. № 9. С. 1027–1028.
301. Добрик В. Ф. Возз'єднання західноукраїнських земель в єдиній Українській Радянській державі – видатна перемога ленінської політики КПРС // Український історичний журнал. 1979. № 9.
302. Драган Р. Дороговказ у майбутнє // Визвольний шлях. 1971. № 6. С. 552–573.
303. Дуда З. Діаспора і святкування // Наше слово. 1994. № 23.
304. Европа в международных отношениях, 1917–1939 / Чубарь-ян А. О. и др. М.: Наука, 1979. 438 с.
305. Европа XX века: Проблемы мира и безопасности / Отв. ред. Чубарьян А. О. М.: Международные отношения, 1985. 272 с.
306. Евсеев И. Ф. Сотрудничество Украинской ССР и Польской Народной Республики (1944–1960 гг.). Киев: АН УССР, 1962. 368 с.
307. Ерпилева Н. Ю. Клаузула неизменных обстоятельств в современном международном праве // Государство и право. 1992. № 4. С. 102–109.

308. **Есаян А. А.** Некоторые вопросы теории и истории международного права. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1977. 292 с.
309. **Жилин П. А.** Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М.: Мысль, 1965. 160 с.
310. **Жуков Г. К.** Спогади і роздуми / Пер. з рос. Київ: Політвидав України, 1985. 841 с., карти, 1 л. портрет.
311. **Жуков Г. П.** Критика естественно-правовых теорий международного права. М.: Госюриздан, 1961. 165 с.
312. **Жуковский Н. П.** Дипломаты нового мира. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1986. 351 с.
313. **Жуковський А., Субтельний О.** Нарис історії України / Ред. Грицак Я., Романів О. Львів: Вид-во Наукового товариства ім. Т. Шевченка, 1991. 230 с.
314. За мир, разоружение и безопасность народов. Летопись внешней политики СССР (Вступ. ст. Громыко А. А.). 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 480 с.
315. **Забігайліо К. С.** В інтересах миру і дружби між народами. Міжнародна правова діяльність УРСР, 1945–1972. Документи і коментар. Київ: Вища школа, 1974. 335 с.
316. **Зайцев Ю.** Польська опозиція 1970–80-х років про засади українсько-польського порозуміння // Депортациії українців та поляків: кінець 1939 – початок 1950-х років (До 50-річчя операції «Вісла»). Львів: НАН України, Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 1998. С. 52–64.
317. **Залітак Ю.** Українці між галицько-німецькими переселенцями (1939–1940 рр.) // Четвертий міжнародний конгрес україністів (Одеса, 26–29 серпня 1999 р.): Доповіді і повідомлення. Історія. Ч. 2. ХХ століття / Міжнародна асоціація україністів. Одеса – Львів, 1999. С. 459–461.
318. **Захарова Н. В.** Влияние социальной революции на силу международного договора. М.: Наука, 1966. 142 с.
319. **Захарова Н. В.** Выполнение обязательств, вытекающих из международного договора. М.: Наука, 1987. 138 с.
320. Західня Україна / Під ред. Белоусова С. М., Оглобліна О. П. Київ: АН УРСР, Ін-т історії, 1940.
321. **Зашкільняк Л. О.** Польська історіографія після Другої світової війни: Проблеми національної історії (40–60-ті роки). Київ:

- Навчально-методичний кабінет з вищої освіти МО України, 1992. 85 с.
322. **Зашкільняк Л. О.** Українська проблема в політиці польського еміграційного уряду і польського підпілля в 1939–1945 роках // Україна-Польща: важкі питання. Т. 4: Матеріали IV міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Варшава, 8–10 жовтня 1998 р.). Варшава: Tyrsa, 1999. С. 122–138.
323. **Зашкільняк Л. О., Крикун М. Г.** Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів. Львів: Львівський національний ун-т ім. І. Франка, 2002. 752 с. + 8 кол. map.
324. **Зеленко К., Лободовський Ю.** До питання українсько-польських взаємин // Сучасність. 1974. Червень. Ч. 6. С. 91–97.
325. **Зельке К., Глапінський А.** Україна і Польща після розширення НАТО: геополітичний вимір // Політична думка. 2000. № 1.
326. **Золотарев В. А.** Уроки Второй мировой и Великой Отечественной войн // Государство и право. 1995. № 7. С. 128–135.
327. **Зубок Л. М.** Политический кризис в Европе (январь–август 1939). Первый этап мировой войны (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.). М.: Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б), 1945. 159 с.
328. **Иванов Л. Н.** Мюнхенская политика западных держав и роль СССР как действительного фактора мира (1937–1940 годы). М.: Знание, 1947. 24 с.
329. **Иванов Л. Н.** Очерки международных отношений в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 275 с.
330. **Ивашин И. Ф.** Начало Второй мировой войны и внешняя политика СССР (сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.). М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1951. 40 с.
331. Исполнение международных договоров СССР: Вопросы теории и практики. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1986. 117 с.
332. **Исраэлян В. Л.** Антигитлеровская коалиция (1941–1945). Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1964. 608 с.
333. **Исраэлян В. Л.** Дипломатическая история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Изд-во ин-та международных отношений, 1959. 367 с.

334. **Исраэлян В. Л.** Дипломатия в годы войны (1941–1945). М.: Международные отношения, 1985. 477 с.
335. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 / Ред. комиссия: Поспелов П. Н. (предс.) и др.: В 6-ти т. М.: Воениздат, 1960–1965.
336. История внешней политики СССР, 1917–1980: В 2-х т. / Под ред. Громыко А. А., Пономарева Б. Н. 4-е издание, перераб. и доп. Т. 1: 1917–1945 гг. М.: Наука, 1980. 511 с.
337. История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / Под ред. Юдицкого Д. В., Майорова С. М. М.-Л.: Госполитиздат, 1945. 883 с.
338. История дипломатии. 2-е изд. Т. IV. Дипломатия в годы Второй мировой войны. М.: Изд-во политической литературы, 1975. 752 с.
339. История и сталинизм / Сост. Мерцалов А. М.: Политиздат, 1991. 448 с.
340. История КПСС: Курс лекций / Рук. авт. кол. Калакура Я. С. Киев: Высшая школа, 1988. 504 с.
341. История международного рабочего и коммунистического движения / Ред. кол.: Бондаренко В. П. и др. М.: Воениздат, 1975. 560 с.
342. История международных отношений и внешней политики СССР: В 3-х т. / Под общ. ред. Трухановского В. Г. Т. 1: 1917–1939 гг. М.: Международные отношения, 1967. 440 с.; Т. 2: 1939–1945 гг. М.: Международные отношения, 1967. 375 с.; Т. 3: 1945–1967 гг. М.: Международные отношения, 1967. 511 с.
343. История национально-государственного строительства в СССР, 1917–1978: В 2-х т. Т. 2. Национально-государственное строительство в СССР в период социализма и строительства коммунизма (1937–1978 гг.) / АН СССР, Ин-т истории; Редкол.: Шерстобитов В. П. и др. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Мысль, 1979. 399 с.
344. История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2-х сер., 12 т. / Глав. ред. совет: Пономарев Б. Н. и др. Серия 2-я. Т. IX. Построение социализма в СССР. 1933–1941 гг. М.: Наука, 1971. 552 с.
345. История США: В 4-х т. Т. 3: 1918–1945. М.: Наука, 1985. 671 с.
346. Історія: завдання та тести: Посібник-довідник для вступників до вищих навчальних закладів. Київ: Генеза, 1993. Ч. II. 345 с.

347. Історія України / Верстюк В. Ф., Гарань О. В., Гуржій О. І. та ін.; Під ред. Смолія В. А. Київ: Альтернативи, 1997. 424 с.
348. Історія України / Кер. авт. кол. Зайцев Ю. Львів: Світ, 1996. 488 с.
349. **Ільюшин І. І.** Антипольський фронт у бойовій діяльності ОУН і УПА (1939–1945 рр.) // Український історичний журнал. 2002. № 3. С. 94–104.
350. **Ільюшин І.** Польське підпілля на території Західної України в роки Другої світової війни // Україна-Польща: важкі питання: Матеріали II міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини в 1918–1947 роках» (Варшава, 22–24 травня 1997 р.). Варшава: Tyrsa, 1998. С. 172–189.
351. **Ільюшин І. І.** Ставлення польського емігрантського уряду в Парижі та Лондоні ю польського підпілля у Львові до українського питання в 1939–1941 рр. // Український історичний журнал. 1999. Листопад-грудень. № 6 (429). С. 70–81.
352. **Ільюшин І.** Утворення та бойова діяльність 27 Волинської дивізії піхоти Армії Крайової // Україна-Польща: важкі питання. Т. 3: Матеріали III міжнародного наукового семінару «Українсько-польські стосунки в роки Другої світової війни» (Луцьк, 20–22 травня 1998 р.). Варшава: Tyrsa, 1998. С. 153–178.
353. Історичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка. Ювілейна книга / Упоряд.: Вінниченко О., Целуйко О. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2000. 293 с.
354. Історія Української РСР: У 8 т., 10 кн. Т. 6. Українська РСР в період побудови і зміцнення соціалістичного суспільства (1921–1941). Київ: Наукова думка, 1977. 543 с.; Т. 7. Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу (1941–1945). Київ: Наукова думка, 1977. 535 с.
355. **Каламкарян Р. А.** Концепция господства права и требование о соблюдении государствами международных обязательств (вне зависимости от их возникновения) на основе принципа добросовестности // Государство и право. 1995. № 9. С. 80–89.
356. **Каламкарян Р. А.** Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. М.: Наука, 1984. 136 с.
357. **Каламкарян Р. А.** Фактор времени в праве международных договоров. М.: Наука, 1989. 173 с.

358. **Каламкарян Р. А.** Юридические последствия правомерного поведения государства. М.: Наука, 1987. 126 с.
359. **Калуски М.** Поговорим об Украине откровенно // «2000». 2005. № 13 (263). 1 апреля. С. А4–А5.
360. **Кальба М.** Акція «Буря» // Вісті комбатанта. Торонто – Нью-Йорк. 1991. Ч. 1 (171). С. 80–87.
361. **Канюк (б.и.)** Буковина в румунській неволі. Харків: Державне вид-во України, 1930. 134 с.
362. **Карапетян Л.** Границы суверенитета и самоопределение народов // Государство и право. 1993. № 1. С. 13–22.
363. **Карпуш З.** Втрати населення в Західній Україні у 1939–1941 рр. // Україна-Польща: важкі питання: Матеріали V міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни». (Луцьк, 27–29 квітня 1999 р.). Варшава: Tyrsa, 1999. С. 139–149.
364. **Карти А.** Значение и влияние юридических деклараций на не-применение силы в международных отношениях // Международное право: советский и английский подходы: Материалы советско-английского симпозиума. М.: Ин-т государства и права, 1989. С. 31–37.
365. **Касьян Н. Ф.** Консенсус в современных международных отношениях: международно-правовые вопросы. М.: Международные отношения, 1983. 120 с.
366. **Кедрин І.** Друга світова війна // Альманах Українського Народного Союзу на рік 1995. Джерзі Сіті – Нью-Йорк: Свобода. С. 17–21.
367. **Кіянка Ч.** Причинок до дискусії про польсько-українські стосунки // Сучасність. 1985. Квітень. Ч. 4 (288). С. 113–119.
368. **Клименко Б. М.** Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М.: Международные отношения, 1974. 168 с.
369. **Клименко Б. М.** Государственные границы – проблема мира. М.: Международные отношения, 1964. 138 с.
370. **Клименко Б. М.** Мирное решение территориальных споров. М.: Международные отношения, 1982. 183 с.
371. **Клименко Б. М.** Нерушимость границ – условие международного мира. М.: Наука, 1975. 168 с.

372. **Клімецький М.** Хронологія подій у Східній Малопольщі 1939–1947 рр. // Україна – Польща: важкі питання. Т. 5: Матеріали V міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни». Варшава: Tyrsa, 2001. С. 78–106.
373. **Клодницький В.** Суверенна українська держава і українська заморська еміграція: Реферат, виголошений 17 червня 1945 р. на вічу в Купер-Юніон в Нью-Йорку. Нью-Йорк: Ukrainian-American Citizens League of New Jersey, 1945. 62 с.
374. **Клоков В. И.** О неизбежности заключения советско-германского договора о ненападении // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. / НАН України, Ін-т історії України. Київ, 2001. Вип. 5. С. 60–71.
375. **Кобляков И. К.** Борьба СССР за коллективную безопасность (1938–1941 гг.). М.: Знание, 1975. 64 с.
376. **Кобляков И. К.** Внешняя политика СССР в начальный период Второй мировой войны (сентябрь 1939 – июнь 1941) // СССР в борьбе за мир против фашистской агрессии. 1939–1945. М.: Наука, 1975. 328 с.
377. **Ковалюк В. Р.** До питання про скликання Народних Зборів Західної України // Актуальні проблеми суспільно-політичного і духовного розвитку в Україні. Вісник Львівського ун-ту. Серія суспільних наук. Вип. 30. Львів: Світ, 1992. С. 75–81.
378. **Ковалюк В. Р.** Західна Україна на початку Другої світової війни // Український історичний журнал. 1991. № 9. С. 30–41.
379. **Коваль В. С.** В роки фашистської навали (Україна в міжнародних відносинах у період Великої Вітчизняної війни). Київ: Держполітвидав України, 1963. 70 с.
380. **Коваль В. С.** Возз'єднання західноукраїнських земель і міжнародні відносини. 1939–1941. Київ: Наукова думка, 1979. 110 с.
381. **Коваль В.** Друга світова війна і доля України: причини і наслідки (Фрагменти історичного досвіду) // Сучасність. 1999. С. 65–79.
382. **Коваль В.** Злочини комуністичної партії проти українського народу в Другій світовій війні // Розбудова держави. 1995. № 4. С. 5–12; 1996. № 4. С. 10–15.

383. **Коваль В. С.** Міжнародний імперіалізм і Україна. 1941–1945. Київ: Наукова думка, 1966. 268 с.
384. **Коваль В. С.** Они хотели украсть у нас победу. Очерк внешней политики США во Второй мировой войне (1939 – VI.1943). Київ: Наукова думка, 1964. 404 с.
385. **Коваль В. С.** США во Второй мировой войне: некоторые проблемы внешней политики 1939–1941. Київ: Наукова думка, 1975. 419 с.
386. **Коваль М. В.** Крымская конференция и участие Украинской ССР в решении вопросов послевоенного устройства мира // Ялтинская конференция 1945. Уроки истории. М.: Наука, 1985. С. 152–154.
387. **Коваль М. В.** 1941-й рік і проблеми історичної пам'яті // Український історичний журнал. 2001. № 3. С. 69–91; № 4 (Закінчення). С. 3–19.
388. **Коваль М.** Україна – воєнний і стратегічний фактор Другої світової війни в Європі // Історія України. 2000. № 17 (177). Травень. С. 1–2.
389. **Ковальский В. Т.** Борьба Советского правительства за установление границы по Одре и Ниссе Лужицкой // Советско-польские отношения 1918–1945: Сб. статей. М.: Наука, 1974. С. 250–267.
390. **Кожевников Ф. И.** Великая Отечественная война Советского Союза и некоторые вопросы международного права. М.: Изд-во МГУ, 1954. 222 с.
391. **Кожевников Ф. И.** Советское государство и международное право 1917–1947. М.: Юридическое изд-во, 1948. 376 с.
392. **Колесник Д. Н.** К вопросу о современном содержании и тенденциях развития права на индивидуальную и коллективную самооборону // Международное право: советский и английский подходы: Материалы советско-английского симпозиума. М.: Ин-т государства и права, 1989. С. 25–30.
393. **Колосов Д. М.** Ответственность в международном праве. М.: Юридическая литература, 1975. 256 с.
394. **Комар В. Л.** Українське питання в політиці урядів Польщі (1926–1939 рр.) // Український історичний журнал. 2001. № 5. С. 120–128.
395. **Компанієць І. І.** Возз'єднання всіх українських земель в єдиній Українській Радянській державі. Київ: Знання, 1967. 48 с.

396. **Кондратюк К., Кондратюк С.** Становлення і характер радянської влади в Західній Україні (вересень 1939 – червень 1941 рр.) // Галичина. Науковий і культурно-просвітній краєзнавчий часопис. 2001. № 5–6. Івано-Франківськ, 2001. С. 347–356.
397. **Корчак-Городицький О.** Замість вигадок: Українська проблематика в західних політико-дипломатичних джерелах. Документи, рецензії, спогади. Івано-Франківськ: Перевал, 1994. 200 с.
398. **Косик В.** Третій Райх і українське питання // Сучасність. 1986. № 2. С. 77–91.
399. **Косик В.** Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Львів: НТШ у Львові, 1993. 659 с.
400. **Косик В.** Україна під час Другої світової війни 1938–1945. Київ – Париж – Нью-Йорк – Торонто, 1992. 729 с.
401. **Косик В.** «Український історик» про ОУН і УПА // Український історик (Нью-Йорк – Торонто – Київ – Львів – Мюнхен). 1994. № 1–4 (120–123). С. 82–89.
402. **Котляр В. Л.** Українське питання в політиці урядів Польщі (1926–1939 рр.) // Український історичний журнал. 1978. № 11. С. 23–34.
403. **Красильников А. Н.** СССР и Англия. Советско-английские отношения в 1917–1967 гг. М.: Знание, 1967. 48 с.
404. **Красовський І.** Лемківщина в боротьбі за об'єднання з Україною. Нью-Йорк: Йонкерс, 1964. 31 с.
405. «Круглый стол»: Вторая мировая война – истоки и причины // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 3–32.
406. **Крушельницький А. В., Нагаєв И. М.** Воссоединение Западной Украины с Советской Украиной: Сентябрь–ноябрь 1939 г. // Советские архивы. 1979. № 3. С. 23–28.
407. **Крылов Н. Б.** На весах Фемиды: США и международное право. М.: Молодая гвардия, 1986. 222 с.
408. **Кубійович В.** Українці в Генеральній Губернії 1939–1941: Історія українського центрального комітету. Чікаго: Вид-во М. Денисюка, 1975. 664 с.
409. **Кук В.** Українська Повстанська Армія та її коріння // Сучасність. 2002. № 10. С. 57–67.
410. **Кукулка Ю.** Проблемы теории международных отношений / Пер. с польск. М.: Прогресс, 1980. 319 с.

411. Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Чельщев И. А. Правда и ложь о Второй мировой войне. 2-е изд. М.: Воениздат, 1988. 296 с.
412. Кульчицький В. С., Тищик Б. Й. Історія держави і права України: Навчальний посібник. Київ: Атіка, 2001. 320 с.
413. Кульчицький С. Возз'єднання західноукраїнських земель: з відстані шести десятиріч // Історія України. 1999. № 34. С. 1–2.
414. Кульчицький С. Українські націоналісти в червоно-коричневій Європі // Сучасність. 1999. № 4. С. 71–74.
415. Кульчицький С. В. Утвердження незалежності України: перше десятиліття (Закінчення) // Український історичний журнал. 2001. № 4 (439). С. 3–41.
416. Куніна А. Е. Идеологические основы внешней политики США. М.: Политиздат, 1973. 223 с.
417. Курило В. М. Визначна подія в житті українського народу // Український історичний журнал. 1978. № 11. С. 23–34.
418. Курило В. М. Історична зумовленість возз'єднання Північної Буковини з Українською РСР // Український історичний журнал. 1983. № 9. С. 55–66.
419. Курис П. М. Международные правонарушения и ответственность государств. Вильнюс: Минтис, 1973. 279 с.
420. Кудрявцев Д. И. Основы международного права: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1970. 201 с.
421. Куц Е. Р. Борьба СССР за демократическое решение польского вопроса, 1941–1945. Киев: Наукова думка, 1984. 151 с.
422. Ладыженский А. М., Блищенко И. П. Мирные средства разрешения споров между государствами. М.: Госюриздан, 1962. 175 с.
423. Лазарев М. И. Об определении понятия агрессии // Советский ежегодник международного права, 1969. М.: Наука, 1970. С. 109–126.
424. Лазутин Л. А. Развитие правовых норм о мерах доверия и вопросы их реализации // Проблемы реализации норм международного права: Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Свердловский юридический ин-т им. Р. А. Руденко, 1989. С. 51–58.
425. Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М.: Наука, 1978. 686 с.
426. Лебедев Н. И. СССР в мировой политике, 1917–1982. 2-е изд., доп. и испр. М.: Международные отношения, 1982. 366 с.

427. **Лебедь М.** Зовнішня політика Генерального Секретаріату за-кордонних справ УГВР // Сучасність. 1986. Липень-серпень. Ч. 7–8 (303–304). С. 187–194.
428. **Левин Д. Б.** Актуальные проблемы теории международного права. М.: Наука, 1974. 264 с.
429. **Левин Д. Б.** История международного права. М.: Изд-во ИМО, 1962. 136 с.
430. **Левин Д. Б.** Международное право, внешняя политика и дип-ломатия. М.: Международные отношения, 1981. 143 с.
431. **Левин Д. Б.** О современных буржуазных теориях международ-ного права. М.: ВЮЗИ, 1959. 64 с.
432. **Левин Д. Б.** Ответственность государств в современном между-народном праве. М.: Международные отношения, 1966. 152 с.
433. **Левин И. Д.** Суверенитет. М.: Юридическое изд-во, 1948. 376 с.
434. **Левицький М.** Західня Україна. Харків: Пролетарій, 1928. 134 с.
435. **Лемин И.** Вторая империалистическая война началась. М.: Во-ениздат, 1939. 96 с.
436. **Ленін В. И.** О международной политике и международном праве: Сборник. М.: Изд-во ИМО, 1959. 775 с.
437. **Лисовский В. И.** Украинская ССР и международное право. М.: Московский финансовый ин-т, кафедра права, 1960. 40 с.
438. **Лист Ф.** Международное право. В систематическом изложе-нии. Изд. 4-е. Юрьев (Дерпт), 1917. 472 с.
439. **Литвин М. Р., Луцький О. І., Науменко К. Є.** 1939. Західні землі України. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1999. 152 с.
440. **Лихачев В. Н.** Пробелы в современном международном праве. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. 85 с.
441. **Лихачев В. Н.** Установление пробелов в современном между-народном праве. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. 135 с.
442. **Ліщинський М.** Як Гітлер провокацією підготував світову вій-ну // Вісті комбатанта. 1965. № 5. С. 31–35.
443. **Лозинський М.** Галичина в рр. 1918–1920. (Віденсь), 1922. 228 с.
444. **Ломов Г. І.** Народні Збори Західної України. Львів: Книжково- журнальне вид-во, 1959. 31 с.
445. **Лукашук И. И.** Международно-правовое урегулирование международных отношений. М.: Международные отноше-ния, 1975. 176 с.

446. **Лукашук И. И.** СССР и международные договоры // Советский ежегодник международного права, 1959. С. 16–50.
447. **Мазур Г.** Політика радянської влади щодо населення Західної України в 1939–1941 рр.: суть і наслідки // Україна-Польща: важкі питання: Матеріали IV міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Варшава, 8–10 жовтня 1998 р.). Варшава: Tyrsa, 1999. С. 91–108.
448. **Макарчук В. С.** Американо-британські противіччя в період Другої світової війни та їх використання Москвою // Часопис Київського ун-ту права. 2005. № 3. С. 13–18.
449. **Макарчук В. С.** Визначення лінії міждержавного кордону на радянсько-німецьких переговорах у вересні–жовтні 1939 р. (аспекти міжнародної політики та міжнародного права) // Вісник Запорізького юридичного ін-ту. 2004. № 3. С. 296–305.
450. **Макарчук В. С.** Входження Закарпатської України до складу УРСР (1939–1945): історико-правові аспекти // Вісник Львівського ін-ту внутрішніх справ: Збірник / Гол. ред. Регульський В. Л. . Львів: Львівський ін-т внутрішніх справ при НАВС України, 2000. С. 39–48.
451. **Макарчук В. С.** До питання про «День М» (22 червня 1941 р. і аспекти міжнародної політики та міжнародного права) // Вісник Львівського ін-ту внутрішніх справ: Збірник / Гол. ред. Ортинський В. Л. Львів: Львівський ін-т внутрішніх справ при НАВС України. Вип. 3. 2003. С. 267–276.
452. **Макарчук В. С.** До питання про легітимність Народних Зборів Західної України // Вісник Львівського ін-ту внутрішніх справ: Збірник / Гол. ред. Ортинський В. Л. Львів: ЛІВС при НАВС України. Вип. 1. 2004. С. 298–309.
453. **Макарчук В. С.** Еволюція інституту права націй на самовизначення у міжнародному праві міжвоєнної доби (1918–1939 рр.) – погляд з України // Науковий вісник Львівського юридичного ін-ту МВС України: Збірник / Гол. ред. Ортинський В. Л. Львів: Львівський юридичний ін-т МВС України. Вип. 2 (2). 2004. С. 241–257.
454. **Макарчук В. С.** Загальна історія держави і права зарубіжних країн: Навчальний посібник. Вид. 5-те, доп. Київ: Атіка, 2006. 680 с.

455. **Макарчук В. С.** Звичай як джерело міжнародного права (на матеріалах радянської зовнішньої політики, серпень-листопад 1939 р.) // Життя і право. Львівський правничий часопис. 2004. № 7 (7). С. 17–26.
456. **Макарчук В. С.** Значення діяльності ОУН-УПА та інших антикомуністичних збройних угрупувань періоду Другої світової війни для минулого і сучасного України // Вісник Львівського ін-ту внутрішніх справ: Збірник / Гол. ред. Ортинський В. Л. Львів: ЛІВС при НАВС України, 2002. Вип. 3. С. 181–191.
457. **Макарчук В. С.** Історико-правові аспекти входження Північної Буковини до складу УРСР (червень 1940 р.) // Питання історії, теорії та практики діяльності органів внутрішніх справ в умовах розвитку демократичного суспільства. Вісник Львівського ін-ту внутрішніх справ. Вип. 7. С. 206–214.
458. **Макарчук В. С.** Зміна суспільної формації: аспекти екології та права (на матеріалах західних областей України, кінець 30-х – 50-х рр. ХХ ст.) // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія юридична. Збірник наукових праць. Львів, 2006. Вип. 3. С. 3–8.
459. **Макарчук В. С.** Історичне значення Львова для українського народу як юридичний факт міжнародного права // Життя і право. 2005. № 2. С. 17–22.
460. **Макарчук В. С.** Методика дослідження державно-територіального статусу західноукраїнських земель періоду Другої світової війни (1939–1945 рр.) // Вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. 2006. Вип. 2. С. 17–29.
461. **Макарчук В. С.** Міжнародно-правове визнання державного кордону між Україною і Польщею (1939–1945 рр.): Монографія. Київ: Атіка, 2004. 348 с.
462. **Макарчук В. С.** Міжнародно-правове значення рішень Народних Зборів Західної України 26 жовтня 1939 р. та Акту проголошення Української державності 30 червня 1941 р. (спроба порівняльного аналізу) // Правова держава. Вип. 16. Київ: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2005. С. 198–209.
463. **Макарчук В. С.** Міжнародно-правові аспекти возз'єднання західноукраїнських земель (1919–1945) в оцінках польської історико-правової школи // Юридична наука та освіта: історія,

сучасність перспективи: Матеріал ІХ історико-правової конференції (6–8 червня 2003 р., м. Рівне). Київ, 2004. С. 174–181.

464. **Макарчук В. С.** Облаштування лінії радянсько-німецького кордону в 1939–1941 рр.: від демаркації до співробітництва і торгівлі // Підприємництво, господарство і право. 2005. № 5. С. 3–7.
465. **Макарчук В. С.** Основи римського приватного права. Видання 2-ге, доповнене. Київ: Атіка, 2003. 256 с.
466. **Макарчук В. С.** Питання автономії Галичини у першій половині ХХ століття // Історико-правові проблеми автономізму та федералізму: Матеріали Х-ї міжнародної історико-правової конференції (22–24 вересня 2003 р., м. Севастополь). Сімферополь, 2004. С. 160–166.
467. **Макарчук В. С.** Питання кордонів Другої Речі посполитої в міжнародних відносинах міжвоєнного періоду // Ефективність державного управління: Зб. наук. праць Львівського регіонального ін-ту державного управління Української Академії державного управління при Президентові України / За заг. ред. Чемериса А. О. Львів: ЛРІДУ УАДУ, 2003. Вип. 3. С. 88–95.
468. **Макарчук В. С.** Питання післявоєнного радянсько-польського кордону на Тегеранській (1943 р.) та Ялтинській (1945 р.) конференціях Великої Трійки – аспекти моралі і права // Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності. 2005. № 1: Зб. наук. праць Донецького юридичного ін-ту при Донецькому національному ун-ті. Донецьк, 2005. С. 28–36.
469. **Макарчук В. С.** Політика де-факто в міжнародно-правовій практиці Радянського Союзу на заключному етапі Другої світової війни та західноукраїнське питання // Життя і право. 2004. № 10. С. 44–53.
470. **Макарчук В. С.** Польська політика депортаций українського населення (30–40-і рр. ХХ ст.) – питання ідеологічного обґрунтування та права // Життя і право. 2005. № 7. С. 15–23.
471. **Макарчук В. С.** Правове врегулювання кордонів незалежної України // Вісник Львівського ін-ту внутрішніх справ: Зб. (№ 2) / Гол. ред. Регульський В. Л. Львів: Львівський ін-т внутрішніх справ при НАВС України. 2001. С. 107–116.
472. **Макарчук В. С.** Правові аспекти Возз'єднання західноукраїнських земель в оцінках англомовної історіографії періоду «холодної війни» (1946 – сер. 70-х рр.) // Вісник Львівсь-

- кого ін-ту внутрішніх справ при НАВС України: Зб. Львів: Львівський ін-т внутрішніх справ при НАВС України. 2000. № 2. С. 11–19.
473. **Макарчук В. С.** Правові аспекти здійснення «Українізації» в західних областях України (1939–1941 рр.) // Вісник Львівського ін-ту внутрішніх справ: Зб. / Гол. ред. Регульський В. Л. Львів: ЛІВС при НАВС України, 2001. № 1. С. 201–207.
474. **Макарчук В. С.** Проблема польсько-німецького кордону у міжвоєнний період (аспекти геополітики і міжнародного права) та митна війна 1929 р. // Митна справа. Науково-аналітичний журнал з питань митної справи та зовнішньоекономічної діяльності. Фахове видання. 2004. Березень-квітень. № 2 (32). С. 59–68.
475. **Макарчук В. С.** Проблеми автономії Галичини у першій половині ХХ століття // Ученые записки Таврического Национального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия юридические науки. Т. XIX (58). №4. Симферополь: Информационно-издательский отдел Таврического Национального ун-та им. В. Вернадского, 2006. С. 3–9.
476. **Макарчук В. С.** Радянсько-нацистська змова 23 серпня 1939 р. у світлі доктрини інтерtempорального права // Ученые записки Таврического Национального ун-та им. В. И. Вернадского. Т. 18 (57). № 2. Юридические науки. Симферополь, 2005. С. 13–21.
477. **Макарчук В. С.** Ризький мир 1921 р.: міжнародно-правові аспекти // Вісник Луганської академії внутрішніх справ МВС імені 10-річчя незалежності України. науково-теоретичний журнал. Вип. 3. Луганськ, 2004. С. 39–49.
478. **Макарчук В. С.** Ризький мир 1921 р.: радянське і польське тлумачення // Життя і право. Львівський правничий часопис. 2004. № 8 (8). С. 28–33.
479. **Макарчук В. С.** Розширення статусу союзних республік, входження Української РСР до складу держав-засновниць ООН та проблема західного кордону СРСР (питання міжнародної політики та міжнародного права в оцінках вітчизняних та зарубіжних науковців) // Вісник Львівського ун-ту. Серія міжнародні відносини. Вип. 14. Львів: Львівський національний ун-т ім. Івана Франка, 2004. С. 59–68.

480. **Макарчук В. С.** 17 вересня 1939 р.: аспекти права // Юридична біографістика: історія, сучасність та перспективи: Матеріали VIII Міжнародної конференції істориків права (15–18 вересня 2002 р., м. Феодосія). Сімферополь, 2003. С. 188–207.
481. **Макарчук В. С.** Становлення права націй на самовизначення в якості норми *ius cogens* в міжнародному праві першої половини ХХ ст. // Вісник Національного ун-ту внутрішніх справ. Вип. 29. Харків: НУВС, 2005. С. 224–233.
482. **Макарчук С. А.** Нищення населення на Волині в часи війни (1941–1945) // Вісник Львівського ун-ту. Серія історична. Львів, 1999. Вип. 34. С. 361–382.
483. **Макарчук С.** Переселення поляків із західних областей України в Польщу у 1944–1946 рр. // Український історичний журнал. 2003. № 3. С. 103–115.
484. **Макарчук С. А.** Этносоциальное развитие и национальные отношения на западноукраинских землях в период империализма. Львов: Вища школа, 1983. 256 с.
485. **Максимичев И. Ф.** Дипломатия мира против дипломатии войны: Очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933–1939 гг. М.: Международные отношения, 1981. 288 с.
486. **Максимычев И. Ф.** Как была развязана Вторая мировая война. М.: Знание, 1981. 64 с.
487. **Маланчук В.** Торжество ленінської національної політики (Комуністична партія – організатор розв'язання національного питання в західних областях УРСР). Львів: Книжково-журнальне вид-во, 1962. 696 с.
488. **Манусевич А. Я.** На пути к катастрофе (Из истории внешней политики Польши в 1938–1939 гг.) // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: АН СССР, Ин-т славяноведения и Балканистики, 1989. С. 37–49.
489. **Мар М.** Ялта – символ зради гарантованих людських вольностей // В боротьбі за Українську державу / М. Марунчак; післямова Є. Гриніва. Львів: Меморіал, 1992. С. 969–974.
490. **Мареев А.** Временные управления и крестьянские комитеты – органы революционной народной власти // Партийно-политическая работа в РККА. 1939. № 1.
491. **Марочкин С. Ю.** Применение в СССР норм международных договоров (к разработке проблемы) // Проблемы реализации норм

- международного права. Межвузовский сб. науч. трудов. Свердловск: Свердловский юридический ин-т им. Р. А. Руденко, 1989. С. 4–11.
492. **Мартиненко А. К.** Загострення імперіалістичних суперечностей в Західній Європі. Київ: Знання УРСР, 1960. 40 с.
493. **Марунчак М.** Українці в Румунії, Чехо-Словаччині, Польщі, Югославії. Вінніпег: Загальна бібліотека, 1969. 64 с.
494. Международное право / Отв. ред. Тункин Г. И. М.: Юридическая литература, 1974. 592 с.
495. Международное право и международный правопорядок: Сборник статей. М.: Ин-т государства и права АН, 1981. 172 с.
496. Международное право: советский и английский подходы: Материалы советско-английского симпозиума. М.: Ин-т государства и права, 1989. 165 с.
497. Международные отношения и внешняя политика СССР (1917–1960). М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1961. 608 с.
498. **Меллентин Ф. В.** Танковые сражения 1939–1945 гг. М.: Иностранная литература, 1957. 302 с.
499. **Мелков Г. М.** Международное право в период вооруженных конфликтов. М.: ВЮЗИ, 1988. 95 с.
500. **Мельников Д. Е., Черная Л. Б.** Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М.: Изд-во АПН, 1981. 432 с.
501. **Мендельсон М. Х.** Дело Никарагуа и обычное международное право // Международное право: советский и английский подходы: Материалы советско-английского симпозиума. М.: Ин-т государства и права, 1989. С. 44–55.
502. **Менжинский В. И.** Неприменение силы в международных отношениях. М.: Наука, 1976. 294 с.
503. **Менжинский В. И., Даниленко Г. И.** Процесс образования и действия международного обычного права // Международное право и международный правопорядок: Сб. статей. М.: Ин-т государства и права АН, 1981. С. 53–66.
504. **Мережко А. А.** Введение в философию международного права. Гносеология международного права. Киев: Юстиниан, 2002. 189 с.
505. **Миронов Н. В.** Международное право: нормы и их юридическая сила. М.: Юридическая литература, 1980. 159 с.

506. **Миронов Н. В.** Международные договоры СССР: (Порядок заключения, исполнения и денонсации договоров). М.: Знание, 1980. 63 с.
507. **Миронов Н. В.** Правовое регулирование внешних сношений СССР. 1917–1970 гг. М.: Международные отношения, 1971. 296 с.
508. **Миронович М.** Нове життя. Київ: Держполітвидав при РНК УРСР, 1940. 64 с.
509. **Миронов Н. В.** Советское законодательство и международное право. М.: Международные отношения, 1968. 197 с.
510. **Михутина И. В.** Советско-польские отношения 1931–1935. М.: Наука, 1974. 295 с.
511. **Мовчан А.** Мирные средства разрешения международных споров. М.: Изд-во МГУ, 1957. 30 с.
512. **Моджорян Л.** Основные права и обязанности государств. М.: Юридическая литература, 1965. 227 с.
513. **Молчанов Н. Н.** СССР – Франция: полувековой путь. М.: Международные отношения, 1974. 95 с.
514. **Мосли Л.** Утраченное время: Как начинался Вторая мировая война / Сокр. пер. с англ. М.: Воениздат, 1972. 375 с.
515. **Михутина И. В.** Советско-польские отношения 1931–1935. М.: Наука, 1977. 287 с.
516. **Муковський І., Лисенко О.** Українці в збройних формуваннях країн-учасниць Другої світової війни // Сурмач (Лондон–Львів). 1995. № 1–4. С. 22–25.
517. **Мюллерсон Р. А.** Принцип неприменения силы и угрозы силой в современном мире // Международное право: советский и английский подходы. Материалы советско-английского симпозиума. М.: Ин-т государства и права, 1989. С. 14–24.
518. **Назаркевич Р.** Некоторые проблемы взаимоотношений между различными группировками в польском движении Сопротивления // Вторая мировая война. Кн. 3. Движение Сопротивления в Европе. М.: Наука, 1966. С. 227–240.
519. Назустріч волі: До 40 річчя возз'єднання українських земель в єдиній Радянській соціалістичній державі: Зб. наук.-іст. нарисів / Упор. М. К. Івасюта, А. П. Калиновський. Львів: Каменяр, 1979. 126 с.

520. Нариси історії Львівської обласної партійної організації / Авт. кол.: Яремчук Д. А., к.і.н. (кер.) та ін. 3-те вид., випр. і доп. Львів: Каменяр, 1980. 386 с.
521. **Настюк М. І., Парпан М. П.** Організація і діяльність тимчасових органів народної влади в Західній Україні. // Український історичний журнал. 1959. № 10.
522. **Науменко К.** Як Сталін і Гітлер «життєвий простір» ділили // Високий Замок. 1999. 27 серпня.
523. **Невежин В. А.** Москва, Кремль, 5 мая 1941 года // Военно-исторический журнал. 2001. № 5. С. 62–69.
524. **Ніньовський В.** Українська тематика в документах Міжнародного Військового Трибуналу // В боротьбі за Українську державу / Марунчак М.; Післямова Гринів Є. Львів: Меморіал, 1992. С. 185–196.
525. Общепризнанные нормы в современном международном праве. Киев: Наукова думка, 1984. 269 с.
526. **Овчаренко О. І.** Польща в політиці СРСР (вересень 1939 р.) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. Київ, 2002. Вип. 6. С. 297–300.
527. **О'Коннел.** Правоприемство государств. М.: Иностранный литература, 1957. 589 с.
528. **Олійник М. П.** Дипломатія СРСР в початковий період Другої світової війни // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України. Ін-т історії України. Київ, 2002. Вип. 6. С. 300–302.
529. **Ольшанські Т.** Пам'ять про креси ... так, але як? // Вісті комбата. 1991. Ч. 2 (172). С. 40–45.
530. **Оппенгейм Л.** Международное право / Пер. с 6-го англ. изд., доп. Лаутерпахтом Г.; Под ред. и с предисл. проф. Крылова С. Б. Т. 1. Мир. Полутом 1. М.: Гос. Изд-во иностр. литературы, АН СССР, 1948. 408 с.
531. **Оппенгейм Л.** Международное право / Пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом; Под ред. и с предисл. проф. С. Б. Крылова. Т. 1. Мир. Полутом 2. М.: Гос. изд-во иностр. литературы, АН СССР, 1949. 548 с.
532. **Оппенгейм Л.** Международное право / Пер. с 6-го англ. изд., доп. Лаутерпахтом Г.; Под ред. и с предисл. проф. Крылова С. Б. Т. 2. Споры. Война. Полутом 1. М.: Гос. изд-во иностр. литературы, АН СССР, 1949. 440 с.

533. **Оппенгейм Л.** Международное право / Пер. с 6-го англ. изд., доп. Лаутерпахтом Г.; Под ред. и с предисл. проф. Крылова С. Б. Т. 2. Война (Продолжение). Нейтралитет. Полутом 2. М.: Гос. изд-во иностр. литературы, 1950. 499 с.
534. **Ортинський Л.** Українська дивізія на тлі політичних подій Другої світової війни // Календар-альманах «Нового шляху» на 1984. Торонто: Новий шлях, б. р. С. 81–117.
535. **Османчик Э. Я.** Был год 1945 / Пер. с польск. Я. О. Немчинова. М.: Международные отношения, 1975. 198 с.
536. **Островерх М.** На крутому зломі // Свобода. 1955. 20 травня.
537. От Мюнхена до Тонкинского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны / Перевод; Сост. Троицкая Е. Я. М.: Политиздат, 1992. 448 с.
538. Очерки истории советско-польских отношений, 1917–1977: Сб. статей / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканстики, Пол. акад. наук, Ин-т соц. стран. М.: Наука, 1979. 584 с.
539. **Панкрашова М., Сиполс В.** Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г. (Документальный обзор) // Международная жизнь. 1969. № 11 (окончание). С. 99–111.
540. **Парсаданова В. С.** Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Наука, 1982. 280 с.
541. **Партач Ч.** Українська проблема у політиці польського еміграційного уряду і польського підпілля в 1939–1945 рр. // Україна-Польща: важкі питання. Т. 4. Матеріали IV міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Варшава, 8–10 жовтня 1998 р.). Варшава: Tyrsa, 1999. С. 109–122.
542. **Перетерский И. С.** Толкование международных договоров. М.: Госюриздан, 1959. 172 с.
543. **Петров В. С. и др.** Ленинская внешняя политика СССР: развитие и перспективы. М.: Политиздат, 1974. 335 с.
544. **Петровський А. Л., Пирожков С. И.** Демографічні втрати народонаселення Української РСР у 40-х рр. // Український історичний журнал. 1990. № 2. С. 15–25.
545. **Піскунович Г.** Польське підпілля на південно-східних кресах Другої Речі Посполитої у 1939–1945 рр. // Україна-Польща: важкі питання. Т. 1–2: Матеріали II міжнародного семінару істориків

- «Українсько-польські відносини в 1918–1947 роках» (Варшава, 22–24 травня 1997 р.). Варшава: Tyrsa, 1998. 245 с., С. 172–189.
546. Правда и ложь о Второй мировой войне / Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Чельщев И. А.; Под ред. Ржешевского О. А. М.: Воениздат, 1983. 334 с.
547. Право международных договоров: Учебное пособие / М.: МВС-СО СССР, Ун-т Дружбы народов, 1979. 82 с.
548. Правова ідеологія і право України на етапі становлення тоталітарного режиму (1929–1941). Київ: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2001. 219 с.
549. **Преображенська В. В.** УРСР – рівноправний суб'єкт міжнародного права. Львів: Вид-во Львівського ун-ту, 1973. 50 с.
550. Проблемы реализации норм международного права: Межзвузовский сб. науч. трудов. Свердловск: Свердловский юридический ин-т им. Р. А. Руденко, 1989. 143 с.
551. Признание в современном международном праве. Признание новых государств и правительств. М.: Международные отношения, 1975. 167 с.
552. **Прокоп М.** З перспективи сорокаріччя // Сучасність. 1981. Ч. 7–8 (247–248). С. 118–134.
553. **Прокоп М.** Чи ми приречені ворогувати? До питання українсько-польських взаємин // Сучасність. 1972, вересень. Ч. 9 (141). С. 100–107.
554. **Прокоп М.** Україна і Українська політика Москви. Ч. 1. Період підготовки до Другої світової війни. Вид. 3-те. б. м.: Сучасність, 1981. 176 с.
555. **Прокоп М.** Українська політика III Райху в Другій світовій війні // В боротьбі за Українську державу. Есеї, спогади, свідчення, літописання, документи Другої світової війни. Вінніпег, 1990. С. 91–119.
556. **Прокоп М.** Українські самостійницькі політичні сили в Другій світовій війні // В боротьбі за Українську державу. Есеї, спогади, свідчення, літописання, документи Другої світової війни. Вінніпег, 1990. С. 43–63.
557. **(Пронин А. В.)** И. В. Сталин: «Я давно уже оставил сей грешный мир...» // Военно-исторический журнал. 2002. № 3. С. 94–96.
558. **Проэктор Д. М.** Некоторые аспекты создания гитлеровского плана агрессии против СССР // Вторая мировая война: Мате-

- риалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине Победы над фашистской Германией. Кн. 1-ая. М.: Наука, 1966. С. 298–304.
559. **Пунжин С. М.** Проблема защиты прав меньшинств в международном праве // Государство и право. 1992. № 8. С. 123–132.
560. **Пушмин Э. А.** Мирное разрешение международных споров (международно-правовые вопросы). М.: Международные отношения, 1974. 175 с.
561. **Пшигоньский А.** Буржуазная и народно-демократическая концепции борьбы с гитлеровскими оккупантами в годы Второй мировой войны // Вторая мировая война: Материалы научной конференции посвященной 20-й годовщине Победы над фашистской Германией. Кн. 1-ая. С. 230–250.
562. **Радзейовський Я.** Українці та поляки – формування обопільної думки та стереотипу // Сучасність. 1987, Лютій. Ч. 2 (310). С. 59–78.
563. **Рахманий Р.** 30 червня 1941. Декларація державницьких прав української людини // Визвольний шлях. 1989. № 6 (червень). С. 643–645.
564. **Рахманий Р.** Чин української національної гідності // Державність. 1992. Квітень–червень. № 2 (5). С. 29–32.
565. **Решетов Ю. А.** Борьба с международными преступлениями и поддержание международного правопорядка // Международное право и международный правопорядок. М.: АН СССР, ИГП, 1981. С. 42–53.
566. **Родионова В.** Территория в международном праве. М.: ВЮЗИ, 1955. 40 с.
567. **Рожик М.** Західноукраїнські землі в контексті нацистсько-більшовицької змови 1939 року // 1939 рік в історичній долі України і українців: Матеріали Міжнародної наукової конференції 23–24 вересня 1999 р. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2001. С. 121–126.
568. **Рубанов А. А.** Вопросы теории международных межправовых отношений // Советское государство и право. 1991. № 10. С. 98–107.
569. **Русначенко А.** Українсько-польське протистояння в роки Другої світової війни // Сучасність. 2001. № 10. С. 89–112; № 11. С. 94–104.

570. **Рыбаков Ю. М.** Вооруженная агрессия – тягчайшее международное преступление. М.: Юридическая литература, 1980. 216 с.
571. **Рыжиков В. А.** Зигзаги дипломатии Лондона. (Из истории советско-английских отношений). М.: Международные отношения, 1973. 215 с.
572. **Салюк А., Горний М.** Депортация, або як «прилучали» українців т. зв. Закерзоння до України // Високий Замок. 1999. 14 вересня.
573. **Самсонов А. М.** Вторая мировая война, 1939–1945: Очерк важнейших событий. М.: Наука, 1985. 584 с.
574. **Сатоу Э.** Руководство по дипломатической практике / Пер. с англ. М.: Изд-во ИМО, 1961. 496 с.
575. **Сварник І. І.** Маловідомі сторінки «золотого вересня» // Український археографічний щорічник. Нова серія. Вип. І. / Гол. ред. Сохань П. Київ: Наукова думка, 1992. С. 401–417.
576. **Свистун В.** Возз'єднання України – присмерк скитальщини: Доповідь, виголошена в українському робітничому домі у Вінниці 18 грудня 1949. б.м., б.р. 47 с.
577. **Свистун В.** Українське питання в світлі воєнних подій. Вінніпег, б.м., б.р. 16 с.
578. **Севостьянов П. П.** Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны, сент. 1939 г. – июнь 1941 г. М.: Политиздат, 1981. 367 с.
579. **Семиряга М. И.** Сговор двух диктаторов // История и сталинизм / Сост. Мерцалов А. Н. М.: Политиздат, 1991. С. 200–226.
580. **Семиряга М. И.** Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992. 303 с.
581. **Сергійчук В.** Зміна кордонів УРСР у 1939–1940 роках // 1939 рік в історичній долі України і українців: Матеріали Міжнародної наукової конференції 23–24 вересня 1999 р. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2001. С. 147–151.
582. **Сергійчук В.** Депортация поляков з України. Невідомі документи про насильницьке переселення більшовицькою владою польського населення з УРСР Польщу в 1944–1946 роках. Київ: Видання Української Видавничої Спілки, 1999. 191 с.
583. **Сергійчук В.** Микита Хрущов і зміна кордонів УРСР у 1939–1945 роках // Публіцист мислі і серця: На пошану 80-річчя Романа Олійника Рахманного. Київ: Четверта хвиля, 2000. С. 35–48.

584. **Сергійчук В.** Правда про «Золотий вересень» 1939-го. Київ: Видання Української Видавничої Спілки, 1999. 128 с.
585. **Сергійчук В.** Трагедія українців в Польщі. Тернопіль: Книжково-журнальне вид-во «Тернопіль», 1997. 439 с.
586. **Сивіцький М.** Воєнна драма на Перемиській межі 1943–1947: Доповідь на з'їзді Перемишлян 25.06.1994 // Визвольний шлях. 1995. № 8. С. 975–980.
587. **Сивіцький М.** Польсько-український конфлікт 1943–1944 // Календар-альманах «Нового шляху» на 1993 рік. Торонто, б. р. С. 114–121.
588. **Симонова Т. М.** Стратегические замыслы начальника Польского государства Юзефа Пилсудского // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 42–48.
589. **Сиполс В. Я.** Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1979. 320 с.
590. **Сиполс В. Я.** Защита Советским Союзом интересов Польши на Крымской конференции // Ялтинская конференция 1945. Уроки истории. М.: Наука, 1985. С. 84–92.
591. **Сиполс В. Я.** СССР и проблемы мира и безопасности в Восточной Европе // СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933–1945 гг. М.: Наука, 1975. 328 с.
592. **Сиполс В. Я., Челышев И. А.** Крымская конференция, 1945 год. М.: Международные отношения, 1984. 93 с.
593. **Скакунов Э. И.** Самооборона в международном праве. М.: Юридическая литература, 1973. 176 с.
594. **Славин М. М.** Преобразование политического строя в Польше (По материалам польско-советского симпозиума) // Государство и право. 1992. № 3. С. 144–150.
595. **Сливка Ю. Ю.** Західна Україна в реакційній політиці польської та української буржуазії (1920–1939). Київ: Наукова думка. 1985. 269 с.
596. **Сливка Ю. Ю.** Україна в Другій світовій війні: національно-політичний та міжнародно-правововий аспекти // Україна: Культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 1997. Вип. 3–4. С. 3–31.
597. Словарь международного права / Дипломатическая академия МИД СССР. Агеев Э. Т. и др. М.: Международные отношения, 1982. 245 с.

598. Советское государство и международное право / Отв. ред. Ко-  
жевников Ф. М.: Международные отношения, 1967. 312 с.
599. **Соколов В. А.** Правовые формы прекращения состояния вой-  
ны между государствами. М.: Госюризат, 1963. 74 с.
600. **Сосинский С. Б.** Операция «Аргонавт». (Крымская конфе-  
ренция и ее оценка в США). М.: Международные отношения,  
1970. 312 с.
601. Социально-политическая закономерность и правовые осно-  
вы воссоединения западноукраинских земель с Украинской  
ССР / Сокуренко В. Г., Орач Е. М., Кульчицкий В. С. и др.;  
Отв. ред. Сокуренко В. Г. Львов: Изд-во Львовского ун-та,  
1963. 381 с.
602. **Сперанская Л. В.** Принцип самоопределения наций в между-  
народном праве. М.: Госюризат, 1961. 173 с.
603. СССР и проблемы международного права: Сб. статей. М.: АОН,  
1947. 166 с.
604. **Сталин И. В.** Вопросы ленинизма / Изд. 11-е. Л.: Госполитиз-  
дат, 1953. 651 с.
605. **Сталин И.** О Великой Отечественной войне Советского Союза.  
М.: ОГИЗ, 1944. 159 с.
606. **Станевич М.** Сентябрьская катастрофа / Пер. с польск. Зяблова П.  
и Павловича В. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. 242 с.
607. **Старушченко Г. Б.** Мировой революционный процесс и совре-  
менное международное право. М.: Международные отноше-  
ния, 1978. 328 с.
608. **Старушченко Г. Б.** Принцип самоопределения народов и наций  
во внешней политике Советского государства (Ист.-правовой  
очерк). М.: Изд-во ИМО, 1960. 191 с.
609. **Стерчо П.** Урядова координація операцій мадярських і поль-  
ських терористів у Карпатській Україні // Державність. 1993.  
Січень-березень. № 1 (8). С. 15–23.
610. **Стєфаник С.** Возз'єднання всіх українських земель в єдиній  
Українській Радянській державі. Київ: Держполітвидав УРСР,  
1954. 64 с.
611. Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН Украї-  
ни, Ін-т історії України. Київ, 2001. Вип. 5. 260 с.
612. Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН Украї-  
ни. Ін-т історії України. Київ, 2002. Вип. 6. 320 с.

613. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне. Воен.-ист. справочник / Под ред. полковника М. И. Семиряги. М.: Воениздат, 1972. 302 с.
614. Суверенитет в государственном и международном праве. «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 3–28.
615. **Суворов В.** «День М». Когда началась Вторая мировая война? Нефантастическая повесть-документ. Кн. 2-я. Черкассы: Інлес, 1994. 272 с.
616. **Суворов В.** Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну. Киев-Черкассы, 1993. 352 с.
617. **Суворова В. Я.** Применение мер в случае нарушения международного договора СССР другими его участниками (теоретический аспект) // Исполнение международных договоров СССР: Вопросы теории и практики. Свердловск: Свердловский юридический ин-т, 1986. С. 44–52.
618. Суд истории. Репортажи с Нюрнбергского процесса / Величко В., Вишневский В., Заславский Д. [и др.]. Сост. Александров Г. Н. М.: Политиздат, 1966. 303 с.
619. **Сулятич М.** Міжнародна політика і Україна в час Другої світової війни // Визвольний шлях. 1958. № 3. С. 256–267.
620. Суспільно-політичний розвиток західних областей УРСР. 1939–1989 / АН УРСР, Ін-т суспільних наук. Упоряд.: Х. І. Горожанкіна та ін.; Відп. ред. Сливка Ю. Ю. Київ: Наукова думка, 1989. 456 с.
621. **Сухий О.** 1939 рік у висвітленні радянської історіографії // 1939 рік в історичній долі України і українців: Матеріали Міжнародної наукової конференції 23–24 вересня 1999 р. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2001. С. 31–40.
622. **Талалаев А. Н.** Право международных договоров: действие и применение договоров. М.: Международные отношения, 1985. 294 с.
623. **Талалаев А. Н.** Прекращение международных договоров в истории и практике Советского государства // Советский ежегодник международного права, 1959. М. АН СССР, 1960. С. 144–157.
624. **Таран С.** Власною працею і власним серцем – про М. Плав'юка. / ОУН: Минуле і майбуття: Збірник. Київ: Фундація ім. О. Ольжича, 1993. С. 90–99.

625. Територіальні претензії до України // Пам'ятки України. 1991. № 2. С. 10.
626. **Терлюк І. Я.** ...І тоді С. Грабський зрозумів, що стосовно Львова Сталін не піде на поступки... // Українські варіанти. 1997. № 2. С. 97–101.
627. **Тихомиров Ю. А.** Курс сравнительного правоведения. М.: Норма, 1996. 432 с.
628. **Тиунов О. И.** Критика американских подходов к проблеме осуществления международного контроля как средства реализации международных договоров в области разоружения (историко-правовые аспекты) // Проблемы реализации норм международного права. Межвузовский сб. науч. трудов. Свердловск: Свердловский юридический ин-т им. Р. А. Руденко, 1989. С. 90–104.
629. **Тиунов О. И.** Средства обеспечения международных договоров (понятие и классификация) // Исполнение международных договоров СССР: Вопросы теории и практики. Свердловск: Свердловский юридический ин-т, 1986. С. 37–44.
630. **Тиунов О. И.** Принцип соблюдения международных обязательств. М.: Международные отношения, 1979. 184 с.
631. **Тихомиров Ю. А.** Курс сравнительного правоведения. М.: Норма, 1996. 432 с.
632. **Ткачов С.** Польсько-український трансфер населення 1944–1946 рр. Виселення поляків з Тернопілля. Тернопіль: Підручники і посібники, 1997. 216 с.
633. **Томашевский Д. Г.** Борьба СССР за признание Польского народного государства (июль 1944 – июль 1945) // Вопросы истории. 1965. № 8.
634. Торжество історичної справедливості. Закономірність возз'єднання західноукраїнських земель в єдиній Українській Радянській державі. Львів: Вид-во Львівського державного ун-ту, 1968. 803 с.
635. **Трембицький В.** Національні втрати українського народу за 70 років // Державність. 1995. Серпень. № (14). С. 9–11.
636. 300 років возз'єднання України з Росією: Наук. зб. Львівського держ. ун-ту. Львів: Вид-во Львівського ун-ту, 1954. 333 с.
637. **Трояновский А.** Почему США воюют против гитлеровской Германии. М.: Госполитиздат, 1942. 111 с.

638. Трухановский В. Г. Антони Иден. Страницы английской дипломатии, 30–50-е гг. М.: Международные отношения, 1974. 422 с.
639. Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии в период Второй мировой войны (1939–1945). М.: Наука, 1965. 638 с.
640. Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939). М.: Изд-во ИМО, 1962. 411 с.
641. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М.: Международные отношения, 1982. 462 с.
642. Труш О. Плян маршала Жукова 15-го червня 1941 року // Наш голос. 1992. № 5. С. 87–88.
643. Тункин Г. И. Вопросы теории международного права. М.: Госюризат, 1962. 330 с.
644. Тункин Г. И. Право и сила в международной системе. М.: Международные отношения, 1983. 199 с.
645. Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Международные отношения, 1969. 512 с.
646. Україна: Культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 1. Київ: Наукова думка, 1992. 224 с.
647. Україна-Польща: важкі питання. Т. 1–2: Матеріали II міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини в 1918–1947 роках» (Варшава, 22–24 травня 1997 р.). Варшава: Tyrsa, 1998. 245 С. (матеріали дискусії учасників).
648. Україна-Польща: важкі питання. Т. 3: Матеріали III міжнародного наукового семінару «Українсько-польські стосунки в роки Другої світової війни» (Луцьк, 20–22 травня 1998 р.). Варшава: Tyrsa, 1998. 267 с. (матеріали дискусії учасників).
649. Україна-Польща: важкі питання. Т. 4: Матеріали IV міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Варшава, 8–10 жовтня 1998 р.). Варшава: Tyrsa, 1999. 348 с.
650. Україна-Польща: важкі питання: Матеріали V міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Луцьк, 27–29 квітня 1999 р.). Варшава: Tyrsa, 2001. 359 с.
651. Украинская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Хроника событий / АН УССР, Ин-т истории; Сост. Буцко О. В. и др. Киев: Политиздат Украины, 1985. 618 с.

652. Ульянова Н. Н. и др. Общепризнанные нормы в современном международном праве. Киев: Наукова думка, 1984. 267 с.
653. Ундасынов И. П. Рузвельт, Черчилль и второй фронт. М.: Наука, 1965. 136 с.
654. Ушаков В. Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. М.: Изд-во ИМО, 1961. 271 с.
655. Ушаков Н. А. Проблемы теории международного права. М.: Наука, 1988. 186 с.
656. Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / Редкол. Велидов А. С. и др. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. 511 с., ил.
657. Фельдман Д. Признание правительств в международном праве. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1961. 91 с.
658. Фельдман Д. И. Современные теории международно-правового признания. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1963. 103 с.
659. Фельдман Д. И., Курдюков Г. И., Кофман Б. И., Мингазов Л. Х. Признание в современном международном праве. М.: Международные отношения, 1975. 166 с.
660. Фердрасс А. Международное право / Пер. с нем. М.: Иностранный литература, 1959. 652 с.
661. Филиппов С. В. Оговорки в теории и практике международного договора. М.: Изд-во ИМО, 1958. 102 с.
664. Фомин В. Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М.: Госполитиздат, 1952. 180 с.
663. Фреїшин-Чировський М. Нарис політичної історії України. Львів: Братство святого Володимира, 1997. 248 с.
664. Фур І. Німецька політика і плани на Холмщині в роках 1939–1944 // В боротьбі за Українську державу / М. Марунчак; Післямова Є. Гриніва. Львів: Меморіал, 1992. С. 878–883.
665. Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки: В 6-ти томах. М.: Изд-во Иностранный литературы. 1951–1954. Т. 1. М., 1951. 544 с.; Т. 2. М., 1951. 532 с.; Т. 3. М., 1951. 576 с.; Т. 4. М., 1952. 596 с.; Т. 5. М., 1953. 619 с.; Т. 6. М., 1954. 503 с.
666. Хворостянный И. М. Основные направления фальсификации участия Украинской ССР в ООН // Ялтинская конференция 1945. Уроки истории: Материалы симпозиума (Ялта, 6–7 февр. 1985 г.). М.: Наука, 1985. С. 164–166.

667. **Хименес де АРЕЧАГА, Э.** Современное международное право / Пер. с исп. Папченко Ю. И.; под ред. и с вступ. ст. Тункина Г. И. М.: Прогресс, 1988. 480 с.
668. **Хміль І. С.** З прaporом миру крізь полум'я війни. Дипломатична діяльність Української РСР (1917–1920). Київ: Вид-во АН УРСР, 1962. 355 с.
669. **Цветков Г. Н.** Политика США в отношении СССР накануне Второй мировой войны. Киев: Политиздат Украины, 1973. 192 с.
670. **Цепенда І. Є.** Операція «Вісла» в польській історіографії // Український історичний журнал. 2002. № 3. С. 84–94.
671. **Цепенда І.** Повернення до правди // Визвольний шлях. 1995. № 9. С. 1121–1123.
672. **Цимбалістий Б.** В полоні минулого. До питання українсько-польських взаємин // Сучасність. 1975. Січень. Ч. 1 (169). С. 87–100.
673. **Циммерман М. А.** Очерки нового международного права: Пособие к лекциям. Мирные переговоры. Лига Наций. Постоянная палата Международного Суда. Прага, 1923. 230 с.
674. **Циммерман М. А.** Вмешательство и признание в международном праве. Прага: Пламя, 1926. 248 с., приложения.
675. **Чавага К.** Не було «Молодої Гвардії» // Франкова криниця. 1995. № 45–46. С. 6–7.
676. **Чаленко Р. К.** Здійснення віковічної мрії українського народу. Київ: Вид-во Київського ун-ту, 1960. 266 с.
677. **Чицовський М.** Міжнародноправове значення акту 30 червня // Альманах «Гомону України», 1991. Торонто: Гомін України, б. р. С. 75–82.
678. **Чубарьян А. О., Белоусова З. С. и др.** Европа XX века: проблемы мира и безопасности. М.: Международные отношения, 1985. 267 с.
679. **Шандор В.** Об'єднані нації і наша справа // Ювілейний альманах Українського Братського Союзу з нагоди 75 ліття. 1910–1985 / Ред. Корбутяк Д. Woodstock, Md: УБС, б. р. С.178–184.
680. **Шармазанашвили Г. В.** От права войны к праву мира. М.: Международные отношения, 1967. 192 с.
681. **Шармазанашвили Г. В.** Понятие самопомощи в международном праве // Советский ежегодник международного права, 1959. С. 300–312.

682. **Шармазанашвили Г. В., Цикунов А. К.** Право народов и наций на свободу и независимость. М.: Ун-т дружбы народов, 1987. 80 с.
683. **Шаравин А. А.** Советские топографы были лучше немецких // Военно-исторический журнал. 1999. № 6. С. 16–25.
684. **Швагуляк М. М.** Західноукраїнська суспільність напередодні та під час німецько-польської війни 1939 р. // Україна: Культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 1. Київ: Наукова думка, 1992. С. 143–172.
685. **Швагуляк М. Н.** Украина в экспансионистских планах германского фашизма (1933–1939 гг.). Киев: Наукова думка, 1982. 246 с.
686. **Шевцов В. С.** Государственный суверенитет: (вопросы теории). М.: Наука, 1979. 300 с.
687. **Шевчук В. П., Тараненко М. Г.** Історія української державності: Курс лекцій: навчальний посібник. Київ: Либідь, 1994. 480 с.
688. **Шестаков Л. Н.** Императивные нормы в системе современного международного права. М.: Изд-во МГУ, 1982. 120 с.
689. **Шийчук В. О.** Діяльність трудящих західних областей УРСР у місцевих Радах (1939–1941 рр.) // Український історичний журнал. 1974. № 11. С. 75–78.
690. **Шиловцев Ю. В.** Радянсько-німецький пакт від 23 серпня 1939 р. // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей / НАН України, Ін-т історії України. Київ, 2001. Вип. 5. С. 72–76.
691. **Ширер У.** Взлет и падение Третьего Рейха: В 2-х т. / Пер. с англ.; Предисл. Ржешевский О. А. М.: Воениздат, 1991. Т. 1. 653 с.
692. **Ширер У.** Взлет и падение Третьего Рейха: В 2-х томах / Пер. с англ.; Под ред. Ржешевского О. А. М.: Воениздат, 1991. Т. 2. 528 с.
693. **Шлепаков А. М.** В роки наростання воєнної небезпеки (1929–1940). Київ: Держполітвидав України, 1963. 54 с.
694. **Шлепаков А. М.** Україна в планах міжнародної реакції напередоні Другої світової війни. Київ: Держполітвидав України, 1959. 65 с.
695. **Штуби Г.** Международно-правовые аспекты немецкого объединения // Советское государство и право. 1991. № 10. С. 87–97.
696. **Шуршалов В. М.** Международные правоотношения. М.: Международные отношения, 1971. 239 с.
697. **Шуршалов В. М.** Основания действительности международных договоров. М.: АН СССР, 1957. 232 с.
698. **Шуршалов В. М.** Право международных договоров: Учебное пособие. М.: Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы, 1979. 81 с.

699. **Юзьвяк Ф.** Польская рабочая партия в борьбе за национальное и социальное освобождение / Авт. пер. с польск. Ломко Я. А.; Под ред. Хренова И. А. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. 255 с.
700. Як це було: Епізоди героїчного визволення народу Західної України. Київ: Держполітвидав УРСР, 1939. 48 с.
701. **Якобсен Г.** Военные цели Гитлера в 1939–1943 гг. // Вторая мировая война: Материалы. Кн. 1. М.: Наука, 1966. С. 279–297.
702. **Яковлев Н. Н.** Франклин Д. Рузвельт и американо-советское сотрудничество // Вторая мировая война: Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией. Кн. 1. М.: Наука, 1966. С. 377–378.
703. Ялтинская конференция 1945. Уроки истории: Материалы симпозиума (Ялта, 6–7 февр. 1985 г.). М.: Наука, 1985. 192 с.
704. **Яновский М.** Проблема «приобретения» государственной территории в международном праве. Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. 43 с.
705. **Adams H.** 1942. The Year that Doomed the Axis. New York: David Mc Kay Co, Inc., 1967. 522 p.
706. **Adomeit H.** Soviet Risk-Taking and Crisis Behavior. A Theoretical and Empirical Analysis. London – Boston – Sydney: George Allen and Unwin, 1982. 375 p.
707. **Ajnenkiel A., Panecki T.** Druga wojna światowa. Przypisy, uzupełnienia, komentarze. Warszawa: Ypsilon, 1995. 400 s., mapy.
708. Aktualne zasadnienia zasadni prawa międzynarodowego / Red. Wolfke K. Wroclaw: Wyd. Wrocławskiego Uniwersitetu, 1984. 100 s.
709. **Alexandrow G.** Faczyzm – okrutny wrog ludzkości. M: Wyd. lit. w jez. obcych, 1943. 88 s.
710. **Allen W.** The Ukraine. New York: Russell & Russel, Inc., 1963. 404 p.
711. American Views of Soviet Russia. 1917–1965. Edited by Peter G. Filene. Homewood, Illinois: The Dorsey Press, 1968. 404 p.
712. An Introduction to International Law / Starke J. G., Q. C., B. C. L. (Oxon). London: Butterworth, 1963. XXVI, 524 p., Index (31 p.).
713. **Anders W.** An Army in Exile: The Story of the Second Polish Corps. New York: Macmillan, 1949. 319 p.
714. **Anders W.** Bez ostatniego rozdziału. Wspomnienia z lat 1939–1946. Wydanie trzecie przejrzane i poprawione. Londyn: Gryf Publishers Ltd., 1959. 408 s.

715. **Armstrong J.** Ukrainian Nationalism 1939–1945. New York: Columbia University Press, 1955. 322 p.
716. **Aspaturian V.** Diplomacy in the Mirror of Soviet Scholarship // Contemporary History in the Soviet Mirror. New York – London: Frederick A. Praeger Publishers, 1964. P. 243–274.
717. **Aspaturian V.** The Soviet Union in the World Communist System. Stanford: The Hoover Institution of War, Revolution and Peace, 1966. 96 p.
718. **Aspaturian V.** The Union Republics in Soviet Diplomacy. A Study of Soviet Federalism in the Soviet Foreign Policy. Geneve-Paris: Librairie E. Droz & Librairie Minard, 1960. 228 p.
719. **Bassarab J.** Postwar Writings in Poland on Polish-Ukrainian Relations. 1945–1975 // Poland and Ukraine. Past and Present. Edited by J. Potichnyi. Edmonton – Toronto: The Canadian Institute of the Ukrainian Studies, 1980. P. 247–270.
720. **Batowski H.** Z dziejów dyplomacji polskiej na obyczynie: (wrzesień 1939 – lipiec 1941). Krakow – Wrocław: Wydawnictwo Literackie, 1984. 453, [2] s., [6] k. tabl.
721. **Bengston J. R.** Nazi War Aims. The Plans for the Thousand Year Reich. Rock Island, Illinois: Augustana College Library, 1962. 155 p.
722. **Benns L.** Europe since 1914 in its World Setting / 6-th ed. New York: F. S. Crofts & Co, 1945. 672 + 92 p.
723. **Berezowski C., Libera K., Goralczyk W.** Prawo międzynarodowe publiczne / Pod red. Ceserego Berezowskiego. Warszawa: Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego, 1962. 520 s.
724. **Bethel N.** The War Hitler Won. The fall of Poland, September, 1939. New York-Chicago-San-Francisko: Holt, Rinehart and Winston, 1972. 472 p.
725. **Bierzanek R., Symondes J.** Prawo międzynarodowe publiczne. Warszawa: PWN, 1985. 439 s.
726. **Bishop J., William W.** International Law. Cases and Materials. 3-d ed. Boston – Toronto: Little, Brown & Co, 1971. XVI, 1122 p.
727. **Bonusiak W.** Jozef Stalin (biografia). Krakow: Malopolska Oficyna Wydawnicza, 1992. 207 s.
728. **Bonusiak W.** Polska podczas II wojny światowej. Rzeszow: Wyd. Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1995. 513, [1] s., mapy.
729. **Bonusiak W.** Przyłosz Malopolski w Programach Konspiracyjnych Stronnictw Politycznych podczas II Wojny światowej // Galicja i jej dziedzictwo. T. I. Historia i polityka. Rzeszow, 1994. S. 237–254.

730. **Bor-Komorowski T.** Armia Podziemna. Londyn: Veritas, 1952. 493 s.
731. **Bregman A.** Najlepszy sojusznik Hitlera. Studium współpracy niemiecko-sowieckiej 1939–1941. Warszawa: Zespol, 1989. 160 s.
732. **Brierly J.** The Law of Nations. An Introduction to the International Law of Peace. Oxford: Clarendon Press, 1928. 228 p.
733. **Bruce G.** Second Front Now! The Road to D-Day. London: McDonald & Johnes, 1979. 193 p.
734. **Bruun G.** The World in the Twentieth Century. 3-d ed. Boston: D.C. Heath and Co, 1957. 818 p.
735. **Brzezinski Z.** The Soviet Block. Unity and Conflict. Revised and Enlarged Edition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1967. 599 p.
736. **Budunowycz B. B.** Polish-Soviet Relations, 1932–1939. New York: Columbia University Press, 1963. 229 p., Bibl.
737. **Cardwell A.** Poland and Russia. The Last Quoter Century. New York: Sheed and Ward, 1944. 251 p.
738. **Carman E.** Soviet Imperialism: Russia's Drive toward World Domination. Washington: Public Affairs Press, 1950. 175 p.
739. **Carr E. H.** German-Soviet Relations Between Two World Wars, 1919–1939. Baltimore: The John Hopkins Press, 1951. IX, 146 p.
740. **Carr E. H.** International Relations between the Two World Wars (1919–1939). London: McMillan & Co, Ltd, 1950. 303 p.
741. Cases and Other Materials on International Law / Ed. by Manley O. Hudson. 3-d ed. St Paul, Minn.: West Publishing Co., 1951. XLIII, 712, Appendices (total – 770 p.).
742. **Cesarz Z.-K.** Polska a Liga Narodow kwestie terytorialne w latach 1920–1925. Studium prawno-polityczne. Wroclaw: Wydawnictwo Uniwersytetu Wroclawskiego, 1993. 216 s.
743. **Chlebowski C.** Wachlarz: Monografia wydzielonej organizacji dywersyjnej Armii Krajowej. Wrzesien 1941 – marzec 1943. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1983. 353, [3] s., mapy.
744. **Ciechanowski J.** Defeat in Victory. Garden City – New York: Doubleday, 1947. 397 p.
745. **Ciechanowski J.** The Warsaw Rising of 1944. Cambridge: University Press, 1974. 332 p.
746. **Ciechanowski J.** Powstanie Warszawskie: Zarys podloza politycznego I dyplomatycznego. Warszawa: Panst. Instytut Wydawniczy, 1984 (1987, 1989). 533 s.

747. **Ciesielski S., Hryciuk G., Srebrakowski A.** Masowe deportacje radzieckie w okresie II Wojny światowej. Wrocław, 1994.
748. **Ciesielski S.** Polska – kresy – polacy: Studia Historyczne. Wrocław, 1994. 192 s.
749. **Clark A.** Barbarossa. The Russian-German Conflict, 1941–1945. New York: William Morrow & Co, 1965. 522 p.
750. **Clarkson J.** A History of Russia. New York: Random House, 1964. 857 p.
751. **Coates W. P. Zeldas.** A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1944. XVI, 816 p.
752. **Cobban A.** The National State and National Self-Determination. New-York: Thomas J. Crowel Co, 1969. 309 p., Index (Total – 318 p.).
753. **Cobban A. A.** History of Modern France. Vol. 3. France of the Republics (1871–1962). 9 ed. New York: Penguin Books, 1978. 272 p.
754. Cold War Critics. Alternatives to American Foreign Policy in the Truman Years. Edited with Introduction by Thomas G. Paterson. Chicago: Quadrangle Books, 1971. 313 p.
755. **Cole G. D. H.** Socialism and Fascism 1931–1939. London: MacMillan & Co, Ltd, 1961. 351 p.
756. **Colier B.** Barren Victories: Versailles to Suez. The Failure of Western Alliance, 1918–1956. New York: Doubleday & Co, 1964. 302 p.
757. **Commager H. S.** The Story of the Second World War, Edited with Historical Narrative. Boston: Little, Brown & Co, 1945. 578 p.
758. **Conot R.** Justice at Nuremberg. The First Comprehensive Dramatic Account of the Trial of the Nazi Leaders. New York – Cambridge – Philadelphia – San Francisko – London – Mexico City – São Paulo – Sydney, 1983. 593 p.
759. Contemporary History in the Soviet Mirror. New York – London: F. Praeger, 1964. 331 p.
760. **Corbett P.** Short Study of International Law. Garden City, New York: Doubleday & Co, Inc., 1955. 55 p.
761. **Cornwell R. D.** World History in the Twentieth Century. London – Harlow: Longmans, 1969. 426 p.
762. **Crocker G. N.** Roosevelt's Road to Russia. Chicago: Henry Regnery Co, 1959. 312 p.
763. **Cytowska E.** Polska i Włochy 1939–1940 // Wiez (Warszawa). 1978. № 9 (245).

764. **Dallek R.** Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. New York: Oxford University Press, 1979. 657 p.
765. **Davies N.** God's Playground. A History of Poland. Vol. II: 1795 to Present. Oxford: Clarendon Press, 1982. 725 p.
766. **Dawson R.** The Decision to Aid Russia 1941. Foreign Policy and Domestic Politics. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1959. 315 p.
767. **Deane J.** The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. Bloomington-London: Indiana University Press, 1973. 344 p.
768. **Debicki R.** Foreign Policy of Poland. From Rebirth of Polish Republic to World War II. New York: Frederick A. Praeger, 1962. XI, 192 p.
769. Deportacje i przemieszczenia ludnosci polsciej w glab ZSSR 1939–1945. Przeglad pismiennictwa pod red. T. Walichnowskiego. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989.
770. **Devis L. E.** The Cold War Begins: Soviet-American Conflict Over Eastern Europe. Princeton (NY): Princeton University Press, 1974. X, 427 p.
771. **Divine R. A.** Roosevelt and World War II. Baltimore: The John Hopkins Press, 1969. 107 p.
772. **Dmytryshin B.** A History of Russia. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall Inc., 1977. 645 p.
773. **Drobner B.** Bezustanna walka. Wspomnienia 1936–1944. T. III. Warszawa: Panstwowy Instytut Wydawniczy, 1967. 214 s.
774. Druga wojna swiatowa. Uzupelnienia, komentarze / Prof. Andrzej Ajnenkiel, prof. Tadeusz Panecki. Warszawa: Bellona, 1985. 400 s., mapy.
775. **Dukes P.** A History of Russia. Medieval, Modern, Contemporary. London: Hagel, Watson E. Vilney, Ltd., 1974. 361 p.
776. **Dupui R.-J.** International Law. Printed in Belgium. UNESCO, 1967. 153 p.
777. **Duraczynski E.** Uklady Sikorski-Majski. "Dzieje najnowsze". Zeszyt 1. Warszawa, 1987.
778. **Dziewanowski M. K.** Communist Party of Poland. An Outline of History. Cambridge, Massachesets: Harvard University Press, 1959. XVI, 269 p.
779. **Eberhardt P.** Polska granica wshodnia 1939–1945. Warszawa, [s.a]: Editions spotkania. 223 s., mapy.

780. **Eggleson G.** Roosevelt, Churchill and World War II Opposition. A Revisionist Autobiography. Old Greenwich: The Devin Adair Co, 1971. 255 p.
781. Encyclopedia of Ukraine. Map and Gazeteer. Edited by Volodymyr Kubijovyc. Toronto – Buffalo – London: University of Toronto Press, 1985. 30 p.
782. Encyclopedia of Ukraine. Vol. I. A-F. Ed. by Volodymyr Kubijovyc. Toronto – Buffalo – London: University of Toronto Press, 1985. 952 p.
783. Encyclopedia of World War II. Edited be Thomas Parrish. London: Secker & Warburg, 1978. 767 p.
784. **Enrlich L.** Poland and Danzig. London: Tonbridge, [s.a.]. (Odbitka z The Nineteenth Century and After. Kwiecen 1925). 9 p.
785. **Feis H.** Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1960. 367 p.
786. **Feis H.** Churchill, Roosevelt, Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957. 692 p. Maps. Bibliogr.
787. **Fenwick Ch.** Cases on International Law. 2-d ed. Chicago: Callahan & Co, 1951. XVII, 886 p. Index (total – 895 p.).
788. **Fleming D. F.** The Cold War and It's Origins. 1917–1960. Vol. I. 1917–1950. London: Rushkin House, George Allen & Unwin Ltd., 1961. XX, 540 p.
789. **Flynn J. T.** The Roosevelt's Myth. Revised edition. New York: The Devin Adair Co, 1956. 465 p.
790. **Friszke A.** Jalta I Poczdam w polskich koncepcjach politycznych (1945–1947) // Jalta, Pocsdam. Process podejmowania decyzji. Warszawa, 1996.
791. **Gardner B.** The Year that Changed the World. 1945. New York: Mc Caun, Inc., 1963. 356 p.
792. **Garthoff R. L.** Military Influences and Instruments // Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective. Edited by Ivo Lederer. New Heaven and London: Yale University Press, 1962. P. 243–274.
793. **Gati Ch.** The Block That Failed. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1990. 226 p.
794. **Gellman I.** Secret Affairs: Roosevelt, Cordell Hull, and Sumner Welles. Baltimore – London: The Johns Hopkins Press, 1995. 499 p.

795. **Glahn G, von.** Law among Nations. An Introduction to Public International Law. New York – London: The Macmillan Co; Collier Macmillan Ltd, 1981. 734 p. + Table of Cases, Index (Total – 768 p.).
796. **Gomulka W.** Zwyciestwo Polski w Poczdamie // Glos Ludy. 1945. 5 sierpnia.
797. **Goodrich L., Simons A.** The United Nations and the Maintance of International Peace and Security. Washington: Brookings Institution, 1955. 709 p.
798. **Goralczyk W.** Prawo miedzynarodowe publiczne w zarysie. Warszawa: PWN, 1977. 452 s.
799. **Gould W.** An Introduction to International Law. New York: Harper & Brothers Publishers, 1957. 736 p., Bibl., Indexes. (Total – 809 p.).
800. **Grabski S.** Mysli o dziejowej drodze Polski. Glasgow: Ksiaznica Polska, 1944. 187 p.
801. **Grabski S.** Na nowej drodze dziejowej. Warszawa, 1946. 112 s.
802. **Grabski S.** Ziemia Czerwicska, odwieczna, nierozerwalna czesc Polski. Lwow: TSL, 1939. 32 s.
803. **Grabski W. J.** 200 miast wrocilo do Polski: Informator Historyczny. 2-gie wyd. Poznan: Wydawnictwo zachodnie, 1949. 546 s.
804. Guide to the Study of the Soviet Nationalities. Non-Russian Peoples in the USSR. Edited by S. Horak. Littleton, Colorado: Libraries Unlimited, Inc., 1982. 265 p.
805. **Halecki O.** Borderlands of Western Civilisation. A History of East-Central Europe. New York: The Ronald Press Co, 1952. 503 p.
806. **Halecki O., ed.** Poland. New York: Published for the Mid-European Studies Center of the Free Europe Comitee by Praeger, 1957. 601 p.
807. **Harcave S.** Russia / A History. 3-d ed. Chicago – Philadelphia – New York: J.B. Lippincot Co, 1956. 667 p.
808. **Harrison Th. C., Hamm W. A.** Modern Europe. Revised. New York: Henry Holt and Co, 1945. 886 p.
809. **Hazard J., Shapiro I., Maggs P.** The Soviet Legal System. Contemporary Documentation and Historical Commentary. Dobbs Ferry, New York: Oceana Publications, 1969. 667 p.
810. **Higgins T.** Hitler and Russia. The Third Reich in Two-Front War 1937–1943. New York: The McMillan Co, 1966. 310 p.
811. **Hoelig A. A.** America's Road to War: 1939–1941. London – New York – Toronto: Abelard – Schuman, 1970. 178 p.

812. **Hudson M.** Cases and other Materials on International Law. 3-d ed. St Paul: Minnesota West Publishing Co, 1951. 770 p.
813. International Law. Cases and Materials. 2-d ed. / Louis Henkin, Richard C. Pugh, Oskar Schlachter, Hans Smith. St Paul, Minnesota: West Publishing Co., 1987. LXXII, 1517 p.
814. **Irons P.** Justice at War. The Story of the Japanese American Internment Cases. New York – Oxford: Oxford University Press, 1983. 407 p.
815. **Jacewicz A.** Pojście siły w Karcie Narodów zjednoczonych. Warszawa: Wyd. Min. obrony nar., 1977. 176 s.
816. **Jacobson M.** The Diplomacy of Winter War. An Account of the Russo-Finnish War, 1939-1940. Cambridge: Harward University Press, 1961. 281 p.
817. **Janta A.** Bound with Two Chains. New York: Roy, 1945. 234 p.
818. **Jasudowicz T.** Wpływ zmiany okoliczności na obowiązywanie umów międzynarodowych. Norma rebus sic stantibus. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1977. 297 s.
819.  **Jedrzejewicz W.**, ed. Poland in British Parliament 1939–1945. Vol. I. British Guarantees to Poland to the Atlantic Charter /March 1939–August 1941/. New York: Josef Pilsudski Institute of America, 1946. 493 p.
820. **Kaczmarek F.** Polska Barborka // Karta, 30, 2000. S. 106–112.
821. **Kaizer R.** The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. 471 p.
822. **Kamenetsky I.** Secret Nazi Plans for Eastern Europe. Study of Lebensraum Policies. New York: Bookman Assosiates, 1961. 263 p.
823. **Karski J.** Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945: Od Wersalu do Jalty. Kraków: Wszechnica Społeczno-Polityczna, 1989. 398 s.
824. **Keegan G.** Barbarossa: Invasion of Russia 1941. London: McDonald & Co Ltd, 1971. 159 p.
825. **Kennan G.** American Diplomacy 1900–1950. London: Secker & Warburg, 1953. 146 p.
826. **Kennan G.** Russia and the West under Lenin and Stalin. London: Hutchinson & Co, Ltd, 1961. 411 p.
827. **Kennan G.** Soviet Foreign Policy 1917–1941. Princeton, New Jersey – Toronto – London – New York: D. Van Nostrand Co, 1960. 192 p.
828. **Kennan George F.** The United States and the Soviet Union, 1917–1976 // Two Hundred Years of American Foreign Policy. Ed. by Bundy W. P. New York, 1977, p. 143–180.

829. **Kirkor S.** Rozmowy polsko-sowieckie w 1944 r. // "Zeszyty Historyczne". Zeszyt 22. Paryż: Instytut Literacki, 1972.
830. **Kissinger H. A.** American Foreign Policy. Three Essays. New York: W. Norton & Co, Inc., 1969. 143 p.
831. **Klafkowski A.** Podstawy prawne granicy Odra-Nisa na tle umów: Jaltanskiej i Poczdamskiej. Poznań: Institut Zachodni, 1947. 100 s.
832. **Klafkowski A.** Prawo międzynarodowe publiczne. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1964. 365 s.
833. **Kochanowski J.** Przesunięcie granic // Karta, 24. Czerwiec 1998., S. 65–68.
834. **Kolarz W.** Communism and Colonialism. Edited by G. Gretton. New York: St. Martins Press Inc., 1964. 147 p.
835. **Kolarz W.** Russia and her Colonies. New York: Frederick A. Praeger, 1955. 325 p.
836. **Kolko G.** The Politics of War. Allied Diplomacy and the World Crisis of 1943–1945. London: Weidenfeld & Nicolson, 1969. 685 p.
837. **Komarnicki T.** Jaltanski rozbior Polski w świetle prawa narodów // Jalta wczoraj i dzisiaj. Wybór publicystyki 1944–1985. London, 1985. S. 51–96.
838. **Komorowski T. B.** Armia podziemna. Warszawa: Bellona, 1994. 493, [3] s.
839. **Korbel J.** Twentieth Century Czechoslovakia: The Meaning of Its History. New York: Columbia University Press, 1977. 346 p.
840. **Kot S.** Conversations with Kremlin and Dispatches from Russia. London – New – York – Toronto: Oxford University Press, 1963. 285 p.
841. **Kot S.** Listy z Rosji do Gen. Sikorskiego. Londyn: Jutro Polski, 1959. 322 s.
842. **Kowalski W. T.** Polityka zagraniczna RP: 1944–1947. Warszawa: Księska i Wiedza, 1971. XIII, 422 s.
843. **Kowalski W. T.** Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945). Warszawa: Księska i Wiedza, 1979. 746, kart.
844. **Kowalski W. T.** Wielka koalicja 1941–1945. T. 1: 1941–1943. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1973. 832 s.
845. **Kowalski W. T.** Wielka koalicja 1941–1945. T. 2: 1944. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1975. 728 s.
846. **Kowalski W. T.** Wielka koalicja 1941–1945. T. 3: 1945. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1978. 896 s.

847. **Kruczkowski A.** Polityka zagraniczna Polski Ludowej. Warszawa: Ksiazka i Wiedza, 1966. 161 s.
848. **Krzesinski A.** Polands Rights to Justice. New York: Devin Adair Co, 1946. 120 p.
849. **Krzesinski A.** W obronie Polski. Chicago: Polish American Book Co, 1949. XIII, 470 s.
850. **Kuklis E.** Z dziejow ewakuacji Armii Polskiej z ZSSR na Bliski Wschod w 1942 r. // Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materaly. Warszawa, 1976. T. 14.
851. **Kulicka G.** Repatriacja Polakow z ZSSR. Umowa Modzelewski-Wyszynski // Historia i zycie. 1988. № 4. S. 1–8.
852. **Kulski W.** Pamietnik bylego polskiego dyplomaty // Zeszyty Historyczne. 6. 1976. № 42.
853. **Kusniers B.** Stalin and the Poles: An Indictment of the Soviet Leaders. London: Hollis & Carter, 1949. 317 p.
854. **Labuda G.** Dzieje granicy polsko-niemieckiej jako zagadnienie badawcze // Problem granic i obszary odrodzonego Państwa Polskiego (1918–1990). Poznan: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1991. S. 11–47.
855. **Lane A.** I Saw Poland Betrayed. An American Ambassadors Reports to American People. Indianapolis: Bobs-Merrill, 1948. 344 p.
856. **Lane P.** The USSR in the Twentieth Century. London: B. T. Batsford, Ltd., 1978. 94 p.
857. **Langer W., Gleason E.** The Undeclared War. 1940–1941. New York: Council of Foreign Relatoins, Inc., 1953. 963 p.
858. **Langsam W.** Historic Documents of World War II. Princeton – Toronto – London – New York: D. Van Nostrand Co, Inc., 1958. 192 p.
859. **Larson T.** Soviet-American Rivalry. New York: W.W. Norton & Co, Inc., 1978. 308 p.
860. **Lawrence J.** A History of Russia. New York: Farnar, Straus and Gudahy, 1960. 372 p.
861. **Leach B. A.** A German Strategy against Russia, 1939–1941. Oxford: Clarendon Press, 1973. 308 p.
862. **Lensen C. A., ed.** Russia's Eastward Expansion. Englewood Cliffs: Prentice Hall Inc., 1964. 184 p.
863. **Leszczycki S.** Prace polskich geografow przy ustalaniu granic panstwa polskiego na konferencjach w Wersalu 1919 i w Poczdamie 1945 // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1978. № 24, z. 2. S. 291–308.

864. **Liddel H. B.** History of Second World War. London: Pan Books Ltd, 1973. 829 p.
865. **Lippman W.** US War Aims. Boston: An Atlantic Monthly Press Book, 1944. 235 p.
866. **Liska G.** Russia and World Order. Strategic Choises and Laws of Power in History. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1980. 194 p.
867. **Lojek J. (Jerzewski L.).** Agresja 17 wresnia 1939. Studium aspektow politycznych. Wyd. 3. Warszawa: Instytut wydawniczy Pax, 1990. 204 s.
868. **Lukacs J.** The Great Powers and Eastern Europe. New York: American Book Co, 1953. 878 p.
869. **Lukas R.** The Strange Allies. The United States and Poland, 1941–1945. Knoxville: The University of Tennessee Press, 1978. 230 p.
870. **Macartney C. A., Palmer A. W.** Independent Eastern Europe. A History. London: Macmillan & Co, Ltd, 1962. 499 p.
871. **Magocsi P. R.** Galicia. A Historical Survey and Bibliographic Guide. Toronto – Buffalo – London: Canadian Institute of Ukrainian Studies and Harvard Press, 1983. 299 p.
872. **Magocsi P.** The Rusyn-Ukrainians of Chechoslovakia. An Historical Survey. Wien: Wilhelm Braumuller, 1983. 93 p.
873. **Majdalny F.** The fall of Fortress Europe. New York: Doubleday & Co, Inc., 1968. 442 p.
874. Major Problems of American Foreign Policy: Documents and Esseys. Lexington /Mass./ Toronto: Heath, 1978. Vol. 2: Since 1914. 525 p.
875. **Malawer S.** Studies in International Law. Second ed. Buffalo, New York: William S. Hein & Co, Inc., 1977. 388 p.
876. Maly rocznik statystyczny. Rok 1939. Warszawa: Nakladem Glownego Urzedu Statystycznego, 1939. XXXIII, 424 s.
877. **Mangone G.** The Elements of International Law. Revised Edition. Homewood, Illinois: The Dorsey Press, 1987. 532 p.
878. **Manning C.** The Story of Ukraine. New York: Philosophical Library, 1947. 326 p.
879. **Manning C.** Ukraine under the Soviets. New York: Bookman Associates, 1953. 223 p.
880. **Marcus V.** Religion and Nationalism in Ukraine // Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics / Ed. by P. Ramet. Durham and London: Duke University Press, 1989. 516 p., p. 138–170.

881. **Mason D.** Who's who in World War II. Boston – Torinto: Little, Brown & Co, 1978. 363 p.
882. **Matuszewski I.** O co walczymy? – (Londyn): Nakladem zwiazki obrony narodowej imienia Josefa Pilsudskiego, 1942. 58 s.
883. **Mazour A. G.** Russia Past and Present. Seventh Printing. Princeton, New Jersey – Toronto – London – New York: D. Van Nostrand Co, Inc., 1958. 785 p.
884. **Mc Cagg W. O.** Stalin Embattled 1943–1948. Detroit: Wayne State University Press, 1978. 423 p.
885. **Meystowicz J.** Wspomnienia ze sluzby zagranicznej // Przed Wrzesniem i po Wrzesniu. Ze wspomnien mlodych dyplomatow II Rzeczypospolitej. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1998. S. 8–70.
886. **Mikolajczyk S.** The Rape of Poland: Pattern of Soviet Aggression. New York: Whittlesey House, 1948. 309 p.
887. **Miller F. T.** History of World War II. Philadelphia-Toronto: The John C. Winston Co, 1945. 967 p.
888. **Mlotecki P.** Powstanie w Czortkowie // "Karta", Nr 5. Czerwiec-lipiec 1991. S. 28–41.
889. **Montanus B.** Polish-Soviet Relations in the Light of International Law. New York: University Publication, 1944. 54 p.
890. **Moorehead A.** Churchill a Pictorial Biography. New York: Viking Press, 1960. 143 p.
891. **Morley F.** The Foreign Policy of the United States. New York: Alfred A. Knopf, 1952. 175 p.
892. **Mowrer E. A.** The Nightmare of American Foreign Policy. New York: Alfred A. Knopf, 1948. 284 p.
893. **Neuman B.** Russias Neighbour – the New Poland. London: Gollancz, 1946. 256 p.
894. **Neuman W.** Making the Peace, 1941–1945: The Diplomacy of the Wartime Conferences. Washington: Foundation of Foreign Affairs, 1950. 101 p.
895. **Nussbaum A.** A Concise History of Law of Nations. New York: The Macmillan Co, 1947. 292 p., App., Index. (Total – 362 p.).
896. **Oppenheim L.** International Law a Treatise. 3-d ed. Ed. by R. F. Roxburg. London: Longmans, Green, 1921. Vol 2. War and Neutrality, 1921. XLIV, 671 p.

897. **Partacz C.** Kwestia ukraińska w polityce Polskiego rządu na uchodźstwie i jego ekspozytur w Kraju (1939–1945). Koszalin: Wydawnictwo Uczelniane Politechniki Koszalińskiej, 2001. 411 s.
898. **Pavies R.** The Truth about Poland. Toronto: World News, 1946. 91 p.
899. **Piekalkiewicz J.** Communist Local Government: A Study of Poland. Athens: Ohio University Press, 1975. 282 p.
900. Politics and Policies of Truman Administration. Edited with an Introduction by Barton J. Berenstein. New York: New Viewpoints. A Division of Franklin Watts, Inc., 1974. 330 p.
901. Polska-ZSRR. Internacjonalistyczna współpraca – historia i współczesność. T. II. Warszawa: Księzka i Wiedza, 1978. 385 s.
902. Problem granic i obszary odrodzonego Państwa Polskiego (1918–1990). Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 1991. 245 s.
903. **Raczyński E.** In Allied London. The Wartime Diaries of Polish Ambassador Count Eduard Raczyński. Introduction by J. Wheeler-Bennet. London: Weidenfeld & Nicolson, 1962. 381 p.
904. **Raczyński E.** W sojuszniczym Londynie. London: Polish Research Center, 1960. 450 p.
905. **Range W.** Franklin D. Roosevelt's World Order. Atlanta: University of Georgia Press "Athens", 1959. 219 p.
906. **Rawski T., Stapor Z., Zamojski J.** Wojna wyzwolencza narodu polskiego w latach 1939–1945. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1968. T. 1. 881 s.; T. 2. Szkice i schematy 81 szt., objasnienia.
907. Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics / Ed. by P. Ramet. London: Duke University Press, 1989. 576 p.
908. **Reshetar J.** A Concise History of the Communist Party of the Soviet Union. New York – Washington – London: Frederic A. Praeger Publishers, 1964. 372 p.
909. **Romanowski W.** ZWZ-AK na Wołyniu 1939–1944. Lublin: Wyd-wo KUL, 1993. 406 s.
910. **Rothwell V.** Britain and the Cold War, 1941–1947. London: Cape, 1982. VII, 551 p.
911. **Rozek E.** Allied Wartime Diplomacy. A Pattern in Poland. New York: John Wiley and Sons, Inc., 1958. 481 p.
912. **Russell R.** A History of United Nations Charter. The Role of the United States 1940–1945. Washington: The Brookings Institution, 1958. 1140 p.

913. Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective. Edited by Ivo Lederer. New Heaven & London: Yale University Press, 1962. 619 p.
914. **Rudnicki T.** Konferencja Teheranska // "Zeszyty Historyczne". Zeszyt 9. 1966.
915. **Sandorski J.** Niewaznosc umow miedzunarodowych. Poznan: Uniwersytet Adama Mieckiewicza. Seria prawo, Nr. 84, 1978. 234 s.
916. **Sawchak W.** The Status of Ukrainian SSR in View of State and International Law. London: Ukrainian Information Service, 1971. 31 p.
917. **Sawczuk K.** The Ukraine in the United Nations Organization. A Study in Soviet Foreign Policy, 1944–1950. New York – London: East European Quarterly: Boulder distributed by Columbia University Press, 1975. 158 p.
918. **Schwartz A.** America and Russo-Finnish War. Washington: Public Affairs Press, 1960. 103 p.
919. **Schlesinger A.** The Age of Roosevelt. Vol. III. The Politics of Upheaval. London – Melbourne – Toronto: Heineman, 1961. 749 p.
920. **Schlesinger A.** A Realistic Attempt to End Spheres of Influence // The Roosevelt Diplomacy and World War II. Edited by R. Dallek. New York – Chicago – San Francisko – Atlanta – Dallas – Montreal – Toronto – London – Sydney: Holt, Rinehaut and Winston, 1970. P. 78–87.
921. **Seaton A.** The Russo-German War 1941–1945. New York – Washington: Praeger Publishers, 1970. 628 p.
922. **Seyda M.** Poland and Germany and the Postwar Reconstruction of Europe. Polish Information Center, 1943. 39 p.
923. **Shirer W.** The Rise and fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. New York: Simon & Schuster, 1960. 1143 p., Notes, Bibl., Index.
924. **Shotwell J., Laserson M.** Poland and Russia. Second printing. New York: Kings Crown Press, 1945. VI, 114 p.
925. **Shwelib E.** Human Rights and the International Community. The Roots and Grows of the Universal Declaration of the Human Rights, 1948–1963. Chicago: Quadrangle Books, 1964. 74 p., Appendixes.
926. **Siwicki M.** Dzieje konfliktow polsko-ukrainskich. T. 3. Warszawa, 1994. 440 s.
927. **Skrzypek S.** The Problem of Eastern Galicia. London: Polish Association for South Eastern Provinces, 1948. 94 p.

928. **Smith G.** American Diplomacy during the Second World 1941–1945. New York-London-Sydney: John Wiley and Sons, Inc., 1965. 193 p.
929. **Snell J.** Illusion and Necessity. The Diplomacy of Global War, 1939–1945. Boston: Houghton Mifflin Co, 1963. 229 p.
930. **Snell J., ed.** The Meaning of Jalta: Big Three Diplomacy and the New Ballance of Power. Baton Rouge: Luisiana State University, 1956. 239 p.
931. **Snyder T.** The Ukrainian Minority in Poland // Ukraine and it's Western Neighbours / Ed. By J. Clem and N. Popson. Cambridge: Harward University press, 2000. P. 67–76.
932. **Sontag R. J., Beddie J. S., eds.** Nazi-Soviet Relations 1939–1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington: Department of State, 1948. 362 p.
933. **Staar R.** The Communist Regimes in Eastern Europe: An Introductin. Stanford: The Hoover Institution of War, Revolution and Peace, 1967. 387 p.
934. **Stercho P.** Diplomacy of Double Morality. Europe's Crossroads in Carpatho-Ukraine 1919–1939. New York: Carpathian Research Center, 1971. 495 p.
935. **Stettinius E.** Roosevelt and Russians. The Yalta Conference. Garden City, New York: Doubleday, 1949. 367 p.
936. **Sudot A.** Polska na szachownicy wielkich mocarstw. Sprawa polska w tainei korespondencji dyplomatycznej (1941–1945). Bydgoszcz-Torun, 1995. 249 s.
937. **Szczesniak A. B., Szota W. Z.** Droga do nikad. Dzialalnosc Organizacji Ukrainskich Nacjonalistow i jej likwidacja w Polsce. Warszawa: Wyd. MON, 1973. 586 s.
938. **Taylor A.** The Origins of the Second World War. New York: Atheneum, 1962. 296 p.
939. The American Image of Russia 1917–1977. Edited and Introduced by Benson Lee Grayson. New York: Frederick Ungar Publishing Co, 1978. 388 p.
940. The Concept of Agression in International Law / Ann Van Wynen Thomas A., J. Thomas, Jr. Dallas: Southern Methodist University Press, 1972. XI, 92 p., Notes (total – 114 p.).
941. The Diplomats 1919–1939. Edited by Gordon Gai and Felix Gilbert. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1953. 700 p.
942. The Foreign Policy of the Soviet Union. Edited by Alwin Rubinstein. New York: Random House, 1960. 459 p.

943. The Historical Encyclopedia of World War II. Edited by Marcel Baudoff and others. Translated from French. New York: Facts on File, Inc., 1980. 548 p.
944. The Outbreak of the Second World War. Design or Blunder? Edited with an Introduction by John B. Snell. Boston: D.C. Heath & Co, 1962. 107 p.
945. The Story of the Second World War. Edited by Henry Steele Commager. Boston: Little, Brown & Co, 1945. 578 p.
946. **Topolski J.** Historia Polski od czasów najdawniejszych do 1990 roku. Warszawa – Krakow: Polczek, 1992. 344 S.
947. **Torzecki R.** Kontakty polsko-ukraińskie na tle problemu ukraińskiego w polityce polskiego rządu emigracyjnego i podzemia (1939–1944) // Dzieje Najnowsze. 1981. Z. 1–2.
948. **Torzecki R.** Kwestia ukraińska w polityce III Rzeczy 1939–1945. Warszawa: Ksiaska i Wiadza, 1972. 376 p.
949. **Torzecki R.** Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej. Warszawa: PWN, 1993. 350 s.
950. **Treadgold D.** Twentieth Century Russia. 2-d ed. Chicago: Rand McNally & Co, 1959. 535 p., Index.
951. Ukraine and Its People. A Handbook with Maps, Statistical Tables and Diagrams. Edited by I. Mirchuk. Munich: Ukrainian Free University Press, 1949. 280 p.
952. Ukraine and Its Western Neighbours / Ed. by J. Clem a.o. Cambridge: Harvard University Press, 2000. 106 p.
953. Ukraine in the World: Studies in the Internationsl Relations of Newly Independent State / Ed. by Lubomyr A. Haida. Cambridge: Harward University Press, 1998. 362 p.
954. **Ulam A.** Expansion and Coexistance. The History of Soviet Foreign Policy 1917–1967. New York – Washington: Frederick A. Praeger Publishers, 1968. 775 p.
955. **Ulam A.** Expansion and Coexistance. Soviet Foreign Policy 1917–1973. 2-d edition New York: Praeger Publishers, 1974. 797 p.
956. **Umiastowski P.** Poland, Russia and Great Britain, 1941–1945. A Study of Evidence. London: Hollis and Carter, 1946. 544 p.
957. W obronie Polski. Chicago: Polish American Book Co, 1949. XIII, 470 s.
958. **Wandycz P.** Czechoslovak-Polish Confederation and the Great Powers. 1940–1943. Indiana University Publication. Slavic and East European Series. Vol. 3. 1956. 152 p.

959. **Warren S.** A Realistic Response to International Conditions // The Roosevelt Diplomacy and World War II. P. 115–120.
960. **Warth R.** Soviet Russia in World Politics. New York: Twayne Publishers, Inc., 1964 /2-d printing/. 544 p.
961. **Wegierski J.** Konspiracja Lwowska. 1939–1944. Słownik biograficzny. Katowice, 1997. 255 s.
962. **Wegierski J.** Lwow pod okupacją sowiecką 1939–1941. Warszawa: Editions Spotkania, 1991. 432 s.
963. **Weinberg G.** The Foreign Policy of Hitler's Germany. Diplomatic Revolution in Europe 1933–1936. Chicago – London: University of Chicago Press, 1970. 397 p.
964. **Weitz J.** Hitler Diplomat: The Life and Times of Joachim von Ribbentrop. New York: Ticknor and Fields, 1992. 376 p.
965. **Werblan A.** Władysław Gomułka Sekretarz Generalny PPR. Warszawa: Ksiazka i Wiedza, 1988. 663 s.
966. **Werth A.** Russia at War 1941–1945. London: Barrie & Rockliff, 1964. 1072 p., Bibl., 1 kart.
967. **Westerfield H.** Instruments of America's Foreign Policy. New York: Thomas J. Crowell Co, 1963. 538 p.
968. **Wiskemann E.** Germany's Eastern Neighbours. Under auspices of Royal Institute of International Affairs. London – New York – Toronto, 1956. 256 p.
969. **Woodward L.** British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I. London: Her Majesty's Stationery Office, 1970. LX, 640 p.
970. **Woodward L.** British Foreign Policy in the Second World War. Vol. II. London: Her Majesty's Stationery Office, 1971. 679 p.
971. **Yaremko M.** Galicia – Halychyna / A Part of Ukraine/. From Separation to Unity. Toronto – New York – Paris: Shevchenko Scientific Society, 1967. 292 p.
972. **Zabiello S.** O rząd i granice. Walka dyplomatyczna o sprawę polską w II wojnie światowej. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1970. 323 s.
973. **Zbiniewicz F.** Armia Polska w ZSRR: Studia nad problematyką pracy politycznej. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1963. 370 s.
974. **Zolynski J.** Włączenie polskich ziem wschodnich do ZSRR (1939–1940): problemy ustrojowe i prawne. Wrocław (Acta Universitatis Wratislaviensis No. 1644. Prawo 233), 1994. 208 s.



Макарчук Владимир Степанович

Государственно-территориальный  
статус западно-украинских земель  
в период Второй мировой войны

Историко-правовое исследование

Переводчик	В. С. Образец
Редактор	Д. С. Валиева
Дизайн и верстка	Т. В. Елесина
Корректор	Т. А. Трофимова

Фонд содействия актуальным историческим исследованиям  
«Историческая память»  
119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 10/2  
Тел./Факс (495) 927-01-93  
[www.historyfoundation.ru](http://www.historyfoundation.ru)

Подписано в печать 27.04.2009. Формат 62x94/16.  
Бумага офсетная. Гарнитура Minion. Печать офсетная.  
Тираж 950 экз.

Отпечатано в типографии “Стрит принт”  
Москва, ул. Дербеневская, д. 20, стр. 2.